СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессоромъ Карповымъ.

Часть III.

ПОЛИТИКА ИЛИ ГОСУДАРСТВО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

СОЧИНЕНІЯ
ПЛАТОНА.

СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

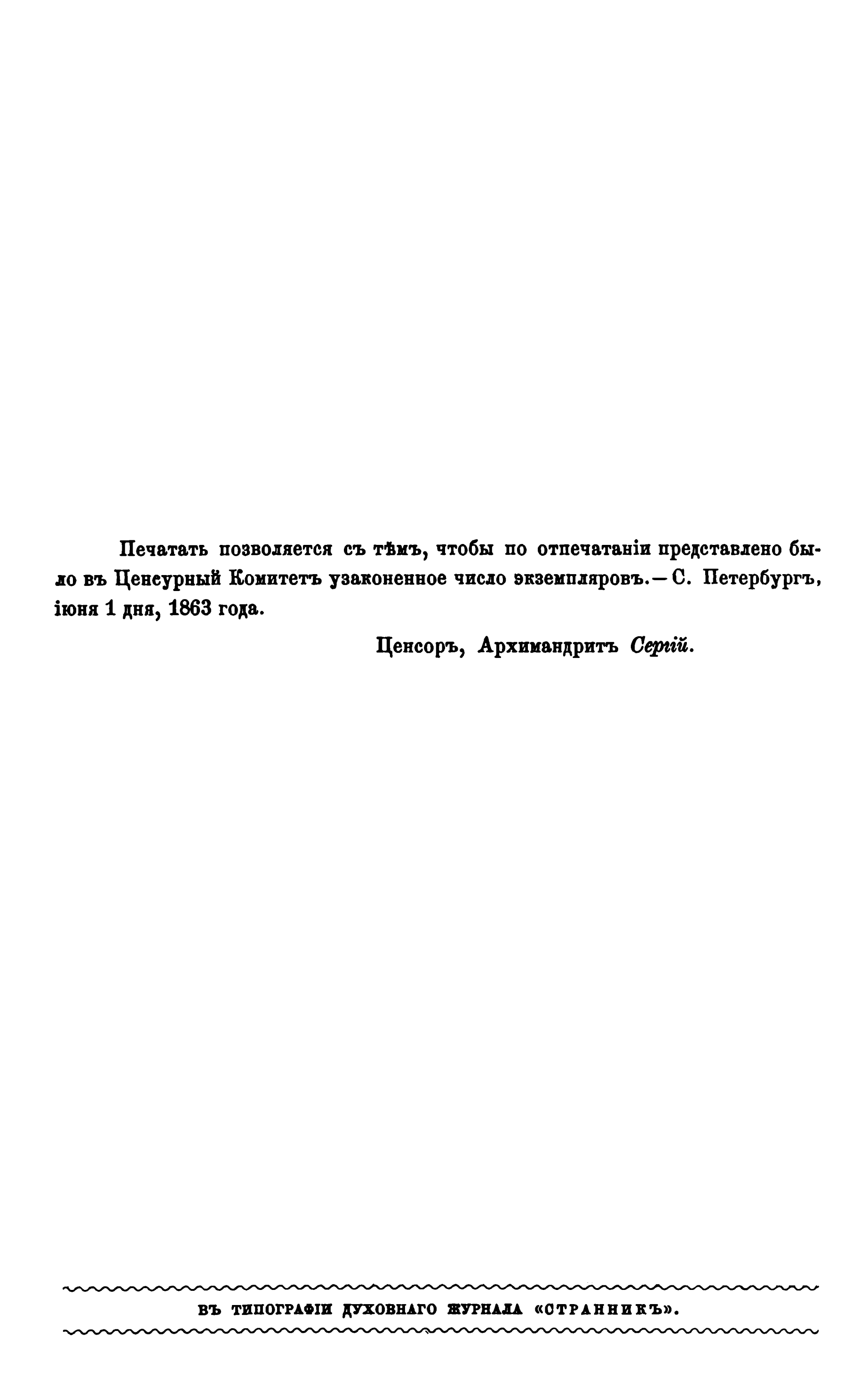
Профессоромъ Карповымъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Часть III.

ПОЛИТИКА ИЛИ ГОСУДАРСТВО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.



Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.— С. Петербургъ, іюня 1 дня, 1863 года.

Ценсоръ, Архимандритъ *Сергій*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

ПОЛИТИКА ИЛИ ГОСУДАРСТВО.

ПОЛИТИКА ИЛИ ГОСУДАРСТВО.

ВВЕДЕНІЕ.

Главная мысль, окрылявшая душу Платона, когда онъ писалъ книги, озаглавленныя общимъ именемъ πολιτεία, съ давнихъ временъ была предметомъ споровъ [1], которые, какъ видно, не прекратились и донынѣ. Лица спорившія расходились въ этомъ отношеніи на двѣ стороны: одни утверждали, что Платонъ въ тѣхъ книгахъ предположилъ себѣ задачу — указать и раскрыть свойства справедливости, и что философствованія его о гражданскомъ обществѣ введены лишь для сообщенія большаго свѣта этой добродѣтели; другіе, напротивъ, думали, что въ нихъ изображается возможно лучшее устройство государства, а разсужденія о справедливости въ этомъ изображеніи имѣютъ только второстепенное значеніе. Сколь ни противорѣчущи эти мнѣнія, но каждое изъ нихъ опирается на основаніяхъ, которыя нельзя почитать неважными и оставить безъ изслѣдованія.

Защитники того мнѣнія, что въ означенныхъ книгахъ

[1] Съ какимъ упорствомъ спорили объ этомъ еще въ древности, можно видѣть изъ разсужденій *Прокла* въ его Commentar. ad Plat. Polit. p. 309 sqq. Между новѣйшими особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи *Клейкеръ* (Præfat. ad Polit. Plat.), *Тидеманъ* (Argumentt. dialogg. Plat. p. 171 sqq.) *Моргенштернъ* (Commentt. d. Plat. Republ. p. 1794), *Теннеманъ* (System. philosoph. Plat. T. IV, 173 sqq.), *Шлейермахеръ* (Platons Werke vol. III. P. 1, p. 3—72), *Зюземиль* (Die Genetische Entwickelung 2 Th. p. 58), *Штальбомъ* (Platonis dialogi selecti Vol. III. sect. 1), котораго взглядъ намъ особенно нравится, и мы поэтому большею частію будемъ держаться образа его мыслей.

дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о наилучшемъ государствѣ, сперва ссылаются на самое заглавіе тѣхъ книгъ и говорятъ, что его нельзя перетолковать, на перекоръ единодушному свидѣтельству древности, такъ какъ оно, по всей вѣроятности, произошло отъ Платона; потомъ берутъ во вниманіе и то, что Платонъ, въ V книгѣ о Законахъ (p. 739. B), государству, требующему общности имуществъ, даетъ первое мѣсто, а управляющемуся законами—второе. Сверхъ того, въ началѣ Тимея [1], о содержаніи политики философъ отзывается такъ, какъ будто въ этомъ сочиненіи только и рѣчи, что о дѣлахъ гражданскихъ. Такихъ основаній отвергать конечно нельзя. Что разсматриваемыя книги словомъ πολιτεία озаглавилъ самъ Платонъ, можно заключить даже изъ того, что это заглавіе придавали имъ всѣ писатели, начиная отъ Аристотеля до позднѣйшихъ отцевъ церкви. Другая надпись—περὶ δικαίου, навязанная имъ Генр. Стефаномъ, изъ древнихъ читателей Платона никому не была извѣстна. Если же заглавіе πολιτεία—въ самомъ дѣлѣ подлинное, то по всей справедливости надобно полагать, что гражданскій вопросъ въ этомъ сочиненіи, по мнѣнію самого писателя, долженъ былъ имѣть важное значеніе и обнимать собою не малую часть цѣлаго. Замѣчательно и то, что Платонъ въ другихъ своихъ діалогахъ, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ разсматриваемаго творенія, указываетъ на него словомъ πολιτεία, а заглавія περὶ δικαίου, при упоминаніи о немъ, нигдѣ не употребляетъ. Отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что описаніе возможно лучшаго государства онъ представлялъ себѣ какъ главную часть своего сочиненія; однакожъ здѣсь видно основаніе для заключенія, что не наилучшее государство описано имъ съ цѣлію—представить въ большемъ свѣтѣ природу справедливости, а скорѣе наоборотъ — природа справедливости раскрыта съ цѣлію рельефнѣе начертать образъ возможно лучшаго государства. Этому мнѣнію, какъ мнѣ кажется, сообщаетъ прав-

[1] См. p. 20 D — 25 D Сн. Crit. p. 103 D.

доподобіе и прекрасный разсказъ Критіаса въ Тимеѣ (p. 20 D — 25. D), написанный, по всей вѣроятности, съ намѣреніемъ — показать, что представленное въ Политикѣ общество всего болѣе идетъ къ тѣмъ людямъ, которые особенно совершенны и близки къ богамъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего бы иначе въ упомянутомъ разговорѣ повторять эту мысль и подтверждать ее новыми доказательствами, еслибы въ Платоновомъ Государствѣ главнымъ образомъ имѣлось въ виду раскрытіе справедливости? Да и то сказать: пусть бы темою разсматриваемаго сочиненія была одна справедливость: тогда представлялось бы очень страннымъ, что о предметѣ боковомъ Платонъ разсуждаетъ съ такою философскою отчетливостію и своими разсужденіями о немъ наполняетъ почти половину цѣлаго своего труда, нерѣдко доходя до такихъ подробностей, которыя къ главному его вопросу вовсе не относятся. Вотъ почти все, чѣмъ доказываютъ свое мнѣніе критики, утверждающіе, что въ означенныхъ книгахъ Платонъ рѣшалъ задачу о возможно лучшемъ государствѣ.

Но не маловажны доказательства и тѣхъ, которые защищаютъ мнѣніе противное, говоря, что существенный вопросъ Политики есть вопросъ о справедливости. Πολιτεία, замѣчаютъ они, тѣмъ и начинается, что предметомъ изслѣдованія поставляется справедливость, а не государство. Притомъ Сократъ въ кн. II, p. 368 C ясно высказываетъ, что такъ какъ природу справедливости въ одномъ человѣкѣ опредѣлить трудно, то онъ хочетъ создать общество, чтобы эта добродѣтель выразилась въ немъ яснѣе и осязательнѣе. А отсюда видно, что всѣ послѣдующія разсужденія о государствѣ направляются только къ раскрытію справедливости и служатъ какбы дополненіемъ и прибавкою къ изслѣдованіямъ этой добродѣтели. Надобно замѣтить и то, прибавляютъ они, что Сократъ, начавъ разговоръ изслѣдованіемъ справедливости, по временамъ снова къ ней возвращается, какъ къ предмету, ради котораго предпринято

изслѣдованіе. Такіе обороты можно видѣть libr. IV p. 434 E. V p. 471 B. C. D. Да и самое, наконецъ, заключеніе Политики выставляетъ на видъ ту мысль, что справедливость должна быть всячески соблюдаема; ибо чрезъ это лишь мы можемъ быть и собою довольны, и безсмертнымъ богамъ благоугодны. Таковы доказательства критиковъ, утверждающихъ, что въ разсматриваемыхъ книгахъ Платона говорится главнымъ образомъ не о государствѣ, а о справедливости.—Такъ какъ эти доказательства взяты изъ самаго содержанія рѣчей Сократа; то имъ надобно, по видимому, приписать еще болѣе силы, чѣмъ первымъ. Посему неудивительно, что почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи Платоновой Политики больше склонялись къ той мысли, что въ ней разсматривается природа справедливости.

Этотъ взглядъ на Политику Платона утвердился особенно съ того времени, когда *Карлъ Моргенштернъ* издалъ прекрасныя свои замѣчанія, въ которыхъ между прочимъ говорится о цѣли всего этого сочиненія. Обстоятельно разсмотрѣвъ и критически взвѣсивъ обоесороннія мнѣнія, о которыхъ мы говорили, онъ старался доказать, что Платонъ, въ своей Политикѣ, главнымъ образомъ предполагалъ раскрыть природу справедливости и вообще добродѣтели, какова она сама по себѣ, и относительно къ проистекающему изъ нея счастію. Съ этою коренною задачею Платона, по его мнѣнію, стоятъ въ связи и многіе другіе вопросы, нетолько способствовавшіе къ объясненію главнаго предмета бесѣды, но и сами по себѣ казавшіеся Платону достойными того, чтобы разсмотрѣть ихъ обстоятельно. Между такими вопросами, по словамъ Моргенштерна, первое мѣсто слѣдуетъ дать тому, который говоритъ о наилучшемъ государствѣ; ибо весь ходъ изслѣдованій, весь порядокъ мыслей въ Политикѣ ясно показываетъ, что, кромѣ изъясненія справедливости, Платонъ болѣе всего старался начертать образъ совершеннѣйшаго общества — съ цѣлію воспитать добродѣтель гражданъ и на этомъ основаніи

утвердить ихъ счастіе. Если же разсужденія Сократа о дѣлахъ гражданскихъ въ Политикѣ Платона дѣйствительно такъ направлены, что всѣ относятся къ добродѣтели; то не могло быть, говоритъ Моргенштернъ, чтобы, при такомъ сопоставленіи ученія политическаго съ ѳическимъ, не представлялось повода къ ограниченію жизни какъ частной, такъ и общественной, одними и тѣми же законами. Этому мнѣнію нисколько не мѣшаетъ то, что все разсматриваемое сочиненіе надписано словомъ *πολιτεία*; ибо если и другіе діалоги Платона получили надписанія по именамъ собесѣдниковъ и иныхъ, часто даже неважныхъ предметовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и эти книги озаглавлены соотвѣтственно не тому, что въ нихъ *τὸ προηγουμένως ζητούμενον*, а тому, что въ сочиненіи стоитъ на второмъ планѣ, — особенно если озаглавить ихъ такимъ образомъ было удобно. А что объ этомъ самомъ государствѣ, которое устроено въ Политикѣ Платона, упоминается также въ діалогѣ о Законахъ и дается ему первое мѣсто; то отсюда еще не слѣдуетъ, что описаніе наилучшаго государства составляетъ главную часть Политики. Въ Тимеѣ же, говоритъ Моргенштернъ, излагается не полная, а краткая рецензія раскрытыхъ въ Политикѣ разсужденій, дающая поводъ догадываться, что цѣль этой рецензіи была частная, имѣвшая въ виду только гражданскія постановленія, а не всецѣлое содержаніе Политики. Эти замѣчанія Моргенштерна конечно остроумны; и неудивительно, что многіе критики, увлеченные ими, приняли образъ его мыслей, особенно когда видѣли, что мнѣнія стороны противной были тонко опровергнуты. Но мнѣ кажется, что Моргенштернъ въ нѣкоторыхъ своихъ замѣчаніяхъ невполнѣ удовлетворителенъ. Не удовлетворяетъ меня ни то, что говоритъ онъ о заглавіи разсматриваемаго сочиненія, ни то, что высказываетъ объ указанныхъ мѣстахъ въ Тимеѣ и въ пятой книгѣ Законовъ; а на то, для чего Платонъ въ своей Политикѣ разсуждаетъ о государствѣ такъ обширно и входитъ въ такія

подробности, у Моргенштерна не намекнуто ни однимъ словомъ, хотя это обстоятельство, при рѣшеніи настоящаго вопроса, весьма важно.

Можно было надѣяться, что этотъ вопросъ удовлетворительнѣе будетъ рѣшенъ *Шлейермахеромъ*, и Шлейермахеръ дѣйствительно занимался имъ. Онъ во многомъ не согласился съ Моргенштерномъ и возвратилъ немало силы доказательствамъ тѣхъ, которые утверждали, что главная задача Платоновой Политики есть устроеніе государства; потому что и надписаніе этого сочиненія, и указанныя мѣста въ Законахъ и Тимеѣ, призналъ важнѣйшими опорами ихъ мнѣнія. Но если частно, въ отношеніи къ этому пункту, онъ противорѣчилъ Моргенштерну, то въ общемъ взглядѣ на содержаніе Политики сходился съ нимъ. Вотъ результатъ изслѣдованій Шлейермахера, выраженный собственными его словами. «Точный анализъ этого сочиненія, говоритъ онъ, показываетъ, что постановленный въ началѣ его вопросъ о потребности праведной и нравственной жизни въ самомъ дѣлѣ есть господствующій; такъ что все, къ нему не относящееся, надобно почитать какбы уклоненіемъ отъ предмета.» Но потомъ: «не сталъ ли бы этотъ Платоновъ Савратъ (въ Тимеѣ) смѣяться надъ предложеннымъ здѣсь разложеніемъ цѣлаго, съ которымъ въ неразрывной связи мысль, что главный предметъ его — справедливость?» Изъ снесенія этихъ словъ видно, что Шлейермахеръ поставляетъ Платона въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, если думаетъ, что, въ Политикѣ объяснивъ главнымъ образомъ силу и превосходство добродѣтели, въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ той же самой Политикѣ приписываетъ другое содержаніе и даетъ ей другую надпись. Чтобы защитить философа отъ этого, произвольно навязываемаго ему противорѣчія, германскій критикъ придумываетъ очень оригинальное предположеніе. Онъ представляетъ себѣ, что Политика Платона съ одной стороны есть сводъ всѣхъ мыслей о различныхъ способахъ умственной и нравственной

дѣятельности человѣка, въ такомъ значеніи, въ какомъ тѣ мысли раскрыты были въ прежде написанныхъ имъ діалогахъ, съ другой — она заключаетъ въ себѣ инициативу новаго порядка идей, вводящихъ человѣческую дѣятельность въ формы гражданской жизни. «Въ чемъ же теперь остается согласиться намъ? спрашиваетъ Шлейермахеръ.—Остается сказать, что Платоновъ Сократъ есть какбы какой-то двулицый Янусъ: въ сочиненіи Платона, носящемъ заглавное имя πολιτεία, онъ, по видимому, смотритъ назадъ; а въ Тимеѣ мы видимъ его смотрящимъ впередъ и обращающимъ взоръ на будущее. Съ этимъ стоитъ въ связи и то, что въ книгахъ Политики есть не мало вопросовъ, которые въ прежнихъ діалогахъ или едва затронутые, или слегка только разсмотренные, теперь разсматриваются обстоятельнѣе, и притомъ такъ, что переплетаются съ другими вопросами, которые въ прежнихъ сочиненіяхъ представлялись сомнительными, а въ настоящемъ сочетаніи мыслей получаютъ опредѣленное значеніе и доставляютъ читателямъ удовольствіе. Въ Тимеѣ же Политика потому только имѣется въ виду, что въ ней начинается новый рядъ разсужденій, въ которыхъ роль Сократа наконецъ передается Тимею, Критіасу и Гермократу. Итакъ въ Политику входятъ двѣ стороны, — и если мы будемъ различать ихъ, то едва ли не найдемъ возможности разогнать мракъ, окружающій отдѣльныя ея части.»

Какъ ни остроумно это предположеніе Шлейермахера, но всякій замѣтитъ, что въ его мнѣніи Политика Платона теряетъ единство предмета и, какъ одно цѣлое, держится только единствомъ Сократовой личности. Такая неудовлетворительность Шлейермахеровыхъ заключеній не скрылась отъ многихъ послѣдовавшихъ за нимъ критиковъ, изъ которыхъ каждый, по этому поводу, представляетъ собственный свой взглядъ на содержаніе разсматриваемаго сочиненія. Такъ, напримѣръ, *Мункъ* иѳическій и политическій его отдѣлы соединяетъ въ одной идеѣ блага и, зерномъ всей

Политики Платона почитая разсужденія о свойствахъ и воспитаніи истиннаго философа, существенную ея часть видитъ въ книгахъ пятой и шестой; *Оргесъ*, желая, сколько возможно далѣе раздвинуть тѣсный объемъ этой существенной ея части, полагаетъ, что идея государства и идея блага— просто одно и то же; *Гернгардъ*, для той же цѣли, устанавливаетъ различіе между φρόνησις, которое, по его мнѣнію, состоитъ въ теоретическомъ знаніи идеи блага, и между σοφία, которая выражаетъ правительственную опытность государственнаго человѣка и, завися отъ справедливости, становится практическою стороною мудрости; *Штейнгартъ* содержаніе діалога находитъ также въ идеѣ блага, которую понимаетъ какъ начало нравственнаго порядка въ мірѣ и средоточіе его развитія, обнаруживающееся въ своемъ развитіи не иначе, какъ порядкомъ гражданскимъ. Всѣ эти взгляды конечно благовидны, и предъ судомъ формальнаго мышленія неукоризненны; но относительно всѣхъ ихъ можно, по справедливости, сдѣлать одно замѣчаніе: они страдаютъ общею болѣзнію послѣдней германской философіи — логическимъ формализмомъ, или притязаніями чисто субъективными; положенія Платона и взаимное отношеніе ихъ — остаются недопрошенными и отсылаются на задній планъ сочиненія. Почему, напримѣръ, въ идеѣ блага, какъ идеѣ нравственнаго міроваго порядка, Платонъ беретъ одинъ моментъ — справедливость? Для чего о гражданскомъ обществѣ разсуждаетъ онъ такъ обширно? Зачѣмъ было съ такою подробностію говорить ему объ отдѣльныхъ частяхъ воспитанія воиновъ, о различныхъ родахъ поэзіи, объ общности женъ и имущества, и о многихъ другихъ предметахъ, которыми даже и не обнаруживается никакая добродѣтель?

Между тѣмъ законы науки требуютъ, чтобы всякое, сообразное съ ея правилами сочиненіе, имѣло цѣлость и единство содержанія, чтобы не было въ немъ ничего, къ его организму неотносящагося. Древніе драматическіе поэты, составляя свои трилогіи изъ какихъ-нибудь миѳи-

ческихъ сказаній, обыкновенно обработывали ихъ такъ, что хотя отдѣльные миѳы представлялись у нихъ частями самостоятельными, имѣющими каждый особую свою организацію, однакожъ предметъ цѣлой драмы предъ глазами ихъ развивался, какъ одинъ и тотъ же. Этого именно можемъ мы, кажется, искать и у своего діалогиста-философа—тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемомъ теперь его діалогѣ говорится о такихъ вещахъ, которыя, при всемъ сродствѣ содержанія, находятся не въ такой близкой связи между собою, чтобы не могли быть отдѣлены одна отъ другой. Мы вовсе не одобряемъ мнѣнія тѣхъ, которые приписываютъ Платону одно какое-нибудь намѣреніе, управлявшее его мыслями при изложеніи Политики, то-есть намѣреніе — либо создать наилучшее государство, либо описать природу справедливости. Хотя разсужденіе Сократа начинается изслѣдованіемъ понятія о правдѣ, однакожъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи оно съ одинакою подробностію раскрываетъ свойства какъ наилучшаго человѣка, такъ и наилучшаго общества. Посему мы не сомнѣваемся, что въ этомъ именно и должна состоять главная задача діалога. Но о двоякомъ его содержаніи слѣдуетъ намъ судить конечно такъ, что оба входящіе въ него вопросы должны содержаться въ объемѣ какой нибудь одной мысли. И если эта мысль будетъ найдена и окажется такою, что прольетъ довольно свѣта какъ на цѣлый діалогъ, такъ и на отдѣльныя его части; то надѣемся, что въ ней все его содержаніе придетъ къ совершенному единству.

Но чтобы открыть ее въ душѣ Платона, мы должны гадать о ней по однимъ главнымъ задачамъ его сочиненія; а для этого намъ слѣдуетъ показать, какимъ образомъ онъ рѣшилъ каждую изъ нихъ, и потомъ вникнуть, какъ изъ этого рѣшенія составилась у него картина человѣческой жизни въ полномъ и всестороннемъ ея развитіи. Не излагая здѣсь непрерывнаго хода Платоновыхъ мыслей, который въ краткихъ обзорахъ будетъ показываемъ предъ на-

чаломъ каждой книги, мы сведемъ сперва все, относящееся къ одной задачѣ діалога, потомъ все, имѣющее отношеніе къ другой. Намъ, выражаясь словами самого Платона и соображаясь съ его понятіемъ, надобно сперва оттѣнить οἰκειοπραγίαν ἠθικὴν каждаго человѣка, потомъ обрисовать форму возможно лучшаго государства. Послѣ этого можно будетъ правильнѣе судить какъ о сродствѣ и связи обѣихъ задачъ, такъ и объ организаціи, цѣли и духѣ всего сочиненія.

Изслѣдованіе начинается раскрытіемъ понятія о справедливости. Но такъ какъ черты ея были нелѣпо перетолковываемы софистами, то въ первой книгѣ и опровергаются различные толки о ней. Потомъ собесѣдники Сократа, Главконъ и Адимантъ, просятъ его разсмотрѣть добродѣтель саму въ себѣ, независимо ни отъ какихъ внѣшнихъ ея интересовъ,—и Сократъ соглашается, только для этого считаетъ нужнымъ напередъ начертать предъ ихъ глазами картину совершеннѣйшаго государства, что и дѣлаетъ, начиная отъ кн. II р. 386 C до кн. IV р. 434 E. Доказавъ въ этой части изслѣдованій, что государственная справедливость усматривается въ неуклонномъ исполненіи своихъ обязанностей всѣми сословіями и въ дружескомъ согласіи всѣхъ гражданъ, онъ далѣе эти же самыя черты приписываетъ справедливости въ душѣ каждаго недѣлимаго, и такое обратное направленіе діалогу даетъ, начиная отъ страницы 435 B; хотя время отъ времени не забываетъ дѣлать рефлексій и къ идеѣ наилучшаго государства.

Въ душѣ человѣческой, говоритъ Сократъ, есть три стороны: разумная, раздражительная и пожелательная. Первая превосходнѣе послѣднихъ и должна господствовать надъ ними. Середину занимаетъ раздражительная. Раздражительность, по своей природѣ, иногда сдружается съ умомъ, проникается любовію къ добродѣтели и противится неистовому желанію. Поэтому, надлежащимъ образомъ умѣряемая и поставляемая въ должные предѣлы, она бываетъ му-

жествомъ, а отвергнувъ владычество надъ собою ума, становится дерзостію. Между тѣмъ раздражительности естественно подавать помощь уму противъ стороны пожелательной, которая не имѣетъ въ себѣ ничего высокаго и божественнаго, и потому, безъ сомнѣнія, должна повиноваться части разумной и раздражительной [1]. Если же въ человѣческой душѣ три стороны, то изъ различныхъ свойствъ и взаимнаго отношенія ихъ возникаютъ четыре добродѣтели: мудрость, мужество, разсудительность и справедливость,—и этими добродѣтелями условливается совершенство человѣка. Мудрость принадлежитъ одному уму, которому свойственно познавать и провидѣть, что полезно каждой сторонѣ души и всей ея природѣ. Такимъ же образомъ и мужество живетъ исключительно въ раздражительности и помогаетъ уму защищать силу его предписаній. Къ этимъ добродѣтелямъ присоединяется разсудительность, выражающая подчиненіе пожелательной стороны души требованіямъ ума и сердца, и умѣряющая ея порывы къ излишествамъ. Но три указанныя добродѣтели имѣютъ значеніе какбы частное; каждая опредѣляетъ дѣятельность одной относящейся къ себѣ силы, а на другія стороны души не простирается. Поэтому-то троица добродѣтелей у Платона увѣнчивается четвертою—справедливостію, безъ которой полнота и совершенство нравственной жизни невозможны. Справедливость сближаетъ и соглашаетъ всѣ три части души; ея дѣйственность видна нетолько въ томъ, что каждая способность въ человѣкѣ выполняетъ свое дѣло соотвѣтственно требованіямъ свойственной себѣ добродѣтели, не давая простора страстямъ чувственности и порывамъ раздражительности, но и въ томъ, что человѣкъ точно такимъ же бываетъ и во внѣшней жизни, каковъ онъ внутренно, самъ въ себѣ, въ своихъ правилахъ и началахъ, и чрезъ то, при всемъ многоразличіи своихъ выраженій, является существомъ единичнымъ, согласнымъ съ собою въ чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ. Кто

[1] См. L. IV, p. 440 A sqq. IX, p. 580 sqq.

бережетъ и поддерживаетъ въ себѣ такое состояніе, тотъ достигаетъ добродѣтели вообще, называющейся здоровьемъ души, красотою и благонастроенностію [1]. А достигаемъ мы ея тогда, когда благороднѣйшія стороны своего существа образуемъ искуствами и науками, особенно философіею, и всю свою жизнь располагаемъ по идеѣ высочайшаго блага. Такое настроеніе нашихъ душъ, говоря словами Платона, есть не иное что, какъ *ἡ ἐν ἡμῖν πολιτεία* [2]. Сила и дѣйственность добродѣтели весьма велики; ибо съ упадкомъ ея падаетъ и истинное счастіе человѣка, разрушается внутреннее его спокойствіе, ограждаемое сознаніемъ порядка и согласія всѣхъ душевныхъ движеній. Съ истинною добродѣтелію всегда соединяется и истинное удовольствіе, и никто въ такой мѣрѣ не наслаждается имъ, какъ истинный мудрецъ. Толпа, даже въ то время, когда думаетъ наслаждаться радостями, ловитъ только тѣни и призраки ихъ. Напротивъ, любителей мудрости и добродѣтели, даже и въ самыя скорбныя минуты ихъ жизни, надобно почитать блаженными. Тѣ не стòятъ вниманія, которые проповѣдуютъ, будто великую истину, что несправедливость изобилуетъ богатствомъ, осыпается почестями, а добродѣтель и правда большею частію далеки отъ этихъ благъ; потому что искать добродѣтели надобно ради самой добродѣтели, и любить ее безъ всякихъ видовъ корысти, хотя и внѣшнія награды иногда бываютъ не чужды ей. Справедливыхъ людей не забываютъ и боги: они награждаютъ всѣхъ любящихъ добродѣтель и старающихся, по своимъ силамъ, восходить къ богоподобію. Въ настоящей жизни это конечно не всегда бываетъ, — уравненіе добродѣтели съ внѣшними благами здѣсь — явленіе рѣдкое: за то въ другой жизни каждому воздается мѣрою законною, ибо духъ нашъ безсмертенъ.

---

[1] См. L. IV, p. 444. D. E. Это здоровье души называется также гармоніею. См. p. 443 D. E. Phædon. p. 93. E.

[2] См. L. IX, p. 591 E. p. 592. E, гдѣ такое настроеніе души Платонъ называетъ также *τὴν ἐν αὑτῷ πολιτείαν* и *τὴν ἑαυτοῦ πόλιν*. См. L. X, p. 608 B.

Вотъ легкій очеркъ, или какбы сущность того, что высказалъ великій философъ о свойствахъ добродѣтели въ человѣкѣ. Въ самой вѣрной параллели съ этимъ ея описаніемъ начертываетъ онъ образъ и наилучшаго государства,—такого государства, которое совершенно выражаетъ собою добродѣтель одного человѣка, имѣетъ тѣ же части, характеризуется тѣми же свойствами, управляется тѣми же законами, стремится къ той же цѣли. Чрезъ начертаніе такого образа, внутреннее настроеніе нравственныхъ силъ недѣлимаго стало у Платона предметомъ какбы осязательнымъ и, представъ предъ очи наблюдателя, поражаетъ ихъ съ одной стороны гармоніею своихъ требованій, съ другой—многими парадоксами. Въ самомъ дѣлѣ, только этимъ развитіемъ формъ Политики изъ началъ психологическихъ можно объяснить, почему Платонъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія о государствѣ такъ далеко отступилъ отъ народныхъ понятій и вдался въ странности: онъ слишкомъ далеко увлекся желаніемъ образовать политическое тѣло по психологической модели одного человѣка, не испытавъ вполнѣ вѣрности психологическаго своего взгляда, и этимъ нехотя доказалъ, что чѣмъ идеальнѣе добродѣтель въ мірѣ внутреннемъ, тѣмъ невозможнѣе осуществить ее въ условіяхъ быта внѣшняго. Потому-то въ мірѣ христіанскомъ философы-юристы рѣдко мирились въ своихъ идеяхъ съ философами-моралистами, не унижая одной изъ нихъ въ пользу другой. Впрочемъ и Платонъ, формы жизни политической приведши къ совершенному тожеству съ началами психологіи и ѳики, самъ же призналъ ихъ неосуществимыми [1]. Предположивъ это, взглянемъ теперь на самый образъ начертаннаго Платономъ государства.

---

[1] Прежде Платона, сочиненіе о наилучшемъ обществѣ писалъ *Иппопотамъ* Милетянинъ, писали, какъ говоритъ Аристотель (de Rep. 11. 8), и многіе Пиѳагорейцы. Чѣмъ воспользовался отъ нихъ Платонъ, опредѣленно сказать нельзя. Невозможно безусловно вѣрить и *Діогену Лаерцію* (L. III. Sect. 37 и 57), который разсказываетъ, что почти вся Платонова Политика, по словамъ Аристоксена, содержалась въ Протагоровыхъ антилогіяхъ.

Замѣчая, что человѣкъ, по природѣ, не можетъ быть достаточенъ самъ для себя, Платонъ въ этой недостаточности его для самого себя находитъ начало общества, и образуетъ его изъ столькихъ же сословій, сколько сторонъ въ человѣческой душѣ. Сословіе начальниковъ у него совершенно подобно τῷ λόγῳ, сословіе воиновъ вполнѣ соотвѣтствуетъ τῷ θυμῷ, а народъ, или грубая толпа, по его мнѣнію, имѣетъ ближайшее сходство съ чувственными пожеланіями. Какъ въ человѣкѣ уму усвояетъ онъ власть и господство надъ прочими сторонами души: такъ и въ государствѣ стражи и народъ, по его идеѣ, должны повиноваться правителямъ. Народъ, какъ чуждый мудрости и состоящій не изъ философовъ, нужно, говоритъ онъ, удалять отъ управленія государствомъ и держать его въ повиновеніи посредствомъ стражей. Стражи государства — раздражительная сторона человѣческой души, назначенная для защиты правъ и выполненія распоряженій природы разумной, должны получать такое воспитаніе и быть въ такой степени образованными, чтобы, повинуясь мудрымъ внушеніямъ правительства, легко могли охранять благоденствіе общества и мужественно предотвращать въ немъ какъ внѣшнія, такъ и внутреннія опасности. Итакъ образованность предоставляется Платономъ исключительно сословію воинскому; заботливѣе всего должно быть воспитываемо сердце государства. Образовать его, по мнѣнію Платона, слѣдуетъ гимнастикою и музыкою. Гимнастика, по видимому, можетъ способствовать только къ развитію и укрѣплѣнію тѣла; но ее надобно преподавать и направлять такимъ образомъ, чтобы она нисколько не вредила совершенствамъ души, а напротивъ еще содѣйствовала къ возвышенію ихъ. Музыка же должна быть такова, чтобы всѣ ея виды клонились именно къ образованію душевныхъ силъ, и не заключала въ себѣ ничего, могущаго вредить доброй нравственности. Поэтому нѣкоторые виды поэзіи, для чувствованій и дѣйствій гражданъ опасные, въ обществѣ бла-

гоустроенномъ терпимы быть не могутъ. Особенно надобно стараться, чтобы стражи не имѣли никакой собственности и не страдали любостяжаніемъ; потому что иначе не станутъ они, какъ слѣдуетъ, выполнять своихъ обязанностей и будутъ гибельны для безопасности отечества. Изъ числа стражей наконецъ должны быть избираемы вожди и правители государства. Общество, если хотятъ, чтобы оно было наилучшимъ, должно быть управляемо такими мужами, которые признаны превосходнѣйшими по общему суду людей умныхъ. Итакъ въ главѣ общества пусть стоятъ такія лица, которыя и въ самомъ раннемъ возрастѣ выказали отличныя способности души, и пришедши въ возрастъ зрѣлый, далеко превзошли другихъ своими добродѣтелями. Какъ человѣкъ частный становится добродѣтельнымъ тогда, когда вся его жизнь настрояется умомъ и управляется по образцу высочайшаго блага: такъ и общество въ такомъ только случаѣ можетъ достигнуть совершенной добродѣтели и вполнѣ наслаждаться счастіемъ, когда его вожди направляютъ свой умъ къ познанію вѣчной истины и исполняютъ великое свое дѣло, созерцая духомъ высочайшее благо. Поэтому правителями должны быть философы. Но подъ именемъ философовъ Платонъ разумѣетъ здѣсь не тѣхъ людей, которые вдаются только въ отвлеченныя изслѣдованія вещей, или нѣчто знаютъ о всемъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ: философы, по его мнѣнію, суть тѣ, которые, взирая на вѣчные образцы явленій, познаютъ самую истину,—созерцая красоту добродѣтели, не только удивляются ей, но и всѣми силами слѣдуютъ за нею, и воплощаютъ ее въ себѣ своими дѣлами, которые богаты сколько знаніемъ вѣчной истины, столько же и опытностію въ употребленіи вещей. Такъ какъ тѣ три сословія гражданъ вполнѣ соотвѣтствуютъ тремъ сторонамъ человѣческой души; то и добродѣтели, свойственныя послѣднимъ, переносятся у Платона равнымъ образомъ на первыя; потому что совершенство государства условливается тѣми же четырьмя формами добродѣтель-

ной жизни, которыми опредѣляется совершенство недѣлимаго. Мудрость, говоритъ Платонъ, есть добродѣтель правителей; мужество свойственно болѣе всего сословію воиновъ, согласно съ предписаніями правительства, ограждающихъ благоденствіе и безопасность общественную; разсудительность усматривается въ подчиненіи народной толпы волѣ правителей и во взаимномъ согласіи гражданъ; а справедливость—въ томъ, что не только согласны между собою граждане, но и цѣлыя сословія ихъ строго исполняютъ свои обязанности и такимъ образомъ каждое изъ нихъ болѣе и болѣе утверждается въ свойственной себѣ добродѣтели. Но если и въ государствѣ, и въ частныхъ людяхъ — однѣ и тѣ же добродѣтели; то какъ тамъ, такъ и здѣсь надобно предполагать возможность однихъ и тѣхъ же пороковъ: ибо каково бы ни было общество,—съ царскаго его пути всегда идутъ какія-нибудь стези, на которыя вступая, оно уклоняется въ сосѣднюю область заблужденія. Такъ самое благоустроенное государство иногда незамѣтно перерождается въ тимократію, изъ тимократіи переходитъ въ олигархію, изъ олигархическаго потомъ становится демократическимъ, а изъ демократическаго является тиранническимъ. Все это бываетъ слѣдующимъ образомъ. Какъ добродѣтель души возникаетъ при господствѣ ума, когда не дается мѣста произвольнымъ движеніямъ стороны пожелательной и дерзости раздраженія: такъ и пороки заражаются въ томъ случаѣ, когда парализуется авторитетъ разумности и ея права захватываются стороною раздражительною и похотливою. И во-первыхъ, подъ владычествомъ раздражительности является надменность, еще менѣе прочихъ пороковъ удаляющаяся отъ справедливости. Этому пороку души очень подобна тимократія, какую видимъ въ республикахъ критской и лакедемонской, ближайшихъ къ обществу наилучшему. Когда же противъ разумности возмущается сторона пожелательная; тогда душа заражается еще большими пороками, изъ которыхъ самый близкій къ надменности есть скупость

или любостяжательность, а въ обществѣ сообразнѣйшее съ этою болѣзнію зло называется олигархіею. Но если пожелательность, не ограничиваясь одною любостяжательностію и стремленіемъ къ корысти, предается разврату всякаго рода, то порча души доходитъ уже до крайности,—и тогда правительственная власть переходитъ въ руки народа, общество является демократическимъ. Наконецъ, можетъ еще случиться, что душею овладѣетъ какое-нибудь одно пожеланіе, какая-нибудь одна страсть, и притомъ сильнѣйшая, такъ что подъ ея владычествомъ замрутъ всѣ другія, болѣе благородныя чувствованія: въ этомъ случаѣ государство должно нести бремя тиранніи, самое тяжелое и совершенно противуположное формѣ правленія наилучшаго. Вотъ кругъ всѣхъ возможныхъ реформъ, которыя волею-неволею испытываетъ человѣческое общество. Хотя эти реформы слѣдуютъ одна за другою по какому-то, какбы роковому закону; однакожъ надобно всячески стараться, чтобы то наилучшее состояніе государства поддерживалось и сохранялось, сколько можно долѣе. А достигнуть этого иначе нельзя, какъ непрерывнымъ согласіемъ гражданъ и невозмутимою гармоніею всѣхъ государственныхъ сословій: ибо какъ въ человѣческой душѣ тогда только возникаетъ совершенная добродѣтель, когда всѣ ея силы и способности находятся во взаимномъ согласіи и дѣйствуютъ съобща; такъ и государство, чтобы оно могло быть наилучшимъ, не смотря на множество своихъ членовъ, должно представлять собою просто одного человѣка. Для сохраненія такого единства въ многосложномъ государственномъ тѣлѣ требуются нѣкоторыя условія. Во-первыхъ, надобно смотрѣть, чтобы границы государства не были слишкомъ обширны и своею обширностію не подавали повода къ разобщенію его частей. Во-вторыхъ, всѣ сословія гражданъ необходимо должны заниматься—каждое своимъ дѣломъ и не мѣшаться безразсудно въ дѣла чужія; потому что иначе между гражданами должны возникнуть ссоры и враждебныя отношенія,

которыя для общества хуже всякой заразы. Кромѣ того, надобно удалять изъ государства все, что можетъ вредить доброй нравственности, или ослабить авторитетъ законовъ и постановленій. Поэтому нужно всячески остерегаться, чтобы въ уроки стражамъ, равно какъ въ гимнастику и музыку, не привносимо было какихъ-нибудь нововведеній [1]; ибо такими измѣненіями удивительно какъ ускоряется разрушеніе общества. Далѣе, домашнія вещи должны быть распредѣлены такъ, чтобы въ общество не могло прокрасться ни одно худое пожеланіе, способное возмутить согласіе гражданъ. Поэтому стражи какъ другими благами, такъ женами и дѣтьми должны владѣть съобща; а отсюда произойдетъ то, что своекорыстіе не вытѣснитъ попеченія объ общемъ благѣ, и согласіе гражданъ сдѣлается неразрушимымъ. Притомъ, чтобы еще болѣе уравнять состояніе всѣхъ членовъ государства, женщины въ немъ должны получать такое же воспитаніе, какое и юноши, и смотря по тому, къ какимъ занятіямъ способна каждая изъ нихъ,— годныя для дѣлъ воинскихъ пусть идутъ на войну, а расположенныя къ дѣламъ гражданскимъ пускай занимаютъ мѣста правительственныя. Этими и подобными установленіями можно достигнуть того, что описанное государство будетъ надежно и твердо, причины внутреннихъ раздоровъ въ немъ устранятся, и добродѣтель, свойственная наилучшему обществу, упрочится. Но какъ счастіе частныхъ лицъ зависитъ отъ ихъ добродѣтели; такъ и цѣлыя государства не могутъ наслаждаться благоденствіемъ, если политическое устройство ихъ не будетъ скрѣплено добродѣтелію. Поэто-

---

[1] Объ этомъ философъ весьма подробно говоритъ въ книгѣ второй. Объясняя излагаемое здѣсь ученіе Платона, Моргенштернъ справедливо замѣчаетъ, что цѣлію такого ученія было оградить отъ вліянія поэзіи народную нравственность. Тѣ же самыя положенія Платонъ защищаетъ и въ кн. Legg. II. p. 658 E. sqq., гдѣ доказываетъ, что благонравное общество не должно допускать въ этомъ отношеніи никакихъ нововведеній, какъ бывало у Египтянъ, которые поэтамъ, музыкантамъ, живописцамъ и др. предписывали извѣстные законы и нарушать ихъ не позволяли.

му, какъ весьма жалокъ бываетъ человѣкъ, если душа его находится подъ владычествомъ страстей, и весьма счастливъ, если она любитъ справедливость и добродѣтель: такъ и безсильная власть тиранна достойна величайшаго сожалѣнія, а ἀριστοκρατια, или наилучшее правленіе, приноситъ гражданамъ столько благъ, сколько можетъ принять ихъ человѣкъ чрезъ посредство гражданскаго общества.

Изложивъ сущность изслѣдованій, въ которыхъ Платонъ рѣшаетъ обѣ предположенныя имъ задачи—ѳѳическую и политическую, что можно сказать теперь о главной мысли всего сочиненія? Скажу коротко, что думаю. Мнѣ кажется, ни первая часть излѣдованій, которая занимается описаніемъ нравовъ наилучшаго человѣка, ни послѣдняя, въ которой начертывается картина наилучшаго государства, — ни то ни другое, разсматриваемое въ отдѣльности, само по себѣ, не обнимаетъ главной задачи философа, какая рѣшена въ этомъ діалогѣ. Но если оба упомянутые вопросы будутъ сведены въ одинъ, то легко откроется единство формы этого превосходнаго сочиненія и совершенная цѣлость его содержанія. Сводя ихъ одинъ съ другимъ, мы замѣчаемъ, что при изложеніи своей Политики, Платонъ имѣлъ мысль,— *начертать образъ совершенной человѣческой добродѣтели, какая должна быть созерцаема какъ въ душахъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ гражданскомъ обществѣ, показать ея силу и превосходство и вмѣстѣ научить, что̀ худаго и порочнаго можетъ прививаться къ общественной жизни, и какъ этимъ зломъ разрушается человѣческое счастіе*. Допустивъ это, мы поймемъ, для чего философъ соединилъ описаніе наилучшаго человѣка съ описаніемъ наилучшаго государства, и притомъ такъ, что раскрытію того и другаго предмета посвятилъ равную мѣру труда. Не будетъ для насъ темно и то, почему свой діалогъ началъ онъ съ опредѣленія справедливости, и кончилъ похвалами ей. Съ этой точки зрѣнія нетрудно также усмотрѣть, что̀ заставило его назвать свое сочиненіе словомъ πολιτεία, и почему въ Тимеѣ

и Законахъ упоминается о немъ, какъ о сочиненіи просто политическомъ. Объяснимъ это самымъ дѣломъ.

Если мы согласимся, что коренною мыслію Платона, при изложеніи Политики, было изобразить совершенную добродѣтель въ ея бытіи и явленіяхъ; то не трудно понять, что̀ расположило его въ одномъ и томъ же сочиненіи представить образъ наилучшаго человѣка и наилучшаго государства. Намѣреваясь нарисовать, такъ сказать, картину человѣческой природы въ полномъ ея развитіи, онъ не могъ не видѣть, что одна сторона ея — иѳическая, скрывается въ душѣ недѣлимаго, а другая—политическая, въ общественной жизни людей. Эти двѣ ея стороны—то же самое, что предметъ въ себѣ и предметъ въ явленіи. Тутъ внутреннее и внѣшнее въ человѣческомъ существѣ, подъ перомъ Платона, должны были сдѣлаться душею и тѣломъ его діалога, и діалогъ его сталъ зеркаломъ человѣческой природы, отразившимъ въ себѣ ту и другую ея сторону. Да и могло ли быть иначе? Въ чемъ добродѣтель нашла бы свойственное себѣ выраженіе, какъ не въ доброй дѣятельности? Гдѣ возможенъ предметъ доброй дѣятельности, какъ не въ нравственныхъ отношеніяхъ человѣка? Чѣмъ устанавливаются и осуществляются нравственныя отношенія человѣка, какъ не гражданскою организаціею правъ и обязанностей? Посему-то на цѣлое государство Платонъ смотрѣлъ не иначе, какъ на одно нравственное недѣлимое, какъ на добродѣтель одного лица, раскрывшуюся во множествѣ недѣлимыхъ и получившую осязательный свой обликъ въ многоразличныхъ рефлексіяхъ; и это-то иѳико-политическое лицо изобразилъ онъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи.

Но при этомъ, можетъ быть, скажетъ кто-нибудь: почему внѣшнее выраженіе добродѣтели Платонъ видѣлъ именно въ государствѣ, а не въ обществѣ, обнимающемъ весь родъ человѣческій? Вѣдь такимъ образомъ, кажется, можно было бы ему полнѣе и совершеннѣе выразить образъ человѣческой природы. Очевидно, что этимъ вопросомъ

требовали бы отъ Платона не инаго чего, какъ взгляда нравственно-космополитическаго. Что жъ? если цѣлая организація его Государства развита изъ началъ психологіи и ѳики, и если предположимъ, что понятія его о душѣ и добродѣтели безусловно-вѣрны, такъ что ими могутъ быть объяснены всѣ явленія человѣческой жизни и всѣ ея требованія, гдѣ и когда они ни возникли бы; то онъ въ своемъ Государствѣ конечно—космополитъ, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ быть космополитомъ. Но сколь ни идеаленъ психологическій взглядъ Платона, природа человѣческой души, разсматриваемая сама въ себѣ, не подтвердитъ всѣхъ его положеній, и человѣчество не дождется отъ нихъ отвѣта на многіе свои вопросы. Платонъ, какъ и всякій другой философъ, хотя и высоко стоялъ надъ уровнемъ понятій своего вѣка, не могъ однакожъ совершенно выдти изъ подъ его вліянія и, полагая, что описываетъ душу съ ея добродѣтелями по образцу души общечеловѣческой, самъ не замѣтилъ [1], какъ описалъ духовное настроеніе лучшаго греческаго мудреца. Сдѣлавшись же мыслителемъ національнымъ въ психологіи и ѳикѣ, онъ оказывается еще болѣе частнымъ, когда понятіе о добродѣтели начинаетъ облекать въ формы жизни гражданской и устрояетъ государство. По его мысли, устроенное имъ общество до того выше и совершеннѣе всѣхъ возможныхъ обществъ, что не осуществимо даже никакимъ космополитизмомъ; а между тѣмъ оно явно носитъ на себѣ много чертъ національнаго образованія. Впрочемъ если и допустимъ, что Платонъ не имѣлъ взгляда космополитическаго, а просто видѣлъ возможность выразить природу добродѣтели не иначе, какъ въ опредѣленныхъ формахъ гражданскаго общества; то и это легко объясняется направленіемъ современной Платону философіи. Греческіе философы такъ называемой политики не от-

---

[1] Впрочемъ Платонъ даже сознательно желалъ создать государство именно греческое, принаровленное къ нравамъ и обычаямъ Грековъ, въ чемъ самъ сознается L. V. p. 470 E.

дѣляли отъ теоріи нравственности и совсѣмъ иначе судили о свойствахъ, природѣ и цѣли государства, чѣмъ какъ нынѣ судятъ объ этомъ: они частную пользу, выгоду и безопасность гражданъ становили не на первомъ планѣ, и законовъ гражданскихъ не отдѣляли отъ законовъ нравственности; но, науку добродѣтели почитая наукою каждаго человѣка, вмѣстѣ смотрѣли на нее, какъ на кодексъ правъ и обязанностей государственныхъ, ограждающій и упрочивающій общественное счастіе. Поэтому, какъ законодатели, напримѣръ, Залевкъ, Харондъ, Ликургъ, Солонъ и другіе, были нетолько воспитателями и учителями народовъ, но и творцами гражданскихъ постановленій: такъ и философы нетолько развивали теорію добродѣтели, но въ то же время видѣли, что она должна быть прилагаема и къ самому управленію обществомъ [1]. Вотъ почему и Платону показалось бы страннымъ науку о государственномъ устройствѣ отдѣлять отъ науки о добродѣтели: ему представлялось напротивъ дѣломъ весьма естественнымъ—соединить ту и другую сколько можно тѣснѣе. Кромѣ того, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду и другую, болѣе важную причину обращать свое вниманіе на задачу политическую и соединять ее съ ученіемъ о добродѣтели. Извѣстно, что въ аѳинской республикѣ, съ развитіемъ гибельныхъ слѣдствій народнаго правленія, обнаруживавшихся внутренними волненіями и неурядицами, стали являться толпы софистовъ и ораторовъ, съ объявленіями, что они нетолько обладаютъ искуствомъ краснорѣчія, но могутъ преподавать и науку добродѣтели, какъ домашней, такъ и общественной, и, гибельными своими правилами подрывая основанія доброй нравственности, угрожали государству окончательнымъ разрушеніемъ его благоденствія. Эти торговцы науками, уча другихъ единственно ради матеріальныхъ своихъ выгодъ,

---

[1] Этотъ взглядъ принадлежалъ особенно Пиѳагорейцамъ. Такъ Архитъ (ap. Stob. Eclogg. Eth. XLI p. 267. sq. XLIV p. 311), говорятъ, писалъ *περὶ νόμου καὶ δικαιοσύνης*.

преподавали не то, что истинно, справедливо и честно само въ себѣ, а то, что льстило и нравилось ихъ слушателямъ, и въ этомъ видѣли средство вкрасться въ ихъ расположеніе; такъ что все искуство ихъ состояло въ безстыдной готовности льстить. Они, по свидѣтельству Платона, старались изгнать изъ ума всякую мысль объ истинѣ и утверждали, что ни въ одной наукѣ нѣтъ ничего столь положительнаго, чего нельзя было бы поколебать умствованіями, а потому объявляли, что о каждомъ предметѣ могутъ говорить pro и contra. Главною опорою ихъ умствованій были чувства, и на этомъ авторитетѣ основывалось мнѣніе Протагора, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, и что у всякаго человѣка—своя истина. Что же касается до добродѣтели, то они оцѣнивали ее не собственными ея достоинствами, а суммою соединенныхъ съ нею выгодъ и удовольствій. Поэтому одни изъ нихъ, отдѣляя прекрасное отъ честнаго, жизнь честную хотя и почитали болѣе прекрасною, однакожъ несправедливая казалась имъ лучше и полезнѣе. Другіе же, находя различіе между природою (φύσις) и человѣческими обычаями (νόμος), настаивали на томъ, что по природѣ злое, по природѣ и постыдно: поэтому получать обиды и переносить ихъ есть дѣло постыдное; а отсюда выводили заключеніе, что все справедливое основывается только на мнѣніи, а не на природѣ, и что гражданскіе законы написаны людьми—въ видахъ оградить ими свою слабость противъ людей болѣе сильныхъ и могущественныхъ. Напротивъ, съ природою сообразенъ такой образъ дѣятельности, чтобы человѣкъ пріобрѣталъ всѣ выгоды жизни и, сбросивъ съ себя ярмо общественныхъ законовъ, заботился о личной своей пользѣ и преобладаніи надъ прочими людьми. По ихъ мнѣнію, общественные законы, — какбы тиранны, повелѣваютъ и запрещаютъ многое такое, что противно природѣ. Итакъ справедливость, говорили они, состоитъ въ томъ, чтобы всякій пріобрѣталъ себѣ, что ему полезно; ибо наносить обиду — дѣло хорошее и согласное

съ природою, а терпѣть ее есть зло. Поэтому и въ республикѣ справедливымъ почитали они то, что полезно сильнѣйшему, — *τὸ τοῦ κρείττονος ξυμφέρον*, и это мнѣніе старались подтвердить опытомъ. Кто имѣетъ въ своихъ рукахъ власть, тотъ, по ихъ мнѣнію, всегда даетъ законы, полезные для самого его, демагогъ—народные, тираннъ — тиранническіе, другой—другіе, и неповинующійся имъ наказывается, какъ нарушитель гражданскихъ правъ. А чтобы этимъ своимъ мнѣніямъ придать больше важности, софисты сравнивали жизнь справедливую съ несправедливою и доказывали, что несправедливость болѣе содѣйствуетъ счастливой жизни, а справедливость есть не иное что, какъ благородная глупость, которая, служа пользѣ другихъ, много вредитъ самой себѣ. Всѣ эти заблужденія ихъ происходили очевидно изъ того, что они въ области познанія и дѣятельности опирались на однихъ чувствахъ и, разсуждая о добродѣтели, на самомъ дѣлѣ имѣли въ виду не добродѣтель, а удовольствіе. Сколь далеко простирались они въ такомъ своемъ безстыдствѣ, видно, между прочимъ, изъ словъ оратора Тразимаха (Lib. 11 p. 359 C — 362 C). Такое ученіе софистовъ, въ самомъ корнѣ разрушавшее добродѣтель, какъ домашнюю, такъ и общественную, особенно успѣшно прививалось къ аѳинскому обществу со времени персидскихъ войнъ, познакомившихъ его съ азіатскою роскошью и чрезъ то внесшихъ въ него порчу нравовъ. Видя это, Платонъ счелъ обязанностію греческаго мудреца противустать, по-возможности, такому наплыву софистическихъ ухищреній и, раскрывъ значеніе добродѣтели, показать, какимъ образомъ она должна быть осуществляема въ обществѣ. Это дѣлалъ онъ по мѣстамъ, такъ или иначе, и въ другихъ своихъ діалогахъ, въ которыхъ возставалъ противъ современныхъ софистовъ; а въ своей Политикѣ всѣ отдѣльныя опроверженія ихъ мнѣній свелъ какбы въ одинъ составъ и, пользуясь этимъ матеріаломъ, начерталъ образъ наилучшаго государства по идеѣ наилучшаго человѣка.

Посмотримъ теперь на предметъ и съ другой, противуположной стороны. Если Платонъ требовалъ, чтобы каждый человѣкъ вступалъ въ общество и дѣйствовалъ въ немъ, всматриваясь въ образъ добродѣтели, оживляющей душу недѣлимаго, и такимъ образомъ достигалъ гражданскаго счастія; то и самое общество, по его требованію, долженствовало быть такъ устроено, чтобы направлялось къ воспитанію и развитію добродѣтели въ каждомъ человѣкѣ и упрочивало счастіе его нравственное. Государство, устроенное по идеѣ совершенной добродѣтели, какъ заключаетъ въ себѣ добродѣтель и счастіе отдѣльныхъ, живущихъ въ немъ лицъ, такъ и само, будто одинъ совершенный человѣкъ, есть образецъ совершенной добродѣтели. Прежде всего въ немъ каждому назначенъ свой родъ жизни, чтобы, слѣдуя извѣстнымъ путемъ, граждане стремились ко всему наилучшему; ибо никому не заграждена дорога къ степенямъ въ обществѣ самымъ высшимъ. Дѣтямъ людей третьяго сословія открытъ путь ко второму, а отсюда — къ первому, смотря потому, въ какой мѣрѣ отличаются они умомъ и добродѣтелію: напротивъ дѣти правителей и стражей, если отвергаются ими отцовскія добродѣтели, переводятся въ низшій классъ гражданъ. Потомъ, управленіе государствомъ находится въ рукахъ людей истинно мудрыхъ, которые, ревностно и глубоко изучая науки, прекрасно образовали свой умъ и сердце, которые чрезъ долговременное наблюденіе за ходомъ человѣческихъ дѣлъ, пріобрѣли довольно свѣденій и опытности для управленія обществомъ, которые наконецъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ такъ высмотрѣны, что въ вѣрности ихъ, постоянствѣ, честности и мудрости никто уже сомнѣваться не можетъ. Далѣе, добродѣтель, предназначенная, по мысли Платона, господствовать въ обществѣ, не есть какая-нибудь частная ея форма, какъ напримѣръ мужество, или гражданская доблесть, но добродѣтель полная и безусловная, къ пріобрѣтенію которой должна быть направлена не одна какая-нибудь способность, но

всѣ силы души, надлежащимъ образомъ упорядоченныя и пропорціонально настроенныя; такъ чтобы въ общественной жизни гражданъ отражалось все истинное, доброе и прекрасное. Для этого граждане первыхъ сословій должны быть сильно располагаемы къ музыкѣ, гимнастикѣ и высшимъ наукамъ, такъ какъ ими только поддерживается здоровье и тѣла, и души. Наконецъ, правители государства, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать своей обязанности, должны постоянно обращаться умомъ къ образцу высочайшаго блага и стараться мудро сообразовать какъ собственную жизнь, такъ и жизнь цѣлаго общества съ тѣми вѣчными формами мудрости, справедливости, честности и красоты, которыя отражаются въ умѣ, поколику онъ созерцаетъ высочайшее благо; ибо иначе общество, говоритъ философъ, никакъ не достигнетъ той высочайшей добродѣтели и того счастія, которое для него должно быть предположено. Если же такъ, то всякій легко можетъ видѣть, что цѣль Платонова государства—всячески поддержать добродѣтель гражданъ, представляя имъ въ самомъ себѣ образецъ совершенной добродѣтели.

Но если государство въ Политикѣ Платона есть часть столь важная, видная, необходимая; то для чего и начинается это сочиненіе вопросомъ только о справедливости, и оканчивается похвалами только ей? Мнѣ кажется, если философъ имѣлъ въ виду представить образъ какъ наилучшаго человѣка, такъ и совершеннаго общества; то своего дѣла не могъ онъ не начать изслѣдованіемъ справедливости, и нѣтъ ничего удивительнаго, что свои изслѣдованія заключилъ похвалами ей; потому что эта добродѣтель въ ѳикѣ философа есть восполненіе и совершенство всѣхъ добродѣтелей политическихъ, и для раскрытія ея природы равно было необходимо обращаться къ разсматриванію ихъ какъ въ недѣлимомъ, такъ и въ государствѣ. Въ первой и второй книгѣ Политики такого обращенія конечно еще не видно; однакожъ, чтобы въ самомъ началѣ діалога пока-

зать, въ чемъ состоитъ сущность вопроса, философъ весьма правильно приступаетъ къ дѣлу съ пересмотра различныхъ понятій о справедливости, и всѣ эти понятія были таковы, что вниманіе слушателей вводили въ кругъ изслѣдованій нетолько иѳическихъ, но и политическихъ. Притомъ здѣсь видна и другая сторона благоразумной методы философа: вознамѣрившись предложить образъ совершенной добродѣтели, чтобы нетолько показать истинный ея характеръ, но и защитить ее отъ нелѣпаго порицанія софистовъ и ораторовъ, онъ необходимо долженъ былъ частію объяснить, частію опровергнуть положенія, враждебныя задуманному имъ ученію. Но такъ какъ ученіе о справедливости заключало въ себѣ и политику; а софисты, искажая понятіе объ этой добродѣтели, подкапывали вмѣстѣ основанія государства: то Платонъ весьма мудро заставляетъ Сократа обнять своими изслѣдованіями всю человѣческую добродѣтель,—сколько частную и домашнюю, столько же гражданскую и общественную. Посему начавъ и окончивъ свое Государство мыслями о справедливости, Платонъ нетолько не сказалъ этимъ, что главный вопросъ ея — справедливость въ смыслѣ иѳическомъ, а напротивъ доказалъ, что справедливости иѳической даже и отдѣлить нельзя отъ политической, что та и другая—одна и та же добродѣтель.

Но если это справедливо, если то-есть добродѣтель, по идеѣ Платона, тогда только получаетъ совершенство и полноту, когда развивается нетолько въ хорошо настроенной душѣ отдѣльнаго человѣка, но и въ наилучше устроенномъ тѣлѣ государственномъ; то, раскрывая свое ученіе о добродѣтели въ значеніи ея иѳическомъ и политическомъ, и излагая его въ одномъ сочиненіи, почему не озаглавилъ онъ этого сочиненія какъ-нибудь иначе, а надписалъ словомъ *πολιτεία*, которымъ обнимается, повидимому, не все содержаніе діалога, а только политическая часть его? Этотъ вопросъ конечно представлялся еще Стефану и расположилъ его—къ древнему, несомнѣнно подлинному заглавію *πολιτεία*

прибавить другое, какбы дополнительное — περὶ δικαίου (о справедливомъ). Но разсмотримъ, что собственно значитъ надписаніе πολιτεία,—и мы тотчасъ увидимъ, нужна ли эта Стефанова прибавка и не правъ ли былъ Платонъ, что такъ озаглавилъ свое сочиненіе. Подъ словомъ πολιτεία этимологія и употребленіе велятъ разумѣть управленіе города. А такъ какъ городомъ Греки называли митрополію со всѣмъ ея округомъ или подвластною ей страною, то πολετεία было у нихъ знакомъ понятія объ управленіи гражданскаго общества. Вникая въ смыслъ этого слова въ русскомъ переводѣ, мы замѣчаемъ, что въ немъ есть нѣчто подлежательное и предлежательное,—есть дѣйствіе управленія и предметъ управляемый, слѣдовательно — моментъ нравственный и физическій, внутренній и внѣшній. И еслибы какой-нибудь русскій филологъ захотѣлъ Платоново πολετεία означить на своемъ языкѣ однимъ терминомъ, который вполнѣ выражалъ бы заключающуюся въ немъ мысль, то безъ сомнѣнія напрасно искалъ бы такого термина. Правда, принято у насъ и устоялось слово полиція; но оно получило столь частное значеніе, что моментъ внутренній, или нравственный, въ немъ почти вовсе потерялся, и ему осталось быть знакомъ лишь внѣшняго, понудительнаго управленія. Слòва, совершенно соотвѣтствующаго Платонову πολιτεία, не имѣлось и въ языкѣ латинскомъ, и Римляне, переведши его словомъ *Respublica*, погрѣшили вдвойнѣ: вопервыхъ приняли его только въ смыслѣ предлежательномъ, во-вторыхъ обозначили имъ только частную — республиканскую форму правленія, тогда какъ Платонъ въ своемъ сочиненіи разсуждаетъ о городскомъ управленіи вообще. Поэтому я своего перевода не озаглавилъ ни латинскимъ словомъ Respublica, ни переродившимся у насъ въ своемъ значеніи словомъ Полиція, но, стараясь, по возможности, вполнѣ обнять смыслъ греческаго πολιτεία, выразилъ его двумя словами: *Политика* или *Государство*. Понимая такъ, какъ сказано, слово πολιτεία, мы легко увидимъ, почему Платонъ озагла-

вилъ имъ такое свое сочиненіе, въ которомъ раскрывается нетолько общественная, но и внутренняя или нравственная жизнь человѣка. Управленіе государствомъ, по ученію Платона, есть дѣло одной и той же справедливости, управляющей жизнію души; поэтому правитель, выходя съ своею политикою въ среду общества, обнаруживаетъ не иное что, какъ нравственныя правила самоуправленія. Каждый человѣкъ есть болѣе или менѣе гармонически устроенный городъ, болѣе или менѣе свѣтлымъ управляется умомъ, болѣе или менѣе ясно сознаваемымъ руководствуется закономъ правды. И это—управленіе основное, это, говоря словами Платона, есть ἡ ἐν ἡμῖν πολιτεία (L. IX p. 59 E) или ἡ ἡμῶν πόλις (L. IX. p. 592 A. Сравн. 608 B). По немъ уже устрояется и управленіе государственное. Итакъ тѣ очень ошибаются, которые подъ словомъ πολιτεία разумѣютъ только предметъ управленія, или одинъ предлежательный моментъ смысла, заключающагося въ Платоновомъ надписаніи. Имъ не менѣе означается и управленіе нравственное, или моментъ подлежательный. Поэтому оно обнимаетъ собою не одну часть озаглавленнаго имъ діалога, но все его содержаніе, и ничего не говоритъ въ пользу тѣхъ, которые въ разсматриваемомъ сочиненіи, хотятъ считать главною только политическую его сторону.

Не больше твердымъ основаніемъ ихъ мнѣнія служитъ и то, что въ началѣ Платонова Тимея упоминается о Политикѣ, какбы о сочиненіи, имѣющемъ содержаніе, исключительно гражданское. Въ книгахъ Политики Платонъ отъ созерцанія добродѣтели отдѣльныхъ лицъ перешелъ къ устроенію совершеннаго общества, которое управлялось бы, какъ одинъ человѣкъ, по идеѣ высочайшаго блага. Поэтому, съ вопросомъ о нравственности людей и объ образѣ дѣйствій и чувствованій ихъ онъ въ этихъ книгахъ соединилъ изслѣдованіе о наилучшемъ состояніи какого бы то ни было общества. Что же въ Тимеѣ? Доказавъ въ прежде написанныхъ діалогахъ, что во всей человѣческой жизни, какъ

частной, такъ и общественной, должна владычествовать идея высочайшаго блага, въ Тимеѣ онъ говоритъ, что та же самая идея владычествуетъ и въ природѣ, поколику все, въ ней существующее, для восхожденія на высшую степень совершенства, должно сообразоваться съ этою идеею. Такимъ образомъ, какъ въ Политикѣ Платонъ отъ нравственности отдѣльныхъ лицъ перешелъ къ разсматриванію гражданскаго общества: такъ въ Тимеѣ отъ гражданскаго общества направился къ разсматриванію всѣхъ вещей. Стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ началѣ Тимея упомянулъ онъ только о гражданской сторонѣ своей Политики, и отсюда еще не слѣдуетъ, будто ѳизическая часть ея имѣетъ значеніе второстепенное.

Нельзя выводить такого заключенія и изъ извѣстнаго мѣста въ діалогѣ о Законахъ (Legg. V. p. 739 B—E), гдѣ Платонъ упоминаетъ о своей Политикѣ, какъ о сочиненіи, въ которомъ у гражданъ все общее, и это описанное въ немъ общество называетъ первымъ. Причина, по которой въ указанномъ мѣстѣ поставляется на видъ только вопросъ гражданскій, заключается въ томъ, что тамъ о гражданскомъ лишь вопросѣ и надлежало говорить; ибо тамъ проектируются три теоріи [1] государства: одна должна представить образецъ общества совершеннѣйшаго, какого на этой землѣ и не найдешь; другая обязана устроить общество по образцу совершеннѣйшаго, сколько позволяютъ это мѣст-

[1] См. *Plat.* Legg. IX. p. 859. C. p. 876 A—E; а особенно Legg. V. p. 739 A—E. См. *Aristot.* Polit. IV. 6, который различаетъ *πολιτείαν τὴν ἀρίστην, οὖσαν μάλιστα κατ' εὐχήν*, то-есть представляемую только въ умѣ и неосуществимую *τὴν ἐκ τῶν ὑποκειμένων ἀρίστην*, то-есть, наилучшую подъ внѣшними условіями, какая описана въ Платоновыхъ законахъ, и *τὴν ἐξ ὑποθέσεως πολιτείαν*, то-есть, общество, какія бываютъ, когда кто желаетъ улучшить и утвердить его. Итакъ Платонъ въ своей Политикѣ начерталъ государство совершеннѣйшее, какое можетъ быть только представляемо въ умѣ, какъ онъ самъ говоритъ L. V. p. 473 A. L. IX. p. 592 A. B, al. Поэтому, такъ какъ для гражданъ съ наилучшими свойствами души не требуется никакого внѣшняго законодательства, то въ этой Политикѣ внѣшнихъ, понудительныхъ законовъ и не предложено, какъ предложены они въ сочиненіи о Законахъ.

ныя и прочія условія; третьей слѣдуетъ показать, какимъ образомъ общества, уже существующія, но неимѣющія требуемыхъ совершенствъ, могутъ быть исправляемы и усовершаемы. Выполняя эту программу, философъ, по изложеніи ученія о совершеннѣйшемъ обществѣ, озаглавленномъ просто словомъ *πολιτεία*, въ позднемъ уже возрастѣ приступилъ къ описанію такого общества, которое хотя и далеко ниже того перваго, однакожъ сообразнѣе съ слабостію человѣческой природы. Но третье общество, по случаю ли смерти, или по какимъ другимъ причинамъ, осталось неописаннымъ [1]. Во второмъ своемъ описаніи, или въ діалогѣ о Законахъ, Платонъ изображаетъ такое государство, которое хотя близко подходитъ къ образу того совершеннаго, однакожъ, при случаяхъ, нуждается и въ законодательствѣ внѣшнемъ; потому что здѣсь должно быть обращаемо вниманіе на геній народа, на свойства страны, на мѣстность, и на другія обстоятельства. Занятый же исключительно политическимъ устройствомъ втораго своего государства, удивительно ли, что при сравнительномъ взглядѣ на первое, онъ долженъ былъ смотрѣть и на него тоже со стороны политической, а часть его нравственную, такъ какъ она къ настоящему его дѣлу не относилась, оставилъ на тотъ разъ безъ вниманія. Еслибы въ своей Политикѣ вопроса о наилучшемъ обществѣ касался онъ даже и мимоходомъ,—и тогда, по поводу своихъ разсужденій въ діалогѣ о Законахъ, указалъ бы безъ сомнѣнія только на этотъ боковой вопросъ прежняго своего сочиненія. Итакъ наше понятіе, что Платонова Политика начертываетъ образъ совершенной человѣческой добродѣтели, какая должна быть созерцаема—какъ въ душахъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ гражданскомъ обществѣ, стоитъ внѣ всѣхъ возможныхъ недоумѣній и долж-

---

[1] Изъ указаннаго мѣста Legg. V p. 739. E видно, что Платонъ надѣялся описать его: *τρίτην δὲ μετὰ ταῦτα, ἐὰν Θεὸς ἐθέλῃ, διαπερανούμεθα.* Сравн. *Boeckh.* in Min. et Legg. p. 67. *Dilthey.* Exam. Platonicorum librorum de Legibus p. 10 sqq.

но служить твердымъ основаніемъ для опредѣленія характера и достоинствъ этого сочиненія.

Мы уже прежде сказали, успѣлъ ли Платонъ вездѣ и во всемъ выдержать общечеловѣческія свои тенденціи: но что онъ стремился развить идею совершеннѣйшей добродѣтели и по ней начертать образъ совершеннѣйшаго государства для всего человѣчества,—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Точка зрѣнія, изъ которой онъ выходитъ въ своей Политикѣ, есть именно человѣческая или ѳеическая, и положена Сократомъ, основателемъ философіи дѣйствительно человѣческой. Но она должна была совершить кругъ всесторонняго своего развитія, слѣдовательно принять организацію, явиться въ ограниченіяхъ, войти въ формы жизни общественной,—и тутъ уже Платонъ, не смотря на общечеловѣческія свои тенденціи, становится аѳинскимъ мудрецомъ въ тогѣ дорической,—истину, добро и красоту опредѣляетъ законами музыкальной гармоніи, которые не проявляются нигдѣ помимо величайшихъ законовъ гражданскихъ (IV p. 424 C). Отсюда музыкальность у него есть созвучіе всей жизни, есть психическій узелъ, нетолько соединяющій отдѣльныя личности въ одно прекрасное гармоническое цѣлое, но и сообщающій государству единство чувствованій, согласіе желаній и непреоборимую силу въ дѣйствіяхъ. Поэтому государство, на взглядъ Платона, дѣлается не инымъ чѣмъ, какъ расширеннымъ въ своихъ предѣлахъ пиѳагорейскимъ союзомъ, основнымъ закономъ котораго было пиѳагорейское начало: *κοινὰ τὰ τῶν φίλων* [1]. Поэтому также воспитаніе и образованіе почитается у него главнымъ условіемъ общественной жизни; такъ что все устройство и законы, по которымъ воспитывается юношество, суть не внѣшнія ограниченія, навязываемыя гражданамъ волею правителя, а свободное развитіе. Этотъ доризмъ въ

---

[1] IV. 424 A. V. 464 B. *Cicer.* de Officiis 1, 16. de Legibus 1, 16. *Muret.* ad Aristot. Ethic. VIII, 9. T. III. p. 456. *Morgenstern.* p. 216 sqq. *Geer.* Diatrib. in Plat. polit. princip. p. 179 sqq.

Политикѣ Платона, равно какъ въ сочиненіяхъ и другихъ сократическихъ писателей, особенно Ксенофонта, идетъ прямо на-перекоръ разнузданному произволу и деспотизму аѳинскаго правленія (потому что разнузданный народъ всегда тираннъ, и неограничиваемая ничѣмъ свобода всегда соединена съ деспотизмомъ). Духъ доризма проявляется у Платона преимущественно въ воспитаніи и образѣ жизни стражей государства, въ нераздѣльномъ ихъ помѣщеніи и въ общности имуществъ ихъ и женъ. При этомъ онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ предъ глазами свободныя отношенія спартанскихъ женщинъ [1], и по нимъ составилъ себѣ такое понятіе о женскомъ полѣ, что нашелъ возможнымъ допустить его къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, тогда какъ у Аѳинянъ онъ находился въ самомъ рабскомъ состояніи [2]. Мы не хотимъ здѣсь приводить возраженій, какія возникали противъ Платонова взгляда, потому что они вообще основывались на недоразумѣніяхъ; не указываемъ также ни на отдѣльныя женскія личности, ни на факты изъ исторіи воинственныхъ народовъ древности [3], на которыя Платонъ тоже могъ бы сослаться. Скажемъ только, что нашъ философъ слишкомъ далеко простиралъ идеализацію человѣческой добродѣтели, и понятія не имѣлъ о неисцѣлимой порчѣ человѣческой природы, когда, приготовляя женщинъ къ отправленію должностей общественныхъ вмѣстѣ съ мущинами, не отдѣлялъ первыхъ отъ послѣднихъ даже въ стѣнахъ обнаженной гимназіи. Платонова философія не доходила до изслѣдованія психическихъ разницъ, отличающихъ одинъ полъ отъ другаго и неопровержимо доказывающихъ, что назначеніе ихъ здѣсь на землѣ, по самому характеру силъ, дарованныхъ тому и другому, весьма различно. Положимъ,

---

[1] См. Legg. 1 p. 637. C. *Aristot.* Polit. 11, 7.

[2] *Meiners.* Gesch. d. Wiss. in Gr. u. Röm. Th. II. S. 71 ff. Vermischt. Schrift. Th. I. s. 321 ff. *Schlegel* in Berlin. Monatsschr. 26 B. S. 56 ff. Сравн. Legg. 1. 637 C. de Rep V. 452 C. D.

[3] *Herodot.* IV. 104. 180. *Strab.* XI p. 798. *Diod. Sic.* II. 58. III. 15. 24. 32.

можно еще владѣть тѣломъ, если крѣпка душа, и приготовить его въ орудіе, годное для извѣстной физической работы: но съ душею ничего не сдѣлаешь. Если хотите, чтобы она не отличалась отъ мужеской,—напрасно будете стараться передать ей свойства мужчины: вы достигнете этого развѣ тогда, когда лишите ея свойствъ женщины. Но потерявъ свойства женщины, она будетъ преслѣдуема презрѣніемъ мужчинъ и ненавистію женщинъ. Обратимъ еще вниманіе на органическую цѣлесообразность стихій, опредѣляющихъ нравственное состояніе людей въ собственной ихъ душѣ и въ обществѣ. Эти стихіи тамъ и тутъ—въ числѣ тройственномъ: тамъ—*τὸ λογιστικόν, τὸ θυμοειδές, τὸ ἐπιθυμητικόν*; тутъ—*τὸ βουλευτικόν, τὸ ἐπικουρικόν, τὸ χρηματιστικόν*. Но какъ скоро эти начала мыслятся во взаимномъ отношеніи и, кромѣ того, направляются къ міру внѣшнему, троичность ихъ превращается въ четверичность, и тѣ стихіи, приходя въ дѣятельность, становятся добродѣтелями. Изъ обоихъ первыхъ началъ раждаются мудрость и мужество; а когда въ отношеніе къ нимъ вступаетъ и сила пожелательная, тогда въ человѣкѣ является полное созвучіе его стихій—высшихъ и низшихъ, и отсюда происходитъ добродѣтель, называемая разсудительностію. Разсудительность—это внутренняя гармонія, которая, выходя наружу, какъ равенство и благоустройство отношеній, становится справедливостію [1]. Таковы добродѣтели человѣка и государства, развивающіяся по тому самому закону четверицы, по которому развиваются стихіи природы (см. Tim.); такъ какъ и въ природѣ есть стихіи — высшая и низшая — огонь и земля, которыхъ противуположность приходитъ въ гармонію чрезъ посредство двухъ другихъ стихій, то-есть, чрезъ внѣшнее равенство—въ воду, а чрезъ внутреннее равенство—въ воздухъ. Такимъ образомъ огонь есть духъ физической жизни, земля—ея тѣло, а соединительный или посредствующій

[1] Сравн. *Plotin.* Ennead. 1. 2, 8, 11. С.

узелъ обоихъ—жидкость—начало матеріальное или видимое, и воздухъ — начало духовное или невидимое, какбы душа естественной жизни. Это ученіе о стихіяхъ, котораго новѣйшее естествознаніе не оцѣнило, въ главныхъ своихъ чертахъ весьма древне; потому что указанія на него мы находимъ еще у древнѣйшихъ народовъ востока. Но научную форму сообщили ему безъ сомнѣнія Пиѳагорейцы, а послѣ нихъ Платонъ въ Тимеѣ, гдѣ основной законъ физической жизни поставляется въ самую близкую аналогію съ существомъ человѣка и государства. Даже главныя формы правленія (аристократія, тимократія, олигархія, демократія и тираннія) выведены Платономъ изъ различныхъ настроеній человѣческой природы. И при этомъ замѣчательно остроуміе, съ которымъ онъ, внѣдряясь, такъ сказать, въ самую душу гражданской жизни и схватывая каждую ея форму въ сущности, нетолько изображаетъ ея особенность, но и показываетъ физически непреложный законъ ея образованія и измѣненій. Три коренныя формы правленія—аристократія, тимократія и олигархія—имѣютъ свою почву въ трехъ существенныхъ сторонахъ человѣческой природы: въ умѣ, раздражительности и пожелательности (ибо при олигархіи владычествуетъ богатство, слѣдовательно τὸ χρηματιστικὸν). Но если государство сдѣлалось олигархическимъ, то-есть, совершенно погрузилось въ чувственную и корыстолюбивую жизнь, то оно наконецъ естественно распадается на хаотическое множество лицъ; потому что въ разливѣ чувственности единство, умъ и законность необходимо глохнутъ и теряются:—и вотъ олигархія переходитъ въ демократію. Потомъ изъ неограничиваемаго ничѣмъ множества лицъ и чувственнаго разсѣянія ихъ необходимо выраждается произволъ одного; потому что народъ, въ состояніи безначалія,—лишь бы только не суждено было ему разсѣяться и погибнуть въ междоусобной борьбѣ, — наконецъ ввѣряетъ себя водительству такого человѣка, который хитрыми средствами сумѣлъ

обуздать этого многоглаваго звѣря:—и вотъ является тираннія.

Обрисовавъ такимъ образомъ характеръ и научное построеніе Политики, мы должны теперь указать ея мѣсто между другими діалогами Платона. Ученые критики, обращая вниманіе на богатство и полноту содержанія въ этомъ сочиненіи, справедливо замѣчаютъ, что оно не могло быть написано прежде, чѣмъ были изданы Платономъ другія книги, служащія къ специальному объясненію нѣкоторыхъ, встрѣчающихся въ немъ истинъ изъ области ѳѳики, діалектики и метафизики: потому что здѣсь сводятся многія главныя части всей Платоновой философіи; и это показываетъ, что философъ, излагая свою Политику, имѣлъ уже въ виду тотъ образъ своихъ мыслей, который высказанъ былъ имъ прежде, въ другихъ діалогахъ. Притомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Политики даже прямо указывается на содержаніе прежнихъ сочиненій. Мы видимъ, напримѣръ, что какъ въ первой и второй ея книгѣ вообще, такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ-частности предметы изслѣдованія живо напоминаютъ Горгіаса. То же надобно сказать и о Федонѣ: что говорилось въ немъ о вещахъ земныхъ и небесныхъ, также о безсмертіи души,—это самое перенесъ Платонъ и въ Политику. По замѣчанію Шлейермахера, въ Политикѣ дѣлается намекъ и на Парменида, когда въ краткихъ словахъ рѣшаются вошедшіе въ этотъ діалогъ діалектическія сомнѣнія. Не безъ основанія также полагаетъ упомянутый критикъ, что есть довольно общаго между Политикою и Политикомъ, а изъ извѣстнаго мѣста L. IX p. 588 C sqq. даже несомнѣнно заключаетъ, что, когда излагаема была Политика, Федръ уже ходилъ по рукамъ читателей. Не безъ вѣроятности можно думать, что и Пиръ или Симпосіонъ вышелъ въ свѣтъ прежде Политики; ибо что говорится здѣсь о любви къ прекрасному божественному, то самое въ Симпосіонѣ изложено на основаніяхъ, раскрытыхъ съ большею подробностію. Ища связи Политики съ другими діалогами

Платона, обращаютъ вниманіе и на Филеба. Въ Филебѣ говорится, что для достиженія счастія, какое только возможно человѣку, надобно направлять свою жизнь по идеѣ высочайшаго блага. Въ Политикѣ объясняется, въ чемъ состоитъ совершенство и полнота человѣческой добродѣтели; потомъ это понятіе прилагается къ государству и говорится, что государство должно быть управляемо тоже по нормѣ высочайшаго блага. Отсюда можно заключить, что Политика вышла въ свѣтъ послѣ Филеба. Если же захотѣли бы мы сравнивать это сочиненіе съ другими разговорами Платона и по изяществу изложенія; то, кромѣ Горгіаса, Протагора, Федона, Федра и Симпосіона, весьма немногіе могли бы идти въ сравненіе съ нимъ.

Но какъ скоро всѣ упомянутые нами діалоги, носящіе печать ума и возраста зрѣлаго, написаны были Платономъ прежде Политики, а Тимей, Критіасъ, и Законы, какъ выше замѣчено, явились въ свѣтъ послѣ ея; то почти необходимо заключить, что Политика была плодомъ позднихъ лѣтъ Платоновой жизни: ибо только въ довольно поздніе годы философъ могъ привесть въ одну систему отдѣльно обработанныя имъ и требовавшія также не ранняго возраста части своей науки, и сверхъ того рѣшить много новыхъ, еще нетронутыхъ вопросовъ. Впрочемъ есть и другія причины такъ думать. Во-первыхъ Платонъ никакъ не могъ написать Политику прежде смерти Сократа, случившейся въ 1,95 олимп. или въ 400 году до Р. Х. Въ VII письмѣ (p. 225 A sqq.) Платонъ разсказываетъ, что въ молодыхъ лѣтахъ онъ желалъ занять какую-нибудь общественную должность, но увидѣвъ потомъ необузданное правленіе тридцати тиранновъ, совершенно оставилъ свое желаніе. Когда же иго тиранніи было свергнуто,—въ Платонѣ снова пробудилось-было стремленіе къ государственной службѣ: но въ это время пришлось ему дознать на опытѣ, до какой степени аѳинское правленіе уродливо, законы неправосудны, народъ развратенъ и своеволенъ. Да въ такомъ же почти

состоянiи все это находилось и въ другихъ республикахъ. *Τελευτῶντα δὲ νοῆσαι (Πλάτονα) περὶ πάντων τῶν πόλεων, ὅτι κακῶς ξύμπασαι πολιτεύονται, τὰ γὰρ τῶν νόμων αὐταῖς σχεδὸν ἀνιατως ἔχονται.* Довольно было одной поразительной катастрофы Сократа, чтобы въ высокой душѣ Платона убить всякое сочувствiе къ офицiальному служенiю обществу. Можетъ быть къ этому времени грустныхъ думъ о гражданскомъ неустройствѣ греческихъ республикъ надобно относить первое возникновенiе мысли въ умѣ Платона о начертанiи образа наилучшаго государства по природѣ и образу наилучшаго человѣка. Но нельзя думать, чтобы тогда же и осуществлена была мысль его. Извѣстно, что, по смерти Сократа, друзья и родственники его принуждены были бѣжать въ Мегару. Въ Мегарѣ Платонъ провелъ немало времени въ дружескихъ бесѣдахъ съ Эвклидомъ; потомъ долго путешествовалъ то въ Италiю, то на востокъ, и, собирая сокровища мудрости, въ тотъ перiодъ своей жизни не написалъ почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ дiалоговъ, имѣвшихъ цѣлiю оправдать Сократа предъ обществомъ. Поэтому можно съ достовѣрностiю полагать, что Политика въ первое десятилѣтiе послѣ Сократовой смерти, то-есть до перваго путешествiя Платона въ Сицилiю, не была еще написана. Впрочемъ, это положенiе можетъ быть подтверждено и другими соображенiями. Во-первыхъ, если вѣрны наши замѣчанiя, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Политики дѣлаются указанiя на содержанiе Симпосiона; то она не могла выдти въ свѣтъ прежде 4 года XCVIII олимп. Во-вторыхъ, въ 8 и 9 ея книгахъ нравъ тиранна Платонъ изображаетъ такими чертами, что въ его характеристикѣ какбы осязательно видишь Дiонисiя Сиракузскаго; а этого не могло бы быть, еслибы тѣ книги вышли прежде начала XCVIII олимп. Сверхъ того, въ этомъ сочиненiи очевидны слѣды пиѳагорейскаго ученiя [1], бросающiеся въ глаза особенно

---

[1] О пиѳагорейскомъ характерѣ Политики много говоритъ Астъ въ своемъ сочиненiи de vita et scriptis Plat. p 354 sqq.

въ книгахъ 8 p. 546 A sqq. и 10 p. 616 C. sqq. Но такъ какъ неизвѣстно, зналъ ли Платонъ въ точности правила и постановленія пиѳагорейскія, прежде перваго своего путешествія въ Италію и Сицилію; то и это обстоятельство приводитъ къ той же мысли, что Политика могла быть написана не ранѣе XCVIII олимп. Съ другой стороны, трудно представить, чтобы Платонъ началъ излагать ее послѣ C олимп., когда было ему отъ роду уже 50 лѣтъ. На это нелегко согласиться частію потому, что читая Политику съ надлежащимъ вниманіемъ, видишь въ ней на каждой страницѣ признаки нетолько свѣтлаго ума и глубокаго мышленія, но и необыкновенную живость выраженія, и блестящія красоты рѣчи, какія можно предполагать только въ возрастѣ мужескомъ; а частію и потому, что въ позднѣйшей жизни Платона надобно отдѣлить еще много лѣтъ, въ которые онъ долженъ былъ написать книги о Законахъ, Тимея и Критіаса, — сочиненія вышедшія въ свѣтъ несомнѣнно послѣ Политики, и запечатленныя характеромъ мысли, хотя столь же глубокой и зрѣлой, однакожъ болѣе положительной и спокойной. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, едвали мы ошибемся, если заключимъ, что Политика написана Платономъ въ продолженіе XCIX и C олимп., или между 46 и 54 годами его жизни.

Но противъ этого, какъ и противъ всякаго другаго ограниченія времени, къ которому относили бы изданіе Политики, повидимому, имѣетъ силу дѣлаемое иногда возраженіе, что части этого сочиненія написаны не въ одинъ періодъ Платоновой жизни, и что иныя изъ нихъ, бывъ изложены прежде, впослѣдствіи подверглись новой редакціи. Разсказываютъ конечно, что по смерти Платона, на его таблицахъ найдено начало его Политики съ нѣкоторыми измѣненіями, состоявшими въ иной разстановкѣ словъ [1]: но

---

[1] *Diog Laert.* III, 37, *Dionys.* de Compos. Verbor. c. 25. *Quint.* Inst. Orat. VIII, 6, 64. *Muret.* Var. Lectt. IX, 5. XVIII, 8.

этотъ фактъ не доказываетъ еще, что то была новая ея редакція, особенно когда Діонисій и Квинтиліанъ упоминаютъ только о самыхъ первыхъ ея словахъ: *κατέβην χθὲς εἰς Πειραιᾶ μετὰ Γλαύκωνος*, и прибавляютъ, что это было сдѣлано propter numerum oratorium conservandum. Разсказываетъ и Геллій (Noctt. Attic. XIV, 3), что Ксенофонтъ, прочитавъ почти двѣ книги Платоновой Политики, вышедшія въ свѣтъ прежде другихъ, нарочито написалъ и противупоставилъ имъ иное управленіе государствомъ, подъ именемъ *Παιδία Κύρου* [1]. Ссылаясь на это сказаніе, нетрудно придти къ мысли, что Политика въ разныхъ своихъ частяхъ изложена не въ одно время. Но если и допустимъ, что, по словамъ Геллія, первыя двѣ ея книги изданы были отдѣльно, то все-таки невѣроятно, чтобы между изданіемъ ихъ и цѣлаго сочиненія протекло много времени. Во-первыхъ, въ Платоново Государство вошло много постановленій египетскихъ и пиѳагорейскихъ, которыхъ слѣды отчасти видны уже и во второй его книгѣ, и которые предполагаютъ первое путешествіе Платона, какъ дѣло совершившееся. Во-вторыхъ, господствующій въ цѣломъ сочиненіи одинъ и тотъ же характеръ рѣчи, равномѣрно проявляющееся вездѣ изящество выраженія, и постоянно поддерживаемое во всѣхъ частяхъ соотношеніе мыслей, показываютъ, что тонъ и складъ Политики не испыталъ вліянія со стороны разныхъ возрастовъ жизни ея писателя. Кромѣ сего, не справедливо ли будетъ и то замѣчаніе, что если Платонъ, въ первой книгѣ своего Государства (p. 336 A), упомянувъ о ѳивскомъ Исменіасѣ, поставилъ его подъ одинъ взглядъ съ Періандромъ, Пердиккою и Ксерксомъ,—людьми давно прошедшаго времени; то не разумѣлъ ли онъ и Исменіаса, какъ человѣка

---

[1] Недостовѣрность этого сказанія была уже доказываема *Бэккомъ* (de Simultate, quae Platoni cum Xenophonte intercessisse dicitur. p. 20) и *Астомъ* (de Vit. et Script. Plat. l. c.). Мы замѣтимъ только, что изъ первыхъ двухъ книгъ Ксенофонтъ не могъ составить полнаго понятія о Платоновомъ Государствѣ и его правленіи.

уже умершаго? А этотъ Ѳивянинъ, по свидѣтельству Ксенофонта (Hist. Gr. V, 2, 55 sq.), былъ убитъ въ 3 году XCIX олимп. Слѣдовательно изложеніе Платоновой Политики могло быть начато не раньше этого или слѣдующаго года.

Если все сказанное нами вѣрно, или по крайней мѣрѣ правдоподобно; то на нашей сторонѣ уже достаточная причина—не соглашаться ни съ мнѣніемъ Моргенштерна, когда онъ старается доказать, что Аристофанъ въ своихъ *Ἐκκλησιαζούσαις* осмѣивалъ Политику Платона, ни съ словами Визета, который, излагая содержаніе этой комедіи, говоритъ: *Ἀριστοφάνης τοὺς φιλοσόφους, οἷς ἐχθρὸς ἦν, μάλλιστα δὲ τὰ τοῦ Πλάτωνος περὶ πολιτείας βιβλία ψέγειν, σκώπτειν καὶ κωμωδεῖν δοκεῖ* (Аристофанъ, повидимому, осмѣиваетъ и преслѣдуетъ этою комедію философовъ, особенно же Политику Платона). Еслибы эта мысль была вѣрна, то нетолько многочисленные діалоги Платона, на которые онъ указываетъ въ разсматриваемомъ теперь сочиненіи, но и самое это сочиненіе должны были бы выдти въ свѣтъ ранѣе 4 года XCVI олимп.; потому что въ этомъ году Аристофановы *Ἐκκλησιαζοῦσαι* поставлены были на театральную сцену. Допустивъ же послѣднее заключеніе, надлежало бы согласиться, что Платонъ написалъ и издалъ свою Политику, не имѣя еще и 37-ми лѣтъ отъ роду (такъ какъ 37 годъ Платоновой жизни совпадаетъ съ 4 годомъ XCVI олимп.), что выходитъ изъ предѣловъ всякой вѣроятности. Между тѣмъ упомянутая Аристофанова комедія, если всмотрѣться ближе въ цѣль, къ которой она направлена, осмѣиваетъ вовсе не Политику Платона, а тѣхъ безумцевъ аѳинскаго общества, которые до изступленія превозносили нравы Лакедемонянъ и слѣпо подражали ихъ обычаямъ. Это видно особенно изъ тѣхъ мѣстъ комедіи, въ которыхъ лакедемонскіе обычаи выдвигаются на первый планъ дѣйствія; наприм. v. 60 sqq. v. 74 sqq. v. 279 sqq. v. 365 v. 426 v. 530 v. 564. Многіе, болѣе благоразумные Аѳиняне видѣли жалкое разстройство

своего отечества, и причину общественныхъ бѣдствій усматривали въ легкомысленности, непостоянствѣ и развращеніи народа. Несомнѣнно, что эти благомыслящіе люди старались по возможности удержать разливъ зла и указывали своимъ согражданамъ на строгость нравственности спартанской. Мы конечно не знаемъ, кто были такіе нравоучители, однакожъ можемъ навѣрное угадывать ихъ въ лицѣ многихъ философовъ и общественныхъ ораторовъ. Это видно даже изъ 244 ст. *τῶν Ἐκκλησιαζουσῶν*, гдѣ Праксагора на вопросъ: откуда почерпнула она свою мудрость? — отвѣчаетъ такъ: *ἐν ταῖς φυγαῖς μετὰ τἀνδρὸς ᾤκησ' ἐν Πνυκί. ἔπειτ' ἀκούουσ' ἐξέμαθον τῶν ῥητόρων* (во время моего бѣгства, я жила съ моимъ мужемъ во Фнисѣ и слушала ораторовъ; такъ отъ нихъ и научилась),—и изъ 569 и слѣд. стиховъ, гдѣ поетъ хоръ: *Νῦν δὴ δεῖ σε πυκνὰν φρένα καὶ φιλόσοφον ἐγείρειν φροντίδ' ἐπισταμένην ταῖς φίλαισιν ἀμύνειν* (теперь тебѣ, умѣющей помочь своимъ подругамъ, надобно возбудить въ себѣ твердую волю и философскую заботливость). Въ этомъ же можно увѣриться и изъ словъ Платона въ Горгіасѣ (p. 515 E), гдѣ Калликлъ на замѣчаніе Сократа, что Периклъ развратилъ нравы Аѳинянъ, отвѣчаетъ съ колкою насмѣшкою: *τῶν τὰ ὦτα κατεαγότων ἀκούεις ταῦτα*, то-есть, такія рѣчи ты слышишь отъ людей, прокалывающихъ, подобно Спартанцамъ, свои уши. Мы замѣтили выше, что Платонъ и прочіе послѣдователи Сократа всѣмъ другимъ обществамъ предпочитали общества дорическія. Кажется, нельзя сомнѣваться, что преимущество ихъ сознавалъ и народъ: только многіе не понимали, въ чемъ именно состоитъ оно, и увлекались одною внѣшнею стороною жизни, принятой Дорянами. Любители ихъ одѣвались въ лакедемонскія туники, носили большіе сапоги, ходили съ палками, упражнялись въ борьбѣ, носили въ ушахъ серьги,—и думали, что, слѣдуя такимъ обычаямъ, они—настоящіе Спартанцы. Даже женщины, прежде скромно сидѣвшія въ своихъ гинекеяхъ и прявшія шерсть, теперь, по примѣру мужей, получили большую

свободу и подражали спартанскимъ героинямъ, которыя хотя и не добивались гражданскихъ почестей, однакожъ на мужей своихъ имѣли столь сильное вліяніе, что, по свидѣтельству *Аристотеля* (Polit. 11. 9. p. 438 C. D) *Платона* (Legg. 1 p. 637 C) и *Плутарха* (Lycurg. Sect. 14. 15), произволъ ихъ входилъ въ рѣшеніе многихъ важнѣйшихъ дѣлъ. И эту-то эманципацію аѳинскихъ женщинъ, столь несогласную съ прежнею скромностію ихъ, осмѣивалъ Аристофанъ въ своихъ Ἐκκλησιαζούσαις, Θεσμοφοριαζούσαις и въ Лизистратѣ. Въ первой изъ этихъ комедій главное дѣйствующее лицо—Праксагора, одѣтая въ мужескую одежду, и подвязавшая себѣ бороду, предписываетъ народу законъ, вручающій женщинамъ кормило правленія,—въ той мысли, что подъ женскимъ правленіемъ государство избавится отъ величайшихъ бѣдствій, навлекаемыхъ на него слабыми мужчинами. Въ законѣ Праксагоры нѣтъ ничего, прямо противорѣчущаго постановленіямъ спартанскимъ, а только есть преувеличенія, сдѣланныя конечно съ цѣлію комическою—для возбужденія смѣха, и чрезъ то подавшія поводъ думать, будто этимъ осмѣивается Платонова Политика. Праксагора прежде всего приказываетъ учредить общественныя пиршества, чѣмъ дѣлается намекъ на сисситіи Спартанцевъ, а не на тѣ общіе столы, которые Платонъ установилъ въ своемъ Государствѣ для стражей или воиновъ. Потомъ эта, облеченная верховною властію женщина узаконяетъ всѣ имущества почитать общими—съ цѣлію изгнать изъ государства воровство и всякій обманъ, чѣмъ также намекается на постановленія спартанскія, относительно равенства полей и нѣкоторымъ образомъ общности богатства (*Morgenstern*. p. 307. *Xenoph*. de Republ. Lac. p. 681 E. 682 A. B. *Aristot*. Polit. 11, 5. *Plutarch*. Instit. Lac. p. 236 E). Слова Плутарха объ этомъ предметѣ особенно замѣчательны. «По выполненіи этого, у Лакедемонянъ исчезли многіе роды несправедливости. Кто бы послѣ сего вздумалъ или воровать, или брать взятки, или отни-

мать, или грабить, когда не было надобности пріобрѣтать и пріобрѣтеннаго не возможно было спрятать?» Но мнѣніе, будто въ Εκκλησιαζούσαις осмѣивается Политика Платона, произошло особенно отъ того, что Праксагора въ этой комедіи постановляетъ также законъ женамъ быть общими—въ той мысли, что тогда старцы будутъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, какъ отцы уважаются дѣтьми, и цѣлое государство сдѣлается какбы однимъ семействомъ. Хотя это постановленіе и походитъ на Платоново, однакожъ и оно гораздо ближе къ учрежденіямъ лакедемонскимъ; такъ что и здѣсь не представляется причины думать, почему означенная Аристофанова комедія скорѣе осмѣиваетъ Платона, чѣмъ безразсудное подражаніе спартанскимъ обычаямъ. У Платона этотъ законъ имѣетъ значеніе только въ отношеніи къ воинамъ; а въ спартанской республикѣ все, о чемъ говорится у Плутарха (Vit. Lycurg. p. 49 A. D. Sect. 15) и Ксенофонта (de Rep. Lac. 1, 7), относится къ каждому гражданину. Вотъ слова Плутарха: Εξέβαλε τῆν κενὴν, καὶ γυναικώδη ζηλοτυπίαν, ἐν καλῷ καταστήσας ὕβριν μὲν καὶ αταξίαν πᾶσαν εἶργειν ἀπὸ τοῦ γάμου, παίδων τε καὶ τεκνώσεως κοινονεῖν τοῖς αξίοις, καταγελῶν τῶν ὡς ἄμικτα καὶ ἀκοινώνητα ταῦτα μετιόντων σφαγαῖς καὶ πολέμοις. Ἐξῆν μὲν γὰρ ἀνδρὶ πρεσβυτέρω νέας γυναικὸς, εἰ δή τινα τῶν καλῶν καὶ ἀγαθῶν ἀσπάσαιτο νέων καὶ δοκιμάσειεν, ἐισαγαγεῖν παρ᾽ αὐτὴν καὶ πλήσαντα γενναίου σπέρματος ἴδιον αὐτος ποιήσασθαι τὸ γεννηθέν. Εξῆν δὲ πάλιν ἀνδρὶ χρηστῷ τῶν εὐτέκνων τινὰ καὶ σωφρόνων θαυμάσαντι γυναικῶν ἑτέρῳ γεγανημένην πεῖσαι τὸν ἄνδρα συνελθεῖν, ὥςπερ ἐν χώρᾳ καλλικάρπῳ φυτεύοντα καὶ ποιούμενον παῖδας ἀγαθοὺς ἀγαθῶν ὁμαίμους καὶ συγγενεῖς ἐσομένους. Эти и подобныя этимъ черты спартанской жизни совершенно уничтожаютъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Аристофанъ въ своихъ Εκκλησιαζούσαις смѣялся надъ Политикою Платона; потому что, вмѣсто Политики, выставляютъ сами себя, какъ готовый и весьма приличный предметъ для Аристофановой комедіи. Впрочемъ такого мнѣнія нельзя принять и по другимъ причинамъ. Во-первыхъ, читавшіе Аристофана должны удивляться, почему этотъ комикъ нигдѣ не-

только не упоминаетъ объ имени философа, но не дѣлаетъ и намековъ, что надъ нимъ смѣется. Во-вторыхъ у Аристофана вводится много такихъ вещей, которыми прямо указывается на обычаи и уставы Спартанцевъ, но которыя нисколько не касаются Политики Платона; таково, наприм., описаніе одеждъ и всей внѣшней обстановки женскаго управленія. Въ-третьихъ, Платонъ позволяетъ женщинамъ только принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ; а Аристофанъ предоставляетъ имъ верховную власть въ государствѣ. Платонъ постановляетъ, чтобы имущество было общимъ только въ сословіи воиновъ; а Аристофанъ напротивъ распространяетъ это постановленіе на всѣ государственныя сословія. Платонъ велитъ продовольствовать своихъ стражей на общественныя деньги; а Аристофанъ заставляетъ всѣхъ гражданъ новаго государства веселиться на общихъ пирахъ. Платонъ позволяетъ общіе браки только воинамъ, и притомъ подъ завѣдываніемъ мудрыхъ начальниковъ; а Аристофанъ въ этомъ отношеніи даетъ полную свободу всѣмъ гражданамъ, особенно же женщинамъ. Надобно сверхъ сего взять въ соображеніе и то, что самъ Платонъ въ своей Политикѣ (L. V. p. 452 B. C. p. 457 A. B) упоминаетъ о насмѣшкахъ комиковъ, направленныхъ противъ обычаевъ и постановленій спартанскихъ. Слѣдовательно эти насмѣшки, по времени, предшествовали Политикѣ, и къ нимъ-то безъ сомнѣнія принадлежала означенная комедія Аристофана.

Этимъ оканчиваемъ мы обозрѣніе содержанія Платоновой Политики и изслѣдованіе намѣренія, съ которымъ философъ написалъ ее. Разсматривать, какія частныя мысли вошли у него въ тѣснѣйшую связь съ общими вопросами, и какою именно держатся онѣ связію, было бы дѣломъ излишнимъ. Это съ возможною краткостію показано будетъ въ очеркахъ содержанія каждой книги и предъ каждою книгою. Изъ предполагаемыхъ очерковъ откроется, какое значеніе въ цѣломъ діалогѣ имѣютъ разсужденія Платона

о превратныхъ понятіяхъ относительно справедливости и несправедливости, о способностяхъ человѣческой души, о различныхъ родахъ удовольствій, о многообразныхъ нравахъ добрыхъ и злыхъ людей, объ идеѣ высочайшаго блага, о достоинствѣ истиннаго философа, о видахъ гражданскихъ обществъ, о состояніи человѣческаго рода на землѣ, объ участи людей по смерти, о занятіи свободными науками, особенно поэзіею, и о многихъ другихъ предметахъ. Платонъ въ своей Политикѣ сводитъ познанія о всемъ, чего можетъ касаться человѣческая пытливость, и представляетъ ихъ въ систематической связи и взаимной зависимости.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ, ГЛАВКОНЪ, ПОЛЕМАРХЪ, ТРАЗИМАХЪ, АДИМАНТЪ, КЕФАЛЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Первая книга Платонова Государства начинается дружескою бесѣдою Сократа съ старикомъ Кефаломъ—о старости и,—когда по этому поводу, было замѣчено, что человѣкъ, проведшій жизнь праведно и свято, наслаждается спокойною и веселою старостью,—возникъ у нихъ вопросъ: что называется *праведностью* или *правдою?* Р. 327—331 С. Послѣ сего Кефалъ уходитъ, и о постановленномъ предметѣ начинаетъ разсуждать съ Сократомъ сынъ Кефала, Полемархъ. Этотъ правду опредѣляетъ такъ, что называетъ ее добродѣтелью, отдающею всякому свое. Но Сократъ находитъ, что его опредѣленіе въ человѣкѣ справедливомъ не предполагаетъ довольно осмотрительности; потому что въ такомъ случаѣ вещь, ввѣренную намъ для сохраненія человѣкомъ здравомыслящимъ, возвратить ему тогда, когда онъ сошелъ съ ума, значило бы поступить справедливо. Р. 331 С—332 А. Посему Полемархъ, измѣнивъ свое мнѣніе, видитъ теперь справедливость въ томъ, чтобы благотворить друзьямъ, и дѣлать зло врагамъ. Но Сократъ отвергаетъ и это опредѣленіе: предлагая Полемарху вопросъ за вопросомъ, онъ незамѣтно приводитъ своего собесѣдника къ заключенію противному, что человѣкъ справедливый былъ бы несправедливъ, еслибы сталъ вредить кому-нибудь. Р. 332 А—336 А. Послѣ того въ

бесѣду съ Сократомъ вступаетъ софистъ Тразимахъ и утверждаетъ, что справедливость есть не что иное, какъ дѣйствіе, полезное мужественнѣйшему и превосходнѣйшему. Но Сократъ опровергаетъ и это мнѣніе,—притомъ многими доказательствами, и учитъ, что человѣкъ справедливый, завѣдывая общественными дѣлами и имѣя силу въ государствѣ, долженъ смотрѣть не на личную свою, а на общую пользу, или на благосостояніе тѣхъ, которыми онъ управляетъ. P. 336 A—342 E. Тразимахъ однакожъ за такой взглядъ сильно укоряетъ Сократа, почитая подобную дѣятельность глупою, и, чтобы своему понятію о справедливости придать болѣе вѣса, начинаетъ великими похвалами превозносить несправедливость, говоря, что послѣдняя приноситъ человѣку гораздо больше выгоды, чѣмъ первая. P. 342 E — 344 C. Сократъ конечно не соглашается съ этимъ и подробно раскрываетъ, что несправедливость и не полезнѣе и не счастливѣе справедливости. P. 344 C—354.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Вчера я съ Главкономъ [1], сыномъ Аристона, сошелъ въ 327.
Пирей [2] поклониться божеству [3], а вмѣстѣ посмотрѣть, какъ будетъ идти праздникъ, совершаемый нынѣ въ первый разъ. И мнѣ показалось, что церемонія выполнена здѣшними жителями столь же хорошо и благоприлично, какъ будто бы выполняли ее сами Өракіяне. Поклонившись и посмотрѣвши,
мы отправились назадъ въ городъ. Тутъ Полемархъ, сынъ B.

[1] Главконъ и Адимантъ, сыновья Аристона и Периктіоны, были братья Платона: судя по тому, какъ въ этой книгѣ изображаются нравственныя ихъ свойства, надобно полагать, что Платонъ очень любилъ ихъ. *Groen van Prinsterer* Prosopogr. Platon. p. 207 sqq.

[2] Весь этотъ разговоръ представляется происходившимъ въ Пиреѣ, въ домѣ Кефала. Сократъ разсказываетъ здѣсь Тимею, Критіасу, Гермократу и какому-то четвертому лицу безъимянному—о томъ, что̀ заставило его идти въ Пирей. Простотѣ и естественности этого вступленія удивлялись еще древніе. Оно, послѣ смерти Платона, найдено было на его таблицѣ съ разными поправками и перестановками словъ. *Diog. Laert.* III. 37.

[3] Подъ божествомъ схоліастъ и другіе неправильно понимаютъ здѣсь Палладу, въ честь которой совершаемы были панаөинеи. Напротивъ Платонъ разумѣетъ богиню Вендину или Вендиду, которой посвященные праздники назывались вендидіями и принесены были въ Аөины изъ Өракіи. По свидѣтельству *Прокла* (in Timaeum p. 9. v. 27), вендидіи совершаемы были въ двадцатый день мѣсяца Таргеліона, въ Пиреѣ, за два дня предъ празднованіемъ меньшихъ панаөиней, которыя посвящались Діанѣ, по-өракійски называвшейся Вендинъ. V. *Ruhnken.* ad Timaei Glossar. p. 62. *Creuzer.* Symb. T. II. p. 129 sqq. Что этотъ разговоръ происходилъ во время вендидій,—видно какъ изъ начала его, такъ изъ конца первой книги, гдѣ говорится: ταῦτα δή σοι, ἔφη, ὦ Σώκρατες, εἰστιάσθω ἐν τοῖς Βενδιδείοις.

Кефаловъ [1], увидѣвъ издали, что мы спѣшимъ домой, приказалъ своему мальчику догнать насъ и просить, чтобы мы подождали. Мальчикъ, схвативъ меня сзади за плащь, сказалъ: Полемархъ проситъ васъ подождать.—А я обернулся и спросилъ: гдѣ же онъ?—Онъ назади, идетъ сюда, отвѣчалъ мальчикъ; подождите, сдѣлайте милость.—Хорошо, подождемъ, сказалъ Главконъ.—Немного спустя, къ намъ присо-
C. единились и Полемархъ, и Адимантъ, сынъ Главкона, и Никиратъ [2], сынъ Никіаса, и нѣкоторые другіе, возвращавшіеся съ церемоніи.—Тогда Полемархъ сказалъ: Сократъ! вы, кажется, спѣшите въ городъ.—Тебѣ нехудо кажется, отвѣчалъ я.—А видишь ли, сколько насъ [3]? прибавилъ онъ.—Какъ не видѣть?—Такъ вамъ, говоритъ, надобно или быть посильнѣе этого общества, или остаться здѣсь.—Но есть еще одно, возразилъ я: убѣдить васъ, что должно дать намъ отпускъ. —А развѣ возможно убѣдить тѣхъ, которые не слушаютъ? подхватилъ онъ.—Совершенно невозможно, отвѣчалъ Главконъ.—Будьте же увѣрены, сказалъ онъ, что мы слушать
328. васъ не станемъ.—Ужели вы не знаете, примолвилъ Адимантъ, что вечеромъ, въ честь божества, будетъ бѣгъ съ

---

[1] Кефалъ—риторъ, родомъ Сиракузянинъ, или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Туріецъ, переселившійся въ Аѳины, по убѣжденію Перикла, и пользовавшійся его гостепріимствомъ. У Кефала были сыновья: Полемархъ, Эвтидемъ, Врахитъ и знаменитый ораторъ Лизіасъ. *Dionys. Halicarn.* et *Plutarch.* in vita Lysiae. Полемарху, о которомъ здѣсь говорится, поставленные Лакедемонянами тридцать тиранновъ присудили выпить ядъ. *Muretus.* Conf. *Taylor.* Vita Lys. T. VI p. 103 sqq.

[2] Никиратъ былъ отецъ извѣстнаго греческаго полководца Никіаса, командовавшаго аѳинскимъ войскомъ во время пелопонезской войны. *Thucyd.* и *Plutarch.* Отъ этого Никирата надобно отличать сына Никіасова, который былъ тоже Никиратъ. О немъ упоминается въ Лахесѣ, какъ о мальчикѣ, требующемъ еще воспитанія; а здѣсь, въ Государствѣ, является онъ уже совершеннолѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Этимъ соображеніемъ можно доказывать, что Государство написано Платономъ много позднѣе чѣмъ Лахесъ.

[3] *Ὁρᾷς οὖν ὅσοι ἐσμέν;*—шутливая угроза. Подобныя выраженія угрозы см. Phileb. p. 16 A. *ἆρα ὦ Σώκρατες, οὐχ ὁρᾷς ἡμῶν τὸ πλῆθος, ὅτι νέοι πάντες ἐσμέν, καὶ οὐ φοβεῖ....* Phaedr. p. 236 C. *Horat.* Satyr. 1, 4 extr. Cui si concedere nolis, multa — veniat manus, auxilio quae sit mihi; nam multo plures sumus.

факелами [1] на коняхъ?—На коняхъ? воскликнулъ я; да это новость: то-есть, обгоняя другъ друга на коняхъ, будутъ передавать [2] одинъ другому факелы? Или какъ ты говоришь?—Именно такъ, отвѣчалъ Полемархъ; и сверхъ того устроятъ ночныя увеселенія, которыя стоитъ посмотрѣть. Послѣ ужина мы увидимъ ихъ и, встрѣтивъ тамъ много молодыхъ людей, будемъ разговаривать съ ними. Останьтесь-ка, не упрямтесь.—Да, приходится остаться, сказалъ Главконъ.—Если угодно, пусть такъ и будетъ, примолвилъ я.—Итакъ B.
мы пошли въ домъ къ Полемарху и встрѣтили тамъ Полемарховыхъ братьевъ—Лизіаса и Эвтидема, вмѣстѣ съ Халкидонцемъ Тразимахомъ [3], Пеанцемъ Хармантидомъ и Кли-

---

[1] Объ этомъ религіозномъ бѣгѣ съ факелами разсказываютъ такъ: у Аѳинянъ былъ родъ состязанія, называемый *λαμπαδουχία* и *λαμπαδοδρομία.* Зажигали факелы огнемъ съ жертвенника и, держа ихъ въ рукахъ, бѣжали, сколько могли, долѣе и быстрѣе. Тѣ, у кого факелы погасали, или которые отставали отъ бѣгущихъ и до опредѣленнаго мѣста достигали позднѣе, почитались побѣжденными. См. *Pausan.* in Atticis (c. 30 § 2). Такое состязаніе обыкновенно происходило въ праздникъ Прометея, который схватилъ огонь пукомъ деревянныхъ прутьевъ, чтобы онъ не погасъ, и перенесъ его съ неба на землю. Подобный бѣгъ съ огнемъ бывалъ и въ праздникъ Вулкана, такъ какъ его признавали богомъ огня. То же совершалось и въ праздникъ Минервы, которой приписывали попеченіе о наукахъ и искуствахъ, имѣющихъ нужду въ огнѣ. Но почему этотъ обычай перенесенъ былъ и на праздникъ Діаны? не потому ли, что Діана у Грековъ была одно съ Селиною (луною), которая ночью свѣтитъ будто лампада, отчего и называли ее *νυκτιλαμπή*, или, какъ у Горація, noctiluca? И почему опять въ праздникъ Діаны совершаемъ былъ этотъ бѣгъ на коняхъ? Не потому ли, что Діану Греки представляли везомою по небу конями? *Ovidius.* Altaque volantes Luna vehebat equos. *Propertius.* Quamvis labentes premeret mihi somnus ocellos, et mediis coelo Luna ruberet equis.

[2] Бѣгущіе, пробѣжавъ поприще, передавали свои факелы, по порядку, другимъ. Отсюда—та прекрасная мысль *Платона*, Legg. VI p. 776 B: «раждающіе и воспитывающіе дѣтей передаютъ имъ послѣдовательно жизнь, будто факелы. *Лукрецій* Lib. II, v. 78, выразилъ ее такъ: Inque brevi spatio mutantur saecla animantum, et quasi cursores vitae lampada tradunt.

[3] Софистъ Тразимахъ былъ родомъ изъ виѳинскаго города Халкидона и, по словамъ *Цицерона* (Orat. 52), первый изобрѣлъ правильный складъ рѣчи прозаической (numerum oratorium); потому что обладалъ удивительнымъ даромъ слова (Phaedr. p. 267 T). Такъ какъ его краснорѣчіе не могло не нравиться юношамъ; то упоминаемые здѣсь Хармантидъ и Клитофонъ, вѣроятно, были его ученики.

тофономъ Аристонимовымъ. Тутъ же былъ и отецъ Поле-
C. марха — Кефалъ. Онъ показался мнѣ очень устарѣвшимъ;
ибо прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ
его. Старикъ сидѣлъ увѣнчанный, на мягкомъ, покрытомъ
подушкой стулѣ [1], потому что приносилъ жертву на до-
машнемъ жертвенникѣ. Мы усѣлись подлѣ него, такъ какъ
здѣсь вокругъ стояли стулья. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ
сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе и сказалъ: Сократъ! ты нынѣ рѣд-
ко жалуешь къ намъ въ Пирей; а надобно. Еслибы я имѣлъ
довольно силы легко ходить въ городъ, то тебѣ хоть бы
D. и не бывать здѣсь; тогда мы сами посѣщали бы тебя. А
теперь ты долженъ приходить къ намъ чаще; ибо знай,
что чѣмъ болѣе чуждыми становятся для меня удовольствія
тѣлесныя, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ во мнѣ желаніе и удо-
вольствіе бесѣдовать. Итакъ не отказывайся, но и зани-
майся-таки съ этими молодыми людьми, да не забывай на-
E. вѣщать и насъ, какъ друзей и короткихъ знакомыхъ.—
Какже; мнѣ пріятно, Кефалъ, бесѣдовать съ глубокими
старцами, сказалъ я: они уже прошли тотъ путь, которымъ
идти, можетъ быть, понадобится и намъ; а потому у нихъ-
то, думаю, должно спрашивать, каковъ онъ,—ухабистъ и
труденъ, или легокъ и ровенъ. Особенно тебѣ я охотно вѣ-
рилъ бы въ этомъ отношеніи; потому что ты уже въ томъ
возрастѣ, который поэты называютъ порогомъ старости. Что
же, трудна эта часть жизни? какъ ты скажешь?—Я скажу
тебѣ, Сократъ, ради Зевса, именно то, что мнѣ кажется, от-
329. вѣчалъ онъ. Нѣсколько насъ человѣкъ, почти равныхъ лѣтъ,
часто сходимся въ какое-нибудь одно мѣсто, оправдывая ста-
ринную пословицу [2]. Въ нашихъ собраніяхъ многіе оплаки-

---

[1] Совершавшіе жертвоприношеніе обыкновенно возлагали на себя вѣнокъ. Жертвенники устроялись на открытомъ воздухѣ, среди двора, или внутри домашнихъ зданій, и имѣлись въ каждомъ домѣ. *Xenoph.* Mem. I, 1. *Aristoph.* Pac. v. 941. *Virgil.* Aeneid. II, v. 512.

[2] Разумѣется, вѣроятно, самая употребительная у Грековъ пословица: ἧλιξ ἥλικα τέρπε, γέρων δέ τε τέρπε γέροντα. *Apostolius* Adagg. IX, 78. *Erasm.* Adagg. 1. 2, 20.

ваютъ вожделѣнныя для нихъ удовольствія юности, воспоминанія о любовныхъ связяхъ, попойкахъ, пирушкахъ и другихъ забавахъ того же рода, и обнаруживаютъ брюзгливость, какъ будто лишились чего-то великаго, какъ будто въ тѣ времена они жили прекрасно, а теперь вовсе не
живутъ. А иные оскорбляются и тѣмъ, что ихъ старость B.
подвержена насмѣшкамъ со стороны ближнихъ; а потому о ней, какъ о виновницѣ всѣхъ своихъ золъ, они поютъ ту же жалобную пѣсню. Но по моему, Сократъ, такъ они не попадаютъ на причину. Еслибы причиною дѣйствительно была старость, то и я терпѣлъ бы отъ ней то же самое, что всѣ прочіе, достигшіе того же возраста. Напротивъ, мнѣ уже случалось встрѣчаться и съ другими—не такими стариками, и съ Софокломъ. Разъ кто-то спросилъ поэта Софокла: каковъ
ты теперь, Софоклъ, въ отношеніи къ удовольствіямъ люб- C.
ви? можешь ли еще имѣть связь съ женщиною?—А онъ отвѣчалъ: говори лучше, добрый человѣкъ; я ушелъ отъ этого, съ величайшею радостію, какъ бѣгаютъ отъ бѣшенаго и жестокаго господина.—Такой отвѣтъ мнѣ и тогда казался хорошимъ, и теперь не менѣе нравится. Въ самомъ дѣлѣ, старость, въ отношеніи къ подобнымъ вещамъ, есть время совершеннаго мира и свободы. Когда страсти перестаютъ раздражаться и ослабѣваютъ; тогда является именно состоя-
ніе Софокла, — состояніе освобожденія отъ многихъ и не- D.
истовыхъ господъ. Причина и этого, Сократъ, и домашнихъ непріятностей—одна: не старость, а человѣческій нравъ. Если старики доблественны, и нрава легкаго; то старость для нихъ удобопереносима: а когда нѣтъ,—и старость и молодость, Сократъ, равно несносны имъ.—Восхитившись его словами и желая возбудить его къ дальнѣйшему разговору, я сказалъ: мнѣ кажется, Кефалъ, что люди не примутъ такихъ
твоихъ разсужденій: они подумаютъ, что ты легко перено- E.
сишь старость не отъ своего нрава, а потому, что владѣешь великимъ богатствомъ; говорятъ же, что у богатыхъ много утѣхъ.—Ты правъ, примолвилъ онъ;—точно, не примутъ, и

однакожъ, думая такъ, ошибаются. Мнѣ нравится отвѣтъ Ѳемистокла одному Серифянину [1], который порицалъ его,
330. говоря, что онъ обязанъ славою не самому себѣ, а своему отечеству. «Я не прославился бы, отвѣчалъ онъ, бывъ Серифяниномъ, а ты,—бывъ Аѳиняниномъ». Эта самая рѣчь идетъ и къ тѣмъ небогатымъ людямъ, которые съ трудомъ переносятъ свою старость: т. е. и для человѣка добронравнаго нелегка можетъ быть старость, сопровождаемая бѣдностію; и человѣку недобронравному трудно бываетъ владѣть собою, не смотря на богатство.—Но большая часть того, чѣмъ ты владѣешь, Кефалъ, досталась ли тебѣ по наслѣдству, спросилъ я,
B. или пріобрѣтена самимъ тобою?—Гдѣ мнѣ было пріобрѣсть, Сократъ! отвѣчалъ онъ. Цѣлою половиною своего состоянія я обязанъ дѣду и отцу. Дѣдъ, соименникъ [2] мой, наслѣдовалъ почти такое же богатство, какое теперь у меня, да еще самъ увеличилъ его; а Лизаніасъ, мой отецъ, уменьшилъ его даже въ сравненіи съ теперешнимъ моимъ. Что же касается до меня, то я хотѣлъ бы передать его этимъ дѣтямъ не уменьшеннымъ, но хоть немного увеличеннымъ противъ того, которое я получилъ. — Я спросилъ тебя объ этомъ потому, сказалъ я, что не замѣчалъ въ тебѣ боль-
C. шой привязанности къ деньгамъ; а привязанности къ нимъ не имѣютъ тѣ, которые не сами нажили ихъ. Напротивъ, кто самъ наживалъ деньги, тотъ любитъ ихъ вдвое болѣе, чѣмъ другіе. Какъ поэты любятъ свои стихотворенія, а отцы—своихъ дѣтей: такъ разбогатѣвшіе любятъ деньги, собственное стяжаніе,—любятъ, не по мѣрѣ ихъ полезности, подобно другимъ. Оттого-то обращеніе ихъ и тяжело;

---

[1] Серифъ—одинъ изъ цикладскихъ островов, до того малый и каменистый, что вошелъ въ пословицу. См. *Strab.* X p. 746 B. ed. Almel.

[2] У Грековъ былъ, какъ и у насъ теперь есть, — обычай давать одному изъ сыновей имя его дѣда, чтобы тѣмъ увѣковѣчить его память и выразить ему почтеніе. Такъ у Никіаса, сына Никиратова, былъ сынъ Никиратъ; Лизисъ, сынъ Димократа, былъ внукъ Лизиса; Аристотель, сынъ Никомаха, назвалъ своего сына тоже Никомахомъ. У Римлянъ же старшему сыну тотчасъ даваемо было прозваніе отца. *Muretus.*

оттого-то они и ничего не хвалятъ, кромѣ богатства. — Ты правду говоришь, отвѣчалъ онъ. — Безъ сомнѣнія, при- D.
молвилъ я; но скажи мнѣ еще вотъ что: какимъ самымъ великимъ благомъ думаешь ты насладиться, стяжавъ большое богатство? — О, мой отвѣтъ на это покажется убѣдительнымъ, вѣроятно, не для многихъ, сказалъ онъ. Знай, Сократъ, что кто близокъ къ мысли о смерти; у того раждается боязнь и забота о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде онъ и не думалъ. Разсказываемые миѳы о преисподней, что порочные должны тамъ получить наказаніе, до того E.
времени бываютъ имъ осмѣиваемы; а тутъ въ его душу вселяется мучительное недоумѣніе, — что̀ если они справедливы. Отъ слабости ли, свойственной старику, или уже отъ близости къ той жизни, онъ какъ-то болѣе прозираетъ въ загробное. Полный сомнѣнія и страха, онъ начинаетъ размышлять и разсматривать, не обидѣлъ ли кого какъ-нибудь. Находя въ своей жизни много несправедливостей и, подобно дѣтямъ, нечаянно пробужденный отъ сна, онъ трепещетъ и живетъ съ горькими ожиданіями. А кто не сознаетъ 331.
въ себѣ ничего несправедливаго; тому всегда сопутствуетъ пріятная надежда, добрая питательница старости, какъ говоритъ Пиндаръ [1]. Ужъ куда мило, Сократъ, изображаетъ онъ человѣка, проводящаго свою жизнь праведно и свято.

Сладкую сердце его лелѣетъ надежду;
Питаетъ старость и ей сопутствуетъ въ жизни—
Эта надежда—правитель умами людскими,
Хитро которые, такъ изворотливо мыслятъ.

Да, онъ говоритъ удивительно какъ сильно. Потому-то я и полагаю, что пріобрѣтеніе денегъ весьма важно не для каждаго человѣка, а только для добронравнаго. Деньги со- B.
дѣйствуютъ большею частію къ тому, чтобы не обманывать и не лгать не-хотя, и выйти отсюда не боясь, что или богу не принесены извѣстныя жертвы, или людямъ не заплаче-

[1] Приведенные стихи Пиндара находятся въ Tom. III, 1. p. 80 sqq. ed. Heyn. и *Boeckh.* fragm. Pind. CCXLIII. Снес. Tom. II P. 11. p. 682.

но жалованье. Онѣ доставляютъ много и иныхъ выгодъ. Для человѣка съ умомъ, по моему мнѣнію, одно, конечно, лучше другаго; однакожъ и богатство, Сократъ, все-таки весьма по-
C. лезно.—Ты прекрасно разсуждаешь, Кефалъ, сказалъ я. Но эту самую справедливость назовемъ ли мы просто истиною, и отдаваніемъ того, что получено отъ другаго, или подобные поступки иногда бываютъ справедливы, а иногда нѣтъ? Какбы такъ сказать: всякій вѣдь согласится, что кто взялъ оружіе у своего друга, обладающаго здравымъ умомъ, тотъ не долженъ отдавать его этому другу, сошедшему съ ума, когда онъ того требуетъ, — и отдавшій былъ бы неправъ даже и въ томъ случаѣ, когда высказалъ бы ему всю ис-
D. тину.—Твоя правда, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно не это опредѣленіе справедливости, что она есть высказываніе истины и отдаваніе взятаго.—Нѣтъ, именно это, Сократъ, подхватилъ Полемархъ, если только вѣрить Симониду.—Ну такъ предоставляю вамъ продолжать разговоръ, сказалъ Кефалъ; а мнѣ уже пора заняться жертвоприношеніемъ.—Значитъ, твоимъ наслѣдникомъ [1] будетъ Полемархъ? примолвилъ я.—Конечно, сказалъ онъ, усмѣхнувшись, и тотчасъ пошелъ къ жертвеннику [2].

E. Скажи же ты мнѣ, наслѣдникъ бесѣды, продолжалъ я,

---

[1] Сократъ не говоритъ: *ὁ Πολέμαρχος τῶν γε σῶν λόγων διάδοχός ἐστι*, какъ бы слѣдовало сказать, но — *τῶν γε σῶν* (какбы *χρημάτων*) *κληρονόμος*; и такимъ образомъ этимъ двузнаменательнымъ выраженіемъ соединяетъ предъидущую рѣчь о наслѣдствѣ имѣнія съ понятіемъ о преемствѣ бесѣды. Отсюда видно, почему Кефалъ, отвѣчая на это, усмѣхнулся.

[2] Кефалъ выше сказалъ, что кто всегда жилъ праведно, тотъ въ своей душѣ можетъ быть покоенъ; а праведность выражается двумя формами жизни: высказываніемъ правды и отдаваніемъ всякому того, что кому слѣдуетъ. Этими чертами опредѣляется теперь справедливость и дѣлается предметомъ изслѣдованія. Сократъ противъ такого опредѣленія справедливости представляетъ возраженіе въ формѣ примѣра; но Полемархъ, основываясь на авторитетѣ Симонида, хочетъ защищать его. Тутъ Кефалъ, видя, что завязывается діалектическая борьба, передаетъ свою роль Полемарху и уходитъ. Эта передача роли заключаетъ въ себѣ мысль глубокую: старецъ, долговременными опытами жизни дознавшій слабость естественныхъ силъ человѣка, перестаетъ слишкомъ много довѣрять своему уму и болѣе успокоивается

какое мнѣніе Симонида о справедливости, по твоему, правильно.—То, отвѣчалъ Полемархъ, что справедливость состоитъ въ воздаяніи всѣмъ должнаго. Говоря такъ, онъ, мнѣ кажется, говоритъ хорошо. — Разумѣется, примолвилъ я; Симониду-то, нелегко не вѣрить: вѣдь это человѣкъ мудрый и божественный. Однакожъ ты, Полемархъ, можетъ быть, и знаешь, что̀ говоритъ онъ; а я не знаю: ужъ вѣрно не то, о чемъ мы сейчасъ разсуждали, — чтобы, то-есть, залогъ, каковъ бы онъ ни былъ, отдавать требующему не въ здравомъ умѣ, хотя залогомъ-то въ самомъ дѣлѣ налагается долгъ. Не такъ ли?—Такъ.—Вѣдь залога никакъ не 332.
слѣдуетъ отдавать, если требуетъ его человѣкъ не въ здравомъ умѣ?—Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Стало быть, Симонидъ разумѣетъ что-то другое, когда говоритъ, что справедливость состоитъ въ воздаяніи должнаго.—Да, другое, клянусь Зевсомъ: у него — та мысль, что долгъ друзей дѣлать друзьямъ что-нибудь доброе, а зла не дѣлать.—Понимаю, сказалъ я: тотъ отдаетъ не должное, кто возвращаетъ ввѣренныя себѣ деньги, когда и принятіе и возвращеніе ихъ бываетъ вредно; друзьями же называют- B.
ся тѣ, изъ которыхъ одинъ принимаетъ, а другой отдаетъ. Не эту ли мысль приписываешь ты Симониду?—Конечно эту.—Что жъ? а врагамъ надобно ли воздавать то, чѣмъ мы при случаѣ бываемъ имъ должны?—Да, непремѣнно — то, чѣмъ должны, отвѣчалъ онъ; а долгъ врага, въ отношеніи къ врагу, состоитъ, думаю, въ воздаяніи того, что прилично, то-есть въ воздаяніи зла. — Поэтому Симонидъ, ска-

---

на основаніяхъ божественныхъ; а молодость все еще ласкаетъ себя надеждою найти истину собственными средствами, и настойчиво философствуетъ, пока самая философія не приведетъ ее къ сознанію необходимости въ средствахъ богословскихъ. Поэтому *Цицеронъ* (Epist. ad Attic. IV, 16) хорошо замѣчаетъ: Quum in Piraeum Socrates venisset ad Cephalum, locupletem et festivum senem, quoad primus ille sermo haberetur, adest in disputando senex; deinde quum ipse quoque commodissime loquutus est, ad rem divinam dicit se velle discedere, neque postea revertitur. Credo Platonem vix putasse satis consonum fore, si hominem id aetatis in tam longo sermone diutius retinuisset.

C. залъ я, какъ поэтъ, изобразилъ значеніе справедливости, должно быть, гадательно, то-есть мыслилъ, кажется, такъ, что справедливость состоитъ въ воздаяніи каждому, что̀ прилично, и это назвалъ долгомъ [1].—А ты какъ же думаешь, спросилъ онъ?—Ради Зевса, отвѣчалъ я; да еслибы кто-нибудь предложилъ ему вопросъ: Симонидъ! чему и что должное, или приличное, воздаетъ искуство врачебное? Какой, думаешь, далъ бы онъ намъ отвѣтъ?—Очевидно, сказалъ бы,
D. что оно доставляетъ тѣламъ лѣкарства, пищу и питье.—А чему и что должное, или приличное, воздаетъ искуство поварское?—Оно сообщаетъ кушаньямъ вкусность.—Пусть; но кому и что можетъ воздавать искуство справедливости?—Если надобно сообразоваться съ прежними отвѣтами, Сократъ, сказалъ онъ; то это искуство друзьямъ оказываетъ пользу, а врагамъ наноситъ вредъ.—Поэтому справедливость онъ поставлялъ бы въ дѣланіи добра друзьямъ и зла врагамъ?—Мнѣ кажется.—Но кто особенно способенъ дѣлать добро страждущимъ друзьямъ и зло врагамъ, въ отношеніи къ болѣзни и
E. здоровью?—Врачь.—А кто—плавателямъ, въ отношеніи къ опасностямъ морскаго путешествія?—Кормчій.—Что же справедливый? какою дѣятельностію и въ какомъ отношеніи можетъ онъ быть полезенъ для друзей и вреденъ для враговъ?—Мнѣ кажется, нападеніемъ и защитою въ сраженіи [2].—Пусть; однакожъ людямъ, не страдающимъ болѣзнію, любезный Полемархъ, врачь вѣдь не полезенъ.—Правда.—А не плавающимъ не полезенъ кормчій.—Да.—Стало быть, не сра-

---

[1] Въ правилѣ Симонида: *τὰ ὀφειλόμενα δίκαιον εἶναι ἀποδιδόναι*, Сократъ слову *ὀφειλόμενον* даетъ значеніе *τοῦ προσήκοντος*; какбы, то-есть, должное Симонидъ разумѣлъ въ смыслѣ приличнаго, или того, что слѣдуетъ, и подъ условіемъ такого истолкованія, принимаетъ это правило за предметъ изслѣдованія.

[2] *Нападеніемъ и защитою:* перевожу такъ потому, что читаю: *προπολεμεῖν καὶ ξυμμαχεῖν*, вмѣсто: *προσπολεμεῖν*; и это чтеніе, vulgariter usurpata, мнѣ кажется вѣрнѣе; такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь не о вспомоществованіи только друзьямъ, но и о борьбѣ съ врагами. Тому же чтенію, не смотря на авторитетъ парижскихъ и флорентійскихъ кодексовъ, слѣдуетъ и Беккеръ.

жающимся не полезенъ справедливый?—Нѣтъ, этого я не ду-
маю.—Значитъ, справедливость полезна и во время мира?—
Полезна.—Равно и земледѣліе. Не такъ ли?—Да.—Для соби-
ранія плодовъ?—Да.—И сапожническое мастерство?—Да.— 333.
Скажешь, думаю, для приготовленія обуви?—Конечно.—Ну
что жъ? а справедливость во время мира для какой нужды
или пріобрѣтенія почитаешь полезною?—Для сдѣлокъ, Со-
кратъ.—Сдѣлками ты называешь сношенія, или что дру-
гое?—Разумѣется, сношенія.—Но съ кѣмъ лучше и полезнѣе
сноситься, когда хочешь разстановить шашки [1],—съ человѣ- B.
комъ справедливымъ, или съ игрокомъ?—Съ игрокомъ.—А
при кладкѣ плитъ и камней, неужели лучше и полезнѣе обра-
титься къ человѣку справедливому, чѣмъ къ домостроителю?
—Отнюдь нѣтъ.—Въ какихъ же сношеніяхъ справедливый
будетъ, напримѣръ, лучше цитриста, какъ цитристъ бы-
ваетъ лучше справедливаго въ игрѣ на цитрѣ?—Мнѣ кажется,
въ денежныхъ.—Можетъ быть, кромѣ употребленія денегъ,
Полемархъ; потому что, когда надобно за деньги съобща
купить или продать лошадь,—полезнѣе, думаю, снестись съ C.
конюхомъ. Не такъ ли?—Видимо.—А когда корабль,—съ ко-
раблестроителемъ, или кормчимъ.—Естественно. — Въ ка-
комъ же случаѣ, для употребленія золота или серебра съоб-
ща, полезнѣе другихъ человѣкъ справедливый?—Въ томъ,
Сократъ, когда бываетъ нужно ввѣрить деньги и сберечь ихъ.
—То-есть, когда надобно не употребить, а положить ихъ, го-
воришь ты?—Конечно.—Значитъ, справедливость, въ отно-
шеніи къ деньгамъ, тогда бываетъ полезна, когда деньги без-
полезны?—Должно быть.—Подобнымъ образомъ, для хране- D.
нія садоваго рѣзца въ общественномъ и домашнемъ быту,
полезна справедливость; а для употребленія его, нужно иску-

[1] Были у Грековъ двѣ игры, которыя часто смѣшиваются между собою и принимаются одна за другую: это — *πεσσοὶ* или *πεττοὶ* и *ἀστράγαλοι*. Первая по-латини calculi, а послѣдняя — tali; въ той—марки располагаемы были такъ, чтобы въ извѣстной группѣ было больше очковъ, а въ послѣдней ихъ, для той же цѣли, не располагали, а бросали. *Polluc.* lib. IX. *Muretus.*

ство садовника?—Очевидно.—И чтобы сохранить щитъ и лиру
безъ употребленія, скажешь, полезна справедливость; а когда
нужно употребить ихъ,—требуются искуства оружейное и
музыкальное? — Необходимо. — Такъ и во всемъ другомъ,
справедливость при полезности безполезна, а при безполезно-
Е. сти полезна?—Должно быть.—Не слишкомъ же важное у тебя
дѣло справедливость, другъ мой, если она полезна для безпо-
лезнаго. Разсмотримъ-ка слѣдующее: Не правда ли, что че-
ловѣкъ въ сраженіи, въ кулачномъ бою, или въ какомъ-
нибудь другомъ случаѣ, умѣющій ударить, умѣетъ и побе-
речься?—Конечно.—И умѣющій сохранить себя отъ болѣз-
334. ни, не подвергаясь ей, умѣетъ и сообщать ее?—Я думаю.—А
оберегатель-то лагеря—не тотъ ли хорошъ, который знаетъ
также, какъ похитить замыслы и дѣйствія непріятелей?—
Конечно.—Значитъ, кто—отличный чего-нибудь сторожъ,
тотъ и отличный воръ той же вещи.—Естественно.—Итакъ,
если человѣкъ справедливый умѣетъ сохранять деньги, то
умѣетъ и похищать ихъ.—Ходъ рѣчи дѣйствительно тре-
буетъ такого заключенія, сказалъ онъ.—Слѣдственно чело-
вѣкъ справедливый, повидимому, есть воръ, и этому ты на-
учился, кажется, у Омира, который, превознося похвалами
В. Одиссеева дѣда по матери, Автолика, заключаетъ, что онъ,
болѣе всѣхъ людей, отличался воровствомъ и обманомъ. Такъ
выходитъ, что справедливость, и по твоему, и по Оми-
рову, и по Симонидову мнѣнію, есть искуство воровать,—
въ пользу то-есть друзьямъ и во вредъ врагамъ [1]. Не такъ
ли ты говорилъ?—О нѣтъ, ради Зевса; я и самъ не знаю,
что̀ говорилъ. Впрочемъ мнѣ все еще представляется, что
справедливость велитъ приносить пользу друзьямъ и вре-

---

[1] Нелѣпое положеніе Полемарха, что справедливость состоитъ въ сбереженіи денегъ, опровергается чрезъ употребленіе словъ φυλάξασθαι и κλέπτειν въ различныхъ значеніяхъ. Если справедливъ — тотъ, кто способенъ *беречь* (φυλάττειν) золото и серебро; то способный *беречься* (φιλάξασθαι) умѣетъ вмѣстѣ дѣлать зло другимъ и выкрасть намѣренія враговъ; а отсюда слѣдуетъ, что справедливость есть *воровство*, посредствомъ котораго можно благодѣтельствовать друзьямъ и вредить врагамъ.

дить врагамъ. — Но друзьями тѣхъ ли называешь ты, которые всякому только кажутся добросердечными, или тѣхъ, C.
которые въ самомъ дѣлѣ добросердечны, хотя бы и не казались? Такой же вопросъ и о врагахъ.—Естественно любить тѣхъ, отвѣчалъ онъ, которыхъ почитаютъ добросердечными, и ненавидѣть тѣхъ, которыхъ признаютъ лукавыми.— Да не обманываются ли люди въ этомъ отношеніи? то-есть, не кажутся ли имъ добросердечными многіе недобросердечные, и наоборотъ?—Обманываются.—Значитъ, для такихъ людей добрые—враги, а злые — друзья.—Конечно. — И въ
этомъ случаѣ справедливость все-таки требуетъ, чтобы они D.
приносили пользу злымъ и вредили добрымъ?—Явно.—Между тѣмъ добрые-то справедливы и несправедливыми быть не могутъ.—Правда.—Такъ, по твоимъ словамъ, справедливо дѣлать зло и недѣлающимъ несправедливости.—О нѣтъ, Сократъ, отвѣчалъ онъ; такая мысль преступна. — Стало быть, справедливо вредить несправедливымъ, и приносить пользу справедливымъ, сказалъ я. — Поступающій такъ, кажется, лучше того.—Но такъ-то, Полемархъ, многимъ, ошибающимся въ людяхъ, случится признавать за спра-
ведливое—вредить друзьямъ, потому что они кажутся имъ E.
злыми, — и приносить пользу врагамъ, потому что они, по ихъ мнѣнію, добры. А тогда вѣдь мы будемъ утверждать противное тому, что приписали Симониду. — И часто случается, отвѣчалъ онъ; но давай поправимся: мы, должно быть, неправильно опредѣлили значеніе друга и врага. — А какъ опредѣлили, Полемархъ? — Сказали, что другъ — тотъ, кто кажется добросердечнымъ.—Какимъ же образомъ поправиться? спросилъ я.—Другъ и кажется доб-
росердечнымъ, и дѣйствительно таковъ, отвѣчалъ онъ: а 335.
кто только кажется добросердечнымъ, въ самомъ же дѣлѣ не таковъ; тотъ, хоть и кажется, а не другъ. Подобное же опредѣленіе и врага. — Изъ твоихъ словъ видно, что другъ будетъ добръ, а врагъ — золъ. — Да. — Но справедливому-то прикажешь приписать иное, или то, что приписа-

но прежде, то-есть, справедливость требуетъ другу дѣлать добро, а врагу зло? Не прибавить ли къ этому вотъ чего: справедливость требуетъ—другу, такъ какъ онъ добръ, дѣлать добро, а врагу, такъ какъ онъ золъ, вредить?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ; это, мнѣ кажется, хорошо сказано.—
B. Однакожъ къ человѣку справедливому идетъ ли наносить вредъ кому бы то ни было изъ людей? спросилъ я.—Ужъ конечно, сказалъ онъ, людямъ лукавымъ-то и враждебнымъ надобно вредить.—А что, лошади, когда имъ вредятъ, лучше ли становятся, или хуже?—Хуже.—По качествамъ собакъ, или лошадей?—По качествамъ лошадей.—Стало быть, и собаки, когда имъ вредятъ, становятся хуже по качествамъ не лошадей, а собакъ?—Необходимо.—Ну, а когда вредятъ лю-
C. дямъ, другъ мой,—не скажемъ ли мы также, что они становятся хуже по качествамъ человѣческимъ? — Конечно скажемъ. — Но справедливость—не человѣческая ли добродѣтель?—И это необходимо.—Значитъ, люди, когда имъ вредятъ, по необходимости становятся несправедливѣе, другъ мой.—Вѣроятно.—Но могутъ ли музыканты, посредствомъ музыки, образовать не-музыкантовъ?—Невозможно.—Или конюшіе, посредствомъ науки коннозаводства,—не-конюшихъ?—Нельзя.—А справедливые, посредствомъ справедливости,—
D. несправедливыхъ? Или вообще, добрые, посредствомъ добродѣтели,—злыхъ?—Никакъ невозможно.—Вѣдь не теплотѣ, думаю, свойственно прохлаждать, а противному.—Да.—И не сухости—увлажнять, а противному.—Конечно.—И не доброму вредить, а противному.—Кажется.—Но справедливые вѣрно добры?—Конечно.—Слѣдовательно не тотъ будетъ вредить, Полемархъ, кто справедливъ,—другу ли то, или кому иному, а тотъ, кто противенъ ему, то-есть несправедливъ.—
E. Ты, Сократъ, говоришь совершенную правду, сказалъ онъ.—Поэтому, кто справедливое поставляетъ въ воздаяніи каждому должнаго и разумѣетъ это такъ, что человѣкъ справедливый врагамъ обязанъ вредить, а друзьямъ приносить пользу; тотъ, говоря подобныя вещи, не мудрецъ, потому

что говоритъ неправду, такъ какъ мы нашли, что вредить, кому бы то ни было, есть дѣло вовсе несправедливое.—Согласенъ, сказалъ онъ.—Будемъ же спорить съобща и заодно, примолвилъ я, если кто вздумаетъ навязывать это Симониду, Біасу, Питтаку, или кому другому изъ мужей мудрыхъ и славныхъ.—Я въ самомъ дѣлѣ готовъ принять участіе въ спорѣ, сказалъ онъ.—А знаешь ли, спросилъ я, чье, кажет- 336.
ся мнѣ, то положеніе, что справедливость велитъ приносить пользу друзьямъ и вредить врагамъ? — Чье? сказалъ онъ. — Думаю, оно принадлежитъ либо Періандру, либо Пердиккѣ, либо Ксерксу, либо ѳивскому Исминіасу [1], либо кому другому изъ тѣхъ людей, которые слишкомъ полагаются на свою силу и обладаютъ богатствомъ. — Совершенная правда, замѣтилъ онъ.—Положимъ, сказалъ я. Но если не въ этомъ состоитъ справедливость и не это—справедливое; то чѣмъ же инымъ можно бы признать его?

Среди нашего разговора Тразимахъ неоднократно по- B.
рывался прервать рѣчь, но все былъ удерживаемъ другими, тутъ сидѣвшими, которымъ хотѣлось выслушать бесѣду до

---

[1] Періандръ, коринѳскій тираннъ, причисляется Платономъ не къ семи мудрецамъ, а къ гордымъ тираннамъ; потому что въ извѣстномъ мѣстѣ своего Протагора (p. 343 B), перечисливъ прочихъ шесть мудрецовъ, седьмымъ, вмѣсто Періандра, почитаетъ онъ Мизона хенейскаго. Да и Геродотъ разсказываетъ, что Періандръ сперва былъ кротокъ, но потомъ, поддавшись внушеніямъ милетскаго тиранна Тразибула, сдѣлался жестокимъ и кровожаднымъ. См. lib. V, c. 92; сн. III, c. 48 sqq. О Пердиккѣ, царѣ македонскомъ, отцѣ тиранна Архелая, упоминается въ Gorg. p. 470 D. Исминіасъ Ѳивянинъ, о которомъ (Menon. p. 90 A) говорится: *νεωστὶ εἰληφέναι τὰ Πολυκράτους χρήματα*, былъ человѣкъ въ своей республикѣ могущественный, но вмѣстѣ и вѣроломный. По разсказу *Ксенофонта* (Hist. Gr. III, 5. 1), онъ находился въ числѣ тѣхъ, которые, во время успѣховъ Агезилая въ Азіи, позволили себя подкупить за пять талантовъ, чтобы раздуть въ Греціи вражду и ненависть противъ Лакедемонянъ. Это произошло въ 1 или 2 году 96 олимп. Потомъ, когда Лакедемоняне овладѣли Кадмеею, т. е. 3, 99 олимп., Исминіасъ, какъ вождь противной имъ партіи, осужденъ былъ на смерть. *Xenoph.* Hist. Gr. V, 2, 25. 26. Сн. *Plut.* Artaxerx. p. 1021 D. Lysandr. p. 418 E. *Pausan.* III, 9, de Genio Socr. p. 576 A. Если же здѣсь причисляется онъ къ Періандру, Пердиккѣ и Ксерксу—тираннамъ, тогда уже умершимъ; то вѣроятно, что, когда это было писано, и его не было уже на свѣтѣ. Слѣдовательно можно полагать, что Платонъ написалъ свое Государство послѣ 3,99 олимп.

конца. Когда же мы остановились и я предложилъ этотъ
вопросъ, — онъ уже не удержался, но, наёжившись подоб-
но звѣрю, подбѣжалъ къ намъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобъ
изорвать насъ. Я и Полемархъ испугались; а онъ, крича на
срединѣ комнаты, сказалъ: Какая болтовня давно уже обуяла
C. вами, Сократъ! Какими глупостями мѣняетесь вы, уступая
другъ другу! Если ужъ въ самомъ дѣлѣ ты хочешь узнать,
что такое справедливость, то не ограничивайся одними во-
просами и не любуйся опроверженіемъ предлагаемыхъ те-
бѣ отвѣтовъ. Вѣдь извѣстно, что спрашивать легче, неже-
ли отвѣчать. Такъ отвѣчай самъ и скажи, что̀ ты почи-
D. таешь справедливымъ. Да не говори мнѣ, что это должное,
что это полезное, что это выгодное, что это прибыточ-
ное, что это пригодное. Все, что говоришь, говори ясно и
точно, а такихъ пустяковъ не принимаю [1]. — Пораженный
этими словами, я посмотрѣлъ на него со страхомъ и поду-
малъ: что̀ еслибы онъ взглянулъ на меня прежде, чѣмъ я
на него? — мнѣ и слова бы не вымолвить [2]. Но такъ какъ не-
E. истовство Тразимаха началось рѣчью; то мой взглядъ на

---

[1] Въ этомъ монологѣ весьма рельефно обрисовывается личность софиста Тразимаха, какъ *τό θρασὺ καὶ τό ἰταμόν*. Еслибы кто и не зналъ, что̀ это за человѣкъ, то довольно было бы одной настоящей выходки, чтобы понять его. Тразимахъ принадлежалъ къ числу людей, ничего не знающихъ, и почитающихъ себя всезнающими; это былъ самый вѣтренный и пустой софистъ. Но какъ живописцы на нѣкоторыя мѣста картины набрасываютъ тѣни, чтобы другія выставлялись свѣтлѣе: такъ уступчивая и скромная рѣчь Сократа сообщаетъ чрезвычайную выпуклость заносчивому разглагольствованію Тразимаха. Мудро сказалъ Θукидидъ: *ἀμαθία μὲν θράσος, φρόνησις δὲ ὄκνον φέρει.* Указывая на этимологическое значеніе имени этого человѣка и принимая въ соображеніе дерзкій его характеръ, и Иродикъ у *Аристотеля* (Rhetor. l. II c. 23) говоритъ ему: Тразимахъ (человѣкъ вздорчивый) всегда Тразимахъ, какъ Кононъ сказалъ Тразибулу, что онъ всегда Тразибулъ (наглый).

[2] Говоря, что Тразимахъ наёжился, подобно звѣрю, и подбѣжалъ къ собесѣдникамъ какбы съ тѣмъ, чтобъ разорвать ихъ, Сократъ мысленно уподоблялъ его, кажется, волку; ибо у Грековъ было народное повѣрье, что на кого прежде взглянетъ волкъ, тотъ на время нѣмѣетъ; а кто успѣетъ напередъ самъ взглянуть на волка, тотъ не подвергается этой опасности. *Plin.* H. N. VIII, 34. Scholiastes in Theocriti Idyll. XIV, 22: *οἱ ὀφθέντες ἄφνω ὑπὸ λύκου δοκοῦσιν ἄφωνοι γίγνεσθαι.* *Virgil.* Eclog. IX v. 53, Vox quoque Moerim iam fugit ipsa: lupi Moerim videre priores.

него былъ первый, а потому, имѣя возможность отвѣчать,
я сказалъ съ трепетомъ: Не гнѣвайся на насъ, Тразимахъ.
Если я и онъ, при изслѣдованіи предмета, въ чемъ-нибудь
погрѣшили, то—будь увѣренъ,—погрѣшили противъ воли.
Подумай, что, ища золота, мы охотно не уступили бы другъ
другу въ исканіи и не мѣшали бы самимъ себѣ найти его:
такимъ же образомъ, ища справедливости, которая драго-
цѣннѣе всякаго золота, могли ли мы столь безумно уступать
одинъ другому и не стараться открыть ее всѣми силами?
Нѣтъ, не мысли этого, другъ мой. Напротивъ, я думаю, что 337.
мы не въ состояніи, и потому отъ васъ, людей сильныхъ,
заслуживаемъ больше сожалѣнія, чѣмъ гнѣва.

Выслушавъ это, онъ усмѣхнулся слишкомъ принужденно
и примолвилъ: Вотъ она и есть, клянусь Иракломъ, обыкно-
венная Сократова иронія. Я уже напередъ замѣтилъ и этимъ,
что ты не захочешь отвѣчать, но будешь притворяться и
скорѣе все сдѣлаешь, чѣмъ согласишься давать отвѣты на
чьи-нибудь вопросы.—Разумѣется, ты — мудрецъ, Трази-
махъ, сказалъ я, слѣдственно знаешь, что если кого спро-
сишь, какъ велико число двѣнадцать, и спрашивая, напе-
редъ скажешь: не говори мнѣ, сударь, что двѣнадцать равны B.
дважды-шести, или трижды-четыремъ, или шестью-двумъ,
или четырежды-тремъ; иначе твоей болтовни я не приму;
то уже для тебя, думаю, понятно, что никто не будетъ въ
состояніи отвѣчать на такой вопросъ. А когда бы спросили
тебя: что ты это говоришь, Тразимахъ? какъ же не сказать
ничего того, что ты напередъ сказалъ? да если это-то спра-
ведливо [1], — неужели надобно говорить отличное отъ спра-
ведливаго? или какъ тебѣ кажется?—что отвѣчалъ бы ты на
это?—Такъ, сказалъ онъ; это какъ разъ походитъ на то [2].— C.

---

[1] *Если это-то справедливо*, или — *что-нибудь справедливое*, εἰ τούτων τι τυγχάνει ὄν. Здѣсь ὄν—то же, что ὄντως ὄν, или ἀληθὲς ὄν.

[2] Этотъ отвѣтъ Тразимаха, очевидно, выражаетъ насмѣшку и заключаетъ въ себѣ значеніе противуположное тому, что говорится. Такой смыслъ придаютъ сему выраженію и частицы ὡς δή,—въ греческой фразѣ: ὡς δὴ ὅμοιον τοῦτο ἐκείνῳ.

Какая нужда, примолвилъ я, пусть и не походитъ; да если спрошенному кажется такъ,—думаешь ли, что онъ будетъ отвѣчать не то, что представляется ему самому, хотя бы мы запрещали, хотя бы нѣтъ?—Не намѣренъ ли и ты такъ же дѣлать? спросилъ онъ; не хочешь ли и ты говорить то, чтò я запретилъ?—Неудивительно, отвѣчалъ я, если къ это-
D. му приведетъ меня изслѣдованіе. — А что, когда я укажу на другой отвѣтъ о справедливости, сказалъ онъ, который отличенъ отъ всѣхъ тѣхъ и лучше ихъ?—какое тогда изволишь избрать себѣ наказаніе [1]?—Какое больше, отвѣчалъ я, кромѣ того, которому долженъ подвергнуться человѣкъ незнающій? Вѣроятно, надобно будетъ поучиться у знающаго;—и на такое наказаніе я охотно соглашусь.—Сладокъ ты, примолвилъ онъ; но за то, что будешь учиться, заплати-ка деньги.—Пожалуй, еслибы онѣ были, сказалъ я.—Есть, есть! вскричалъ Главконъ. Какъ скоро нужны деньги, Трази-
E. махъ,—говори, мы всѣ здѣсь внесемъ за Сократа.—Конечно, сказалъ онъ; видно для того, чтобы Сократъ былъ вѣренъ своему обычаю, то-есть, самъ не отвѣчалъ, а подхватывалъ отвѣты другаго и опровергалъ ихъ.—Да какъ же отвѣчать-то, любезный мой, когда, во-первыхъ, не знаешь и признаешься въ своемъ незнаніи, и когда, во-вторыхъ, еслибы и имѣлъ какое понятіе о предметѣ, — человѣкъ порядочный запрещаетъ тебѣ говорить, чтò думаешь. Тебѣ конечно болѣе пристало говорить; потому что ты-то вотъ
338. знаешь и можешь сказать. Такъ не откажись же и не скрывай; научи, сдѣлай милость, своими отвѣтами и меня, и этого Главкона, и всѣхъ другихъ.—Вслѣдъ за мною, стали просить его и Главконъ, и прочіе, чтобы онъ не отказывался. Видно было, что Тразимаху и самому сильно хотѣлось го-

---

[1] *Какое изволишь избрать себѣ наказаніе?* формула судейская. Вполнѣ выражалась она такъ: τί ἄξιός εἰμι παθεῖν ἢ ἀποτῖσαι; παθεῖν относилась къ наказанію тѣлесному, а ἀποτῖσαι—къ штрафу. Поэтому дальше Тразимахъ говоритъ: ἀλλὰ πρὸς τῷ μαθεῖν καὶ ἀπότισον ἀργύριον, и этимъ вмѣстѣ показываетъ, какъ лакомы софисты до денегъ.

ворить; его подстрѣкало желаніе похвалы, и онъ надѣялся, что отвѣтъ будетъ прекрасенъ, но все еще притворно спорилъ, заставляя меня отвѣчать. Наконецъ онъ долженъ былъ уступить и сказалъ: такова ужъ и есть мудрость Сократа, B.
что самъ онъ не хочетъ учить, а бродитъ и учится у другихъ, да еще и не платитъ за то благодарностію.—Что я учусь у другихъ, былъ мой отвѣтъ,—это правда, Тразимахъ; но что я, по твоимъ словамъ, остаюсь неблагодарнымъ,—это ложь. Благодарю, какъ могу; а могу благодарить только похвалою: денегъ у меня нѣтъ. И съ какимъ усердіемъ это дѣлаю, когда чьи-нибудь слова мнѣ нравятся, ты тотчасъ же ясно узнаешь, какъ скоро будешь отвѣчать; потому что твои отвѣты, думаю, будутъ хороши. — Такъ C.
слушай, сказалъ онъ: справедливымъ я называю не что иное, какъ полезное сильнѣйшему [1]. Ну, что же не хвалишь? видно не хочешь?—Напередъ надобно понять, что ты говоришь, примолвилъ я; теперь пока еще не понимаю. Справедливое, говоришь, есть полезное сильнѣйшему: но что же бы это такое, Тразимахъ? Не разумѣть ли тебя слѣдующимъ образомъ? если нашъ Полидамасъ [2] — самый сильный боецъ, и для его тѣла полезно бычачье мясо; то и намъ, которые слабѣе его, полезна и вмѣстѣ справедлива та же самая пища. — Ты крайне безстыденъ, Со- D.
кратъ, сказалъ онъ,—принимаешь слово въ такомъ смыслѣ, въ какомъ только можно уронить его.—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ я; но вырази свою мысль яснѣе.—Да развѣ ты не знаешь, сказалъ онъ, что одни изъ городовъ управляют-

---

[1] Извѣстное ученіе софистовъ, что нѣтъ ничего справедливаго по природѣ, но что все справедливо или несправедливо по закону и соглашенію—почитать одно честнымъ, другое безчестнымъ. Gorg. p. 483 B. C sqq. Protag. p. 357 C sqq. Legg. IV, p. 714 C. D.

[2] По схоліасту, этотъ Полидамасъ былъ изъ ѳессалійскаго города Скотіуссы и прославился, какъ ужасный боецъ (см. *Pausan.* VI, 5). Въ Персіи, при царѣ Охѣ, онъ убивалъ львовъ и, вооружившись, сражался нагой (*Pausan.* VII. 27). О немъ упоминаютъ также Лукіанъ, Плутархъ и другіе. *Hemsterhus.* Anecdot. 1, p. 61.

ся тираннами, другіе—народомъ, а иные—вельможами?—
Какъ не знать? —И не тотъ ли сильнѣе въ каждомъ го-
E. родѣ, кто управляетъ?—Конечно.—Но всякая власть даетъ
законы, сообразные съ ея пользою: народная — народные,
тиранская — тиранскіе, то же и прочія. Давъ же законы,
полезные для себя, она объявляетъ ихъ справедливыми
для подданныхъ, и нарушителя этихъ законовъ наказы-
ваетъ, какъ беззаконника и противника правдѣ. Такъ вотъ
я и говорю, любезнѣйшій, что во всѣхъ городахъ спра-
339. ведливое—одно и то же: это—польза постановленной вла-
сти. Но власть господствуетъ; стало быть, кто правиль-
но мыслитъ, тотъ и заключитъ, что справедливое вездѣ
одно, — именно, польза сильнѣйшаго. — Теперь понимаю,
чтò ты говоришь, сказалъ я: остается поучиться, истинны
ли эти слова, или нѣтъ. Вѣдь и твой отвѣтъ—таковъ, Тра-
зимахъ, что полезное справедливо: мнѣ-то ты запрещалъ
отвѣчать подобнымъ образомъ, а между тѣмъ самъ при-
бавилъ только «для сильнѣйшаго».—Конечно прибавка ма-
B. ловажная [1], примолвилъ онъ.—Да и неизвѣстно еще, важ-
на ли она; извѣстно лишь то, что надобно изслѣдовать,
правду ли ты говоришь. И я тоже согласенъ, что справед-
ливое есть нѣчто полезное: но ты прибавилъ и утверж-
даешь, что полезное для сильнѣйшаго; а я не знаю этого;
стало быть, надобно изслѣдовать. — Изслѣдывай, сказалъ
онъ. — Такъ и будетъ, продолжалъ я. Скажи-ка мнѣ: по-
читаешь ли ты дѣйствительно справедливымъ повиноваться
C. правительству? — Да. — А правители во всѣхъ городахъ
непогрѣшимы, или могутъ и погрѣшать?—Безъ сомнѣнія,
могутъ и погрѣшать, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно, при-
ступая къ постановленію законовъ, одни изъ нихъ предпи-
сываютъ правое, другіе неправое? — Я думаю. — Предпи-
сывать же правое значитъ ли предписывать полезное самому

---

[1] Эти слова Тразимаха имѣютъ, очевидно, смыслъ ироническій: въ такомъ смыслѣ нерѣдко употребляется и слово ἴσως, какъ здѣсь: Σμικρά γε ἴσως προσθήκη. См. Gorg. p. 473 B.

себѣ, а неправое — неполезное? Или какъ ты полагаешь?—
Я полагаю такъ.—Но что предписано, то подчиненные долж-
ны исполнять, и это есть дѣло правое? — Какое же ина-
че?—Стало быть, по твоимъ словамъ, справедливо будетъ D.
исполнять нетолько полезное сильнѣйшему, но и противное
тому,—неполезное.—Что ты говоришь? сказалъ онъ.—Ка-
жется,—то же, что̀ и ты. Разсмотримъ получше: не согласи-
лись ли мы, что правители, давая предписаніе подчиненнымъ,
иногда погрѣшаютъ противъ того, что̀ въ отношеніи къ нимъ
самимъ есть наилучшее, и между тѣмъ для подчиненныхъ
исполнять предписанія правителей есть дѣло правое? Не со-
гласились ли мы въ этомъ?—Я думаю, отвѣчалъ онъ.—Такъ E.
разсуди, сказалъ я: ты согласился, что справедливо будетъ
исполнять неполезное для сильнѣйшихъ и правителей, ког-
да, то-есть, они нехотя предписываютъ зло самимъ себѣ, и
въ то же время справедливо будетъ, говоришь, исполнять то,
что они предписали. Въ такомъ случаѣ, мудрѣйшій Трази-
махъ, не придемъ ли мы къ необходимости признавать спра-
ведливымъ исполненіе противнаго тому, что ты говоришь?
Тутъ вѣдь подчиненнымъ предписывается исполнять неполез-
ное для сильнѣйшаго.—Да, это, Сократъ, очень ясно, кля- 340.
нусь Зевсомъ, сказалъ Полемархъ.—Особенно, если засви-
дѣтельствуешь [1] ты, подхватилъ Клитофонъ.—А къ чему тутъ
свидѣтельство? сказалъ онъ; вѣдь самъ Тразимахъ сознает-
ся, что правители иногда предписываютъ злое для самихъ
себя и что исполнять это — со стороны подчиненныхъ есть
дѣло правое. — Конечно, по мнѣнію Тразимаха, исполнять
повелѣнія, даваемыя правителями, есть дѣло правое, По-
лемархъ. — И пользу сильнѣйшаго счелъ онъ также дѣломъ
правымъ, Клитофонъ. Допустивъ же то и другое, онъ тот- B.
часъ согласился, что сильнѣйшіе иногда предписываютъ

---

[1] Слова Клитофона: *особенно, если засвидѣтельствуешь ты*, надобно понимать въ значеніи ироніи; ироническое ихъ значеніе выражается частицею γὲ послѣ δή: ἐαν σύ γ᾽ αὐτῷ μαρτυρήσῃς. Клитофонъ становится на сторону Тразимаха и хочетъ защищать его противъ Полемарха.

низшимъ и подчиненнымъ исполнять дѣла, несообразныя съ своею пользою. А при согласіи на это, польза сильнѣйшаго становится уже дѣломъ не болѣе правымъ, какъ и неполъза. — Но пользою сильнѣйшаго, замѣтилъ Клитофонъ, названо то, что̀ самъ сильнѣйшій признаетъ для себя полезнымъ. Это-то надобно исполнять низшему, и это-то Тразимахъ почитаетъ справедливымъ. — Однакожъ онъ гово-
C. рилъ не такъ, отвѣчалъ Полемархъ. — Какая нужда, Полемархъ, сказалъ я: если Тразимахъ теперь говоритъ уже такъ, то такъ и будемъ понимать его.

Скажи-ка мнѣ, Тразимахъ, то ли хотѣлъ ты назвать справедливымъ, что̀ сильнѣйшему представляется полезнымъ для сильнѣйшаго, было ли бы это въ самомъ дѣлѣ полезно или не полезно? Такъ ли мы должны понимать тебя? — Всего менѣе, отвѣчалъ онъ; ты думаешь, что сильнѣйшимъ я называю погрѣшающаго, когда онъ погрѣшаетъ? — Да,
D. мнѣ думалось, что это твоя мысль, сказалъ я, какъ скоро правителей призналъ ты не непогрѣшимыми, а подверженными ошибкамъ. — Какой ты лжетолкователь въ разговорахъ, Сократъ! Врачемъ ли, напримѣръ, назовешь ты человѣка, погрѣшающаго касательно больныхъ, — именно въ отношеніи къ тому, въ чемъ онъ погрѣшаетъ? логикомъ ли — человѣка, погрѣшающаго въ умозаключеніи, именно тогда, когда онъ подвергается этому самому роду погрѣшностей? Я думаю, что мы такъ только говоримъ, будто погрѣшилъ врачь, погрѣшилъ логикъ, грамматикъ: въ самомъ же дѣлѣ ни одинъ изъ
E. нихъ и никогда не погрѣшаетъ, будучи тѣмъ, чѣмъ мы кого называемъ. Говоря собственно, или съ свойственною тебѣ самому точностію, изъ мастеровъ никто не грѣшитъ; потому что погрѣшающій погрѣшаетъ отъ недостатка знанія въ томъ, въ чемъ онъ — не мастеръ: то-есть ни мастеръ, ни мудрецъ, ни какой правитель не погрѣшаетъ тогда, когда онъ — правитель; хотя всякій говоритъ, что врачь погрѣшилъ, правитель погрѣшилъ. Такъ-то понимай ты и мой
341. теперешній отвѣтъ. Настоящій смыслъ его таковъ: прави-

тель, поколику правитель, не погрѣшаетъ; не погрѣшая же, предписываетъ наилучшее самому себѣ,—и подчиненный долженъ исполнять это. Однимъ словомъ,—какъ и прежде сказано, справедливымъ я называю того, кто дѣлаетъ полезное сильнѣйшему. — Пускай, Тразимахъ, сказалъ я: такъ ты почитаешь меня лжетолкователемъ?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Видно думаешь, что вопросы, которые я предлагалъ тебѣ, предлагалъ съ умысломъ хитрить въ разговорѣ?—Это мнѣ совершенно извѣстно, сказалъ онъ: только вѣдь ничего не выиграешь; потому что, сколько ни хитри ты,—замыслъ твой не спрячется, сколько ни укрывайся,—не переси- B.
лишь меня въ рѣчи.—Да и не намѣренъ, почтеннѣйшій, сказалъ я. Но чтобы опять не случилось съ нами того же, опредѣли, какъ будешь ты разумѣть правителя и человѣка сильнѣйшаго, выполненіе пользы коего низшій долженъ почитать дѣломъ справедливымъ:—такъ ли, какъ о немъ обыкновенно [1] говорятъ, или въ смыслѣ точномъ, какъ ты сейчасъ сказалъ?—Я буду разумѣть правителя въ смыслѣ точномъ, отвѣчалъ онъ: хитри теперь и клевещи, сколько можешь,— C.
умаливать не стану; да только не успѣть тебѣ.—Неужели, думаешь, я до того безуменъ, продолжалъ я, что рѣшусь стричь льва [2],—клеветать на Тразимаха?—Ты было и рѣшался, сказалъ онъ; да куда тебѣ!—Но довольно объ этомъ, примолвилъ

---

[1] Это выраженіе я нахожу соотвѣтствующимъ употребленной здѣсь Платономъ поговоркѣ: ὡς ἔπος εἰπεῖν. Приведенная поговорка въ разныхъ сочетаніяхъ мыслей имѣетъ разное значеніе. Въ настоящемъ случаѣ она противуполагается τῷ ἀκριβεῖ λόγῳ и указываетъ на правителя въ смыслѣ формальномъ или именномъ, лишь бы, то-есть, было имя, а на самое дѣло вниманія не обращается. Въ этомъ смыслѣ, вмѣсто ὡς ἔπος εἰπεῖν, иногда употребляется просто ὡς εἰπεῖν (Legg. I p. 639 E), и показываетъ отсутствіе особенной заботливости о подборѣ словъ и выраженій. Понимаемое такимъ образомъ, оно противуполагается также τῷ ὄντως ὄντι (Legg. II p. 656 E), какъ внѣшнее—существенному, идеальному.

[2] *Рѣшиться стричь льва* — ξυρεῖν ἐπιχειρεῖς λέοντα: пословица, прилагаемая къ тѣмъ, которые рѣшаются брать на себя какое-нибудь дѣло невозможное. Эту пословицу употребляли и Римляне: leonem radere vel tondere. *Apostol*. IX, 32. *Erasm*. Chiliad. II, centur. 5, § 11. *Aristid*. Oratt. Plat. II, p. 143,—ὥσθ’ ὅρα μὴ λέοντα ξυρεῖν ἐπιχειρῶμεν.

я. Скажи-ка[1] мнѣ: врачь въ смыслѣ точномъ, о которомъ ты сейчасъ говорилъ, есть ли собиратель денегъ, или попечитель о больныхъ? да говори о врачѣ истинномъ.—Попечитель о больныхъ, отвѣчалъ онъ.—А кормчій? истинно кормчій есть ли правитель корабельщиковъ, или корабельщикъ?—
D. Правитель корабельщиковъ. — Вѣдь не то, думаю, надобно брать въ расчетъ, что онъ плаваетъ на кораблѣ, и что слѣдовательно долженъ называться корабельщикомъ; потому что кормчій называется не по плаванію, а по искуству и по управленію корабельщиками. — Правда, сказалъ онъ. — Но для каждаго искуства есть ли что-нибудь полезное? — Конечно есть. — И искуство, спросилъ я, не къ тому ли естественно направляется, чтобы отыскивать полезное для всякаго и производить это? — Къ тому, отвѣчалъ онъ.—А для каждаго искуства есть ли нѣчто полезное внѣ его, въ чемъ оно имѣетъ нужду? или каждое изъ нихъ достаточно само для себя, чтобы сдѣлаться совершеннѣйшимъ?—Какъ
E. это?—Напримѣръ, пусть бы ты спросилъ меня, сказалъ я: довольно ли тѣлу быть тѣломъ, или оно въ чемъ-нибудь нуждается?—я отвѣчалъ бы, что непремѣнно нуждается. Для того-то врачебное искуство нынѣ и изобрѣтено, что тѣло худо и что такимъ быть ему не довольно. Стало быть, это искуство приготовлено для доставленія пользы тѣлу. Говоря такъ, правильно ли, кажется тебѣ, сказалъ бы я, или
342. нѣтъ? — Правильно, отвѣчалъ онъ. — Что же теперь? самое это врачебное искуство—худо ли оно? Равнымъ образомъ и

---

[1] Въ опроверженіи Тразимахова мнѣнія Сократъ идетъ такъ: всякое искуство, стоющее своего имени, ни отъ чего не зависитъ и не ожидаетъ помощи ни отъ какого другаго искуства; ибо единственная цѣль его состоитъ въ доставленіи добра или пользы тому, для чего оно изобрѣтено. Напримѣръ, медицина заботится не о себѣ, а о сохраненіи или возстановленіи тѣлеснаго здоровья; искуство пастушеское опять имѣетъ въ виду не то, чтобы пріобрѣсти выгоду себѣ, но чтобы сохранить въ хорошемъ состояніи стадо; тоже искуство кормчаго бережетъ не себя, а направляется къ тому, какъ бы содѣйствовать пользѣ плавателей. Если же все это справедливо, то и искуство правителя смотритъ не на свою пользу, а на то, чтобы хорошо было людямъ, которыми оно управляетъ.

всякое другое—нуждается ли въ какомъ-нибудь совершенствѣ, какъ, напримѣръ, глаза—въ зрѣніи, уши—въ слышаніи? И потому для искуствъ требуется ли еще искуство, которое слѣдило бы за ихъ пользою и производило ее? Въ самомъ искуствѣ есть ли какой-нибудь недостатокъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ ли нужду въ иномъ искуствѣ, которое наблюдало бы его пользу? А это наблюдающее не чувствуетъ ли надобности опять въ подобномъ, и такъ до безконечности? Или оно само заботится о своей пользѣ? Или, для усмотрѣнія пользы относительно худаго своего состоянія, не нуждается ни въ самомъ себѣ, ни въ другомъ,—такъ какъ ни одному искуству не присуще ни зло, ни заблужденіе, и искуство не обязано искать пользы чему-нибудь иному, кромѣ того, для чего оно—искуство, само же, какъ правое, оно—безъ вреда и укоризны, пока всякое изъ нихъ сохраняетъ именно ту цѣлость, какую должно̀ имѣть? Смотри-ка, въ принятомъ тобою точномъ смыслѣ такъ ли это, или иначе?—Кажется, такъ, сказалъ онъ.—Значитъ, искуство врачебное, спросилъ я, старается доставить пользу не врачебному искуству, а тѣлу?—Да, отвѣчалъ онъ.—И конюшенное—не конюшенному, а конямъ, и всякое другое—не само себѣ,—такъ какъ ни въ чемъ не нуждается,—а тому, въ отношеніи къ чему оно есть искуство?—Видимо такъ, сказалъ онъ.—Но искуства-то, Тразимахъ, надъ тѣмъ, для чего они—искуства, конечно начальствуютъ и имѣютъ силу.—Согласился, хоть и съ трудомъ.—Стало быть, и всякое также знаніе имѣетъ въ виду и представляетъ пользу не сильнѣйшаго, а низшаго и подчиненнаго себѣ.—Согласился наконецъ и на это, а пробовалъ было спорить.—Когда же онъ согласился,—я спросилъ: Такъ, не правда ли, что всякій врачь, какъ врачь, предписываетъ пользу, имѣя въ виду не врача, а больнаго? Вѣдь мы согласились, что врачь въ смыслѣ точномъ есть правитель тѣлъ, а не собиратель денегъ. Не согласились ли мы?—Подтвердилъ.—Не правда ли также, что и кормчій въ смыслѣ точномъ есть правитель корабельщиковъ, а не ко-

B. (margin, beside "...не чувствуетъ ли на-")
C. (margin, beside "...Кажется, такъ,")
D. (margin, beside "...и на это,")

E. рабельщикъ?—Согласился.—Слѣдовательно, такой-то кормчій и правитель будетъ предписывать пользу, имѣя въ виду не кормчаго, а корабельщика и подчиненнаго.—Едва подтвердилъ. — Поэтому, Тразимахъ, сказалъ я, и всякій другой, въ какомъ бы то ни было родѣ управленія, какъ правитель, предписываетъ полезное, имѣя въ виду не себя самого, а подчиненнаго и того, въ отношеніи къ кому онъ есть дѣятель. На него онъ и смотритъ, для его пользы и пригодности онъ и говоритъ все, что говоритъ, и дѣлаетъ все, что дѣлаетъ.

343. Когда нашъ разговоръ дошелъ до этого, и для всѣхъ было явно, что рѣчь о справедливомъ обратилась въ противную; тогда Тразимахъ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать, спросилъ меня: скажи мнѣ, Сократъ, есть ли у тебя нянька?—Къ чему это? возразилъ я; не лучше ли было бы тебѣ отвѣчать, чѣмъ предлагать такой вопросъ?—Да къ тому, сказалъ онъ, что она не обращаетъ вниманія на нечистоту твоего носа и не утираетъ тебя, когда нужно; ты у ней даже не отличаешь овецъ отъ пастуха.—Какъ же это именно? спросилъ я.—Такъ, что ты думаешь, будто овчары,
B. или волопасы, заботятся о благѣ овецъ, либо быковъ, кормятъ ихъ и ходятъ за ними, имѣя въ виду что-нибудь другое, а не благо господъ и свое собственное; и будто не тѣ же мысли въ отношеніи къ подчиненнымъ у самыхъ правителей обществъ, управляющихъ ими по надлежащему, какія— въ отношеніи къ овцамъ у пастуховъ: иное ли что-нибудь занимаетъ ихъ день и ночь, кромѣ того, какъ бы отсюда извлечь свою пользу? Ты слишкомъ далекъ отъ понятія о справедливомъ и справедливости, о несправедливомъ и несправедливо-
C. сти: ты не знаешь, что справедливость и справедливое на самомъ дѣлѣ есть благо чужое, то-есть польза человѣка сильнѣйшаго и правителя, а собственно для повинующагося и служащаго это—вредъ. Людьми, особенно глупыми и справедливыми, управляетъ-то, напротивъ, несправедливость; подчиненные сами устрояютъ пользу правителя, какъ

сильнѣйшаго, и служа ему, дѣлаютъ его счастливымъ, а
себя—нисколько. Смотрѣть надобно на то, величайшій про-
стякъ, Сократъ, что человѣкъ справедливый вездѣ выигры- D.
ваетъ менѣе, нежели несправедливый: и во-первыхъ, въ сно-
шеніяхъ частныхъ, когда тотъ и другой вступаютъ въ какое-
нибудь общее дѣло,—нигдѣ не найдешь, чтобы конецъ этого
дѣла приносилъ болѣе пользы справедливому, чѣмъ неспра-
ведливому, а всегда менѣе; во-вторыхъ, въ сношеніяхъ об-
щественныхъ, если бываютъ какіе-нибудь денежные сборы,
то изъ равныхъ частей справедливый вноситъ больше, не-
справедливый меньше, а когда надобно получать,—первому E.
не достается ничего, а послѣднему много. Да пусть даже
тотъ и другой—лица правительственныя:—все-таки спра-
ведливому приходится, если не терпѣть какого другаго вреда,
то, чрезъ опущеніе домашнихъ дѣлъ, видѣть ихъ въ худомъ
состояніи, а пользы отъ дѣлъ общественныхъ онъ не по-
лучаетъ никакой — именно потому, что справедливъ; мало
того,—справедливый еще подвергается упрекамъ со стороны
домашнихъ и родственниковъ за то, что, вопреки справедли-
вости, не хочетъ ничего для нихъ приготовить. У неспра-
ведливаго же все бываетъ напротивъ. Говорю, что̀ и недавно
сказалъ: у человѣка многосильнаго, много и любостяжанія.
Такъ на то-то смотри, если хочешь судить, во сколько полез- 344.
нѣе ему лично быть несправедливымъ, чѣмъ справедливымъ.
Легче же всего узнаешь это, когда дойдешь до несправедли-
вости совершеннѣйшей, которая обидчика дѣлаетъ самымъ
счастливымъ, а обижаемыхъ и нежелающихъ обижать—са-
мыми несчастными. Такова тираннія, которая не понемногу
похищаетъ чужое—тайно и насильственно, не понемногу
овладѣваетъ достояніемъ храмовъ и государственной [1] каз-

[1] *Не понемногу овладѣваетъ достояніемъ храмовъ и государственной казны.* Такою только фразою можно выразить два слова въ текстѣ Платона: *καὶ ἱερα καὶ ὅσια.* Схоліастъ, говоря о различіи этихъ словъ, замѣчаетъ, что *ὅσια—τὰ βέβηλα, εἰς ἃ ἐστιν εἰςιέναι, ὡς* Ἀριστοφάνης *Λυσιστράτῃ—καὶ ὅσια χρήματα τὰ μὴ ἱερά. Λέγται δὲ καὶ τὸ Διονύσιον ὅσιον.* Иначе говоритъ въ своемъ трактатѣ о Тимократѣ Димосѳенъ: *τὰ μὲν τῶν θεῶν χρήματα ἱερά, τά δὲ κοινά τῆς πόλεως ὅσια*

ны, имуществомъ домашнимъ и общественнымъ, но все-
B. цѣло. Обидчикъ, въ частныхъ видахъ преступленій, не укрывается, но подвергается наказанію и величайшему безчестію. Совершатели этихъ злодѣяній по частямъ называются и святотатцами, и поработителями людей, и подкапывателями стѣнъ, и обманщиками, и хищниками: напротивъ, кто нетолько похищаетъ имущество гражданъ, но и самихъ содержитъ въ узахъ рабства; тотъ, вмѣсто этихъ постыдныхъ именъ[1], получаетъ названіе счастливца—нетолько отъ граж-
C. данъ, но и отъ другихъ, увѣренныхъ въ совершенной его несправедливости; потому что порицатели несправедливости порицаютъ ее не за то, что она дѣлаетъ неправду, а за то, что угрожаетъ имъ собственными страданіями. Такъ-то, Сократъ: несправедливость на извѣстной степени — и могущественнѣе, и свободнѣе, и величественнѣе справедливости; поэтому, какъ я вначалѣ сказалъ, справедливость есть польза сильнѣйшаго, а несправедливость—польза и выгода собственная.

D. Сказавши это и своею порывистою и обильною рѣчью заливши наши уши, какъ баныщикъ, Тразимахъ думалъ уйти; однакожъ бывшіе тутъ не пустили его, но принудили остаться и сказанное подтвердить причинами. Въ этомъ именно я и самъ имѣлъ великую нужду, а потому продолжалъ: О божественный Тразимахъ! поразивъ насъ такою

ὀνομάζει. Сн. *Photius* sect. 257. Interpp. ad *Hesych.* T. II, p. 794. *Valken.* ad Ammon. p. 184. Очень хорошо замѣчаніе и *Шенемана* (De Comitiis Athen. p. 298). Ὅσιον, говоритъ онъ, можетъ быть совершено безъ опасности подвергнуться наказанію церковному, или ὅσιον есть вещь, которой не позволяется употребить для частной мірской цѣли. Итакъ ἱεροῖς χρήμασι противуполагаются τὰ ὅσια, которыя назначаются для общественнаго мірскаго употребленія; тогда какъ первыя могутъ быть издерживаемы только на нужды религіозныя.

[1] Греки очень дорожили именемъ, и этимъ словомъ часто обозначали положеніе человѣка въ обществѣ. Поэтому здѣсь — αἰσχρὰ ὀνόματα суть святотатцы, поработители, хищники, и пр., а въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ Libr. V p. 463 E — οἰκεῖα ὀνόματα означали домашнихъ, Sophist. p. 226 B — οἰκετικὰ ὀνόματα указывали на рабскія должности, Cratyl. p. 411 A. Phileb. p. 38 A — καλὰ ὀνόματα содержали подъ собою нѣчто доброе и прекрасное, Hipp. Maj. p. 288 D—φαῦλα ὀνόματα приписывались вещамъ маловажнымъ и низкимъ.

рѣчью, ты намѣреваешься уйти и не хочешь достаточно научить, либо научиться, такъ ли оно въ самомъ дѣлѣ, или не такъ. Опредѣленіе этого предмета неужели считаешь дѣ- E.
ломъ маловажнымъ, а не правиломъ жизни, которымъ руководствуясь, каждый изъ насъ могъ бы прожить съ наибольшею пользою?—Но развѣ я понимаю это иначе? примолвилъ Тразимахъ. — Однакожъ о насъ-то по крайней мѣрѣ, сказалъ я, ты, кажется, нисколько не заботишься, и тебѣ нѣтъ дѣла, худо ли, хорошо ли мы живемъ, не зная того, что̀, по твоимъ словамъ, ты знаешь. Нѣтъ, добрый человѣкъ, постарайся показать это и намъ. Не въ худое мѣсто положишь 345.
ты свое добро, облагодѣтельствовавъ имъ насъ, слушающихъ тебя въ такомъ количествѣ. Что же касается до меня, то я все-таки говорю тебѣ, что не вѣрю и не думаю, будто несправедливость выгоднѣе справедливости, хотя бы даже оставили ее въ покоѣ и не мѣшали ей дѣлать, что хочетъ. Да, добрый человѣкъ, пусть она несправедлива и въ состояніи обижать либо тайно, либо насильственно: но меня-то не убѣдитъ, что съ нею соединено больше выгоды, чѣмъ съ справедливостію. Да можетъ быть и еще кто-нибудь изъ B.
насъ то же чувствуетъ, а не одинъ я. Докажи же намъ, почтеннѣйшій, удовлетворительнѣе, что мы несправедливо думаемъ, предпочитая справедливость несправедливости.—Но какъ же я докажу тебѣ, спросилъ онъ? Если не вѣришь сейчасъ сказанному, то что еще съ тобою дѣлать? Могу ли я свое слово, будто ношу, вложить въ твою душу?—Ахъ, ради Зевса, не ты вѣдь, сказалъ я; ты только настаивай на томъ, что утверждалъ сначала: а если измѣнишь свое мнѣніе, то измѣняй открыто и не обманывай насъ. Возвратимся C.
къ прежнему предмету. Видишь ли Тразимахъ? опредѣливъ сперва значеніе настоящаго врача, ты уже не думалъ о томъ, что впослѣдствіи надобно также удержать значеніе и настоящаго пастуха; напротивъ, думаешь, что если онъ пастухъ, то пасетъ овецъ, имѣя въ виду не ихъ благо, а пированье, какъ какой-нибудь ѣдокъ и человѣкъ, приготовляющій себѣ

роскошный столъ, либо, если смотрѣть на проценты, какъ
D. собиратель денегъ, а не какъ пастухъ. Между тѣмъ пастушество-то не заботится ни о чемъ, кромѣ того, надъ чѣмъ оно поставлено, какъ бы, то-есть, ввѣренныхъ себѣ овецъ привести въ наилучшее состояніе; ибо, что касается до него самаго, то его состояніе уже достаточно хорошо, пока оно не имѣетъ нужды ни въ чемъ, чтобы быть пастушествомъ. Потому-то и считалъ я недавно необходимымъ для насъ дѣломъ согласиться, что никакое правительство, будетъ ли оно обще-
E. ственное или домашнее, какъ правительство, не должно имѣть въ виду ничего, кромѣ блага подчиненныхъ и управляемыхъ. Ты думаешь, что правители обществъ, управляющіе по надлежащему, управляютъ добровольно? — Ради Зевса, не думаю, отвѣчалъ онъ, а совершенно знаю.—Что же другія-то начальства, Тразимахъ? сказалъ я: развѣ не замѣчаешь, что никто не хочетъ управлять добровольно, но всѣ требуютъ платы, такъ какъ отъ управленія должна произойти польза не для нихъ самихъ, а для управляемыхъ? Скажи-ка мнѣ те-
346. перь вотъ что: каждое искуство не потому ли всегда называемъ мы отличнымъ отъ другихъ, что оно имѣетъ отличную отъ другихъ силу? Да говори, почтеннѣйшій, не вопреки собственному мнѣнію, чтобы намъ чѣмъ-нибудь кончить.—Потому что имѣетъ отличную отъ другихъ силу, отвѣчалъ онъ.—Не правда ли также, что и пользу каждое изъ нихъ приноситъ намъ особенную, а не общую,—напримѣръ, искуство врачебное доставляетъ здоровье, искуство кормчаго спасаетъ во время плаванія, то же и прочія? — Конечно. — А
B. искуство вознаграждательное—не плату ли? вѣдь въ этомъ его сила. Развѣ врачебное пользованіе и управленіе кораблемъ для тебя все равно? Если ужъ, согласно съ предположеніемъ, ты рѣшился дѣлать опредѣленія точныя; то потому ли единственно признаешь ты врачебное искуство, что какой-нибудь правитель корабля здоровъ, такъ какъ плаваніе по морю для него здорово? — Нѣтъ, сказалъ онъ. — И искуства вознаграждательнаго, думаю, не назовешь тѣмъ

же именемъ, когда кто-нибудь, получая плату, здравствуетъ. —Нѣтъ.—Что жъ? врачебное искуство, по твоему мнѣнію, будетъ ли искуствомъ вознаграждательнымъ, если иной C.
врачующій получаетъ плату? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.— Не согласились ли мы, что пользу-то каждое искуство приноситъ свою особенную?—Пусть такъ, сказалъ онъ.—Стало быть, когда всѣ мастера получаютъ извѣстную пользу съобща, то, очевидно, получаютъ ее отъ того самаго, чѣмъ пользуются съобща. — Вѣроятно, отвѣчалъ онъ. — И мы говоримъ, что мастера, получающіе плату, находятъ эту пользу въ томъ, что пользуются искуствомъ вознаграждательнымъ.—Съ трудомъ подтвердилъ.—Значитъ, эту са- D.
мую пользу, то-есть полученіе платы, каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ не отъ своего искуства, но, если изслѣдовать точнѣе, искуство врачебное доставляетъ здоровье, а вознаграждательное сопровождаетъ это платою; искуство домостроительное созидаетъ домъ, а вознаграждательное сопровождаетъ это платою; такъ и всѣ прочія: каждое дѣлаетъ свое дѣло и производитъ пользу, сообразную тому, надъ чѣмъ оно поставлено. Но пусть къ искуству не присоединялась бы плата,—мастеръ пользовался ли бы отъ него чѣмъ-нибудь?— Повидимому нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — А неужели, работая даромъ, онъ не приносилъ бы и пользы? — Думаю, приносилъ E.
бы.—Такъ вотъ ужъ и явно, Тразимахъ, что ни одно искуство и никакое начальствованіе не доставляетъ пользы самому себѣ, но, какъ мы и прежде говорили, доставляетъ и предписываетъ ее подчиненному, имѣя въ виду пользу его, то-есть низшаго, а не свою, или сильнѣйшаго. Потому-то, любезный Тразимахъ, я недавно и говорилъ, что никто не хочетъ начальствовать и принимать на себя исправленіе чужаго зла добровольно, но всякій требуетъ платы; такъ какъ человѣкъ, намѣревающійся благотворить искуствомъ, никогда не благотворитъ самому себѣ, и предписывающій добро, по требова- 347.
нію искуства, предписываетъ его не себѣ, а подчиненному; и за него-то, вѣроятно, людей, имѣющихъ вступить въ управ-

леніе, надобно вознаграждать—либо деньгами, либо честью, а кто не начальствуетъ,—наказаніемъ.—Что это говоришь ты, Сократъ? возразилъ Главконъ: первыя двѣ награды я знаю, но что упомянуто еще о наказаніи, и это наказаніе отнесено къ числу наградъ, того какъ-то не понимаю.—Стало
B. быть, ты не понимаешь награды самыхъ лучшихъ людей, сказалъ я,—той награды, ради которой управляютъ люди честнѣйшіе, когда они хотятъ управлять. Развѣ не извѣстно тебѣ, что честолюбіе и сребролюбіе почитаются и бываютъ дѣломъ ненавистнымъ.—Извѣстно, отвѣчалъ онъ.—Такъ вотъ добрые, сказалъ я, не хотятъ управлять ни для денегъ, ни для чести; потому что не хотятъ называться ни наемниками, управляя открыто для вознагражденія, ни хищниками, пользуясь отъ управленія чѣмъ-нибудь тайно:—не хотятъ они также управлять и для чести, потому что не честолюби-
C. вы. Только необходимостію и наказаніемъ должно ограничивать ихъ къ принятію на себя правительственныхъ обязанностей. Отсюда-то, должно быть, раждается унизительное мнѣніе о тѣхъ, которые вступаютъ въ управленіе добровольно, а не ожидаютъ необходимости. Величайшее изъ наказаній есть—находиться подъ управленіемъ человѣка, сравнительно худшаго, когда самъ не хочешь управлять; и люди честные, если они управляютъ, управляютъ, мнѣ кажется, изъ опасенія именно этого наказанія:—они тогда вступаютъ въ управленіе не потому, чтобы стремились къ какому-нибудь благу, и не потому, чтобы хотѣли удовлетворить собственному чувству, но какбы увлекаясь необходимостію, поколику не могутъ ввѣрить себя лучшимъ или подобнымъ себѣ
D. правителямъ. Такимъ образомъ, еслибы городъ состоялъ изъ мужей добрыхъ, то едва ли бы не старались они устраняться отъ правительственныхъ обязанностей, какъ нынѣ домогаются принимать участіе въ нихъ. А отсюда явно, что на самомъ дѣлѣ истинный правитель обыкновенно имѣлъ бы тогда въ виду не собственную пользу, а выгоду подчиненнаго; такъ что всякій, понимающій дѣло, скорѣе согла-

сился бы получать пользу отъ другаго, чѣмъ озабочиваться доставленіемъ пользы другому. Посему я никакъ не уступлю Тразимаху, будто справедливость есть польза сильнѣйшаго. Впрочемъ это-то мы еще разсмотримъ впослѣдствіи. Е.
Для меня гораздо важнѣе недавнія слова Тразимаха, что жизнь человѣка несправедливаго лучше, нежели жизнь справедливаго. А ты, Главконъ, примолвилъ я, которую избираешь? чтò здѣсь, по твоему, говорится вѣрнѣе?—По моему, жизнь справедливаго выгоднѣе, отвѣчалъ онъ.—Но слышалъ 348.
ли, сколько благъ въ жизни несправедливаго открылъ сейчасъ Тразимахъ? спросилъ я.—Слышалъ, да не вѣрю, сказалъ онъ.—Такъ хочешь ли, убѣдимъ его, лишь бы только отъискать доказательства, что онъ говоритъ неправду?—Какъ не хотѣть, отвѣчалъ онъ.—Однакожъ, продолжалъ я, если, пререкая ему, мы слову противупоставимъ слово и въ свою очередь покажемъ, какъ много благъ заключается въ жизни справедливой; потомъ, если онъ начнетъ возражать намъ, а мы снова—отвѣчать ему: то блага, высказанныя тою и другою стороною о томъ и другомъ предметѣ, понадобится исчислять и измѣрять, и намъ уже нужны будутъ какіе-нибудь судьи и цѣнители. Напротивъ, если дѣло под- B.
вергнется изслѣдованію обоюдному и согласію общему, какъ прежде; то мы сами будемъ вмѣстѣ и судьями и риторами. —Конечно, сказалъ онъ. — Что жъ, первое или послѣднее нравится тебѣ? спросилъ я. — Послѣднее, отвѣчалъ онъ.

Хорошо же [1], Тразимахъ, продолжалъ я; отвѣчай намъ съ начала. Говоришь ли ты, что совершенная несправедли-

---

[1] Тразимахъ утверждалъ, что несправедливость полезнѣе, могущественнѣе и счастливѣе справедливости. Теперь Сократъ приступаетъ къ опроверженію всѣхъ этихъ положеній, и приходитъ къ противнымъ тому заключеніямъ слѣдующимъ образомъ. Никакой благоразумный человѣкъ, знающій какое-нибудь дѣло, не будетъ стараться превзойти того, кто то же самое дѣло знаетъ въ совершенствѣ; ибо кто знаетъ это въ совершенствѣ, того превзойти никто не можетъ. То же надобно сказать о справедливости и несправедливости. Но тутъ замѣчается, что справедливый желаетъ имѣть хотя больше, чѣмъ несправедливый; однакоже не больше, чѣмъ справедливый: несправедливый же, напротивъ, хотѣлъ бы имѣть больше, чѣмъ

вость полезнѣе совершенной справедливости? — Конечно,
C. отвѣчалъ онъ; и говорю, и сказалъ,—почему. — Положимъ; а что скажешь ты объ ихъ качествахъ? одни изъ нихъ, вѣроятно, назовешь добродѣтелью, а другія порокомъ? — Какъ не назвать?—Справедливость, видно, добродѣтелью, а несправедливость—порокомъ?—Походитъ, любезнѣйшій, сказалъ онъ, если я утверждаю, что несправедливость приноситъ пользу, а справедливость не приноситъ [1].—Да какъ же ина-
D. че?—Наоборотъ, отвѣчалъ онъ.—Неужели справедливость—порокомъ?—Нѣтъ, но слишкомъ благородною простотою.—Слѣдовательно, несправедливость называешь ты хитростью? —Нѣтъ, благоразуміемъ, сказалъ онъ.—Однакожъ несправедливые кажутся ли тебѣ, Тразимахъ, мудрыми и добрыми? —Да, по крайней мѣрѣ тѣ, отвѣчалъ онъ, которые умѣютъ отлично быть несправедливыми и подчинять себѣ человѣческія общества и народы. А ты, можетъ быть, думаешь, что я говорю о тѣхъ, которые отрѣзываютъ кошельки? Полезно, конечно, и это, сказалъ онъ, пока не обличатъ, да не важно,—не таково, какъ то, на что я сейчасъ указалъ.—
E. Теперь понимаю, чтò хочешь ты сказать, примолвилъ я, и удивляюсь только тому, что несправедливость относишь ты къ роду добродѣтели и мудрости, а справедливость—къ противному. — Да, я именно такъ отношу ихъ. — Это, другъ мой, ужъ слишкомъ рѣзко, сказалъ я; и говорить противъ этого нелегко кому бы то ни было. Вѣдь еслибы ты и положилъ, что несправедливость доставляетъ пользу, но, подобно другимъ, согласился бы, что это дѣло худое и

тотъ и другой. А отсюда слѣдуетъ, что справедливость сопровождается благоразуміемъ и честностію, а несправедливость съ этими добродѣтелями не сдружается. Сила этого заключенія состоитъ въ уступкѣ, что знающій съ знающимъ всегда согласенъ, а съ незнающимъ всегда несогласенъ: незнающій, напротивъ, несогласенъ ни съ знающимъ, ни съ незнающимъ; ибо отсюда ясно уже вытекаетъ, что справедливость подобна благоразумію и знанію, а несправедливость—невѣжеству, τῇ ’αμαθεῖα. Надобно замѣтить впрочемъ, что формула—*больше имѣть*, *πλέον ἔχειν*, употребляется здѣсь нѣсколько свободно, въ различныхъ значеніяхъ.

[1] Это положеніе говорится, очевидно, съ насмѣшкою. Тразимахъ не соглашается, то-есть, справедливость назвать добродѣтелію, а несправедливость—порокомъ.

постыдное; то мы нашли бы еще, что сказать, слѣдуя обык-
новенному образу мыслей: а теперь несправедливость назо-
вешь ты, очевидно, дѣломъ и похвальнымъ и могуществен- 349.
нымъ, и припишешь ей все прочее, что̀ мы обыкновенно
рриписываемъ справедливости, такъ какъ она смѣло отнесе-
на тобою къ добродѣтели и мудрости.—Ты весьма вѣрно уга-
дываешь, сказалъ онъ.—Однакожъ нечего медлить-то подроб-
нѣйшимъ изслѣдованіемъ этого мнѣнія, продолжалъ я, пока,
замѣтно, ты говоришь, что думаешь. Вѣдь мнѣ кажется,
Тразимахъ, что ты нисколько не шутишь, но утверждаешь,
что̀ представляется тебѣ истиннымъ. — Какая тебѣ нужда,
что̀ мнѣ представляется, что̀ нѣтъ? возразилъ онъ. Не угодно
ли изслѣдовать?—Нужды никакой, сказалъ я; но попытайся B.
отвѣчать еще на слѣдующій вопросъ: кажется ли тебѣ, что
одинъ справедливый хотѣлъ бы имѣть болѣе, чѣмъ другой
справедливый?—Нисколько, отвѣчалъ онъ; иначе справедли-
вый былъ бы не такъ смѣшонъ [1] и простъ, какъ теперь.—
Ну, а болѣе справедливую дѣятельность [2]?—И справедли-
вой дѣятельности не болѣе, сказалъ онъ. — Но угодно ли
ему было бы имѣть болѣе, чѣмъ сколько имѣетъ неспра-
ведливый, и почиталъ ли бы онъ это справедливымъ, или
не почиталъ бы?—Почиталъ бы, отвѣчалъ онъ; и это было
бы ему угодно, только превышало бы его силы.—Да, вѣдь
не о томъ спрашивается, замѣтилъ я, а о томъ, что если
справедливому не угодно и не хочется имѣть болѣе, чѣмъ C.
сколько имѣетъ справедливый, то видно болѣе, чѣмъ неспра-
ведливый?—Точно такъ, сказалъ онъ.—Ну, а несправедли-
вый?—угодно ли ему имѣть болѣе, чѣмъ сколько имѣетъ

---

[1] Въ подлинникѣ — ἀστεῖος καί εὐήθης. Схоліастъ справедливо замѣчаетъ: νῦν ἀντὶ τοῦ γελοιώδης ὁ ἀστεῖος κεῖται, σημαίνει δὲ καὶ τὸν εὐσύνετον καὶ εὐπρόσωπον καὶ χαρίεντα. Lysid. p. 204 C. Ἀστεῖον γε, ἦ δ᾽ ὅς, ὅτι ἐρυθριᾷς.

[2] Мысль такая: кто справедливъ, будетъ ли тотъ стараться пріобрѣсть больше справедливости, чѣмъ сколько имѣется ея въ дѣятельности справедливой? То-есть, дѣйствіе справедливое, такъ какъ оно справедливо, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ справедливости; а потому человѣкъ справедливый не въ состояніи пріобрѣсть больше справедливости, чѣмъ сколько имѣется въ его дѣйствіи.

справедливый, съ справедливою его дѣятельностію?—Какъ
не угодно, отвѣчалъ онъ, когда ему нравится имѣть болѣе
всѣхъ?—Неужели же, стремясь получить болѣе всѣхъ, не-
справедливый будетъ завидовать и соревновать даже чело-
вѣку несправедливому съ несправедливою его дѣятельно-
стію? — Да. — Такъ мы говоримъ вотъ какимъ образомъ,
D. примолвилъ я: справедливый хочетъ имѣть болѣе, въ срав-
неніи не съ подобнымъ себѣ, а съ неподобнымъ; напротивъ,
несправедливый—болѣе, въ сравненіи и съ подобнымъ себѣ
и съ неподобнымъ.—Очень хорошо сказано, замѣтилъ онъ.
—Несправедливый также уменъ и добръ, сказалъ я, а спра-
ведливый—ни то, ни другое.—И это хорошо, примолвилъ
онъ.—Несправедливый притомъ подобенъ умному и добро-
му, а справедливый—не подобенъ? спросилъ я.—Будучи та-
кимъ, какъ ему и не уподобляться такимъ же, а не будучи,—
какъ уподобляться? отвѣчалъ онъ.—Хорошо; стало быть, каж-
дый изъ нихъ таковъ, какимъ подобенъ.—Да почему же не
E. такъ? сказалъ онъ. — Положимъ, Тразимахъ; называешь
ли ты одного музыкантомъ, а другаго—не-музыкантомъ?—
Называю.—Котораго умнымъ и котораго неумнымъ?—Му-
зыканта, конечно,—умнымъ, а не-музыканта—неумнымъ.
—И какъ умнымъ,—то и добрымъ, а какъ неумнымъ,—то
и злымъ?—Да.—Ну, а врача? не такъ же ли?—Такъ.—
Но кажется ли тебѣ, почтеннѣйшій, что какой-нибудь му-
зыкантъ, настроивая лиру, хотѣлъ бы, въ натягиваніи и
ослабленіи струнъ, превзойти музыканта, или имѣть болѣе
его?—Не кажется.—Что жъ? не-музыканта?—Необходимо,
350. сказалъ онъ.—А врачь какъ?—хотѣлъ ли бы онъ въ пред-
писаніи пищи и питья превзойти врача—либо лично, либо
дѣломъ?—Нисколько.—Такъ не-врача?—Да.—Однакожъ въ
отношеніи ко всякому-то знанію и незнанію, тебѣ, смотри,
думается, что знатокъ, какой бы то ни былъ, хотѣлъ бы на
дѣлѣ, или на словахъ, избрать лучшее, чѣмъ другой зна-
токъ, и что, касательно одного и того же дѣла, не желалъ
бы оставаться при одномъ и томъ же съ подобнымъ себѣ.—

Это-то, можетъ быть, необходимо такъ бываетъ, сказалъ онъ.—А не-знатокъ? не желалъ ли бы онъ имѣть болѣе— B.
и знатока, и не-знатока? — Можетъ быть. — Но знатокъ мудръ?—Думаю.—А мудрый—добръ?—Полагаю.—Слѣдовательно, человѣкъ добрый и умный захочетъ имѣть болѣе, въ сравненіи не съ подобнымъ себѣ, а съ неподобнымъ и противнымъ.—Походитъ, сказалъ онъ.—Напротивъ, человѣкъ злой и невѣжда—болѣе, въ сравненіи и съ подобнымъ и съ противнымъ себѣ.—Явно.—Но не правда ли, Тразимахъ, спросилъ я, что несправедливый у насъ захочетъ C.
имѣть болѣе, чѣмъ неподобный ему и подобный? Не такъ ли ты говорилъ?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Справедливый же захочетъ болѣе, въ сравненіи не съ тѣмъ, кто подобенъ ему, а съ тѣмъ, кто неподобенъ?—Да.—Слѣдовательно справедливый, сказалъ я, походитъ на человѣка мудраго и добраго, а несправедливый—на злаго и невѣжду.—Должно быть.—Да мы и въ томъ согласились, что кому тотъ или другой подобенъ, таковъ тотъ или другой самъ. — Конечно согласились.—Стало быть, справедливый становится для насъ добрымъ и мудрымъ, а несправедливый—невѣждою и злымъ.

Тразимахъ подтверждалъ все это, однакожъ не столь легко, какъ я говорю, но не-хотя и чуть-чуть; а сколько D.
поту-то!—тѣмъ болѣе, что было лѣто. Тутъ только я видѣлъ его покраснѣвшимъ, а прежде никогда. Итакъ, получивъ согласіе, что справедливость есть добродѣтель и мудрость, а несправедливость — зло и невѣжество, я сказалъ: Пусть же это будетъ у насъ такъ; но мы утверждали еще, что несправедливость могущественна. Или не помнишь, Тразимахъ? — Помню, отвѣчалъ онъ; да мнѣ и то не нравится, что ты сейчасъ говорилъ, и я думаю начать рѣчь о прежнемъ. Но когда начну,—ты, знаю навѣрное, скажешь, что я ораторствую. Итакъ, либо предоставь E.
мнѣ говорить, что я хочу, либо спрашивай, если хочешь спрашивать; а я буду тебѣ такать и, въ знакъ согласія либо несогласія, кивать головою, какъ киваютъ старухамъ,

разсказчицамъ басень.—Только отнюдь не вопреки своему мнѣнію, сказалъ я.—Постараюсь тебѣ нравиться, примолвилъ онъ, если ужъ не позволяешь говорить. Чего жъ еще?—Ничего болѣе, клянусь Зевсомъ, сказалъ я; но если будешь дѣлать такъ, — дѣлай; а я буду спрашивать. — Ну
351. спрашивай.—Вопросы мои будутъ касаться того же предмета, о которомъ говорено сейчасъ, чтобы наконецъ намъ опредѣлить, какова справедливость въ отношеніи къ несправедливости. Было вѣдь сказано, что несправедливость и сильнѣе и могущественнѣе справедливости: но теперь, примолвилъ я, когда справедливость признана мудростью и добродѣтелью,—теперь легко, думаю открылось бы, что, наоборотъ, она могущественнѣе несправедливости, такъ какъ несправедливость есть невѣжество; и это ужъ всякій понялъ бы. Однакожъ я не удовлетворяюсь, Тразимахъ, столь простымъ разсматриваніемъ дѣла, но хочу разсмотрѣть его
B. какъ-нибудь слѣдующимъ образомъ: согласишься ли ты, что есть несправедливый городъ, который намѣревается несправедливо поработить и другіе города, да и поработилъ, и многіе уже раболѣпствуютъ ему? — Какъ не быть? сказалъ онъ; и это-то скорѣе всего сдѣлаетъ самый сильный, который въ полной мѣрѣ несправедливъ.—Знаю, замѣтилъ я, что таково было твое мнѣніе, но я вотъ какъ изслѣдываю его: городъ, возвысившійся силою надъ другимъ городомъ, будетъ ли имѣть эту силу надъ нимъ безъ справед-
C. ливости, или необходимо съ справедливостью?—Если справедливость есть мудрость, какъ недавно говорилъ ты, то—съ справедливостью; а если она такова, какъ утверждалъ я, то—съ несправедливостью, отвѣчалъ онъ.—Я весьма радъ, Тразимахъ, что ты не довольствуешься однимъ качаніемъ головы, въ знакъ согласія или несогласія, но даже прекрасно отвѣчаешь.—Вѣдь тебѣ угождаю, сказалъ онъ.—И хорошо дѣлаешь; угоди же мнѣ отвѣтомъ и на слѣдующій вопросъ: думаешь ли ты, что или городъ, или войско, или разбойники, или воры, или иная толпа, несправедливо при-

ступая къ чему-либо съобща, могли бы что-нибудь сдѣлать, еслибы не оказывали другъ другу справедливости? — Не думаю, отвѣчалъ онъ. — А что,—еслибы оказывали? тогда скорѣе бы?—Конечно.—Видно потому, Тразимахъ, что несправедливость-то возбуждаетъ смуты, враждебныя чувствованія и междоусобія, а справедливость раждаетъ единодушіе и дружбу. Не правда ли?—Пусть такъ, чтобы не спорить съ тобою, сказалъ онъ.—И хорошо дѣлаешь, почтеннѣйшій. Отвѣчай мнѣ еще на это: если несправедливости свойственно возбуждать ненависть вездѣ, гдѣ она находится; то, находясь и въ людяхъ свободныхъ и въ рабахъ, не заставитъ ли она ихъ ненавидѣть другъ друга и возставать другъ на друга? Не доведетъ ли она ихъ до невозможности дѣйствовать съобща? — Конечно доведетъ.—Да что? пусть она будетъ только въ двухъ,—не разсорятся ли они, не возненавидятъ ли одинъ другаго и не сдѣлаются ли врагами—какъ взаимно себѣ, такъ и справедливымъ?—Сдѣлаются, сказалъ онъ.—Но положимъ, почтеннѣйшій, что несправедливость находится въ одномъ: потеряетъ ли она свою силу, или тѣмъ не менѣе будетъ имѣть ее?—Пускай тѣмъ не менѣе имѣетъ, сказалъ онъ. — А сила ея не такою ли является намъ, что гдѣ она есть,—въ городѣ, въ племени, въ войскѣ, или въ чемъ другомъ,—тамъ ея подлежащее, питая въ себѣ и смуты и распри, прежде всего приходитъ въ безсиліе дѣйствовать согласно съ самимъ собою, да сверхъ того становится врагомъ и себѣ, и всему противному, или справедливому? Не такъ ли?—Конечно такъ.—Стало быть, находясь и въ одномъ, несправедливость, думаю, все то же будетъ дѣлать, что обыкновенно дѣлаетъ: то-есть, возмущающееся и не единодушное съ самимъ собою подлежащее сперва приведетъ въ безсиліе дѣйствовать, а потомъ вооружитъ его и противъ него самого, и противъ справедливыхъ. Не правда ли? — Правда. — Но справедливые-то, другъ мой, суть и боги?—Пускай, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно, несправедливый-то будетъ врагомъ и боговъ, Тра-

зимахъ, тогда какъ справедливый — ихъ другомъ. — Угощайся бесѣдою смѣло, сказалъ онъ; чтобы не огорчить слушателей, противорѣчить тебѣ не стану.—Хорошо, примолвилъ я; угости же меня и остальными отвѣтами, какъ доселѣ. Теперь справедливые представляются намъ и мудрѣе, и лучше, и сильнѣе для дѣятельности; а несправедливые ничего не могутъ сдѣлать вмѣстѣ. Мы хоть и говоримъ,
C. что совокупное усиліе людей несправедливыхъ иногда бывало могущественно, но говоримъ несовсѣмъ вѣрно; потому что, будучи несправедливыми, они не слишкомъ пощадили бы другъ друга. Явно, что въ нихъ находилось еще нѣсколько справедливости, которая мѣшала имъ оказывать несправедливость и самимъ-то себѣ, и тѣмъ, на кого они возставали. Посредствомъ этой справедливости они и совершили все, что совершили, хотя, бывъ въ-половину злы, несправедливостію стремились къ несправедливости.
D. Если же люди питаютъ злобу всецѣлую и несправедливость совершенную, то бываютъ и совершенно безсильны для дѣятельности. Такъ вотъ какъ дѣло-то я разумѣю, а не такъ, какъ ты сперва полагалъ. Наконецъ остается изслѣдовать, что мы предположили къ изслѣдованію впослѣдствіи, то-есть лучше ли и счастливѣе ли живутъ справедливые, въ сравненіи съ несправедливыми. Изъ сказаннаго это видно и теперь уже, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ кажется: однакожъ изслѣдуемъ еще обстоятельнѣе; потому что рѣчь у насъ не о какомъ-либо маловажномъ предметѣ, а о томъ,
E. какъ надобно жить. — Изслѣдывай пожалуй, сказалъ онъ. —Изслѣдываю, примолвилъ я. И вотъ скажи мнѣ: кажется ли тебѣ, что есть какое-нибудь дѣло лошади?—Кажется. — Не то ли призналъ бы ты дѣломъ лошади, или другой вещи, что совершаютъ либо ею одною, либо ею всего лучше?—Не понимаю, сказалъ онъ.—Да вотъ какъ: можешь ли ты видѣть чѣмъ-нибудь, кромѣ глазъ?—Не могу.— Ну, а слышать чѣмъ-нибудь, кромѣ ушей?—Нисколько.— Слѣдовательно, не въ правѣ ли мы назвать это ихъ дѣломъ?—

Конечно.—Но что? виноградныя вѣтви ты можешь обрѣзывать и ножемъ, и ножницами, и многими другими орудіями? 353.
—Какъ не мочь?—Однакожъ все-таки, думаю, ничѣмъ такъ хорошо не обрѣжешь, какъ садовымъ рѣзцомъ, который для того и сдѣланъ.—Правда.—Такъ не признаемъ ли это его дѣломъ?—Конечно признаемъ.—Значитъ, теперь ты легче можешь понять недавній мой вопросъ: не то ли есть дѣло каждой вещи, что совершается либо ею одною, либо ею лучше, чѣмъ другими?—Да, теперь-то я понимаю, и мнѣ кажется, что въ этомъ состоитъ дѣло каждой вещи.—Хоро- B.
шо, продолжалъ я; но какъ тебѣ кажется? у всякаго, кому свойственно извѣстное дѣло, есть ли и добродѣтель? Возвратимся опять къ тому же: у глазъ, говорили мы, есть извѣстное дѣло?—Есть.—Стало быть, есть и свойственная имъ добродѣтель?—И добродѣтель.—Ну, а ушамъ приписали извѣстное дѣло?—Да.—Слѣдовательно и добродѣтель?—И добродѣтель.—Что же касательно всего прочаго? не такъ же ли?—Такъ.—Постой теперь; глаза могутъ ли когда-нибудь хорошо дѣлать свое дѣло, не имѣя свойственной себѣ добродѣтели, но, вмѣсто добродѣтели, подчиняясь злу?—Какъ C.
мочь? сказалъ онъ. Вѣдь ты, вѣроятно, говоришь о слѣпотѣ, вмѣсто зрѣнія. — Какая бы то ни была добродѣтель ихъ, примолвилъ я; теперь вѣдь не объ этомъ спрашивается, а о томъ, — точно ли глаза хорошо дѣлаютъ свое дѣло свойственною себѣ добродѣтелью, а худо—зломъ?—Правда, ты именно объ этомъ говоришь, примолвилъ онъ.—Такъ и уши будутъ худо дѣлать свое дѣло, не имѣя свойственной себѣ добродѣтели?—Конечно.—Стало быть, и все прочее мы приведемъ къ тому же основанію? — Мнѣ кажется. — Хорошо. D.
Теперь изслѣдуй вотъ что: душа имѣетъ ли какое-нибудь дѣло, котораго ты не могъ бы совершить ничѣмъ другимъ? Напримѣръ, стараться, начальствовать, совѣтоваться и все тому подобное, приписали ли бы мы по справедливости чему-нибудь другому, кромѣ души, и не сказали ли бы, что это собственно ея дѣло? — Ничему другому. — Или опять

жить—не назовемъ ли дѣломъ души?—Даже всего болѣе, отвѣчалъ онъ.—Стало быть, не припишемъ ли душѣ и какой-
E. либо добродѣтели?—Припишемъ. — Такъ душа, Тразимахъ, можетъ ли когда-нибудь хорошо совершать свои дѣла, не имѣя свойственной себѣ добродѣтели? Или это невозможно?—Невозможно.—Слѣдовательно душа худая, по необходимости, и начальствуетъ и старается худо, а добрая все это дѣлаетъ хорошо.—Необходимо.—Но мы согласились, что добродѣтель души есть справедливость, а зло — несправедливость? — Да, согласились. — Стало быть, душа справедливая, или человѣкъ справедливый будетъ жить хорошо, а несправедливый—
354. худо.—Изъ твоихъ основаній слѣдуетъ, сказалъ онъ. — Но кто живетъ хорошо, тотъ-то и счастливъ и блажененъ; а кто—нѣтъ, тотъ напротивъ.—Какъ же иначе?—Итакъ справедливый счастливъ, а несправедливый бѣдствуетъ.—Пускай, сказалъ онъ. — Но бѣдствовать-то неполезно; полезно быть счастливымъ.—Какъ же иначе?—Стало быть, почтеннѣйшій Тразимахъ, несправедливость никогда не бываетъ полезнѣе справедливости.—Угощайся себѣ этимъ на Вендидіяхъ, Сократъ, сказалъ онъ.—Лишь бы твое было угощеніе, Тразимахъ, примолвилъ я,—тѣмъ охотнѣе, что ты сдѣлался кро-
B. токъ и пересталъ сердиться. Впрочемъ я недовольно насытился,—и вина моя, а не твоя. Какъ обжоры съ жадностію хватаются за всѣ блюда, непрестанно приносимыя къ столу, прежде нежели порядочно покушаютъ изъ перваго: такъ, кажется, и я, не нашедши еще разсматриваемаго нами предмета, что такое справедливость, оставилъ его и поспѣшилъ изслѣдовать, зло ли она и невѣжество или мудрость и добродѣтель; а послѣ, по поводу рѣчи о томъ, что несправедливость полезнѣе справедливости, не удержался, чтобы
C. отъ того предмета не перейти къ этому. Такимъ образомъ изъ нашего разговора я теперь ничего не узналъ; ибо, не зная, что такое справедливость, едва ли узнаю, добродѣтель ли она, и счастливъ ли тотъ, кто имѣетъ ее, или несчастливъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

Такъ какъ въ первой книгѣ изложено не столько положительное понятіе о справедливости, сколько отрицательное; то Главконъ и Адимантъ,—защитники несправедливости, требуютъ, чтобы Сократъ представилъ достаточныя основанія, по которымъ справедливость должна быть предметомъ любви сама по себѣ, независимо отъ соединенной съ нею пользы. P. 357—367 E. Тогда Сократъ, похваливъ ихъ за ревность и замѣтивъ, что они для того-то и защищаютъ несправедливость, что хотятъ отчетливѣе узнать этотъ предметъ, приступаетъ къ изслѣдованію природы справедливости и несправедливости, съ намѣреніемъ указать потомъ пользу той и другой. P. 367 E—368 A. Но справедливость можетъ проявляться какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣломъ государствѣ; поэтому, чтобы лучше разсмотрѣть ея природу, надобно прежде рѣшить вопросъ: что такое она въ нѣдрѣ государства?—и рѣшить, смотря на государство только раждающееся, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и рожденіе справедливости. P. 368 A — 369 A. Итакъ въ слѣдующемъ теперь разсужденіи Сократъ предполагаетъ *какбы создать государство, ради усмотрѣнія, съ чего оно начинается.* Государство раждается, говоритъ, отъ недостаточности человѣка самого для себя; такъ что каждое недѣлимое имѣетъ нужду въ помощи другаго. Стало быть, прежде всего необходимо знать, что нужно человѣку, чтобы онъ жилъ. Для жизни, вопервыхъ, нужна пища, безъ которой поддерживать существованіе невозможно; потомъ нужны:—жилище и одежда, чтобы защитить тѣло отъ стужи и зноя; кромѣ того для удовлетворенія тѣлеснымъ его нуждамъ требуется и многое другое. Поэтому госу-

дарство, если смотрѣть на то, что ему существенно необходимо, должно состоять изъ земледѣльцевъ, плотниковъ, ткачей, кожевниковъ и многихъ другихъ мастеровъ, которыхъ занятія и искуства обязаны поддерживать жизнь гражданъ. Всѣ такіе мастера будутъ каждый дѣлать свое дѣло—съ тѣмъ, чтобы своими занятіями помогать другъ другу; и въ самыхъ этихъ дѣлахъ ихъ можно уже будетъ замѣтить начало справедливости и несправедливости. P. 369 A—372 A. Но развитіе ихъ еще болѣе обнаруживается въ способахъ жизни людей, вступающихъ въ общежитіе. Вѣдь и при нарочитой простотѣ жизни, нужны многія вещи, служащія къ ея изяществу и украшенію. Посему необходимо, чтобы мало-по-малу родились роскошь и нѣга, хотя это, конечно, есть уже признакъ государства испорченнаго. А отсюда произойдетъ то, что представится нужда во многихъ художникахъ, которые своими занятіями будутъ удовлетворять не необходимымъ потребностямъ, а удобствамъ жизни,—и число гражданъ отъ того естественно увеличится. Но съ увеличеніемъ ихъ, для легчайшаго удовлетворенія желаніямъ всѣхъ, придется вести войны съ пограничными государствами; а при этомъ понадобится *сословіе воиновъ*, безъ котораго безопасность и благосостояніе общества обезпечены быть не могутъ. Прочимъ же гражданамъ заниматься воинскими дѣлами неудобно; ибо тогда какъ всякій изъ нихъ занимается собственнымъ своимъ дѣломъ, у нихъ не будетъ ни возможности, ни способности успѣшно вести войну. P. 372 A — 374 D. Но чѣмъ важнѣе и благодѣтельнѣе обязанность тѣхъ, которые должны охранять государство, тѣмъ нужнѣе особенная внимательность при выборѣ ихъ, чтобы, то-есть, для этой цѣли предпочитаемы были люди, по природѣ и свойствамъ, весьма годные для веденія войны. Къ числу ихъ надобно относить тѣхъ, которые одарены остротою чувствъ, быстротою ногъ, крѣпостію силъ и нѣкоторою горячностію души. P. 374 D—375 E. А это потребуетъ великой заботливости и осторожности. Такъ какъ требующаяся здѣсь сила и горячность души легко можетъ переродиться въ дерзость въ отношеніи къ прочимъ гражданамъ; то надобно всячески стараться давать воинамъ такое воспитаніе, посредствомъ котораго въ нихъ съ тѣми добродѣтелями совмѣщались бы —

кротость и любовь къ мудрости. Тѣло ихъ надобно развивать *гимнастикою*, а душу—*музыкою*. Къ музыкѣ прежде всего относятся разнаго рода рѣчи. Изъ рѣчей однѣ—истинныя, а другія исполнены лжи и обмана. Этихъ послѣднихъ надобно всячески беречься, какъ бы не заразили онѣ дѣтскихъ душъ, особенно если будутъ обаять ихъ пустыми разсказами поэтовъ. Посему изъ поэтовъ надобно старательно избирать тѣ сказанія, которыя могутъ быть переданы дѣтямъ, не вредя чувству честности; наполненныя же ложью нужно отвергать и всячески скрывать. Сюда относится многое, что разсказано Омиромъ, Исіодомъ и иными поэтами, которые приписали богамъ такія дѣла, какія вовсе не достойны божественной природы. Они говорятъ, напримѣръ, что Уранъ и Кроносъ постыдно лишены царства, что боги нерѣдко совершаютъ дѣла самыя безчестныя и питаютъ сильную другъ къ другу вражду. При выборѣ разсказовъ для чтенія дѣтямъ, надобно имѣть въ виду то, чтобы они помогали пробужденію, развитію и укрѣпленію добродѣтели. Итакъ требуется, чтобы Богъ описываемъ былъ въ нихъ такимъ, каковъ Онъ дѣйствительно, то-есть добрымъ; требуется также, чтобы Онъ не выставлялся какъ обморочиватель, принимающій разные виды, тогда какъ природа его проста,—по высотѣ и превосходству добродѣтели, не подлежитъ никакимъ перемѣнамъ. Да и нечестиво думать, будто Богъ принимаетъ разные образы, чтобы обманывать людей; потому что Онъ — высочайшая истина, чуждая всякой лжи. Р. 375 Е — 383 Е.

КНИГА ВТОРАЯ.

357. Сказавъ это, я думалъ, что уже избавился отъ разговора; однакожъ открылось, что то было только вступленіе, ибо Главконъ, по обычаю всегда и для всего мужественный, не одобрилъ даже и теперь отказа Тразимахова, но
B. сказалъ: Сократъ! Неужели ты хочешь, чтобы мы казались убѣжденными, или дѣйствительно повѣрили, что во всякомъ случаѣ лучше быть справедливымъ?—Да, въ самомъ дѣлѣ хотѣлось бы, отвѣчалъ я, еслибы это было по моимъ силамъ. —Такъ ты не дѣлаешь того, чего хочешь, возразилъ онъ. Скажи-ка мнѣ [1], не представляется ли тебѣ благо чѣмъ-либо такимъ, что мы желали бы имѣть, стремясь не къ слѣдствіямъ, изъ того вытекающимъ, но любя желаемый предметъ ради его самого? Напримѣръ, мы желали бы наслаждаться радостію [2] и неподдѣльными удовольствіями, хотя изъ

[1] Здѣсь Платонъ различаетъ три рода благъ: одни тѣ, которыя бываютъ предметомъ нашихъ стремленій сами посебѣ, независимо отъ того, приносятъ ли они пользу или не приносятъ; другія—тѣ, которыя пріятны намъ и сами по себѣ, и по своимъ слѣдствіямъ или по проистекающей отъ нихъ пользѣ; третьи—тѣ, которыя сами по себѣ не заслуживаютъ избранія, за то полезны въ будущемъ. Справедливость подводится Сократомъ подъ вторую категорію благъ. *Plotin.* Ennead. Lib. VII, I. *Apul.* de Dogm. Plat. II. init.

[2] *Неподдѣльными удовольствіями* — ὅσαι ἀβλαβεῖς, которыя, то есть, не сопровождаются никакими непріятными ощущеніями, или не ослабляются никакою примѣсью скорбныхъ впечатлѣній.

нихъ для времени послѣдующаго не вытекаетъ ничего, кромѣ
радости того лица, которое ими наслаждается. — Да, мнѣ
представляется оно чѣмъ-то такимъ, отвѣчалъ я. — А что? C.
не благо ли и то, которое мы любимъ и ради его самого,
и ради его слѣдствій? Напримѣръ, умствованіе, зрѣніе, здо-
ровье: вѣдь это пріятно намъ, должно быть, по той и другой
причинѣ.—Да, сказалъ я.—Но не видишь ли, спросилъ онъ,
и третьяго рода блага, къ которому относятся и тѣлесныя
упражненія, и пользованіе больнаго, и врачеваніе, и, кромѣ
того, собираніе денегъ? Эти занятія можно назвать труд-
ными, однако полезными для насъ, и мы, конечно, не хотѣли D.
бы предпринимать ихъ для нихъ самихъ, а предпринимаемъ
за плату и ради другихъ выгодъ, которыя изъ того проис-
текаютъ.—Точно, это третій родъ, сказалъ я; такъ что жъ?—
Въ которомъ изъ нихъ, спросилъ онъ, поставляешь ты спра-
ведливость?—По моему мнѣнію, отвѣчалъ я, она заключает-
ся въ родѣ превосходнѣйшемъ, — именно въ томъ, кото- 358.
рый всякому, желающему счастія, долженъ быть любезенъ
и ради его самого, и ради его слѣдствій.—Однакожъ, боль-
шинству людей кажется не это, сказалъ онъ; люди постав-
ляютъ справедливость въ родѣ трудномъ, которымъ надоб-
но заниматься для платы и извѣстности, производимой мол-
вою; а сама по себѣ [1], она должна быть отвергаема, какъ
дѣло тяжелое. — Знаю, что такъ кажется, продолжалъ я, и
Тразимахъ давно уже порицаетъ ее за это, а несправедливость
хвалитъ: но видно я какъ-то тупоуменъ. — Постой-ка, ска-
залъ онъ, выслушай и меня; не то же ли покажется тебѣ B.
самому? Тразимаха-то ты очаровалъ, будто змѣя [2], повиди-

[1] Справедливость, сама по себѣ,—дѣло трудное, потому что требуетъ самопожертвованія и отреченія отъ собственныхъ выгодъ; поэтому большинство отвергаетъ ее. Но, при всемъ томъ, никто не отказывается отъ воздаянія за справедливость и отъ славы, которою она бываетъ увѣнчиваема: всякому хочется слыть справедливымъ; а быть несправедливымъ никто не хочетъ. Выгоды хороши, да самое дѣло-то друдно: всѣ ищутъ заработка, только стараются получить его безъ работы.

[2] Тразимахъ, обнаружившій себя въ бесѣдѣ съ Сократомъ, какъ человѣкъ

мому, слишкомъ скоро; а мнѣ изслѣдованіе того и другаго предмета все еще не по мысли. Я желаю слышать, что такое—обѣ онѣ [1], и какую силу имѣетъ предметъ самъ по себѣ, находясь въ душѣ, а вознагражденія и то, что за ними слѣдуетъ, оставляю. Такъ вотъ что хочу я сдѣ-
C. лать, если и тебѣ будетъ угодно: я возобновлю рѣчь Тразимаха и скажу, — во-первыхъ о томъ, какою называютъ и откуда производятъ справедливость; во-вторыхъ о томъ, что всѣ, которые исполняютъ ее, исполняютъ невольно, не какъ дѣло доброе, а какъ необходимое [2]; въ-третьихъ о томъ, что такая дѣятельность нужна, поколику жизнь несправедливаго, какъ говорятъ, много лучше жизни справедливаго. Хотя мнѣ-то, Сократъ, и несовсѣмъ такъ кажется; однакожъ, слушая Тразимаха и тысячи другихъ, я, оглушенный ими, нахожусь въ недоумѣніи; доказа-
D. тельствъ же въ пользу справедливости, что, то-есть, она лучше несправедливости, чего желаю, ни отъ кого не слыхалъ. Такъ вотъ мнѣ хочется слышать похвалу тому, что называется само по себѣ, и особенно повѣрилъ бы въ этомъ, думаю, твоему изслѣдованію. Посему я буду настойчиво превозносить жизнь несправедливую и, говоря о ней, укажу тебѣ тотъ способъ, которымъ ты, сообразно

вздорчивый и язвительный, весьма кстати уподобляется змѣю. Но у Грековъ было повѣрье, что змѣя можно заговорить таинственною силою нѣкоторыхъ словъ; и такимъ заговаривателемъ представляется теперь Сократъ. О преданіи касательно укрощенія змѣй заговорами, см. *Muretum* ad h. l. Interpr. ad Virgil. Eclog. VIII, v. 71.

[1] То-есть, справедливость и несправедливость, ἑκάτερον.

[2] Главконъ предполагаетъ, что всякая добродѣтель есть дѣло свободное и принужденія не терпитъ: но справедливость представляется ему дѣятельностію, условливающеюся законами общества, слѣдовательно необходимою; а потому справедливость, разсматриваемая сама въ себѣ, не есть добродѣтель. Это кажется Главкону достаточною опорою его недоумѣній, и онъ хочетъ, чтобы Сократъ разрѣшилъ ихъ. Ученіе софистовъ, что по природѣ нѣтъ никакихъ законовъ, что всѣ они — дѣло необходимости и постановляются въ видахъ пользы и защиты людей слабыхъ отъ сильныхъ, — это ученіе приводится и опровергается во многихъ мѣстахъ сочиненій Платона. См. Gorg. p. 483 A sgg. Protag. p. 337 E. Legg. X, p. 889, 890.

съ моимъ желаніемъ, долженъ будешь въ свою очередь порицать несправедливость и хвалить справедливость. Но смотри, согласенъ ли ты на то, чего я хочу? — Всего болѣе, E.
отвѣчалъ я. Чѣмъ особенно и наслаждаться разумному существу, какъ не возможностію часто говорить и слышать объ этомъ?—Прекрасно сказано, замѣтилъ онъ; слушай же, я начинаю, какъ обѣщался, изслѣдованіемъ того, какова справедливость и откуда она произошла.

Хотя обыкновенно говорятъ такъ, что дѣланіе несправедливости есть добро, а испытываніе ея—зло; однакожъ, у испытывающаго несправедливость избытокъ зла больше, чѣмъ у дѣлающаго ее—избытокъ добра. Посему, когда люди стали дѣлать несправедливость другъ другу и испытывать ее другъ отъ друга—отвѣдывать одно и другое; тогда, не могши избѣгать послѣдняго и избирать первое, нашли 359.
полезнымъ условиться между собою, чтобы и не дѣлать несправедливости, и не испытывать ея. При этихъ-то условіяхъ начали они постановлять законы и договоры и предписаніе закона называть законнымъ и справедливымъ. Вотъ каково происхожденіе и существо справедливости: она находится въ срединѣ между самымъ лучшимъ, когда дѣлающій несправедливость не подвергается наказанію, и самымъ худшимъ, когда испытывающій несправедливость не въ силахъ отмстить за себя. И это справедливое, находящееся въ срединѣ между двумя крайностями, вожделѣнно не какъ B.
благо, а какъ нѣчто уважительное для человѣка, неимѣющаго силы дѣлать несправедливость. Напротивъ, кто можетъ дѣлать ее, тотъ истинно мужъ,—тотъ не будетъ ни съ кѣмъ входить въ договоры касательно дѣланія и испытыванія несправедливости: развѣ онъ съ ума сойдетъ! Эта-то и такова-то природа справедливости, Сократъ; вотъ источникъ, изъ котораго она, какъ говорятъ, проистекла.

А что и исполнители справедливости исполняютъ ее невольно, отъ безсилія дѣлать несправедливость, это мы легко замѣтимъ, если тому и другому, — справедливому и не- C.

справедливому мысленно дадимъ волю дѣлать, что угодно, и потомъ будемъ слѣдовать за ними наблюденіемъ, куда желаніе поведетъ каждаго изъ нихъ. Мы схватимъ справедливаго на одномъ и томъ же дѣлѣ съ несправедливымъ: движась любостяжаніемъ, и онъ идетъ къ тому, къ чему, какъ къ благу, обыкновенно стремится всякая природа; а законъ и сила отвлекаютъ его къ уваженію мѣрности. Дай только имъ, говорю, столько же воли, сколько было, какъ
D. разсказываютъ, у Гигеса, предка Крезова. Гигесъ [1] былъ пастухъ, нанятый тогдашнимъ правителемъ Лидіи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ пасъ онъ стадо, по случаю проливнаго дождя и землетрясенія, треснула нѣсколько земля и появилась разсѣлина. Видя это и удивившись, онъ сошелъ въ нее и тамъ, кромѣ другихъ чудесъ, нашелъ, говорятъ, мѣднаго коня, который былъ пустъ и съ дверями. Заглянувъ внутрь, онъ замѣтилъ въ конѣ мертвеца, ростомъ, казалось, выше человѣка. У мертвеца не было ничего, кромѣ золотаго перстня на
E. пальцѣ: снявъ этотъ перстень, Гигесъ вышелъ. Такъ какъ всѣ пастухи обыкновенно сходились въ извѣстное мѣсто, чтобы каждый мѣсяцъ отправлять къ царю посланниковъ и доносить ему о состояніи стадъ, то отправился туда и Гигесъ съ перстнемъ на рукѣ. Сидя съ прочими пастухами, онъ случайно повернулъ перстень камнемъ къ себѣ, внутрь руки, и тотчасъ для сидѣвшихъ съ нимъ людей сталъ не-
360. видимъ; такъ что они начали говорить о немъ, будто о человѣкѣ вышедшемъ. Гигесъ изумился, снова взялся за перстень, повернулъ его камнемъ наружу и, повернувши,

---

[1] О кольцѣ Гигеса говоритъ Платонъ и въ другомъ мѣстѣ L. X, p. 612 B; упоминаютъ о немъ также *Cicer.*—De Offic. III, 9, *Philostrat.*—Heroic. p. 28, ed. Boiss. Но иначе разсказываетъ объ этомъ *Herodot.* 1, c. 8., хотя и у него имѣется въ виду, безъ сомнѣнія, лидійскій же царь. О неодинаковости разсказовъ см. *Creuzer.* ad Historicor. Gr. antiquissim. Fragm. p. 204. Впрочемъ различіе чтеній этого мѣста (Vulg. Τῷ Γύγου, Vat. m. τοῦ Γύγου. Angel. et Flor. X τῷ Γύγῃ τοῦ Λυδοῦ) позволяетъ догадываться, что τοῦ Λυδοῦ προγόνῳ есть глоссема, и что подлинное выраженіе Платона было: τῷ Γύγῃ; потому что ни у одного писателя, который имѣлъ въ виду это мѣсто, означенная прибавка не встрѣчается.

сдѣлался видимымъ. Замѣтивъ это, онъ пробуетъ перстень, не скрывается ли въ немъ такой силы, и ему приключается всегда то же самое: повертывая камень внутрь, онъ становится невидимымъ, а наружу, — видимымъ. Понявъ это, онъ тотчасъ обработалъ дѣло такъ, что назначенъ былъ въ числѣ посланниковъ идти къ царю; пришедши же къ нему, B.
обольстилъ его жену и, вмѣстѣ съ нею, напавъ на царя, умертвилъ его и удержалъ за собою власть. Итакъ, еслибы было два перстня, и одинъ на рукѣ справедливаго, а другой—несправедливаго; то никто, какъ надобно полагать, не былъ бы столь адамантовымъ, чтобъ остался вѣрнымъ справедливости, рѣшился воздерживаться отъ чужаго и не прикасаться къ нему, тогда какъ имѣетъ возможность и на площади, безъ опасенія, брать, что ему угодно, и входя въ C.
домы, обращаться, съ кѣмъ хочетъ, и убивать или освобождать отъ оковъ, кого вздумаетъ, и дѣлать все прочее, будто богъ между человѣками. Поступая же такимъ образомъ, одинъ изъ нихъ ни чѣмъ не отличался бы въ дѣйствіяхъ отъ другаго; но оба шли бы къ одинакой цѣли. Такъ это можно почитать сильнымъ доказательствомъ, что никто не бываетъ справедливъ по своей волѣ, но всякій—по принужденію: ибо лично ни одинъ человѣкъ не добръ; потому что, гдѣ только кто-нибудь находитъ возможность обидѣть,—обижаетъ. Самъ по себѣ, каждый думаетъ [1], что D.
несправедливость гораздо полезнѣе справедливости, и по убѣжденію человѣка, разсуждающаго объ этомъ, думаетъ вѣрно; ибо кто, получивъ такую возможность, не хочетъ дѣлать никакой несправедливости и не прикасается къ чужому, тотъ людямъ, знающимъ это, долженъ показаться человѣкомъ самымъ жалкимъ и безумнымъ, хотя, изъ опасенія обиды, обманывая одинъ другаго, они и хвалятъ его другъ другу. Такъ вотъ такъ-то.

---

[1] Это прибавляетъ Главконъ въ той мысли, что онъ высказываетъ не собственное свое мнѣніе, а говоритъ, какъ вообще бываетъ, утверждая, что жизнь снуется вовсе не на тѣхъ началахъ, на которыхъ хочетъ основать ее Сократъ.

Что же касается до сужденія о жизни въ разсматри-
E. ваемыхъ нами отношеніяхъ, то мы будемъ правильно судить о ней, если противуположимъ самаго справедливаго самому несправедливому, а когда не противуположимъ, то неправильно. Но въ чемъ состоитъ ихъ противуположность? Вотъ въ чемъ: мы нисколько не отвлечемъ ни справедливости отъ справедливаго, ни несправедливости отъ несправедливаго, напротивъ, представимъ обоихъ совершенными въ ихъ качествахъ. Потомъ пусть сперва дѣйствуетъ несправедливый и дѣйствуетъ съ достоинствомъ отличныхъ
361. мастеровъ. Какъ наилучшій кормчій или врачь отличаетъ въ своемъ искуствѣ возможное отъ невозможнаго и одно предпринимаетъ, а другое оставляетъ; да сверхъ того, если и ошибается въ чемъ-нибудь, то умѣетъ поправиться: такъ и несправедливый, рѣшаясь сдѣлать неправду правильно, долженъ постараться скрыть ее, если хочетъ быть сильно несправедливымъ. Кто пойманъ, тотъ плохъ. Крайняя несправедливость состоитъ въ томъ, что несправедливый кажется справедливымъ. Итакъ, совершенно несправедливому надобно предоставить совершенную неспра-
B. ведливость, надобно—не отвлекать отъ него, а позволить ему величайшими неправдами пріобрѣсть себѣ величайшую славу справедливости. Пусть онъ будетъ въ состояніи поправиться, если и ошибется въ чемъ-нибудь, пусть будетъ способенъ убѣдительно говорить, если обнаружатся его неправды, или, пользуясь мужествомъ и силою, обществомъ друзей и богатствомъ, пусть онъ употребитъ насиліе, гдѣ оно бываетъ нужно. Представляя себѣ такимъ несправедливаго, противуположимъ ему мысленно справедливаго, то-есть человѣка простосердечнаго и благороднаго, который, по словамъ Эсхила [1], хочетъ не казаться, а быть добрымъ. Показность надобно отвлечь отъ него: вѣдь если-

---

[1] Это высказываетъ *Эсхилъ* въ слѣдующихъ стихахъ (in Septem. c. Theb. v. 577): *οὐ γὰρ δοκεῖν δίκαιος, ἀλλ᾽ εἶναι θέλων, Βαθεῖαν ἄλακα διὰ φρενὸς καρπούμενος, Ἐξ ἧς τὰ κεδνὰ βλαστάνει βουλεύματα.* Переводъ этихъ стиховъ см. далѣе р. 362 А.

бы онъ казался справедливымъ, то ему, кажущемуся та-
кимъ, воздавали бы почести и награды; а тогда было бы C.
неизвѣстно, ради ли справедливости онъ таковъ, или ради
наградъ и почестей. Итакъ, надобно отнять у него все,
кромѣ справедливости, и поставить его въ состояніе про-
тивуположное состоянію перваго: то-есть, не дѣлая никакой
неправды, пусть онъ прослыветъ въ высшей степени непра-
веднымъ; пусть онъ будетъ испытываемъ въ своей справед-
ливости тѣмъ, что не трогается худою молвою и ея слѣд-
ствіями; пусть онъ останется неизмѣненъ до смерти, про- D.
водя, повидимому, жизнь несправедливую, а въ самомъ дѣлѣ
будучи справедливымъ, чтобы, когда оба они дойдутъ—одинъ
до послѣдней степени справедливости, а другой—несправед-
ливости, можно было судить, который изъ нихъ счастливѣе.

Охъ, любезный, Главконъ, сказалъ я, какъ сильно отпо-
лировалъ ты, будто статую [1], каждаго изъ этихъ мужей,
желая сдѣлать ихъ предметомъ сужденія! — Сколько могъ
болѣе, примолвилъ онъ. И если они таковы, то уже не-
трудно, думаю, изслѣдовать, какъ должна проходить жизнь
того и другаго. Мы скажемъ объ этомъ. Впрочемъ, если E.
слова мои довольно жостки, то не думай, Сократъ, что
это говорю я; говорятъ тѣ, которые предпочитаютъ не-
справедливость справедливости: они полагаютъ, что такого
праведника будутъ сѣчь, пытать и держать въ оковахъ,
что ему выжгутъ и выколютъ глаза, и что наконецъ, ис- 362.
пытавъ всѣ роды мученій, онъ пригвожденъ будетъ ко кре-
сту и узнаетъ, что человѣку надобно хотѣть не быть, а
казаться праведникомъ. Слѣдовательно, тѣ слова Эсхила
гораздо вѣрнѣе было бы приложить къ несправедливому.
Вѣдь и дѣйствительно говорятъ, что несправедливый, ста-

---

[1] *Какъ сильно отполировалъ ты, будто статую*, ὡς ἐρρωμένως... ἐκκαθαίρεις ὥσπερ ἀνδριάντα. Этими словами Сократъ указываетъ на высшую степень отвлеченія понятій о справедливости и несправедливости, или на выдѣленіе всего, что можетъ принадлежать той и другой случайно. Въ такомъ значеніи употребляется ἐκκαθαίρειν и у писателей позднѣйшихъ. Ἐκκαθαίρειν значитъ выдѣлить изъ предмета все ему чуждое, или довести его до совершенной чистоты.

раясь о дѣлѣ, заключающемъ въ себѣ истину, и живя не для молвы, хочетъ не казаться, а быть несправедливымъ:

Черта глубокая, рожденная умомъ.
Изъ ней-то мудрыя желанья вытекаютъ—

B. сперва, представляясь справедливымъ, получить правительственную должность въ городѣ, потомъ жениться, гдѣ будетъ угодно, выдать замужъ, за кого захочется, входить въ связи и сношенія, съ кѣмъ вздумается, и, кромѣ всего этого, съ пріобрѣтаемыми выгодами соединять еще пользу спокойствія при нанесеніи обидъ; вступая въ споры, преодолѣвать частно и публично своихъ непріятелей и брать надъ ними верхъ; взявши же верхъ, богатѣть и благо-
C. дѣтельствовать друзьямъ, а врагамъ вредить; съ довольствомъ и пышностію приносить богамъ жертвы и возлагать на жертвенникъ дары,—вообще, чтить боговъ и кого захочется изъ людей, — гораздо лучше, чѣмъ чтитъ справедливый; такъ что и богамъ-то онъ, повидимому, долженъ быть гораздо пріятнѣе справедливаго. Такимъ образомъ несправедливому, Сократъ, и отъ боговъ и отъ людей достается жить лучше, говорятъ, чѣмъ справедливому.

Когда Главконъ кончилъ, я думалъ было сказать нѣчто
D. противъ его словъ; но братъ Главкона, Адимантъ, обратился ко мнѣ: ужъ не думаешь ли ты, Сократъ, что объ этомъ предметѣ сказано удовлетворительно?—А что? спросилъ я. —Вотъ что, отвѣчалъ онъ: не сказано того, что̀ сказать особенно надлежало. — Но вѣдь, по пословицѣ, братъ къ брату спѣшитъ на помощь [1], примолвилъ я: такъ и ты помоги ему, если онъ что пропустилъ; хотя, чтобъ меня-

---

[1] *Ἀδελφὸς ἀνδρὶ παρείη.* Схоліастъ о происхожденіи этой пословицы говоритъ такъ: *παρῆκται δὲ ἴσως παρὰ τὸ Ὁμηρικόν. Ἦ τι κασιγνήτοις ἐπιμέμφεαι, οἷσί περ ανηρ Μαρναμένοισι πέποιθε, καὶ εἰ μέγα νεῖκος ὄρηται.* Напротивъ, Муретъ производитъ ее изъ того, что Скамандръ, въ Иліадѣ Φ', не имѣя силъ сражаться съ Ахиллесомъ, зоветъ на помощь брата Симоиса: *Φίλε κασίγνητε, σθένος ἀνέρος ἀμφότεροί περ σχῶμεν.* Но это не единственное мѣсто, въ которомъ Платонъ ссылается на означенную пословицу. Въ своемъ Эвтидемѣ онъ самъ объясняетъ ея происхожденіе. См. p. 297 C sqq.

то сбить съ ногъ и поставить въ невозможность помочь справедливости, довольно и того, что уже высказано. —
Пустяки, продолжалъ онъ; а вотъ выслушай-ка слѣдующее: E.
Тѣ противуположныя мнѣнія, о которыхъ говорилъ Главконъ, то-есть мнѣнія людей, хвалящихъ справедливость и порицающихъ неправду, мы должны еще болѣе раскрыть, чтобы мысль, которую, какъ мнѣ кажется, онъ имѣлъ въ виду, чрезъ то сдѣлать яснѣе. Отцы и всѣ, имѣющіе о комъ-нибудь попеченіе, конечно, говорятъ и внушаютъ дѣтямъ, что надобно быть справедливымъ, но выхваляютъ
въ этомъ случаѣ не саму по себѣ [1] справедливость, а про- 363.
истекающую изъ ней добрую молву, то-есть, что человѣку, кажущемуся справедливымъ, чрезъ эту показность, достаются и правительственныя должности, и супружество, и все, что сейчасъ производилъ Главконъ отъ доброй молвы о несправедливомъ. О выгодахъ-то молвы разсказы ихъ простираются еще далѣе. Присоединяя къ этому и добрую молву у боговъ, они перечисляютъ множество благъ, которыя боги, по ихъ мнѣнію, даруютъ людямъ благочестивымъ, какъ говорятъ благородный Исіодъ и Омиръ. Пер-
вый,—что для праведныхъ боги сотворили дубы, B.

Окрайности [2] коихъ полны желудей, а стволы съ пчелами;
Богатая шерстью овца, говоритъ онъ, руномъ бременѣетъ.

Много и иныхъ благъ получается отъ нихъ. Подобное этому находимъ также и у другаго:

Какъ [3] царь непорочный какой и богу подобный,
Онъ правду хранитъ;—за то черная почва ему выращаетъ

---

[1] *Не саму по себѣ справедливость*, *οὐκ αὐτὸ δικαιοσύνην*. Въ этомъ мѣстѣ *αὐτό*, не смотря на замѣчаніе *Matthei* Gramm. Ampl. p. 821, ed. 2., не должно быть отдѣляемо запятою; потому что у Платона оно часто соединяется съ существительными именами всѣхъ родовъ. Отсюда послѣдующіе платоники образовали сложныя слова: *αὐτοάνθρωπος*, *αὐτοαγαθόν*, *αὐτοέν* и др. Parmen. p. 130 B: *αὐτὸ ὁμοιότης, χωρὶς ἧς ἡμεῖς ὁμοιότητος ἔχομεν*. Theaet. p. 146 E: *γνῶναι ἐπιστήμην αὐτὸ ὅ τί ποτ᾽ ἐστιν*. Значеніе этого мѣстоименія въ соединеніи съ именемъ впослѣдствіи объясняетъ самъ философъ: *πατέρα, αὐτὸ τοῦτο ὅπερ ἐστιν*.

[2] Стихи *Hesiod*. Opp. et DD. V, 230.

[3] Стихи *Homer*. Odyss. XIX, 109 sqq.

C. И рожь, и ячмень, дерева бременѣютъ плодами,
Животныя носятъ дѣтей, а моря даютъ рыбу.

Музей же и его сынъ [1] разсказываютъ, что справедливымъ боги даруютъ блага, еще отличнѣе этихъ. Въ своемъ разсказѣ они ведутъ благочестивыхъ въ преисподнюю [2], приготовляютъ имъ возлежаніе и пиръ и, увѣнчавши ихъ, заставляютъ все послѣдующее время проводить въ пьянствѣ,
D. полагая, что самая лучшая награда добродѣтели есть вѣчное пьянство. А другіе въ описаніи наградъ, назначенныхъ богами, простираются еще далѣе: они говорятъ, что боги будутъ сохранять и дѣтей, и цѣлое поколѣніе человѣка благочестиваго и вѣрнаго клятвѣ. Этимъ-то и подобнымъ этому превозносятъ они справедливость. Напротивъ, людей нечестивыхъ [3] и несправедливыхъ закапываютъ въ преисподней въ какую-то грязь и заставляютъ
E. ихъ носить рѣшетомъ воду. Окружая ихъ еще въ здѣшней жизни худою молвою, какъ говорилъ Главконъ о наказаніи справедливыхъ, прослывшихъ несправедливыми, они то же самое утверждаютъ о несправедливыхъ и болѣе этого ничего сказать не могутъ. Такова похвала и порицаніе тѣхъ и другихъ.

Сверхъ того разсмотри, Сократъ, и другой родъ раз-

---

[1] О жизни и стихотвореніяхъ Музея см. *Passow*. Praefat. ad Musæum, p. 21 sqq. Сынъ его былъ, говорятъ, Евмолпъ: онъ изъ Ѳракіи прибылъ въ Аттику и учредилъ тамъ элевзинскія таинства. Поэтому въ Аѳинахъ каста, завѣдывавшая религіозными обрядами, носила имя Евмолпидовъ. *Creuzer*. Symbol. T. IV, p. 342 sqq. Эти-то Евмолпиды здѣсь и подвергаются насмѣшкамъ.

[2] Стихотворенія древнихъ поэтовъ наполнены множествомъ разсказовъ о веселой жизни, проводимой въ преисподней; *Virgil*. Aen. VI, v. 637 sqq. *Heynius*. Georgic. I, v. 36. *Pindar*. Olymp. 11, v. 105 sqq. Особенно авторъ Аксіоха, приписываемаго Эсхину, p. 164. Впрочемъ *Плутархъ* (vit. Luculli p. 521 E), по замѣчанію *Виттенбаха* (ad. Opp. Morr. T. II p. 120 C), остроумно относитъ это къ старости Лукулла. *Εὐωχίας καὶ πότους, ὥσπερ ὁ Πλάτων ἐπισκόπτει τοὺς περὶ τὸν Ὀρφέα τοῖς εὖ βεβιωκόσι φάσκοντας ἀποκεῖσθαι γέρας ἐν Ἅιδου μέθην αἰώνιον.*

[3] Сказанія поэтовъ о судьбѣ нечестивыхъ въ преисподней см. *Valckenar*. ad. Hyppolyt. v. 25. Впрочемъ и самъ Платонъ въ своемъ Федонѣ (p. 69 C) довольно подробно описываетъ состояніе ихъ. *Ἀλλὰ τῷ ὄντι πάλαι αἰνίττεσθαι ὅτι, ὃς ἂν ἀμύητος καὶ ἀτέλεστος εἰς Ἅιδου ἀφίκηται, ἐν βορβόρῳ κείσεται.*

сужденій о справедливости и несправедливости повторяе-
мыхъ и въ сочиненіяхъ прозаическихъ, не менѣе, чѣмъ въ
поэтическихъ [1]. Всѣ одними устами твердятъ, что разсу- 364.
дительность и справедливость — дѣло похвальное, хотя ко-
нечно, тяжелое и трудное; а безнравственность и неспра-
ведливость имѣть пріятно и легко, только мнѣніе и законъ
почитаютъ ихъ постыдными: неправды полезнѣе правдъ,
говорятъ большею частію, и злонравныхъ богачей, или
людей сильныхъ въ иномъ отношеніи, охотно соглашают-
ся называть счастливыми и уважать ихъ публично и част-
но; напротивъ, сколько-нибудь слабыхъ и бѣдныхъ уничи-
жаютъ и презираютъ, хотя признаютъ ихъ лучшими, чѣмъ B.
другіе. Разсужденія всѣхъ послѣднихъ о богахъ и добро-
дѣтели весьма удивительны: будто бы, то-есть, боги жизнь
многихъ добрыхъ людей испестрили неудачами и бѣдствія-
ми, а жизнь противуположныхъ имъ — противуположною
участью. Между тѣмъ собиратели милостыни [2] и предска-
зыватели, приходя къ дверямъ богатыхъ, увѣряютъ, что
они владѣютъ данною себѣ отъ боговъ силою, посредствомъ
жертвъ и священныхъ напѣваній [3], врачевать неправду вся-
каго среди утѣшеній и праздниковъ, — самъ ли онъ сдѣ- C.
лалъ эту неправду, или его предки, и что, если кто хо-
четъ причинить зло какому-нибудь врагу, или съ малыми
издержками нанести вредъ справедливому, какъ будто бы

---

[1] *Въ сочиненіяхъ прозаическихъ, не менѣе, чѣмъ въ поэтическихъ,* ἰδίᾳ τε λεγόμενον καὶ ὑπὸ ποιητῶν, то-есть, ὑπὸ ἰδιωτῶν τε λεγόμενον καὶ ὑπὸ π. гдѣ ἰδιῶται противуполагаются поэтамъ, какъ люди, говорящіе простою, обыденною, или прозаическою рѣчью.

[2] *Собиратели милостыни,* ἀγύρται, были бродящіе жрецы, или прислужники идола въ какомъ-нибудь капищѣ. Нося изображеніе того божества, которому служили, они бродили по городамъ и селамъ и дѣлали сборъ денегъ въ пользу капища, носимаго ими бога или богини. Въ этомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, обнаруживали они готовность совершать чудеса, и выдавали себя то за врачей, то за гадателей, что видно и изъ настоящаго мѣста. См. *Ruhnken.* ad Tim. Gloss. p. 10 ad Lucian. Dial. Mort. XXVIII.

[3] Священныя напѣванія, ἐπῳδαί — нѣкоторые стихи, которымъ приписывали таинственную силу — дѣйствовать на людей въ случаѣ какихъ-нибудь болѣзней, или извѣстнаго настроенія нравственнаго.

онъ былъ несправедливъ, — они нѣкоторыми навожденіями и перевязками [1] убѣдятъ боговъ служить имъ. И во всѣхъ этихъ словахъ свидѣтельствуются поэтами, которые, воспѣвая [2], напримѣръ, о легкости дѣлать зло, говорятъ:

Ко всякому злу [3] и толпою стремиться бываетъ нетрудно,
D. Дорога мягка, и зло обитаетъ весьма недалеко:
Напротивъ чело добродѣтели боги увлажнили пóтомъ—

и указали ей путь длинный и трудный. А что боги подчиняются водительству людей, они ссылаются на свидѣтельство Омира, который говоритъ [4]:

Умолимы и самые боги,
Когда приношеніемъ жертвы, обѣтомъ смиреннымъ,
E. Вина возліяньемъ и дымомъ куреній смягчаютъ ихъ люди,
Молясь имъ о томъ, въ чемъ предъ ними виновны и грѣшны.

Они представляютъ кучи книгъ [5] Музея и Орфея, рожденныхъ, какъ говорятъ, Селиною и музами, и по этимъ книгамъ совершаютъ священные обряды, увѣряя нетолько частныхъ людей, но и цѣлыя общества, что, при помощи жертвъ, игръ и удовольствій, какъ живущіе получаютъ разрѣшеніе и очищеніе отъ неправдъ, такъ и умершіе, и это-то на-
365. зываютъ посвященіемъ, долженствующимъ избавить насъ

---

[1] Навожденія и перевязки были таинственныя заклинанія боговъ или человѣческихъ душъ, θεαγωγίαι καὶ ψυχαγωγίαι; а заклинатели назывались ψυχοπομποὶ γόητες. Имъ приписываема была сила — то посредствомъ нѣкоторыхъ, шопотомъ произносимыхъ словъ, то посредствомъ магическихъ символовъ, вызывать демоновъ, если это требовалось на погибель кому-нибудь. Сравн. Legg. XI, p. 933 A. D. *Wittenbach.* ad Plutarch. Mor. p. 878. T. II, p. 178, ed. Lyps.

[2] *Воспѣвая,* по-гречески стоитъ διδόντες. Но Муретъ справедливо замѣтилъ, что вмѣсто διδόντες здѣсь должно читать ᾄδοντες. Эту догадку подтверждаетъ и *Шеферъ* (ad Dionys. de composit. Verbor. p. 246), и указываетъ на *Valckenar.* ad Phoeniss. v. 1388; ad Herodot. p. 631, 38. *Herm.* ad Aristot. Poet. p. 163.

[3] Стихи *Hesiod.* Opp. et DD. v. 285 — 99. Они приводятся Платономъ и въ разговорѣ de Legg. IV, p. 718 E.

[4] Эти стихи читаются Iliad. IX, 493 sqq.

[5] Объ этихъ книгахъ Музея и Орфея, по которымъ совершаемы были священные орфическіе обряды, см. *Gesner.* Præf. ad Orpheum p. 47. *Fabricii* Bibl. Gr. T. I, p. 120.

отъ мученій въ будущей жизни. Напротивъ людей, не приносящихъ жертвъ, ожидаютъ ужасы.

Если же о добродѣтели и порокѣ, для показанія степени уваженія къ нимъ людей и боговъ, насказано, любезный Сократъ, столь много дивнаго; то, слыша это, что̀, по нашему мнѣнію, должны дѣлать души юношей, одаренныя хорошими способностями и благонадежныя, которыя ко всякому разсказу какъ будто прилипаютъ, стараясь извлечь
изъ него заключеніе, какимъ надобно быть и куда напра- B.
виться, чтобы провести жизнь какъ можно лучше? Вѣроятно, юноша повторитъ про себя вопросъ Пиндара: путемъ ли правды, или излучинами обмана взойти мнѣ на высокую стѣну и оградиться ею, чтобы провести свою жизнь? Судя по разсказамъ, буду ли я справедливъ, не показываясь справедливымъ,—не получу, говорятъ, никакой пользы, но подвергнусь трудамъ и явнымъ напастямъ: напротивъ, несправедливому, прослывшему справедливымъ, при-
писывается чудесная жизнь. Итакъ, если показность, о C.
которой говорятъ мнѣ мудрецы [1], хоть и дѣлаетъ насиліе истинѣ [2], тѣмъ не менѣе однакожъ доставляетъ счастіе; то надобно всецѣло обратиться къ ней,—надобно спереди очертаться тѣнію добродѣтели, какъ будто преддверіемъ или наружнымъ видомъ, а сзади влечь за собою пользолюбивую и хитрую лисицу мудраго Архилоха [3]. Но злу, скажетъ кто-нибудь, нелегко всегда быть сокровеннымъ; отвѣчаемъ: нелегко также и всякое великое дѣло; стало быть

---

[1] Мудрецы, то-есть софисты, которые часто называются *σοφοί*.

[2] Показность дѣлаетъ насиліе истинѣ, *τὸ δοκεῖν τὰν ἀλάθειαν βιᾶται*. Самый характеръ рѣчи показываетъ, что это положеніе вводное: оно принадлежитъ Симониду и имѣло значеніе пословицы, которую Схоліастъ ad Euripid. Orest. v. 224, ed. Matth., выражаетъ такъ: *τὸ δοκεῖν καὶ τὰ μάλα θεῖα βιᾶται*.

[3] Тимей (p. 256), вѣроятно разумѣя это самое мѣсто, приводитъ глоссу: *ἀλωπεκῆν· τὴν πανουργίαν*. По поводу этой глоссы Рункеній говоритъ такъ: «Чтеніе Тимея могло бы казаться лучшимъ; но безъ основанія ничего измѣнять не должно. Ἀλώπηξ здѣсь стоитъ вмѣсто лисьей кожи, какъ *λέων* вмѣсто львиной. Такъ у *Горація* (de A. P. 437): nunquam te fallunt animi sub vulpe latentes. Такъ и у Валерія Флакка (II, 360) тигръ, вмѣсто тигровой кожи: fixæque fremunt in limi-

D. если хотимъ быть счастливыми, мы должны идти туда, гдѣ указываются слѣды расчетливости. А чтобы утаиться, соберемъ соумышленниковъ и сообщниковъ. Притомъ есть учители убѣжденія, преподающіе ораторскую и судебную мудрость: съ помощію ихъ мы частію убѣдимъ, частію принудимъ, чтобы, одержавъ верхъ, не подвергнуться наказанію. Но отъ боговъ нельзя ни укрыться, ни сдѣлать имъ насиліе. Такъ что жъ? Если ихъ нѣтъ, или они не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ; то намъ не нужно и
E. скрываться: а когда они существуютъ и пекутся, — мы знаемъ и слышимъ о нихъ не откуда болѣе, какъ изъ разсказовъ и генеалогій, написанныхъ поэтами; поэты же сами говорятъ, что боговъ можно переувѣрять и привлекать къ себѣ жертвами, умилостивительными молитвами и приношеніями. Тутъ надобно или вѣрить тому и другому, или не вѣрить ни тому ни другому: если вѣрить, то слѣдуетъ
366. быть несправедливымъ и приносить жертвы за неправды, потому что, бывъ справедливыми, мы отойдемъ только отъ боговъ безъ наказанія, за то отвергнемъ выгоды несправедливости; а бывъ несправедливыми, и пріобрѣтемъ выгоды, и, преклонивъ боговъ молитвами, избавимся отъ наказанія за грѣхи и проступки. Но за здѣшнія наши неправды мы или сами, или дѣти дѣтей нашихъ, — получимъ наказаніе въ преисподней: нѣтъ, другъ мой, человѣкъ размышляющій скажетъ, что посвященія имѣютъ великую си-
B. лу. Да и боги-разрѣшители, какъ говорятъ величайшіе города и дѣти боговъ — поэты, сдѣлавшіеся божіими пророками, утверждаютъ то же самое.

Итакъ на какомъ еще основаніи можно бы намъ предпочитать справедливость самой великой несправедливости [1],

---

ne tigres. Разсматриваемой Платоновой аллегоріи хорошо подражалъ *Өемистій* (Orat. XXII, p. 279 A): φύονται δέ τινες καὶ ἐν ἀνθρώποις ἀλώπεκες, μᾶλλον δὲ ἀνθρώπια σμικρα τε καὶ ἀνελεύθερα τὰς ἀλώπεκας ὄπισθεν ἐφελκόμενα· οἱ δὲ αὐτῶν οὐκ αλώπεκας, ἀλλὰ δρακοντας κ. τ. λ. Басню Архилоха о лисицѣ приводятъ многіе; напр. *Аристофанъ*, Avv. v. 652. *Runckenius* (l. c.).

[1] *Итакъ на какомъ еще основаніи можно бы...* κατὰ τίνα οὖν ἔτι λόγον δικαιο-

если облекая послѣднюю поддѣльнымъ приличіемъ, мы предъ богами и предъ людьми, въ жизни и по смерти, будемъ дѣйствовать по разуму, какъ гласитъ слово людей многихъ и
великихъ? Послѣ всего-то сказаннаго, Сократъ, возможно ли, C.
чтобы тотъ, кто владѣетъ силою духа, или богатствомъ, имѣетъ тѣлесныя или родовыя преимущества, захотѣлъ уважать справедливость, а не смѣялся, слыша, что ее превозносятъ? Да пусть себѣ кто-нибудь и могъ бы доказать ложность нашихъ словъ и достаточно зналъ бы, что справедливость есть дѣло прекрасное: но все-таки онъ очень извинилъ бы несправедливыхъ и не сердился бы на нихъ, понимая, что развѣ только силою Божіей природы иной враждуетъ противъ несправедливости, или получивъ внушеніе, отвращает-
ся отъ ней; а изъ прочихъ людей никто не бываетъ добро- D.
вольно справедливымъ: всякій порицаетъ несправедливость потому, что не можетъ совершать ее либо по робости, либо по какой-нибудь иной слабости. Это ясно; ибо изъ такихъ порицателей первый, пришедшій въ силу, первый и дѣлаетъ неправду, сколько можетъ.

Причина всего этого, Сократъ, не иная, какъ та, отъ которой началась нынѣшняя моя и братнина съ тобой бесѣда, то-есть, что изъ всѣхъ васъ, почтеннѣйшій, изъ всѣхъ на-
зывающихся хвалителями справедливости, начиная отъ са- E.
мыхъ древнихъ героевъ, которыхъ рѣчи дошли до нашего времени, никто никогда не порицалъ несправедливости и не превозносилъ справедливости иначе, какъ въ отношеніи къ проистекающимъ изъ нихъ мнѣніямъ, почестямъ и наградамъ. А каково то и другое по своей силѣ, поколику находится въ душѣ, питающей эти мнѣнія, и таится въ ней отъ боговъ и человѣковъ,—этого достаточно не раскрылъ ни одинъ ни въ поэтической, ни въ обыкновенной рѣчи, не доказалъ то-есть, что несправедливость есть величайшее, носимое душею

σύνην ἂν πρὸ μεγίστης ἀδικίας αἱροίμεθ' ἄν. Въ этой фразѣ сугубое ἂν не подтверждается никакимъ употребленіемъ подобнаго удвоенія; и потому первое ἂν должно быть изгнано изъ текста.

367. зло, а справедливость—величайшее добро. Вѣдь если всѣ вы такъ издревле говорите и намъ съ дѣтства внушаете; то мы не другъ друга остерегаемъ отъ несправедливости, но каждый дѣлается добрымъ блюстителемъ самого себя, опасаясь, какъ бы чрезъ несправедливость не сдружиться съ величайшимъ зломъ. Это, а можетъ быть еще и болѣе этого, Сократъ, сказано о справедливости и несправедливости у Тразимаха или у какихъ-нибудь другихъ писателей, сильно извращающихъ, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, значе-
B. ніе ихъ. Впрочемъ, зачѣмъ скрываться предъ тобою?—желая лишь слышать отъ тебя противное, я говорю объ этомъ сколько могу настоятельнѣе. Итакъ, въ своемъ разсужденіи ты докажи намъ не то только, что справедливость лучше несправедливости, но и то, чѣмъ дѣлаетъ человѣка каждая изъ нихъ сама по себѣ,—одна, какъ зло, другая, какъ добро. А мнѣнія, какъ и Главконъ приказывалъ, оставь: потому что, если съ той и другой стороны не отвлечешь истин-
C. ныхъ, а приложишь ложныя; то мы скажемъ, что ты хвалишь не справедливость, а ея наружность, что ты убѣждаешь несправедливаго быть скрытнымъ и соглашаешься съ Тразимахомъ [1], что справедливость есть благо чужое, польза сильнѣйшаго, и что несправедливость полезна и выгодна сильнѣйшему, а низшему неполезна. Если ужъ ты положилъ, что справедливость принадлежитъ къ числу величайшихъ благъ [2], которыя достойны пріобрѣтенія ради своихъ слѣдствій; то тѣмъ важнѣе они сами по себѣ, подобно тому
D. какъ зрѣніе, слухъ, разумѣніе, и другія многія блага, суть блага родовыя, блага по своей природѣ, а не по мнѣнію. Такъ это-то самое хвали въ справедливости, что, то-есть, она сама по себѣ полезна человѣку, который имѣетъ ее, равно какъ несправедливость вредна; а хвалить награды и мнѣнія предоставь другимъ. Когда другіе будутъ такимъ образомъ хвалить справедливость и порицать несправедли-

---

[1] См. положенія софиста—Lib. 1, p. 336 B sqq. p. 342 E sqq. p. 360 C.

[2] См. p. 357 B sqq.

вость, то-есть начнутъ превозносить или бранить касаю-
щіяся ихъ мнѣнія и награды, то я въ состояніи удержать
ихъ: а тебя—не могу, если не прикажешь; потому что ты E.
въ продолженіе всей своей жизни ни чего болѣе не разсмат-
ривалъ, кромѣ этого. Итакъ, въ своей рѣчи докажи намъ
не то только, что справедливость лучше несправедливости,
но и то, чѣмъ дѣлаетъ человѣка та и другая сама по се-
бѣ,—скрываются ли онѣ отъ боговъ и людей, или не скры-
ваются, первая какъ добро, а послѣдняя какъ зло.

Слушая Главкона и Адиманта, я и всегда-таки удивлял-
ся ихъ способностямъ, а тогда-то особенно обрадовался и
сказалъ: Не худо же къ вамъ, дѣти того мужа [1], идетъ на- 368.
чало элегій, которыя написалъ любитель Главкона [2], ког-
да вы прославились на войнѣ Мегарской [3]. Онъ говоритъ:

Дѣти Аристона, божественная отрасль знаменитаго мужа.

По моему мнѣнію, друзья, — это хорошо. Надъ вами, ко-
нечно, совершается что-то божественное, если вы, не увѣ-
рившись, что несправедливость лучше справедливости, мо-
жете такъ говорить объ этомъ. А мнѣ кажется, что вы въ
самомъ дѣлѣ не увѣрились: это я заключаю вообще изъ B.
нравственныхъ вашихъ качествъ; основываясь же на са-
мыхъ словахъ-то, не повѣрилъ бы вамъ. Но чѣмъ больше

---

[1] *Дѣти того мужа*. Этимъ указывается никакъ не на отца Главконова и Адимантова. Собесѣдники Сократа привѣтствуются здѣсь, какъ ученики того софиста, котораго мнѣніе они защищали. Такъ въ Филебѣ (p. 36) Сократъ привѣтствуетъ и Протарха, защищавшаго мнѣніе Филеба: ὦ παῖ ἐκείνου τἀνδρός. «Alle diese Periphrasen mit παῖς», говоритъ *Бöттигеръ* (Ideen zur Archäologie der Mahlerei, p. 136), wie φιλοσόφων παῖδες, πλαστῶν παῖδες u. s. w., drucken stets eine Familiensippschaft, eine Schule u. s. w. aus, worinn diese Lehre fortgeerbt wurde.» Такъ и у Платона, юноши, посвятившіе себя живописи, называются παῖδες ζωγράφων. Legg. VI, p. 769 B.

[2] Писателемъ этихъ элегій, по догадкѣ *Шлейермахера* (p. 537), былъ Критіасъ.

[3] Вѣроятно, здѣсь имѣлась въ виду война, происходившая въ 1,83 олимп. Въ этомъ году Мегарцы, заключивъ союзъ съ Лакедемонянами, такъ раздражили этимъ Аѳинянъ, что послѣдніе жестоко опустошали ихъ землю и осаждали Мегару. См. *Plutarch.* vit. Pericl. p. 164 C. D. *Diodor. Sic.* XII, 5 sqq. Впрочемъ, Сократъ могъ разумѣть и сраженіе съ Коринѳянами при Мегарѣ, бывшее въ 4,80 олимп. *Thucyd.* I, 105. *Diod. Sic.* XI, 79.

я вѣрю, тѣмъ больше недоумѣваю, чтò мнѣ дѣлать: съ одной стороны не знаю, какъ помочь, ибо чувствую свое безсиліе, — признакъ тотъ, что, говоря противъ Тразимаха, я надѣялся было доказать преимущество справедливости предъ несправедливостію, однакожъ вы не приняли меня; съ другой опять, не знаю, какъ и не помочь, ибо боюсь, что
C. будетъ неблагочестиво, слыша уничиженіе справедливости, отказаться отъ поданія ей помощи, пока еще дышешь и можешь говорить. Итакъ, гораздо лучше пособить ей столько, сколько могу. Къ тому же Главконъ и другіе стали просить, чтобы я непремѣнно помогъ и не оставлялъ рѣчи, а изслѣдовалъ, что такое та и другая и какъ вѣрнѣе понимать ихъ пользу. Поэтому я началъ говорить, чтò мнѣ казалось, именно, — что предпринимаемое нами изслѣдованіе есть дѣло немаловажное и приличное, какъ надобно по-
D. лагать, человѣку съ острымъ взглядомъ. А такъ какъ мы, примолвилъ я, кажется, не довольно сильны, для произведенія такого изслѣдованія, какъ не довольно сильны тѣ, которымъ, при слабомъ зрѣніи, приказано читать издали мелко написанную рукопись; то кто вздумалъ бы этотъ самый почеркъ начертать индѣ въ большемъ видѣ и на большей вещи, тотъ, думаю, открылъ бы кладъ [1]: прочитавъ сперва это крупное, мы разобрали бы уже и мельчайшее, если оно то же самое.—Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ Ади-
E. мантъ; но что же ты видишь тутъ, Сократъ, относящееся къ изслѣдованію справедливости?—А вотъ скажу тебѣ, отвѣчалъ я. Мы приписываемъ справедливость одному человѣку; но ее, вѣроятно, можно приписывать и цѣлому обществу.—Ужъ конечно, сказалъ онъ.—А общество не больше ли одного человѣка?—Больше, отвѣчалъ онъ.—Въ большемъ же можетъ быть больше и справедливости, слѣдовательно, легче
369. и изучать ее. Такъ если хотите, сперва изслѣдуемъ, что и какова она въ обществѣ, а потомъ разсмотримъ ее и

[1] Тотъ открылъ бы кладъ, ἕρμαιον ἂν ἐφάνη. О провербіальномъ значеніи слова ἕρμαιον см. замѣчаніе къ Эвтид. p. 273 E.

въ недѣлимомъ; ибо идея меньшаго есть подобіе большаго. —Ты, мнѣ кажется, хорошо говоришь.—Но если въ своемъ разсужденіи, продолжалъ я, мы захотимъ созерцать раждающійся городъ [1]; то не увидимъ ли также раждающейся справедливости и несправедливости? — Тотчасъ, отвѣчалъ онъ. — А когда онѣ зародятся, то не будетъ ли надежды легче разсмотрѣть искомое?—Даже много легче.—Такъ пред- B.
пріятіе, кажется, надобно привести къ концу, хотя дѣла тутъ, повидимому, немало. Изслѣдывайте-ка.—Готовы, сказалъ Адимантъ, только не отказывайся.

Городъ, такъ началъ я, по моему мнѣнію, раждается тогда, когда каждый изъ насъ самъ для себя бываетъ недостаточенъ и имѣетъ нужду во многихъ [2]. Или ты предполагаешь другое начало основанія города?—Никакого болѣе, отвѣчалъ онъ. — Стало быть, когда такимъ-то обра- C.
зомъ одинъ изъ насъ принимаетъ другихъ,—либо для той, либо для иной потребности; когда, имѣя нужду во многомъ, мы располагаемъ къ сожитію многихъ общниковъ и по-

[1] Слово πόλις я постоянно буду переводить собственнымъ его значеніемъ — «городъ»; однакожъ, предварительно долженъ сказать, что принятое у насъ понятіе о городѣ вовсе не таково, каково оно было у Грековъ. Подъ именемъ города Греки разумѣли митрополію цѣлой республики, нераздѣльно со всѣми принадлежащими ей демами, со всѣми провинціальными городами и селеніями. Съ нашей, новоевропейской точки зрѣнія, греческій πόλις слѣдовало бы назвать «націею»: но это слово иностранное. Ближе всего, примѣнительно къ политической жизни Грековъ, можно бы перевесть его словомъ «гражданство», «гражданское общество» или просто «общество»: но тогда оно своимъ значеніемъ слилось бы съ словомъ πολιτεία, да не имѣло бы и надлежащей опредѣленности.

[2] *Аристотель* (Polit. IV, 4. p. 146. ed. Schneid. Coll. V, 12) порицаетъ Платона за то, что онъ побудительною причиною составить городъ призналъ нужду человѣка во многомъ и безсиліе его достать все необходимое самому по себѣ. По мнѣнію Аристотеля, люди соединились въ гражданскія общества для преуспѣянія въ честности и добродѣтели. Но *Камераріи* (ad Aristot. Polit. IV, 4), *Патриціи* (Discurss. Peripat. T. III, lib. VIII, p. 356), *Моргенштернъ* (de Plat. Republ. Comment. III, p. 165) и *Пинсгеръ* (Comment. de iis, quæ Aristot. in Platonis Politia reprehendit. p. 14 sqq.) достаточно доказали, что Платонъ въ этомъ отношеніи обвиняется Аристотелемъ несправедливо. Сократъ, поднимая вопросъ о происхожденіи города, имѣетъ въ виду показать не цѣль его существованія, а только побудительную причину, по которой онъ составляется. Аристотель, въ другихъ случаяхъ весьма хорошо отличавшій побужденіе отъ цѣли, теперь не хотѣлъ отличить ихъ.

мощниковъ: тогда это сожитіе получаетъ у насъ названіе го-
рода. Не такъ ли?—Безъ сомнѣнія.—Но всякій сообщается съ
другимъ,—допускаетъ другаго къ общенію, или самъ при-
нимаетъ это общеніе—въ той мысли, что ему лучше.—Ко-
нечно.—Давай же, сказалъ я, устроять въ умѣ городъ съ са-
маго начала, а устроитъ его, вѣроятно, наша потребность.
Почему не такъ?—Первая же и самая великая изъ потребно-
D. стей есть приготовленіе пищи для существованія и жизни.—
Ужъ непремѣнно.—Вторая—приготовленіе жилища, третья
—одежды и тому подобныхъ вещей.—Правда.—Смотри же,
сказалъ я, какимъ образомъ городъ будетъ достаточенъ для
приготовленія этого? Не такъ ли, что одинъ въ немъ зем-
ледѣлецъ, другой домостроитель, иной ткачь? Не прибавить
ли къ этому еще кожевника и иныхъ прислужниковъ тѣлу?
—Конечно.—Стало быть, городъ, слѣдуя необходимости, мо-
жетъ ограничиваться четырьмя или пятью человѣками.—
E. Кажется.—Что жъ теперь? каждое изъ этихъ недѣлимыхъ
должно ли посвящать свою работу всѣмъ вообще, напри-
мѣръ, земледѣлецъ одинъ обязанъ ли приготовлять пищу
четыремъ и употреблять четыре части времени и трудовъ
для приготовленія пищи и общенія съ другими? Или, не
заботясь объ этомъ, онъ можетъ запасти четвертую часть
пищи только для себя и употребить на то четвертую часть
370. времени, а изъ прочихъ трехъ его частей, одну провести
въ приготовленіи дома, другую — платья, третью — обуви,
и заниматься работою не съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ
другими, но дѣлать свое дѣло самому для себя? — Можетъ
быть, то-то легче, Сократъ, чѣмъ это [1], сказалъ Ади-
мантъ.—Нѣтъ ничего страннаго, клянусь Зевсомъ, примол-
вилъ я. Слыша тебя, я и самъ понимаю, что каждый изъ
B. насъ раждается сперва не слишкомъ похожимъ на всякаго

---

[1] *То-то легче, чѣмъ это.* Οὕτω (то-то) относится къ прежнему, что̀ полагалъ Сократъ, что, то-есть, граждане должны удовлетворять нуждамъ другъ друга; а ἐκείνως (это) указываетъ на послѣднее положеніе, что каждый гражданинъ долженъ въ разныя части времени работать самъ на себя.

другаго, но отличнымъ по своей природѣ, и назначается для совершенія извѣстной работы. Или тебѣ не кажется это?—Кажется. — Что жъ? лучше ли можетъ дѣлать кто-нибудь—одинъ, занимаясь многими искуствами, или лучше, когда одинъ занимается однимъ?—Лучше, когда одинъ занимается однимъ, отвѣчалъ онъ. — Впрочемъ и то, думаю, очевидно, что если время какой-нибудь работы протекло, то оно исчезло. — Конечно очевидно.—Потому, работа, кажется, не хочетъ ждать, пока будетъ досугъ работнику; напротивъ необходимо, чтобы работникъ слѣдовалъ за ра- C.
ботою не между дѣломъ. — Необходимо. — Оттого-то многія частныя дѣла совершаются лучше и легче, когда одинъ, дѣлая одно, дѣлаетъ сообразно съ природою, въ благопріятное время, оставивъ всѣ другія занятія. — Безъ всякаго сомнѣнія.—Но для приготовленія того, о чемъ мы говорили, Адимантъ, должно быть гражданъ болѣе четырехъ; потому что земледѣлецъ, вѣроятно, не самъ будетъ дѣлать плугъ, если потребуется хорошій, и заступъ, и прочія орудія земледѣлія; не самъ опять — и домостроитель, кото- D.
рому также многое нужно; равнымъ образомъ и ткачь, и кожевникъ. Или нѣтъ? — Правда. — А столяры, мѣдники и многіе подобные имъ мастеровые, бывъ приняты въ маленькій нашъ городокъ, дѣлаютъ его уже многолюднымъ. —Да, конечно.—Однакожъ, онъ все-таки былъ бы что-то неслишкомъ большое, еслибы мы не присоединили къ нему волопасовъ, овчаровъ и другихъ пастуховъ, чтобы земледѣльцы имѣли воловъ для оранія, домостроители — подъя- E.
ремныхъ животныхъ для перевозки тяжестей съ земледѣльцами, а ткачи и кожевники — кожу и волну. — По крайней мѣрѣ городъ, имѣющій все это, былъ бы не малъ, сказалъ онъ. — Но вѣдь поселить нашъ городъ въ такомъ мѣстѣ, куда не требовалось бы никакого ввоза, почти невозможно, сказалъ я. — Да, невозможно. — Стало быть, понадобятся еще и другіе, для перевозки къ нему потребностей изъ иныхъ городовъ.—Понадобятся.—Вѣдь промыш-

ленникъ (διάκονος), прибывшій куда-нибудь порожнемъ и непривезшій съ собою ничего, въ чемъ тамъ имѣютъ нужду, и откуда получается нѣчто для нихъ потребное, этотъ про-
371. мышленникъ порожнемъ и возвратится. Не такъ ли?—Мнѣ кажется.—Значитъ, домашнее нужно приготовлять нетолько въ достаточномъ количествѣ для себя, но дѣлать запасъ такой и въ такомъ родѣ, какой и въ какомъ онъ требуется для городовъ, имѣющихъ въ томъ нужду.—Да, надобно.—Слѣдовательно, нашему городу нужно болѣе земледѣльцевъ и другихъ мастеровыхъ?—Конечно болѣе.—Стало, быть болѣе и промышленниковъ для вывоза и ввоза всякой всячины; а это—купцы. Не правда ли?—Да.—Поэтому мы потребуемъ и купцовъ.—Конечно. — И если торговля-то будетъ
B. совершаться моремъ, то понадобится множество и другихъ людей, умѣющихъ дѣйствовать на морѣ.—Да, очень много.—Что жъ теперь? въ самомъ городѣ, какимъ образомъ граждане будутъ передавать другъ другу то, что каждый изъ нихъ производитъ? Вѣдь для этого-то мы и установили общеніе, для этого и основали городъ.—Явно, сказалъ онъ, что посредствомъ продажи и купли.—Такъ отсюда у насъ будетъ площадь и монета — знакъ для обмѣна. — Ужъ ко-
C. нечно. — Но если земледѣлецъ, или кто-нибудь изъ мастеровыхъ, везя на площадь свою работу, прибудетъ не въ одно время съ тѣми, которымъ нужно бы обмѣняться съ нимъ, то неужели онъ оставитъ свое мастерство и будетъ сидѣть на площади?—Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ; есть люди, которые, видя это, сами вызываются на подобную услугу: въ благоустроенныхъ городахъ, они—самые слабые тѣломъ и неспособные ни къ какой иной работѣ. Имъ-то на-
D. добно оставаться на площади и, либо вымѣнивать за деньги, что другіе имѣютъ нужду сбыть, либо вымѣнивать деньги за тотъ товаръ, который другіе хотятъ купить.—Такъ эта потребность, сказалъ я, даетъ въ городѣ мѣсто барышникамъ. Развѣ не барышниками назовемъ мы торгашей, постоянно сидящихъ на площади и готовыхъ купить и про-

дать, либо бродящихъ по городамъ?—Конечно барышниками. — Но есть еще, какъ я думаю, прислужники и иного рода, которые, по уму, неслишкомъ были бы достойны об- E.
щенія, но они владѣютъ тѣлесною силою, достаточною для подъятія трудовъ. Такъ продавая употребленіе своей силы и цѣну употребленія называя наймомъ, они, думаю, получили имя наемниковъ. Не правда ли?—Конечно. — Итакъ, для полноты города, вѣроятно нужны и наемники.—Мнѣ кажется. — Не выросъ ли уже, Адимантъ, городъ у насъ до цѣлости? — Можетъ быть. — Гдѣ же въ немъ будетъ справедливость и несправедливость? или, въ чемъ изъ того, что мы разсмотрѣли, заключаются онѣ? — Не вижу, Сократъ, 372.
сказалъ онъ; развѣ не въ потребности ли этихъ самыхъ вещей для одного въ отношеніи къ другому? — Можетъ быть, ты и хорошо говоришь, замѣтилъ я; надобно изслѣдовать, не скучая предметомъ.

И во-первыхъ, изслѣдуемъ, какъ станутъ жить собранные такимъ образомъ граждане. Не такъ ли, что, приготовляя пищу и вино, одежду и обувь, и строя домы, лѣтомъ они будутъ работать по большей части нагіе и босые, а зимою достаточно одѣнутся и обуются? Не такъ ли, что B.
питаться будутъ они крупою, добытою изъ ржи, и мукою изъ пшеницы, первую варя, а послѣднюю запекая? Не такъ ли, что благородные [1] пироги и хлѣбы располагая на тростникѣ или на чистыхъ листахъ и возлагая на дернѣ, покрытомъ миртами и тисомъ, они будутъ насыщаться вмѣстѣ съ дѣтьми, пить вино, украшаться вѣнками, воспѣвать боговъ, пріятно обходиться другъ съ другомъ и, изъ опасенія бѣдности и войны, раждать дѣтей не болѣе, какъ сколько позволяетъ состояніе?—Тутъ Главконъ прервалъ меня и C.

[1] Нѣтъ ничего удивительнаго, что пироги Сократъ называетъ благородными: этотъ эпитетъ иногда прилагается у Платона и къ нѣкоторымъ плодамъ, и къ поварскимъ блюдамъ; напр. Legg. VIII, p. 844 D. ὃς δ' ἂν τὴν γενναίαν νῦν λεγομένην σταφυλὴν ἢ τὰ γενναῖα σῦκα ἐπονομαζόμενα ὀπωρίζειν βούληται. Hipp. Mai. p. 299 E. τοὺς μέλλοντας ἑστιᾶσθαι ἄνευ ὄψου ἂν πάνυ γενναίου ποιήσειεν, т.-е. ἑστιωμένους.

сказалъ: ты заставляешь своихъ людей обѣдать, повидимому, безъ похлебки.—Да, твоя правда; я забылъ, что у нихъ будетъ и похлебка, отвѣчалъ я; разумѣется, будетъ также соль, масло и сыръ, будутъ они варить лукъ и овощи, какія варятся въ полѣ. Мы дадимъ имъ и какихъ-нибудь сладостей,—напримѣръ смоквъ, гороху, бобовъ; мир-
D. товые плоды и буковые орѣхи будутъ они жарить на огнѣ и понемногу запивать виномъ. Живя такимъ образомъ въ мирѣ и здоровьѣ и умирая, какъ надобно полагать, въ старости, они такую же жизнь передадутъ и потомкамъ.—Но еслибы ты устроялъ городъ изъ свиней, сказалъ онъ, то какого болѣе, какъ не этого, задавалъ бы ему корму [1]?—А какого же надобно, Главконъ? спросилъ я.—Какого принято, отвѣчалъ онъ. Чтобы жить не въ горести, возлежать-то,
E. думаю, слѣдуетъ на скамьяхъ, обѣдать со столовъ, и употреблять мяса̀ и сладости, какія нынѣ употребляются.—А! понимаю, примолвилъ я: такъ видно, мы разсматриваемъ не то, какъ долженъ жить просто городъ, но какъ—городъ роскошествующій? Можетъ быть, это и не худо; потому что, разсматривая его, мы вдругъ замѣтили бы, гдѣ въ городахъ раждается справедливость и несправедливость. Но тотъ, который былъ предметомъ нашего изслѣдованія, мнѣ кажется, есть городъ истинный, какбы здравый: впрочемъ, если вы хотите, начнемъ разсуждать и о лихорадочномъ [2]; ни-
373. что не мѣшаетъ. Иныхъ эти вещи и этотъ образъ жизни конечно не удовлетворятъ: имъ понадобятся и скамьи, и столы, и другая утварь, и мяса̀, и масти, и благовонія, и на-

---

[1] *Задавалъ бы корму*, ἐχόρταζες. Глаголъ χορτάζειν означаетъ собственно кормленіе травоядныхъ животныхъ; потому я и перевожу его глаголомъ, выражающимъ это самое дѣйствіе и употребляемымъ въ сельскомъ быту.

[2] Городу здоровому, ведущему жизнь правильную, въ которомъ, поэтому, граждане живутъ до глубокой старости и не имѣютъ нужды во врачебной наукѣ, Сократъ противуполагаетъ городъ роскошествующій и вмѣстѣ съ тѣмъ хворый, лихорадочный, живущій хлопотливо, тревожно, судорожно. Болѣзненное его состояніе требуетъ большей помощи, и слѣдовательно, большаго населенія; посему теперь обозрѣваются нужды и этого общества.

ложницы, и пирожныя, и все это въ разныхъ видахъ. Поэтому не вещи, перечисленныя нами прежде, то-есть, не домы, не одежду и обувь, слѣдуетъ уже почитать необходимыми; но надобно пустить въ ходъ живопись и разцвѣчиваніе матерій, надобно достать золото, слоновую кость и все тому подобное. Не правда ли?—Да, сказалъ онъ.—Такъ B.
не нужно ли намъ увеличить свой городъ?—Вѣдь первый-то, здравый, уже недостаточенъ: его надобно начинить и обременить множествомъ такихъ лицъ, которыя въ городахъ бываютъ не ради необходимости,—напримѣръ, всякими ловчими [1] и мимиками, изъ которыхъ иные поддѣлываютъ наружный видъ и цвѣтъ, иные музыку, — также поэтами и ихъ исполнителями, то-есть рапсодистами, актерами, плясунами, спекулянтами [2], мастерами всякой утвари и другими, приготовляющими женскія украшенія. Понадобится C.
намъ гораздо болѣе и прислужниковъ. Не нужны ли, думаю, будутъ педагоги, кормилицы, воспитатели, наряжательницы, брадобреи, стряпухи и повара; даже не потребуемъ ли и свинопасовъ. Въ первомъ городѣ не было ничего такого; потому что не было надобности: теперь и это понадобится. Нужны будутъ также и другія весьма многія животныя—для тѣхъ, кто ихъ ѣстъ. Не правда ли?—Какъ D.
же иначе?—Но живя такимъ образомъ, не будемъ ли мы имѣть гораздо большую нужду, чѣмъ прежде, и во врачахъ?—Несравненно большую.—

---

[1] Слово «ловчій» Асту хочется понимать въ смыслѣ метафорическомъ и подъ ловчими разумѣть всѣхъ тѣхъ, которые преслѣдуютъ не истинное и прекрасное само въ себѣ, а ихъ подобія и призраки, и этими призраками льстятъ чувственности народа. Но ученый критикъ не указалъ ни одного мѣста, гдѣ Платонъ употребилъ бы слово θηρευτής въ такомъ значеніи. Если оно имѣетъ здѣсь смыслъ метафорическій, то ловчими Платонъ могъ называть скорѣе тѣхъ людей, которые непрестанно гоняются за удовольствіями; по крайней мѣрѣ это согласнѣе съ контекстомъ.

[2] Платоново ἐργολάβοι я перевожу: «*спекулянты*». По *Поллуксу* (VII, 122, p. 820) и *Гемстергузію*, это слово то же, что mancipes sive redemtores, qui aedificium exstruendum aliudve opus perficiendum conducerent et redimerent. Слѣдовательно, это — подрядчики, предприниматели (entrepreneurs), содержатели об-

Вѣроятно и страна, бывшая тогда достаточною для пропитанія, теперь изъ достаточной сдѣлается уже малою. Или какъ мы скажемъ? — Такъ, отвѣчалъ онъ. — Значитъ, не понадобится ли намъ отрѣзать отъ страны сосѣдней, когда хотимъ, чтобы у насъ достаточно было земли кормовой и пахатной? А сосѣди, если они пустились пріобрѣтать неисчислимое богатство, не переступятъ ли также за пре-
E. дѣлы необходимаго, и не отрѣжутъ ли отъ нашей?—Неизбѣжно, Сократъ, сказалъ онъ.—Что жъ послѣ этого, Главконъ? будемъ воевать, или какъ?—Воевать, отвѣчалъ онъ.—Теперь мы, пожалуй, хоть и не станемъ еще говорить, примолвилъ я, зло ли производитъ война или добро; замѣтимъ однако, что мы открыли происхожденіе войны, — открыли, откуда преимущественно приключается городамъ зло общественное и частное, какъ скоро оно приключается.—Конечно открыли.—Итакъ свой городъ, другъ мой, надобно намъ-таки увеличить,—и увеличить не бездѣлицею, а цѣлою арміею,
374. которая бы, отправившись въ походъ, сражалась съ наступающимъ непріятелемъ за свое достояніе, и за все то, о чемъ сейчасъ говорено было. — Какъ такъ, сказалъ онъ? развѣ сами не въ состояніи? — Нѣтъ, отвѣчалъ я, если только ты и всѣ мы хорошо положили, для чего устрояемъ городъ. Помнишь, мы согласились, что одному нельзя успѣшно заниматься многими искуствами.—Да, правда, сказалъ
B. онъ. — Что жъ? продолжалъ я; воинскій трудъ не кажется ли тебѣ трудомъ искуства? — И очень, отвѣчалъ онъ. — И искуство, напримѣръ, кожевническое, большаго ли достойно попеченія, чѣмъ воинское?—Отнюдь нѣтъ.—Но вѣдь мы и кожевнику, и земледѣльцу, и ткачу, и домостроителю не мѣшаемъ исполнять свое дѣло, чтобы у насъ шла хорошо работа и кожевника, и каждаго, кому поручено также что-нибудь одно, такъ какъ къ этому онъ располагается природою и, незанимаясь ничѣмъ другимъ, надъ этимъ, безъ опущенія

щественныхъ заведеній, и вообще — принимающіе на себя какое-нибудь дѣло въ пользу или удовольствіе народа, для личныхъ своихъ выгодъ.

благопріятнаго времени, будетъ трудиться во всю жизнь. C.
Не тѣмъ ли, стало быть, нужнѣе хорошее исполненіе дѣла воинскаго? Развѣ оно такъ легко, что и какой-нибудь земледѣлецъ, и кожевникъ, и всякій, занимающійся извѣстнымъ искуствомъ, будетъ воинъ,—тогда какъ и порядочно играть въ шашки или въ кости не можетъ ни одинъ, кто занимался этимъ не съ самого дѣтства, а только между дѣломъ? Развѣ стоитъ только взять щитъ или иное воинское оружіе, D.
либо орудіе, чтобъ въ тотъ же день сдѣлаться, какимъ слѣдуетъ, ратникомъ среди битвы тяжело вооруженнаго и всякаго другаго войска; тогда какъ одно держаніе въ рукахъ всякихъ иныхъ орудій никого не сдѣлаетъ ни мастеромъ ни атлетомъ, и не принесетъ пользы тому, кто не пріобрѣлъ познанія о каждомъ изъ нихъ и не приложилъ къ этому дѣлу надлежащаго вниманія? — Да, оружіе важное дѣло, сказалъ онъ. — Итакъ, чѣмъ важнѣе дѣло стражей, про- E.
должалъ я, тѣмъ больше оно имѣетъ нужды въ совершенномъ досугѣ отъ другихъ занятій, тѣмъ больше оно требуетъ искуства и величайшаго старанія.—Я думаю, примолвилъ онъ.—Для этой именно должности не требуется ли и расположеніе природы?—Какъ же иначе?—И вѣдь, еслибы только мы могли, — повидимому, наше бы дѣло изложить, какія и каковы должны быть способности, годныя для стражи города.—Конечно наше бы.—О, Зевсъ! не малая же работа полюбилась намъ. Однакожъ, не поддадимся страху, по крайней мѣрѣ сколько позволятъ силы.—Да, не подда- 375.
димся, сказалъ онъ.—Думаешь ли, спросилъ я, что, въ отношеніи къ стереженію, природа благороднаго щенка отличается отъ природы благороднаго юноши? — Какъ это? — Такъ, напримѣръ, что тому и другому надобно имѣть остроту чувствъ, быстроту для преслѣдованія того, что почуено, и силу, если понадобится кого схватить и обезоружить. — Да, нужно все это, отвѣчалъ онъ.—И притомъ быть еще мужественнымъ, чтобы хорошо сражаться. — Какъ же не быть?—А быть мужественнымъ захочетъ ли негнѣвливый,— B.

лошадь ли то, собака, или какое иное животное? Не замѣчалъ ли ты, сколь непреодолимъ и непобѣдимъ бываетъ гнѣвъ, подъ вліяніемъ котораго душа всецѣло становится безстрашною и неуступчивою?—Замѣчалъ.—Итакъ теперь ясно, что̀ долженъ имѣть стражъ со стороны тѣла.—Да.—А со стороны души онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ быть гнѣвливъ.—И это.—Но какъ же, Главконъ? спросилъ я: такіе, по природѣ, не будутъ ли жестоки другъ къ другу и къ прочимъ гражданамъ?—Это, клянусь Зевсомъ, не легко, отвѣчалъ онъ.—Однако надобно же, чтобы въ отношеніи къ
C. домашнимъ они были кротки, а въ отношеніи къ непріятелямъ сердиты. Въ противномъ случаѣ, не дожидаясь, пока истребятъ своихъ чужіе, они поспѣшатъ выполнить это сами.—Твоя правда.—Что же мы сдѣлаемъ? спросилъ я. Гдѣ, вмѣстѣ съ этимъ, найдемъ кроткій и великодушный нравъ? Вѣдь гнѣвливая и кроткая природа — взаимно противуположны.—Кажется.—Но такъ какъ изъ этихъ-то качествъ, не имѣя того и другаго, стражу нельзя быть хорошимъ; а
D. совмѣстить ихъ повидимому, невозможно: то и хорошимъ стражемъ быть невозможно.—Есть опасность, сказалъ онъ. —Обнаруживъ тутъ недоумѣніе и припоминая прежнія слова, я продолжалъ: а вѣдь, мы, другъ мой, не безъ причины-таки недоумѣваемъ; мы оставили то пособіе, которое предложили прежде. — Что такое? — Мы не замѣтили, что въ самомъ дѣлѣ есть природы, о какихъ и не подумаешь; а онѣ совмѣщаютъ въ себѣ эти противуположности.—Гдѣ же такія природы? — Ихъ можно видѣть и въ другихъ животныхъ, и не менѣе въ томъ, которому уподобляли мы
E. стража. Ты вѣроятно знаешь вѣдь благородныхъ собакъ: нравъ ихъ по природѣ таковъ, что съ домашними и знакомыми онѣ какъ нельзя болѣе кротки, а съ незнакомыми напротивъ.—Конечно знаю.—Стало быть, это возможно, сказалъ я, и мы не противорѣчимъ природѣ, ища такого стража.—Кажется, нѣтъ.—А кажется ли тебѣ еще, что тотъ, кому надобно будетъ сдѣлаться стражемъ, долженъ, кромѣ

гнѣвливости, присоединить къ себѣ и природу философа?— Почему же? спросилъ онъ; я не понимаю.—Это ты увидишь 376.
также въ собакахъ, отвѣчалъ я,—черта, въ животномъ достойная удивленія. — Какая? — Та, что, видя незнакомаго, собака злится, хотя не потерпѣла отъ него ничего худаго, а къ знакомому ласкается, хотя онъ никогда и никакого не сдѣлалъ ей добра. Неужели этому ты еще не удивляешься?—На это донынѣ я недовольно обращалъ вниманіе, отвѣчалъ онъ: а что она точно такъ дѣлаетъ, явно.—Однакожъ,
такое чувство ея природы кажется занимательнымъ и ис- B.
тинно философскимъ.—Какъ это?—Такъ, что дружеское и враждебное лице, сказалъ я, она различаетъ только тѣмъ, что первое знаетъ, а послѣдняго не знаетъ: стало быть, отчего бы не приписать ей любознательности, когда домашнее и чужое она опредѣляетъ знаніемъ и незнаніемъ?— Никакъ нельзя не приписать, примолвилъ онъ. — Но вѣдь любознательность и философствованіе—одно и то же? спросилъ я.—Конечно одно и то же, отвѣчалъ онъ. — Поэтому
не можемъ ли мы смѣло положить, что и человѣку, если C.
онъ съ домашними и знакомыми долженъ быть кротокъ, надобно имѣть природу философскую и любознательную?—Положимъ, сказалъ онъ.—Такъ хорошій и добрый стражъ города будетъ у насъ человѣкъ и философствующій, и гнѣвливый, и проворный, и сильный по природѣ?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. —Пусть же онъ такимъ и будетъ. Но какъ намъ этихъ людей кормить и воспитывать? И ведетъ ли насъ настоящее изслѣдованіе къ познанію того, для че-
го предприняты всѣ наши изслѣдованія, то-есть, какимъ D.
образомъ въ городѣ раждается справедливость и несправедливость? Какъ бы намъ въ своемъ разсужденіи не опустить чего нужнаго, или не зайти слишкомъ далеко. —Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ братъ Главкона; я ожидаю, что настоящее изслѣдованіе дѣйствительно поведетъ къ этому.— Ахъ, любезный Адимантъ, примолвилъ я; не оставимъ дѣла, хотя оно и довольно длинно.—Конечно не оставимъ.—Пусть

уже мы будемъ воспитывать тѣхъ людей, какъ будто бы на досугѣ стали разсказывать басни.—Да, надобно.—

E. Что жъ это за воспитаніе? Или можетъ быть и трудно найти лучше того, которое давно уже открыто? То-есть одно, относящееся къ тѣлу,—гимнастическое, а другое,—къ душѣ,—музыкальное [1].—Да, это.—И не музыкою ли мы начнемъ воспитывать ихъ прежде, чѣмъ гимнастикою?—Почему не такъ?—А къ музыкѣ относишь ли ты словесность, или не относишь? спросилъ я.—Отношу.—Словесности же два

377. вида: одинъ истинный, другой лживый?—Да.—И учить надобно хотя тому и другому, однакожъ прежде лживому?—Не понимаю, что̀ ты говоришь, сказалъ онъ.—Ты не понимаешь, замѣтилъ я, что дѣтямъ мы прежде разсказываемъ басни? а вѣдь это, говоря вообще, ложь, хотя тутъ есть и истинное. Значитъ, въ отношеніи къ дѣтямъ, мы употребляемъ въ дѣло прежде ложь, чѣмъ гимнастическія упражненія.—Это правда.—Такъ вотъ я и сказалъ, что за музыку надобно взяться прежде, чѣмъ за гимнастику.—Справедливо, примолвилъ онъ.—А не знаешь ли, что начало всякаго дѣла весьма важно,—особенно для юноши и вообще для

B. нѣжнаго возраста? Вѣдь тогда-то преимущественно образуется и устанавливается характеръ, какой кому угодно отпечатлѣть въ каждомъ изъ нихъ.—Непремѣнно.—Такъ легко ли попустимъ мы, чтобы дѣти слушали и принимали въ души такія басни, которыя составлены какъ случилось и кѣмъ случилось, и которыя заключаютъ въ себѣ мнѣнія, большею частію противныя понятіямъ, имѣющимъ развиться въ нихъ тогда, когда они достигнутъ зрѣлаго возраста?—

C. Не такъ-то попустимъ.—Слѣдовательно, мы вѣроятно, долж-

---

[1] Программа древняго греческаго воспитанія подводима была только подъ двѣ рубрики: гимнастику и музыку. Гимнастика прилагаема была къ образованію тѣла, а музыка — къ образованію души. Crit. p. 50 D. Protag. p. 312 B. sqq. Но музыку, какъ образовательницу души, Платонъ обыкновенно принимаетъ въ обширномъ смыслѣ и подводитъ подъ нее нетолько всѣ словесныя науки, но и самую философію.

ны напередъ приказать излагателямъ басень избирать такія изъ нихъ, которыя бы они могли изложить хорошо, а прочія отвергать. Потомъ внушимъ кормилицамъ и матерямъ, чтобы эти отборныя басни онѣ разсказывали дѣтямъ, и гораздо больше образовали ихъ души баснями, чѣмъ тѣла — руками: большую же часть тѣхъ, которыя онѣ нынѣ разсказываютъ, надобно бросить. — А какія именно? спросилъ онъ. — Въ большихъ басняхъ, отвѣчалъ я, мы увидимъ и меньшія; потому что тѣ и другія должны имѣть одинаковый характеръ и силу. Или не полагаешь?—Пола- D.
гаю, сказалъ онъ, только не понимаю, о какихъ большихъ говоришь ты.—О тѣхъ, продолжалъ я, которыя разсказали намъ Исіодъ, Омиръ и другіе поэты. Вѣдь они-то, сложивъ лживыя басни, разсказывали и разсказываютъ ихъ людямъ.—Какія же именно? спросилъ онъ; и что въ нихъ ты охуждаешь?—То самое, отвѣчалъ я, что надобно охуждать прежде всего и преимущественно, особенно когда кто лжетъ нехорошо.—Что жъ это?—Это чье-нибудь плохое словесное E.
изображеніе того, каковы боги и герои, подобное изображенію живописца, нисколько непохожему на тотъ предметъ, котораго образъ хотѣлъ онъ написать.—Да, такія-то басни справедливо охуждаются. Однакожъ какимъ образомъ и на какія именно укажемъ мы?—Сперва, сказалъ я, укажемъ на самую великую ложь и о самыхъ великихъ предметахъ,— на ту ложь, которую сказавшій солгалъ нехорошо: что, напримѣръ, сдѣлалъ Уранъ, какъ угодно было разсказать объ этомъ Исіоду [1], и за что наказалъ его Кроносъ; между тѣмъ о дѣлахъ Кроноса-то, и о мученіяхъ, перенесенныхъ 378.
имъ отъ сына, хотя бы это было и справедливо, я не легко позволилъ бы разсказывать людямъ неразумнымъ и молодымъ, а лучше велѣлъ бы молчать о нихъ; когда же и настояла бы необходимость говорить, то ради таинственности пред-

[1] Этотъ миѳъ разсказывается Theog. v. 154 sq. v. 178 sq. Сравн. Eutyphr. p. 5 E.

мета, у меня слушали бы о томъ весьма немногіе, приносящіе въ жертву не свинью [1], а что-нибудь великое и рѣдкое, такъ чтобы слышать объ этомъ досталось очень немногимъ. —Въ самомъ дѣлѣ, примолвилъ онъ, эти-то разсказы не-
B. пріятны.—И въ нашемъ городѣ, Адимантъ, допускать ихъ, конечно, ненадобно. Не должно говорить юному слушателю, что, совершая крайнюю несправедливость, онъ не дѣлаетъ ничего удивительнаго,—хотя бы даже какъ угодно наказывалъ преступнаго отца,—напротивъ, дѣлаетъ то, что дѣлали первые и величайшіе изъ боговъ.—Клянусь Зевсомъ, что, и по моему мнѣнію, говорить это не годится.—А еще менѣе, продолжалъ я, что боги ведутъ между собою войну, ковар-
C. ствуютъ другъ противъ друга и дерутся:—вѣдь это и несправедливо,—если только будущіе стражи нашего города должны считать дѣломъ постыднымъ легкомысленную ненависть боговъ одного къ другому. О битвѣ же гигантовъ и о другихъ многихъ и различныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, приписываемыхъ богамъ и героямъ, по отношенію къ ихъ родственникамъ и домашнимъ, никакъ не баснословить и не составлять пестрыхъ описаній, но, сколько можно, убѣждать, что никогда ни одинъ гражданинъ [2] не питалъ ненависти къ другому, и что это нечестиво. Вотъ что осо-
D. бенно старики и старухи должны внушать дѣтямъ, какъ въ первомъ ихъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, и требовать, чтобы поэты слагали свои повѣсти, приспособительно къ этому. Равнымъ образомъ, и разсказы объ оковахъ

---

[1] Здѣсь Сократъ указываетъ на тотъ обычай, что желавшій быть посвященнымъ въ элевзинскія таинства, приносилъ въ жертву свинью. *Aristoph.* Pac. v. 373 sq , гдѣ Тигей проситъ взаймы три драхмы для покупки таинственнаго борова. Conf. Acharn. v. 747 et 764.

[2] Здѣсь подъ словомъ «гражданинъ» *πολίτης* Сократъ разумѣетъ не тѣхъ гражданъ, изъ которыхъ долженъ составиться образуемый теперь городъ; потому что въ такомъ случаѣ греческій текстъ имѣлъ бы конструкцію рѣчи сослагательной — *ὅπως ἂν οὐδεὶς.... ἀπέχθητο*. Напротивъ, Платонъ выражаетъ свою мысль наклоненіемъ изъявительнымъ, говоритъ повѣствовательно: *ὡς οὐδεὶς πώποτε πολίτης ἕτερος ἑτέρῳ ἀπήχθετο*, и указываетъ на гражданъ, составлявшихъ общество боговъ и героевъ.

Иры, наложенныхъ на нее сыномъ [1], объ Иѳестѣ, который свергнутъ отцомъ за то, что хотѣлъ помочь матери, когда тотъ билъ ее, о сраженіи боговъ, которое выдумано Омиромъ,—всѣ эти басни не должны быть допускаемы въ городъ,—иносказательно ли [2] разумѣются онѣ, или безъ иносказаній; потому что юноша не въ состояніи различить, чтò иносказательно говорится и чтò нѣтъ, но какія въ молодости принимаетъ мнѣнія, тѣ любитъ оставлять неизмытыми [3] и безъ измѣненій. Поэтому-то, можетъ быть, надобно дѣлать E.
все, чтобы первые, принимаемые слухомъ разсказы какъ можно лучше примѣнены были къ добродѣтели. — Да, это

---

[1] У Платона — *δεσμοὺς ὑπὸ ὑιέος*. Муретъ, вмѣсто *ὑπὸ ὑιέος*, исправляетъ *ὑπὸ Διός*; такъ какъ Зевсъ, говорятъ, самъ сковалъ Иру. См. Iliad. XV, v. 18 sq., а Иѳестъ старался освободить свою мать, и за то сброшенъ былъ на Лемносъ Iliad. I, v. 588. Но Астъ замѣчаетъ, что оковы наложены на Иру не Зевсомъ, а Иѳестомъ, по приказанію Зевса, и ссылается на ***Paul. Leopard.*** Emendatt. XVI, 8. Впрочемъ и Климентъ у ***Свиды*** (s. v. Ἥρα) говоритъ: *Ἥρας δεσμοὺς ὑπὸ ὑιέος, Πλάτων Πολιτείας β. οὕτω γραπτέον. Παρὰ Πινδάρῳ γαρ ὑπὸ Ἡφαίστου δεσμεύεται ἐν τῷ ὑπ' αὐτοῦ κατασκευασθέντι θρόνῳ. Ὅ τινες ἀγνοοῦντες γράφουσιν ὑπὸ Διός, καὶ φασι δεθῆναι αὐτὴν ἐπιβουλεύσασαν Ἡρακλεῖ. Κλημης.*

[2] Эти слова Платона могутъ быть отнесены къ числу доказательствъ, что и въ его время было уже въ обыкновеніи миѳы языческихъ вѣрованій истолковывать аллегорически; ибо, по свидѣтельству древнихъ писателей, въ такомъ именно значеніи употребляемо было слово *ὑπόνοια*. Напримѣръ, ***Плутархъ*** (de Aud. Poet. p. 19 E.) пишетъ: *ταῖς πάλαι μὲν ὑπονοίαις, ἀλληγορίαις δὲ νῦν λεγομέναις*. См. ***Ruhnken.*** ad Tim. Glossar. 7. p. 200 sq. Такими истолкователями миѳовъ были Стезимбротъ лампсакскій, Главконъ и Митродоръ, о которыхъ упоминается Ion. p. 530 D. Но хотя многіе философы древнихъ временъ, какъ-то Пиѳагоръ, Эмпедоклъ, Димокритъ и другіе, старались религіозные миѳы поэтовъ прилаживать къ философскимъ своимъ воззрѣніямъ и для того истолковывать ихъ аллегорически; однакожъ, по свидѣтельству ***Діогена Лаерція*** (II, II) первый, начавшій этотъ родъ истолкованія постоянно прилагать къ стихотвореніямъ Омира, былъ Анаксагоръ. Поэтому другіе послѣ него, соединявшіе съ религіозными миѳами смыслъ аллегорическій, называемы были Анаксагорейцами. См. ***Menag.*** ad Diog. L. 1. ***Wolf.*** Prolegom. ad Hom. p. 162. ***Schaubach.*** de Fragmentt. Anaxagoræ Clazom. p. 31 sq. 37 sq.

[3] Неизмытыми — *δυςεκνιπτά* называются здѣсь тѣ вѣрованія, которыя, бывъ приняты однажды, не подвергались философской критикѣ и не переходили въ понятіе очищенными. Этою фразою хорошо обозначается взглядъ древняго философскаго раціонализма относительно къ миѳамъ языческой религіи, къ сожалѣнію, почти цѣликомъ перешедшій и въ раціонализмъ новѣйшей германской философіи относительно религіи христіанской. Сравн. libr. IV, p. 429 E. ***Ruhnken.*** ad Tim. Gloss. p. 76. ***Creuzer.*** ad Proclum et ***Olympiodor.*** T. II, p. 51 sq.

справедливо, сказалъ онъ; однакожъ, если кто-нибудь спро-
ситъ насъ о томъ, имѣются ли предметы для подобныхъ раз-
сказовъ и какіе они; то на которые укажемъ?—Адимантъ!
продолжалъ я, въ настоящую минуту мы съ тобой не поэты,
379. а созидатели города; созидателямъ же хоть и надобно знать
характеры, которыми должны быть отпечатлѣны баснословія
поэтовъ, и не позволять, чтобы послѣднія составляемы были
вопреки этимъ характерамъ, однакожъ самимъ составлять
басни не слѣдуетъ.—Справедливо, сказалъ онъ; но это-то
самое, — характеры богословія, — какіе они? — Да хоть бы
слѣдующіе, отвѣчалъ я: каковъ Богъ есть, такимъ надобно
и изображать его—въ поэмахъ ли то, въ одахъ, или въ тра-
B. гедіи.—Да, надобно. — Но Богъ-то не благъ ли по истинѣ?
стало быть, не должно ли такъ и говорить о немъ?—Как-
же.—А изъ благъ, ужъ конечно, никоторое не вредно. Не
правда ли? — Мнѣ кажется, нѣтъ. — Такъ невредное вре-
дитъ ли? — Никакъ. — Но что не вредитъ, то дѣлаетъ ли
какое-нибудь зло?—Тоже нѣтъ.—А что не дѣлаетъ никакого
зла, то можетъ ли быть причиною чего-нибудь злаго?—Какъ
можно? — Такъ что же? значитъ, добро полезно? — Да. —
Стало-быть, оно—причина доброй дѣятельности?—Да.—По-
этому добро есть причина никакъ не всего, но что бы-
ваетъ хорошо, того оно причина, а что худо, того не при-
C. чина [1]. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Слѣдовательно и
Богъ, заключилъ я, поколику онъ благъ, не можетъ быть
причиною всего, какъ многіе говорятъ: но нѣсколькихъ дѣлъ
человѣческихъ онъ—причина, а большей части ихъ—не при-

---

[1] Это превосходное положеніе философа, что Богъ не можетъ быть причиною зла, встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ его разговоровъ. Lib. X, p. 617 D. E. *αἰτία ἑλομένου· θεὸς ἀναίτιος*. ***Elmenhorstius*** (ad Apuleum de dogm. Plat. p. 205, T. II) сравниваетъ при этомъ слова ***Филона*** (ind. decal. fol. 525): *θεὸς κύριος ἀγαθὸς μόνων ἀγαθῶν αἴτιον, κακοῦ δ᾽οὐδενός*. ***Trismegist***. c. 14. ***Chalcidium*** ad Tim. p. 243. ***Plotin***. Ennead. 1, 8. ***Iambl***. de Myster. 1, 18. Что Богъ не можетъ быть причиною зла, умъ выводилъ это изъ идеи существа совершеннѣйшаго, или премудрѣйшей причины всего. Но откуда произошло зло, этотъ вопросъ во всѣ времена для естественнаго ума оставался неразрѣшеннымъ. Къ рѣшенію его болѣе всѣхъ философовъ приблизился Платонъ въ своемъ Федрѣ.

чина; потому что у насъ гораздо менѣе добра, чѣмъ зла. И такъ какъ нельзя предполагать никакой другой причины добра (кромѣ Бога); то надобно искать какихъ-нибудь другихъ причинъ зла, а не Бога.—Ты говоришь, кажется, очень справедливо. — Поэтому не должно принимать того D.
грѣха въ отношеніи къ богамъ, какой совершали Омиръ и другіе поэты, когда, безумно грѣша, говорили: Двѣ бочки

лежатъ на полу у Зевеса
Жребіевъ полны—одна счастливыхъ, другая несчастныхъ.
И кому Зевсъ, взявъ смѣшано, даетъ изъ обѣихъ,
Тотъ въ жизни находитъ то горе, то радость;

а кому не такъ [3], то-есть, кому ниспосылаетъ онъ безъ смѣшенія только послѣдніе,

За тѣмъ на землѣ по пятамъ злая нужда несется.

Однакожъ не должно думать, будто Зевсъ
есть благъ и золъ раздаятель. E.

Равнымъ образомъ и тотъ не заслужитъ нашей похвалы, кто будетъ говорить, что Аѳина и Зевсъ заставили Пандара [4] поступить вопреки клятвѣ и возліянію. Не похвалимъ мы также вражды боговъ и приговора, произнесеннаго Ѳемидою и Зевсомъ [5]; нельзя позволить юношамъ слушать и 380.
слова Эсхила [6], будто бы

Внушаетъ смертнымъ Богъ причину,
Когда домъ съ корнемъ хочетъ истребить.

Напротивъ, кто пишетъ трагедію и помѣщаетъ въ ней та-

---

¹ Стихи взяты изъ Иліады XXIV, 427 sq. О значеніи ихъ много говорятъ *Proclus* in Remp., p. 378. *Olympiodor.* ad Alcibiad. I, p. 6.

² Въ означенной книгѣ Иліады ст. 529.

³ Тамъ же, стихъ 531.

⁴ Греки и Трояне заключили перемиріе и условились прекратить битвы; но въ Иліадѣ (IV, 55 sq.) Зевсъ посылаетъ Минерву внушить Пандару Ликійскому, чтобы онъ, вопреки перемирію, пустилъ стрѣлу въ Менелая.

⁵ Iliad. XX: Ζεὺς δὲ Θέμιτ' ἐκέλευσε θεοὺς ἀγορήνδε καλέσαι. Эту часть Иліады древніе назвали θεῶν μάχη. За Грековъ сражались Юнона, Минерва, Нептунъ, Вулканъ, Меркурій; за Троянъ—Венера, Аполлонъ, Діана, Латона, Марсъ, Скамандръ. Изъ Iliad. XXIV извѣстенъ судъ богинь.

⁶ Эти стихи Эсхила, кромѣ другихъ, приводитъ *Плутархъ* (de audiend. poet. c. 2). А *Виттенбахъ* (T. I, p. 134 sq., ed. Lyps.) остроумно замѣчаетъ,

кіе ямвы [1], каковы о бѣдствіяхъ Ніобы, или Пелопидовъ, о дѣлахъ троянскихъ, или тому подобные; тотъ либо не долженъ называть ихъ дѣлами Божіими, либо, когда Божіими,—обязанъ изобрѣтать такія мысли, какихъ мы нынѣ требуемъ, и говорить, что Богъ производитъ справедливое
B. и доброе, и что тѣмъ людямъ полезно было наказаніе. Положимъ, что въ состояніи наказанія они несчастны: но поэту ненадобно позволять говорить, будто дѣлаетъ это Богъ. Напротивъ, пусть онъ утверждаетъ, что злые несчастны, поколику заслужили наказаніе, и что, подвергаясь наказанію, они получаютъ отъ Бога пользу [2]. А называть Бога добраго причиною золъ для кого бы то ни было, — этому надобно противиться всѣми силами, этого никто въ своемъ городѣ не долженъ ни говорить, если городъ благоустроенъ,
C. ни слушать,—никто ни изъ юношей, ни изъ старшихъ, будетъ ли баснословіе предлагаемо въ рѣчи измѣренной, или безъ размѣра; потому что такая рѣчь, будучи произносима, и намъ не принесетъ пользы, и не будетъ согласна сама съ собою. — Касательно этого закона, сказалъ онъ, я одного съ тобою мнѣнія; то же и мнѣ нравится. — Такъ въ томъ-то, примолвилъ я, состоитъ одинъ изъ законовъ и типовъ относительно боговъ, сообразно съ которымъ, говорящій долженъ говорить и дѣйствующій дѣйствовать, выражая ту истину, что Богъ не есть причина всего, а только причина добра. — И это очень удовлетворительно, сказалъ онъ.—

D. Но какъ тебѣ покажется другой? Думаешь ли ты, что

что приводимое Платономъ мнѣніе Эсхила находилось въ трагедіи «Ніоба». Напротивъ *Мейнекке* (p. 304) вноситъ его въ число неизвѣстныхъ отрывковъ Менандра и въ этомъ случаѣ основывается на неясномъ свидѣтельствѣ *Стобея* (Serm. II, p. 30).

[1] Ямвы, или разговорная часть трагедіи (речитативъ), противуполагаются здѣсь лирическимъ стихамъ хора. *Aristotel*. Poet. IV, 19: πλεῖστα γὰρ ἰαμβεῖα λέγομεν ἐν τῇ διαλέκτῳ τῇ πρὸς ἀλλήλους.

[2] Этотъ взглядъ Платона на значеніе и цѣль наказаній встрѣчается и въ Горгіасѣ, p. 478 D sqq., p. 525 B sqq.

Богъ — волшебникъ и какбы съ умысломъ является намъ по временамъ въ различныхъ идеяхъ, иногда самъ раждаясь и измѣняя свой видъ въ различные образы, иногда обманывая [1] и заставляя составлять о себѣ извѣстное понятіе? Или онъ — существо простое и всего менѣе выходящее изъ своей идеи? — На это, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, отвѣчать тебѣ я не могу, сказалъ онъ.— А на это? Не необходимо ли, чтобы то, что выходитъ изъ своей идеи, переносилось изъ ней или само собою, или E.
чѣмъ-нибудь другимъ?—Необходимо.—Но не правда ли, что самое превосходное всего менѣе измѣняется и движется другимъ? Не правда ли, напримѣръ, что самое здоровое и крѣпкое тѣло всего менѣе измѣняется пищею, питьемъ и сномъ, какъ всякое растеніе — солнечнымъ зноемъ, вѣтрами и подобными тому вліяніями? — Какъ же иначе?—Такъ 381.
мужественнѣйшую душу не тѣмъ ли менѣе можетъ возмутить и измѣнить какое-нибудь внѣшнее вліяніе?—Да.— Впрочемъ даже и всѣ сложные сосуды, зданія и одежды, если они сдѣланы хорошо и находятся въ хорошемъ состояніи, наименѣе измѣняются отъ вліянія времени и другихъ причинъ.—Правда.—Итакъ все въ природѣ и искусствѣ, или въ томъ и другомъ, находясь въ хорошемъ состояніи, получаетъ отвнѣ самую малую измѣняемость. — Вѣроятно.—Но Богъ-то и Божіе превосходнѣе всего.—Какъ B.
же иначе? — Стало-быть, Богъ всего менѣе можетъ принимать многіе образы.—Конечно всего менѣе.—Однакожъ не превращаетъ ли и не измѣняетъ ли онъ самъ себя?—Явно, что такъ,—если измѣняется, сказалъ онъ.—Но въ лучшее ли и красивѣйшее превращаетъ онъ себя, или, сравнитель-

---

[1] *Иногда самъ... измѣняя свой видъ*: то-есть, Богъ, не принимаетъ ложнаго образа, но переходитъ въ явленія по законамъ своей природы, какъ представляла это греческая миѳологія; *иногда насъ обманывая*: то-есть, проявляетъ такіе образы, какихъ дѣйствительно не имѣетъ, и подъ какими думали видѣть его греческіе мечтатели - поэты. Явно, что Сократъ предполагалъ то и другое, какъ ложное, и этому богоявленію противуполагалъ понятіе о Богѣ, какъ существѣ простомъ, которое никогда не выходитъ изъ своей идеи.

но съ собою,—въ худшее и безобразнѣйшее?—Если измѣ-
C. няется, то необходимо въ худшее, отвѣчалъ онъ; потому что въ красотѣ или добродѣтели, скажемъ мы, онъ конечно не имѣетъ недостатка. — Ты говоришь сущую правду, замѣтилъ я. А если такъ, то кто изъ боговъ или людей, думаешь, Адимантъ, сдѣлалъ бы себя произвольно худшимъ?—Это невозможно, сказалъ онъ.—Слѣдственно, невозможно и то, заключилъ я, чтобы Богъ захотѣлъ измѣнить себя: каждый изъ боговъ, будучи прекрасенъ и по возможности превосходенъ, вѣроятно, пребываетъ всегда—просто въ своемъ образѣ.—Мнѣ кажется, это совершенно
D. необходимо. — Итакъ, почтеннѣйшій, сказалъ я, пусть никто изъ поэтовъ не говоритъ намъ, что

Какъ будто дальніе пришельцы, боги
Вкругъ города блуждаютъ въ разныхъ видахъ [1].

Пусть также никто не клевещетъ на Протея и Ѳетиду [2], и ни въ трагедіи, ни въ какія другія стихотворенія не вводитъ Иру, превратившуюся въ жрицу и собирающую подаяніе—

Животодарнымъ чадамъ Инаха, аргивской рѣки [3].

E. Пусть не повторяютъ у насъ и иныхъ, подобныхъ этимъ,

---

[1] Odyss. XVII, 485 sqq.

[2] О Протеѣ см. Odyss. IV, 364 sqq. *Ovid*, Metamorph. VIII, v. 370. Можетъ быть, философъ разумѣлъ Протея, какъ разсказываетъ о немъ сатирическая басня Эсхила. Ѳетида, обреченная судьбою выдти замужъ за смертнаго, какъ скоро приближался къ ней Пелей, принимала различные образы, чтобы избѣжать связи съ нимъ. *Pindar*. Nem. V, 60 sqq. *Apollodor*. III, 13, 5. *Ovid*. Metam. XI, 221. О брачной связи Пелея и Ѳетиды подробно разсказываетъ *Исіодъ*.

[3] Все это мѣсто хорошо объясняетъ *Ruhnkenius* (ad Tim. l. c.) и говоритъ какъ о нищенствующихъ жрецахъ, опредѣляя по этому поводу значеніе слова ἀγείρειν, такъ и о томъ трагикѣ, котораго затрогиваетъ здѣсь Платонъ, хотя догадка его касательно послѣдняго предмета кажется неудачною. Рункеній приписываетъ этотъ стихъ Софоклу, къ которому Платонъ, по изслѣдованію *Валькенара* (ad Phoeniss. v. 1628), вѣроятно, былъ несправедливъ. Впрочемъ *Бэккъ* (ad Legg. p. 128 и de Graecae tragoediae princip. p. 182) рѣшительно опровергаетъ мнѣніе Валькенара о нерасположеніи Платона къ Софоклу; а Валькенаръ приведенный стихъ усвояетъ скорѣе Эврипиду или Эсхилу, чѣмъ Софоклу.

многочисленныхъ примѣровъ лжи, и пусть предубѣжденныя такими разсказами матери не пугаютъ своихъ дѣтей нелѣпыми баснями, будто какіе-нибудь боги бродятъ ночью подъ различными образами странниковъ, — чтобы чрезъ это не произносить хулы на боговъ и вмѣстѣ не располагать своихъ дѣтей къ боязливости. — Да, пусть этого не будетъ, сказалъ онъ.—Но не такъ ли бываетъ, спросилъ я, что сами-то боги могутъ не измѣняться, а только насъ обманываютъ и очаровываютъ, заставляя представлять ихъ въ различныхъ ви-
дахъ?—Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.—Что жъ? продолжалъ 382.
я; значитъ, богъ хочетъ лгать, когда на словахъ или на дѣлѣ представляетъ призракъ?—Не знаю, сказалъ онъ.—Ты не знаешь, примолвилъ я, что истинную-то ложь, если можно такъ сказать, ненавидятъ всѣ боги и люди?—Какъ это говоришь ты? спросилъ онъ.—Такъ, отвѣчалъ я, что высшею своею частію и о высшихъ предметахъ никто произвольно солгать не захочетъ; тутъ всякій особенно боится сдѣлаться лгу-
номъ.—И теперь еще не понимаю, сказалъ онъ.—Ты вѣр- B.
но полагаешь, что въ моихъ словахъ скрывается что-нибудь чрезвычайное, продолжалъ я: а у меня мысль та, что ложь отъ души и обманъ касательно сущаго есть невѣденіе, и что, какъ лгать душею, такъ и поддаваться обману, всѣ наименѣе согласны; всѣмъ это, и въ этомъ отношеніи, особенно ненавистно.—И очень-таки, сказалъ онъ.—Но незнаніе въ душѣ, касательно оболганнаго предмета, ужъ конечно по всей справедливости, какъ я сейчасъ сказалъ, можно назвать истинною ложью; потому что ложь въ словахъ-то есть уже
нѣкоторое подражаніе качеству души, — это образъ, соста- C.
вившійся послѣ, а не чистая ложь [1]. Или не такъ? — Безъ

[1] Сократъ различаетъ два вида лжи: ложь мысли и ложь слова, и говоритъ, что лгать на словахъ мы можемъ сознательно, то-есть можемъ лгать, зная, что говоримъ ложь, и желая, чтобы другіе сознаваемую нами ложь принимали за истинну. Въ такой лжи мысль, или душа сама въ себѣ, еще не лжетъ. Въ чемъ же состоитъ ложь мысли? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, прежде всего надобно замѣтить, что душа добровольно никогда не лжетъ и не терпитъ въ себѣ лжи; потому что это противорѣчитъ ея сознанію, по-

сомнѣнія. — Такъ истинная ложь ненавистна нетолько богамъ, но и людямъ.—Кажется. — Что же теперь? ложь въ словахъ—когда и кчему полезна, если не бываетъ достойною ненависти? Не пользуетъ ли она противъ непріятелей, и не служитъ ли какбы полезнымъ лекарствомъ для удержанія такъ называемыхъ друзей, когда они въ сумас-
D. шествіи или безуміи рѣшаются на что-нибудь худое? Не допускаемъ ли мы ее съ пользою и въ тѣхъ баснословіяхъ, о которыхъ недавно говорили, поколику, то-есть, не зная, что сказать истиннаго касательно древнихъ, мы истинѣ большею частію уподобляемъ ложь?—Это и дѣйствительно бываетъ, отвѣчалъ онъ.—Такъ для которой же изъ показанныхъ цѣлей Богу полезна ложь? Для того ли могъ бы онъ лгать, что, не зная древности, сталъ бы поддѣлываться подъ истину?—Это было бы смѣшно, сказалъ онъ.—Стало-быть, въ Богѣ нѣтъ лживаго поэта [1].—Мнѣ кажется.—Но
E. можетъ быть, онъ лжетъ, боясь непріятелей? — Далеко не то.—Такъ ради безумія и сумасшествія своихъ ближнихъ?—Да вѣдь между друзьями Бога, сказалъ онъ, нѣтъ безумныхъ и сумасшедшихъ.—Значитъ, нѣтъ и цѣли, для которой Богъ хотѣлъ бы лгать.—Да, нѣтъ.—Поэтому духовное (*τὸ δαιμόνιον*) и божественное вовсе чуждо лжи.—Совершенно,

---

стоянно направленному къ истинѣ. Между тѣмъ, на дѣлѣ всякій человѣкъ болѣе или менѣе ложь. Какимъ же образомъ, не терпя лжи, онъ однакожъ лжетъ?—Ложь его есть не ложь, а заблужденіе или незнаніе. Когда говорится о лжи въ мысляхъ, тогда человѣкъ не знаетъ, что лжетъ, пока не вразумятъ его и не докажутъ, что мысли его ложны. Поэтому ложь въ словахъ, если она бываетъ направлена къ хорошей цѣли, иногда можетъ быть даже полезна; а ложь въ мысляхъ всегда пагубна.

[1] *Ποιητὴς μὲν ἄρα ψευδὴς ἐν θεῷ οὐκ ἔνι.* Нѣкоторымъ критикамъ Платона эти слова кажутся странными, даже нелѣпыми, а потому критики различнымъ образомъ измѣняютъ ихъ. Но я нетолько не вижу здѣсь ничего страннаго, а еще усматриваю ловко и остроумно выраженную связь этой мысли съ прежними положеніями. Сократъ прежде говорилъ, что Бога добраго нельзя почитать причиною золъ; поэтому о богахъ нельзя говорить ничего худаго или приписывать имъ зло. Все, что говорили о нихъ поэты несообразнаго съ доброю ихъ природою, была ложь мысли, или незнаніе божественной природы. Но Богу незнаніе себя несвойственно; слѣдовательно, онъ не можетъ говорить о себѣ ложь, — въ немъ нѣтъ лживаго поэта.

сказалъ онъ. — Слѣдовательно, ясно, что Богъ есть существо простое и истинное въ словѣ и на дѣлѣ; что онъ и самъ не измѣняется и другихъ не обманываетъ — ни призраками, ни словами, ни дивными знаменіями, ни на-яву, ни во-снѣ [1].—Мнѣ и самому кажется такъ, какъ ты гово- 383.
ришь, примолвилъ онъ.—Значитъ, ты соглашаешься и на второй типъ, заключилъ я, — на тотъ, сообразно съ которымъ надобно и говорить и показывать на дѣлѣ, что боги, не будучи волшебниками, и себя не измѣняютъ, и насъ не вводятъ въ обманъ, ни словомъ ни дѣломъ? — Соглашаюсь. —Поэтому, хваля многое у Омира, мы не похвалимъ однакожъ того сновидѣнія [2], какое Зевсъ послалъ Агамемнону, не одобримъ и Эсхила, у котораго Θетида говоритъ, что Аполлонъ, поя пѣсни во время ея брака [3], B.

Предсказывалъ судьбу ея дѣтей [4],
И обѣщалъ имъ жизнь безъ болей вѣковую.
Его священный гимнъ питалъ во мнѣ восторгъ,
Когда прорекъ онъ мой богамъ пріятный жребій.
Я думала, что лжи никакъ не можетъ быть
Въ пророческихъ устахъ божественнаго Феба [5].

---

[1] Οὔθ' ὕπαρ οὔτ' ὄναρ — пословица, совершенно соотвѣтствующая нашему нарѣчію *никогда*. Поэтому къ Богу прилагаются здѣсь эти слова не въ собственномъ ихъ значеніи, какъ будто бы, то-есть, Богъ иногда бодрствуетъ, а иногда спитъ. Значеніе пословицы подробно объясняютъ *Valcken.* ad Ammon. III, 15. *Dorvill.* ad Charit. p. 291.

[2] Здѣсь указывается на начало II кн. Иліады.

[3] Эти стихи, въ которыхъ Θетида жалуется на Аполлона, взяты Платономъ изъ Эсхиловой ψυχοστασία. См. *Wittenbach.* ad Select. Princip. Histor. p. 388. Они приводятся и *Плутархомъ*, De legend. Poet. p. 16 E. *Euseb.* Praeparat. Ev. XIII, 3. О присутствованіи Аполлона на свадьбѣ Пелея говоритъ и *Омиръ* Iliad. XXIV, 26 sqq. Впрочемъ надобно замѣтить, что первые два стиха — больше произведеніе самого философа, чѣмъ поэта, что показываетъ и значеніе глагола ἐνδατεῖσθαι, который собственно значитъ *дѣлить*, потомъ *по частямъ прославлять*, а оттуда *величаться* въ хорошую и худую сторону.

[4] *Жизнь вѣковую*—μακραίωνας βίους, у Евсевія μακραίωνος βίου. Та же форма встрѣчается и у *Софокла*, Oed. v. 518.

[5] *Aeschyl.* Prom. v. 1032., Choephor. v. 555, и самъ *Платонъ*, Apol. Socr. p. 21 B.

А онъ самъ воспѣвалъ, самъ за трапезой былъ,
Самъ это высказалъ, и самъ потомъ убилъ
Мое дитя.....

C. Кто говоритъ о богахъ подобныя вещи, на того мы будемъ сердиться и не дадимъ ему составлять сказки, а учителямъ не позволимъ пользоваться ими при воспитаніи дѣтей, если хотимъ, чтобы стражи у насъ чтили боговъ и были божественны, сколько это возможно для человѣка. — Я совершенно согласенъ принять эти типы, сказалъ онъ, и готовъ руководствоваться ими, какъ законами.—

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

Во второй книгѣ говорилось о *набожности* или *благочестіи*, которымъ должны быть проникнуты души будущихъ стражей города. Теперь слѣдуетъ говорить о другихъ сторонахъ воспитанія ихъ. И во-первыхъ, надобно остерегаться, чтобы юноши не слушали и не читали такихъ вещей, которыя могутъ ослабить ихъ *мужество*. Сюда относятся разсказы объ ужасахъ смерти и загробной жизни въ преисподней, равно какъ и то, что̀ по мѣстамъ говорятъ поэты о жалобахъ и плачѣ великихъ мужей и боговъ, да наконецъ и о неумѣренномъ смѣхѣ, который свидѣтельствуетъ, что въ душѣ недостаетъ мужества и твердости. P. 386—389 A. Далѣе, имъ особенно должна быть внушена любовь къ *истинѣ*. Хотя правителямъ города, для сохраненія общественнаго благоденствія, иногда и можно отступать отъ правды; но частнымъ лицамъ никакъ не должно позволять это. P. 389 B. Кромѣ того, наши юноши не должны нерадѣть и о *разсудительности*; а разсудительность ихъ обнаружится тогда, когда они будутъ покорны правителямъ и не станутъ покорствовать страстямъ. Итакъ мы должны заботливо скрывать отъ нихъ все, чѣмъ-либо ослабляется должное повиновеніе властямъ, либо раздражается и воспламеняется страсть неразсудительности, хотя такихъ разсказовъ о герояхъ и богахъ у Омира весьма много. P. 389 D — 391 E. Наконецъ, должно стараться и о томъ, чтобы предъ глазами нашихъ юношей, въ рѣчахъ и разсужденіяхъ, не было унижаемо достоинство *справедливости*. Объ этомъ нужно будетъ говорить и послѣ, когда понадобится раскрывать понятіе о справедливости; умѣстно, однакожъ, и здѣсь сказать по крайней мѣрѣ то, что спра-

ведливость особенно унижаютъ поэты, когда справедливое соединяютъ съ бѣдствіями и опасностями, а несправедливое съ большими выгодами и удобствами жизни. Р. 392 А—С.

Это о содержаніи сочиненій, которыя должны быть предлагаемы нашимъ юношамъ для чтенія. Теперь слѣдуетъ сказать *о способѣ собесѣдованія съ юношами.* Все, что разсказывается баснословами, относится или къ настоящему, или къ прошедшему, или къ будущему. Притомъ, разсказъ бываетъ или простой, когда мы сами разсказываемъ что-нибудь другому; или подражательный, когда говоримъ отъ лица другихъ, подражая образу ихъ мыслей и ихъ нравамъ; или смѣшанный и сложный изъ обоихъ этихъ родовъ. Отсюда происходятъ *три рода поэзіи*: лирическій, въ которомъ поэтъ высказываетъ собственныя чувствованія; драматическій, въ которомъ онъ ограничивается только подражаніемъ другому; эпическій, въ которомъ съ простымъ повѣствованіемъ соединяется у него и подражаніе. Р. 392 С — 394 D. Послѣ сего возникаетъ вопросъ: должно ли терпѣть въ городѣ родъ поэзіи, имѣющій въ виду подражаніе, или всякая подражательность должна быть запрещена? Объ этомъ нужно сдѣлать, повидимому, слѣдующее постановленіе. Для всѣхъ гражданъ нашего города прежде написали мы такой законъ, чтобы всякій дѣлалъ одно и не вмѣшивался въ дѣла различныя; потому что и слабость человѣческой природы не позволяетъ думать, чтобы кто-нибудь, занимаясь многими дѣлами, могъ дойти до нѣкотораго совершенства. Поэтому и стражи города должны стараться только о защищеніи свободы отечества и избѣгать занятій, состоящихъ въ подражаніи. Притомъ, заботливость о подражаніи, если она возникаетъ съ молодыхъ лѣтъ, легко внѣдряется въ природу и повреждаетъ воиновъ; потому что, подражая женѣ, ссорящейся съ мужемъ, или хвастающейся, либо плачущей, передразнивая также слугу или человѣка пьянаго, которыхъ нравы далеко не соотвѣтствуютъ обязанностямъ людей военныхъ, они непремѣнно и принимаютъ въ душу многое, что вовсе не достойно стражей города. Подражать въ выраженіи рѣчамъ и нравамъ добрыхъ и храбрыхъ мужей конечно можно; потому что это способствуетъ нѣсколько къ возвышенію и утвержденію добродѣтели: но

мастера такихъ вещей, занимающіеся исключительно этимъ дѣломъ, должны быть съ честію выпровожены изъ нашего города. Р. 394 D — 398 В. Это — о той части музыки, которая заключается въ рѣчахъ и повѣствованіяхъ. Остается еще сказать о *стихахъ*. Стихъ составляется изъ трехъ частей: изъ словъ, гармоніи и риѳма. Какъ надобно судить о словахъ, или содержаніи стиховъ, видно уже изъ прежнихъ изслѣдованій; а гармонія и риѳмъ должны быть принаровлены къ словамъ. Поэтому, какъ не допускаемъ мы плаксивости и жалобъ; такъ не слѣдуетъ намъ допускать въ своемъ городѣ и мотивовъ жалобныхъ, или тоновъ мягкихъ, которые изнѣживаютъ и разслабляютъ душу. У насъ могутъ быть терпимы тоны, свойственные только людямъ мужественнымъ и разсудительнымъ, которые и потому удобны, что не требуютъ ни многихъ мастеровъ, ни много инструментовъ. Послѣ сего надобно сказать еще о риѳмѣ. Изъ риѳмовъ надобно избѣгать тѣхъ, которые имѣютъ много модуляцій и удаляются отъ простоты, свойственной мужеству и разсудительности. Р. 398 С—400 D. Но какъ характеръ стиховъ,— отъ чего, въ свою очередь, зависитъ и достоинство гармоніи,— можетъ выраждаться только изъ души благонравной; то наши юноши должны всячески стараться объ усовершенствованіи себя въ добродѣтели. Поэтому нетолько поэты у насъ должны быть поставляемы законами въ извѣстные предѣлы, но и всѣхъ мастеровъ обязаны мы убѣжденіями и ограниченіями направлять къ тому, чтобы они изъ своихъ произведеній удаляли все, враждебное чувствамъ добраго и честнаго; потому что заботливое преподаваніе юношамъ музыки весьма много способствуетъ къ образованію ихъ душъ. Кто былъ подъ вліяніемъ этой наставницы; въ душѣ того зародилась прекрасная гармонія всѣхъ добродѣтелей — разсудительности, мужества, благородства, великодушія. Этою гарманіею изгоняется всякая похоть, лишающая душу постоянства и ровности. И бываетъ такъ, что получившій такое образованіе никогда не увлекается и постыдною страстію любви. Р. 400 D—403 С.

Кромѣ музыки, надобно имѣть уваженіе и къ *гимнастикѣ*, которая тоже требуетъ немалаго упражненія и изученія. И какъ душа дѣлается доброю не отъ тѣла, а наоборотъ — тѣло стано-

вится добрымъ отъ души; то надобно знать, что̀ повелѣваетъ здравомыслящая душа для сохраненія здоровья тѣлеснаго. Итакъ, стражи должны прежде всего воздерживаться отъ пьянства; ибо стыдно стражу имѣть нужду въ стражѣ. Потомъ, стражъ не долженъ жирѣть отъ излишествъ, которыя нетолько не укрѣпляютъ тѣла, а еще разслабляютъ его, зараждаютъ въ немъ множество болѣзней и дѣлаютъ его неспособнымъ къ перенесенію жара и холода. Стражу необходимо даже довольствоваться простою и умѣренною пищею, отвергать всякое лакомство; и въ этомъ отношеніи гимнастика идетъ объ руку съ хорошею музыкою: ибо какъ послѣдняя своею простотою вселяетъ въ душу разсудительность; такъ первая своею умѣренностію укореняетъ въ тѣлѣ здоровье. Напротивъ, съ неумѣренностію и роскошью въ городѣ становятся необходимыми много судебныхъ мѣстъ и врачебныхъ учрежденій. Но нѣтъ очевиднѣе признака, что государство находится въ худомъ состояніи, какъ потребность въ судьяхъ и врачахъ: ибо кому нужны судьи, тѣ лишились своего собственнаго права и, по незнанію честнаго и прекраснаго, принуждены заниматься тяжбами; а кто отъ бездѣйствія и образа жизни, сдѣлался слабъ и болѣзненъ, тотъ не можетъ обойтись безъ медицины. Поэтому искуства судебное и врачебное, какъ средства противъ невоздержанія и болѣзней, къ нашему городу идутъ всего менѣе; потому что люди, занимаясь гражданскими дѣлами, не имѣютъ времени хворать и должны быть исцѣляемы превосходнѣйшими средствами. Итакъ, хотя городу и нужны добрые врачи и судьи, относительно которыхъ надобно постановить опредѣленные законы; однакожъ, наши юноши простою музыкою и гимнастикою должны быть ведомы такъ, чтобы не было надобности въ искуствахъ судебномъ и врачебномъ. P. 403 C—410 B. Гимнастика направляется конечно къ тѣлу, однакожъ нестолько для того, чтобы возвысить силы тѣлесныя, сколько для того, чтобы развить темпераментъ пылкости и вмѣстѣ кротости въ дѣятельности душевной. Поэтому она должна быть всегда соединяема съ музыкою: ибо занимающіеся только гимнастикою обыкновенно бываютъ жестоки и получаютъ характеръ въ извѣстной мѣрѣ дикій; а предающіеся исключительно музыкѣ легко изнѣживаются и становятся женоподобными. P. 410 B—412 A.

Изложивъ то, что относится къ воспитанію стражей, теперь слѣдуетъ спросить, *кому въ государствѣ должно быть ввѣрено правленіе.* Ввѣрить его надобно, конечно, старшимъ и превосходнѣйшимъ изъ стражей, такъ какъ они знаютъ способы сохраненія и управленія государствомъ. А изъ этихъ слѣдуетъ избирать къ управленію преимущественно тѣхъ, которыхъ ревность и любовь къ государству сдѣлалась особенно замѣтною. Чтобы этотъ выборъ былъ безошибочнѣе, приготовляемые къ избранію должны быть предметомъ наблюденія съ самаго ихъ дѣтства, чтобы образъ ихъ мыслей и характеръ были совершенно извѣстны. Итакъ, общественныя и правительственныя должности надобно возлагать на тѣхъ, которые во всю жизнь занимались наилучшими дѣлами; потому что эти-то наконецъ будутъ истинными стражами общественнаго благоденствія, и защитятъ городъ нетолько отъ внѣшнихъ опасностей, но и отъ внутреннихъ волненій. Въ этомъ дѣлѣ старшимъ должны впрочемъ помогать и младшіе возрастомъ. Р. 412 В — 414 В.

Притомъ, чтобы всѣ граждане жили согласно, надобно внушать имъ, что всѣ они—братья, но не всѣ равно способны къ однѣмъ и тѣмъ же обязанностямъ; потому что люди, по своимъ способностямъ, весьма различны: одни рождены для управленія, другіе—для вспомоществованія, а иные—для земледѣлія и ремесленничества. Всѣхъ ихъ, съ поэтической точки зрѣнія, можно различать, какъ золото, серебро, мѣдь и желѣзо. А какъ нерѣдко случается, что отъ золотаго отца раждается желѣзный сынъ, и наоборотъ; то надобно всячески стараться о томъ, чтобы всякій гражданинъ, смотря по тому, къ чему получилъ онъ отъ природы способность, тѣмъ и занимался въ городѣ. Если это будетъ пренебрежено, то городъ разрушится до основанія. Р. 414 В—415. D.

Мѣсто жительства стражи и воины должны избрать такое, какое годно было бы какъ для обузданія внѣшней силы, такъ и для удержанія гражданъ въ предѣлахъ долга. Пусть и зданія ихъ приспособлены будутъ не къ хвастовству, а особенно къ воинскимъ занятіямъ. Но чтобы изъ стражей не вышли расхищатели государства, — въ душахъ ихъ должна быть всецѣло искоренена страсть любостяжанія. Поэтому у нихъ не должно

быть никакихъ наслѣдственныхъ владѣній, или фондовъ; а содержаніе надобно давать имъ изъ общественнаго казначейства. Пусть они поймутъ, что имъ нѣтъ нужды въ золотѣ и богатствѣ, если у нихъ золотая, превосходнѣе всякаго золота, душа. Полезно даже вовсе не прикасаться имъ къ золоту и вовсе не имѣть его дома, чтобы, вмѣсто стражей, не сдѣлались они земледѣльцами, или господами и врагами прочихъ гражданъ. Р. 415 D—417 B.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Итакъ люди, на которыхъ съ самаго дѣтства лежитъ 386.
обязанность почитать боговъ и родителей и не уничижать любви другъ къ другу, должны, какъ видно, слушать и не слушать нѣчто такое.—И я полагаю, сказалъ онъ, что это кажется намъ справедливо.—Что же теперь[1]? если они обязаны быть мужественными; то не слѣдуетъ ли имъ говорить и это, и то, что могло бы сдѣлать ихъ наименѣе робкими при видѣ смерти? Или ты думаешь, что кто-нибудь бываетъ мужественъ, питая, въ себѣ этотъ страхъ?— B.
О, нѣтъ, клянусь Зевсомъ; этого я не думаю, сказалъ онъ.—Что же? представляя, какія вещи и ужасы находятся въ преисподней, человѣкъ, по твоему мнѣнію, будетъ ли чуждъ страха смерти, и въ битвѣ предпочтетъ ли смерть пораженію и рабству?—Отнюдь нѣтъ.—Такъ видно, и по отношенію къ этимъ баснямъ, мы должны сдѣлать постановленіе для тѣхъ, которые захотятъ разсказывать ихъ, и про- C.
сить, чтобы они не бранили просто преисподней, а болѣе

[1] Въ предшествующей книгѣ говорено было о необходимости располагать души стражей къ благочестію и почитанію боговъ; а теперь Сократъ начинаетъ разсуждать о прочихъ добродѣтеляхъ и учитъ, что̀ должно и чего не должно быть, чтобы стражи были мужественны, мудры, разсудительны и справедливы. Это изслѣдованіе продолжается до стр. 392 C. Нѣтъ нужды доказывать, что Платонъ главными добродѣтелями своего нравоученія почиталъ разсматриваемыя здѣсь четыре; благочестіе же предпослалъ имъ въ значеніи основанія этой четверицы, заимствованнаго въ ѳикѣ Сократа. *Xenoph.* Memor. I, 1, 16.

хвалили ее, такъ какъ это несправедливо и неполезно для тѣхъ, которые имѣютъ быть людьми военными.—Да, конечно должны, сказалъ онъ.—Вычеркнемъ же, начиная съ слѣдующихъ, всѣ подобные стихи:

Лучше бъ хотѣлъ я воздѣлывать землю, служа безпомощнымъ,—
Тѣмъ бѣднякамъ, у которыхъ и хлѣба насущнаго мало,—
Лучше бъ, чѣмъ царствовать мнѣ надъ всѣми тѣнями умершихъ [1].

D. И это:

И жилищь бы его не открылъ и безсмертнымъ и смертнымъ
Мрачныхъ, ужасныхъ, которыхъ трепещутъ и самые боги [2]

Или:

Боги! такъ подлинно есть и въ аидовомъ домѣ подземномъ
Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безъ сердца [3].

E. И это:

Онъ только мыслитъ, а прочія тѣни летаютъ [4].

Или:

Такъ, излетѣвъ изъ членовъ, душа нисходитъ къ аиду,
Плачась на жребій печальный, бросая и крѣпость, и юность [5].

И это:

.....душа подъ землю, какъ облако дыма, съ воемъ ушла [6].

387. Или:

Будто летучія мыши во мракѣ пещеры глубокой
Съ свистомъ порхаютъ, и только лишь въ ихъ вереницѣ
Съ камня упала одна, то и всѣ сцѣпившись упали:
Такъ и онѣ понеслись съ крежетаньемъ [7].

---

[1] Это — слова Ахиллеса, обращенныя къ Улиссу, когда они встрѣтились въ преисподней. *Homer*. Odyss. XI, 488.

[2] *Hom*. Iliad. XX, 64.

[3] *Hom*. Iliad. XXIII, 103.

[4] *Hom*. Odyss. X, 495. Астъ замѣчаетъ, что Платонъ вѣроятно приводилъ здѣсь и предшествующій этому стихъ:

Разумъ ему сохраненъ и мертвому;

потому что этого требовала и ясность рѣчи, и связность конструкціи: но сочиненія Омира были, безъ сомнѣнія, до того напечатлѣны въ памяти ученыхъ и образованныхъ Грековъ, что они ясно представляли контекстъ каждаго стиха.

[5] *Hom*. Iliad, XVI, 856. О смерти Патрокла.

[6] *Hom*. Iliad. XXII, 100.

[7] *Hom*. Odyss. XXIV, 6 sqq.

Такія и подобныя этимъ сказанія — пусть не сердятся на нась Омиръ и другіе поэты—мы вычеркнемъ,—не потому, чтобы они не были поэтическими и пріятными для слуха толпы, а потому, что чѣмъ болѣе въ нихъ поэзіи, тѣмъ менѣе позволительно слушать ихъ дѣтямъ и возрастнымъ, если они должны быть свободны и больше бояться рабства, чѣмъ смерти.—Безъ сомнѣнія.—По той же причинѣ надобно выкинуть и всѣ относящіяся къ этому страшныя и ужасныя названія,—Коциты, Стиксы, подземныхъ духовъ, мертвецовъ, и другія того же рода, приводящія слушателей въ сильный трепетъ. Можетъ быть, они и хороши для чего другаго; но мы боимся, какъ бы стражи, чрезъ этотъ трепетъ, не сдѣлались у насъ чувствительнѣе и нѣжнѣе надлежащаго [1]. — И справедливо боимся, примолвилъ онъ. — Такъ это надобно отвергнуть?—Да.—И выражать словомъ и дѣломъ противный тому типъ?—Очевидно.—Стало-быть, мы исключимъ также стенанія и жалобы знаменитыхъ мужей? — Необходимо, сказалъ онъ, если ужъ и прежнее. — Такъ смотри, продолжалъ я, справедливо ли исключимъ мы это, или нѣтъ. Мы говоримъ же, что честный человѣкъ не признаетъ явленіемъ ужаснымъ смерть честнаго, хотя бы это былъ и другъ его.—Конечно говоримъ.—Слѣдовательно, не будетъ и скорбѣть о немъ, какъ будто бы онъ потерпѣлъ что-то ужасное.—Конечно не будетъ.—Мы говоримъ даже и то, что такой человѣкъ особенно само-

B.

C.

D.

---

[1] *Не сдѣлались у насъ чувствительнѣе и нѣжнѣе* — μὴ — — θερμότεροι καὶ μαλακώτεροι — — γένωνται ἡμῖν. Штальбомъ и Астъ, не смотря на авторитетъ кодексовъ Платона, находятъ неумѣстнымъ здѣсь слово θερμότεροι и замѣняютъ его словомъ ἀθυμότεροι. Но я не вижу, почему бы θερμότεροι было здѣсь неумѣстно въ томъ значеніи, какое съ нимъ соединяется. Сократъ опасается, какъ бы стражи города не сдѣлались въ своихъ чувствованіяхъ *теплѣе*, чѣмъ слѣдуетъ. Что это именно значеніе соединялъ онъ съ словомъ θερμότεροι, видно и изъ непосредственнаго сопоставленія его съ синонимическимъ μαλακώτεροι. Что же касается до замѣны этого слова другимъ—ἀθυμότεροι, то она, по своей странности, даже недостойна такихъ ученыхъ критиковъ. Эта уравнительная степень ἀθυμότεροι показывала бы, что положительную-то ἄθυμοι Платонъ допускалъ въ стражахъ, какъ позволительную и непредосудительную, чего, конечно, никакъ не могло быть.

удовлетворителенъ для жизни хорошей и преимущественно
E. предъ прочими наименѣе нуждается въ другомъ.—Правда, сказалъ онъ.—Поэтому для него наименѣе страшно лишиться или сына, или брата, или денегъ, или чего иного тому подобнаго.—Конечно наименѣе.—Значитъ, онъ наименѣе также будетъ скорбѣть и сохранитъ величайшую кротость, когда постигнетъ его какое-нибудь подобное этому несчастіе.—И очень.—Стало, быть, мы справедливо можемъ исключить стенанія славныхъ мужей и предоставить ихъ
388. женщинамъ, да и женщинамъ-то нелучшимъ; если же и мущинамъ, то плохимъ, чтобы тѣ у насъ, которыхъ мы хотимъ воспитывать для охраненія страны, отвращались отъ подобной слабости. — Справедливо, сказалъ онъ. — Итакъ, мы опять будемъ просить Омира и прочихъ поэтовъ не заставлять Ахиллеса, сына богини, лежать то на боку, то на спинѣ, то на лицѣ, потомъ вставать, вздыхать, блуждать по безплодному берегу моря, и пусть онъ не хватаетъ обѣ-
B. ими руками нечистаго праха и не сыплетъ его себѣ на голову [1], а поэтъ не выражаетъ плача и страданія всѣми способами, которыми выражалъ ихъ, и не заставляетъ также Пріама [2], по рожденію, близкаго къ богамъ, умолять Троянцевъ,

разстилаясь по праху,
И говорить, называя по имени каждаго мужа.

А еще болѣе будемъ просить ихъ не заставлять боговъ предаваться горести и взывать:

C. Горе мнѣ бѣдной, горе некстати героя родившей [3]!

Если же не должно заставлять и боговъ, то тѣмъ менѣе

---

[1] Указывается на Iliad. XXIV, 10 sqq. См. *Heynius* Observatt. ad. Homer. T. VIII, p. 585. Гейне въ этомъ текстѣ πλωΐζοντ', которое здѣсь вовсе неумѣстно, измѣняетъ въ πρωΐζοντα — matutinum se agentem: но такая поправка неудовлетворительна, и поврежденный текстъ не возстановляется. Не больше удовлетворяетъ и догадка Аста: πρὼ ἴοντ'. Мнѣ кажется, правильнѣе было бы читать: πνωΐζοντα, отъ неупотребительнаго πνωΐζεσθαι.

[2] *Hom*. Iliad. XXII, 414.

[3] *Hom*. Iliad. XVIII, 54.

могутъ они смѣть подражать величайшему изъ нихъ,—подражать столь несообразно, что онъ говоритъ:

Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града
Видятъ очи мои,—и болѣзнь пронзаетъ мнѣ сердце [1].

Или:

Горе! я зрю, Сарпедону, дражайшему мнѣ между смертныхъ,
Жребій достался упасть подъ рукою Патрокла сраженнымъ [2]. D.

Вѣдь если наши юноши, любезный Адимантъ, будутъ слушать это серьезно, не смѣясь надъ недостойною рѣчью; то едва ли кто-нибудь, хоть и человѣкъ, поставитъ себя ниже боговъ и будетъ недоволенъ собою, когда ему придетъ въ голову сказать или сдѣлать что-нибудь подобное: напротивъ, нисколько не стыдясь и не удерживаясь, онъ, при всѣхъ малѣйшихъ огорченіяхъ, станетъ распѣвать длинныя жалобы и выражать скорбныя чувства.—Ты говоришь E.
весьма справедливо, сказалъ онъ.—Стало-быть, этого и не должно быть, какъ въ нашемъ разсужденіи сей часъ доказано; стало-быть, этому надобно и вѣрить, пока кто-нибудь не увѣритъ насъ въ иномъ лучшемъ. — Конечно недолжно быть. — Впрочемъ не слѣдуетъ намъ любить и смѣхъ; ибо кто предается сильному смѣху, тотъ напрашивается почти на столь же сильную и перемѣну. — Мнѣ кажется, сказалъ онъ.— Итакъ нельзя допускать, чтобы людей, достойныхъ уваженія, заставляли предаваться смѣху; 389.
а еще менѣе прилично это богамъ.—И гораздо менѣе, сказалъ онъ.—Поэтому мы не примемъ у Омира и подобныхъ рѣчей о богахъ:

Смѣхъ несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, какъ съ кубкомъ Иѳестъ по чертогу вокругъ суетится [3].

Вѣдь этого, по твоему мнѣнію, принять нельзя. — Какъ скоро хочешь положиться на мое мнѣніе, сказалъ онъ, такъ ужъ конечно нельзя. — B.

---

[1] *Hom.* Iliad. XXII, 168.
[2] *Hom.* Iliad. XVI, 433.
[3] *Hom.* Iliad. I, 599.

Надобно также высоко цѣнить и истину [1]. Если недавно сказанныя нами слова справедливы, и богамъ ложь дѣйствительно не полезна, а людямъ она приноситъ пользу въ видѣ лекарства; то явно, что ее можно предоставить врачамъ, частныя же лица прибѣгать къ ней не должны.—Явно, сказалъ онъ.—Значитъ, болѣе, чѣмъ кому-нибудь, идетъ лгать правителямъ общества — либо ради непріятелей, либо ради гражданъ, когда, то-есть, имѣется въ виду общественная польза: а всѣмъ прочимъ это непозво-
C. лительно. И ложь частнаго человѣка предъ такими-то именно правителями назовемъ столь же великимъ, даже еще большимъ грѣхомъ, чѣмъ невѣрное показаніе больнаго предъ врачемъ, либо гимназиста предъ педотривомъ, касательно ихъ тѣлесныхъ ощущеній, или чью-либо скрытность предъ кормчимъ вразсужденіи корабельщиковъ, то-есть, что сдѣлалъ кто-нибудь либо самъ, либо его товарищъ. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Поэтому, если правитель об-
D. личаетъ во лжи тѣхъ изъ гражданъ,

которыхъ названіе: мастеръ народный;
Вѣщунъ, напримѣръ, болѣзней цѣлитель и дѣлатель копій [2];

то наказываетъ ихъ, какъ людей, вносящихъ въ городъ, будто въ корабль, разрушительное и гибельное орудіе. — Особенно когда къ словамъ присоединяется и дѣло, примолвилъ онъ. —

Что же? не нужна ли нашимъ юношамъ и разсудительность [3]? — Какъ не нужна? — Важнѣйшее же дѣло разсуди-

---

[1] Изложивъ ученіе о мужествѣ, Платонъ начинаетъ теперь объяснять любовь къ истинѣ, въ которой усматривается благоразуміе и мудрость, и доказываетъ, что и эта добродѣтель столь же необходима для стражей города. Мнѣніе Сократа о лжи, дозволенной правителямъ и непозволительной для людей частныхъ, довольно тонко оцѣниваетъ *Шлейермахеръ* ad h. l. О лжи, такъ называемой спасительной, *Астъ* приводитъ мнѣніе Дарія у *Геродота* III, 72. *Sext. Emp.* ad Legg. VII, § 43, p. 378. Hipp. Minor.

[2] *Hom.* Odyss. XVII, 383 sq.

[3] Разсудительность, по ученію Платона, должна выражаться двояко: повиновеніемъ правительству и обузданіемъ страстей. Если сообразимъ, что начало правительственное, τὸ ἡγεμονικόν, у Платона есть умъ; то значеніе разсудитель-

тельности не въ томъ ли большею частію состоитъ, чтобы быть послушными правительству, а самимъ управлять своими удовольствіями въ отношеніи къ пищѣ, питью и любовнымъ наслажденіямъ? — Мнѣ кажется. — Поэтому, мы E.
признаемъ, думаю, хорошими такія слова, какія Діомидъ говоритъ у Омира:

Стой и молчи, моему повинуясь совѣту [1].

И слѣдующія — подобныя имъ:

....Боемъ дыша, приближались Ахейцы,
И уваженье къ вождямъ выражали молчаньемъ [2].

Равнымъ образомъ и другія такія же.—Хорошо.—Напротивъ, вотъ эти:

Пьяница съ взорами пса, но съ душою оленя [3],

и слѣдующія за ними — хороши ли будутъ, когда такія и 390.
подобныя дерзости частный человѣкъ словомъ или дѣломъ выражаетъ правителямъ?—Нехороши.—Вѣдь слушать ихъ юношамъ — съ разсудительностью-то, думаю, несообразно; а если онѣ доставляютъ какое-нибудь иное удовольствіе, то нѣтъ ничего удивительнаго. Или какъ тебѣ кажется? — Такъ, сказалъ онъ.—Что жъ? мудрѣйшаго человѣка заставлять говорить, что, по его мнѣнію, превосходнѣе всего, когда

полны трапезы
Яствъ отборныхъ и мясъ, и изъ чаши вино почерпая, B.
Носитъ его виночерпій и имъ наполняетъ стаканы — [4]:

говорить это годится ли, думаешь, для побужденія юноши къ воздержанію? Или слѣдующее:

Въ голодѣ смерть и жребій найти есть жалкое дѣло [5].

ности въ томъ и другомъ ея выраженіи будетъ понятно: разсудительность будетъ добродѣтель, прислушивающаяся къ внушеніямъ ума и, сообразно съ этими внушеніями, настрояющая дѣятельность природы чувственной. Подробнѣе и въ духѣ философіи Сократовой раскрывается эта добродѣтель въ Хармидѣ.

[1] *Hom*. Iliad. IV, 412.

[2] *Hom*. Iliad. III, 8. IV, 431. Здѣсь эти стихи соединены въ одинъ.

[3] *Hom*. Iliad. I, 225.

[4] *Hom*. Odyss. IX, 8.

[5] *Hom*. Odyss. XI, 342.

А прилично ли разсказывать, что Зевсъ, въ минуты сна, успокоившаго прочихъ боговъ и человѣковъ, одинъ бодр-
C. ствовалъ и, воспламененный пожеланіемъ любви, легко забылъ о всемъ, что прежде хотѣлъ разсказывать; будто онъ былъ такъ пораженъ взглядомъ Иры, что даже не согласился идти въ свою опочивальню, но рѣшился удовлетворить себѣ тутъ же, на землѣ, и сказалъ, что подобной страсти не чувствовалъ

И при первомъ любовномъ свиданіи съ нею [1]?

Да не слѣдуетъ говорить и о томъ, какъ Иѳестъ, по такой же причинѣ, оковалъ Арея и Афродиту [2].—Конечно, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; это, по моему мнѣнію, не годит-
D. ся.—Напротивъ, надобно видѣть и слышать то, продолжалъ я, что̀ люди, достойные похвалы, разсказываютъ и дѣлаютъ, по отношенію къ умѣренности во всемъ, напримѣръ:

Онъ въ грудь ударилъ себя и съ словомъ къ душѣ обратился:
Ну же, мужайся, душа, тебѣ вѣдь не новость—обиды [3]!

—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Конечно, не должно позво-
E. лять и того, чтобы наши люди были взяточниками [4].—Никакъ.—Стало-быть, ненадобно пѣть имъ, что

Дары преклоняютъ боговъ, преклоняютъ царей величайшихъ [5].

Ненадобно также хвалить и Ахиллесова дядьку Феникса, будто бы онъ справедливо совѣтовалъ своему питомцу помогать Ахейцамъ, если они принесутъ ему подарки, а безъ подарковъ не оставлять гнѣва [6]. Да мы и не допустимъ, и не согласимся, будто Ахиллесъ былъ столь корыстолюбивъ, что могъ взять подарки [7] отъ Агамемнона, или опять—выдать мерт-

---

[1] Здѣсь указывается *Hom*. Iliad. XIV, 291.

[2] *Hom*. Odyss. VIII, 266.

[3] *Hom*. Odyss. XX, 17.

[4] *Взяточниками* — *δωροδόκοι*. Этимъ словомъ означаются не тѣ только, которые берутъ взятки, но и тѣ, которые даютъ ихъ. Tim. Gloss. p. 68.

[5] *Свида* (T. I, p. 623), хваля этотъ стихъ, прибавляетъ: *οἱ μὲν Ἡσιόδειον οἴονται τὸν στίχον*. На смыслъ этого стиха мѣтитъ и *Еврипидъ* Med. V, 934: *πείθειν δῶρα καὶ θεοὺς λόγους*. *Ovid*. de art. am. III, v. 653. Munera, crede mihi, capiunt hominesque deosque: placatur donis Jupiter ipse datis.

[6] *Hom*. Iliad. IX, 435 sqq.

[7] *Hom*. Iliad. XIX, 278 sqq.

вое тѣло не иначе, какъ за выкупъ [1].—Хвалить такіе по- 391.
ступки, конечно, несправедливо, примолвилъ онъ. — Уважая
Омира, мнѣ не хотѣлось бы сказать, продолжалъ я, что по-
добныя-то вещи взносить на Ахиллеса и вѣрить разсказамъ
другихъ о томъ же самомъ,—даже неблагочестиво. Да вотъ
и опять, — будто бы онъ говоритъ Аполлону:

Ты повредилъ мнѣ, зловреднѣйшій между богами:
О! я отмстилъ бы тебѣ, лишь только бы силы достало [2];

или будто бы онъ не покорился рѣкѣ [3] — божеству, и го- B.
товъ былъ съ нею сражаться, даже будто бы другой рѣ-
кѣ—Сперхіасу, которой посвящены были его волосы, онъ
сказалъ:

Лучше бъ ихъ я велѣлъ отнести къ Патроклу герою,

тогда уже умершему: никакъ нельзя вѣрить, чтобы онъ
сдѣлалъ это. Равнымъ образомъ и того разсказа мы не
признаемъ справедливымъ, что онъ волочилъ Гектора [4] око-
ло Патрокловой могилы, убивалъ плѣнныхъ [5] и бросалъ ихъ
на костеръ; мы не позволимъ убѣждать нашихъ юношей,
что онъ, сынъ богини и Пелея, человѣка разсудительнѣй- C.
шаго и третьяго [6] по Зевсѣ, воспитанникъ мудрѣйшаго
Хирона, былъ до того преданъ безпорядочнымъ движеніямъ,
что питалъ въ себѣ двѣ взаимно-противуположныя болѣзни:
скупость съ корыстолюбіемъ и вмѣстѣ кичливость предъ
богами и людьми. — Ты говоришь справедливо, замѣтилъ
онъ.—Мы не повѣримъ никакъ и слѣдующему,—не позволимъ
разсказывать, продолжалъ я, будто Тезей [7], сынъ Посидо- D.

---

[1] *Hom.* Iliad. XXIV, 175 sqq.

[2] *Hom.* Iliad. XXII, 15 sqq.

[3] Рѣкѣ, разумѣется Ксанѳу. *Hom.* Iliad. XXIII, 151.

[4] *Hom.* Iliad, XXII, 394 sqq.

[5] *Hom.* Iliad. XXIII, 175 sqq.

[6] *Третьяго по Зевсѣ.* Пелей былъ сынъ Эака, слѣдовательно внукъ Зевса. *Hom.* Iliad. XXI, 188.

[7] Тезей обыкновенно почитается сыномъ Эгея; а почему нѣкоторые называютъ его сыномъ Посидона, — объясняетъ Плутархъ, Vit. Thes. c. VI. Способность Тезея и Пиритея воровать высказывается въ баснѣ о похищеніи Прозерпины. *Isocr.* Encom. Hel. p. 496. *Apollod.* II, 5. 12. *Diod. Sicul.* IV, p. 265. *Pro-*

на, и Пиритой [1], сынъ Зевса, вдавались въ столь страшное воровство; у насъ не осмѣлятся и какому-нибудь другому сыну бога, или герою, приписывать такіе ужасные и нечестивые поступки, какими теперь облыгаютъ ихъ. Мы заставимъ поэтовъ говорить, что либо эти дѣла — не ихъ, либо они — не дѣти боговъ, но не говорить того и другаго вмѣстѣ и не стараться убѣждать нашихъ юношей, что боги дѣлаютъ зло и что герои ничѣмъ не лучше людей; ибо
E. это, какъ и прежде было сказано [2], и неблагочестиво, и несправедливо. Вѣдь мы уже доказали, что происхожденіе зла отъ боговъ есть дѣло невозможное. — Какъ не доказали? — Притомъ, это и для слушателей-то вредно; потому что всякій злой человѣкъ будетъ извинять себя — въ той мысли, что то же самое дѣлаютъ и дѣлали кровные [3] богамъ и ближніе Зевса, которые

---

pert. II, 1. 37. Впрочемъ, какого именно трагика Платонъ имѣлъ въ виду, неизвѣстно.

[1] Пиритой, сынъ Иксіона, завидуя славѣ Тезея, вздумалъ испытать его мужество, и для того, угнавъ его стада, вооружилъ его противъ себя: увѣрившись же въ превосходныхъ его свойствахъ, вошелъ съ нимъ въ самую тѣсную дружбу и, при его помощи, побѣдилъ кентавровъ, которые хотѣли отнять у него жену Ипподаму. По смерти Ипподамы, Пиритой и Тезей условились жениться не иначе, какъ на дочеряхъ Зевса. Для этого Тезей, пользуясь помощію своего друга, похитилъ Елену, дочь Зевса и Леды: но другой дочери Зевсовой, кромѣ Прозерпины, жены Плутоновой, въ то время они не знали. Это заставило Тезея и Пиритоя отправиться въ преисподнюю, съ цѣлію похитить Прозерпину. Но попытка ихъ не удалась. Пиритой растерзанъ былъ Церберомъ, а Тезей закованъ въ цѣпи, пока не освободилъ его Ираклъ, нисходившій въ преисподнюю, по приказанію Евристея. Съ исторической точки зрѣнія, Прозерпина была дочь молосскаго царя Эдонея, котораго собака, называвшаяся церберомъ, растерзала Пиритоя. *Plut.* vit. Thes. *Ovid.* trist. I, 5. 19. Почему Пиритоя Платонъ называетъ сыномъ Зевса, ни изъ чего не видно. Впрочемъ извѣстно, что греческая миѳологія не затруднялась отпирать для этого олимпійца всѣ гинекеи.

[2] L. 2, p. 379.

[3] *Кровные богамъ и ближніе Зевса* — καὶ θεῶν ἀγχίσποροι, Ζηνὸς ἐγγύς. У древнихъ было убѣжденіе, что чѣмъ ближе кто къ божественному началу своего происхожденія, тѣмъ лучше тотъ и совершеннѣе; поэтому нетолько дѣтямъ боговъ, но и людямъ, когда время ихъ существованія своею давностію приближало ихъ къ богамъ, приписывали особенную мудрость и добродѣтель. Послѣ сего видно, почему Пріамъ (p. 388 B) называется ἐγγὺς θεῶν γεγονώς, или почему въ Тимеѣ (p. 32 A) говорится: πειστέον τοῖς ἔμπροσθεν εἰρηκόσιν, ἐκγόνοις

....Въ эѳирѣ, на вершинѣ Иды,
Поставили алтарь отечественному Зевсу.

И

Въ нихъ кровь боговъ еще не истощилась [1].

Посему надобно оставить подобныя сказанія, чтобы въ на- 392.
шихъ юношахъ они не возбудили сильной наклонности къ
злонравію. — Да, это очень хорошо, сказалъ онъ. —

Итакъ опредѣляя, какія рѣчи надобно говорить и какія
нѣтъ, что еще остается намъ сказать объ этомъ, спросилъ
я? Вѣдь въ отношеніи къ богамъ, духамъ, героямъ и суще-
ствамъ въ преисподней, качества рѣчи уже высказаны. —
Конечно.—Не слѣдовало ли бы наконецъ разсмотрѣть ихъ
въ отношеніи къ людямъ?—Явно.—Но это-то, другъ мой,
установить въ настоящее время намъ невозможно [2]. — По- B.
чему?—Потому что мы, думаю, будемъ утверждать, что и
поэты и повѣствователи худо разсказываютъ о людяхъ са-
мыя важныя вещи, будто многіе, хоть и несправедливы,
однакожъ наслаждаются счастіемъ, а справедливые бѣд-
ствуютъ, и будто быть несправедливымъ, если это утаивает-
ся, полезно, а справедливость — добро только чужое, для
насъ же она — вредъ [3]. Говорить все такое мы, конечно,
запретимъ, а прикажемъ и пѣть и разсказывать против-
ное тому. Или тебѣ не такъ кажется? — Да, это я очень

δὲ θεῶν οὔτιν. Въ умствованіяхъ и миѳологіи Грековъ издревле проявлялся взглядъ нѣсколько эманатическій, въ смыслѣ приведеннаго здѣсь Платономъ стиха: «въ нихъ кровь боговъ еще не истощилась.»

[1] Эти стихи взяты Платономъ, вѣроятно, изъ какого-нибудь трагика, только не буквально: Платонъ, кажется, переформовалъ ихъ по своему, что у него случается замѣчать нерѣдко. Относительно приведенныхъ здѣсь стиховъ, насъ убѣждаетъ авторитетъ Лукіана, у котораго первый изъ этихъ стиховъ приводится не въ такой формѣ, какъ у Платона. *Demosth.* Encom. c. 13. T. III, p. 501.

[2] О томъ, каковы должны быть рѣчи юношей въ отношеніи къ людямъ, теперь мы опредѣлить еще не можемъ, говоритъ Платонъ; потому что это тѣсно связано съ вопросомъ о справедливости, что такое она; а вопросъ о справедливости еще не рѣшенъ.

[3] Такъ учили о справедливости софисты. Здѣсь Сократъ намекаетъ на разсужденія Тразимаха объ этомъ предметѣ, изложенныя въ первой книгѣ (p. 336 A—344 C), гдѣ между прочимъ говорится (343 C): *ἀγνοεῖς, ὅτι ἡ μὲν δικαιοσύνη τε καὶ τὸ δίκαιον ἀλλότριον ἀγαθὸν τῷ ὄντι, τοῦ κρείττονός τε καὶ ἄρχοντος ξυμφέρον, οἰκεία δὲ τοῦ πειθομένου τε καὶ ὑπηρετοῦντος βλάβη.*

хорошо знаю, отвѣчалъ онъ. — Но если ты согласенъ, что я говорю справедливо, то можно сказать, что ты подтвердилъ всѣ прежнія наши изслѣдованія? — Вѣрно предпола-
C. гаешь, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, что по отношенію къ людямъ надобно говорить такія рѣчи, — это мы установимъ тогда, когда найдемъ, что̀ такое по своей природѣ справедливость и какую пользу доставляетъ она тому, кто ее имѣетъ; будетъ ли онъ казаться такимъ, или не будетъ.— Весьма справедливо, сказалъ онъ. —

Такъ этому разсужденію о рѣчахъ пусть теперь будетъ конецъ; далѣе мы должны еще, думаю, изслѣдовать способъ бесѣдованія [1], и тогда у насъ вполнѣ опредѣлится, что̀ и какъ надобно говорить.—Но этихъ-то словъ твоихъ
D. я уже не понимаю, сказалъ Адимантъ. — А вѣдь нужно же, примолвилъ я. Впрочемъ можетъ быть лучше поймешь такъ: все, разсказываемое баснословами и поэтами, не есть ли повѣствованіе либо о прошедшемъ, либо о будущемъ?—О чемъ же иначе, сказалъ онъ? — И не правда ли, что они выполняютъ это либо посредствомъ простаго разсказа, либо посредствомъ подражанія, либо тѣмъ и другимъ способомъ [2]?

---

[1] Доселѣ Сократъ говорилъ только о содержаніи рѣчей, какія прилично предлагать юношамъ, да и то лишь въ отношеніи къ богамъ, духамъ и героямъ; а теперь намѣренъ онъ разсмотрѣть, какова должна быть форма бесѣды съ юношами; ибо это именно выражается словомъ *τὸ λέξεως*, то-есть, *τὸ τῆς λέξεως πρᾶγμα*.

[2] Здѣсь Сократъ различаетъ три формы поэтическаго разсказа (*διηγήσεως*): поэтъ или разсказываетъ что-нибудь отъ себя, или заставляетъ говорить другія лица и въ такомъ случаѣ поддѣлывается подъ ихъ характеры, подъ ихъ образъ мыслей и выраженій, или оба эти способа смѣшиваетъ одинъ съ другимъ. Платонъ допускаетъ въ свое государство только первый родъ поэзіи; потому что этотъ родъ поставляетъ поэта въ предѣлы собственныхъ его обязанностей и не располагаетъ его, какъ прочіе роды, входить въ дѣла другихъ людей. Почти такъ же, только съ большею опредѣленностью, позднѣйшіе дѣлятъ всѣ произведенія поэзіи на эпическія, драматическія и лирическія. Удержаніе указываемаго Сократомъ смѣшаннаго рода очень нужно было бы для того, чтобы въ ряду поэтическихъ произведеній можно было дать мѣсто роману и вымышленной повѣсти. Впрочемъ Сократъ смѣшанность изложенія находилъ и въ Иліадѣ: чистый эпосъ есть изложеніе неосуществимое, какъ и Платоново Государство. Аристотель различаетъ тѣ же роды поэзіи (Poet. c. III, § 2), и отступаетъ отъ Платона

—И это, примолвилъ онъ, хотѣлось бы мнѣ понять яснѣе. — Видно же я кажусь тебѣ смѣшнымъ и темнымъ учителемъ, замѣтилъ я. Такъ подобно людямъ, неимѣющимъ дара слова, я возму не общее, а что-нибудь частное, и чрезъ E.
то постараюсь объяснить тебѣ, чего хочу. Скажи мнѣ: знаешь ли ты начало Иліады, гдѣ поэтъ разсказываетъ, какъ Хризисъ упрашиваетъ Агамемнона отпустить его дочь, какъ Агамемнонъ гнѣвается на него за это, и какъ тотъ, не 393.
получая просимаго, проклинаетъ Ахеянъ предъ лицомъ Бога? — Знаю. — Стало-быть, знаешь и то, что до слѣдующихъ стиховъ —

Умолялъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,

Паче же двухъ тѣхъ Атридовъ, строителей рати ахейской,

говоритъ самъ поэтъ: онъ не хочетъ, чтобы наша мысль отвлекалась кѣмъ-нибудь инымъ, будто бы говорилъ кто другой, кромѣ его. Но послѣ этихъ стиховъ начинается B.
рѣчь какбы самаго Хризиса, который старается живо увѣрить насъ, что тутъ надобно представлять говорящимъ не Омира, а жреца, — этого самого старца. Такъ составлены, почитай, и всѣ разсказы о событіяхъ и при Троѣ и на Итакѣ, и въ цѣлой Одиссеѣ.—Конечно, сказалъ онъ.— Что же? повѣствованіе не есть ли повѣствованіе и въ томъ случаѣ, когда Омиръ представляетъ непрерывно однѣ рѣчи, и въ томъ, когда между рѣчами онъ помѣщаетъ разсказъ?—Что же иначе?—Но какъ скоро онъ вводитъ чью- C.
нибудь рѣчь, какъ будто бы говоритъ кто другой, то не скажемъ ли мы, что онъ ближайшимъ образомъ поддѣлывается подъ бесѣдованіе каждаго изъ тѣхъ лицъ, которое представляетъ говорящимъ?—Скажемъ; какъ не сказать?—А поддѣлываться подъ другаго, либо голосомъ, либо видомъ, не значитъ ли подражать тому, подъ кого поддѣлываешься?—

только въ томъ, что подражательность почитаетъ не частнымъ признакомъ одной драмы, а общею чертою всѣхъ поэтическихъ произведеній. *'Εποποία δή*, говоритъ (Poet. c. I), *καὶ ἡ τῆς τραγῳδίας ποίησις, ἔτι δὲ ἡ κωμῳδία καὶ ἡ διθυραμβοποιητικὴ καὶ τῆς αὐλητικῆς ἡ πλεῖστη καὶ κιθαριστικῆς πᾶσαι τύγχάνουσι οὖσαι μιμήσεις τὸ συνόλον*. *Herman.* ad Arist. Poet. p. 84.

Какже? — Такъ вотъ такимъ-то, вѣроятно, образомъ и прочіе составляютъ повѣсти чрезъ подражаніе.—Конечно.— Если же поэтъ нигдѣ не скрываетъ себя; то вся его поэ-
D. ма, все его повѣствованіе идетъ безъ подражанія. А чтобы ты не повторилъ, будто опять не понимаешь, я покажу, какъ это бываетъ. Пусть Омиръ, сказавъ, что пришелъ Хризисъ, принесъ выкупъ за дочь и проситъ Ахеянъ, особенно же царей ихъ, вслѣдъ за тѣмъ говорилъ бы не какъ Хризисъ, а какъ самъ Омиръ:—знай, что его разсказъ былъ бы тогда не подражаніемъ, а простою повѣстью, напримѣръ, почти такою (буду говорить рѣчью
E. неизмѣренною, потому что я не поэтъ): Пришелъ жрецъ и молилъ, чтобы Ахеяне, при помощи боговъ, взяли Трою и возвратились здравыми, а ему, принявъ выкупъ и боясь Бога, отдали дочь. Выслушавъ эти слова, прочіе уважили его просьбу и обнаружили согласіе; а Агамемнонъ разгнѣвался и приказалъ ему немедленно идти назадъ и не возвращаться болѣе; иначе для спасенія себя недостаточно будетъ ему ни скиптра, ни вѣнка Аполлонова. Прежде чѣмъ отпущу твою дочь, сказалъ онъ, она состарѣется со мною въ Аргосѣ. Итакъ Агамемнонъ повелѣлъ ему, не раздражая царя, уда-
394. литься, чтобы придти домой въ добромъ здоровьѣ. Выслушавъ это, старецъ испугался и удалился молча. Но вышедши изъ лагеря, онъ долго молился Аполлону и, повторяя въ памяти имена бога, вопрошалъ его: принесъ ли онъ ему когда что благоугодное, либо созидая храмы, либо закалая священныя жертвы? — если принесъ, то ради сего да поклянется онъ, за эти слезы, отмстить Ахеянамъ своими
B. стрѣлами. Вотъ, другъ мой, какова бываетъ простая повѣсть, безъ подражанія. — Понимаю, сказалъ онъ. — Такъ пойми же и то, продолжалъ я, что бываетъ опять и противуположная ей, когда кто исключаетъ слова самого поэта, вставленныя между рѣчами, и дѣлаетъ разсказъ обоюднымъ. — И это понимаю, сказалъ онъ; такой разсказъ бываетъ въ трагедіи.—Очень вѣрно полагаешь, замѣтилъ

я; теперь могу открыть тебѣ и то, чего прежде не могъ, а именно, — что поэтическіе и баснословные разсказы составляются иногда всецѣло чрезъ подражаніе, каковы, какъ C.
ты говоришь, трагедія и комедія, иногда чрезъ повѣствованіе самого поэта, что особенно найдешь въ диѳирамвахъ, а иногда — тѣмъ и другимъ способомъ, какъ это бываетъ въ поэмахъ и во многихъ иныхъ сочиненіяхъ, если ты понимаешь меня. — Да, понимаю, что̀ тогда хотѣлъ ты сказать, примолвилъ онъ. — Вспомни же, что̀ мы говорили предъ этимъ-то: такъ вотъ явно, сказали мы тогда, какіе должны быть у насъ предметы рѣчей; теперь слѣдуетъ разсмотрѣть, какъ объ этихъ предметахъ надобно бесѣдовать. — Да, помню. — Знай же, что цѣлію моихъ словъ D.
было именно это: намъ нужно условиться, — позволять ли у насъ поэтамъ составлять повѣсти чрезъ подражаніе, или частію чрезъ подражаніе, частію нѣтъ, и каковъ долженъ быть тотъ и другой способъ; или подражанія вовсе не позволять. — Я догадываюсь, замѣтилъ онъ: ты изслѣдываешь, принять ли въ наше общество трагедію и комедію, или не принимать. — Можетъ быть, еще и болѣе этого, сказалъ я: самъ не знаю: куда слово, какъ духъ, поведетъ насъ, туда и пойдемъ. — Да и хорошо-таки, примолвилъ онъ. — Со- E.
образи-ка, Адимантъ, вотъ что: стражи должны ли быть у насъ подражателями, или не должны? Впрочемъ и изъ прежняго слѣдуетъ, что всякій можетъ хорошо исполнять одну должность, а не многія; если же и беретъ на себя это, то, хватаясь за многое, ни въ чемъ не успѣетъ столько, чтобы заслужить одобреніе. — Какъ не слѣдуетъ? — Но не то же ли и о подражаніи? то-есть, въ состояніи ли кто-нибудь хорошо подражать многому, какъ одному? — Конеч- 395.
но нѣтъ. — Стало-быть, приступая къ достойнымъ вниманія дѣламъ, едва ли кто исполнитъ въ нихъ все, и подражая многому, едва ли сдѣлается подражателемъ, когда одни и тѣ же люди не въ состояніи хорошо подражать даже двумъ вмѣстѣ, повидимому, близкимъ родамъ подражанія,

то-есть сочинить комедію и трагедію [1]. Или ты не назвалъ ихъ подражаніями?—Назвалъ, и твое мнѣніе справедливо, что одни и тѣ же люди не могутъ дѣлать этого. — Вѣдь и рапсодисты-то не могутъ быть вмѣстѣ актерами.—Прав-
B. да. — У трагиковъ и комиковъ даже и актеры не тѣ же самые, и все это—подражаніе. Или нѣтъ?—Подражаніе.— Да что еще, Адимантъ:—мнѣ кажется, будто человѣческая природа разсѣчена на малѣйшія части [2]; такъ что хорошо подражать многому и обращаться съ предметами, по отношенію къ которымъ подражанія суть подобія, она не въ состояніи.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Итакъ, если мы хотимъ удержать прежнюю свою мысль, то стра-
C. жи у насъ, оставивъ всѣ другія искуства, обязаны быть тщательнѣйшими художниками общественной свободы; имъ не слѣдуетъ заниматься чѣмъ-либо, что не ведетъ къ этому; ничего-таки иного не должны они дѣлать и ничему иному не должны подражать. Когда же и будутъ, то ихъ подражаніе должно начинаться съ самаго дѣтства и быть приспособленнымъ къ ихъ обязанностямъ, чтобы, то-есть, сдѣлать ихъ мужественными, разсудительными, благочестивыми, свободными и тому подобное: а что не свободно или какъ иначе постыдно, то да будетъ чуждо ихъ дѣятельности и подражанія; ибо въ противномъ случаѣ подражаніе
D. вещи познакомитъ ихъ съ самою вещію [3]. Или ты не зна-

---

[1] Повидимому, противное этому утверждаетъ Сократъ въ Симпосіонѣ (p. 223 D), гдѣ, смѣясь надъ Агатономъ, онъ говоритъ: *του αὐτοῦ ἀνδρὸς εἶναι κωμῳδίαν καὶ τραγῳδίαν ἐπίστασθαι ποιεῖν.*

[2] Говорится о малѣйшихъ и мельчайшихъ разницахъ между способностями, которыми одинъ человѣкъ отличается отъ другаго, и которыя потому остаются предметомъ, ни для кого неподражаемымъ, или точнѣе, — такимъ, какого никто въ полномъ совершенствѣ, чрезъ подражаніе, выразить не можетъ.

[3] По-гречески: *ἵνα μὴ ἐκ τῆς μιμήσεως τοῦ εἶναι ἀπολαύσωσιν*, иначе отъ подражанія они перейдутъ къ бытію, то-есть примутъ свойства тѣхъ вещей, которымъ подражали. Повѣркою этой мысли можетъ служить общество людей, въ которомъ человѣкъ постоянно вращается. Обращаясь съ тѣми или другими людьми, онъ начинаетъ подражаніемъ ихъ языку, обычаямъ, наклонностямъ и проч.; а оканчиваетъ тѣмъ, что самъ становится однимъ изъ членовъ избраннаго имъ общества.

ешь, что бывъ повторяемо съ юности, оно переходитъ въ нравъ и природу, отпечатлѣвается и въ тѣлѣ, и въ голосѣ, и въ умѣ. — И очень, сказалъ онъ. — Такъ не позволимъ, продолжалъ я, чтобы люди, о которыхъ мы заботимся и которые должны быть добрыми, — чтобы эти люди, будучи мужчинами, подражали женщинѣ — молодой или престарѣлой, ссорящейся съ мужемъ или ропщущей на боговъ и величающейся, почитающей себя счастливою или бѣдствующею, скорбящею, жалкою. Не наше дѣло, что E.
она страдаетъ, любитъ, или болѣзнуетъ родами. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—И то—не наше, что служанки и слуги совершаютъ дѣла, приличныя слугамъ. — И это. — И то, что дурные люди, по обыкновенію, бываютъ малодушны и дѣлаютъ противное тому, о чемъ мы говорили, то-есть злословятъ и осмѣиваютъ другъ друга, ведутъ постыдный разговоръ въ пьяномъ и даже въ трезвомъ видѣ, или грѣшатъ какъ иначе словомъ и дѣломъ противъ себя 396.
и другихъ людей. Я думаю, что стражи не должны даже привыкать ни къ словесному ни къ дѣятельному представленію бѣшеныхъ. Нужно, безъ сомнѣнія, узнавать бѣшеныхъ и лукавыхъ людей — мужчинъ и женщинъ: но совершать ихъ дѣла и подражать имъ не нужно. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Ну, а кузнецамъ и прочимъ мастеровымъ, перевощикамъ на весельныхъ суднахъ и начальникамъ ихъ, либо другимъ въ этомъ родѣ людямъ нуж- B.
но ли подражать? спросилъ я.—Да какъ же будутъ подражать тѣ, отвѣчалъ онъ, которымъ и вниманіе-то обращать на все такое не позволяется?—Ну, а ржанію лошадей, мычанію быковъ, шуму рѣкъ, реву морей, грому и всему подобному будутъ ли они подражать? — Но вѣдь имъ запрещено и приходить въ бѣшенство и подражать бѣшеному, сказалъ онъ.—

Стало-быть, сколько я понимаю тебя, бываетъ и такой родъ рѣчи, либо повѣствованія, въ которомъ можетъ повѣствовать человѣкъ истинно добрый и честный, когда C.

находитъ нужнымъ что-нибудь высказать; бываетъ опять и такой, который нисколько не походитъ на этотъ и котораго въ повѣствованіи всегда держится человѣкъ, по природѣ и воспитанію, противуположный первому [1]. — Какіе же это роды? спросилъ онъ. — Мнѣ кажется, продолжалъ я, что человѣкъ мѣрный, приступая въ своей повѣсти къ изложенію рѣчей или дѣйствій мужа добраго, захочетъ изобразить его такимъ, каковъ онъ самъ, и не будетъ сты-
D. диться этого подражанія — ни тогда, когда доброму, дѣйствующему осмотрительно и благоразумно, подражаетъ во многомъ, ни тогда, когда его подражаніе доброму, страдающему либо отъ болѣзней, либо отъ любви, либо отъ пьянства, либо отъ какого-нибудь другаго несчастія, бываетъ невелико и ограничивается немногимъ. Но еслибы онъ встрѣтился съ человѣкомъ недостойнымъ себя, то не шутя, конечно, не согласился бы уподобиться худшему,— развѣ на минуту, когда бы этотъ худшій сдѣлалъ что
E. хорошее: ему было бы стыдно, что онъ долженъ отпечатлѣть въ себѣ и выставить типы негодяевъ, которыхъ мысленно презираетъ; а когда бы это и случилось, то развѣ для шутки. — Вѣроятно, сказалъ онъ. — Итакъ въ повѣсти не воспользуется ли онъ тѣми замѣчаніями, которыя мы недавно сдѣлали, разсматривая пѣснопѣнія Омира? и хотя его рѣчь не будетъ чуждаться того и другаго способа, то-есть, и подражанія, и разсказа въ иномъ видѣ; однакожъ подражаніе не войдетъ ли только въ малѣйшую часть длинной его рѣчи? Или я говорю пустяки? — Ты говоришь дѣльно, если въ самомъ дѣлѣ необходимъ
397. типъ такого ритора. — А кто не таковъ, продолжалъ я, тотъ чѣмъ хуже, тѣмъ болѣе будетъ разсказывать о всемъ

[1] Изгоняя изъ своего государства поэзію подражательную или драматическую, Платонъ одобряетъ однакожъ расположеніе поэта подражать нравамъ добрымъ. А такъ какъ въ людяхъ меньше добраго, чѣмъ худаго, то писатель хорошій будетъ больше разсказывать, чѣмъ подражать, а худой—больше подражать, чѣмъ разсказывать. Отсюда у Платона два вида изложенія рѣчей, характеризующихся чрезъ противуположеніе ихъ одного другому.

и не признаетъ ничего недостойнымъ себя, такъ что рѣшится не шутя и предъ многими подражать всему, то-есть, какъ сказано выше, и грому, и шуму вѣтровъ, града, веретенъ, колесъ, трубъ, флейтъ, свирѣлей, и тонамъ всѣхъ инструментовъ, и даже звукамъ собакъ, овецъ и птицъ. Стало-быть, вся его рѣчь, составленная изъ подражанія голосамъ и образамъ, не будетъ ли заключать въ B. себѣ весьма мало разсказа? — Это тоже необходимо, отвѣчалъ онъ.—Такъ вотъ что я разумѣлъ, говоря о двухъ родахъ изложенія. — Да, они дѣйствительно таковы, сказалъ онъ.—Но одинъ изъ нихъ не малымъ ли подверженъ измѣненіямъ? и кто сообщаетъ рѣчи надлежащую гармонію и риѳмъ, тому, чтобы говорить справедливо, не приходится ли выражаться всегда почти однимъ и тѣмъ же способомъ, одною и тою же гармоніею — (ибо измѣненія здѣсь невелики)—да и риѳмомъ-то приблизительно также одина- C. ковымъ [1]? — Въ самомъ дѣлѣ, такъ бываетъ, сказалъ онъ. —Что жъ? а родъ рѣчи, свойственный другому, не требуетъ ли противнаго, то-есть всякихъ гармоній и всякихъ риѳмовъ, если говорить опять, какъ слѣдуетъ? Вѣдь формы измѣненій въ немъ весьма различны?—Это-то и очень несомнѣнно.—Такъ не всѣ ли поэты и говорящіе что-нибудь употребляютъ либо тотъ типъ рѣчи, либо этотъ, либо смѣшанный изъ того и другаго? — Необходимо, отвѣчалъ D. онъ. — Что же мы сдѣлаемъ? спросилъ я: всѣ ли эти типы примемъ въ свой городъ, или который-нибудь одинъ изъ несмѣшанныхъ, или смѣшанный? — Если нужно мое

[1] Здѣсь разумѣетъ Платонъ форму рѣчи повѣствовательную, чуждую подражанія. Она проста, неразнообразна, и чѣмъ чище и возвышеннѣе изображаемое ею добро, тѣмъ менѣе въ ней измѣняемости. При описаніи добра, поэтъ не расчитываетъ на эффектъ, потому что эффекты поражаютъ только чувственность и вызываютъ человѣка изъ области духа въ міръ скоропреходящихъ явленій. Кто изображаетъ добро въ чистотѣ его природы, тотъ увлекаетъ душу истинною и постоянною его красотою, а не модуляціями видимыхъ образовъ. Съ этой точки зрѣнія можно объяснять различіе между поэзіею и музыкою религіозною и мірскою, и правильно судить, когда и отчего первая изъ нихъ можетъ унижать свое достоинство.

мнѣніе, сказалъ онъ, то примемъ несмѣшаннаго подражателя [1] честному. — Однакожъ, Адимантъ, пріятенъ вѣдь и смѣшанный; но дѣтямъ, воспитателямъ и большой толпѣ народа гораздо пріятнѣе противный [2] тому, который
E. ты избираешь. — Да, весьма пріятенъ. — Но ты, можетъ быть, скажешь, что онъ не гармонируетъ съ нашимъ политическимъ обществомъ, поколику, то-есть, у насъ человѣкъ не двоится и не развлекается многими дѣлами, а дѣлаетъ каждый одно. — Безъ сомнѣнія, не гармонируетъ. — Значитъ, это общество будетъ имѣть въ кожевникѣ только кожевника, а не кормчаго сверхъ кожевническаго мастерства, въ земледѣльцѣ — только земледѣльца, а не судью сверхъ земледѣльческихъ занятій, въ военномъ человѣкѣ — только военнаго, а не ростовщика сверхъ военнаго искуства, и всѣхъ такимъ же образомъ? — Справедливо, ска-
398. залъ онъ. — А кто, повидимому, стяжавъ мудрость быть многоразличнымъ и подражать всему, придетъ съ своими твореніями, и будетъ стараться показать ихъ; тому мы поклонимся, какъ мужу дивному и пріятному, и сказавъ, что подобнаго человѣка въ нашемъ городѣ нѣтъ и быть не должно, помажемъ его голову благовоніями, увѣнчаемъ овечьею шерстью и вышлемъ его въ другой городъ [3]; са-

---

[1] Того подражателя, который описанъ выше — p. 396 C. D. E.

[2] Противнымъ избираемому почитается здѣсь тотъ, который описанъ выше, p. 397 A. Смѣшаннымъ, *κεκραμένος*, называется онъ въ томъ смыслѣ, что, составляясь большею частію изъ подражаній, принимаетъ множество различныхъ формъ.

[3] Это прекрасное мѣсто въ Платоновомъ Государствѣ всѣ критики достойно превозносили, но немногіе изъ нихъ правильно понимали его. Одни въ словахъ: *μύρον καταχέοντες*, *помажемъ голову* и д., видѣли обидную насмѣшку Платона; другимъ эта насмѣшка казалась тѣмъ обиднѣе и несправедливѣе, что они относили ее къ Омиру, такъ какъ въ его поэмахъ — вездѣ подражательность, всѣ лица вводятся говорящими сами отъ себя и за себя. *Діонисій Галикарн.* (Ep. dc Plat. T. VI, p. 756, ed. Reisk) говоритъ: «Платонъ, при многихъ достоинствахъ своей природы, былъ весьма самолюбивъ. Это выразилъ онъ особенно своею завистію Омиру, котораго, увѣнчавъ и помазавъ благовоніями, выслалъ изъ устрояемаго имъ государства.» Подобно этому утверждали: *Іосифъ* (c. Apion. II, § 36), *Минуцій Феликсъ* (Octav. c. 22), *Максимъ Тирскій* (Diss. 23, T. I, p. 446. Diss. 24, p. 463). А нѣкоторые при этомъ, принимая въ соображеніе древній обычай жен-

ми же, ради пользы, обратимся къ поэту и баснослову болѣе суровому и не столь пріятному, который у насъ будетъ подражать рѣчи человѣка честнаго и говорить сообразно типамъ, постановленнымъ нами въ началѣ, когда мы приступили къ образованію воиновъ. — Конечно такъ сдѣлаемъ, примолвилъ онъ, лишь бы это было въ нашей волѣ. — Итакъ, музыка рѣчей [1] и разсказовъ теперь у насъ, другъ мой, должна быть окончательно опредѣлена, сказалъ я; ибо показано, что̀ и какъ надобно говорить. — Мнѣ и самому кажется, примолвилъ онъ. — B.

Не остается ли намъ послѣ этого разсмотрѣть еще образъ пѣсни и мелодій [2]? спросилъ я. — Разумѣется. — Но не видно ли уже всѣмъ, что̀ должны мы сказать объ ихъ качествахъ, если хотимъ быть согласны съ прежними положеніями? — Тутъ Главконъ улыбнулся и возразилъ: должно быть, я не принадлежу къ числу всѣхъ, Сократъ; потому что въ настоящую минуту не могу достаточно сообразить, о чемъ C.

щинъ, при извѣстномъ случаѣ, намащать ласточку и выпускать ее на волю, находили, будто Платонъ намащалъ Омира въ смыслѣ этого самаго обычая. Ѳеодоритъ (Gr. Aff. Cur. Serm. II, p. 22, ed. Sylb.) говоритъ: «превосходнѣйшій изъ философовъ, помазавъ Омира благовоніемъ, какъ женщины помазываютъ ласточекъ, выслалъ его изъ устрояемаго имъ города, потому что видѣлъ въ немъ учителя разврата и нечестія.» Иронію въ этихъ словахъ Платона предполагаетъ даже и Астъ. Но обращая вниманіе на предъидущія слова: προσκυνοῖμεν ἂν αὐτὸν ὡς ἱερὸν καὶ θαυμαστὸν καὶ ἡδύν, я думаю, что, во-первыхъ, эти слова Платона скорѣе можно относить къ трагикамъ, чѣмъ къ Омиру, во-вторыхъ, всего приличнѣе принимать ихъ въ собственномъ смыслѣ, а не въ ироническомъ. Платонъ въ самомъ дѣлѣ высоко цѣнитъ даръ поэта-подражателя, какъ человѣка божественнаго, и по искреннему убѣжденію возлагаетъ на него вѣнокъ и намащаетъ его; но развиваемая имъ идея государства, при всемъ томъ, не позволяла ему принять его въ свой городъ. Такъ объясняетъ это мѣсто и *Проклъ* (in Plat. Polit. p. 360). А схоліастъ говоритъ: μύρον καταχέειν ἐν τοῖς ἁγιωτάτοις ἱεροῖς ἀγαλμάτων θέμις ἦν· ἐρίῳ δὲ στέφειν, καὶ τοῦτο κατὰ ἱερατικὸν νόμον, ὡς ὁ μέγας Πρόκλος φησιν.

[1] *Музыка рѣчей*, то-есть гармонія содержанія и выраженія въ произведеніяхъ, предназначаемыхъ для чтенія воспитывающемуся юношеству.

[2] По разсмотрѣніи содержанія рѣчей, опредѣливъ, какова должна быть форма или изложеніе ихъ, Платонъ переходитъ къ самому выраженію или ритму тѣхъ сочиненій, которыя прилично и полезно слушать и читать юношамъ, имѣющимъ быть стражами созидаемаго города. Слѣдовательно онъ беретъ теперь во вниманіе музыкальность или музыкальную сторону рѣчи.

надобно бесѣдовать, а только догадываюсь. — Непремѣнно принадлежишь, замѣтилъ я, ибо, во-первыхъ, достаточно
D. понимаешь, что мелодія слагается изъ трехъ частей: изъ словъ, гармоніи и ривма.—Это-то такъ, отвѣчалъ онъ. — Но со стороны словъ, она, конечно, ничѣмъ не отличается отъ рѣчи невоспѣваемой, такъ какъ ея слова должны быть сообразны тѣмъ и такимъ типамъ [1], о которыхъ мы говорили прежде? — Правда, сказалъ онъ. — А гармонія-то и ривмъ будутъ слѣдовать словамъ.—Какъ же иначе?—Между тѣмъ въ рѣчахъ, сказали мы, не нужно ничего плаксиваго и печальнаго.—Конечно не нужно.—Какія же бываютъ
E. гармоніи плаксивыя [2]? Скажи мнѣ; ты вѣдь музыкантъ.— Смѣшанно-лидійская [3], мольно-лидійская и нѣкоторыя другія, отвѣчалъ онъ. — Стало-быть, ихъ надобно исключить, сказалъ я; потому что онѣ не полезны даже и женщинамъ,

---

[1] Упоминая о типахъ, Платонъ разумѣетъ содержаніе рѣчей, или тѣ характеры ихъ, о которыхъ говорилъ онъ прежде—р. 377 А—383 С. Тѣмъ типамъ должны соотвѣтствовать и самыя слова. Такимъ образомъ ученіе о выраженіи рѣчей поставляется въ тѣснѣйшую связь съ содержаніемъ ихъ именно посредствомъ словъ. Поэтому, не смотря на тройство условій мелодіи, слова у Платона остаются въ этомъ мѣстѣ безъ разсмотрѣнія, и дѣлается переходъ прямо къ опредѣленію гармоніи и ривма, различіе между которыми онъ ясно показываетъ въ своемъ разговорѣ о законахъ (p. 665 A), гдѣ говоритъ, что «порядокъ движенія называется *ривмомъ;* а настроеніе голоса, поколику онъ слагается изъ звуковъ высокихъ и низкихъ, носитъ имя *гармоніи*». Сравн. Phileb. p. 17 D.

[2] О различіи, силѣ и характерѣ тоновъ въ греческой музыкѣ писали *Гераклидъ понтійскій* (у Атенея XIV, p. 624 D), *Аристотель* (Polit. VIII, 5, p. 327 sq., ed. Schneid.), *Бэккъ* (de metris Pindari T. I, P. II, p. 238 sqq.). На русскомъ языкѣ очень хорошо описываетъ законы и, исторію музыки вообще *Гессъ де-Кальве* въ «Теоріи музыки».

[3] *Смѣшанно-лидійская* — *μιξολυδιστί*. О гармоніи смѣшанно-лидійской упоминаетъ *Аристоксенъ* у Плутарха (de Musica p. 1136 D). «Гамма смѣшанно-лидійская, говоритъ онъ, имѣетъ характеръ патетическій, свойственный трагедіи.» По словамъ Аристоксена, изобрѣтательницею ея была Сафо, у которой потомъ переняли ее трагики. Аристотель (l. c.) говоритъ, что эта гамма, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, отличалась плаксивостію и твердостію. Кромѣ ея, Атеней упоминаетъ о двухъ другихъ: *τὴν οὖν ἀγωγὴν τῆς μελωδίας, ἣν οἱ Δωριεῖς ἐποιοῦντο, Δώριον ἐκάλουν ἁρμονίαν· ἐκάλουν δὲ καὶ Αἰολίδα ἁρμονίαν ἣν Αἰολεῖς ᾖδον*. А Штаффордъ насчитываетъ пять наклоненій или характеровъ греческой музыки: характеръ дорическій, лидійскій, фригійскій, іонійскій и эолійскій. Дорическій былъ самый твердый, фригійскій занималъ средину, а лидійскій былъ самый острый. Два другія наклоненія занимали интервалы между ними: іонійское стояло между,

которыя должны быть скромными, нетолько мужчинамъ. —Конечно.—Что же касается до упоенія, нѣги и разслабленія, то стражамъ это весьма несвойственно. — Какъ же иначе?—А какія бываютъ гармоніи разнѣживающія и пиршественныя (*συμποτικαί*)?—Іонійская и лидійская, извѣстныя подъ именемъ разслабляющихъ, отвѣчалъ онъ.—Такъ при- 399.
способишь ли ты ихъ, другъ мой, къ людямъ военнымъ? —Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ; тебѣ остаются, должно быть, только дорійская и фригійская [1].—Гармоній не знаю, примолвилъ я: оставь мнѣ ту, которая могла бы живо подражать голосу и напѣвамъ человѣка мужественнаго среди военныхъ подвиговъ и всякой напряженной дѣятельности, человѣка, испытавшаго неудачу, либо идущаго на раны и смерть, или впавшаго въ какое иное несчастіе, и во всѣхъ этихъ случаяхъ стройно и настойчиво защищающаго свою B.
судьбу. Оставь мнѣ и другую, которая бы, опять, подражала человѣку среди мирной и не напряженной, а произвольной его дѣятельности, когда онъ убѣждаетъ и проситъ — либо Бога, посредствомъ молитвы, либо человѣка, посредствомъ

дорическимъ и фригійскимъ; а эолійское — между фригійскимъ и лидійскимъ. Дорическое наклоненіе имѣло характеръ важный и пылкій; эолійское — величественный; іоническое — строгій и грубый; а лидійское — пріятный и игривый. *Штафф.* Исторія музыки, стр. 142 сл.

[1] Объ этомъ мнѣніи Платона упоминаютъ *Аристотель* (de Rep. XIII, c. 7), *Аристидъ Квинтиліанъ* (I, p. 22), *Плутархъ* (de Music. p. 1136 E). Аристотель порицаетъ Платона, что онъ отвергъ *τὰς ἀνειμένας ἁρμονίας* и допустилъ въ свое государство только фригійскій характеръ гармоніи. Но это порицаніе, по справедливости, обращается въ вину не Платону, а самому Аристотелю. Первый, конечно, имѣлъ причины терпѣть въ своемъ городѣ только тѣ роды музыки, которые въ военное время могли возбуждать стражей къ мужеству и великодушію, а во время мира помогать разсудительности и умѣренности; прочіе же, служащіе къ возбужденію страстей и страстныхъ пожеланій, изгонялъ изъ устрояемаго имъ общества. Изъ двухъ, допускаемыхъ Платономъ, родовъ музыки, — фригійской и дорійской, первая способна была къ возбужденію энтузіазма и годилась на войнѣ, а послѣдняя успокоивала душу, настроивала ее на тонъ серьезный и потому полезна была во время мира. *Proclus* ap. Schol. ad h. l.: *τὴν μὲν Δώριον ἁρμονίαν εἰς παιδείαν ἐξαρκεῖν ὡς καταστηματικήν, τὴν δὲ Φρύγιαν εἰς ἱερὰ καὶ ἐνθεασμοὺς ὡς ἐκστατικήν.* Сравн. *Boeckh.* p. 289. Поэтому у Платона нерѣдко встрѣчается мысль, что тотъ живетъ хорошо, кто живетъ *δωριστί.* Lach. p. 188 D. 195 D. Epistol. VII, p. 336 D.

наставленія и увѣщанія, — когда бываетъ внимателенъ къ прошенію, наставленію и убѣжденіямъ другаго и свою внимательность, по силѣ разумѣнія, оправдываетъ дѣломъ,
C. когда онъ не кичится, но во всемъ этомъ поступаетъ разсудительно и мѣрно и довольствуется случайностями. Эти-то двѣ гармоніи—напряженности и произвола, людей несчастныхъ и счастливыхъ, разсудительныхъ и мужественныхъ,—эти двѣ оставь мнѣ гармоніи, наилучшимъ образомъ подражающія голосу.—Но ты приказываешь оставить именно тѣ, сказалъ онъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ.—Слѣдственно многострунность-то и всегармоничность въ пѣсняхъ и мелодіяхъ намъ не понадобятся, продолжалъ я.—Мнѣ кажется, нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Поэтому мы не будемъ содержать тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ тригоны, пиктиды и всѣ
D. многострунные и многогармоничные инструменты [1]?— Кажется, не будемъ.—Ну, а дѣлателей флейтъ и флейщиковъ примешь ли ты въ городъ? вѣдь вся эта многострунность и всегармоничность не есть ли подражаніе флейтѣ [2]?—Явно, сказалъ онъ.—Значитъ, для пользы города, тебѣ оста-

---

[1] *Тригонъ* былъ музыкальный инструментъ (треугольникъ), введенный въ употребленіе, вѣроятно, незадолго до временъ Платона; потому что исторія древнѣйшей музыкальной инструментовки о немъ не упоминаетъ. *Пиктида* — двадцатиструнный инструментъ, на которомъ играли пальцами. Изобрѣтателемъ ея былъ, кажется, Тимоѳей, передѣлавшій семиструнную Орфееву лиру въ двадцатиструнную и образовавшій хроматическую гамму, за что изгнанъ былъ изъ Спарты, какъ нововводитель и извратитель прежней простой музыки. *Штаффъ*. Истор. муз. стр. 141.

[2] Изгоняя изъ своего государства всѣ музыкальные инструменты, снабженные излишнимъ количествомъ струнъ, до крайности оразноображивавшіе гармонію, и чрезъ то вселявшіе въ душу женоподобіе и нѣгу страстей, Платонъ не пощадилъ и флейты, которой, еще прежде его, не любилъ и Пиѳагоръ. По словамъ Ямблиха (Vit. Pythag. c. 25, p. 93), этотъ философъ *τοὺς αὐλοὺς ὑπελάμβανεν ὑβριστικόν τε καὶ πανηγυρικὸν καὶ οὐδαμῶς ἐλευθέριον τὸν ἦχον ἔχειν*, и потому совѣтовалъ своимъ ученикамъ *αὐλοῦ μὲν αἰσθομένοις ἀκοήν, ὡς πνεύματι μιανθεῖσαν, ἀποκλίζεσθαι, πρὸς δὲ τὸ λύριον ἐνιαυσίοις μέλεσι τὰς τῆς ψυχῆς ἀλόγους ὁρμὰς ἀποκαθαίρεσθαι*. Впрочемъ устройство флейтъ было различно. См. Athenaei libr. IV, c. 80, p. 177. Первое изобрѣтеніе ея приписываютъ женѣ Кадма, Гармоніи; а Марсіасъ, современникъ Аполлона, изобрѣлъ двойную флейту. Этотъ инструментъ у Грековъ былъ любимымъ и, по ихъ мнѣнію, имѣлъ способность возбуждать страсти въ высшей степени. Флейты стоили очень дорого; говорятъ, что Исме-

ются лира и цитра, примолвилъ я; а пастухи въ полѣ будутъ употреблять свирѣль. — Наше разсужденіе приводитъ насъ именно къ этому, сказалъ онъ.—Такъ мы не дѣлаемъ E.
ничего новаго, другъ мой, продолжалъ я, когда Аполлона и инструменты Аполлоновы предпочитаемъ Марсіасу и инструментамъ Марсіаса [1].—Да, ради Зевса, отвѣчалъ онъ, мнѣ кажется, ничего.—Вотъ же, клянусь собакою, сказалъ я, мы и не замѣтили, какъ очистили городъ, который прежде назвали роскошествующимъ.—Да вѣдь мы люди-то разсудительные, примолвилъ онъ. — Пусть, сказалъ я; но очистимъ и прочее. Вѣдь послѣ гармоній-то у насъ должна быть рѣчь о размѣрахъ, чтобы, то-есть, намъ не гоняться за размѣрами различными и движеніями (βάσις) разнообразными [2], а узнать, которыя изъ нихъ приличны жизни добропорядочной и мужественной, и чтобы, узнавъ ихъ, за- 400.
ставить принаровлять стопу и мелодію къ извѣстнымъ словамъ, а не слова къ стопѣ и мелодіи. Итакъ — твое дѣло сказать, какіе бываютъ размѣры, какъ прежде сказалъ ты о гармоніяхъ. — Но клянусь Зевсомъ, что этого сказать я не могу. Слѣдуя правиламъ, пожалуй, скажу, что есть три

ніасъ, славный музыкантъ коринѳскій, заплатилъ за одну изъ нихъ три таланта (3,737 р. с.). *Штаффъ*. стр. 118 слл.

[1] О состязаніи Марсіаса съ Аполлономъ я сказалъ кратко въ примѣчаніи къ Эвтид. p. 285 D. Какъ Марсіасъ изобрѣлъ двойную флейту; такъ Аполлону приписываютъ изобрѣтеніе лиры, которая потомъ приняла множество формъ и являлась подъ именами: форминксъ, цитра, хилисъ, тестудо и проч. Въ этомъ мѣстѣ философъ хочетъ сказать, что лира, во всѣхъ ея измѣненіяхъ, больше идетъ къ стражамъ города, чѣмъ флейта и ея виды, слѣдовательно отдаетъ преимущество Аполлону предъ Марсіасомъ.

[2] Подъ именемъ различныхъ размѣровъ и разнообразныхъ движеній (βάσις) *Dio Chrisostomus* (de regno orat. II, p. 30 A. B. C) et *Longinus* (XXXIV, § 2) почитаютъ конечные звуки риѳма. Но, кажется, правильнѣе говоритъ Моръ, называя ихъ нумерическимъ движеніемъ, ходомъ риѳма, или тактомъ. У Аста же они называются основаніемъ риѳма или началомъ рѣчи риѳмической. Мнѣніе Мора подтверждается комментаріями на Гермогена (p. 381): βάσις καλεῖται ἡ κατάληξις τῶν κώλων, ἣ καὶ ἀνάπαυσις λέγεται. Μεταφορικὴ δὲ λέξις ἀπὸ τῶν χορευτῶν. Τὴν γὰρ ἐν χρόνοις βάσιν ὁρίζονται οὕτως οἱ μουσικοί· βάσις ἐστὶν ἄρσεως καὶ θέσεως ποδῶν σημείωσις. Итакъ ρυθμὸς въ этомъ мѣстѣ есть numerus, βάσις — numeri seu rythmi scansio atque incessus.

рода размѣровъ [1], изъ которыхъ сплетаются движенія, подобно четыремъ [2] звукамъ, изъ которыхъ образуются всѣ гармоніи: но какой жизни подражаетъ который изъ нихъ,
B. сказать не въ состояніи.—Ну такъ посовѣтуемся и съ Дамономъ [3], которыя движенія свойственны низости, дерзости, бѣшенству и другому злу, и которые размѣры надобно оставить для противныхъ тому чувствованій. Кажется, я слыхалъ, хоть и неясно, что онъ упоминаетъ о какомъ-то размѣрѣ сложномъ браннозвучномъ, который называетъ то героическимъ, то дактилемъ, только не знаю, какъ составляетъ его и сообщаетъ ему одинакій характеръ съ высшимъ и низшимъ тономъ, когда онъ дѣлается короткимъ и

---

[1] Размѣръ или риѳмъ у Грековъ былъ совершенно отличенъ отъ нащего. Въ ихъ поэзіи онъ опредѣлялся длиннѣе и короче произносимыми гласными, тогда какъ въ нашей опредѣляется силою голоса, или удареніемъ. На этомъ основаніи риѳмъ греческій называютъ количественнымъ, а новоевропейскій тоническимъ. Главныхъ размѣровъ или риѳмовъ у древнихъ принимаемо было три; потомъ къ тремъ прибавленъ былъ четвертый. Тѣ три были: *равный* (ἴσον), *полуторный* (ἡμιόλιον) и *двойной* (διπλάσιον). Въ равномъ риѳмѣ удлинненіе и укорачиваніе гласныхъ равномѣрно; въ полуторномъ одна гласная бываетъ вполовину короче или длиннѣе другой; а въ двойномъ одна вдвое долѣе или короче другой. *Boeckh.* Pindar. T. I, P. II, p. 24. Сравн. Cratyl. p. 424 B. C. Равный риѳмъ изъ двухъ гласныхъ проявляется въ двухъ стопахъ: пиррихіѣ (◡ ◡) и спондеѣ (— —); а когда въ него входятъ три гласныя,—образуются новыя двѣ стопы: трибрахій (◡ ◡ ◡) и молоссусъ (— — —). Полуторный риѳмъ имѣетъ мѣсто при удлинненіи одной гласной послѣдующими двумя согласными, тогда какъ другая не удлинняется ими: отсюда, при двухъ гласныхъ выходятъ стопы: трохей (— ◡) и ямбъ (◡ —), а при трехъ, — вакхическія (— — ◡), антивакхій (◡ — —), критская (— ◡ —), анапестъ (◡ ◡ —), амфибрахій (◡ — ◡) и дактиль (— ◡ ◡). Въ двойномъ риѳмѣ имѣютъ мѣсто тѣ же самыя стопы, какія и въ полуторномъ, и отъ послѣднихъ отличаются только тѣмъ, что однѣ гласныя въ нихъ, не отъ ограниченія согласными, а по самой своей природѣ, вдвое короче другихъ.

[2] Здѣсь, кажется, надобно разумѣть первоначальный тетрахордъ, о которомъ см. *Vorkel.* Hist. Mus. T. I, p. 82, 322 sqq. *Bœckh.* l. c. p. 204 sq. Извѣстно, что первою мѣрою музыкальныхъ интерваловъ былъ изобрѣтенный Пиѳагоромъ гармоническій канонъ, или монохордъ. Но впослѣдствіи этотъ испытатель музыкальныхъ пропорцій замѣненъ былъ четырехструннымъ орудіемъ или тетрахордомъ.

[3] Дамонъ былъ знаменитый, современный Сократу, музыкантъ, по свидѣтельству Плутарха (vit. Pericl. c. 4), бывшій учителемъ Перикла. О немъ упоминаетъ Платонъ также въ Lach. p. 180 D, p. 200 A. Alcibiad. I, p. 109 D. и ниже de Rep. L. IV, p. 424 C.

долгимъ. Упоминается у него также, кажется, о ямбѣ и о какомъ-то другомъ—трохеѣ, и опредѣляется ихъ долгота и C.
краткость. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ движеніе стопы онъ, помнится, не менѣе порицаетъ и хвалитъ, какъ и самые размѣры, либо даже то и другое. Опредѣленно сказать объ этомъ не могу. Впрочемъ тутъ, какъ выше замѣчено, надобно сослаться на Дамона; потому что въ краткой рѣчи раскрыть это невозможно. Или ты думаешь иначе? — Не иначе, клянусь Зевсомъ. — А то-то можешь ли объяснить, что благоприличіе и неблагоприличіе слѣдуютъ благоразмѣренности и неблагоразмѣренности [1]? — Почему не такъ?
—Вѣдь, что касается до благоразмѣренности и неблагораз- D.
мѣренности, то первая подражаетъ хорошей рѣчи, а вторая противной; то же самое о гармоничности и негармоничности, если только размѣръ и гармонія, какъ выше положено, должны сообразоваться съ словомъ, а не слово—съ ними. —Да, ужъ конечно, имъ слѣдуетъ сообразоваться съ словомъ, сказалъ онъ.—Но образъ рѣчи и рѣчь? спросилъ я,— не сообразуются ли они съ нравомъ души?—Какъ не сообразоваться?—А съ рѣчью все прочее?—Да.—Стало-быть, и хорошій подборъ словъ, и гармоничность, и благоприличіе, и благоразмѣренность сообразуются съ благонравіемъ; E.
благонравіе же у насъ—не недостатокъ ума, не простосердечіе въ смыслѣ ласки [2], а дѣйствительно доброе и прекрасное свойство сердца со стороны нравственной. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Такъ не должны ли юноши стремиться къ этому во всемъ, если хотятъ дѣлать свое дѣ-

---

[1] Свойство ривма, по ученію Платона, имѣетъ ближайшую связь съ характеромъ рѣчи; потому что и ривмъ и характеръ рѣчи происходятъ *ἀπὸ τῆς εὐηθείας* и производятъ *εὐσχημοσύνην*, *εὐρυθμίαν*, *εὐαρμοστίαν*; а это *σώφρονός τε καὶ ἀγαθοῦ ἤθους ἀδελφά τε καὶ μιμήματα*. То-есть, музыка имѣетъ въ виду настроить душу *πρὸς κατακόσμησιν καὶ συμφωνίαν ἑαυτῷ*, какъ говорится Tim. p. 49 D; потому что *πᾶς ὁ βίος εὐρυθμίας τε καὶ εὐαρμοστίας δεῖται*. Protag. p. 326 B.

[2] Εὐήθης — простосердечный, означаетъ человѣка и добраго, и, *δι' ὑποκορισμόν*, глупаго. Поэтому Сократъ считаетъ нужнымъ опредѣлить, въ какомъ смыслѣ понимаетъ онъ здѣсь слово *εὐήθεια*.

ло [1]? — Конечно должны. — Этимъ-то вѣдь все отпечатлѣ-
401. вается и въ живописи, и въ каждомъ художествѣ; это всегда есть и въ тканьѣ, и въ раскрашиваніи, и въ постройкѣ дома, и въ отдѣлкѣ всякой рухляди, даже въ природѣ тѣлъ и растеній: благоприличіе и неблагоприличіе имѣетъ мѣсто вездѣ. И неблагоприличіе, неблагоразмѣренность, негармоничность суть сестры злословія и злонравія; а противныя свойства сродны противному, бываютъ сестрами, или подражаніями разсудительности и добраго нрава.—Совершенно справедливо, сказалъ онъ. —

B. Но только ли поэтовъ должны мы ограничивать и принуждать къ тому, чтобы въ своихъ стихотвореніяхъ представляли они образы благонравія, либо ужъ и не писали бы у насъ, или требовать, чтобы и другіе мастера ни на живописныхъ картинахъ, ни на зданіяхъ, ни на какой иной художественной вещи не изображали ничего безнравственнаго, постыднаго, низкаго и непристойнаго; а кто не можетъ не дѣлать этого, тому не позволять работать у насъ, чтобы наши стражи, питаясь образами зла, будто дурною
C. травою, и каждый день собирая себѣ въ пищу постепенно многое отъ многихъ предметовъ, незамѣтно не скопили въ своей душѣ одного великаго зла? Не такихъ ли надобно искать художниковъ, которые могутъ благородно изслѣдывать природу прекраснаго и благопристойнаго, чтобы юноши, живя будто въ какомъ здоровомъ мѣстѣ, получали пользу отъ всего, что ни приражается добраго къ ихъ зрѣнію или слуху, несясь подобно вѣтерку, навѣвающему здо-
D. ровье отъ цѣлебныхъ мѣстъ, и незамѣтно, съ самаго дѣтства, приводя ихъ къ подобію, содружеству и согласію съ прекраснымъ словомъ? — Да, питаться такимъ образомъ было бы весьма хорошо, сказалъ онъ.—Поэтому-то, Главконъ, продолжалъ я, главнѣйшая пища не заключается ли въ музыкѣ, такъ какъ риѳмъ и гармонія особенно внѣдря-

[1] *Дѣлать свое дѣло*, то-есть исполнять свои обязанности, какъ это открываетъ p. 406 E. Libr. IV, p. 433 A, al.

ются въ душу, весьма сильно трогаютъ ее и дѣлаютъ благопристойною, если кто питается правильно, а когда нѣтъ,— E.
выходитъ противное? Притомъ воспитанный этимъ понадлежащему живо чувствуетъ, какъ скоро что упущено, или неловко отдѣлано, или нехорошо произведено. Бывъ расположенъ къ справедливому негодованію, онъ хвалитъ прекрасное, съ радостію принимаетъ его въ душу и, питаясь имъ, становится честнымъ и добрымъ человѣкомъ, а по- 402.
стыдное дѣло порицаетъ и ненавидитъ отъ самой юности, прежде чѣмъ можетъ дать себѣ въ томъ отчетъ. Когда же потомъ представляется причина, — съ любовію объемлетъ ее, какъ знакомую,—особенно тотъ, кто получилъ подобное воспитаніе. — Да, мнѣ кажется, сказалъ онъ, что въ музыкѣ есть для этого пища. — Слѣдовательно, какъ въ отношеніи къ грамотѣ, мы бываемъ достаточно свѣдущи тогда, когда извѣстны намъ тѣ не многія, но во все, что есть, входящія начала, и когда не презираемъ ихъ ни въ великомъ, ни въ маломъ, будто вещи, которыя не нужно B.
знать, но стараемся вездѣ различать ихъ—въ той мысли, что не прежде можно сдѣлаться грамотнымъ, какъ получивъ такой навыкъ.—Правда.—Да и изображенія буквъ, если они отражаются либо въ водѣ, либо въ зеркалѣ, можемъ ли узнать, не узнавъ напередъ, посредствомъ того же искуства и старанія, что такое самыя буквы? — Безъ всякаго сомнѣнія, не можемъ. — Не такъ же ли, ради боговъ, и касательно предмета моей рѣчи? Сдѣлаемся ли мы музыкантами сами, либо сдѣлаемъ ли ими воспитываемыхъ C.
нами стражей, прежде нежели узнаемъ виды разсудительности, мужества, благородства, величія и всего сроднаго имъ, равно какъ всего имъ противнаго и повсюду встрѣчающагося,—прежде нежели ощутимъ ихъ вездѣ, гдѣ они есть—либо вещественно, либо въ своихъ образахъ, и ни въ малыхъ вещахъ, ни въ великихъ не будемъ презирать ихъ, но признаемъ достойными того же искуства и старанія?— Совершенно необходимо, сказалъ онъ. —Еслибы въ чьей-

D. будь душѣ, продолжалъ я, сошлись наилучшія черты нрава, и еслибы соотвѣтствующія имъ, согласныя съ ними, и имѣющія тотъ же характеръ, выступили на самое лице; то не прекраснѣйшее ли было бы это зрѣлище для всякаго способнаго созерцателя?—И очень.—А самое прекрасное есть самое любезное.—Какъ же иначе?—И вѣдь такихъ-то особенно людей можетъ любить музыкантъ; а въ комъ нѣтъ этого согласія, того не можетъ.—Конечно не можетъ, примолвилъ онъ, когда оказывается недостатокъ въ душѣ; а
E. когда въ тѣлѣ,—переноситъ и охотно любитъ.—Знаю, замѣтилъ я, что у тебя есть, или былъ такой любимецъ, и соглашаюсь съ тобою; но скажи-ка мнѣ вотъ что: между разсудительностію и чрезмѣрною страстію бываетъ ли какое-нибудь общеніе?—Что за общеніе, когда страсть сводитъ съ ума не менѣе, чѣмъ скорбь?—А между ею и иною
403. добродѣтелью?—Никакого.—Ну, а между буйствомъ и распутствомъ?—Всего болѣе.—Но можешь ли поименовать страсть сильнѣе и живѣе чувственной любви?—Не могу, отвѣчалъ онъ; да не представляю и неистовѣе ея.—Вѣдь правильная-то любовь обыкновенно любитъ благонравное и прекрасное разсудительно и музыкально?—Конечно, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, къ правильной любви не должно относить ничего неистоваго и сроднаго съ распутствомъ?—
B. Не должно.—Стало-быть, не должно относить къ ней и той страсти [1]: любители и любимцы, любящіе и любимые правильно не должны имѣть общенія съ нею.—Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, не должно относить.—Итакъ, въ учреждаемомъ городѣ ты, вѣроятно, постановишь такой законъ: любителю должно любить своего любимца, обращаться съ нимъ и прикасаться къ нему, какъ къ сыну, ради прекраснаго, которое онъ внушаетъ,—вообще бесѣдовать съ пред-

[1] *И той страсти*, то-есть чувственной любви. Разумѣетъ сладострастіе, которое называется здѣсь любовію самою сильною и живою. Аристотелю этотъ взглядъ Платона не нравится (Polit. II, 2), и неудивительно; потому что любовь въ понятіи эмпириста не въ силахъ принимать значеніе любви идеальной.

метомъ своего попеченія такъ, чтобы отнюдь не казалось, будто онъ простираетъ свои желанія далѣе этого. Въ противномъ случаѣ онъ подвергается порицанію, какъ невѣжда C.
въ музыкѣ и красотѣ. — Правда, сказалъ онъ. — Ну что? не кажется ли и тебѣ, что здѣсь конецъ нашей рѣчи о музыкѣ [1]? Вѣдь гдѣ надлежало ей окончиться, тамъ она и окончилась. Музыка чѣмъ должна кончить, какъ не любовію къ прекрасному?—Согласенъ, сказалъ онъ.—

Послѣ музыки-то уже надобно воспитывать юношей гимнастикою [2].—Почему не такъ.—Вѣдь и это воспитаніе должно быть тщательно даваемо имъ во всю жизнь, съ самаго ихъ D.
дѣтства. А состоитъ оно, какъ я думаю, въ чемъ-то такомъ:—впрочемъ, смотри и ты; вѣдь мнѣ не представляется, что у кого хорошо тѣло, у того оно собственною силою образуетъ добрую душу; напротивъ, я думаю, что добрая душа собственною силою доставляетъ возможно наилучшее тѣло. А тебѣ какъ представляется? — И мнѣ такъ же, отвѣчалъ онъ. — Стало-быть, если, достаточно раскрывъ мышленіе, мы передадимъ ему попеченіе о тѣлѣ, а сами, для избѣжанія

---

[1] Всякое ученіе о музыкѣ, по разумѣнію Платона, должно направляться къ возбужденію души и къ возвышенію ея до способности созерцать истинное, доброе и прекрасное. А какъ это бываетъ, философъ превосходно объясняетъ въ Симпосіонѣ p. 200 A sqq. до 212 A. Впрочемъ и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона, понятіе о музыкѣ принимается въ смыслѣ обширномъ.

[2] Сократъ во второй книгѣ (p. 376) сказалъ, что весь кругъ образованія стражей города опредѣляется музыкою, подъ которою разумѣются такъ называемыя свободныя науки, и гимнастикою. Обѣ эти науки, по ученію Платона, соединены между собою тѣснѣйшимъ образомъ; такъ что, при недостаткѣ той или другой, воспитаніе юношей не можетъ быть удовлетворительно, то-есть не сдѣлаются они столь же образованными, какъ и мужественными. Музыки и гимнастики Платонъ не отдѣляетъ одной отъ другой, какъ отдѣляетъ онъ душу и тѣло. По его понятію, одна гимнастика не можетъ сообщить тѣлу надлежащую крѣпость и благообразное развитіе, но ожидаетъ предварительнаго дѣйствія музыки на душу, чтобы силою души благотворно развивалось потомъ самое тѣло. Съ другой стороны, и одна музыка не можетъ успѣшно и гармонически настроивать душу, но хочетъ пособіе къ своему развитію находить и въ тѣлѣ, поставленномъ подъ вліяніе гимнастики. Поэтому нисколько не удивительно требованіе Платона, чтобы стражи города ἐκ παίδων διὰ βίου занимались гимнастикою. Lib. III, p. 410 C, IX, p. 591 D.

E. многословія, постановимъ нѣсколько типовъ [1]; то не правильно ли поступимъ? — Безъ сомнѣнія, правильно. — Вѣдь мы уже сказали, что отъ пьянства стражи должны воздерживаться; потому что напиться и не знать, гдѣ находишься, можетъ быть простительнѣе всякому, чѣмъ стражу. — Да, смѣшно, когда стража-то надобно караулить, примолвилъ онъ. — Но что скажемъ еще о пищѣ? Вѣдь эти люди — борцы, подвизающіеся на великомъ поприщѣ [2]; не правда ли? — Да. — Такъ не будетъ ли приличенъ имъ образъ жизни
404. подвижниковъ? — Можетъ быть. — Но этотъ образъ жизни какъ-то сонливъ и для здоровья опасенъ, сказалъ я. Развѣ не видишь, что подвижники просыпаютъ свою жизнь и, если хоть немного отступаютъ отъ принятаго правила, непремѣнно подвергаются великимъ и сильнымъ болѣзнямъ? — Вижу. — Стало-быть, военнымъ борцамъ, сказалъ я, нужно какое-нибудь лучшее подвижничество; по крайней мѣрѣ имъ, какъ собакамъ, необходимо бодрствовать, сколько возможно острѣе видѣть и слышать и, часто во время войны
B. употребляя перемѣнную воду и пищу, перенося зной и холодъ, имѣть довольно крѣпости для сохраненія здоровья. — Мнѣ кажется. — Такъ наилучшая гимнастика не есть ли подруга той простой музыки, о которой мы недавно разсуждали? — Какую разумѣешь ты? — Простая и настоящая гимнастика, думаю, есть особенно военная. — Какъ это? — Да это всякій можетъ узнать и отъ Омира, сказалъ я: тебѣ вѣдь извѣстно, что въ военное время онъ кормитъ своихъ героевъ не рыбою, хотя это было близъ моря, у
C. Геллеспонта, и не вареными мясомъ, а только жаренымъ,

---

[1] Словомъ *τύπος* у Платона означается общая характеристическая черта, отличающая, напримѣръ, извѣстный родъ рѣчи, разсужденія, стихотворенія, которое чертами частными опредѣлять было бы долго. Поэтому типами или типическими изображеніями обыкновенно пользуются для краткости. *Aristot.* Ethic. L. II. *Καθ' ὅλου δὲ καὶ τύπῳ λεχθὲν ταχ' ἂν ἴσως ἔχοι.* Protag. 344 B, al.

[2] То-есть борцы на поприщѣ защищенія и охраненія свободы отечества. Lach. p. 182 A. *Demosth.* c. Aristogit. p. 799, гдѣ упоминаются *ἀθληταὶ τῶν καλῶν ἔργων.*

которое для воиновъ особенно удобно, потому что вездѣ, какъ говорится, имѣть подъ руками огонь гораздо удобнѣе, чѣмъ возить съ собою посуду. — И очень. — Омиръ кажется, нигдѣ не упоминаетъ и о лакомствахъ. Впрочемъ, это-то знаютъ и другіе подвижники; то-есть, кто хочетъ быть здоровъ тѣломъ, тотъ долженъ воздерживаться отъ всего подобнаго. —Да и справедливо, сказалъ онъ; знаютъ и воздерживаются.—Если же это кажется тебѣ справедли- D.
вымъ, другъ мой; то ты, вѣроятно, не хвалишь сиракузскаго стола и сицилійскаго разнообразія кушаньевъ [1]. — Не думаю хвалить.—Слѣдовательно, порицаешь и коринѳскую дѣвицу [2], что она любитъ мужчинъ, обѣщающихъ много тѣлесности.—Безъ сомнѣнія. — И кажущуюся пріятность аттическихъ лакомствъ [3]? — Необходимо. — Потому что всякую этого рода пищу и такую діэту мы справедливо можемъ уподобить мелодіи и пѣсни, въ которой сходятся всѣ гармоніи и риѳмы [4]. — Какъ не уподобить? — E.
И если тамъ разнообразіе есть мать распутства, то здѣсь оно — источникъ болѣзней. Напротивъ, простота въ музыкѣ водворяетъ въ душу разсудительность, а простота въ гимнастикѣ сообщаетъ тѣлу здоровье. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Когда же въ городѣ распространяются развратъ и болѣзни; тогда не открывается ли въ 405.
немъ множества судилищъ и врачебницъ? не пріобрѣтаютъ ли уваженія судебное и врачебное искуство? тогда не стараются ли заниматься ими и многіе люди благородные? — Да, какъ не быть этому?—Слѣдовательно, что примешь ты за яснѣйшій признакъ худаго и постыднаго воспитанія въ городѣ—какъ не то, что не одинъ черный народъ и низ-

---

[1] Сицилійскіе столы вошли у Грековъ въ пословицу. *Ast.* ad h. l. *Mitscherlich* ad Horat. od. III, 1. 19. Сн. Gorg. p. 518 B. C.

[2] О развратной жизни Коринѳянъ говорили многіе. Съ этимъ мѣстомъ сравн. *Maxim. Tyr.* Diss. III, 3. XXVII, 5. *Themist.* orat. XXIV, p. 301 B.

[3] Объ аттическихъ лакомствахъ много разсказываетъ Атеней Libr. III, p. 101 D. E. p. 109 sqq.

[4] Имѣетъ въ виду p. 399 C. D.

шіе ремесленники, но и люди, прикидывающіеся воспитанными по правиламъ людей благородныхъ, имѣютъ нужду въ ученѣйшихъ врачахъ и судьяхъ? Развѣ не стыдъ и не
B. великій признакъ невѣжества — поставить себя въ необходимость пользоваться справедливостію, навязанною другими, будто господами и судьями, за неимѣніемъ собственныхъ? — Конечно, всего постыднѣе, отвѣчалъ онъ. — А не кажется ли тебѣ, сказалъ я, что и того постыднѣе, когда кто нетолько тратитъ большую часть своей жизни въ судахъ, то защищаясь, то нападая, но еще, по незнанію хорошаго, почитаетъ пищею тщеславія именно то, что онъ искусенъ въ нанесеніи обиды и способенъ ко всякой изворотливости,
C. что разсматривая всѣ исходы дѣла, онъ разными уловками можетъ отвратить [1] отъ себя наказаніе, — и все это для вещей маловажныхъ, ничего нестоющихъ, забывая, восколько похвальнѣе и лучше провождать жизнь такъ, чтобы не имѣть никакой надобности въ дремлющемъ судьѣ [2]? — Да, это-то еще болѣе постыдно, чѣмъ прежнее, сказалъ онъ. — Равнымъ образомъ имѣть нужду во врачебномъ искуствѣ, не для ранъ и не для какихъ-нибудь болѣзней, про-
D. изводимыхъ временами года, а для нашего бездѣйствія и упомянутой діэты, которая начиняетъ насъ, будто болото, жидкостями и парами, и заставляетъ почтенныхъ асклепіадовъ — давать болѣзнямъ имена флюса и катарры, не кажется ли тебѣ постыднымъ? — И конечно, отвѣчалъ онъ; эти названія болѣзней, въ самомъ дѣлѣ, новы и странны. — Во времена Асклепія такихъ, какъ мнѣ кажется, не бывало, примолвилъ я: основываю свою догадку на томъ, что

---

[1] Отвратить отъ себя наказаніе—*ἀποστραφῆναι λυγιζόμενος*.... вмѣсто обыкновеннаго *λογιζόμενος*, которое здѣсь менѣе умѣстно, чѣмъ первое. *Λυγίζεσθαι* употребляется для выраженія дѣйствія сражающихся мечами или шпагами, когда гладіаторы стараются отпарировать удары одинъ другаго. Scholiast. ad h. l. *λυγιζόμενος· στρεφόμενος, καμπτόμενος ἀπὸ τῶν λύγων. Λύγως δὲ ἐστὶ φυτὸν ἱμαντῶδες.* То же почти говоритъ *Свида* T. II, p. 465 et *Photius* p. 200 T. II, ed. Lips.

[2] Въ такомъ, то-есть, судьѣ, который допускаетъ нарушеніе правъ и потворствуетъ несправедливости.

его сыновья [1] подъ Троею не порицали Гекамеды, когда E.
раненому Эврипилу она дала выпить прамнійскаго вина [2], посыпавъ его изобильно мукою и наскобливъ на него сыру, что, повидимому, должно было произвесть воспаленіе. Не бранили они также за леченіе и Патрокла. — Между 406.
тѣмъ это питье для человѣка въ такомъ положеніи дѣйствительно-таки странно, сказалъ онъ. — Не странно, если вспомнишь, замѣтилъ я, что до появленія Иродика [3], у асклепіадовъ не было педагогики болѣзней въ смыслѣ нынѣшняго врачебнаго искуства. Иродикъ былъ учредитель гимназіи и, по случаю своей болѣзни, смѣшавъ гимнастику съ врачебнымъ искуствомъ, сперва жестоко мучилъ са-

---

[1] Сыновья Асклепія — Махаонъ и Подалиръ, см. Hom. Iliad. II, 729. Сократъ имѣетъ въ виду мѣсто Iliad. XI, 623 sqq. и 829 sqq., гдѣ, однакожъ, Гекамеда даетъ напитокъ не Эврипилу, а Махаону, и гдѣ Патроклъ подноситъ раненому Эврипилу не напитокъ, а прикладываетъ къ его ранѣ истертый въ порошокъ корень. Поэтому Астъ имя Эврипила и слова οὐδὲ Πατρόκλῳ — ἐπετίμησαν почитаетъ вставными. Но что этотъ текстъ не поврежденъ, видно изъ того, что объ Эврипилѣ упоминается и ниже — p. 408 A. Гораздо лучше объясняетъ это Шнейдеръ: Memorabilis hic locus, говоритъ, ad historiam carminum Homericorum est, et princeps, ni fallimur, in genere eo, de quo disputavit Wolfius in Prolegom. Sect. XI. Quamquam vereor, ut recte haec scripserit, si quidem ipse Plato (Ion. p. 508 C.) rem ita narrat, ut prorsus cum Homero consentiat. Itaque scriptorem putaverim memoria lapsum rem nunc minus diligenter narravisse ac duos Homeri locos commiscuisse.

[2] О прамнійскомъ винѣ см. Interprr. ad Iliad. XI, 638. Odyss. X, 235. *Athen.* libr. 1, p. 16, 30 A B, который особенно превозноситъ врачебное его свойство, говоря, что оно φλεγμοναῖς ἐναντιώτατον. Подробнѣе разсуждаетъ о немъ Астъ ad Theophr. p. 69.

[3] Иродикъ силимврійскій былъ знаменитый содержатель гимназіи въ Аѳинахъ и учитель гимнастики. См. Protag. p. 316 E. Онъ первый ввелъ въ употребленіе гимнастику, какъ средство не для укрѣпленія силъ въ здоровомъ еще тѣлѣ, а для возстановленія человѣка, когда онъ страдалъ уже болѣзнію; слѣдовательно онъ первый гимнастику приложилъ къ медицинѣ. Платонъ укоряетъ его за такое измѣненіе цѣли гимнастическихъ упражненій, по той причинѣ, что асклепіады прежде либо скоро возвращали больнымъ здоровье, либо, если исцѣлить ихъ было нельзя, оставляли ихъ умереть; а онъ дѣлалъ то, что бѣдныя жертвы болѣзней должны были страдать многіе годы. О такомъ приложеніи гимнастики къ медицинѣ пишетъ и *Галенъ* (de art. san. tuendi etc. ad Thrasybul. § 33), и *Иппократъ* (de morbis epidem. lib. VI, § 3): они свидѣтельствуютъ, напримѣръ, что Иродикъ лечилъ лихорадку усиленными и дальними прогулками и многократными припарками. Явно, что въ область его гимнастики входила и діэтетика: но средства діэтетическія употребляли противъ болѣзней и асклепіады. См.

B. мого себя, а потомъ и многихъ другихъ. — Какъ же это? спросилъ онъ.—Сдѣлавъ свою смерть долговременною, отвѣчалъ я. Слѣдя, то-есть, за болѣзнью [1], которая была смертельна, онъ хотя и не могъ, думаю, вылечить себя; однакожъ ничѣмъ не занимаясь и лечась всю жизнь, жилъ въ мученіяхъ, какъ бы не отступить отъ принятой діэты, и подъ руководствомъ мудрости борясь съ смертію, дожилъ до позднихъ лѣтъ.—Такъ прекрасную же получилъ онъ награду
C. за свое искуство [2], сказалъ Главконъ. — Какую слѣдовало получить тому, примолвилъ я, кто не зналъ, что Асклепій не показалъ потомкамъ такого леченія — не по невѣденію или неопытности, а сознавая, что на каждаго человѣка, управляющагося хорошими законами, возложена въ городѣ какая-нибудь должность, и что никому нѣтъ времени такъ лечиться, чтобы хворать во всю жизнь. Это — смѣшно сказать—оправдывается на мастеровыхъ; а между людьми богатыми и повидимому счастливыми мы не замѣчаемъ по-
D. добнаго явленія.—Какимъ образомъ? спросилъ онъ.—Если заболѣваетъ плотникъ, отвѣчалъ я, то проситъ у врача лекарства и, выпивъ его, либо изблевываетъ болѣзнь, либо очищается отъ ней низомъ, либо, для избавленія себя, пользуется прижиганіемъ и надсѣченіемъ; а когда станутъ предписывать ему долговременную діэту, обвязывать его голову мягкими повязками [3] и такъ далѣе, — онъ тотчасъ го-

---

Eustath. ad Iliad. *λ.* p. 859. 40: *φασὶ γὰρ τὸ χειρουργικὸν καὶ φαρμακευτικὸν μόνον εὑρῆσθαι παρὰ τοῖς παλαιοῖς, τοῦ δὲ διαιτητικοῦ Ἱπποκράτην μὲν κατάρξαι, Ἡρόδικον δὲ συντελέσαι καὶ Πραξαγόραν καὶ Χρύσιππον.* Кому это мнѣніе Платона покажется жестокимъ и безчеловѣчнымъ, тотъ долженъ вспомнить, что въ Платоновомъ государствѣ, какъ образцѣ совершеннѣйшей жизни, никому не позволяется *σχολὴν διὰ βίου κάμνειν,* но всякій долженъ дѣлать свое дѣло. Въ этомъ государствѣ и силы и жизнь принадлежатъ не недѣлимому, а обществу; и если ихъ недостаетъ, недѣлимое должно выдти изъ той среды, въ которой и само оно не можетъ быть счастливо, и другимъ не въ состояніи приносить пользу.

[1] *Слѣдя за болѣзнью,* стараясь т. е. гимнастическими средствами чинить организмъ, по мѣрѣ открывающихся въ немъ поврежденій.

[2] Слова Главкона сказаны, очевидно, иронически: прекрасную же награду получилъ Иродикъ, что страданія свои протянулъ чрезъ многіе годы.

[3] Мягкія повязки, у Платона — *πιλίδια,* что-то въ родѣ шапочекъ, имѣвшихъ

воритъ, что ему хворать некогда и нѣтъ пользы жить, обращая вниманіе на болѣзнь и не заботясь о настоятельной работѣ. Послѣ сего, распрощавшись съ такимъ врачемъ, E.
онъ обращается къ обыкновенной своей діэтѣ, выздоравливаетъ и живетъ, занимаясь своимъ дѣломъ; если же тѣло не въ силахъ перенесть болѣзнь,—умираетъ и оставляетъ всѣ дѣла.—Съ подобными людьми врачебное искуство такъ и должно обходиться, сказалъ онъ. — Не потому ли, спросилъ я, что у нихъ были дѣла, которыхъ если не дѣлать имъ, то и жить не для чего?—Очевидно, отвѣчалъ онъ.—
Но вотъ богатый, какъ мы сказали, не имѣетъ такого на- 407.
стоятельнаго дѣла, воздерживаясь отъ котораго, онъ считалъ бы и жизнь не въ жизнь.—Да говорятъ, что такъ.— Вѣдь ты не слушаешь [1] Фокилида, когда онъ говоритъ, что у кого уже есть хлѣбъ, тотъ долженъ еще выработать добродѣтель.—Добродѣтель, мнѣ кажется, даже прежде, сказалъ онъ.—Не будемъ спорить объ этомъ съ Фокилидомъ, продолжалъ я, но постараемся прояснить для самихъ себя, долженъ ли богатый человѣкъ заботиться о добродѣтели, чтобы, безъ заботливости о ней, жизнь была не въ жизнь, B.
или протягиваніе болѣзни, отвлекающее внимательность плотническаго и всякаго другаго искуства, богатому не препятствуетъ исполнять предписаніе Фокилида [2].—О, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ, — та излишняя заботливость о тѣлѣ, выступающая изъ предѣловъ гимнастики, почти всего

полезное дѣйствіе на голову. О такихъ шапочкахъ упоминаютъ *Demosthen.* de fals. legat. p. 431. 22, ed. Reisk. *Schæfer.* Apparat. T. II, p. 670 sq.

[1] *Ты не слушаешь*, то-есть не одобряешь Фокилида, потому что смотрѣть на жизнь, какъ на средство пріобрѣтать деньги, или, какъ говоритъ Горацій (Epist. I, I. 55): O cives, cives, quærenda pecunia primum est, virtus post nummos,—смотрѣть такъ на жизнь — значитъ терять изъ виду истинную ея цѣль. Поэтому Полемархъ далѣе говоритъ, что добродѣтель должна быть пріобрѣтаема прежде денегъ.

[2] Эти вопросы Сократа представляются нѣсколько темными. Сократъ говоритъ: нужно ли богатымъ постоянно заботиться о добродѣтели, такъ чтобы они не имѣли возможности заниматься долговременнымъ леченіемъ болѣзней, или попеченіе о разстроенномъ здоровьѣ не препятствуетъ имъ исполнять предписанную Фокилидомъ обязанность?

болѣе препятствуетъ этому: она неудобна ни для управленія хозяйствомъ, ни для занятій воина, ни для поставленныхъ въ городѣ властей, особенно же досадительна для всяC. кихъ наукъ, для внимательнаго размышленія съ самимъ собою, возбуждая опасеніе, какъ бы не произошло напряженія и круженія головы, и причину этого находя въ философіи; такъ что гдѣ та заботливость есть, тамъ исполненіе и проявленіе добродѣтели совершенно невозможно; ибо ею всегда возбуждается мысль, что ты болѣнъ, при ней никогда не перестаешь жаловаться на тѣлесныя страданія.— Итакъ не скажемъ ли, что этою-то мыслію водился и Асклепій, когда людямъ, по природѣ и образу жизни, тѣлесно
D. здоровымъ, и только носящимъ въ себѣ какую-нибудь болѣзнь мѣстную, указывалъ такое врачебное искуство, которое изгоняетъ недуги лекарствами, либо надсѣченіями, предписывая вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенную діэту, чтобы не повредить дѣламъ общества, а тѣла, внутренно и всецѣло пораженныя болѣзнію, не рѣшался исчерпывать и наливать понемногу, чтобы доставить человѣку долгую и несчастную жизнь и произвести отъ него, какъ надобно ду-
E. мать, другое такое же поколѣніе; напротивъ, кто назначеннаго природою періода прожить не можетъ, того, какъ человѣка, неполезнаго ни себѣ самому, ни городу, положилъ и нелѣчить?—По твоему мнѣнію, Асклепій былъ политикъ, сказалъ онъ.—Очевидно, примолвилъ я. Это могли бы доказать и сыновья его. Развѣ не видишь, что подъ Троею
408. они и хороши были въ сраженіи, и владѣли, какъ я говорю, искуствомъ врачеванія? Развѣ не помнишь, что изъ раны, которую Пандаръ нанесъ Менелаю,—

Они выжали кровь и потомъ приложили пригодныя травы [1]?

А что надлежало ѣсть или пить,—предписывали не больше, какъ и Эврипилу,—въ той мысли, что для мужей, которые до полученія ранъ были здоровы и по діэтѣ воздерж-

---

[1] *Hom.* Iliad. IV, 218. Этотъ стихъ нѣсколько измѣненъ Платономъ.

ны, довольно и однихъ лекарствъ, хотя, еслибы случилось, B.
тотчасъ же пили они искуственно составленный напитокъ. Напротивъ, жить больному по природѣ и невоздержному не почиталось полезнымъ ни у нихъ, ни у другихъ; для такихъ людей не должно̀ быть искуства, такихъ ненадобно лечить, хотя бы они были богаче Мидаса[1].—Ты слишкомъ превозносишь сыновей Асклепія, сказалъ онъ.—Слѣдуетъ, отвѣчалъ я, — хотя трагики и Пиндаръ[2] не вѣрятъ намъ: называя Асклепія сыномъ Аполлона, они говорятъ, что убѣжден- C.
ный золотомъ, Асклепій исцѣлилъ одного едва не умершаго богача и за то пораженъ былъ громомъ. Мы, какъ объяснили выше, не послушаемъ ихъ ни въ томъ, ни въ другомъ, но скажемъ, что если онъ былъ божій, то не корыстолюбивъ, а когда корыстолюбивъ, то не божій. — Это-то совершенно справедливо, примолвилъ онъ. Но что скажешь, Сократъ, вотъ о чемъ: городъ не долженъ ли пріобрѣсти себѣ добрыхъ врачей? а добрыми врачами могли бы быть вѣроятно тѣ, которые имѣли бы на своихъ рукахъ множество и здоровыхъ и больныхъ; равно какъ и судьи D.
имѣютъ дѣло съ различными природами. — Безъ сомнѣнія, нужны добрые, сказалъ я; но знаешь ли, кто представляется мнѣ такимъ?—Да, если скажешь, отвѣчалъ онъ.—Постараюсь, примолвилъ я; только однимъ и тѣмъ же выраженіемъ ты спрашиваешь меня не объ одномъ и томъ же предметѣ.—Какъ? сказалъ онъ.—Врачи сдѣлаются совершеннѣйшими, продолжалъ я, если, начавъ съ дѣтства, будутъ нетолько изучать свое искуство, но и заниматься

---

[1] Платонъ имѣлъ въ виду Tyrtæi Eleg. III, v. 6. *οὐδ' εἰ Τιθωνοῖο φυὴν χαριέστερος εἴη, Πλουτοίη δὲ Μίδεω καὶ Κινύρεω βάθιον.* На эти же слова указываетъ онъ legg. III, p. 660 E. *'Εὰν δὲ ἄρα πλουτῇ μὲν Κινύρα τε καὶ Μίδα μᾶλλον.* Сравн. *Ovid.* Metam. XI, v. 102.

[2] О томъ, что Асклепій оживилъ мертвеца, см. *Pindar.* Pyth. III, v. 96 sqq. *Creuzer.* Symb. II, p. 357. *Boeckh.* ad Pindar. говоритъ: «Mercede id captum Aesculapium fecisse recentior est fictio, Pindari fortasse ipsius, quem tragici sequuti sunt, haud dubie a medicorum avaris moribus profecta, qui græcorum medicis nostrisque communes sunt.» Въ Греціи врачи соглашались пользовать не иначе, какъ за большія деньги. Oeconom. civit. *Athen.* T. I, p. 132.

E. весьма многими и очень худыми тѣлами, да и сами на се-
бѣ переиспытаютъ всѣ болѣзни и по природѣ окажутся не-
слишкомъ здоровыми; потому что тѣло лечатъ они, думаю,
не тѣломъ,—иначе тѣла не позволили бы себѣ когда-либо
быть и дѣлаться худыми, — но тѣло душою, которая, бу-
дучи или сдѣлавшись худою, не можетъ хорошо пользо-
вать что-нибудь. — Справедливо, сказалъ онъ. — Напро-
тивъ судья, другъ мой, душою начальствуетъ надъ ду-
409. шою: поэтому ей непозволительно съ юныхъ лѣтъ воспи-
тываться и обращаться съ душами развратными и переис-
пытывать всѣ роды пороковъ, чтобы по своимъ собствен-
нымъ проницательно угадывать пороки другихъ, какъ по
тѣлу угадываютъ болѣзни; но каждая съ-молоду должна
развиться невинною и незапятнанною дурными привычка-
ми, если надобно ей сдѣлаться прекрасною и доброю и
судить о справедливомъ здраво. Потому-то юноши добро-
нравные кажутся и простодушными, легко подчиняющими-
B. ся обману со стороны порочныхъ, что не знаютъ примѣ-
ровъ, подобострастныхъ примѣрамъ лукавцевъ.—Въ са-
момъ дѣлѣ, они много терпятъ отъ этого, сказалъ онъ.—
И вотъ почему добрымъ судьею, продолжалъ я, долженъ
быть не юноша, а старецъ, пріобрѣтшій позднее знаніе о
томъ, какова бываетъ несправедливость, и ощутившій ее,
не какъ собственную — въ своей душѣ, а какъ чужую,
чрезъ долговременное обращеніе съ душами другихъ и
чрезъ наблюденіе, каково по природѣ зло, пользуясь, то-
C. есть, знаніемъ, а не собственною опытностію.—Да, такой
судья, вѣроятно, былъ бы благоразумнѣйшимъ человѣкомъ,

---

[1] Врачь, еслибы онъ лечилъ тѣла собственнымъ своимъ тѣломъ, никакъ не позволилъ бы своему тѣлу быть въ состояніи, противуположномъ состоянію того тѣла, на которомъ лежитъ обязанность лечить: тѣло врача, еслибы врачевало оно, а не душа, по значенію и цѣли врачебнаго искуства, не должно было бы подвергаться болѣзнямъ; потому что оно, какъ тѣло врачующее, должно быть нормою и канономъ здоровья. Стало-быть, если врачь, страдая разными болѣзнями, тѣмъ не менѣе признаетъ себя и продолжаетъ быть врачемъ, то единственно на томъ основаніи, что онъ лечитъ не тѣломъ, а душою.

сказалъ онъ.—И добрымъ, о какомъ ты спрашивалъ [1], замѣтилъ я. Вѣдь имѣющій добрую душу добръ: напротивъ тотъ, человѣкъ бойкій и склонный подозрѣвать зло,—тотъ, почитающій себя способнымъ и мудрымъ и надѣлавшій самъ много несправедливостей, обращаясь съ подобными, представляется искусно осторожнымъ, потому что смотритъ на собственные примѣры; а сближаясь съ людьми добрыми и D.
старѣйшими, тотчасъ является онъ глупымъ, потому что несовременному не довѣряетъ и, не имѣя въ себѣ примѣровъ благонравія, незнакомъ съ нимъ. Между тѣмъ, встрѣчаясь болѣе съ порочными, нежели съ честными, онъ и себѣ и другимъ кажется болѣе мудрецомъ, нежели невѣждою. —Это, безъ сомнѣнія, справедливо, сказалъ онъ. —Итакъ въ судьѣ, примолвилъ я, надобно искать не такой доброты и мудрости, а первой; потому что лукавство еще не можетъ знать ни добродѣтели, ни себя: напротивъ, добродѣтель, вмѣстѣ съ воспитаніемъ природы, время отъ времени E.
пріобрѣтаетъ познаніе и о себѣ, и о лукавствѣ. Такимъ образомъ, судьею бываетъ, какъ мнѣ кажется, не злой человѣкъ, а мудрецъ. —И мнѣ тоже кажется, сказалъ онъ.— Поэтому съ судебнымъ знаніемъ не учредишь ли ты въ городѣ и врачебнаго искуства, какимъ мы поняли его, чтобы, то-есть, гражданамъ, пользующимся благосостояніемъ тѣлеснымъ и душевнымъ, они служили у тебя, а другимъ — 410.
нѣтъ,—чтобы такихъ по тѣлу оставляли умереть, а дурныхъ и неисцѣлимыхъ по душѣ умерщвляли сами?—Да, это должно казаться весьма хорошимъ и для нихъ самихъ, и для города, сказалъ онъ.—А юноши-то, продолжалъ я, занимаясь тою простою музыкою, которая, говорили мы, раждаетъ разсудительность, очевидно, будутъ остерегаться у тебя, какъ бы не понадобилось имъ имѣть дѣло съ судебнымъ знаніемъ.—Какже, сказалъ онъ. —Не по тѣмъ же ли слѣдамъ преслѣдуя гимнастику, любитель музыки будетъ также стараться, B.
ся, если захочетъ, чтобы, безъ крайней необходимости, не

[1] Сравн. р. 408 С. D.

нуждаться и во врачебномъ искуствѣ?—Мнѣ кажется.—Вѣдь самыя гимнастическія упражненія и труды будетъ онъ предпринимать, смотря больше на раздражительную [1] сторону своей природы, какъ бы возбудить ее, чѣмъ на силу, — не то, что иные бойцы—ѣдятъ и трудятся для крѣпости.— Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Да и введшіе въ вос-
C. питаніе музыку и гимнастику не для того ввели ихъ, Главконъ, чтобы, какъ нѣкоторые думаютъ, однимъ изъ этихъ упражненій образовать тѣло, другимъ душу? — Для чего же, болѣе? сказалъ онъ. — То и другое ввели они, должно быть, особенно для души, отвѣчалъ я.—Какъ это?— Не замѣчаешь ли ты, сказалъ я, каковы, по самой душѣ, тѣ, которые всю жизнь занимаются гимнастикою, не касаясь музыки, или каково расположеніе другихъ, занимаю-
D. щихся противнымъ тому? — О чемъ хочешь ты сказать? спросилъ онъ.—О грубости и жестокости, отвѣчалъ я, и наоборотъ—о нѣжности и тихости. — Да, я замѣчаю, примолвилъ онъ, что неумѣренно занимающіеся гимнастикою выходятъ грубѣе надлежащаго, а неумѣренные въ музыкѣ бываютъ нѣжнѣе того, чѣмъ сколько это нужно имъ.— Но грубое, сказалъ я, поддерживаетъ раздражительную природу, которая, бывъ правильно воспитываема, дѣлается мужествомъ, а развиваемая болѣе надлежащаго, обыкновенно превра-
E. щается въ жестокость и вздорчивость.—Мнѣ кажется, сказалъ онъ.—Что же? тихость не есть ли свойство философской природы? и если она простирается слишкомъ далеко,

---

[1] По мнѣнію Платона, части души суть *τὸ λογιστικὸν καὶ τὸ ἄλογον*: но между этими противуположностями душа обнаруживаетъ еще природу среднюю или посредствующую, которая, съ одной стороны, находится въ ближайшей связи съ природою разумною, а съ другой — поставлена въ непосредственное отношеніе къ природѣ неразумной. Эта средняя часть души есть начало раздражительное— *θυμοειδής*. Въ отношеніи къ ней часть неразумная называется у Платона *ἐπιθυμητικόν*, пожелательною, и каждою, происходящею въ себѣ перемѣною желаній или стремленій необходимо дѣйствуетъ на раздражительность, или на сердце. На этомъ основаніи Платонъ и гимнастикѣ, которая, повидимому, дѣйствуетъ только на природу пожелательную, приписываетъ также вліяніе и на силу раздражительную. Сравн. Libr. IV, p. 430 B sqq. IX, p. 580 D.

то дѣлается нѣжнѣе надлежащаго, а воспитываемая хорошо, бываетъ кротка и благонравна. — Такъ. — И стражи, говоримъ мы, должны имѣть ту и другую природу. — Конечно. — Такъ не должны ли эти природы быть соглашены
одна съ другою? — Какъ не должны? — И душа человѣка, 411.
въ которомъ онѣ соглашены, есть душа разсудительная и мужественная. — Конечно. — А въ комъ не соглашены, — трусливая и грубая. — И очень. — Итакъ пусть кто-нибудь позволитъ своей душѣ обворожаться музыкою, и чрезъ уши, какъ чрезъ каналъ, вливаетъ въ нее недавно упомянутые нами сладкіе, нѣжные и жалобные звуки гармоніи, и пусть эти мягкіе звуки пѣсни увеселяютъ его во всю жизнь: сперва, если у него было сколько-нибудь раздражи-
тельности, онъ умягчаетъ ее, какъ желѣзо, и безполезное, B.
жосткое превращаетъ въ полезное; потомъ, не переставая позволять ей это и долѣе, но чаруя ее, онъ растопляетъ ея чувство и перегоняетъ до тѣхъ поръ, пока не вытопитъ изъ него сердечнаго жара (θυμόν), не изсѣчетъ изъ души какбы нервовъ и не сдѣлаетъ воина изнѣженнымъ. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Если и съ самаго начала онъ получилъ природу безъ сердечной горячности, продолжалъ я, то выйдетъ такимъ скоро; а когда природа его была горяча, — ослабитъ ея жаръ и сдѣлаетъ ее удобовозбуждаемою, скоро раздражающеюся и охладѣвающею
отъ причинъ ничтожныхъ. Такимъ образомъ, вмѣсто сер- C.
дечнаго жара, исполнившись чувствомъ недовольства, люди становятся желчны и вздорчивы. — Именно такъ. — Что жъ? а еслибы кто, напротивъ, много занимался гимнастикою и слишкомъ пировалъ [1], не касаясь музыки и философіи? Имѣя здоровое тѣло, не исполнится ли онъ сперва надменностію и юношескимъ жаромъ и несдѣлается ли му-

---

[1] *Слишкомъ пировалъ.* Чтобы понять здѣсь связь между пированьемъ и гимнастикою, надобно вспомнить греческихъ атлетовъ, которые съ гимнастикою соединяли употребленіе отборныхъ яствъ и притомъ въ большомъ количествѣ, отчего, говоря вообще, были плотны и жирны.

жественнѣе самого себя?—Ужъ конечно.—Но что потомъ?
Такъ какъ онъ не дѣлаетъ ничего другаго, не раздѣляетъ
D. времени ни съ какою музою; то душа его, еслибы въ ней
и была какая любознательность, не наслаждаясь ни уче-
ніемъ, ни изслѣдованіемъ какого-либо предмета, не зани-
маясь ни словомъ, ни иною музыкою, становится слабою,
глухою и слѣпою; потому что она и не возбуждается, и
не питается, и не очищаетъ чувствъ своихъ.—Такъ, ска-
залъ онъ. — Вотъ же я и полагаю, что такой человѣкъ
есть ненавистникъ слова и врагъ музъ; для убѣжденія,
онъ не пользуется словами, но при всякомъ случаѣ, по-
E. добно звѣрю, разѣдывается насиліемъ и жестокостію, и
проводитъ жизнь въ невѣжествѣ и дикости, сопровождае-
мой нестроеніемъ и непріятными явленіями. — Это совер-
шенно справедливо, примолвилъ онъ.—Итакъ, ради этихъ-
то, вѣроятно, двухъ крайностей, какой-то богъ, сказалъ
бы я, даровалъ людямъ и два искуства: музыку и гимна-
стику,—даровалъ, то-есть, для раздражительной и философ-
ской природы, а не для души и тѣла. Послѣдняго касают-
ся они развѣ мимоходомъ, прямо же относятся къ первой,
чтобы обѣ эти природы ея, чрезъ напряженіе и ослабле-
412. ніе до надлежащей степени, приходили къ взаимному со-
гласію.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, сказалъ онъ.—Поэто-
му, кто превосходно соединяетъ гимнастику съ музыкою и
весьма мѣрно прилагаетъ ихъ къ душѣ; того мы по всей
справедливости можемъ называть человѣкомъ совершенно
музыкальнымъ и гораздо лучше настроеннымъ, чѣмъ тотъ,
кто умѣетъ подстроить одну струну подъ другую.—Конеч-
но должно быть такъ, Сократъ, примолвилъ онъ.—Но не
то же ли и въ городѣ, Главконъ? Не будетъ ли нуженъ
намъ всегда именно такой начальникъ, если Государство
хочетъ соблюстись? — Точно, будетъ нуженъ,—и притомъ
B. всего болѣе.—

Пусть же типы ученія и воспитанія будутъ таковы;
но что сказать о пляскахъ этихъ людей, о звѣроловствѣ,

псовой охотѣ, голотѣлыхъ бояхъ и конскихъ ристалищахъ? Впрочемъ, почти ужъ очевидно, что послѣднія должны быть сообразны съ первыми, и тогда опредѣлятся безъ труда.— Можетъ быть, и безъ труда, примолвилъ онъ.—Положимъ, сказалъ я. Но послѣ этого-то, что̀ еще предстоитъ изслѣдовать намъ? Не то ли, кому начальствовать, и кому быть подъ начальствомъ? — Какже. -- Не явно ли, что началь- C.
никами должны быть старшіе, а подъ начальствомъ—младшіе?—Явно.—И что отличнѣйшіе изъ нихъ?—И это явно.— Но отличнѣйшіе изъ земледѣльцевъ не суть ли самые лучшіе знатоки земледѣлія? — Да. — А такъ какъ теперь они должны быть и отличнѣйшими стражами, то не слѣдуетъ ли имъ также превосходно знать и обязанности стражей города?—Да.—Но для этого они должны быть благоразумны, сильны и, сверхъ того, благопопечительны о городѣ. D.
—Правда.—Пещись же о немъ будетъ особенно тотъ, кто любитъ его. — Необходимо. — А любятъ по большой части то, въ отношеніи къ чему полезное находятъ полезнымъ для себя и чье благоденствіе почитаютъ залогомъ благоденствія частнаго; будь же иначе, — выдетъ противное. — Такъ, сказалъ онъ.—Стало-быть, изъ всѣхъ стражей, надобно избирать такихъ мужей, которые, по нашему наблюденію, оказывались бы во всю свою жизнь усердными ревнителями въ исполненіи дѣлъ, признаваемыхъ полезны- E.
ми для города, а что неполезно ему, того никакъ не хотѣли бы дѣлать.—Да, такіе и нужны, сказалъ онъ.—Такъ мнѣ кажется, надобно подстерегать ихъ во всѣхъ возрастахъ жизни, точно ли сохраняютъ они это правило и, не поддаваясь ни обольщенію, ни насилію, не изгоняютъ ли изъ своей души мнѣнія, что должно дѣлать все, въ отношеніи къ городу наилучшее.—О какомъ изгнаніи говоришь ты? спросилъ онъ.—Это я скажу тебѣ, былъ мой отвѣтъ. Мнѣ кажется, что мнѣніе уходитъ изъ разсудка либо охотно, либо поневолѣ: охотно—мнѣніе ложное, когда человѣкъ переучивается, 413.
а поневолѣ — всякое мнѣніе истинное. — Охотное изгнаніе

мнѣнія я понимаю, сказалъ онъ, а невольное еще нужно
понять.—Что? развѣ не такъ думаешь и ты, спросилъ я,
что благъ люди лишаются поневолѣ, а золъ — охотно? Раз-
вѣ уклоненіе отъ истины—не зло, а храненіе ея—не бла-
го? Или, держаться мнѣнія истиннаго развѣ не значитъ, ду-
маешь, хранить истину? — Да, ты справедливо говоришь,
замѣтилъ онъ; и я также полагаю, что мнѣнія истиннаго
лишаются поневолѣ.—А не правда ли, что теряютъ его либо
обкраденные, либо обольщенные, либо изнасилованные? —
B. Я все еще не понимаю, сказалъ онъ. — Видно, моя рѣчь
идетъ трагически [1], примолвилъ я. Но вѣдь обкраденными
я называю тѣхъ, которые переувѣрены и омрачены забве-
ніемъ; потому что послѣднихъ обкрадываетъ время, а пер-
выхъ—гибельное слово.—Такъ.—Потомъ,—изнасилованны-
ми тѣхъ, которые вынуждены перемѣнить мнѣніе отъ ка-
кого-нибудь страданія, или мученія.—И это понятно, ска-
залъ онъ; ты говоришь справедливо.—А обольщенными и
C. самъ ты, думаю, назвалъ бы тѣхъ, которые перемѣнили
свое мнѣніе, бывъ либо обворожены удовольствіемъ, либо
испуганы страхомъ.—Да, ужъ конечно, все обманывающее
обольщаетъ, примолвилъ онъ.—Итакъ надобно изслѣдовать,
какъ недавно было сказано, кто таковы—отличнѣйшіе хра-
нители принятаго нами положенія, что должно совершать
дѣла, представляющіяся во всякомъ случаѣ наилучшими для
города; надобно, то-есть, поручить имъ занятія, и наблю-
дать за ними отъ самаго ихъ дѣтства, въ какомъ родѣ
D. дѣлъ кто изъ нихъ забывчивъ и доступенъ обману,—и па-
мятливаго, либо неудобообманываемаго избирать, а про-
тивнаго тому отвергать. Не правда ли?—Да.—Надобно так-
же возлагать на нихъ труды, страданія и подвиги, и въ
этомъ случаѣ опять подстерегать то же самое.—Справедли-

---

[1] *Трагически*, то-есть темно. Lib. VIII, pag. 545 E: *καὶ φῶμεν αὐτὰς τραγικῶς ὡς πρὸς παῖδας ἡμᾶς παιζούσας καὶ ’ερεσχελούσας—ὑψηλολογουμένας*. Menon. p. 76. E. Cratyl. p. 414. C Впрочемъ слово *τραγικῶς λέ,ειν* обыкновенно значитъ говорить свысока, и отъ этого тона наводить на рѣчь темноту.

во, сказалъ онъ. — Надобно наконецъ, продолжалъ я, подвергать ихъ и третьяго рода испытанію, то-есть со стороны обольщенія. Какъ молодыхъ коней подводятъ подъ шумъ и гамъ, чтобы видѣть, пугливы ли они: такъ и молодыхъ людей нужно сближать съ чѣмъ-нибудь страшнымъ, и эти страшныя зрѣлища смѣнять потомъ удовольствіями, чтобы юную душу испытать гораздо болѣе, нежели золото E.
огнемъ, благонравна ли она во всякомъ случаѣ и довольно ли недоступна для обольщеній, какъ добрый стражъ надъ собою и хранитель изученной ею музыки, показывающій себя во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ ровнымъ и стройнымъ,—какимъ надлежитъ ему быть для пользы собственной и общественной. И кто, бывъ испытываемъ всегда — въ дѣтствѣ, въ юности и въ мужескомъ возрастѣ, оказался неукоризненнымъ; того надобно поставлять началь- 414.
никомъ и стражемъ города, тому должно воздавать почести при жизни и по смерти и назначать великія награды въ видѣ гробницъ и другихъ памятниковъ; а кто не таковъ, того слѣдуетъ отвергать. Говоря вообще, а не вчастности, прибавилъ я, таковымъ, кажется, должно быть, Главконъ, избраніе и постановленіе начальниковъ и стражей.—Почти то же представляется и мнѣ, сказалъ онъ.— Такъ не будетъ ли въ самомъ дѣлѣ весьма справедливо— называть ихъ стражами совершенными въ отношеніи и B.
къ внѣшнимъ врагамъ, и къ домашнимъ друзьямъ, чтобы одни не захотѣли, а другіе не могли дѣлать зло,—юношей же, которымъ недавно дали мы наименованіе стражей, почитать помощниками и исполнителями ихъ предписаній?— Мнѣ кажется, сказалъ онъ. —

Итакъ, какое у насъ средство, когда мы лжемъ, продолжалъ я, убѣдить преимущественно самихъ начальниковъ, а не то, — прочихъ гражданъ, что въ числѣ необходимыхъ лжей, о которыхъ недавно [1] мы говорили, находится одна C.

---

[1] Указывается на слова р. 389 B—D, гдѣ было говорено о такъ называемой честной лжи. Сократъ говоритъ съ нѣкоторою нерѣшительностію и какбы со-

благородная? — Какая это? спросилъ онъ. — Не ожидай ничего новаго, примолвилъ я: это — нѣчто финикійское [1], нерѣдко случавшееся уже прежде, какъ говорятъ и увѣряютъ поэты; чего однакожъ у насъ не случалось, и что случится ли, — не знаю, а между тѣмъ требуетъ совершеннаго убѣжденія. — Какъ нерѣшительно говоришь ты! замѣтилъ онъ. — Но если скажу, примолвилъ я, — самъ увидишь, что
D. моя нерѣшительность весьма основательна. — Говори же, не бойся, сказалъ онъ. — Сейчасъ говорю, только не знаю, какая нужна мнѣ смѣлость и какими выразиться словами. Я приступлю къ убѣжденію сперва самихъ начальниковъ и воиновъ, а потомъ и прочихъ гражданъ, что, получивъ отъ насъ воспитаніе и бывъ наставлены нами, они должны вообразить, что все это чувствовали и испытывали надъ собою, какбы сновидѣніе, на самомъ же дѣлѣ тогда формировались и воспитывались они въ нѣдрѣ земли, вмѣстѣ съ своимъ оружіемъ и прочими, тамъ же приготовлявши-
E. мися доспѣхами, и что, когда дѣло съ ними было совсѣмъ окончено, — мать земля произвела ихъ на свѣтъ. Поэтому о матери и кормилицѣ страны, въ которой живутъ, они должны теперь заботиться и защищать ее, если кто нападаетъ, а о всѣхъ другихъ гражданахъ мыслить, какъ о братьяхъ и земнородныхъ [2]. — Недаромъ же давно стыдился ты говорить

вѣстится упоминать о ней. Поэтому далѣе совѣтуетъ облекать ее въ вымыслъ, видя въ этомъ средство держать народъ во взаимномъ согласіи и удалять отъ него поводы къ возмущеніямъ.

[1] *Это нѣчто финикійское,* то-есть, это ложь какая-то финикійская. Schol.: *τὸ ψεῦδος Φοινικικόν φησιν ἀπὸ τῶν κατὰ τὸν Δράκοντα καὶ τοὺς Σπαρτοὺς καὶ Κάδμον ψευδῆ λεγομένων· οὗτος γὰρ Ἀγήνορος τοῦ Ποσειδῶνος καὶ Λιβύης ἦν, ἧς ἡ Φοινίκη χώρα.* Сократъ хочетъ говорить не въ защиту вообще лжи, а въ пользу какой-нибудь частной выдумки правителя, направленной къ спасенію народа; каковую ложь позволяли себѣ Кадмъ, Солонъ, Агеноръ и проч., и каковая называется здѣсь финикійскою. Впрочемъ и дальнѣйшая басня о происхожденіи людей изъ земли есть произведеніе также финикійское.

[2] Сократъ въ формѣ этой басни высказываетъ, безъ сомнѣнія, тотъ смыслъ, что основаніе взаимнаго согласія, братства и равенства всѣхъ гражданъ есть происхожденіе ихъ отъ одной матери — эллинской земли: сознаніемъ этого единства должно поддерживаться чувство народности, любовь къ отечеству и ко все-

ложь, сказалъ онъ. — И стыдился очень естественно, примолвилъ я; однакожъ выслушай и остальное въ баснѣ. 415.
Такъ вотъ всѣ вы въ городѣ—хоть и братья, скажемъ имъ мы, баснословы; но Богъ-образователь къ тѣмъ изъ васъ, которые способны начальствовать, при рожденіи примѣшалъ золота [1], — отчего они очень драгоцѣнны (τιμιώτατοι), —къ другимъ, помощникамъ ихъ, — серебра, а къ земледѣльцамъ и прочимъ мастеровымъ—желѣза и мѣди. Такимъ образомъ, какъ родственники, всѣ вы раждаетесь весьма похожими на самихъ себя; и однакожъ изъ золота иногда происходитъ порода серебряная, а изъ серебра — золотая, какъ и все прочее—одно изъ другаго. Поэтому начальствую- B.
щимъ Богъ прежде всего и особенно повелѣваетъ, чтобы стражи ни въ чемъ не были столь добрыми, и чтобы начальствующіе ничего такъ усердно не блюли, какъ порожденія, разсматривая, что̀ примѣшано къ душѣ каждаго изъ нихъ. Если такое порожденіе будетъ отчасти мѣдное, либо отчасти желѣзное; то никакъ не должны они имѣть къ нему снисхож- C.
деніе, но, воздавая надлежащую честь природѣ, должны отсылать его къ мастеровымъ, или къ земледѣльцамъ: а кто, напротивъ, произшедши отъ этихъ послѣднихъ, родился частію золотымъ, либо частію серебрянымъ, того съ честію возводили бы или въ стражи, или въ помощники; ибо есть предска-

---

му отечественному; потому что земля произвела ихъ на свѣтъ со всѣми доспѣхами и оружіемъ. Если граждане были воспитываемы учителями, то должны представлять, что учители ихъ были какбы только органами земли, и что чрезъ учителей созрѣли они въ ея нѣдрѣ до степени родныхъ и равно любезныхъ ей сыновъ.

[1] Аристотелю (Polit. II, 3. s. II, 2. § 15, ed. Schneid.) очень не нравился этотъ взглядъ Платона, и онъ тутъ не находитъ предѣла своимъ насмѣшкамъ. А мнѣ, вмѣстѣ съ *Пинсгеромъ* (Comment. de iis, quæ Aristoteles in Platonis Politia reprehendit, p. 50 sqq.), напротивъ, кажется, что нельзя представить лучшаго основанія для различенія степеней, на которыхъ дѣйствуютъ граждане въ одномъ и томъ же обществѣ, какъ основаніе Платоново. При однихъ и тѣхъ же правахъ на любовь и покровительство матери-земли, каждый получилъ отъ Бога не одинаковыя качественныя наклонности и принялъ наслѣдственно не одну и ту же количественно долю способностей и талантовъ. Предъ закономъ отечества мы всѣ равны, а по своимъ личнымъ силамъ и дѣйствіямъ,—всѣ различны.

заніе, что городъ разрушится, если будетъ охраняемъ желѣзомъ или мѣдью[1]. Такъ имѣешь ли ты какое-нибудь средство заставить ихъ вѣрить этой баснѣ?—Никакого, отвѣчалъ онъ,
D. по крайней мѣрѣ что касается до самыхъ этихъ лицъ; но по отношенію къ ихъ сыновьямъ и потомкамъ,—къ людямъ послѣдующимъ,—дѣло другое.—Чтобы они болѣе заботились о городѣ и другъ о другѣ, сказалъ я; и это будетъ хорошо. Я почти понимаю, что̀ ты говоришь: слова твои выражаютъ то же, къ чему направлено само предсказаніе.

Вооруживъ этихъ земнородныхъ, мы выведемъ ихъ на свѣтъ подъ управленіемъ начальниковъ. Пришедши (въ общество людей), пусть они смотрятъ, въ какомъ мѣстѣ города имъ лучше расположиться лагеремъ, откуда бы можно было и
E. удерживать домашнихъ, еслибы кто изъ нихъ не захотѣлъ повиноваться законамъ, и отражать внѣшнихъ, еслибы какой-нибудь непріятель напалъ на городъ, какъ волкъ на стадо. Избравъ же лагерное мѣсто и принесши, кому должно, жертвы, пусть они ставятъ палатки. Не такъ ли? — Такъ, сказалъ онъ.—И не такія ли, какія могли бы укрывать ихъ?—Какъ же не такія? вѣдь о жилищахъ, кажется, говоришь ты? прибавилъ онъ.—Да; и притомъ о военныхъ,
416. а не о промышленныхъ.—Но чѣмъ же отличаешь ты ихъ одни отъ другихъ? спросилъ онъ.—Постараюсь объяснить тебѣ это, сказалъ я. Должно быть, всего ужаснѣе и постыднѣе, когда пастухи такихъ содержатъ и такъ кормятъ собакъ—оберегателей стада, что, побуждаясь наглостію, голодомъ, или какою-нибудь иною дурною привычкою, онѣ рѣшаются наносить зло овцамъ и, вмѣсто собакъ, уподобляются волкамъ.—Ужасно, примолвилъ онъ; какъ не ужас-
B. но? — Итакъ, надобно всячески наблюдать, чтобы у насъ оберегатели не дѣлали этого гражданамъ, если они лучше послѣднихъ, и вмѣсто благосклонныхъ защитниковъ, не уподоблялись жестокимъ господамъ. — Надобно наблюдать,

[1] То-есть, людьми, имѣющими меньше нравственныхъ, полученныхъ отъ Бога дарованій.

сказалъ онъ.—А не тогда ли въ отношеніи къ нимъ принята будетъ величайшая осторожность, когда они окажутся по-истинѣ хорошо наставленными?—Но они уже таковы и есть, примолвилъ онъ.—Это не годится утверждать, любезный Главконъ, возразилъ я; хотя то̀, конечно, годится, что сказано прежде,—то-есть, что они должны получить какія
бы то ни было правильныя наставленія, чтобы впослѣд- C.
ствіи имѣть весьма много рѣшимости быть кроткими и между собою, и въ отношеніи къ тѣмъ, которыхъ охраняютъ. — Да и справедливо-таки, примолвилъ онъ. — Итакъ, кромѣ упомянутыхъ наставленій, скажетъ кто-нибудь умный человѣкъ, надобно, чтобы и жилища, и всѣ другія вещи были у нихъ таковы, какія и не мѣшали бы стражамъ оставаться отличнѣйшими самимъ по себѣ, и не наводили бы ихъ на злыя дѣла въ отношеніи къ другимъ
гражданамъ.—Да и справедливо-таки скажетъ.—Смотри же, D.
продолжалъ я; чтобъ быть такими, не такъ ли какъ-нибудь обязаны они жить и помѣщаться? Во-первыхъ, никто изъ нихъ не долженъ имѣть никакой собственности, кромѣ совершенно необходимаго [1]. Во-вторыхъ, ни у кого изъ нихъ не должно быть ни жилья, ни такой кладовой, въ которую не могъ бы войти всякій желающій. А нужныя вещи, сколько ихъ требуется для разсудительныхъ и мужественныхъ подвижниковъ на войнѣ, надобно имъ, въ награду
за охраненіе, получать отъ прочихъ гражданъ, опредѣливъ E.
такое количество всего, какое было бы и не велико на годъ, и не мало. Они должны ходить въ артельныя столовыя, какбы цѣлымъ лагеремъ, и жить съобща. А что касается до золота и серебра, то имъ слѣдуетъ говорить, что въ душѣ ихъ всегда есть золото божественное отъ боговъ, и что ни въ чемъ человѣческомъ они не имѣютъ нужды. Стяжавъ это сокровище, и не годилось бы осквернять его примѣсью золота тлѣннаго. Монета народная про-

[1] *Кромѣ совершенно необходимаго.* Schol. ἱμάτιόν φημι καὶ βρώματα εὐτελῆ.

417. извела много нечестиваго, а полученная отъ боговъ чиста. Въ обществѣ гражданъ имъ однимъ не должно принимать и касаться золота и серебра, даже вступать подъ ту самую кровлю, обкладываться золотыми и серебряными вещами и пить изъ нихъ. Такъ только спасутся они сами и спасутъ городъ. А когда пріобрѣтутъ собственную землю, дома и деньги; тогда, вмѣсто стражей, сдѣлаются хозяевами и земледѣльцами, вмѣсто защитниковъ прочихъ гражданъ,—не-
B. пріязненными господами, и во всю свою жизнь будутъ ненавидѣть и находиться въ ненависти, коварствовать и подвергаться коварству,—будутъ гораздо болѣе бояться внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ непріятелей, и какъ сами, такъ и цѣлымъ городомъ, приблизятся къ погибели. По всѣмъ этимъ причинамъ согласимся, заключилъ я, что и касательно жилищъ, и вразсужденіи всего прочаго, такъ именно должны быть снаряжены стражи [1]. Постановимъ это, или нѣтъ?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Главконъ.—

---

[1] Сущность всего, что относится къ жизни и поведенію стражей, философъ излагаетъ также въ началѣ Tim. p. 17 C. 18 B.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Въ началѣ этой книги идетъ изслѣдованіе *о жизни стражей;* потому что Адимантъ находитъ ее столь суровою, что она далеко не вознаграждаетъ стража счастіемъ за множество и тягость его обязанностей. На возраженіе Адиманта Сократъ отвѣчаетъ, что они устрояютъ государство для счастія не одного какого-нибудь сословія, а цѣлаго общества; ибо въ такомъ только обществѣ — единомъ и во всѣхъ своихъ частяхъ согласномъ—надѣются они найти справедливость, а въ обществѣ, устроенномъ худо, найдутъ несправедливость. Далѣе приводитъ онъ причину, почему стражи должны быть содержимы въ предѣлахъ такой строгой, простой и неприхотливой жизни: иначе невозможно, говоритъ, чтобы они, какъ слѣдуетъ, исполняли свои обязанности; а отъ неисполненія обязанностей общество должно разрушиться,—такъ какъ общественное благоденствіе сохраняется лишь тамъ, гдѣ отдѣльныя сословія исполняютъ свой долгъ и наслаждаются счастіемъ въ той мѣрѣ, какая сообразна съ родомъ ихъ занятій. P. 419 — 421 C. Два обстоятельства особенно препятствуютъ каждому гражданину надлежащимъ образомъ исполнять обязанности: излишнее богатство, порождающее роскошь, нѣгу и лѣность,—и недостатокъ жизненныхъ средствъ, возбуждающій въ обществѣ преступленія, пороки и волненія. Поэтому правители государства должны всячески стараться предотвращать то и другое зло. Но кто-нибудь скажетъ: какимъ образомъ общество, безъ помощи матеріальныхъ средствъ и богатства, можетъ вести войну съ сосѣднимъ богатымъ государствомъ? Отвѣчаемъ: во-первыхъ, наши граждане чужды будутъ изнѣженности, которая разслабляетъ силы воиновъ, и потому своимъ мужествомъ

далеко превзойдутъ другихъ; во-вторыхъ, прославившись своимъ воздержаніемъ у богатыхъ сосѣдей, они легко будутъ входить въ дружескія съ ними связи. Пусть пограничное общество будетъ сильно своимъ богатствомъ: для насъ оно чрезъ то не сдѣлается страшнымъ; потому что въ немъ на самомъ дѣлѣ не одно общество, — въ немъ, по неравному состоянію гражданъ, много обществъ, взаимно враждебныхъ; слѣдовательно ему недостаетъ самой твердой опоры общественнаго благосостоянія,— недостаетъ согласія гражданъ. Итакъ, пока нашъ городъ сохранитъ простоту и постоянное равенство, котораго мы въ немъ домогаемся, дотолѣ онъ будетъ могущественнѣйшимъ и, по внутренней связности отдѣльныхъ частей, непобѣдимымъ. Р. 421 С — 423 В. Изъ этого видно также, далеко ли, не вредя общественному благосостоянію, могутъ простираться предѣлы земли. Пока будетъ сохраняться единство общества и, многочисленностію частей, изъ которыхъ оно состоитъ, не разрушится его связность, дотолѣ предѣлы его могутъ раздвигаться. Поэтому правители нашего государства будутъ смотрѣть не на то, какъ бы увеличить его территорію, а на то, какъ бы соблюсти въ немъ единство и согласіе, чтобы оно было достаточно для защиты себя. Но это достигнуто будетъ всего лучше, если въ обществѣ всякій направится къ такимъ занятіямъ, къ которымъ онъ склоненъ по природѣ, и если въ музыкѣ и гимнастикѣ мы не отступимъ отъ тѣхъ правилъ, которыя постановили: въ противномъ случаѣ надобно опасаться, какъ бы не развратились нравы гражданъ. Впрочемъ и число законовъ не должно быть безразсудно увеличиваемо; ибо воспитанные и наставленные разумно, сами поймутъ, что̀ въ частныхъ дѣлахъ ихъ можетъ быть съ точностію опредѣлено законами. Поэтому о конституціи общества, о сношеніяхъ женщинъ и дѣтей, и о другихъ предметахъ, особенныя правила не нужны. А что относится къ религіи и богопочтенію, то, въ случаѣ какихъ-нибудь недоумѣній, должно быть рѣшаемо изреченіями оракуловъ. Р. 423 D — 427 С.

Когда общество было такимъ образомъ устроено,—Сократъ пригласилъ всѣхъ смотрѣть, гдѣ въ немъ проявляется справедливость и гдѣ несправедливость; какое между тою и другою

имѣется различіе, и которую изъ нихъ долженъ пріобрѣсть человѣкъ, желающій быть блаженнымъ,—замѣтятъ ли его боги и люди, или не замѣтятъ. Все это откроется весьма легко, говоритъ онъ, если по тѣмъ добродѣтелямъ общества, которыя уже извѣстны, мы изслѣдуемъ то, что еще темно, то-есть природу справедливости. Такъ какъ созданное нами общество совершенно, то само собою разумѣется, что оно должно заключать въ себѣ тѣ четыре вида добродѣтели, которыми условливается всякое совершенство, то-есть: мудрость, мужество, разсудительность и справедливость. *Благоразуміе* или *мудрость* общества усматривается не въ томъ, что въ немъ есть разнаго рода мастера, хотя бы они составляли значительное число гражданъ, а въ томъ особенно, что оно мудро управляется; и когда эта мудрость принадлежитъ тѣмъ, которые управляютъ обществомъ, тогда,— понятно, — она должна выразиться благоразуміемъ и цѣлаго общества. То же надобно сказать и о мужествѣ. *Мужество* приписывается цѣлому обществу — не потому, что всѣ отдѣльные граждане отличаются этою добродѣтелію, а потому что мужественны его стражи, которые такъ воспитаны и обучены, что знаютъ, чего надобно бояться, какъ страшнаго, и какимъ образомъ должно удалять угрожающія обществу опасности. Р. 427 C—430 C. Но не такова въ этомъ отношеніи *разсудительность*. Она усматривается въ томъ, что человѣкъ можетъ управлять своими страстями и какбы одерживать побѣду надъ самимъ собою. Поэтому наше общество должно отличаться разсудительностію въ тѣхъ видахъ, что оно управляется мужами мудрыми, которые имѣютъ довольно силы обуздывать страсти толпы и направлять ихъ къ добрымъ цѣлямъ. Изъ этого видно, что разсудительность свойственна не одной какой-нибудь части государства, но должна господствовать во всѣхъ его слояхъ и повсюду умѣрять страстныя движенія гражданъ. Р. 430 C — 432 A. Теперь надобно изслѣдовать *справедливость*. Донынѣ недоставало у насъ такой добродѣтели, которая заключала бы въ себѣ начало и причину упомянутыхъ выше добродѣтелей и сообщала бы имъ твердость и постоянство. Все это дѣлаетъ справедливость; ибо она стремится къ тому, чтобы всякая часть общества вѣрно исполняла свои обязанности и не

вмѣшивалась въ дѣла чужія. Поэтому общество основательно называется справедливымъ, когда три его сословія, — художники, стражи и правители, оставивъ занятія другихъ, хорошо ведутъ собственное свое дѣло. Напротивъ, πολυπραγμοσύνη тѣхъ сословій, или вмѣшательство ихъ въ чужія должности, производящее тревогу между гражданами, есть несправедливость. P. 434 C.

Чтобы яснѣе было видно, что именно такъ надобно понимать справедливость и несправедливость, Сократъ это понятіе о нихъ прилагаетъ къ дѣятельности лицъ, взятыхъ порознь. Мы предполагали, говоритъ онъ, сперва разсматривать справедливость въ большемъ и осязательнѣйшемъ предметѣ, чтобы такимъ образомъ легче можно было уразумѣть ее, а потомъ перейти къ созерцанію ея въ отдѣльномъ человѣкѣ. Итакъ, сдѣлавъ первое, мы приступимъ теперь къ послѣднему. P. 434 D. E.

То опредѣленіе справедливости, которое мы установили, разсматривая эту добродѣтель въ обществѣ, примѣнимо будетъ и къ отдѣльному человѣку, если въ человѣческомъ духѣ найдутся *три вида*, εἴδη, *совершенно соотвѣтствующіе найденнымъ тремъ сословіямъ общества*. Итакъ, спрашивается: — душа все совершаетъ одною ли и тою же силою, или въ ней есть различныя способности? Чтобы въ этомъ отношеніи открыть что-нибудь вѣрное, разсмотримъ дѣло такъ. Быть не можетъ, чтобы одна и та же вещь одною и тою же своею частію производила или принимала противное. И тутъ надобно всячески остерегаться, какъ бы не впасть въ обманъ, слѣдуя вседневному употребленію рѣчи, по которому тѣмъ же вещамъ нерѣдко приписываются противуположныя свойства и дѣйствія. Такъ, напримѣръ, мы часто говоримъ, что человѣкъ въ одно и то же время покоится и движется, тогда какъ онъ одною своею частію покоится, а другою движется. Или, напримѣръ, мы утверждаемъ, что вихрь, вращаясь около своего центра, и стоитъ и движется: относительно къ отвѣсной своей линіи, онъ стоитъ, а относительно къ бѣгу, движется. Этимъ нисколько не уничтожается тотъ законъ, по которому мы почитаемъ невозможнымъ, чтобы что-нибудь одною и тою же своею частію производило или при-

нимало дѣйствія противныя. А отсюда слѣдуетъ, что если въ вещи заключаются начала противныя, то она не вовсе одна, но состоитъ изъ частей различныхъ. Въ нашей душѣ, можетъ быть, прежде всего можно замѣчать великій разладъ между умомъ и пожеланіемъ. Какъ онъ проявляется, — это нетрудно усмотрѣть изъ свойства голода и жажды. Весьма часто случается, что человѣкъ сильно хочетъ ѣсть или пить; однакожъ по какимъ-нибудь причинамъ удерживается отъ того и другаго. Слѣдовательно, есть что-то въ душѣ, возбраняющее ей удовлетворять голоду или жаждѣ, есть что-то, прямо противное ея пожеланію. Это противное пожеланію начало называется умомъ. Итакъ, въ душѣ надобно различать двѣ силы, одну — τὸ λογιστικόν, другую — τὸ ἄλογον, или τὴν ἐπιθυμίαν. Но на этомъ раздѣленіи силъ остановиться еще нельзя. Сила пожеланія снова дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна есть θυμοειδές, а дугая—τὸ ἐπιθυμητικόν. Ὁ θυμός, какбы гнѣвъ и негодованіе, часто находится во враждебномъ отношеніи къ нашимъ пожеланіямъ и страстямъ и возстаетъ противъ нихъ подъ управленіемъ ума, чтобы они не стѣсняли разумной его природы. Такимъ образомъ ὁ θυμός, или τὸ θυμοειδές, становится началомъ, отъ пожелательной природы отличнымъ. Отлично оно также и отъ ума: это видно изъ того, что τὸ θυμοειδές замѣчаютъ уже въ дѣтяхъ, тогда какъ умъ въ нихъ еще не проявляется. Р. 435 A. — 441 B.

Итакъ, надобно различать три части души, совершенно соотвѣтствующія тѣмъ, усмотрѣннымъ прежде сословіямъ общества: ибо τὸ ἐπιθυμητικόν соотвѣтствуетъ τῷ χρηματιστικῷ, τὸ θυμοειδες — τῷ ἐπικουρικῷ; τὸ λογιςτικον—τῷ φυλακικῷ. Если же такъ, то мудрость, мужество, разсудительность и справедливость точно такимъ же образомъ должны быть приписываемы и отдѣльнымъ лицамъ, какъ приписываются они цѣлому обществу. Въ самомъ дѣлѣ, *справедливость* представлялась въ обществѣ такою добродѣтелію, по которой каждое сословіе исполняетъ свои собственныя обязанности: поэтому и въ душѣ она есть не иное что, какъ такое настроеніе различныхъ силъ, по которому всякая изъ нихъ дѣлаетъ свое и не мѣшается въ чужое, по которому, то-есть, τὸ λογιστικόν управляетъ, τὸ θυμοειδές повинуется началу правительственному и помогаетъ ему обуздывать порывы страстей.

А чтобы при этомъ соблюдалось согласіе отдѣльныхъ силъ, *τὸ λογιστικόν* и *τὸ θυμοειδές*, подобно тому, какъ въ обществѣ—правители и стражи, должны быть развиваемы музыкою и гимнастикою. Съ такою справедливостью соединено будетъ и мужество, которое имѣетъ свое сѣдалище *ἐν τῷ θυμοειδεῖ* и въ немъ дѣйствуетъ, чтобы постоянно выслушивать и исполнять предписанія ума. Не будетъ здѣсь недостатка и въ мудрости, которой свойственно обитать *ἐν τῷ λογιστικῷ* и которая усматриваетъ и познаетъ, что̀ полезно какъ отдѣльнымъ частямъ, такъ и всей вообще душѣ. При справедливости проявится также и разсудительность, означающая содружество и согласіе трехъ частей души, чтобы не было противленія владычеству ума. Р. 441 В—443 D.

Кто все-таки не увѣренъ, что справедливость и въ обществѣ и въ отдѣльномъ человѣкѣ одна и та же, для того это можетъ быть доказано еще тверже. Человѣкъ, въ душѣ котораго обитаетъ описанная нами справедливость, никогда не допуститъ, чтобы дѣла его были совершаемы вѣроломно, несправедливо, нечестиво, беззаконно, — и не допуститъ единственно потому, что отдѣльныя части его души всегда и во всемъ занимаются каждая своею обязанностью. Справедливость сохраняетъ тотъ, кто неуклонно упорядочиваетъ въ себѣ свое, кто постоянно согласенъ самъ съ собою, у кого тѣ три части души, будто три части гармоніи — низкій, высокій и средній, всегда подстроены, и кто, чрезъ такой строй, свое многое удерживаетъ въ единствѣ и простотѣ. Въ этомъ состояніи онъ, какъ упорядочилъ себя внутренно, такимъ будетъ и на площади — въ собираніи денегъ, въ обхожденіи съ тѣломъ, въ храненіи условій, въ исполненіи дѣлъ общественныхъ: во всемъ этомъ будетъ онъ имѣть въ виду дѣятельность справедливую, которая обратится въ навыкъ и никакъ не допуститъ навыка противуположнаго, свойственнаго несправедливости. Р. 442 D—443 Е.

Изслѣдовавъ, что такое справедливость, нетрудно уже узнать природу и несправедливости. Она есть не иное что, какъ разладъ, или взаимная подъискиваемость тѣхъ трехъ частей одной подъ другую, когда всякая изъ нихъ занимается дѣлами чужими и когда, вмѣсто того чтобы покоряться, онѣ выходятъ изъ повиновенія части разумной. Поэтому несправедливость обык-

новенно сопровождается заблужденіями, незнаніемъ, неразсудительностью и пороками всякаго рода. Р. 444 A. B.

Справедливыя и несправедливыя дѣйствія—то же для души, что здоровая и вредная пища для тѣла. Какъ вредная пища причиняетъ болѣзнь тѣлу: такъ несправедливые поступки поражаютъ болѣзнью душу. И напротивъ, какъ здоровая пища доставляетъ здоровье тѣлу: такъ справедливые поступки укрѣпляютъ душу. Доставлять здоровье тѣлу есть не иное что, какъ поставлять его части въ такое отношеніе, въ какомъ онѣ или управляли бы, или управлялись другими, сообразно съ своею природою: напротивъ, подвергнуть тѣло болѣзни — значитъ сдѣлать, чтобы его части управлялись или управляли вопреки ихъ природѣ. Отсюда видно происхожденіе справедливости и несправедливости. Когда отдѣльныя части души таковы, что управляютъ и управляются согласно съ природою, тогда раждается справедливость: напротивъ, когда то, что по природѣ должно повиноваться другому, начинаетъ, вопреки природѣ, управлять другимъ, а что должно управлять, то повинуется; тогда происходитъ несправедливость. Р. 444 B — D. Поэтому добродѣтель, какъ видно, состоитъ въ нѣкоторомъ здравіи души, въ ея красотѣ и благообразіи: напротивъ, порочность есть не иное что, какъ болѣзнь, безобразіе и безсиліе. Къ добродѣтели ведутъ достоуважаемыя занятія; а порочность питается страстями. Р. 444 D. E.

Остается спросить: полезно ли уважать справедливость и стараться о дѣятельности честной, — пусть бы утаился добрый человѣкъ, или не утаился,—или лучше поступать несправедливо, когда есть возможность избѣжать наказанія, и когда отъ наказанія не сдѣлаешься лучшимъ? Главкону этотъ вопросъ кажется совершенно безполезнымъ, если природа справедливости и несправедливости дѣйствительно такова. Но Сократъ полагаетъ, что изслѣдованіе означеннаго предмета вовсе не лишне. Итакъ онъ различаетъ *пять формъ души и столько же формъ общества, и изъ нихъ одну признаетъ правильною, а прочія четыре — худыми*. Р. 445 A — E.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

419. Но Адимантъ возразилъ: чѣмъ однакожъ защититься тебѣ, Сократъ, когда кто скажетъ, что этихъ людей дѣлаешь ты неслишкомъ счастливыми — и притомъ по собственной ихъ волѣ? ибо справедливо имѣя городъ въ своей власти, они не пользуются никакимъ его благомъ, какъ другіе, которые пріобрѣтаютъ поля, строятъ прекрасные и огромные домы, покупаютъ соотвѣтствующую имъ мебель, приносятъ богамъ особенныя жертвы, принимаютъ гостей, да еще, какъ ты сейчасъ сказалъ, собираютъ золото, серебро и все, что признается за необходимое имѣть людямъ счастливымъ. Вѣдь это просто, можно сказать, какбы наемные надзиратели, которые сидятъ въ
420. городѣ, занимаясь, кажется, только карауломъ.—Да, отвѣчалъ я; и притомъ караулятъ лишь изъ хлѣба и, кромѣ хлѣба, жалованья, подобно другимъ, не получаютъ; такъ что и предпринимать частныя путешествія, еслибы захотѣли, и дарить любовницъ, и для удовлетворенія какимъ-нибудь другимъ желаніямъ сорить деньги,—хотя сорители-то ихъ и представляются людьми счастливыми,—имъ не позволительно. Этого и всего такого же ты не внесъ въ свое возраженіе.—Такъ пусть войдетъ и это, примолвилъ онъ.
B. Чѣмъ же, скажешь, защитимъ мы свое положеніе? — Да; но мы найдемъ, кажется, что говорить, если пойдемъ тою

же дорогою; ибо скажемъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если и эти такимъ образомъ будутъ людьми самыми счастливыми, — только вѣдь мы устрояемъ городъ, смотря не на то, какъ бы намъ сдѣлать счастливымъ исключительно этотъ классъ народа, а на то, какимъ бы образомъ упрочить счастіе цѣлаго города: вѣдь въ такомъ-то особенно городѣ привыкли мы находить справедливость, равно какъ въ городѣ, весьма худо устроенномъ,—несправедливость, и смотря на это, судить о предметѣ давнихъ нашихъ изслѣдованій. Теперь мы, по обычаю, о счастливомъ городѣ C.
составляемъ себѣ понятіе не частное и беремъ его относительно не къ нѣсколькимъ человѣкамъ, а къ цѣлому; а потомъ уже будемъ изслѣдовать противуположное этому. Пусть бы къ намъ, когда мы срисовываемъ статую, ктонибудь подошелъ и, порицая насъ, сказалъ, что для прекраснѣйшихъ частей животнаго у насъ употребляются не прекраснѣйшіе цвѣта: глаза, напримѣръ, орудія прекраснѣйшія, наводятся не пурпуровою, а черною краскою. Противъ такого порицателя мы могли бы, кажется, порядочно защититься, говоря: Не думай, чудный человѣкъ, D.
будто мы должны рисовать столь прекрасные глаза, чтобы они не казались ни глазами, ни другими членами. Смотрика, не тогда ли является у насъ прекрасное цѣлое, когда каждому члену приписывается, что къ нему идетъ. Такъ-то и теперь—не принуждай насъ съ званіемъ стражей соединять такое счастіе, которое скорѣе сдѣлаетъ ихъ всѣмъ, чѣмъ стражами. Вѣдь сумѣли бы мы и земледѣльцевъ одѣть E.
въ богатотканные плащи и подпоясать золотомъ, а потомъ велѣть имъ для удовольствія обработывать землю, — либо гончарамъ, поудобнѣе наклонившись къ огню, пить и бражничать, и въ то же время, придвинувъ къ себѣ станокъ, обдѣлывать, сколько захочется, черепицы, и такимъ же образомъ сдѣлать счастливыми всѣхъ другихъ, чтобы блаженствовалъ цѣлый городъ. Такъ не внушай намъ этого; потому что, если мы послушаемся тебя,—у насъ ни зем- 421.

ледѣлецъ не будетъ земледѣльцемъ, ни гончаръ — гончаромъ, и никто другой не удержитъ какой-либо изъ тѣхъ формъ, изъ которыхъ составляется городъ. Впрочемъ значеніе другихъ классовъ маловажнѣе. Башмачники, напримѣръ, если они сдѣлались худыми и порочными, а прикидываются не такими, каковы на самомъ дѣлѣ,—для города еще не страшны: напротивъ, когда стражи законовъ и города не бываютъ такими, а только кажутся, — смотри-ка, до основанія сгубятъ весь городъ; между тѣмъ какъ, съ другой стороны, отъ нихъ-то и зависитъ благоустройство его и счастіе. Итакъ, если стражей мы сдѣлаемъ дѣйствительно стражами, то сдѣлаемъ ихъ менѣе всего вредными для го-
B. рода: напротивъ, кто говоритъ прежнее, то-есть о какихъ-нибудь земледѣльцахъ, какъ о счастливыхъ гулякахъ въ праздничномъ собраніи, а не въ городѣ; тотъ имѣетъ въ виду, кажется, что-то другое, а не городъ. Поэтому надобно изслѣдовать, смотря ли на то поставлять намъ стражей, чтобы удѣломъ ихъ самихъ было какъ можно большее счастіе, или наблюдая то, доставляется ли оно цѣлому го-
C. роду,—и этихъ попечителей и стражей принуждать къ должному и убѣждать ихъ, чтобы они были отличными исполнителями своего дѣла, равно какъ и всѣхъ другихъ, и такимъ образомъ, при развитіи и благоустроеніи всего города, предоставлять каждому сословію ту мѣру счастія, какую которому позволяетъ получать его природа.—А ты хорошо говоришь, замѣтилъ онъ. — Но покажется ли тебѣ порядочнымъ сродное съ этимъ мое разсужденіе? — Какое именно?—Смотри, не вредитъ ли это другимъ дѣятелямъ —
D. до того, что они становятся худыми?—Что, то-есть?—Богатство и бѣдность, сказалъ я. — Какимъ же образомъ? — А вотъ какъ. Разбогатѣвшій горшечникъ захочетъ ли еще, думаешь, много заботиться о своемъ искуствѣ? — Никакъ, сказалъ онъ. — Не сдѣлается ли онъ скорѣе лѣнивымъ и безпечнымъ относительно своего дѣла? — И очень.—Стало-быть, не сдѣлается ли худшимъ горшечникомъ? — Немало

и такихъ случаевъ. — То же опять, — кто по бѣдности не можетъ достать себѣ даже орудій, или чего другаго, относящагося къ искуству; тотъ и самъ будетъ производить вещи худшаго качества, и сыновей, или другихъ своихъ E.
учениковъ сдѣлаетъ худшими производителями. — Какъ не сдѣлаетъ? — Значитъ, и отъ того и отъ другаго, — и отъ бѣдности и отъ богатства, какъ произведенія искуствъ, такъ и сами искусники становятся худшими.—Явно.—Такъ теперь, повидимому, мы нашли другое, что стражи должны всѣми силами караулить, какъ бы это безъ ихъ вѣдома не проникло въ городъ. — Что такое разумѣешь ты?— Богатство и бѣдность, сказалъ я; потому что первое располагаетъ къ роскоши, лѣности и желанію новизны, а по- 422.
слѣдняя — къ раболѣпствованію и злоухищреніямъ для новизны. — Конечно, сказалъ онъ; однакожъ смотри, и на то, Сократъ, какимъ образомъ городъ будетъ у насъ имѣть возможность вести войну, когда онъ не пріобрѣтетъ денегъ, — особенно если необходимость заставитъ воевать съ городомъ великимъ и богатымъ.—Явно, сказалъ я, что съ однимъ труднѣе, а съ двумя такими легче. — Какъ это? B.
спросилъ онъ.—Да первое можетъ быть оттого, отвѣчалъ я, что если понадобится сражаться, — не съ богатыми ли людьми будутъ сражаться наши истинные ратоборцы? — Конечно такъ, сказалъ онъ. — Что же, Адимантъ? продолжалъ я. Если боецъ, сколько можно лучше приготовленный къ этому дѣлу, бьется съ двумя небойцами, но богатыми и тучными людьми,—не полагаешь ли, что ему легче бываетъ биться?—Можетъ быть,—особенно если они не вмѣстѣ, отвѣчалъ онъ. —Развѣ нельзя ему иногда, продолжалъ я, убѣгая, вдругъ обратиться назадъ и толкнуть перваго наступающаго, и чаще дѣлать это во время солнечное C.
и знойное? Развѣ, будучи таковымъ, не усмиритъ онъ многихъ подобныхъ? — Конечно, сказалъ онъ; тутъ не было бы ничего удивительнаго.—Но не думаешь ли ты, что богатые, по своему знанію и опытности, сильнѣе въ кулач-

номъ, чѣмъ въ военномъ искуствѣ?—Думаю, сказалъ онъ. —Значитъ, ратоборцы у насъ, по всей вѣроятности, легко будутъ сражаться съ двойнымъ и тройнымъ числомъ (богатыхъ). — Уступаю тебѣ, сказалъ онъ; ибо ты, кажет-
D. ся, говоришь правду. — Что еще? если они, отправивъ посольство къ другому городу, скажутъ правду, что мы ни на что не употребляемъ золота и серебра, что этого законъ намъ не позволяетъ, а развѣ вамъ; посему, воюя съ нами, имѣйте въ виду (золото и серебро) другихъ:—думаешь ли, что слыша это, рѣшатся они воевать лучше противъ костлявыхъ и тощихъ собакъ, чѣмъ съ собаками противъ тучныхъ и мягкотѣлыхъ овецъ? — Не думаю; однакожъ если деньги другихъ городовъ собраны будутъ въ одномъ, —
E. смотри, какъ бы это не навлекло опасности на городъ небогатѣющій. — Счастливъ ты, примолвилъ я, что думаешь, будто стоитъ называть городомъ какой-нибудь другой, кромѣ того, который мы устрояли.—Почему же не такъ? сказалъ онъ.—Прочіе, продолжалъ я, надобно называть городами въ числѣ множественномъ; потому что каждый изъ нихъ —многіе города, а не городъ въ смыслѣ игроковъ [1]. Сколь бы малъ онъ ни былъ, — въ немъ всегда есть два взаимно
423. враждебныхъ города: одинъ городъ бѣдныхъ, другой — богатыхъ, и въ обоихъ — опять много городовъ, на которые если будешь наступать, какъ на одинъ,—вполнѣ ошибешься, наступая же какъ на многіе и отдавая однимъ, что принадлежитъ другимъ, какъ-то: деньги, власть, даже самыя лица,—будешь имѣть много союзниковъ и мало враговъ. Пока городъ у тебя будетъ устрояться мудро, какъ сейчасъ постановлено, — онъ сдѣлается величайшимъ, — и величайшимъ, говорю, не повидимому, а по истинѣ, хотя бы въ немъ была только тысяча защитниковъ. Такой-

---

[1] *А не городъ въ смыслѣ игроковъ.* Scholiast. πόλεις παίζειν — εἶδός ἐστι πεττευτικῆς παιδιᾶς· μετῆκται δὲ καὶ εἰς παροιμίαν. Тоже и у *Свиды* v. πόλις. Conf. interpp. ad Polluc. IX, 7. *Meurs.* de ludis Graec. in *Gronov.* Thesaur. T. VII, p. 983. *Erasm.* Adagg. Chil. III. cent. II, 28. Эта игра въ города походила, кажется, на нынѣшнюю игру шахматную.

то одинъ великій городъ нелегко найти ни у Грековъ, ни B.
у варваровъ; а кажущихся (великими) много, и они еще
разнообразнѣе описаннаго. Или тебѣ представляется ина-
че?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—

Такъ вотъ это, продолжалъ я, будутъ и наилучшія гра-
ницы для нашихъ правителей:—такимъ по величинѣ долж-
ны они сдѣлать свой городъ и, сообразно съ его величи-
ною, столько отдѣлить для него земли, а прочую оставить.—
Что такое границы? спросилъ онъ.—Думаю, вотъ что, отвѣ-
чалъ я: докуда можетъ распространяться городъ, оставаясь
однимъ, дотуда чтобы онъ и простирался, а не далѣе.—Да и
хорошо вѣдь, сказалъ онъ.—Такъ и это еще—другое прика- C.
заніе отдадимъ мы стражамъ: пусть они всячески наблю-
даютъ, чтобы городъ съ внѣшней стороны[1] не былъ ни малъ,
ни великъ, но самодоволенъ и одинъ.—И можетъ быть при-
кажемъ имъ бездѣлицу, замѣтилъ онъ.—Но вѣдь и этого
маловажнѣе то, сказалъ я, о чемъ мы упомянули прежде:
если, то-есть, кто-нибудь изъ стражей окажется выродкомъ,
—надобно отсылать его къ другимъ; а кто между другими
будетъ хорошъ, того переводить къ стражамъ. Этимъ вы- D.
сказывалось, что и другіе граждане, къ какому дѣлу кто
способенъ, къ тому одному исключительно, по-одиначкѣ, и
должны быть употребляемы, чтобы каждый, исполняя свое,
былъ не множественъ, а единиченъ, и чтобы такимъ обра-
зомъ весь городъ сталъ однимъ, а не многими. — Въ са-
момъ дѣлѣ, это маловажнѣе того, сказалъ онъ.—Конечно, до-
брый Адимантъ, продолжалъ я; пусть не думаетъ никто, буд-
то эти наши приказанія важны и велики; всѣ они малозна- E.
чительны, если (стражи), какъ говорится, блюдутъ одно
великое, или, вмѣсто великаго, особенно довлѣющее.—Что

---

[1] Городомъ съ внѣшней стороны, *δοκοῦσαν*, Сократъ называетъ общество, разсматриваемое въ явленіи, или въ пространственномъ развитіи. Этотъ смыслъ *τῆς δοκούσης πόλεως* опредѣленъ выше р. 423 А: *οὐ τῷ δοκεῖν λέγω, ἀλλ' ὡς ἀληθῶς μεγίστη: μεγίστην δὲ αὐτὴν ἔσεσθαι, ἕως ἂν οἰκῇ σωφρόνως*. Это должно быть основаніемъ внутренняго его величія.

же это? спросилъ онъ. — Наставленіе и воспитаніе, отвѣчалъ я; ибо если хорошо наставленные, они явятся людьми порядочными, то легко будутъ усматривать все это, да и прочее, что теперь мы пропускаемъ, какъ-то: избраніе
424. женъ, вступленіе въ бракъ, рожденіе дѣтей; такъ какъ все это надобно сдѣлать, по пословицѣ, общимъ между друзьями [1].—И было бы весьма справедливо, сказалъ онъ. — Да и то еще, продолжалъ я: — если общество однажды пойдетъ хорошо, то будетъ идти какъ увеличивающійся кругъ; потому что соблюденіе добраго воспитанія и наставленія будетъ сообщать ему добрыя естественныя способности; а добрыя естественныя способности, подъ вліяніемъ такого наставленія, сдѣлаются еще лучшими, чѣмъ прежде, — и
B. по отношенію ко всему прочему, и по отношенію къ рожденію, подобно тому, какъ это бываетъ у животныхъ. — Да и вѣроятно, сказалъ онъ.—Итакъ, коротко сказать, попечители города должны стремиться къ тому, чтобы онъ не испортился незамѣтно для нихъ самихъ, и чтобы строже всего наблюдаемо было, какъ бы, вопреки порядку, не дѣлалось нововведеній въ гимнастикѣ и музыкѣ [2], но хранить ту и другую, сколько можно болѣе, слушая съ опасеніемъ, когда кто говоритъ, что *люди особенно уважаютъ то пѣніе*,

---

[1] Указывается на пиѳагорейскую пословицу: τὰ τῶν φίλων κοινά. См. *Rittershus.* ad Porphyr. vit. Pythag. p. 46. *Heusinger.* ad Cicer. de Officiis I, 16, 5. О самомъ предметѣ снес. libr. V, p. 464 B sqq.

[2] Сократъ внушаетъ ту мысль, что правительство должно болѣе всего заботиться, чтобы въ общество не проникло поврежденіе нравовъ; а для этого надобно наблюдать за гимнастикою и музыкою, какъ бы въ нихъ не произошло какихъ-либо нововведеній, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ сказано было выше. Особенно же слѣдуетъ смотрѣть за музыкою; потому что ея-то изнѣженность болѣе всего содѣйствуетъ порчѣ доброй нравственности и развиваетъ женоподобіе въ массѣ народа. Этому мнѣнію философа, конечно, никто не будетъ удивляться, помня, что музыка у Грековъ находилась въ самой тѣсной связи со всѣми свободными науками. Потому-то жалобы на искаженіе характера древней музыки мы встрѣчаемъ и у многихъ другихъ греческихъ писателей. См. *Aristoxen.* ap. *Athen.* XIV, p. 362 A. Сравн. *Plat.* Legg. libr. II, p. 656 C—659 E. Libr. III, p. 700 A sqq. *Plut.* de Music. p. 1141 D. *Dio Chrysost.* Or. XXXII, p. 380 C, al.

Которое вновь привзошло у поющихъ [1], C.
что поэтомъ часто называютъ не того, кто составляетъ новыя пѣсни, а того, кто выдумываетъ новый образъ пѣснопѣнія и хвалитъ это. Между тѣмъ не должно ни хвалить такихъ вещей, ни принимать ихъ. Отъ введенія новаго рода музыки дѣйствительно нужно беречься, такъ какъ оно вообще опасно; ибо формы ея не трогаются нигдѣ помимо величайшихъ законовъ гражданскихъ: это говоритъ Дамонъ,—и я вѣрю ему.—Присоедини же и меня къ числу вѣрющихъ, примолвилъ Адимантъ.—Такъ вотъ здѣсь, видно, со стороны музыки, продолжалъ я, стражи должны построить крѣпость.—И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ; на- D.
рушеніе закона, входя этимъ путемъ, легко прячется.— Да, примолвилъ я, — такъ себѣ, подъ видомъ увеселеній, какбы не дѣлая ничего худаго. — Да вѣдь и не дѣлаетъ ничего, замѣтилъ онъ, кромѣ того, что понемногу вкрадывается, молча внѣдряется въ нравы и занятія, и отсюда уже болѣе ощутимо переходитъ во взаимныя отношенія, а изъ отношеній-то, Сократъ, съ великою наглостію возстаетъ на законы и правительство и оканчиваетъ ниспроверженіемъ всего частно и общественно [2]. — Хорошо, E.
сказалъ я; такъ это вѣрно?—Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ. —Поэтому, нашимъ дѣтямъ, какъ мы и сначала говорили, надобно тотчасъ же принимать участіе въ увеселеніи законномъ; ибо если оно будетъ противузаконно и такими же сдѣлаетъ нашихъ дѣтей, то возрастить изъ нихъ мужей законныхъ и ревностныхъ окажется невозможнымъ.— 425.
Какъ же иначе? сказалъ онъ.—Стало-быть, если дѣти, на-

[1] Платонъ указываетъ на 452 стихъ первой книги Омировой Одиссеи. Этого же мнѣнія держится Ксенофонтъ (Cyrop. 1. 6).

[2] Эту мысль впослѣдствіи подтвердилъ и Цицеронъ, legg. II, 15, 38. Assentior enim Platoni, nihil tam facile in animos teneros atque molles influere quam varios canendi sonos, quorum dici vix potest quanta vis sit in utramque partem. Conf. *Maxim. Tyr.* XXXVII, 4. Платонъ, какъ мы видѣли выше, не изгонялъ изъ музыки мелодій нѣжныхъ, трогающихъ и смягчающихъ чувство, а только требовалъ, чтобы онѣ не разслабляли души, не портили нравственности и не развивали страстей.

чавъ играть хорошо, посредствомъ музыки пріобрѣли уваженіе къ закону, то законность, въ противуположность тѣмъ дѣтямъ, будетъ во всемъ сопровождать и возращать ихъ, исправляя даже и то, что прежде оставалось (пренебреженнымъ) въ городѣ. — Это правда, сказалъ онъ.—Слѣдовательно эти послѣдніе, продолжалъ я, и маловажное, повидимому, отпечатлѣютъ законностію, тогда какъ первые
B. погубятъ все такое.—Что именно?—А вотъ что: молчаніе младшихъ предъ старшими, какое прилично, постороненіе, вставаніе и почитаніе родителей [1], да и стриженіе волосъ, и одежду, и обувь, и весь нарядъ тѣла, и прочее тому подобное. Или не думаешь? — Согласенъ. — А опредѣлять это закономъ было бы, думаю, простовато; потому что такихъ опредѣленій, кажется, не бываетъ, да имъ и не удержаться, хотя бы узаконены были словесно и письменно.—Какъ ужъ удержаться?—Итакъ должно быть, Адимантъ, продолжалъ я, что какими правилами кто началъ
C. свое воспитаніе, такія изъ нихъ проистекутъ и слѣдствія [2]. Или ты не думаешь, что подобное вызывается подобнымъ?— Какъ не думать?—Въ заключеніе же можно, полагаю, сказать, что это придетъ къ чему-нибудь одному совершен-

---

[1] У древнихъ, говоритъ *Астъ*, а особенно у Лакедемонянъ, младшіе выражали свое уваженіе къ старшимъ тремя способами: храненіемъ молчанія въ присутствіи ихъ, постороненіемъ предъ ними при встрѣчѣ на пути (*τῷ ὁδοῦ παραχωρῆσαι*, s. *ὑποχωρῆσαι*) и вставаніемъ предъ ними при собесѣдованіи (*τῷ καθήμενον ὑπαναστῆναι*). См. *Xenoph.* Mem. II, 3, 16. Hier. VII, 2, 9. De Republ. Lac. IX, 5. XV, 6. Sympos. IV, 31. *Herod.* II, 80. Такъ какъ два вида уваженія — *ἡ συγή* и *ὑπανάστασις* здѣсь выражены ясно, то и третій — *τὸ ὑποχωρῆσαι* даетъ уже опредѣленное значеніе слову *κατάκλισις*; то-есть, оно означаетъ здѣсь не восклоненіе, а постороненіе. *Aristotel.* Ethic. Nicom. IX, c. 2, 395, ed. Cell. *παντὶ δὲ τῷ πρεσβυτέρῳ τιμὴν καθ' ἡλικίαν ἀποδοτέον ὑπαναστάσεσι καὶ κατακλίσεσι.* Толкователи невѣрно объясняютъ это мѣсто.

[2] Платонъ развиваетъ здѣсь ту мысль, что всѣ внѣшнія мелочи—въ одеждѣ, въ обуви, въ стриженіи волосъ и во всемъ подобномъ, законами опредѣлены быть не могутъ, хотя онѣ всегда служатъ вѣрными признаками внутренняго настроенія человѣка. Поэтому, если юноши будутъ воспитаны въ тѣхъ началахъ добродѣтели, о которыхъ говорено было выше, то внѣшнія формы ихъ жизни будутъ выравниваться сами собою; а въ противномъ случаѣ, онѣ оразнообразятся и исказятся до безконечности.

ному [1] и рѣшительному,—будетъ ли то добро, или противное добру.—Какъ не придти? сказалъ онъ.—Но, ради боговъ, продолжалъ я,—что сказать о дѣлахъ народной площади, гдѣ всѣ связуются между собою условіями? Что ска- D.
зать, если хочешь, касательно ремесленническихъ сдѣлокъ, ссоръ, обидъ, распутыванія судебныхъ дѣлъ, постановленія судей, равнымъ образомъ касательно того, нужно ли по дѣламъ народной площади, или порта, взысканіе либо назначеніе какихъ-нибудь пошлинъ, вообще касательно порядка площаднаго, городоваго, портоваго и другаго тому подобнаго? Осмѣлимся ли мы въ этомъ отношеніи постановлять какіе-нибудь законы?—Но мужамъ прекраснымъ и добрымъ не годится приказывать, сказалъ онъ; вѣдь бо́льшую часть того, что надобно опредѣлить закономъ, они, конечно, и сами легко откроютъ.—Да, другъ мой, примол- E.
вилъ я, — если только Богъ далъ имъ храненіе тѣхъ законовъ, о которыхъ мы прежде разсуждали. — А когда не далъ-то, — они, сказалъ Адимантъ, проведутъ всю жизнь, постановляя много такихъ и безпрестанно исправляя ихъ— въ той мысли, что добьются до наилучшаго. — Ты говоришь, замѣтилъ я, что они будутъ жить будто больные и, по невоздержанію, нехотящіе оставить дурной своей жизни.— И конечно. — Такъ эти-то будутъ жить забавляясь [2], ибо 426.
лечась, они не подвинутся впередъ, кромѣ того только, что станутъ оразноображивать и увеличивать виды болѣзни, всегда надѣясь, авось кто-нибудь присовѣтуетъ имъ такое лекарство, отъ котораго выздоровѣютъ. — Да, припадки подобныхъ больныхъ дѣйствительно таковы, сказалъ онъ. —

---

[1] *Къ чему-нибудь одному совершенному*, εἰς ἕν τι τέλεον. Это слово принимается здѣсь какъ въ хорошую, такъ и въ худую сторону, то-есть разумѣется въ смыслѣ полноты какъ добра, такъ и зла, смотря по тому, изъ какихъ началъ кто выдетъ и будетъ развиваться.

[2] *Живутъ забавляясь*, χαριέντως διατελοῦσιν: это не однозначительно съ выраженіемъ: παίζοντες διατελοῦσιν. Schol. χαριέντως· εὐτραπέλως, σκωπτικῶς. По-русски можно бы выразить ближе: живутъ посмѣиваясь, живутъ себѣ на умѣ, водятся соображеніями эгоистическими.

Ну, а это у нихъ не забава, продолжалъ я,—почитать ненавистнѣйшимъ изъ всѣхъ того, кто говоритъ имъ правду, что пока не перестанутъ они пьянствовать, пресыщаться, любодѣйствовать и бездѣйствовать,—не принесутъ имъ пользы, ни лекарства, ни прижиганія, ни присѣчки, ни даже
B приговоры и привѣски [1], и ничто прочее тому подобное?—Плохая забава, сказалъ онъ; потому что негодованіе на человѣка, говорящаго хорошо, не заключаетъ въ себѣ ничего забавнаго. — Не хвалитель ты, какъ видно, такихъ людей, замѣтилъ я. — Совсѣмъ нѣтъ, клянусь Зевсомъ.—Слѣдовательно, ты не похвалишь и города, если весь онъ, какъ мы сейчасъ говорили, будетъ дѣлать то же самое. Развѣ не одно и то же съ этими, кажется тебѣ, дѣлаютъ города, когда, будучи худо управляемы, объявляютъ граж-
C. данамъ—не трогать всецѣлаго общественнаго быта; иначе, поступая напротивъ, должны будутъ умереть? А кто управляемому такимъ образомъ городу пріятно угождаетъ и ласкательствуетъ [2], подслуживаясь ему, предупреждая его желанія и имѣя способность исполнять ихъ; тотъ будетъ мужемъ добрымъ и мудрымъ для дѣлъ великихъ и удостоится отъ него почестей. — Да, мнѣ кажется, они точно то же дѣлаютъ, и я никакъ не похвалю ихъ. — Что же еще? не
D. удивляешься ли ты мужеству и готовности тѣхъ людей, кото-

---

[1] *Привѣски*, *περίαπτα*, — талисманы, или симпатическія средства, которыя было въ обычаѣ носить на шеѣ, въ видѣ амулетовъ; и носили ихъ особенно женщины—для разныхъ цѣлей, большею же частію для сохраненія себя отъ какой-нибудь болѣзни. *Plut.* vit. Pericl. c. 15: *ὅτι νοσῶν Περικλῆς ἐπισκοπουμένῳ τινὶ τῶν φίλων δείξειε περίαπτον ὑπὸ γυναικῶν τῷ τραχήλῳ περιηρτημένον.* То же De audiend. Poet. 1, 2. *Theophr.* Histor. plant. IX, c. 21. *Dioscor.* III, 14.

[2] Философъ, вѣроятно, разумѣетъ аѳинскую республику. *Isocrat.* de pac. § 2: *εἰώθατε πάντως τοὺς ἄλλους ἐκβάλλειν, πλὴν τοὺς συναγορεύοντας ταῖς ὑμετέραις ἐπιθυμίαις.* Ibid. § 3: *οὐκ ἐθέλετε ἀκούειν, πλὴν τῶν πρὸς ἡδονὴν δημηγορεύντων*, κ. τ. λ. Платонъ вообще не любилъ народной формы правленія; потому что она представляетъ широкое поприще льстецамъ, которые, пользуясь невѣжествомъ народа, наклоняютъ его къ личнымъ своимъ выгодамъ и нетолько благо общее приносятъ въ жертву собственному эгоизму, но еще доходятъ до убѣжденія, что они въ самомъ дѣлѣ отличные политики, если умѣли обмануть толпу, хотя бы это было сопряжено съ очевидною гибелью общества.

рые расположены угождать такимъ городамъ и усердствовать имъ?—Да, отвѣчалъ онъ, исключая только тѣхъ, которые бываютъ обмануты ими и думаютъ, что они въ самомъ дѣлѣ политики, если слышатъ одобреніе со стороны черни.—Что ты говоришь? не соглашаться съ этими мужами? сказалъ я. Развѣ можно, думаешь, человѣку, неумѣющему мѣрять, когда многіе, тоже неумѣющіе, говорятъ ему, что онъ—четырехъ локтей, — развѣ можно не почитать себя четырехлоктевымъ?—Это-то невозможно, отвѣчалъ онъ. E.
— Такъ не досадуй. Вѣдь эти, какъ я недавно говорилъ, законодатели и всегдашніе исправители законовъ, можетъ быть, забавнѣе всѣхъ съ своимъ ожиданіемъ, что они найдутъ какой-нибудь конецъ золъ, проистекающихъ изъ сношенія людей; хотя, какъ сейчасъ сказано, сами не знаютъ, что на дѣлѣ точно будто разсѣкаютъ гидру [1]. — Да такъ и есть; они и не иное-таки что дѣлаютъ, сказалъ Адимантъ.
—А по моему-то мнѣнію, продолжалъ я, истинный законо- 427.
датель не долженъ трудиться надъ такимъ родомъ законовъ и управленія, — будетъ ли городъ устрояться хорошо или худо; потому что въ первомъ случаѣ такіе законы безполезны и ни къ чему не служатъ, а въ послѣднемъ они частію могутъ быть найдены каждымъ самимъ по себѣ, частію вытекаютъ изъ прежнихъ постановленій.—

Такъ что же, наконецъ, остается намъ опредѣлить закономъ? спросилъ онъ. — Намъ-то нечего, отвѣчалъ я; но B.
Аполлону дельфійскому—такъ; надобно постановить вели-

---

[1] Въ народномъ правленіи всякій демагогъ, сообразуясь съ личными своими видами, старался склонить народъ къ постановленію извѣстнаго закона. Но такъ какъ этотъ законъ покровительствовалъ только частной пользѣ; то скоро оказывалось вредное его дѣйствіе на выгоды общія. Тогда всходилъ на трибуну другой такой же демагогъ и, скрывая не менѣе эгоистическую цѣль, требовалъ у народа другаго закона. Такимъ образомъ кодексъ законовъ увеличивался; а обществу пользы отъ нихъ все-таки не было. Всякій старался отрубить голову гидрѣ; но вмѣсто одной, отрубленной, у ней выростало ихъ десять. Пословицу о гидрѣ лернейской объясняетъ Scholiast. ad h. l. *Erasm.* Adagg. Chil. 1, cent. X, 9.

чайшія, прекраснѣйшія и первыя изъ законоположеній[1]. — Какія это? спросилъ онъ. — Относящіяся къ сооруженію храмовъ, къ жертвамъ и иному чествованію боговъ, геніевъ и героевъ, также къ гробницамъ умершихъ и ко всему, что должно совершать, чтобы боги были нашими заступниками; ибо такихъ-то вещей сами мы не знаемъ, (а если,
C. устрояя городъ, имѣемъ умъ, то не повѣримъ и другому), да не обратимся и ни къ какому иному истолкователю, кромѣ отечественнаго бога[2]: этотъ-то отечественный богъ, истолковывающій подобное всѣмъ людямъ, сидитъ среди земли, на пупѣ ея[3], и объясняетъ (все вышеупомянутое). — Ты хорошо говоришь, примолвилъ онъ; такъ и надобно сдѣлать. —

D. Итакъ, пусть городъ будетъ уже устроенъ у тебя, сынъ Аристоновъ, продолжалъ я. Послѣ сего, доставъ откуда-нибудь свѣту, посмотри при немъ вотъ на это-то — и самъ, да позови и брата, и Полемарха, и другихъ, — не увидимъ ли мы какъ-нибудь, гдѣ бы могла тутъ быть справедливость и гдѣ несправедливость; чѣмъ онѣ отличаются одна отъ другой и которую изъ нихъ надобно пріобрѣтать человѣку, желающему быть счастливымъ, — утаевается ли она отъ всѣхъ боговъ и

---

[1] Такъ какъ всѣ внѣшнія дѣйствія опредѣлить закономъ Платонъ не находитъ никакой возможности, если жизнь гражданина въ явленіи будетъ разсматриваема внѣ связи ея съ внутренними, нравственными расположеніями души; то, для опредѣленія ихъ, ему оставалось обратиться къ авторитету божественному, къ законодательству Аполлона, которое формы внѣшняго поведенія приводило бы въ гармонію съ природою духа и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщало бы имъ характеръ религіозный. Сравн. Legg. VI, p. 759 C. Отсюда въ Государствѣ Платона начало религіи обрядовой.

[2] Аполлонъ чтимъ былъ Аѳинянами подъ именемъ бога отечественнаго — *τοῦ πατρῴου*, какъ родоначальникъ ихъ племени; потому что Іонъ, по имени котораго Аѳиняне назывались Іонянами, почитаемъ былъ сыномъ Аполлона отъ Креузы. О причинѣ прозванія Аполлона богомъ отечественнымъ Платонъ говоритъ въ Эвтидемѣ p. 305 D; также Schol. Aristoph. ad Nubb. v. 1470. Conf. *Creuzer* ad Cicer. de Nat. Deor. pp. 595. 599. 614.

[3] *Среди земли.* У Грековъ была мысль, что Дельфы стоятъ на срединѣ земли, и оттого получили названіе *τοῦ ὀμφαλοῦ τῆς γῆς.* Астъ замѣчаетъ, что *ὀμφαλὸν* собственно было каменное сѣдалище въ дельфійскомъ храмѣ. См. *Aeschyl.* Eumen. V, 40. *Pausan.* X, 16.

людей, или нѣтъ.—Это пустяки, сказалъ Главконъ. Вѣдь ты E.
обѣщался самъ изслѣдовать: неблагочестиво-де было бы, говорилъ, не помочь справедливости всячески, сколько есть силъ [1].—Вѣрно припоминаешь, сказалъ я: такъ-то, конечно, и надобно сдѣлать; однако должны помогать и вы.—Да, мы будемъ, примолвилъ онъ.—Такъ надѣюсь найти это слѣдующимъ образомъ, продолжалъ я. Думаю, что городъ у насъ, если только онъ правильно устроенъ, есть городъ совершенно добрый.—Необходимо, сказалъ онъ.—Явно, стало-быть, что онъ и мудръ, и мужественъ, и разсудителенъ, и справедливъ.—Явно. — Такъ не остальное ли изъ того, что нашли
мы въ немъ, было бы еще ненайденнымъ?—Что же болѣе? 428.
—Возьмемъ, напримѣръ, что-нибудь иное четверичное: если въ которой-либо четверицѣ вещей мы искали одну, то, узнавши ее напередъ, остаемся довольными; а когда сперва узнали три, то чрезъ это самое становится у насъ дознанною и искомая; ибо явно, что она есть уже не иное что, какъ оставшаяся [2].—Правду говоришь, сказалъ онъ. — Не такимъ же ли образомъ надобно изслѣдовать и это,—поколику оно тоже четверично?—Очевидно.—

И во первыхъ-таки,—въ немъ мнѣ кажется явною муд- B.
рость; только въ отношенiи къ ней представляется что-то странное.—Что такое? спросилъ онъ. — Мудръ въ самомъ дѣлѣ, кажется, городъ, о которомъ мы разсуждали; потому что онъ благосовѣтливъ. Не такъ ли?—Да.—Но это-то са-

---

[1] Главконъ ссылается на слова Сократа Libr. II, p. 368 C: *δέδοικα γὰρ μὴ οὐδ' ὅσιον ᾖ παραγενόμενον δικαιοσύνῃ κακουργουμένῃ ἀπαγορεύειν καὶ μὴ βοηθεῖν ἔτι ἐμπνέοντα καὶ δυνάμενον φθέγγεσθαι.*

[2] Сократъ говоритъ такъ: если изъ четырехъ вещей намъ пришлось напередъ найти ту, которая намъ нужна, то мы успокоиваемся и прочiя три оставляемъ. А когда, между четырьмя ища одной, мы нашли сперва три, которыхъ не искали, то остальная, конечно, будетъ та, которой ищемъ, и свойства ея, если по своимъ качествамъ извѣстно было намъ цѣлое, чрезъ выдѣленiе свойствъ, принадлежащихъ прочимъ тремъ вещамъ, легко опредѣлятся. Говоря такимъ образомъ, Сократъ намѣренъ, прежде чѣмъ коснется справедливости, рѣшить вопросъ о мудрости, мужествѣ и разсудительности, чтобы потомъ открылось само собою, что такое справедливость.

мое—благосовѣтливость, очевидно, есть нѣкоторое знаніе; потому что не невѣжествомъ же, вѣроятно, а знаніемъ хорошо совѣтуютъ.—Явно.—Между тѣмъ о городѣ знанія-то вѣдь многочисленны и разнообразны. — Какже. — Такъ не ради ли знанія домостроителей надобно городъ называть
C. мудрымъ и благосовѣтливымъ?—Отнюдь нѣтъ, сказалъ Главконъ; ради этого-то онъ—домостроителенъ. — Значитъ, городъ надобно называть мудрымъ и не ради знанія щепнаго, совѣтующаго дѣлать, сколько можно лучше, деревянные сосуды.—Конечно нѣтъ.—Что же? мѣдные или какіе-нибудь другіе?—И не ради такого чего-либо, сказалъ онъ.—Такъ и не ради знанія произращать изъ земли плодъ; потому что за это называютъ его земледѣльческимъ.—Мнѣ кажется.—Что же? спросилъ я: въ устроенномъ нами теперь городѣ есть ли у нѣкоторыхъ гражданъ такое знаніе, кото-
D. рое совѣтовало бы не о чемъ-либо въ нѣдрѣ города, а о немъ цѣломъ, то-есть какъ бы наилучшимъ образомъ могъ онъ сноситься и самъ съ собою, и съ другими городами?—Конечно есть. — Что же это, спросилъ я, и въ комъ? — Это знаніе охранительное, отвѣчалъ онъ, — въ тѣхъ властителяхъ, которыхъ теперь мы называемъ совершенными стражами.—Такъ, по этому знанію, какимъ объявляешь ты городъ? — Благосовѣтливымъ и дѣйствительно мудрымъ, сказалъ онъ. — Однакожъ въ городѣ у насъ, спросилъ я,
E. болѣе ли, думаешь, кузнецовъ, или этихъ истинныхъ стражей?—Гораздо болѣе кузнецовъ, отвѣчалъ онъ.—Значитъ, сравнительно съ прочими, которые почитаются имѣющими какое-нибудь знаніе,—сравнительно со всѣми ими, послѣдніе должны быть весьма малочисленны.—Много малочисленнѣе.—Слѣдовательно цѣлый, согласно съ природою устроенный городъ можетъ быть мудрымъ по малочисленнѣйшему сословію, по части самого себя, по начальственному и правительственному въ немъ занятію. Это, вѣроятно, есть
429. согласный съ природою малѣйшій родъ, имѣющій право обладать тѣмъ знаніемъ, которое одно надобно называть

мудростію прочихъ знаній [1].—Ты говоришь весьма справедливо, сказалъ онъ. — Такъ вотъ оно—одно изъ четырехъ: не знаю, какимъ-то образомъ мы нашли и то, каково оно само, и то, гдѣ въ городѣ оно укореняется.—Да, мнѣ кажется, рѣшительно нашли.—

Вѣдь и мужество-то—и по немъ самомъ, и по мѣсту нахожденія его въ городѣ, отчего городъ долженъ быть называемъ такимъ,—усмотрѣть не очень трудно.—Какъ же это? —Кто могъ бы, сказалъ я, назвать городъ трусливымъ или B. мужественнымъ, смотря на что-нибудь иное, а не на ту часть, которая воюетъ за него и сражается? — Никто не сталъ бы смотрѣть на что-нибудь иное, отвѣчалъ онъ. — Потому что другіе-то въ немъ, примолвилъ я, будучи или трусливыми, или мужественными, не сдѣлали бы его такимъ или такимъ.—Конечно нѣтъ.—Слѣдовательно и мужественнымъ бываетъ городъ по нѣкоторой части себя, поколику въ ней имѣется сила, во всѣхъ случаяхъ сохраняющая C. мнѣніе объ опасностяхъ, эти ли онѣ и такія ли, которыми и какими законодатель объявилъ ихъ въ воспитаніи. Или не то называешь ты мужествомъ? — Не очень понялъ я, что̀ ты сказалъ: скажи опять, отвѣчалъ онъ. — Мужество, говорю, есть нѣкоторое храненіе, продолжалъ я.—Какое храненіе?—Храненіе мнѣнія о законѣ относительно опасностей, полученномъ съ воспитаніемъ, что такое эти опасности и какія. Вообще, я назвалъ мужество храненіемъ — потому, что человѣкъ и въ скорбяхъ, и въ удовольствіяхъ, и въ желаніяхъ, и среди страховъ удерживаетъ то мнѣніе и никогда не оставляетъ его. Если хочешь, я, пожалуй, уподоблю его, D. чему, мнѣ кажется, оно подобно [2]. — Да, хочу.—Не зна-

---

[1] Мудрость государства, по ученію Платона, есть правительство. Не многочисленность отличныхъ художниковъ и земледѣльцевъ, не спеціальности въ обширной области знаній надобно называть мудростію, а ту все соединяющую и всѣмъ управляющую силу, которая вноситъ свой распорядокъ и правильность во всѣ занятія общества.

[2] Это подобіе такъ характеристически выражаетъ предметъ — чувство законности, показывающей, что̀ страшно и нестрашно, что многіе позднѣйшіе писа-

ешь ли, продолжалъ я, что красильщики, намѣреваясь окрасить шерсть такъ, чтобы она была пурпуровая, сперва изъ множества цвѣтовъ выбираютъ одинъ родъ — цвѣта бѣлаго, потомъ употребляютъ немало предварительныхъ трудовъ на приготовленіе шерсти, чтобы она приняла наиболѣе цвѣта этого рода, и такъ-то приготовленную уже красятъ.
E. И все, что красится этимъ способомъ, бывъ окрашено, пропитывается такъ, что мытье ни съ вычищательными средствами, ни безъ вычищательныхъ[1] не можетъ вывесть краски. А иначе,—знаешь, чтò бываетъ, этимъ ли кто цвѣтомъ, или другимъ окрашиваетъ вещь, не приготовивши ея? — Знаю, сказалъ онъ: она вымывается и становится смѣшанною. — Такъ замѣть, примолвилъ я, что это же, по возможности, дѣлаемъ и мы, когда избираемъ воиновъ и
430. учимъ ихъ музыкѣ и гимнастикѣ. Не думай, будто мы затѣваемъ что другое, а не то, какъ бы наилучше, по убѣж-

---

тели брали его у Платона и развивали въ своихъ сочиненіяхъ. *Gataker* ad Antonin. III, 4, p. 70. *Ruhnk.* ad Tim. Gloss. p. 75 sq. *Wyttenbach.* ad Plut. de S. N. V, p. III. *Ruhnk.* l. c. приводитъ слова Цицерона apud Nonium p. 386. 521: Uti qui combibi purpuram volunt sufficiunt prius lanam medicamentis quibusdam, sic literis talibusque doctrinis ante excoli animos et ad sapientiam concipiendam imbui et præparari decet. Но Цицеронъ принаровляетъ это подобіе къ общимъ приготовительнымъ курсамъ воспитанія теоретическаго, чтобы юноша потомъ способенъ былъ принять и хранить уроки мудрости: напротивъ, у Платона оно направляется больше къ выраженію воспитанія нравственнаго. Надобно, чтобы душа юноши прежде всего пропитана была чувствомъ законности дѣйствій, или чувствомъ уваженія къ закону: это — то же, что у живописцевъ, или вообще у художниковъ, грунтъ, ручающійся за прочность той краски, какая будетъ на немъ положена. Въ какой душѣ этого грунта не имѣется, или онъ составленъ фальшиво — изъ ложныхъ и негармонирующихъ съ душою началъ, на ту какая бы блестящая краска образованности наводима ни была,—тотчасъ или выгоритъ она отъ зноя, или смоется отъ дождя. Между тѣмъ сколько примѣровъ, что юноши нетолько въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ цѣлыхъ корпораціяхъ размалевываются яркими красками наукъ безъ надлежащаго грунта!

[1] Вычищательныя средства, *ῥύμματα*, по Схоліасту, *τρίμματα, σμήγματα*, — вытиранья, стиранья. *Cornarius* Eclogg. p. 98, ed. Fischer: «sunt autem *ῥύμματα*, quæ extersoriam et repugnantem vim habent, velut est nitrum (селитра), quod hic *χαλαστραῖον* a loco vocat, et lixivium (щелокъ), quod *κονίαν* hic appellat, quanquam etiam calcem (известь) hæc vox significat. Est autem lixivium e calce paratum primarium et maxime vì illa præditum.»

денію, приняли они законы — основную краску, и получая природу и пищу благопотребную, пропитывались мнѣніемъ о предметахъ страшныхъ и всѣхъ другихъ; такъ чтобы краска ихъ не смывалась тѣми чистительными средствами, напримѣръ, удовольствіемъ, скорбію, страхомъ и пожеланіемъ, которыя въ состояніи все изглаживать и сдѣлать это силь- B.
нѣе всякаго халастра [1], пятновыводящаго порошка и другаго вычищающаго вещества. Такую-то силу и всегдашнее храненіе правильнаго и законнаго мнѣнія о вещахъ страшныхъ и нестрашныхъ я называю мужествомъ и въ этомъ поставляю мужество, если ты не почитаешь его чѣмъ-нибудь другимъ. — Не почитаю ничѣмъ другимъ, сказалъ онъ; потому что правильное мнѣніе о томъ же самомъ, родившееся безъ образованія,—мнѣніе звѣрское и рабское ты почитаешь не очень законнымъ, и называешь его чѣмъ-то другимъ, а не мужествомъ.—Весьма справедливо говоришь, сказалъ я. C.
—Такъ принимаю это за мужество.—Да и принимай,—по крайней мѣрѣ за мужество политическое, примолвилъ я,—и примешь правильно. Въ другой разъ, если угодно, мы еще лучше разсмотримъ его: теперь же у насъ изслѣдывается не это, а справедливость; такъ для изслѣдованія ея, о мужествѣ, какъ я полагаю, сказано довольно. — Ты хорошо говоришь, примолвилъ онъ.—

Теперь, продолжалъ я, остаются еще два предмета, на D.
которые надобно взглянуть въ городѣ,—разсудительность и то, для чего изслѣдывается все это, — справедливость. — Да, конечно. — Какъ же бы найти намъ справедливость, чтобы уже не заниматься разсудительностію? — Я-то не знаю, отвѣчалъ онъ; да и не хотѣлъ бы, чтобъ она открылась прежде, чѣмъ разсмотримъ мы разсудительность. Такъ если хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе,—разсмотри эту прежде

[1] Халастръ—селитра, по Схоліасту, получилъ свое имя отъ македонскаго города Халастры, *ἔνθα τὸ χαλαστραῖον νίτρον γιγνόμενον διὰ ἐννεατηρίδος πήγνυται ὁμοίως δὲ λύεται.* *Plin.* Histor. Nat. XXXI, 19. 5. 46, ed. Hard. Optimum (nitrum) copiosumque in litis Macedoniæ, quod vocant Chalastricum, candidum purumque, proximum sali.

той.—Хотѣть-то, безъ сомнѣнія, хочу, сказалъ я, лишь бы не
E. сдѣлать несправедливости.—Разсмотри же, сказалъ онъ.—
Надобно разсмотрѣть, примолвилъ я; и если на разсудительность смотрѣть съ этой-то точки зрѣнія,—она, больше чѣмъ первыя, походитъ на симфонію и гармонію.—Какъ?—Это — какой-то космосъ, продолжалъ я: разсудительность, говорятъ, есть воздержаніе отъ удовольствій и пожеланій, и прибавляютъ, что она какимъ-то образомъ кажется выше самой себя, и что все другое въ этомъ родѣ есть какбы слѣдъ ея. Не такъ ли? — Всего болѣе, отвѣчалъ онъ. — Между тѣмъ, выраженіе: *выше себя*, не смѣшно ли? Вѣдь кто выше себя, тотъ, вѣроятно, и ниже себя, а кто—ниже, тотъ
431. —выше; такъ какъ во всѣхъ этихъ выраженіяхъ разумѣется одинъ и тотъ же.—Какъ не одинъ и тотъ же?—Но этимъ словомъ, повидимому, высказывается, что въ самомъ человѣкѣ, относительно къ душѣ его, есть одно лучшее, а другое—худшее, и что если по природѣ лучшее воздерживается отъ худшаго, — это называется быть выше себя—значеніе похвалы; а когда лучшее овладѣвается худою пищею либо бесѣдою и, сравнительно со множествомъ худ-
B. шаго, становится маловажнѣе,—это значитъ какбы съ негодованіемъ порицать такого человѣка и называть его низшимъ себя и невоздержнымъ. — Да и слѣдуетъ. — Посмотри же теперь, продолжалъ я, на юный нашъ городъ,—и ты найдешь въ немъ одно изъ этого. Онъ, справедливо скажешь, почитается выше себя, если только мудрымъ и высшимъ надобно называть то, въ чемъ лучшее начальствуетъ надъ худшимъ.—Да, смотрю, сказалъ онъ: ты правду говоришь. — Притомъ, многочисленныя-то и разнообразныя
C. пожеланія, удовольствія и скорби можно встрѣчать большею частію во всѣхъ,—и въ женщинахъ, и въ слугахъ, и во многихъ негодныхъ людяхъ, называемыхъ свободными. — Ужъ конечно.—А простыя-то и умѣренныя, управляемыя именно союзомъ ума и вѣрнаго мнѣнія, встрѣтишь ты въ немногихъ, наилучшихъ по природѣ и наилуч-

шихъ по образованію. — Правда, сказалъ онъ. — Такъ не видишь ли, — въ городѣ у тебя умѣстно и то, чтобы пожеланія многихъ и негодныхъ были тамъ подъ властію по- D.
желаній и благоразумія немногихъ и скромнѣйшихъ? — Вижу, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, если какой-нибудь городъ должно назвать городомъ выше удовольствій, пожеланій и его самого; то вмѣстѣ съ нимъ слѣдуетъ назвать и этотъ. — Безъ сомнѣнія, примолвилъ онъ. — А по всему этому, не назовемъ ли его и разсудительнымъ? — И очень, отвѣчалъ онъ. — Да и то еще: если въ какомъ-нибудь городѣ, и начальствующіе и подчиненные питаютъ одинаковое мнѣніе о томъ, кому должно начальствовать; то и E.
въ этомъ умѣстно то же самое. Или тебѣ не кажется? — Напротивъ, даже очень, сказалъ онъ. — Такъ видишь ли? мы теперь послѣдовательно дознали, что разсудительность походитъ на нѣкоторую гармонію.—Что это за гармонія?— То, что разсудительность—не какъ мужество и мудрость: обѣ эти, находясь въ извѣстной части города, дѣлаютъ его —первая мужественнымъ, послѣдняя мудрымъ; а та дѣй- 432.
ствуетъ иначе: она устанавливается въ цѣломъ городѣ и отзывается во всѣхъ его струнахъ [1], то слабѣйшими, то сильнѣйшими, то средними, но согласно поющими одно и то же звуками,—хочешь умствованіемъ, хочешь силою, хочешь многочисленностію, деньгами, либо чѣмъ другимъ въ этомъ родѣ; такъ что весьма правильно сказали бы мы, что разсудительность есть это-то самое единомысліе, согласіе худшаго и лучшаго по природѣ въ томъ, кому должно начальствовать и въ обществѣ и въ каждомъ человѣкѣ. — Я совершенно того же мнѣнія, сказалъ онъ. — B.

Хорошо, продолжалъ я; въ городѣ у насъ три вида обозрѣны,—по крайней мѣрѣ такъ кажется. Чтоже будетъ остальной-то видъ, по которому городъ равно причастенъ доб-

[1] *Отзывается во всѣхъ его струнахъ*, *διὰ πασῶν παρεχομένη*, т. е. *χορδῶν*. Это выраженіе взято изъ терминологіи музыкантовъ и означаетъ гармоническое сліяніе всѣхъ главныхъ звуковъ, или аккордъ.

родѣтели? Вѣдь явно, что это — справедливость.—Явно.— Такъ теперь, Главконъ, мы, подобно какимъ-нибудь охотникамъ вокругъ кустарника, должны стать вокругъ справедливости и быть внимательными, чтобы она какъ-нибудь не ушла и, скрывшись, не утаилась отъ насъ; ибо явно
C. вѣдь, что ей надобно быть гдѣ-нибудь тутъ. Смотри же и старайся подмѣтить; можетъ быть, ты увидишь прежде меня,—тогда скажи и мнѣ.—Да, еслибы могъ, примолвилъ онъ: но ты гораздо правильнѣе употребишь меня, какъ человѣка, могущаго больше слѣдовать за тобою и имѣть въ виду то, что ему указываютъ.—Слѣдуй, помолившись [1] со мною, сказалъ я.—Слѣдую, примолвилъ онъ; только веди.— Тѣмъ больше нужно это, замѣтилъ я, что мѣсто-то, повидимому, непроходимо и во мракѣ, поэтому темно и не вдругъ поддается изслѣдованію. Впрочемъ, надобно же идти. — Да,
D. надобно, сказалъ онъ. — Тутъ я, какбы усмотрѣвъ нѣчто, вскричалъ: а, а! Главконъ! должно быть попадаемъ на слѣдъ, и кажется, этому нелегко уйти отъ насъ. — Добрая вѣсть, сказалъ онъ. — Въ самомъ дѣлѣ, примолвилъ я, вѣдь мы страдаемъ слабостію. — Какою?—Это-то, любезнѣйшій, кажется, давно уже, съ самаго начала вертится у насъ подъ ногами, а мы все не видѣли и были смѣшными. Какъ тѣ, которые, держа что-нибудь въ рукахъ, иногда ищутъ того,
E. что держатъ: такъ и мы на это-то не смотрѣли, а устремляли взоръ далѣе, и оттого-то, можетъ быть, это скрывалось отъ насъ.—Что ты разумѣешь? спросилъ онъ.—То, отвѣчалъ я, что мы, кажется, давно уже и говоримъ это, и слушаемъ, сами не замѣчая за собою, что говорили нѣкоторымъ образомъ это.—Для охотника слушать, такое предисловіе длинно, сказалъ онъ.—Такъ слушай, дѣло ли говорю,
433. продолжалъ я. Устрояя городъ, мы вѣдь съ самаго начала положили, что надобно дѣйствовать относительно ко всему,

---

[1] *Слѣдуй, помолившись со мною,* ἕπου—εὐξάμενος μετ᾽ ἐμοῦ. Это, кажется, была поговорка, подобная нашей: иди съ Богомъ, или, ступай съ Божіею помощію. Таково же употребленіе ея Phileb. p. 25 B. Tim. p. 27 B. C.

и что это, или видъ этого [1], какъ мнѣ кажется, есть справедливость. Мы положили, то-есть, и, если помнишь, многократно говорили, что изъ дѣлъ въ городѣ каждый гражданинъ долженъ производить одно то, къ чему его природа наиболѣе способна.—Да, говорили.—А что производить свое-то и не хвататься за многое, есть именно справедливость,—это слышали мы и отъ другихъ, и часто высказывали сами. —Да, высказывали.—Такъ это-то, другъ мой, нѣкоторымъ B.
образомъ бывающее, продолжалъ я,—это дѣланіе своего, вѣроятно, и есть справедливость. Знаешь ли, изъ чего заключаю? — Нѣтъ, скажи, отвѣчалъ онъ. — Мнѣ кажется, въ изслѣдуемыхъ нами добродѣтеляхъ города, то-есть, въ разсудительности, мужествѣ и мудрости, остальное есть то, что всѣмъ имъ доставляетъ силу внѣдряться въ человѣка [2], и въ кого онѣ внѣдряются-то, тѣмъ служитъ къ спасенію, пока въ комъ это имѣется. Но остальное въ нихъ, когда эти три были C.
найдены, мы назвали справедливостью. —Да и необходимо,

---

[1] *Это, или видъ этого — справедливость.* Сократъ даетъ поводъ думать, что онъ видѣлъ справедливость нетолько въ частномъ исполненіи своей обязанности, или въ дѣланіи своего дѣла, какъ это является на опытѣ, но еще больше въ законѣ (εἶδος), который долженъ обнаруживаться частными дѣйствіями, направленными у каждаго къ своему. Справедливость, понимаемая въ смыслѣ дѣланія своего дѣла, какъ видъ, становится добродѣтелью всѣхъ гражданъ и находится подъ управленіемъ государственной мудрости, въ предѣлахъ ея соображеній, какъ запряженные кони въ рукахъ возничаго. Гдѣ этой всеобщей видовой дѣятельности нѣтъ, или гдѣ дѣлаютъ свое только нѣкоторые частные граждане: тамъ дѣлающіе свое несутъ двойную или тройную тяжесть сравнительно съ другими, развлекающимися разнообразіемъ дѣлъ; тамъ дѣланіе своего становится затруднительнымъ, а иногда вовсе невозможнымъ. Сапожнику, старательно дѣлающему свое, трудно, даже вовсе нельзя приготовлять хорошіе сапоги въ томъ обществѣ, въ которомъ не заботятся о своемъ дѣлѣ кожевники.

[2] Сократъ раскрываетъ слѣдующую мысль: справедливость есть такая добродѣтель, которая мудрости, мужеству и разсудительности доставляетъ какбы свойственную каждой силу; потому что она одна дѣлаетъ то, что эти добродѣтели могутъ развиваться и преуспѣвать. Мудрость есть добродѣтель правительства: но правительству необходимо быть справедливымъ, то-есть дѣлать свое, чтобы въ управленіи обнаруживалась мудрость. Мужество есть добродѣтель стражей: но стражамъ необходимо быть справедливыми, то-есть дѣлать свое, чтобы они являлись мужественными. Разсудительность есть гармонія общества, или единомысліе гражданъ относительно лучшаго и худшаго, высшаго и низшаго, управляющаго и управляемаго: но это единомысліе не иначе возможно, какъ подъ

сказалъ онъ.—Еслибы, впрочемъ, надлежало-таки рѣшить, продолжалъ я, что̀ изъ этого сдѣлаетъ нашъ городъ особенно добрымъ, поколику въ немъ имѣется; то было бы неразрѣшимымъ, согласіе ли начальствующихъ и подчиненныхъ, врожденное ли воинамъ храненіе законнаго мнѣнія о вещахъ ныхъ и нестрашныхъ, что такое онѣ, свойственная ли пра-
D. страшвителямъ мудрость и бдительность, или наконецъ это, —когда каждый, какъ одинъ, дѣлаетъ одно и не хватается за многое, доставляетъ городу больше доброты, поколику имѣется и въ дитяти, и въ женщинѣ, и въ рабѣ, и въ свободномъ, и въ художникѣ, и въ начальникѣ, и въ подчиненномъ.— Было бы неразрѣшимымъ, сказалъ онъ; какъ не быть?—Слѣдовательно сила каждаго дѣлать свое борется, какъ видно, за добродѣтель города съ его мудростію, разсудительностію и мужествомъ.—Конечно, сказалъ онъ.—Такъ не положить ли,
E. что справедливость есть борьба съ ними за добродѣтель? — Совершенно полагаю.—Смотри же и сюда; такъ ли покажется? Не правителямъ ли города предоставишь ты дѣла судебныя? — Какже. — Но къ иному ли чему будетъ направляться ихъ судъ, или къ тому, чтобы каждый и не захватывалъ чужаго, и не лишался своего? — Не къ иному чему, а къ этому. — Такъ какъ это справедливо? — Да. — Слѣдовательно справедливость и поэтому, вѣроятно, можемъ мы почитать
434. удерживаніемъ собственнаго и дѣланіемъ своего.—Правда.— Взгляни-ка теперь, покажется ли и тебѣ, какъ мнѣ. Плотникъ, рѣшаясь производить работы башмачника, или башмачникъ — работы плотника, и взаимно обмѣниваясь орудіями и значеніемъ, либо одинъ кто-нибудь, намѣреваясь исполнять дѣла обоихъ и перемѣняя все прочее, очень ли, дума-

---

условіемъ справедливости, или дѣланія своего дѣла; потому что иначе низшее, не дѣлая своего, какъ низшее, или подчиненное, не дѣлая своего, какъ подчиненное, перестаетъ быть разсудительнымъ. Итакъ, справедливость общества состоитъ въ томъ, чтобы и рабочіе, и военные, и управляющіе знали свое и исполняли каждый собственную обязанность, а въ чужія дѣла не мѣшались. Поэтому неудивительно, что справедливость иногда понимается Платономъ какъ вся добродѣтель. См. I, p. 350 C. D. 351. A. 354. A. VIII, 554 E.

ешь, повредитъ городу?—Не очень, сказалъ онъ.—Но кто, полагаю, по природѣ художникъ, или какой другой промышленникъ, возгордившись либо богатствомъ, либо множествомъ, либо силою, либо чѣмъ инымъ въ этомъ родѣ, рѣшился бы B.
войти въ кругъ дѣлъ воинскихъ, или военный — въ кругъ дѣлъ совѣтника и блюстителя, тогда какъ онъ того не стоитъ, и оба эти взаимно обмѣнялись бы орудіями и значеніями, либо даже одинъ захотѣлъ бы дѣлать все вмѣстѣ; тотъ, какъ и ты, думаю, согласишься, этимъ обмѣномъ и многодѣльемъ погубилъ бы городъ.—Совершенно.—Слѣдовательно, при трехъ видахъ добродѣтели, многодѣлье и взаимный обмѣнъ занятій C.
причиняютъ городу величайшій вредъ и весьма правильно могутъ быть названы злодѣяніемъ.—Конечно такъ.—А злодѣяніе не назовешь ли ты величайшею несправедливостію противъ своего города?—Какъ не назвать?—Это-то, стало-быть,—несправедливость. Скажемъ опять и такъ: своедѣлье видовъ—промышленнаго, вспомогательнаго и блюстительнаго, поколику всякій изъ нихъ въ городѣ дѣлаетъ свое, будетъ противно той несправедливости,—будетъ справедливость и сдѣлаетъ городъ справедливымъ.—Мнѣ кажется, не инымъ, примолвилъ онъ, но именно такимъ.—Твердо мы, можетъ быть, ничего не скажемъ объ этомъ, замѣтилъ я. Но если D.
искомый видъ подойдетъ у насъ къ отдѣльному человѣку и въ немъ также будетъ справедливостью, то уже согласимся,—да что тогда и говорить?—а когда не подойдетъ—станемъ разсматривать что-нибудь другое. Итакъ, теперь окончимъ свое изслѣдованіе обычнымъ способомъ, а именно: если прежде мы брались созерцать справедливость въ чемъ-то великомъ, гдѣ она имѣется; то гораздо легче можемъ примѣтить ее въ одномъ человѣкѣ. Намъ показалось, что это есть E.
городъ; такъ вотъ мы и устрояли его, какъ могли наилучше, зная хорошо, что справедливость можетъ находиться именно въ наилучшемъ. Теперь же, что̀ открыли мы тамъ, перенесемъ на одного; и если уладится,—будетъ хорошо, а когда въ одномъ обнаружится что-нибудь иное,—опять воротимся и станемъ

435. испытывать городъ. Авось-либо, чрезъ взаимное изслѣдованіе и треніе ихъ, мы извлечемъ справедливость, какъ огонь изъ поленьевъ дерева, и выведши ее наружу, утвердимъ у насъ самихъ. — Ты говоришь о порядкѣ, сказалъ онъ; такъ и надобно дѣлать.—

Пусть что-либо, напримѣръ большее и меньшее, означается словомъ *то же*: подобны ли они, поколику называются тѣмъ же, или не подобны? спросилъ я. — Подобны, отвѣчалъ
B. онъ. — Слѣдовательно, справедливый человѣкъ, по самому роду справедливости, не будетъ отличаться отъ справедливаго города, а будетъ подобенъ ему. — Подобенъ, сказалъ онъ.—Но городъ-то вѣдь казался намъ справедливымъ, когда находящіеся въ немъ три рода природъ дѣлали каждый свое; а будучи разсудительнымъ, мужественнымъ и мудрымъ, чрезъ самые эти роды, получалъ онъ другія качества и состоянія. — Правда, примолвилъ онъ.—Стало-быть, и одного человѣка, другъ мой, мы будемъ представлять себѣ такъ, что онъ въ своей душѣ имѣетъ эти же самые роды, если городу справедливо приписываются одинаковыя съ ними и озна-
C. чаемыя тѣми же именами свойства. — Крайне необходимо, сказалъ онъ.—Ну такъ не на маловажное изслѣдованіе души попали мы, почтеннѣйшій, замѣтилъ я, какъ скоро возникъ вопросъ: есть ли въ ней эти три рода, или нѣтъ?—Повидимому, очень не на маловажное, сказалъ онъ: вѣдь можетъ быть и справедлива поговорка, Сократъ, что прекрасное трудно [1].—Кажется, примолвилъ я. Да и то знай, Главконъ,
D. что тѣмъ путемъ, котораго мы въ своей бесѣдѣ держались теперь, намъ, я думаю, никогда не достигнуть этого съ точностію; потому что къ этому ведетъ путь болѣе длинный и широкій; хотя, примѣнительно къ прежнимъ изслѣдованіямъ, прилично было бы взять намъ тотъ [2].—Такъ не оставаться ли

---

[1] *Прекрасное трудно*, χαλεπὰ τὰ καλά: пословица, встрѣчающаяся также lib. VI, p. 450 D. Cratyl. p. 384 A. Hipp. Maj. p. 304 E. Это изреченіе Схоліастъ приписываетъ Солону.

[2] Сократъ разумѣетъ привычную себѣ, простую и доступную для понятія

на немъ? спросилъ онъ: вѣдь для меня, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, онъ былъ бы достаточенъ. — А меня-то и очень удовлетворитъ, сказалъ я.—Не затрудняйся же, примолвилъ онъ, и изслѣдывай.—Итакъ, не крайне ли необходи- E.
мо согласиться намъ, продолжалъ я, что въ каждомъ изъ насъ есть тѣ самые роды и нравы, какіе въ городѣ? Вѣдь не откуда же, вѣроятно, все идетъ туда [1].—Да и смѣшно было бы, еслибы кто подумалъ, что гнѣвливость приращдается городамъ не частными лицами, которыя точно такими и оказываются, напримѣръ, во Ѳракіи, да въ Скиѳіи, и въ мѣстахъ еще выше; тогда какъ около нашихъ мѣстъ можно замѣчать особенно любознательность, а около Финикіи и Египта не менѣе 436.
замѣтна склонность къ любостяжанію [2]. — И очень, сказалъ онъ.—Это-то такъ, примолвилъ я; это знать нетрудно.—Конечно. — Но слѣдующее уже трудно: — тѣмъ же ли самымъ дѣлаемъ мы каждое (дѣло), или, такъ какъ у насъ три (природы), то одною одно,—познаемъ, то-есть, тѣмъ, гнѣваемся

методу аналитическую, и говоритъ, что, пользуясь этою методою, нельзя въ изслѣдованіи предположеннаго предмета дойти до точности, что для этого требуется другой путь — длинный и широкій, синтетическій. Но такъ какъ послѣдній былъ бы слишкомъ широкъ и ученъ, а изслѣдованія прежнимъ способомъ все же сообразны съ цѣлію труда; то онъ и рѣшается продолжать дѣло, идя тѣмъ же путемъ.

[1] *Все идетъ туда*, то-есть въ городъ. Общество, по ученію Платона, есть не иное что, какъ образъ, или собирательное выраженіе одного человѣка. Отсюда—*δεῖ αὐτὴν καθάπερ ἕνα ἄνθρωπον ζῆν εὖ*. Legg. VIII, p. 328 E. Итакъ, каковы нравы и наклонности частныхъ людей, такой характеръ получаетъ и общество; но не наоборотъ: общество, по своимъ законамъ и постановленіямъ, хорошее не ручается за добрую нравственность всѣхъ частныхъ лицъ.

[2] Финикіяне, по своей любостяжательности, въ древности не пользовались хорошимъ мнѣніемъ. См. *Boisson*. ad Philostr. Heroic. p. 286. Астъ хорошо говоритъ: «Это мѣсто Платона замѣчательно: стихіи человѣческой природы и человѣческаго общества, *τὸ θυμοειδές, τὸ ἐπιθυμητικὸν καὶ τὸ σοφόν*, обнаруживаются нетолько въ отдѣльныхъ людяхъ, но характеризуютъ и отдѣльныя государства. Соотвѣтственно природѣ вещей, *τὸ θυμοειδές*, или въ обществѣ — *τὸ ἐπικουρικόν*, изъ чего проистекаетъ мужество, есть стихія, господствующая на сѣверѣ; *τὸ ἐπιθυμητικόν*, или въ обществѣ—*τὸ χρηματιστικόν*, особенно господствуетъ на востокѣ, гдѣ люди преданы нѣгѣ и роскоши; а *τὸ λογιστικόν* или *φιλομαθές* — преуспѣваетъ въ поясахъ умѣренныхъ, гдѣ больше процвѣтаетъ наука и образованіе.»

этимъ въ насъ, а похотствуемъ опять чѣмъ-нибудь третьимъ, имѣющимъ отношеніе къ пищѣ, къ рожденію удовольствій и
B. ко всему съ этимъ сродному, или,—когда стремимся къ чему-либо. относительно каждаго изъ тѣхъ предметовъ, — дѣйствуемъ цѣлою душою? Это трудно опредѣлить понадлежащему.—И мнѣ кажется, сказалъ онъ.—Такъ вотъ какъ примемся опредѣлять, то же ли это одно съ другимъ, или иное.—А какъ?—Явно, что то же, относительно къ тому же самому и для того же, не захочетъ вмѣстѣ дѣйствовать или терпѣть противное; такъ что, если въ томъ же мы найдемъ это (т. е.
C. противное), то будемъ знать, что то же было не то же [1], а больше, чѣмъ то же.—Пусть. — Смотри же, что̀ я говорю.—Говори, сказалъ онъ.—Возможно ли, чтообы одно и то же въ отношеніи къ одному и тому же стояло и двигалось? спросилъ я.—Никакъ невозможно.—Однакожъ условимся въ этомъ еще точнѣе, чтобы, простираясь впередъ, не придти къ недоумѣнію. Вѣдь еслибы кто говорилъ, что человѣкъ стоитъ, а руками и головою движетъ, и что (такимъ образомъ) онъ и стоитъ, и вмѣстѣ движется; то мы, думаю, не согласились бы, что такъ должно говорить, а (сказали бы), что одно въ немъ
D. стоитъ, другое движется. Не такъ ли? — Такъ. — Или, еслибы тотъ, кто лукаво утверждаетъ это, еще больше подшучивалъ, что-де и всѣ кубари стоятъ и вмѣстѣ движутся, когда вертятся, средоточіемъ уткнувшись въ одно мѣсто, да и всякое другое на своей подставкѣ вертящееся тѣло дѣлаетъ то

---

[1] Для бóльшаго поясненія этого мѣста, сравн. libr. I, p. 335 E; II, p. 357 A; X, p. 609 B: οὐκ ᾔδη, εἰσόμεθα, ὅτι ὄλεθρος οὐκ ἦν. *Matth.* Gr. § 505, 2. Явно, что тутъ высказывается обыкновенная логическая формула закона противорѣчія: о томъ же нельзя утверждать не того же. Но Платонъ, какъ извѣстно, съ этими логическими формами всегда соединялъ содержаніе, то-есть бралъ ихъ реально и полагалъ, какъ первыя стихіи для развитія теоріи идей. Здѣсь свое ученіе объ идеяхъ прилагаетъ онъ къ рѣшенію предложеннаго сейчасъ вопроса: сама ли по себѣ дѣлаетъ каждая часть души, что дѣлаетъ, или все совершаемое въ душѣ, которою бы ея природою что-либо ни совершалось, совершается цѣлою душою? Рѣчь Платона въ этомъ мѣстѣ довольно сжата и потому темна; для сего послѣ словъ: ἐν αὐτοῖς ταῦτα γιγνόμενα, я повторяю въ знакѣ вмѣстительномъ τἀναντία — *противное*, а фразу ἀλλὰ πλείω дополняю словами: ἢ ταὐτόν — *чѣмъ то же*.

же самое,—мы, конечно, не приняли бы этого,—потому что такія вещи вертятся и не вертятся въ отношеніи не къ одно- E.
му и тому же,—а сказали бы, что въ нихъ есть прямое и круглое, и что по прямотѣ онѣ стоятъ, ибо никуда не уклоняются, а по окружности совершаютъ круговое движеніе. Когда же эта прямота, вмѣстѣ съ обращеніемъ окружности, уклоняется направо либо налѣво, впередъ либо назадъ, тогда въ вещи уже ничто не можетъ стоять.—И справедливо, сказалъ онъ. — Итакъ, насъ не изумитъ никакое подобное положеніе и уже не увѣритъ, будто что-нибудь, будучи тѣмъ же въ отношеніи къ тому же и для того же, иногда можетъ терпѣть или дѣлать противное.—Меня-то не увѣритъ, ска- 437.
залъ онъ.—Впрочемъ, продолжалъ я, чтобы, чрезъ разсужденіе о всѣхъ такихъ недоумѣніяхъ и чрезъ доказываніе ихъ несправедливости, не подвергаться намъ необходимости растягивать свою рѣчь,—мы положимъ это за вѣрное и пойдемъ впередъ съ условіемъ, — еслибы иное показалось намъ иначе, а не такъ, — рѣшать все, заключая отъ этого. — Такъ и надобно дѣлать, сказалъ онъ. — Хорошо, — согласіе и несогласіе, желаніе взять что-нибудь и отрицаніе, приведеніе къ B.
себѣ и удаленіе отъ себя, и всѣ такія—дѣйствія ли то будутъ или страданія, (различія здѣсь нѣтъ никакого), —не поставишь ли ты въ числѣ предметовъ противуположныхъ одинъ другому? спросилъ я.—Конечно, въ числѣ противуположныхъ, сказалъ онъ.—Но что? продолжалъ я, жажданія и алканія, вообще пожеланій, также хотѣнія и стремленія, — всего этого не причтешь ли ты какъ-нибудь къ тѣмъ родамъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили? то-есть, душу желающаго не назовешь C.
ли душою, всегда стремящеюся къ тому, чего она желала бы, или привлекающею то, что хотѣла бы она имѣть при себѣ, или опять душою, сколько хочется ей пріобрѣсть чего-нибудь, соглашающеюся на это, какъ-будто кто спрашиваетъ ее, и домогающеюся, чтобы это было?—Причту.—Ну, а отвращенія, нехотѣнія и нежеланія не отнесемъ ли мы къ отогнанію и удаленію отъ души, и ко всему, что противно прежнему?—

D. Какъ не отнесть? — Если же это такъ, то желанія не признаемъ ли мы нѣкоторымъ родомъ, живѣйшими же желаніями не сочтемъ ли тѣхъ, изъ которыхъ одно называется жаждою, а другое голодомъ? — Сочтемъ, сказалъ онъ. — Но первое не есть ли желаніе питья, а послѣднее — пищи? — Да. — Итакъ, поколику есть жажда, — бóльшаго ли чего желаетъ душа, чѣмъ того, о чемъ мы говорили? то-есть, жажда есть ли жажда теплаго питья либо холоднаго, многаго либо немногаго, — однимъ словомъ: какого-нибудь [1]? А какъ скоро
E. къ жаждѣ прибавилось бы теплое, не пробудилось ли бы этимъ желаніе холоднаго, либо, когда холодное, — желаніе теплаго? Если же, чрезъ присущіе многоразличія, жажда была бы многоразлична, то не пробудилось ли бы этимъ желаніе многоразличнаго, либо, когда немногоразлична, — желаніе немногоразличнаго? Или самое жажданіе есть желаніе не иного чего, какъ ему сроднаго, то-есть просто питья, равно какъ голодъ есть желаніе просто пищи [2]? — Такъ, сказалъ онъ; самое-то желаніе, взятое отдѣльно, есть желаніе только отдѣльнаго, что
438. ему сродно: а такое или такое (питье), это (ограниченія) привзошедшія. — Но какъ бы кто-нибудь не возмутилъ насъ, будто людей недальновидныхъ, говоря, что всякій желаетъ не питья, а пригоднаго питья, и не пищи, а пригодной пищи. Вѣдь всѣ желаютъ себѣ благъ; слѣдовательно, если жажда

---

[1] Мысль такова: жажда, разсматриваемая какъ жажда, сама по себѣ, желаетъ ли чего-нибудь больше, кромѣ того, что мы говоримъ, то-есть кромѣ питья? Когда мы опредѣляемъ понятіе жажды, нужно ли намъ, для опредѣленія ея, нетолько питье, котораго собственно желаемъ, но еще питье теплое либо холодное, въ большомъ или маломъ количествѣ? Вообще, когда говорится просто о жаждѣ, берется ли въ расчетъ качество и количество питья? Подъ словами *ποιοῦ τινος πώματος* надобно разумѣть не *ποιότης* въ смыслѣ тѣснѣйшемъ, а *τὸ ποῖον* — форму, или ограниченіе жажды какими бы то ни было, количественными или качественными признаками.

[2] *Желаніе*, — *ἐπιθυμία*, и *желаніе само по себѣ*, — *αὐτὴ ἡ ἐπιθυμία*, Платонъ различаетъ такъ, что первое есть родъ природы пожелательной, и формы ея многоразличны; такъ что, какъ скоро пробуждается желаніе теплаго, тотчасъ противуполагается нежеланіе холоднаго, и вообще, она есть желаніе *τοῦ τοίου ἢ τοίου*: напротивъ, послѣднее есть желаніе въ значеніи чистой идеи силы, дѣйствующей въ нѣдрѣ ума и тожественной съ свободою.

есть желаніе, то оно должно быть желаніемъ пригоднаго — питья ли то, или чего другаго подобнаго: то же—и прочія желанія. — Да можетъ быть и дѣло сказалъ бы тотъ, кто сказалъ бы такъ, замѣтилъ онъ. — Однакожъ все такое, что поставлено въ связь съ чѣмъ-нибудь, по нѣкоторымъ каче- B. ствамъ, относится, какъ я думаю, къ извѣстному качественному предмету, а что существуетъ само по себѣ, то относится только къ себѣ [1].—Не понимаю, сказалъ онъ. — Не понимаешь того, возразилъ я, что большее бываетъ больше чего-нибудь?—О, конечно.—Значитъ, меньшаго?—Да.—Поэтому, и гораздо большее—гораздо меньшаго; не правда ли? — Да. — Слѣдовательно, и нѣкогда большее — нѣкогда меньшаго, и будущее большее—будущаго меньшаго?—Да какже, сказалъ онъ.—Не такъ же ли относится и множайшее къ немногому, C. и двукратное къ половинному, и все подобное? не такъ же ли опять—тяжелѣйшее къ легчайшему, скорѣйшее—къ медленнѣйшему, да и теплое къ холодному, и все тому подобное?— Безъ сомнѣнія. — А что сказать о наукахъ? не то же ли отношеніе? Сама-то наука есть наука о ея ученіи, — въ чемъ бы ни надлежало полагать его; а наука нѣкоторая, и нѣкоторая качественная, есть знаніе чего-то качественнаго. Разсуждаю такъ: не знаніемъ ли своего дѣла наука отличается отъ D. другихъ наукъ, когда называется домостроительствомъ? — Какже. — Стало-быть, не тѣмъ ли, что она такова, какою не бываетъ ни одна изъ нихъ? — Да. — Слѣдовательно, поколику она есть наука какого-нибудь предмета, и сама дѣлается какою-нибудь наукою? и такимъ же образомъ прочія искуства и науки?—Правда.—Такъ вотъ и полагай, что это-то хотѣлось мнѣ тогда сказать, примолвилъ я, если теперь ты

---

[1] Что поставлено въ связь съ чѣмъ-нибудь, *οἷα εἶναι τοῦ*, то-есть, *ὥστε εἶναι πρός τι*. Всякая вещь имѣетъ нѣкоторыя свойства существенныя, по которымъ она существуетъ сама по себѣ и для себя: съ этой стороны существованіе ея самостоятельно или безусловно. Но во всякой вещи есть и такія качества, по которымъ она есть вещь для другихъ вещей, и чрезъ которыя находится въ связи съ ними: съ этой стороны бытіе ея называется относительнымъ. Это различіе между сторонами одной и той же вещи Платонъ далѣе объясняетъ примѣрами.

понялъ, что все, поставленное въ связь съ чѣмъ-нибудь, одно,
E. само по себѣ, принадлежитъ себѣ одному, а по нѣкоторымъ качествамъ, принадлежитъ чему-нибудь качественному. Впрочемъ, разумѣю не то, будто, чему что принадлежитъ, таково то и есть, будто, напримѣръ, наука о здоровомъ и больномъ здорова и больна, а о зломъ и добромъ—зла и добра [1]: нѣтъ, но поколику она стала наукою не того, чего есть наука, а какого-либо качественнаго предмета, именно здоровья и болѣзни,—ей и самой пришлось сдѣлаться качественною, и это заставило назвать ее уже не просто наукою, но съ прибавленіемъ нѣкотораго качества,—медициною.—Понялъ, сказалъ
439. онъ, и мнѣ кажется, это такъ.—А жажда? продолжалъ я.—Не отнесешь ли ты и ее къ чему-нибудь такому, что есть? Вѣроятно, и жажда есть жажда чего-нибудь?—Конечно; я отнесу ее къ питью, отвѣчалъ онъ.—Но между тѣмъ какъ качествомъ извѣстнаго питья опредѣляется качество и жажды, самая жажда опять не бываетъ ли жаждою не многаго и не малаго, не хорошаго и не худаго, однимъ словомъ—не какого-нибудь, а только самого питья?—Безъ сомнѣнія.—Слѣдо-
B. вательно, душа жаждущаго, поколику жаждетъ, не хочетъ ничего болѣе, какъ жаждать; къ этому она направляется и къ этому стремится.—Ужъ конечно.—Посему, что отвлекаетъ ее отъ жажданія, когда она жаждетъ; то не есть ли въ ней нѣчто отличное отъ самаго жаждущаго и ведущаго ее, будто животное, къ питью? Вѣдь то же-то, въ отношеніи къ тому же, говоримъ мы, не дѣлаетъ противнаго самому себѣ.—Конечно.—Такъ-то и о стрѣлкѣ, думаю, нехорошо было бы сказать, будто его руки въ одно и то же время тянутъ лукъ и къ себѣ и отъ себя, но слѣдуетъ полагать, что одна рука тянетъ
C. его отъ себя, другая къ себѣ.—Безъ сомнѣнія.—А скажемъ ли, что есть люди, нехотящіе пить, когда они жаждутъ?—Да

---

[1] Это замѣчаніе Сократа напоминаетъ о многихъ умозаключеніяхъ или софизмахъ Эвтидема и Діонисіодора, которые, принимая относительные признаки вещей за существенные и существенные — за относительные, изъ своихъ посылокъ легко выводили слѣдствія самыя нелѣпыя. См. Euthyd. passim.

и очень много; это часто случается, отвѣчалъ онъ.—Что же подумать о нихъ? спросилъ я: не то ли, что въ душѣ ихъ есть одно повелѣвающее, а другое возбраняющее пить, и что послѣднее отлично отъ повелѣвающаго и господствуетъ надъ нимъ?—Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно, возбраняющее не по разуму ли внушаетъ это, если внушаетъ? а что ведетъ и влечетъ, не отъ страстей ли происходитъ и D. болѣзней?—Явно.—Такъ не безразсудно, сказалъ я, мы будемъ здѣсь признавать двойственное и взаимно различное: —одно, чѣмъ душа разумѣетъ, называя разумностію души, а другое, чѣмъ она любитъ, алчетъ, жаждетъ и влечется къ инымъ пожеланіямъ,—неразумностію и пожелательностію—подругою восполненія какихъ-нибудь наслажденій [1] и удовольствій.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, мы по справедливости мо- E. жемъ такъ думать.—Пусть же, сказалъ я, будутъ у насъ теперь разграничены два имѣющихся въ душѣ вида. Но видъ гнѣвливости, или то, чѣмъ мы гнѣваемся, есть ли третій, или онъ однороденъ съ которымъ-нибудь изъ этихъ [2]?—Можетъ быть, съ однимъ изъ этихъ,—съ пожелательностію, отвѣчалъ онъ.—Однакожъ нѣкогда носился слухъ, сказалъ я, и можно вѣрить, что Леонтій, сынъ Аглайона, возвращаясь изъ Пирея по дорогѣ за сѣверною стѣною, замѣтилъ лежавшія на лоб-

---

[1] Что разумную и неразумную природу души Платонъ противуполагалъ одну другой, — это во многихъ мѣстахъ его сочиненій высказано ясно (Tim. p. 69 C. Phaedr. p. 237 E. Сравн. *Aristot.* Magn. Mor. I, p. 1182. 23). Но рѣшеніе вопроса о природѣ гнѣвливой или раздражительной у Платона заключаетъ менѣе опредѣленности. Въ этомъ отношеніи вѣрнѣе всего то, что природу раздражительную онъ поставляетъ въ срединѣ между разумною и неразумною, такъ что почитаетъ ее центральною силою самочувствія. Въ природѣ раздражительной сотворенные боги какбы положили собственный свой образъ; поэтому θυμὸς въ человѣческой душѣ есть *τὸ δαιμόνιον* — божественное, среднее между Богомъ и смертностію. *Πᾶν τὸ δαιμόνιον μεταξύ ἐστι θεοῦ τε καὶ θνητοῦ.* Conv. 202 D. О природѣ души, по ученію Платона, много говорили — *Alcinous* de doctr. Plat. c. 23, 24. *Diog. Laërt.* vit. Plat. III, § 67. *Davis* ad Ciceron. Tuscul. II, 20. IV, 5. *Tennem.* System. philos. Plat. T. III, p. 50 sq.

[2] *Подругою восполненія какихъ-нибудь наслажденій* у Платона коротко: *πληρώσεών τινων — ἑταῖρον*. Всякое желаніе природы пожелательной предполагаетъ *κένωσίν τινα*, которое должно быть восполнено.

ной площади [1] трупы и, то желая видѣть ихъ, то опять чувствуя омерзѣніе и отворачиваясь, сколько ни боролся самъ
440. съ собою и ни закрывался, наконецъ, побѣждаемый желаніемъ, раскрылъ глаза и, подбѣжавъ къ трупамъ, сказалъ: вотъ вамъ, злые духи,—насытьтесь этимъ прекраснымъ зрѣлищемъ! — Слышалъ объ этомъ и я, примолвилъ онъ. — Но такой разсказъ показываетъ, что гнѣвъ иногда враждуетъ противъ пожеланій, какъ нѣчто отъ нихъ отличное.—Конечно показываетъ, сказалъ онъ. — Не часто ли замѣчаемъ мы и въ другихъ случаяхъ, продолжалъ я, что когда пожеланія
B. насилуютъ человѣка вопреки смыслу,—онъ самъ бранитъ насиліе въ себѣ и гнѣвается на него, и что гнѣвъ въ такомъ человѣкѣ, при междоусобіи двухъ его сторонъ, бываетъ какбы союзникомъ ума? А чтобы онъ вступалъ въ союзъ съ пожеланіями, когда умъ совѣтуетъ не противодѣйствовать,—того, согласись, ты никогда не замѣчалъ, думаю, ни въ себѣ самомъ, ни въ другомъ. — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ , сказалъ онъ.—Что же? продолжалъ я: кто думаетъ, что имъ соверше-
C. на обида, тотъ,—чѣмъ благороднѣе будетъ онъ, тѣмъ менѣе станетъ раздражаться, хотя бы терпѣлъ голодъ, костенѣлъ отъ стужи и переносилъ другое тому подобное, если находитъ, что подвергающій его этому поступаетъ справедливо: гнѣвъ, какъ говорю, не захочетъ противъ него возбуждаться. — Правда, сказалъ онъ.—Что же опять? кто думаетъ, что терпитъ обиду, тотъ не разгорячается ли этимъ самымъ, не досадуетъ ли, не присоединяется ли къ тому, что кажется справедливымъ,
D. не готовъ ли терпѣть и голодъ, и холодъ, и все подобное, чтобы терпѣніемъ побѣдить, и разстается ли съ благородными чувствованіями, пока либо не совершитъ своего дѣла, либо не умретъ, либо не укротится, бывъ отозванъ своимъ умомъ, какъ собака—пастухомъ?—И въ самомъ дѣлѣ, гнѣвъ походитъ на

[1] *На лобной площади*, παρὰ τῷ δημείῳ, то-есть на мѣстѣ, гдѣ преступники подвергаемы были публичной казни. *Tib. Hemsterhus*. Anecd. T. I, p. 252. Объ упоминаемой здѣсь сѣверной стѣнѣ говорится *Plat*. Lys. p. 202 A. ἐπορευόμην μὲν ἐξ Ἀκαδημίας εὐθὺ Λυκείου τὴν ἔξω τείχους ὑπ' αὐτὸ τὸ τεῖχος.

то, чему тыу подобляешь его, примолвилъ онъ. Вѣдь на попе-
чителей въ своемъ городѣ мы дѣйствительно смотрѣли какъ
на собакъ, послушныхъ пастухамъ города—правителямъ.—
Ты хорошо понимаешь, что̀ хочется мнѣ выразить, примол- E.
вилъ я; но кромѣ этого, вникни въ слѣдующее. — Во что та-
кое? —Въ то, что касательно гнѣвливости намъ представляет-
ся нѣчто противное прежнему: тогда мы почитали ее чѣмъ-
то пожелательнымъ; а теперь говоримъ далеко не то,—теперь,
при междоусобіи души, она гораздо скорѣе принимаетъ ору-
жіе за разумность.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Такъ гнѣв-
ливость есть ли видъ, неотличный [1] отъ этого — отъ разум-
ности, чтобы въ душѣ имѣлось не три, а два вида — разум-
ность и пожелательность? Или, какъ городъ составленъ изъ
трехъ родовъ — промышленнаго, вспомогательнаго и совѣ- 441.
товательнаго, такъ и въ душѣ эта гнѣвливость есть третіе,
служащее къ охраненію того, что разумно по природѣ, если
только она не испорчена дурнымъ воспитаніемъ?—Необходи-
мо третіе, сказалъ онъ. —Да, примолвилъ я, покажись лишь
она чѣмъ-то отличнымъ отъ разумности, какъ показалась
отличною отъ пожелательности.—Но показаться ей нетруд-
но, замѣтилъ онъ; вѣдь это-то можно видѣть и въ дѣтяхъ:
они тотчасъ исполняются гнѣвомъ, между тѣмъ какъ иныя
изъ нихъ никогда не получаютъ смысла, а многія—уже позд- B.
но. — Клянусь Зевсомъ, ты хорошо сказалъ. Что слова твои
справедливы, можно видѣть и въ животныхъ. Да сверхъ то-
го, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и приведенный нами гдѣ-
то выше стихъ Омира [2]:

Онъ въ грудь ударилъ себя и съ словомъ къ душѣ обратился.

Вѣдь здѣсь-то Омиръ ясно уже изобразилъ, какъ однимъ
— разумностію, которая расчитываетъ лучшее и худшее, C.
укоряется другое начало—неразумная гнѣвливость.—Очень
ясно, сказалъ онъ; ты правду говоришь.

---

[1] Почти нельзя сомнѣваться, что здѣсь, вмѣсто ἆρα οὖν ἕτερον, надобно читать: ἆρα οὐχ ἕτερον.

[2] *Homer*. Odyss. III, 4.

Значитъ, наконецъ мы кое-какъ переплыли это и понадлежащему согласились, что одни и тѣ же роды имѣются и въ городѣ, и въ душѣ каждаго человѣка, и что числомъ они равны, сказалъ я.—Такъ.—Не необходимо ли и то уже, что какъ и чѣмъ мудръ городъ, такъ и тѣмъ мудръ и частный гражданинъ? — Почему же нѣтъ? — А какъ и чѣмъ опять му-
D. жественъ частный гражданинъ, такъ и тѣмъ мужественъ и городъ, и касательно добродѣтели такимъ же образомъ, должно быть все другое — какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ.—Необходимо.—Да и справедливымъ-то, Главконъ, мы назовемъ человѣка, думаю, потому же самому, почему справедливъ былъ городъ.—И это весьма необходимо.—Вѣдь мы еще не забыли, безъ сомнѣнія, что городъ былъ справедливъ-то, поколику изъ трехъ его родовъ каждый въ немъ дѣлаетъ
E. свое. — Мнѣ кажется, не забыли, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, должны помнить, что и между нами каждый будетъ человѣкомъ справедливымъ и дѣлателемъ своего, если изъ находящихся въ насъ частей всякая станетъ дѣлать свое. — Конечно, должны помнить, сказалъ онъ.—Значитъ, разумности, такъ какъ она мудра и имѣетъ попеченіе о всей душѣ, не слѣдуетъ ли начальствовать, а гнѣвливости — покоряться и помогать ей?—И очень.—Но не сочетаніе ли музыки и гимнастики, какъ мы говорили, сдѣлаетъ ихъ согласными, одну
442. напрягая и питая прекрасными рѣчами и науками, а другую ослабляя, смягчая и умѣряя гармоніей и риѳмомъ. — Совершенно такъ, сказалъ онъ. — Воспитанныя же такимъ образомъ и поистинѣ узнавъ и изучивъ свое дѣло, онѣ потомъ начнутъ управлять пожелательностію, которая въ душѣ каждаго есть наибольшая и, по природѣ, обнаруживаетъ самое ненасытное корыстолюбіе,—и будутъ наблюдать, чтобы, преисполнившись такъ называемыхъ тѣлесныхъ удовольствій, разботѣвъ и сдѣлавшись сильною, она не выступила за предѣлы своего дѣла, не вознамѣрилась поработить и подчинить
B. себѣ тѣ роды, вопреки ея долгу, и не извратила цѣлой жизни всѣхъ.—Конечно, сказалъ онъ.—Такимъ образомъ, про-

должалъ я, не будутъ ли онѣ прекрасно охранять всю душу и тѣло и отъ внѣшнихъ непріятелей—одна своими совѣтами, другая сраженіями, слѣдуя въ этомъ части начальствующей и мужественно исполняя ея предписанія? — Такъ.—Да и мужественнымъ-то по этой, думаю, послѣдней части назовемъ мы каждаго, когда, то-есть, гнѣвливость его, среди скорбей и удовольствій, будетъ соблюдать предписанія ума о страш- C.
номъ и нестрашномъ. — Правда, сказалъ онъ.—А мудрымъ, —ужъ конечно, по той малой части, которая начальствуетъ въ немъ и предписываетъ это, такъ какъ она же имѣетъ и знаніе, что̀ полезно каждой изъ частей и цѣлой совокупности трехъ ихъ.—Безъ сомнѣнія.—Что же? разсудительнымъ опять — не по дружеству ли и согласію этихъ послѣднихъ, D.
когда и начальствующее начало, и подчиненныя слѣдуютъ одному мнѣнію, съ увѣренностію, что управлять должна разумность, и что возмущаться противъ ней не слѣдуетъ.— Разсудительность, отвѣчалъ онъ, и въ городѣ, и въ частномъ гражданинѣ, дѣйствительно, есть не иное что, какъ это.—Ну а справедливый-то будетъ справедливъ такъ и потому, какъ и почему мы часто называемъ его такимъ.—Совершенно необходимо.—Но что? спросилъ я,—какъ бы не споткнуться намъ на значеніе справедливости, отличное отъ того, какое имѣла она въ городѣ? — Мнѣ не думается, отвѣчалъ онъ. — Вѣдь если въ нашей душѣ, продолжалъ я, остается еще какое недоумѣніе; то мы можемъ совершенно утвердить свои мыс- E.
ли, противупоставивъ имъ нелѣпости.—Какія нелѣпости?— Пусть бы, напримѣръ, мы согласились касательно того города и, какъ по природѣ, такъ и по воспитанію, подобнаго ему человѣка: не можетъ ли показаться, что, принявъ залогъ золота или серебра, этотъ человѣкъ растратитъ его? Подумаетъ ли кто, по твоему мнѣнію, что онъ сдѣлаетъ это ско- 443.
рѣе, чѣмъ всѣ не такіе?—Никто, сказалъ онъ.—Не чуждъ ли онъ будетъ и святотатства, и хищенія и предательства, какъ частнаго, въ отношеніи къ друзьямъ, такъ и публичнаго, въ отношеніи къ городу?—Чуждъ.—Равно никакъ не позволитъ

онъ себѣ вѣроломства въ клятвахъ, или въ иныхъ обѣщаніяхъ.—Какъ можно?—А любодѣяніе, безпечность о родителяхъ и непочитаніе боговъ скорѣе подойдетъ ко всякому другому, чѣмъ къ нему.—Да, скорѣе ко всякому, сказалъ онъ.—
B. И не та ли причина всего этого, что каждая часть его, въ начальствованіи и послушаніи, дѣлаетъ у него свое?—Конечно эта, а не другая какая-нибудь. — Такъ ищешь ли ты еще иной справедливости, кромѣ той силы, которая и людей и городъ приводитъ въ такое состояніе? — Клянусь Зевсомъ, не ищу, сказалъ онъ. — Значитъ, наше сновидѣніе, которое мы
C. называли догадкою, наконецъ исполнилось; ибо едва только начали мы создавать городъ,—вдругъ, подъ руководствомъ, кажется, нѣкоего бога, нашли начало и отпечатокъ справедливости. — Безъ сомнѣнія. — То-то и было, Главконъ, нѣкоторымъ ея образомъ (отчего это и полезно), что по природѣ башмачникъ долженъ хорошо шить башмаки, а въ другія дѣла не мѣшаться, что плотникъ долженъ плотничать, и прочіе такимъ же образомъ. — Видимо. — Справедливость, какъ выходитъ, въ самомъ дѣлѣ есть нѣчто такое, — и притомъ не
D. по внѣшней своей дѣятельности, а истинно по внутренней,—по себѣ и своему, такъ какъ она никому не позволяетъ дѣлать чужое, и родамъ души — браться за многое насчетъ другъ друга. Распоряжаясь, какъ слѣдуетъ, своимъ, правя и украшая свое и будучи другомъ себѣ, она настрояетъ эти три рода, точно будто три предѣла гармоніи — высшій, низшій, средній
E. и, если есть,—другіе, промежуточные,—всѣ ихъ связуетъ и, становясь однимъ изъ многихъ, мѣрнымъ и согласнымъ, дѣйствуетъ такъ, что, касается ли дѣло пріобрѣтенія денегъ, или попеченія о тѣлѣ, или совѣщаній о чемъ-нибудь политическомъ либо частномъ, — во всѣхъ случаяхъ дѣйствіе справедливое одобряетъ и называетъ хорошимъ, когда имъ поддерживается это отношеніе родовъ и усовершается, а мудростію почитаетъ знаніе, этимъ дѣйствіемъ управляющее, не-
444. справедливое же дѣло, всегда разрушающее его, и мнѣніе, надъ нимъ начальствующее, именуетъ невѣжествомъ.—Безъ

сомнѣнія, сказалъ онъ; ты правду говоришь, Сократъ.—Пускай, примолвилъ я. Значитъ, если мы положимъ, что справедливый человѣкъ, справедливый городъ и живущая въ нихъ справедливость — найдены; то не покажется, думаю, будто мы въ заблужденіи. — Отнюдь нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—Такъ утвердимъ это?—Утвердимъ.—

Пускай, сказалъ я. Теперь, думаю, надобно изслѣдовать несправедливость.—Явно, что это.—Не должна ли она быть нѣкоторымъ возмущеніемъ опять тѣхъ же трехъ родовъ, B.
то-есть: многозатѣйливостію, вмѣшательствомъ и возстаніемъ одной части противъ всей души, чтобы начальствовать надъ нею, тогда какъ къ ней это нейдетъ, тогда какъ по природѣ она такова, что должна служить роду дѣйствительно господствующему? Вѣдь что-то такое, думаю, будемъ мы разумѣть подъ ихъ волненіемъ, то-есть, разумѣть заблужденіе, несправедливость, распутство, трусость, невѣжество, и вообще всякое зло. —Это, именно это, сказалъ онъ.—Но дѣлать не- C.
правду и обижать, или опять, поступать справедливо, — все это, продолжалъ я, не ясно ли уже открывается, если ясны несправедливость и справедливость?—Какъ это?—Такъ, сказалъ я, что онѣ ничѣмъ не отличаются отъ состояній человѣка здороваго и больнаго; только первыя состоянія бываютъ въ душѣ, а послѣднія—въ тѣлѣ.—Какимъ образомъ? спросилъ онъ.—Состоянія здоровыя, конечно, сообщаютъ здоровье, а болѣзненныя—болѣзни.—Да.—Не такъ же ли и дѣятельность справедливая сообщаетъ справедливость, а несправедливая—несправедливость?—Необходимо.—Но сообщить здоровье не значитъ ли—части тѣла поставить въ состояніе господство- D.
ванія и подчиненности, свойственное каждой по природѣ? а сообщеніе болѣзни не въ томъ ли состоитъ, что онѣ господствуютъ и подчиняются несогласно съ природою?—Конечно въ томъ.—И опять, продолжалъ я, сообщать справедливость не значитъ ли—части души поставлять въ состояніе господствованія и подчиненности соотвѣтственно ихъ природѣ? а сообщеніе несправедливости не тѣмъ ли обнаруживается, что

онѣ начальствуютъ и подчиняются одна другой вопреки природѣ?—Совершенно такъ.—Слѣдовательно добродѣтель, какъ видно, должна быть нѣкоторымъ здравіемъ, красотою и бла-
E. госостояніемъ души, а зло — ея болѣзнью, безобразіемъ и слабостью.—Точно такъ.—И не справедливо ли равнымъ образомъ, что хорошія упражненія способствуютъ къ пріобрѣтенію добродѣтели, а постыдныя — къ пріобрѣтенію зла? — Необходимо.—

Итакъ, намъ остается, повидимому, изслѣдовать, полезно
445. ли дѣлать правое, совершать похвальное и быть справедливыми, хотя бы скрывался такой дѣлатель, хотя бы не скрывался;—или полезнѣе наносить обиды и быть несправедливыми, если только не настоитъ опасность подвергнуться наказанію и чрезъ наказаніе сдѣлаться лучшимъ.—Но это изслѣдованіе, Сократъ, мнѣ кажется, было бы уже смѣшно. Если
B. и отъ поврежденія природы тѣлесной жизнь не кажется жизнью, хотя бы при этомъ были всякія блюда и напитки, великія богатства и высокіе титулы; то будетъ ли жизнь въ жизнь, когда возмущена и повреждена та самая природа, которою мы живемъ, хотя бы позволено было дѣлать все, что хочешь, кромѣ того только, чѣмъ можно избавиться отъ зла и неправды, —пріобрѣсть справедливость и добродѣтель? Такъ я думаю, когда представляю наши изслѣдованія о справедливости и несправедливости.—Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно, сказалъ я; однакожъ, если мы пришли къ тому, изъ чего яснѣйшимъ образомъ можно видѣть, что это такъ; то не должны бояться труда. — Всего менѣе испугаемся, клянусь Зевсомъ, сказалъ
C. онъ. — Такъ теперь сюда, продолжалъ я, чтобы замѣтить и виды, въ которыхъ, по моему мнѣнію, является зло; а это тоже достойно созерцанія.—Слѣдую, сказалъ онъ; только говори.—Но постой; на этой степени изслѣдованія, примолвилъ я, мнѣ представляется, будто бы въ зеркалѣ, что видъ добродѣтели — одинъ, а виды зла безчисленны, и что между ними есть четыре, о которыхъ стоитъ упомянуть.—Какъ понимаешь ты это? спросилъ онъ.—Сколько есть извѣстныхъ обра-

зовъ правленія, сказалъ я, столько, вѣроятно, есть и образовъ души.—Сколько же ихъ?—Пять въ дѣлѣ правленія, отвѣчалъ D. я, пять и въ душѣ. —Скажи же, какіе они? спросилъ онъ.— Говорю, отвѣчалъ я, что у насъ разсматриваемъ былъ одинъ образъ правленія; но его можно называть двояко. Если власть, предпочтительно предъ правителями, сосредоточена въ одномъ человѣкѣ, — образъ правленія называется царствованіемъ; а когда она раздѣлена между многими, — аристократіею.—Правда, сказалъ онъ. —Такъ это у меня одинъ видъ, примолвилъ я; потому что многіе ли будутъ царствовать или одинъ, — пользуясь воспитаніемъ и тѣми знаніями, о которыхъ мы говорили, они ничего не измѣнятъ въ достоуважаемыхъ законахъ города.—И не слѣдуетъ, сказалъ онъ. E.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Когда Сократъ хотѣлъ было обстоятельнѣе разсмотрѣть четыре худыя формы правленія, замѣчаемыя какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ обществѣ, — Полемархъ и Адимантъ стали просить его, чтобы онъ яснѣе раскрылъ выше намекнутую мысль *объ общности женъ и дѣтей у стражей города*. Итакъ, теперь наклоняется бесѣда къ объясненію взаимнаго отношенія въ обществѣ между мужьями и женами. Сократъ полагаетъ, что женщины, хотя по природѣ и слабы, однакожъ къ исполненію общественныхъ должностей не неспособны. Поэтому и онѣ, подобно мужчинамъ, должны быть образованы музыкою и гимнастикою, чтобы, наравнѣ съ послѣдними, усовершились въ добродѣтели. Но какъ женщинамъ природа даетъ не однѣ и тѣ же наклонности и способности; то, помнѣнію Сократа, на способныхъ къ войнѣ должны быть возлагаемы должности воинскія, а на способныхъ къ управленію—правительственныя. Р. 449—457 В. Жены и раждающіяся отъ нихъ дѣти у стражей должны быть общими. Объ этомъ Сократъ разсуждаетъ такъ. Для общества было бы весьма полезно всегда имѣть превосходныхъ мужей и отличныхъ по добродѣтели женъ; поэтому изъ всѣхъ гражданъ должны быть избираемы наилучшіе юноши и дѣвицы и соединяемы бракомъ, чтобы поколѣніе стражей не вырождалось. Для легчайшаго успѣха въ этомъ, все попеченіе о супружествахъ должно быть ввѣрено распорядительности мудраго правительства. Оно въ извѣстные праздничные дни будетъ назначать сходки и искусно поддѣланными жребіями опредѣлять брачные союзы такъ, чтобы сильнѣйшіе соединялись бракомъ съ сильнѣйшими, а худшіе — съ подобными имъ. Это должно

совершаться по жребіямъ—для того, чтобы удалить поводъ къ оскорбленію и досадѣ. Мужья позаботятся раждать дѣтей, начиная съ тридцатаго года своей жизни до пятьдесятъ пятаго. По заключеніи брачныхъ союзовъ, должны быть соблюдаемы скромность и цѣломудріе, чтобы не соединялся, кто съ кѣмъ ни вздумаетъ. А чтобы число хорошихъ стражей возрастало и увеличивалось, особенно отличающіеся добродѣтелью, въ видѣ награды, будутъ получать позволеніе чаще сходиться съ женами. P. 457 C — 460 B. Отъ этихъ браковъ раждающіеся дѣти должны быть воспитываемы и образуемы публично, въ такомъ мѣстѣ, которое для прочихъ гражданъ было бы недоступно, и гдѣ будутъ питать ихъ матери, особенно богатыя молокомъ. А тѣ, которыя родятся отъ худшихъ, вступившихъ въ брачный союзъ не по торжественному опредѣленію правительства, равно какъ и тѣ, которыя были или раннимъ или позднимъ плодомъ брака, должны быть воспитываемы не вмѣстѣ съ прочими, чтобы поколѣніе благороднѣйшее не смѣшалось съ испорченнымъ. Особенно надобно опасаться, чтобы никакая мать не узнала своего дитяти: равнымъ образомъ и дѣти не должны знать, кто ихъ родители. Даже самыя имена отца, матери, сына, дочери, смотря по возрасту, должны быть прилагаемы къ нимъ безразлично. Отсюда произойдетъ между всѣми величайшая любовь и согласіе; потому что, какъ скоро что-нибудь случится, — этотъ случай всѣ одинаково будутъ относить къ себѣ, какъ это бываетъ и въ человѣческомъ тѣлѣ: если который-нибудь членъ въ немъ пораженъ, всѣ прочіе члены чувствуютъ его болѣзнь, какъ собственную, сосредоточиваютъ вокругъ его свою дѣятельность и помогаютъ страдающему. P. 460 B—461 E.

Теперь спрашивается, продолжаетъ Сократъ: такія постановленія будутъ ли *спасительны для общества.* Чтобы судить объ этомъ правильно, нужно помнить, что въ обществѣ не можетъ быть блага выше единства и согласія, и зла—гибельнѣе раздора и разногласія между гражданами. Но согласіе между ними, повидимому, ничѣмъ такъ не утверждается, какъ изложенными теперь постановленіями. Всѣ граждане должны относиться взаимно къ себѣ дружески: такъ какъ правители общества будутъ слыть у нихъ не властителями и господами, а хранителями и

защитниками отечества; прочіе же граждане будутъ казаться не рабами ихъ, а кормителями и одѣлятелями. Вѣдь правителямъ-то не придется имѣть ничего собственнаго, но все содержаніе понадобится получать отъ общества. Притомъ, въ нашемъ обществѣ, которое связано узами взаимнаго содружества и любви, не представится никакого повода къ тяжбамъ и спорамъ, возникающимъ изъ-за земель, изъ-за наслѣдства и изъ-за другихъ стяжаній; да не проявится также ни насиліе ни дерзость, если всѣ будутъ держаться въ предѣлахъ долга уваженіемъ, стыдомъ и страхомъ въ отношеніи къ старшимъ. P. 461 E—p. 465 C. Такимъ образомъ, не говоря даже о другихъ менѣе важныхъ вещахъ, наши граждане будутъ провождать жизнь самую счастливую: да и стражи у насъ, какъ прежде говорили, не лишены будутъ счастія; потому что имѣютъ принимать участіе въ общемъ благоденствіи, и какъ при жизни, такъ и по смерти удостоятся величайшихъ почестей. P. 465 C—466 D.

Послѣ этого остается еще вопросъ: *осуществима ли въ какомъ нибудь обществѣ эта общность?* и есть ли возможность ввесть ее? Рѣшенію такого вопроса должно предшествовать слѣдующее замѣчаніе: мальчики тотчасъ, съ самаго нѣжнаго ихъ возраста, должны быть пріучаемы къ мужеству. А это будетъ такъ, если станутъ заранѣе воспитывать ихъ для войны, чтобы они были зрителями добродѣтели и, сколько могутъ, привыкали къ воинскимъ трудамъ. Воинская дисциплина должна быть самая строгая; поэтому, оставляющіе строй или бросающіе оружіе пусть будутъ наказываемы; а сражающіеся мужественно, или для защиты отечества пожертвовавшіе жизнію имѣютъ право на награды и величайшія почести. Роды войны надобно внимательно различать; потому что иначе слѣдуетъ сражаться противъ внѣшнихъ враговъ, и иначе опять противъ Грековъ. Война съ Греками не заслуживаетъ и имени войны, а скорѣе можетъ быть названа возмущеніемъ: ибо всѣ Греки соединены между собою племеннымъ сродствомъ, и потому должны щадить другъ друга; а варвары—враги по природѣ, и противъ нихъ надобно дѣйствовать неумолимо. Итакъ, еслибы произошелъ раздоръ съ Греками, — наши стражи удержатся отъ опустошенія полей, отъ пожаровъ, отъ жестокаго и безчело-

вѣчнаго насилія, которое въ отношеніи къ единоплеменникамъ беззаконно. Р. 466 D—471 C.

Когда Сократъ объяснилъ это, Главконъ сталъ просить, чтобы онъ показалъ возможность осуществленія такого общества; потому что оно кажется ему весьма труднымъ. Сократъ отвѣчаетъ Главкону, что хотя это и невозможно; однакожъ то общество было бы прекрасно, которое по крайней мѣрѣ близко подходило бы къ предначертанному. Причина же, по которой существующія нынѣ общества далеко отступаютъ отъ того образца совершеннѣйшей организаціи, состоитъ въ томъ, что образъ управленія обществомъ и философія являются занятіями совершенно отдѣльными, какбы не имѣли ничего общаго. Между тѣмъ отъ государства нечего ожидать хорошаго, пока не будутъ въ немъ *или философы царствовать, или цари философствовать*, а до того времени предначертанное теперь общество не осуществится. Чтобы показать всю силу этой истины и ея цѣль, Сократъ начертываетъ *образъ философа*, изъ котораго было бы видно, на что особенно въ устроеніи общества и въ управленіи имъ слѣдуетъ обращать вниманіе. Философомъ онъ называетъ того, кто любитъ мудрость и стремится къ ней, — не ту недостаточную и несовершенную мудрость, но совершенную и всецѣлую,—увлекаясь къ ней жаждою ненасытимою. Отъ истиннаго, неподдѣльнаго философа, ищущаго τὸ ὄντως ὄν и созерцающаго душевно самую сущность или идею, отличаетъ онъ того, кто останавливается на созерцаніи вещей тѣлесныхъ, непрестанно измѣняющихся, и любуется ихъ разнообразіемъ. Сократъ полагаетъ, что такой философъ никогда не можетъ достигнуть до несомнѣннаго познанія самой истины, но водится только слѣпымъ мнѣніемъ: напротивъ, тотъ въ самомъ дѣлѣ достигаетъ истиннаго и достойнаго своего имени знанія; потому что духъ его постоянно обращенъ къ вѣчному, неподвижному. Есть, говоритъ Сократъ, нѣкоторый родъ вещей, существующій абсолютно и противуположный несуществующему. Съ тѣмъ родомъ соединено знаніе; а то, чего нѣтъ, никакимъ образомъ познано быть не можетъ. Но между тѣмъ, что̀ по истинѣ есть, и тѣмъ, чего нѣтъ, занимаютъ средину вещи, подлежащія чувствамъ, которыя, существуя какъ будто самымъ дѣломъ, съ

другой стороны не существуютъ, а называясь несуществующими, тѣмъ не менѣе опять кажутся причастными сущности. Отсюда вошло въ обычай—называющееся прекраснымъ, добрымъ, справедливымъ, почитать безобразнымъ, злымъ, несправедливымъ. Къ числу такихъ вещей, которыя и существуютъ и не существуютъ, надобно отнесть мнѣніе или *δόξαν*, находящееся въ рединѣ между знаніемъ и незнаніемъ. Простому народу истинная сущность вещей и въ голову не приходитъ; онъ занятъ только созерцаніемъ предметотъ измѣняемыхъ и водится однимъ мнѣніемъ. Подобныхъ этимъ людей мы должны отличать отъ истинныхъ философовъ; потому что они — любители мнѣній, или *φιλόδοξοι*. Дѣло же истиннаго философа стараться о познаніи самаго справедливаго, добраго, и прекраснаго, чтобы созерцать духомъ вѣчную и неизмѣняемую ихъ идею.

КНИГА ПЯТАЯ.

Такой и городъ и распорядокъ [1], равно какъ такого человѣка, я называю хорошимъ и правильнымъ, а другія, ошибочныя,—устрояется ли ими порядокъ общественный, или назидается душевная нравственность людей частныхъ, такъ какъ они неправильны, — худыми, и этого зла — четыре вида [2]. — Какіе же они? спросилъ онъ.— 449.

Я пошелъ было говорить далѣе, какъ, по моему мнѣнію, они образуются одни изъ другихъ; но Полемархъ, сидѣвшій B.
немного далѣе Адиманта, протянулъ руку и, взявъ послѣдняго за плащь на плечѣ, наклонилъ его къ себѣ и, самъ наклонившись къ нему, говорилъ что-то потихоньку, такъ что мы ничего другаго не разслушали, а только это: «оставить ли его, или какъ поступить»?—Никакъ не оставлять, громко уже сказалъ Адимантъ. — Что это за особенность, которой вы не оставляете? спросилъ я.—Тебя, отвѣчалъ онъ.—Видно пото- C.
му, что я—нѣчто особенное?—Ты, кажется, залѣнился, сказалъ онъ, похищаешь у разсужденія цѣлый и немалый отдѣлъ, чтобы не разсматривать его. Думаешь, мы забудемъ легкій твой намекъ: «что касается до женъ и дѣтей, — то для

---

[1] То-есть, какой описанъ въ прошедшей книгѣ. Поэтому-то *τοιοῦτον* стоитъ здѣсь съ членомъ.

[2] Это разсужденіе о четырехъ худыхъ формахъ правленія, прерванное теперь Полемархомъ, возстановляется въ началѣ восьмой книги.

всякаго явно, что у друзей все общее?»—Неужели это вѣрно, Адимантъ? спросилъ я. —Да, отвѣчалъ онъ. Но это вѣрное, какъ и прочее, требуетъ изслѣдованія,—какой долженъ быть способъ общности, потому что возможны многіе.—Такъ не умалчивай же о томъ, какой ты разумѣешь. Мы уже давно
D. ждемъ, думая, что ты упомянешь гдѣ-нибудь о дѣторожденіи, какъ ему быть, какъ воспитывать родившихся, и о всей этой упомянутой тобою общности женъ и дѣтей; потому что многое, даже все, входитъ въ жизнь государства—въ зависимости отъ того, правильно ли это бываетъ или неправильно. Вотъ
450. теперь, когда ты хватался за другія формы политическаго тѣла, не разсмотрѣвъ достаточно этой, намъ и показалось то, что пришлось тебѣ услышать, что, то-есть, не слѣдуетъ переходить къ иному предмету, пока не изслѣдуешь всего этого, какъ изслѣдовалъ прочее. — Такъ ужъ примите и меня въ участники своего мнѣнія, сказалъ Главконъ. — Конечно; это требованіе, Сократъ, всѣ мы раздѣляемъ, примолвилъ Тразимахъ.—Что вы сдѣлали, схвативъ меня такъ! вскричалъ я. Какое длинное, какбы опять сначала, затѣваете вы разсужденіе объ устроеніи государства! А я уже обрадовался было, изслѣдовавъ это, и былъ доволенъ, что кто тогда согласился
B. на мои слова, тотъ могъ оставить меня въ покоѣ. Поднимая эти вопросы, вы не знаете, какое множество возбуждаете рѣчей; а я предвидѣлъ ихъ и потому обошелъ, чтобы они много не озабочивали меня.—Что же? сказалъ Тразимахъ; развѣ ты думаешь, что мы пришли сюда выплавлять золото [1], а не разсужденія слушать?—Да, конечно, отвѣчалъ я; но вѣдь всему—мѣра.—У кого есть умъ, Сократъ, примолвилъ Главконъ, для того мѣрою-то слушанія разсужденій бываетъ цѣлая жизнь. Насъ ты оставь, и только самъ не

---

[1] *Выплавлять золото*—*χρυσοχοήσαντας οἴει*. Глаголъ *χρυσοχοεῖν* упртребляемъ былъ въ значеніи пословицы и прилагался къ тѣмъ, которые, взявшись за какое-нибудь дѣло, теряютъ надежду на успѣхъ, которою прежде одушевлялись. Объясняютъ эту пословицу *Svidas* T. III, p. 694. *Harpocration* s. См. *Erasmus* Adagg. Chil. III. Cent. IV, 36.

затруднись, какъ тебѣ кажется, изслѣдовать то, о чемъ тебя спрашиваемъ: въ чемъ, то-есть, у нашихъ стражей будетъ состоять общность относительно женъ и дѣтей, и прокорм- C.
ленія послѣднихъ въ возрастѣ младенческомъ, — въ промежуточное время рожденія и воспитанія ихъ, когда прокормленіе, повидимому, сопряжено бываетъ съ великими затрудненіями. Постарайся же сказать, какимъ образомъ должно оно происходить.—Нелегко изслѣдовать это, почтеннѣйшій, замѣтилъ я. Вѣдь тутъ много невѣроятнаго, — еще больше, чѣмъ въ томъ, чтò мы прежде изслѣдовали; ибо не повѣрятъ, что говорится возможное, а если и найдутъ это осуществимымъ, то опять не повѣрятъ, что быть этому D.
такъ было бы хорошо. Оттого-то и не охота касаться такихъ вещей; какъ бы не потерять словъ по-пусту [1], любезный другъ. — Не опасайся, сказалъ онъ; вѣдь слушать тебя будутъ люди не непризнательные, не недовѣрчивые и не злонамѣренные. — А я ему: почтеннѣйшій! неужели это говоришь ты для ободренія меня? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Такъ ты все дѣлаешь напротивъ, сказалъ я. Еслибы я увѣренъ былъ, что знаю то, чтò говорю, — утѣшеніе было бы умѣстно; потому что человѣкъ, знающій истину, можетъ съ людьми умными и пріятными бесѣдовать о предметахъ вели- E.
кихъ и нравящихся безопасно и смѣло: а кто самъ неувѣренъ, и однакожъ старается говорить, что́ именно дѣлаю я; —тотъ имѣетъ причину робѣть и опасаться—не того, какъ бы не сдѣлаться смѣшнымъ,—это-то было бы ребячествомъ, —а того, чтобы, уклонившись отъ истины, отъ которой все- 451.
го менѣе должно уклоняться, нетолько не пасть самому, но съ собою не повалить и друзей. Поэтому, о томъ, что буду говорить, молюсь Адрастеѣ [2], Главконъ; ибо надѣюсь, что мень-

---

[1] *Какъ бы не потерять словъ попусту*, μὴ εὐχὴ δοκῇ εἶναι ὁ λόγος. Слово εὐχή, какъ и лат. votum, означаетъ такую вещь, которой хотя и желаешь, но получить не можешь. Такое употребленіе его объясняетъ *Davis.* ad Cicer. Tuscul. II, 12, p. 166, ed. Reisk. Въ этомъ же значеніи встрѣчается оно Reip. Libr. VI, p. 499 C: εὐχαῖς ὅμοια λέγοντες. VIII, p. 540 D: μὴ παντάπασιν ἡμᾶς εὐχὰς εἰρηκέναι. al.

[2] Формулу: *молюсь Адрастеѣ* — προσκυνῶ τὴν Νέμεσιν или Ἀδράστειαν, Греки

ше грѣха лежитъ на какомъ-нибудь непроизвольномъ убійцѣ, чѣмъ на обманщикѣ относительно похвальнаго, добраго, справедливаго и законнаго. Этой опасности лучше подвергаться для враговъ, чѣмъ для друзей. Итакъ, ты некстати убѣж-
B. даешь меня.—Но Главконъ засмѣялся и сказалъ: если чрезъ твои разсужденія, Сократъ, мы потерпимъ что-нибудь вредное, то отпустимъ тебя совершенно чистымъ отъ упрека и въ убійствѣ и въ обольщеніи насъ. Смѣло говори.—Да, конечно, примолвилъ я,—отъ перваго-то чистымъ отпускаетъ меня и законъ; а если отъ перваго, то вѣроятно уже и отъ послѣдняго. —Ну такъ говори же, по крайней мѣрѣ по этому, сказалъ онъ. —Но вѣдь говорить-то теперь надобно опять сначала, сказалъ я; тогда только наша рѣчь, можетъ быть, вошла бы въ порядокъ. Впрочемъ и то имѣетъ видъ правильности, чтобы, по
C. окончательномъ раскрытіи дѣла о мужчинахъ, окончить дѣло и о женщинахъ,—особенно когда ты вызываешь на это.

Для людей, по рожденію и воспитанію такихъ, какими мы изобразили ихъ, я думаю, нѣтъ иного правильнаго пріобрѣтенія дѣтей и женъ, и пользованія ими, какъ если они будутъ идти тѣмъ путемъ, по которому мы прежде повели ихъ. Рѣшено было, кажется, — мужчинъ поставить какбы стражами надъ стадомъ. — Да. — Такъ будемъ же послѣдова-
D. тельно придавать и этимъ соотвѣтственное тому рожденіе и питаніе, и посмотримъ, ладно ли это выдетъ, или нѣтъ. — Какъ? спросилъ онъ. — Вотъ какъ. Думаемъ ли мы, что самки сторожевыхъ собакъ должны соблюдать то же самое, что соблюдаютъ самцы,—вмѣстѣ съ послѣдними бѣгать на охоту и дѣлать все вообще? — или этимъ, по причинѣ рожденія и воспитыванія щенятъ, какъ безсильнымъ, надобно держать внутренній караулъ дома, а тѣмъ—трудиться и имѣть всякое

употребляли для отвращенія ненависти. См. *Dorvill.* ad Charit. p. 491, ed. Lips. *Bergler.* ad Alciphron. T. I, p. 188 ed. Wagn. Адрастея признаваема была какъ мстительница за смерть и человѣкоубійство. Сократъ молится ей, потому что боится, какъ бы она не отмстила ему за нравственное убійство юныхъ душъ, которымъ угрожаетъ имъ предполагаемое ученіе объ общности женъ.

попеченіе о стадахъ? — Все общее, сказалъ онъ, кромѣ того только, что этими мы пользуемся, какъ слабѣйшими, а тѣми,—какъ сильнѣйшими.—Но возможно ли, спросилъ я, из- E.
вѣстное животное употребить на тѣ же самыя дѣла, если не дано ему того же самаго воспитанія и образованія? — Невозможно.—Слѣдовательно, если мы на то же самое употребимъ женщинъ, на что и мужчинъ, то тому же самому должны и научить ихъ?—Да. — Для мужчинъ назначена музыка и гим- 452.
настика?—Да. — Слѣдовательно эти же искуства, равно какъ и воинскую науку, надобно назначить и для женщинъ, и на это самое употреблять ихъ? — По твоимъ словамъ, вѣроятно такъ.—Впрочемъ, можетъ быть, многое, примолвилъ я, будучи противно обычаю, показалось бы смѣшнымъ, еслибы дѣлалось такъ, какъ говорится. — И очень, сказалъ онъ.—А что видишь ты здѣсь самое смѣшное? спросилъ я. Не то ли, очевидно, что въ палестрахъ, вмѣстѣ съ мужчинами, будутъ заниматься гимнастикою обнаженныя женщины,—и нетолько B.
молодыя, но и состарѣвшіяся,—подобно тому какъ, не смотря на свои морщины и непріятный видъ, въ гимназіяхъ занимаются старики?—Да, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; при теперешнемъ-то порядкѣ вещей это показалось бы дѣйствительно смѣшнымъ. — Но если уже пустились мы говорить, продолжалъ я, то не слѣдуетъ ли не бояться насмѣшекъ любезниковъ, сколько бы и чего бы ни наговорили они о такомъ C.
нововведеніи касательно гимнастики и музыки, не менѣе также касательно управленія оружіемъ и верховой ѣзды?— Твоя правда, сказалъ онъ.—Напротивъ, если уже начали мы говорить, то надобно идти наперекоръ суровому обычаю, — просить этихъ насмѣшниковъ, чтобы они не дѣлали своего дѣла [1], а подумали серьезно и вспомнили, что еще немного протекло времени, когда Эллинамъ, какъ теперь многимъ варварамъ, казалось стыдно и смѣшно видѣть обнаженными даже мужчинъ, и что, когда открыли гимназіи — сперва Критяне, D.

[1] *Чтобы они не дѣлали своего дѣла,* т. е. не смѣялись.

потомъ Лакедемоняне [1],—тогдашніе шутники все это, должно быть, осмѣивали. Или ты не думаешь?—Согласенъ.—Но какъ скоро пользующимся гимнастическими упражненіями показалось, думаю, что лучше быть раздѣтымъ, чѣмъ окутываться,—смѣшное на взглядъ исчезло предъ тѣмъ, что по расчетамъ разсудка оказалось наилучшимъ, и стало видно, что тотъ суетенъ, кто смѣшнымъ почитаетъ нѣчто отличное отъ
E. злаго, что намѣревающійся осмѣивать это смотритъ на какой-то иной видъ смѣшнаго, а не на безумное и дурное, и серьезно направляется къ иной цѣли, а не къ добру. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Итакъ, здѣсь не прежде ли всего надобно условиться въ томъ, возможно это или нѣтъ, и спорющимъ,—шутя ли кто, или серьезно захочетъ спорить,—отдать на разсмотрѣніе, во всѣхъ ли дѣлахъ породы мужеской спо-
453. собна участвовать человѣческая природа женщины [2], или ни въ одномъ, или въ иныхъ можетъ, а въ другихъ нѣтъ, — да то же самое и касательно войны, — которому полу она свойственна? Не тотъ ли, должно быть, прекрасно окончитъ это изслѣдованіе, кто положитъ для него такое прекрасное начало?—И очень, сказалъ онъ.—Такъ хочешь ли, спросилъ я, мы, вмѣсто другихъ, будемъ спорить сами противъ себя, чтобы нападеніе на мысли противниковъ производилось не безъ защи-
B. ты ихъ?—Ничто не препятствуетъ, отвѣчалъ онъ.—Скажемъ же вмѣсто нихъ: Сократъ и Главконъ, вамъ вовсе не нужно прекословіе со стороны: вы сами, создавая государство, при началѣ устроенія его положили, что каждый, по природѣ одинъ, долженъ дѣлать одно—свое.—Думаю, положили; какъ не положить?—Но не правда ли, что женщина, по природѣ, слишкомъ отлична отъ мужчины?—Какъ же не отлична? — Такъ

---

[1] По свидѣтельству Θукидида (1, 6), Лакедемоняне *πρῶτοι ἐγυμνώσθησαν καὶ εἰς τὸ φανερὸν ἀποδύντες λίπα μετὰ τοῦ γυμνάζεσθαι ἠλείψαντο*. Сравн. Theaet. p. 162 B.

[2] Объ этомъ доказательствѣ см. Legg. VI, p. 780 E sqq. VII, p. 794 C. D. VIII, p. 833 C sqq, Противъ Платона говоритъ Аристотель Pol. 1, 8. § 5, ed. *Schneid*. p. 33, II, 1. 3. 5. 2. § 15. Сравн. *Morgenstern*. Commentt. de Plat. Republ. p. 219 sqq.

не слѣдуетъ ли обоимъ имъ предписать и дѣло, соотвѣтствую-
щее природѣ каждаго? — Почему не такъ? — Какъ же не по- C.
грѣшаете вы теперь, какъ не противорѣчите самимъ себѣ,
утверждая, что мужчины и женщины должны дѣлать одно и
то же, если природы ихъ слишкомъ отдѣлены одна отъ дру-
гой? — Можешь ли, почтеннѣйшій, оправдаться противъ это-
го? — Если сейчасъ, то не очень легко, сказалъ онъ. Но я те-
бя же буду просить и прошу изложить за насъ какой бы ни
было отвѣтъ. — Вотъ это-то предвидя, Главконъ, примолвилъ D.
я, и многое подобное этому, я боялся и медлилъ касаться обы-
чая относительно избранія женъ и воспитыванія дѣтей. — Да,
клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; это, кажется, дѣйствительно
дѣло неудобное. — Конечно неудобное, примолвилъ я. Оно
вотъ каково: упалъ ли кто въ небольшой прудъ, или въ об-
ширнѣйшее море, — тѣмъ не менѣе все-таки долженъ плыть[1].
— Конечно. — Такъ не надобно ли и намъ плыть и стараться
спастись отъ этой рѣчи — въ надеждѣ, что либо какой-нибудь
дельфинъ приметъ насъ на себя, либо иная нечаянность бу-
детъ нашимъ спасеніемъ? — Кажется, сказалъ онъ. — Хорошо E.
же, продолжалъ я, авось найдемъ исходъ. Мы вѣдь согласи-
лись уже, что иная природа должна иное дѣлать, и что при-
рода женщины иная, чѣмъ у мужчины. А теперь говоримъ,
что природы иныя (то-есть различныя) должны дѣлать то
же самое. Въ этомъ ли вы обвиняете насъ? — Именно въ
этомъ. — Какъ благородна[2], Главконъ, сила состязательнаго

---

[1] Это та же самая метафора, которою Сократъ воспользовался прежде, Lib. IV, p. 441 C. Сравн. ниже p. 457 B. Дельфину приписывалась дружеская готовность спасать человѣка, когда море грозилось поглотить его. *Plin.* H. N. IX, 8 sectt. 7 sqq.

[2] О томъ, до какой степени Платонъ не любилъ споровъ, или такъ называемой эристики, видно изъ многихъ мѣстъ его сочиненій, въ которыхъ онъ описываетъ ее болѣе или менѣе обстоятельно. См. Sophist. p. 225 B. C. Phileb. p. 17 A. Men. p. 75 C. Phaed. p. 90 B C, p. 101 E. Phaedr. p. 261 D E. Здѣсь онъ называетъ ее благородною въ той мысли, что теперь вдается она въ споръ противъ воли и, вслѣдъ за нимъ, толкуя о словахъ, думаетъ, будто разсматриваетъ самое дѣло, *δεῖ δὲ ἀεὶ παντὸς πέρι τὸ πρᾶγμα αὐτὸ μᾶλλον διὰ λόγον ἢ τοὔνομα μόνον συνωμολογῆσθαι.* Sophist. p. 218 C.

454. искуства! сказалъ я. — Почему же? — Потому, отвѣчалъ я, что, кажется, многіе вступаютъ въ состязаніе даже нехотя, и думаютъ, что они не спорятъ, а разговариваютъ, оттого что не могутъ разсматривать предметъ разговора, раздѣливъ его на виды, но преслѣдуютъ противорѣчіе въ мысли только именное, и такимъ образомъ ведутъ другъ съ другомъ не разговоръ, а споръ. — Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, у многихъ есть эта страсть. Въ настоящемъ случаѣ не идетъ ли она,
B. думаю, и къ намъ? — Безъ сомнѣнія, сказалъ я; мы, должно быть, нехотя попали въ противорѣчіе [1]. — Какъ? — Мысль, что не та же природа должна совершать не тѣ же дѣла, мы весьма мужественно и упорно преслѣдуемъ только по имени, нисколько не разсмотрѣвши, чѣмъ опредѣляется видъ иной и той же природы, и къ чему мы относили его тогда, когда иной природѣ приписывали дѣла иныя, а той же — тѣ
C. же. — Да, въ самомъ дѣлѣ не разсмотрѣли этого. — Посему, продолжалъ я, намъ можно, кажется, спросить самихъ себя: — та же ли природа плѣшивыхъ и волосатыхъ, или онѣ противны одна другой? и когда согласимся, что противны, — позволять ли волосатымъ шить сапоги, если шьютъ ихъ плѣшивые, или плѣшивымъ, — если волосатые? — Это было бы смѣшно, сказалъ онъ. — Отъ другаго ли чего-нибудь смѣшно, спросилъ я, или оттого, что тогда мы положили не во всемъ ту же
D. и отличную природу, а сохранили только тотъ видъ отличія и подобія, который относится къ самымъ дѣламъ [2]? Напри-

---

[1] Теперь поводъ упрекать себя въ противорѣчіи мы подали сами, слѣдовательно сами виноваты, что возбудили противъ себя эристическія нападенія, а не діалектическую бесѣду. Мы не изслѣдовали напередъ, въ чемъ состоитъ форма, или видъ, отличающій мужчину отъ женщины: не опредѣливши же этого, какъ слѣдовало, мы разсуждали только о словахъ. — Изъ этого видно, что у Платона *ἀντιλογίας ἅπτεσθαι* значитъ запутываться въ споръ о словахъ; а *ἅπτεσθαι τοῦ λόγου* значитъ входить въ самое содержаніе, или въ мысль дѣла. *Xenoph.* Symp. III, 2.

[2] Главная мысль, которую Сократъ раскрываетъ на страницахъ 454 C, — 457 B, состоитъ въ томъ, что, для опредѣленія значенія женщинъ въ государствѣ, надобно брать въ расчетъ не внѣшнія свойства или способности гражданъ, по которымъ они могутъ исполнять извѣстное дѣло, или поставляются въ отношеніе къ извѣстнымъ предметамъ, а свойства ихъ существенныя, которыми

мѣръ, врачь и человѣкъ съ врачебною въ душѣ способностію имѣютъ, говорили мы, ту же самую природу. Или ты не думаешь?—Согласенъ.—А врачебная способность и плотническая не отличны ли одна отъ другой? — Должно быть, совершенно отличны.—Такъ если родъ мужчинъ и родъ женщинъ, продолжалъ я, являются различными относительно нѣкотораго искуства или иного дѣла, то эти дѣла, скажемъ, слѣдуетъ раздавать тому и другому: а поколику различіе ихъ обнаруживается тѣмъ, что самка раждаетъ, самецъ же паруется, то здѣсь, скажемъ, вовсе нѣтъ доказательства, что женщина отличается отъ мужчины въ отношеніи къ тому, о чемъ мы говоримъ; напротивъ, еще внушается мысль, что стражи у насъ и жены ихъ должны дѣлать одно и то же. — Да и справедливо, отвѣчалъ онъ.—Послѣ сего тому, кто говоритъ противное, не прикажемъ ли мы научить насъ, по отношенію къ какому искуству или дѣлу изъ тѣхъ, кото- 455.
рыя касаются государственнаго устройства, природа женщины и мужчины не та же, а иная? — И справедливо приказать.—Тогда, можетъ быть, и другой скажетъ, какъ ты немного прежде говорилъ, что удовлетворительно отвѣчать на это вдругъ — нелегко [1], а по разсмотрѣніи дѣла — нисколько не трудно.—Можетъ быть, и скажетъ.—Такъ хочешь ли, попросимъ того, кто противорѣчилъ намъ въ этомъ отношеніи, чтобы онъ слѣдовалъ за нами, не докажемъ ли мы ему B.
какъ-нибудь, что для устроенія государства у женщины нѣтъ

они характеризуются, какъ разумныя существа, способныя преуспѣвать въ добродѣтели. Съ этой же стороны женщины ничѣмъ не отличаются отъ мужчинъ, слѣдовательно, могутъ исполнять тѣ самыя обязанности, къ которымъ разными видами добродѣтелей призываются и мужчины. Есть между мужчинами и женщинами разницы въ наклонностяхъ и занятіяхъ: но это не мѣшаетъ и женщинѣ заниматься тѣмъ самымъ, чѣмъ занимается мужчина; какъ волосатый сапожникъ не препятствуетъ шить сапоги и плѣшивому. Есть между мужчинами и женщинами разницы половыя: но мужчина устрояетъ государство и правитъ имъ—не потому, что онъ мужчина, — не половымъ своимъ отличіемъ; слѣдовательно, половое отличіе не можетъ въ этихъ отношеніяхъ препятствовать и женщинѣ.

[1] Указывается p. 453 C: ὡς μὲν ἐξαίφνης — οὐ πάνυ ῥάδιον.

своего особаго дѣла? — И очень. — Ну-ка, отвѣчай, скажемъ мы ему: такъ ли ты говорилъ, что одинъ къ чему нибудь способенъ, а другой неспособенъ, поколику тотъ чему-нибудь научается легко, а этотъ—съ трудомъ; что одинъ, и немного поучившись, бываетъ очень изобрѣтателенъ въ томъ, чему учился, а другой, и долго занимавшись ученіемъ и упражнявшись, не сохраняетъ въ памяти того, что узналъ; и что тѣлесныя условія у перваго достаточно содѣйствуютъ его
C. разсудку, а у послѣдняго — противятся ему? Этимъ ли, или чѣмъ инымъ, опредѣлилъ ты способнаго къ каждому дѣлу и неспособнаго? — Никто не скажетъ, что инымъ, отвѣчалъ онъ.—Такъ знаешь ли ты какое-нибудь изъ человѣческихъ занятій, въ которомъ родъ мужчинъ не былъ бы по всему этому превосходнѣе рода женщинъ? Или мы пустимся въ перечисленія, говоря о тканьѣ, о приготовленіи блиновъ и мясныхъ блюдъ, въ чемъ родъ женщинъ кажется-таки чѣмъ-то,
D. и въ чемъ уступая роду мужчинъ, онъ былъ бы очень смѣшонъ? — Ты правду говоришь, сказалъ онъ, что одинъ родъ, какъ принято вѣрить, во всемъ гораздо ниже другаго. Многія женщины, конечно, во многомъ лучше многихъ мужчинъ; но вообще бываетъ такъ, какъ ты говоришь.—Итакъ, у распорядителей государства, другъ мой, нѣтъ никакого дѣла, которое было бы свойственно женщинѣ, поколику она женщина, или мужчинѣ, поколику онъ мужчина. Силы природы равно разлиты въ обоихъ живыхъ существахъ: по природѣ всѣмъ дѣламъ причастна и женщина, всѣмъ и мужчина; но жен-
E. щина во всемъ слабѣе мужчины.—Конечно.—Такъ неужели мы будемъ все предписывать мужчинамъ, а женщинѣ ничего? — Какъ можно?—Напротивъ, можетъ случиться, думаю, что одну женщину мы назовемъ врачевательницею, а другую—нѣтъ, одну—музыкантшею, а другую—по природѣ неспособною къ музыкѣ.—Почему не назвать?—Значитъ, одну
456. также гимнастичною и воинственною, а другую—рожденною не для войны и гимнастики?—Да, я думаю.—Что еще? одну—любительницею мудрости (φιλόσοφος), а другую—ненавистни-

цею ея (μισόσοφος); одну—раздражительною, а другую—чуждою раздражительности?—И это справедливо.—Значитъ, одну—женщиною стражебною, а другую—нѣтъ. Развѣ не такую природу избирали мы и для мужчинъ, имѣющихъ быть стражами? — Конечно такую. — Слѣдовательно, въ отношеніи къ охраненію государства, природа женщины и мужчины та же самая, кромѣ того только, что та слабѣе, а эта сильнѣе. — Явно.—Посему, для такихъ мужей должны быть избираемы и B.
такія жены, чтобы онѣ, какъ годныя и сродныя имъ по природѣ, сожительствовали имъ и вмѣстѣ охраняли государство. —Конечно.—А дѣла тѣмъ же по природѣ надобно назначать не тѣ же ли?—Тѣ же.—Стало-быть, сдѣлавъ кругъ, мы возвращаемся къ прежнему и соглашаемся, что природѣ не противно—предоставить женамъ стражей музыку и гимнастику.— Безъ всякаго сомнѣнія.—Слѣдовательно, не невозможное и не C.
безнадежное дѣло узаконяли мы, если постановили законъ, согласный съ природою. Скорѣе противно природѣ, повидимому, то, что вопреки этому бываетъ теперь. — Вѣроятно. —Но не было ли нашею задачею — говорить именно возможное и наилучшее?—Было.—И мы дошли до согласія, что высказали возможное?—Да.—Значитъ, послѣ сего надобно согласиться, что сказанное нами есть и наилучшее?—Явно.— Чтобы женщина сдѣлалась стражебною, — инымъ ли образованіемъ достигнется это у насъ въ отношеніи къ мужчи- D.
намъ, и инымъ въ отношеніи къ женщинамъ,—особенно когда она получила ту же самую природу?—Не инымъ.—Какого же мнѣнія держишься ты касательно этого? — Касательно чего?—Представляешь ли ты себѣ, чтоодинъ мужчиналуч ше, другой хуже, или всѣхъ ихъ почитаешь одинаковыми?— Никакъ.—А въ устрояемомъ нами государствѣ которые мужчины, думаешь, описаны у насъ лучшими,—стражи ли, получившіе показанное нами воспитаніе, или сапожники, наученные сапожническому ремеслу [1]?—Смѣшной вопросъ, ска-

[1] Сократъ не безъ причины хорошему стражу противуполагаетъ худаго

E. залъ онъ.—Знаю, примолвилъ я. Что же? изъ всѣхъ гражданъ не эти самые отличные?—Далеко имъ.—Ну а изъ женщинъ? не эти будутъ самыми отличными?—Далеко и имъ, сказалъ онъ.—Но для государства есть ли что-нибудь лучше, какъ имѣть самыхъ отличныхъ мужчинъ и женщинъ?—
457. Нѣтъ.—А такими, по нашему изслѣдованію, сдѣлаются они при помощи музыки и гимнастики?—Какъ же иначе?—Стало-быть, мы начертали для государства узаконенія нетолько возможныя, но и наилучшія. — Такъ. — Пусть же раздѣваются жены стражей, если только, вмѣсто одежды, онѣ будутъ облекаться добродѣтелью [1]; пусть принимаютъ участіе въ войнѣ и въ другихъ, касающихся государства стражебныхъ занятіяхъ, и не дѣлаютъ иного. Впрочемъ, изъ этихъ самыхъ дѣлъ,
B. женамъ, по слабости ихъ рода, надобно предоставлять дѣла болѣе легкія, чѣмъ мужьямъ. А человѣкъ, смѣющійся при взглядѣ на обнаженныхъ женщинъ, обнажившихся ради наилучшаго, своею насмѣшкою *пожиная незрѣлый плодъ мудрости*, какъ видно, не знаетъ, надъ чѣмъ смѣется и что дѣлаетъ [2]. Вѣдь прекрасно, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ и будутъ говорить, что хорошо полезное, а постыдно вредное.—Безъ всякаго сомнѣнія.—

сапожника. Между ремесленниками тогдашняго времени σκυτοτόμοι почитались людьми самыми развратными и презрѣнными. *Heindorf.* ad Charm. p. 163 B, εἰ τὰ τοιαῦτα ἐκάλει—οὐδενὶ ἂν ὄνειδος φάναι εἶναι σκυτοτομοῦντι ἢ ταριχοπωλοῦντι κ. τ. λ.

[1] Астъ въ этихъ словахъ Платона видитъ принаровленіе къ словамъ Иродота, I, 8: ἅμα δὲ κιθῶνι ἐκδυομένῳ συνεκδύεται καὶ τὴν αἰδῶ γυνή. Но мнѣ кажется, философъ могъ и самъ собою придти къ этому выраженію; потому что глаголы ἐκδύεσθαι и ἀμφύεσθαι часто принимаемы были въ смыслѣ одѣванія и раздѣванія нравственнаго. *Gatak.* Opp. Crit. p. 223 sq.

[2] Это мѣсто, равно какъ и прежнее, p. 452 B. C, показываетъ, что постановленіе Спартанцевъ, по которому и женщины, подобно мужчинамъ, занимались гимнастическими упражненіями, раздѣвались въ палестрахъ, было осмѣиваемо аѳинскими комиками еще прежде, чѣмъ вышло въ свѣтъ Платоново Государство. Посему нельзя согласиться съ Моргенштерномъ (Comment. p. 73), будто, судя по этому мѣсту, надобно полагать, что Аристофанъ, въ своихъ Ecclesiaz., осмѣиваетъ мысли Платона о гимнастикѣ женщинъ, и будто Платоново Государство, на этомъ основаніи, издано прежде 96 или 97 олимп. Слова: *пожиная незрѣлый плодъ мудрости*, взяты у Пиндара. Свидѣтельствуетъ Стобей—Sermon. CCXI, p. 711. Сравн. *Boeck.* Pind. T. II, P. 11, p. 669.

Итакъ, постановляя этотъ законъ касательно женщинъ, мы избѣгнемъ, говоримъ, какбы волны, чтобы не вовсе захлебнуться [1], если положимъ, что сторожа у насъ и сторожихи должны всѣмъ заниматься съобща: тогда наша рѣчь, такъ C. какъ она говоритъ о возможномъ и полезномъ, согласна будетъ сама съ собою.—И дѣйствительно, немалой волны избѣгаешь ты, сказалъ онъ.—Но вотъ ты скажешь, что она невелика, когда увидишь дальнѣйшее.—Говори-ка, посмотрю, сказалъ онъ.—За этимъ и другими прежними законами идетъ, думаю, слѣдующій, продолжалъ я.—Какой?—Тотъ, что всѣ эти женщины должны быть общими [2] всѣмъ этимъ мужчинамъ, D.

---

[1] Сократъ продолжаетъ здѣсь выдерживать прежнее подобіе, p. 453 B, представляя предметъ какбы моремъ, плывя по которому, онъ подвергается опасности потонуть и увлечь съ собою слушателей.

[2] Моргенштернъ (Commentt. de Rep. 224) говоритъ: Nullam beatam esse posse civitatem Plato arbitrabatur, in qua esset inter cives dissensio et discordia; nullum adeo vere perfectam, in qua aliud videretur privatae utilitatis studium, aliud salutis publicae. Infestae illius dissensionis semina ut exstirparentur, commendatam ab eo vidimus bonorum apud milites civitatis suae communionem. Verum cui malo hac via occurrere voluit, ejus vim tantum existimabat, ut uno illo remedio non acquiesceret. Aliud insuper, quo ab alia quadam parte pestis fons præcluderetur, excogitavit. Loquor jam de famosissima illa uxorum et liberorum, quam vocant, communione. Alii hoc commentum refutarunt, alii irriserunt, detestati sunt alii, alii excusaverunt, pauci satis intellexerunt aut recte judicaverunt. Послѣднее, то-есть непониманіе Платонова ученія объ общности женъ и дѣтей, чаще всего заставляло порицать предначертанное великимъ философомъ государство. Въ основаніи сужденія объ этомъ предметѣ надобно положить то, что Платонъ, какъ высокій моралистъ, грубо противорѣчилъ бы началамъ собственной своей иѳики, еслибы общность женъ понималъ въ смыслѣ обыкновеннаго чувственнаго соціализма. См. ниже, p. 458 E. Нѣтъ, этого быть не могло. Философъ имѣлъ въ виду изгнать изъ своего государства всякое представленіе собственности, полагая, что гражданъ особенно раздѣляетъ и ссоритъ мысль о *моемъ* и *твоемъ;* поэтому на все, что есть въ государствѣ, онъ смотрѣлъ, какъ на предметы, принадлежащіе исключительно государству и зависящіе единственно отъ его распоряженій. Такимъ образомъ и женщины, или дѣвицы, суть достояніе тоже государственное, и выборъ ихъ ни для какихъ частныхъ лицъ не позволителенъ; одно только правительство, —умъ общества, имѣетъ право раздавать ихъ стражамъ, по собственному усмотрѣнію, подобно тому, какъ гостямъ, обѣдающимъ за однимъ столомъ, метръ д'отель раздаетъ тарелки съ супомъ, чтобы каждый гость кушалъ свое, а чужой тарелки не касался. Итакъ, выраженіе: *τὰς γυναῖκας τῶν ἀνδρῶν πάσας εἶναι κοινάς*, надобно разумѣть такъ, какбы сказано было: *τὰς γυναῖκας τῶν ἀνδρῶν, πάσας τοῦ κοινοῦ εἶναι, καὶ μηδενὶ αὐτῶν ὥσπερ ἰδιαζόντων συνοικεῖν.* Противъ этого ученія много писалъ Аристотель. Polit. II, 2. Histor. animal. IX, 1.

что ни одна не должна жить частно ни съ однимъ;—тоже
опять общими—и дѣти, такъ чтобы и дитя не знало своего
родителя, и родитель—своего дитяти.—Этотъ гораздо боль-
ше того, относительно къ невѣрію въ возможность и пользу
ихъ, сказалъ онъ.—Касательно пользы-то, что, то-есть, имѣть
общихъ женъ и общихъ дѣтей есть величайшее благо, лишь
бы это было возможно, не думаю, чтобы стали сомнѣваться,
продолжалъ я. Полагаю, что большее встрѣтится сомнѣніе
E. касательно возможности этого. — Очень естественно возник-
нуть сомнѣнію въ томъ и другомъ, сказалъ онъ.—Ты все-та-
ки соединяешь эти предметы, примолвилъ я: а у меня была
мысль—отъ одного-то изъ нихъ ускользнуть. Признай ты
это полезнымъ, думалъ я: тогда мнѣ останется не болѣе,
какъ говорить о возможности.—Да не утаился, видишь, съ
своимъ стараніемъ ускользнуть, сказалъ онъ; дай отчетъ въ
томъ и другомъ.—Надобно подвергнуться приговору, примол-
458. вилъ я. Однакожъ, будь ко мнѣ сколько-нибудь милостивъ:
позволь мнѣ попировать, какъ обыкновенно пируютъ души лѣ-
нивыя, находя пирушку въ самихъ себѣ [1], когда идутъ однѣ.
Вѣдь такія-то, прежде чѣмъ выдумываютъ, какъ состоится то,
чего имъ хочется, оставляютъ это, чтобы не обременять себя
размышленіемъ о возможности или невозможности желаема-
го, и, представляя его какбы уже осуществившимся, стро-
ятъ дальнѣйшее и весело пробѣгаютъ мыслію, что̀ будутъ
они дѣлать, когда это состоится, и такимъ образомъ душу
B. лѣнивую дѣлаютъ еще лѣнивѣе. Такъ вотъ и я ослабѣваю, и
первое, то-есть, возможно ли [2] предполагаемое, хочу пропу-

---

[1] *Попировать — находя пирушку въ самихъ себѣ*, *ἑορτάσαι, ὥσπερ οἱ ἀργοὶ τὴν διάνοιαν εἰώθασιν ἑστιᾶσθαι ὑφ' ἑαυτῶν*. Сократъ указываетъ на такую дѣятельность души, которая называется мечтательностію, или развитіемъ пріятныхъ представленій о предметѣ, будто бы дѣйствительныхъ, тогда какъ они нетолько не дѣйствительны, но, можетъ быть, и неосуществимы. *Valkenar*. ad Theocrit. Adoniaz. v. 25: *ἀεργοῖς αἰὲν ἑορτά· — θέντες ὡς ὑπάρχον*.

[2] *Возможно ли — εἰ δυνατά*; въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ *ἧ δυνατά*. Но первое чтеніе справедливѣе: потому что сомнѣніе здѣсь не въ томъ, какимъ образомъ (*ἧ*) это возможно, а въ томъ, возможно ли (*εἰ*) это.

стить и разсмотрѣть это послѣ; а теперь, представивъ дѣло возможнымъ, разсмотрю, если позволишь, какъ распоряжались бы имъ правители, когда бы оно уже было, и докажу, что такой порядокъ дѣлъ для государства и стражей былъ бы всего полезнѣе. Это я постараюсь изслѣдовать тебѣ, если позволишь, напередъ, а потомъ изслѣдую и то. — Позволяю, сказалъ онъ; изслѣдывай.—

Итакъ, если и правители и помощники ихъ равнымъ об-
разомъ будутъ достойны своего имени, началъ я; то одни, C.
думаю, захотятъ исполнять предписанія, а другіе — предпи-
сывать, частію сами повинуясь законамъ, частію подражая
всему, что ими внушается.—Вѣроятно, сказалъ онъ. — По-
этому ты, въ качествѣ законодателя, продолжалъ я, какъ из-
бралъ мужчинъ, такъ изберешь и женщинъ, и раздашь ихъ,
сколько можно будетъ, по способностямъ: а они, имѣя общія
жилища и общій столъ, и не владѣя частно никакою соб- D.
ственностію, будутъ вмѣстѣ и, смѣшиваясь между собою, какъ
въ гимназіяхъ, такъ и въ другихъ условіяхъ воспитанія, са-
мою, врожденною имъ, думаю, необходимостію повлекутся
къ взаимному совокупленію. Или тебѣ не кажется необходи-
мымъ мое заключеніе? — Подобныя необходимости, по край-
ней мѣрѣ, не геометрическія, а эротическія [1], сказалъ онъ,
которыя толпу убѣждаютъ и увлекаютъ, дожно быть, живѣе,
чѣмъ первыя. — И очень, примолвилъ я. Но послѣ этого-то,
Главконъ, совокупляться безпорядочно, или дѣлать иное, тому E.
подобное, въ обществѣ людей счастливыхъ, было бы нечестно,
да и правители не позволятъ.—Потому что это несправедли-
во, сказалъ онъ.—Такъ явно, что послѣ этого мы установимъ браки, —и браки, сколько достанетъ силъ, священные; священными же пусть будутъ самые полезные.—Безъ всякаго сомнѣнія.—А какъ будутъ они самыми полезными? скажи

[1] О необходимости геометрической и эротической см. Gorg. p. 472 E. Sympos. p. 223 D. *Fabricius* ad Sext. Empir. adv. Math. III, p. 327. Необходимости эротическія у Плутарха (vit. Lycurg. p. 48 C) ἕλκουσι τὸν πολὺν λεών, то-есть τοὺς πολλούς. Напротивъ, необходимость геометрическая подчинена закону ума.

459. мнѣ это, Главконъ. Вѣдь въ твоемъ домѣ я вижу и гончихъ собакъ, и множество благородныхъ птицъ. Ты, клянусь Зевсомъ, обращалъ нѣкоторое вниманіе на ихъ браки и дѣторожденіе?—Какое вниманіе? спросилъ онъ.—Во-первыхъ, между этими самыми животными, хотя они вообще благородны, нѣтъ ли и не бываетъ ли отличныхъ?—Есть.—Такъ отъ всѣхъ ли равно дѣлаешь ты приплодъ, или стараешься дѣлать его особенно отъ
B. отличныхъ? — Отъ отличныхъ. — Что жъ? отъ самыхъ молодыхъ, или отъ самыхъ старыхъ, или отъ тѣхъ, которыя въ цвѣтущемъ возрастѣ? — Которыя въ цвѣтущемъ возрастѣ. — И если приплодъ не таковъ, ты полагаешь, что порода птицъ и собакъ будетъ у тебя гораздо худшая?—Да, полагаю.—А что думаешь о лошадяхъ и о другихъ животныхъ? продолжалъ я: иначе ли бываетъ съ ними?—Это было бы странно, сказалъ онъ. — Ахъ, любезный другъ, примолвилъ я, — сколь же совершенные нужны намъ правители, если такъ бываетъ и съ человѣческимъ родомъ!—Да, именно такъ бываетъ, сказалъ
C. онъ. Такъ что же?—То, отвѣчалъ я, что имъ необходимо пользоваться многими лекарствами. Если тѣла не имѣютъ нужды во врачебныхъ средствахъ, и охотно подчиняются діэтѣ; то для нихъ мы почитаемъ достаточнымъ и плохаго врача: а когда уже надобно употреблять лекарства; тогда, извѣстно, нуженъ врачь болѣе мужественный.—Правда; но къ чему это говоришь ты?—Къ тому, сказалъ я, что правителямъ у насъ, должно быть, понадобится, для пользы управляемыхъ, часто
D. употреблять ложь и обманъ; полезно же это въ видѣ лекарства, говорили мы, кажется.—Да и правильно, сказалъ онъ. —Такъ это правильное, повидимому, бываетъ не въ малой мѣрѣ при бракахъ и дѣторожденіи.—Какимъ же образомъ?—По допущенному выше, отвѣчалъ я, надобно, чтобы отличные соединялись (бракомъ) большею частію съ отличными, а худшіе, напротивъ, съ худшими, и чтобы первые изъ нихъ воспитывали дѣтей, а послѣдніе—нѣтъ, если стадо имѣетъ
E. быть самымъ превосходнымъ; и все это должно скрываться въ тайнѣ отъ всѣхъ, кромѣ правителей, если стаду стражей

нужно быть опять наименѣе возмутимымъ.—Весьма правиль-
но, сказалъ онъ.—Такъ не должны ли быть учреждены празд-
ники, на которые мы соберемъ невѣстъ да жениховъ, и на
которыхъ будутъ совершаемы жертвоприношенія, а наши
поэты постараются воспѣвать приличные тогдашнимъ бра- 460.
камъ гимны? Количество же браковъ не возложить ли намъ
на правителей, чтобы они, имѣя въ виду войны, болѣзни и
все такое, позаботились припасти нужное число мужчинъ, и
чтобы такимъ образомъ государство у насъ было, по возмож-
ности, и не велико, и не мало.—Правильно, сказалъ онъ.—
Притомъ, надобно, думаю, изобрѣсть какіе-нибудь хитрые [1]
жребіи, чтобы тотъ худой мужчина вину каждаго сочетанія
возлагалъ на случай, а не на правителей. *Καὶ τοῖς ἀγαθοῖς γέ* B.
*που τῶν νέων ἐν πολέμῳ ἢ ἄλλοθί που γέρα δοτέον καὶ ἆθλα ἄλλα τε καὶ
ἀφθονεστέρα ἡ ἐξουσία τῆς τῶν γυναικῶν ξυγκοιμήσεως ἵνα καὶ ἅμα μετὰ προ-
φάσεως ὡς πλεῖστοι τῶν παίδων ἐκ τῶν τοιούτων σπείρωνται*[2].—Правильно.
—И всегда раждающихся дѣтей не должны ли брать поставлен-
ныя надъ этимъ власти, состоящія либо изъ мужчинъ, либо изъ
женщинъ, либо изъ тѣхъ и другихъ,—ибо и власти, вѣроятно,
будутъ общими женщинамъ и мужчинамъ?—Да.—Взявъ дѣтей C.
отъ добрыхъ, онѣ будутъ относить ихъ, думаю, въ огражденное
мѣсто, къ нѣкоторымъ кормилицамъ, живущимъ отдѣльно, въ
извѣстной части города; а дѣтей отъ худыхъ, и вообще всѣхъ,
родившихся съ тѣлесными недостатками, станутъ скрывать,
какъ слѣдуетъ, въ тайномъ и не извѣстномъ мѣстѣ.—Если
только надобно имѣть чистую породу стражей, сказалъ онъ.—
Не позаботятся ли они также и о пищѣ, приводя въ то огражден-
ное мѣсто матерей, когда набряхнутъ у нихъ груди (причемъ

---

[1] О хитрыхъ жребіяхъ, при выборѣ лицъ для сочетанія ихъ бракомъ, Платонъ нѣсколько полнѣе высказывается, въ началѣ Тимея, p. 18 D: *ἄρ' οὐ μεμνήμεθα, ὡς τοὺς ἄρχοντας ἔφαμεν καὶ τὰς ἀρχούσας δεῖν εἰς τὴν τῶν γάμων ξύνερξιν λάθρα μηχανᾶσθαι κλήροις τισίν, ὅπως οἱ κακοὶ χωρὶς οἵ τ' ἀγαθοὶ ταῖς ὁμοίαις ἑκάτεροι ξυλλέξωνται καὶ μή τις αὐτοῖς ἔχθρα διὰ ταῦτα γίγνηται, τύχην ἡγουμένοις αἰτίαν τῆς ξυλλέξεως.*

[2] Sat sapienti, cui bene persvasum est, Platonem, uti Homerum, quandoque dormitasse.

употребятъ все искуство, чтобы ни одна изъ нихъ не узнала
D. своего дитяти), и доставая другихъ, имѣющихъ молоко, если матери будутъ недостаточны? Не попекутся ли и о самыхъ этихъ питательницахъ, чтобы онѣ воздаивали дѣтей умѣренно, во-время, и не назначатъ ли мамкамъ и кормилицамъ часовъ бдѣнія и другаго труда?—Ты женамъ стражей доставляешь великое облегченіе въ дѣторожденіи, сказалъ онъ.— Да такъ и надобно, примолвилъ я. Но пойдемъ далѣе къ своей цѣли. Вѣдь мы уже сказали, что дѣти должны раждаться отъ
E. людей цвѣтущаго возраста?—Правда.—Но не кажется ли тебѣ, что умѣренное время цвѣтучести для женщины есть двадцать лѣтъ, а для мужчины—тридцать?—Сколькими же годами оно ограничивается? спросилъ онъ.—Женщинѣ можно раждать для города, начиная отъ двадцатаго до сороковаго года, отвѣчалъ я; а мужчинѣ, протекши порывистую цвѣтучесть возраста [1], можно раждать для города отъ этого вре-
461. мени до пятидесяти лѣтъ.—Дѣйствительно, сказалъ онъ; въ эти именно годы цвѣтетъ тѣлесно и умственно тотъ и другой полъ.—Посему, кто, будучи старѣе или моложе этого, посягнетъ на ражденіе дѣтей для города, тому мы вмѣнимъ это въ грѣхъ, какъ дѣло нечестивое и неправедное,—для чего зачалъ онъ государству дитя, которое, какъ покрытое тайною, должно было родиться не отъ сѣмени, освященнаго жертвами и молитвами, какія приносятся жрицами и жрецами и всѣмъ городомъ, чтобы хорошіе всегда производили порожденія лучшія и, полезные—полезнѣйшія, а отъ мрака, скрывающаго
B. страшное невоздержаніе.—Правильно, сказалъ онъ.—Тотъ же-таки законъ будетъ имѣть силу, продолжалъ я, если кто изъ мужчинъ еще раждающихъ, не бывъ сведенъ правителемъ, будетъ касаться женщины въ зрѣломъ возрастѣ; потому что въ такомъ случаѣ онъ принесетъ городу, скажемъ мы,

---

[1] *Порывистую цвѣтучесть возраста*, τὴν ὀξυτάτην δρόμου ἀκμήν. Эти слова едва ли не заимствованы у какого-нибудь поэта и указываютъ, кажется, на возрастъ двадцати-пяти-лѣтній. О времени вступленія въ бракъ иначе говоритъ Аристотель. Polit. VI, 16. VII, 16. Сравн. *Plat.* Legg. IV, p. 721 B. VI, p. 772 D.

подкидыша,—дитя незаконное и неосвященное. Когда же, думаю, и женщины и мужчины переживутъ возрастъ ражданія, —мужчинамъ мы, вѣроятно, предоставимъ свободу—соединяться, съ кѣмъ хотятъ, кромѣ дочери, матери, дочернихъ C.
дочерей и матернихъ родственницъ по восходящей линіи; оставимъ также свободными и женщинъ,—кромѣ сына, отца и родственниковъ ихъ по нисходящей и восходящей линіи [1]. Но при всемъ-таки этомъ, предпишемъ особенно стараться— и на свѣтъ не выносить никакого плода, если онъ зачнется,— а когда что приневолитъ, положить его такъ, какбы не было для него никакой пищи [2]. — И это также отчетливо гово-

---

[1] Если ученіе Платона объ общности женъ и дѣтей можно объяснять такъ, что оно не представится страннымъ и несообразнымъ съ началами чистой нравственности; то даваемое Платономъ мужчинамъ и женщинамъ позволеніе, по прошествіи возраста, назначеннаго для рожденія дѣтей, соединяться съ кѣмъ угодно, кромѣ дочери, матери, дочернихъ дочерей и матернихъ родственницъ, нетолько не можетъ быть оправдано никакою здравою иѳикою, но и обличаетъ философа въ явномъ противорѣчіи самому себѣ. Прежде всего, надобно сказать, что съ пережитымъ возрастомъ дѣторожденія, назначеннымъ отъ общества и для общества, возрастъ дѣятельности, требуемой добродѣтелями, не переживается. А эти добродѣтели, во всѣхъ своихъ видахъ, никакъ не могутъ позволить ни мужчинамъ, ни женщинамъ соединяться безразлично, съ кѣмъ кто хочетъ; потому что, при такомъ безразличномъ соединеніи, нельзя представить ни разсудительности, поставляющей гражданина въ гармонію со всѣми членами общества, ни справедливости, обязывающей его дѣлать свое и, подъ управленіемъ мудрости, восходить выше и выше къ нравственному совершенству. Даже и самыя исключенія, которыми Платонъ ограничиваетъ позволеніе произвольныхъ совокупленій, вводятъ его въ странное и непонятное противорѣчіе. Если въ Платоновомъ государствѣ ни родители не должны знать своихъ дѣтей, ни дѣти своихъ родителей; то, при безразличномъ половомъ совокупленіи, какимъ образомъ могли бы они избѣжать кровосмѣшенія? А когда всякій отецъ и всякая мать, какъ постановляетъ Платонъ, будутъ считаться отцомъ и матерью всѣхъ дѣтей слѣдующаго за ними поколѣнія; равно какъ и всѣ дѣти будутъ почитать отцами и матерями всѣхъ членовъ поколѣнія старшаго: то данное Платономъ позволеніе, при тѣхъ исключеніяхъ, получитъ значеніе такого позволенія, которымъ никто воспользоваться не можетъ; слѣдовательно, оно останется шуткою, или софистическою насмѣшкою, которую прикрываетъ философъ только постановленіемъ закона, допускающаго сожительство съ сестрами и братьями въ смыслѣ политическомъ или поколѣнномъ.

[2] Явно, что Платонъ допускаетъ въ своемъ государствѣ жестокій законъ Лакедемонянъ объ отверженіи дѣтей, имѣющихъ физическіе недостатки, или необѣщающихъ счастливаго развитія тѣлесныхъ силъ. У Платона этотъ законъ,

D. рится, сказалъ онъ. Но какъ можно будетъ отличить другъ отъ друга—отцовъ, дочерей и всѣхъ, о комъ ты сейчасъ говорилъ?—Никакъ, отвѣчалъ я. Какія бы ни родились дѣти на десятомъ, даже на седьмомъ мѣсяцѣ съ того дня, въ который кто сдѣлался женихомъ,—всѣхъ этихъ дѣтей мужескаго пола будетъ онъ называть сыновьями, а женскаго—дочерями; дѣти же эти станутъ называть его отцомъ. Равнымъ образомъ, порожденія ихъ будетъ называть онъ дѣтьми дѣтей, а они ихъ—дѣдами и бабками [1]; рожденныхъ же въ то время, когда родили ихъ отцы и матери, они станутъ именовать братья-
E. ми и сестрами. Поэтому, сказавъ сейчасъ, кому не касаться другъ друга, мы должны прибавить, что братьямъ и сестрамъ законъ позволитъ сожительство, если на это выпадетъ жребій и будетъ утвержденъ Пиѳіею. — Весьма правильно, сказалъ онъ.—

Эта-то, Главконъ, и такова-то у твоихъ стражей города общность женъ и дѣтей: а примѣняемая къ другимъ видамъ государственной жизни, она и далеко лучше, что̀ должны мы теперь доказать своимъ разсужденіемъ. Или какъ по-
462. ступимъ? — Именно такъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ. — И вотъ не это ли будетъ началомъ изслѣдованія—спросить намъ самимъ: что такое, для устроенія государства, имѣемъ мы назвать величайшимъ благомъ, къ которому стремясь, за-

---

повидимому, еще жесточе, чѣмъ былъ онъ у Лакедемонянъ; потому что обрекаетъ на смерть младенцевъ даже за позднее рожденіе ихъ, хотя бы физическихъ недостатковъ они чрезъ то и не обнаруживали. Объ этомъ предметѣ см. *Gerhardt*. *Noodt* въ книгѣ подъ заглавіемъ: Julius Paulus, seu de partus expositione et nece apud veteres. In Opp. (Lugd. Bat. 1724) p. 567 sqq. Снес. p. 591 sqq. *Petit*. ad Legg. A 4, p. 144. *Elmenhorst*. ad Minuc. Felic. Octav. p. 289. *Plut*. vit. Lycurg. c. 16.

[1] *Бабками* — τηθάς. Наши лексикографы напрасно, кажется, смѣшиваютъ слова τηθή и τίτθη, полагая, что то и другое означаютъ и бабку и кормилицу. *Косовичъ*. Τίτθη собственно—кормилица, какъ у Атенея XIII, 44, 103 и у Аммонія. А τηθή — имя бабушки, которое Доряне замѣняли словомъ μαῖα. *Jambl*. Vit Pyth. XI. 56. 114; и это слово было почетное. Въ такомъ смыслѣ встрѣчается τήθη у Аристофана Lys, v. 549. Acharn. v. 49. *Andocid*. de Myster. p. 63. *Plut*. de Curios. II, 131, T. X; al.

конодатель долженъ постановлять законы, и что — величайшимъ зломъ [1]? — потомъ изслѣдовать, разсмотрѣнное нами теперь наводитъ ли насъ на стезю блага и удаляетъ ли отъ стези зла? — Всего болѣе, сказалъ онъ. — Есть ли у насъ для государства зло болѣе того, которое расторгаетъ его и дѣ- B.
лаетъ многими, вмѣсто одного,—или добро болѣе того, которое связуетъ его и дѣлаетъ однимъ? — Нѣтъ. — Но общеніе удовольствія и скорби не связуетъ ли непремѣнно всѣхъ гражданъ, когда они, при однихъ и тѣхъ же пріобрѣтеніяхъ и лишеніяхъ, равно веселятся и скорбятъ? — Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ онъ. — Напротивъ, особничество въ этомъ отношеніи не разрушаетъ ли согласія, когда однѣ и тѣ же случайности города и людей въ городѣ для иныхъ бываютъ горестны, для другихъ — пріятны? — Какъ не разрушать? — А это не тогда ли проис- C.
ходитъ, когда въ городѣ не вмѣстѣ произносятся слова такія, какъ: это мое, это не мое? и не то же ли должно сказать о чужомъ? — Совершенно то же. — Значитъ, самый лучшій распорядокъ будетъ въ томъ городѣ, въ которомъ, въ отношеніи къ тому же, одно и то же мое и не мое произноситъ наибольшее число гражданъ. — И очень. — И которое весьма близко подходитъ къ состоянію одного человѣка: напримѣръ, когда у когонибудь изъ насъ ушибенъ палецъ, тогда, по общенію тѣла съ душою, сосредоточенному въ одномъ распорядкѣ господствую- D.
щаго въ душѣ начала, все чувствуетъ и вмѣстѣ все раздѣляетъ страданіе больнаго члена; а потому мы и говоримъ, что человѣкъ страдаетъ пальцемъ. То же должно сказать и о всякой другой принадлежности человѣка, — о скорби, когда членъ болѣзнуетъ, и объ удовольствіи, когда онъ здоровъ. —

---

[1] Высшее благо общества Платонъ поставляетъ въ согласіи и единомысліи всѣхъ гражданъ; такъ чтобы у нихъ была только общая радость и общая печаль, а частной или личной не было, и чтобы такимъ образомъ не оставалось мѣста въ обществѣ эгоизму или самоуслажденію. Противъ этого понятія о высшемъ благѣ въ государствѣ говоритъ Аристотель, Polit. II, 1, 16. II, 2, 9; а сужденія Аристотеля разсматриваютъ *Franc. Patricius* Discuss. Peripatet. p. 350 sq. *Fulleborn.* Annot. ad Garvii interpr. Aristot. Polit. T. II, p. 194. *Morgenstern.* Comment. p. 235.

Конечно, то же, сказалъ онъ; и отлично управляемый городъ, въ самомъ дѣлѣ, живетъ весьма близко къ тому, о чемъ ты спрашиваешь. — Итакъ, если и одинъ кто нибудь изъ граж-
E. данъ испытываетъ добро или зло,—этотъ городъ непремѣнно будетъ говорить, что онъ самъ испытываетъ это, и станетъ либо весь сорадоваться, либо весь сострадать.—Необходимо, сказалъ онъ, какъ скоро городъ по-истинѣ благозаконенъ.— Теперь время бы намъ возвратиться къ своему государству, продолжалъ я, и сообразить то, на что мы согласились,—оно ли, то-есть, именно таково, или скорѣе какое-нибудь иное.—
463. Да, надобно, сказалъ онъ. — Что же? какъ въ другихъ государствахъ есть правители и народъ: такъ есть, конечно, и въ этомъ? — Есть. — И всѣ они другъ друга называютъ гражданами? — Какъ не называть? — Но въ другихъ государствахъ къ имени нѣкоторыхъ гражданъ народъ присоединяетъ еще имя правителей?—Во многихъ—имя властелиновъ (δεσπότας), а въ городахъ демократическихъ соотвѣтствуетъ этому названіе архонтовъ (правителей). — Что же въ нашемъ народѣ? имя какихъ правителей присоединяетъ онъ къ имени нѣкото-
B. рыхъ гражданъ? — Имя хранителей и попечителей, сказалъ онъ.—А эти какъ называютъ народъ?—Мздовоздаятелями и питателями.—Въ другихъ же государствахъ правители какъ называютъ народъ?—Рабами, сказалъ онъ. — А правители другъ друга?—Соправителями, отвѣчалъ онъ.—Ну а наши? —Состражами. — Скажи теперь о правителяхъ въ другихъ государствахъ: можетъ ли кто тамъ одного изъ соправителей наименовать какъ собственнымъ, а другаго—какъ чужимъ? — Да и многихъ. — Поэтому собственнаго онъ почитаетъ и называетъ какъ своимъ, а чужаго какъ не своимъ?—
C. Такъ.—Что же твои-то стражи? Можетъ ли кто изъ нихъ почитать или называть извѣстнаго стража какъ чужимъ?—Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ; потому что, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился, будетъ думать, что встрѣтился либо какъ съ братомъ, либо какъ съ сестрою, либо какъ съ отцомъ, либо какъ съ матерью, либо съ сыномъ, либо съ дочерью, либо съ

ихъ дѣтьми, либо съ ихъ родителями.—Прекрасно говоришь ты, примолвилъ я; но скажи еще вотъ что: назначишь ли ты имъ только собственныя имена родства, или по именамъ узаконишь совершать и всякія дѣла, напримѣръ, въ отношеніи D.
къ отцамъ,—уваженіе, заботливость и послушаніе,—все, чего требуетъ законъ касательно родителей, поколику недѣлающему этого не будетъ добра ни отъ боговъ, ни отъ людей, такъ какъ, дѣлая иное, а не это, онъ не дѣлаетъ ни честнаго, ни справедливаго? Эти ли рѣчи отъ всѣхъ гражданъ, или другія тотчасъ прозвучатъ у тебя въ ушахъ дѣтей, отцовъ и прочихъ родственниковъ, на какихъ кто укажетъ имъ?—Эти, сказалъ онъ; ибо смѣшно было бы, еслибы слетали съ язы- E.
ка только собственныя имена, безъ дѣлъ.—Слѣдовательно, въ этомъ государствѣ, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ, когда кто одинъ находится въ хорошемъ или худомъ состояніи, граждане будутъ единогласно произносить недавно сказанное нами слово: мои дѣла хороши, или, мои дѣла нехороши.—Совершенная правда, сказалъ онъ.—А не говорили ли 464.
мы, что съ этою мыслію и съ этимъ словомъ идутъ объ-руку и удовольствія и скорби?—Да и правильно говорили.—Но не въ томъ ли самомъ граждане у насъ особенно будутъ имѣть общеніе, что̀ станутъ называть своимъ? и имѣя въ этомъ общеніе, не будутъ ли такъ-то обобщаться равнымъ образомъ въ скорби и удовольствіи?—И очень.—Такъ кромѣ другихъ постановленій государственныхъ, не въ этомъ ли причина—имѣть стражамъ общихъ женъ и дѣтей?—Конечно; особенно въ этомъ, сказалъ онъ.—Но величайшее-то благо государства B.
мы согласились выразить тѣмъ, что благоустроенное государство уподобили тѣлу, испытывающему и скорбь и удовольствіе относительно къ своему члену.—Да и правильно согласились, сказалъ онъ.—Стало-быть, причиною величайшаго блага въ государствѣ становится у насъ общность дѣтей и женъ между попечителями.—И очень, сказалъ онъ.—Впрочемъ, этимъ мы сходимся и съ прежде уже допущеннымъ положеніемъ. Вѣдь говорено было, кажется, что если стражи

C. должны быть истинными стражами,—имъ не слѣдуетъ имѣть ни частныхъ домовъ, ни земли, ни стяжанія, но, въ награду за охраненіе получая пищу отъ другихъ, иждивать ее всѣмъ съобща.—Правильно, сказалъ онъ.—Такъ и прежде, говорю, сказанное, и теперь утверждаемое не характеризуетъ ли еще болѣе самихъ истинныхъ стражей и не дѣлаетъ ли того, что они не расторгаютъ государства, какъ расторгали бы тогда, когда называли бы своимъ не одно и то же, но иной—иное, поколику одинъ все, что можетъ пріобрѣсть особо отъ прочихъ,
D. влекъ бы въ свой домъ, а другой — въ свой отдѣльный, — влекъ бы и иную жену, и иныхъ дѣтей, которыя, какъ особыя, возбуждали бы въ немъ особыя также и удовольствія и скорби? Между тѣмъ какъ имѣя одну мысль о собственности, всѣ стремятся, сколько возможно, и скорбь и удовольствіе чувствовать вмѣстѣ. — Совершенно такъ, сказалъ онъ. — Что же? такъ какъ никто изъ нихъ не пріобрѣтаетъ никакой собственности, кромѣ тѣла, такъ какъ, исключая тѣло, все прочее у нихъ общее: то, по поговоркѣ, не уйдутъ ли отъ нихъ тяжбы и взаимныя обвиненія? А поэтому не будутъ ли они гражда-
E. нами самыми невозмутимыми, когда всѣ возмущенія между людьми бываютъ за пріобрѣтеніе денегъ, дѣтей и родственниковъ?—Весьма необходимо исчезнуть этому, сказалъ онъ.—Да и принужденій, и тѣлесныхъ наказаній по закону не будетъ у нихъ; ибо, подчиняя ихъ необходимости заботиться о тѣлахъ, мы, вѣроятно, скажемъ имъ, что сверстникамъ похвально и справедливо помогать другъ другу.—Правильно, сказалъ
465. онъ. — Да и то въ этомъ законѣ правильно, продолжалъ я, что кто гнѣвается на другаго и на немъ вымѣщаетъ гнѣвъ свой; тотъ не вдается въ большія возмущенія. — Безъ сомнѣнія. — Впрочемъ, старшему будетъ предписано начальствовать надъ всѣми младшими и наказывать ихъ.—Явно.— А младшій-то, лишь бы не приказывали правители, никогда не рѣшится ни какъ-нибудь иначе насиловать, ни бить старшаго, что и естественно, да не обезчеститъ его, думаю, и другимъ способомъ; потому что это возбранятъ ему два до-

вольно сильныхъ стража — страхъ и уваженіе: уваженіе не B.
допуститъ его касаться родителей, а страхъ обуздаетъ его тою мыслію, что обижаемому помогутъ со стороны — одни, какъ сыновья, другіе, какъ братья, иные, какъ отцы.—Обыкновенно такъ, сказалъ онъ.—Значитъ, подъ этими законами люди непремѣнно будутъ жить между собою въ мирѣ?— И въ великомъ.—А когда эти не будутъ возмущаться другъ противъ друга; то нечего бояться, что на нихъ, либо одни на другихъ, возстанутъ прочіе граждане [1].—Конечно нечего. — О самыхъ же мелочныхъ видахъ зла, отъ которыхъ C.
они избавились бы, по неприличію, не хочется и говорить,— напримѣръ, о ласкательствѣ бѣдныхъ богатымъ, о всѣхъ затрудненіяхъ и безпокойствахъ, съ которыми сопряжено бываетъ воспитаніе дѣтей и пріобрѣтеніе денегъ для необходимаго содержанія прислужниковъ, когда надобно бываетъ либо брать деньги въ долгъ, либо запираться въ нихъ, либо доставать ихъ всячески и прятать у женъ да у слугъ, поручая имъ храненіе своего залога,—о всемъ этомъ, что терпятъ и могутъ терпѣть граждане, другъ мой, низко, неблагородно, да и не стоитъ говорить.—Это ясно и для слѣпаго, сказалъ онъ.—А избавившись отъ всѣхъ этихъ хлопотъ, D.
они будутъ вести жизнь блаженнѣйшую, — блаженнѣе той, какую ведутъ олимпійскіе побѣдители [2]. — Какъ? —Тѣ наслаждаются, можетъ быть, малою частію того, что достается этимъ; потому что и побѣда ихъ превосходнѣе, и содержаніе отъ города полнѣе: цѣль побѣды ихъ — спасеніе цѣлаго государства; пищею и всѣмъ прочимъ, что нужно для жизни, снабжаются и сами они, и дѣти; а почести отъ государства, E.

---

[1] *Что на нихъ, либо одни на другихъ, возстанутъ прочіе граждане,* μή ποτε ἡ ἄλλη πόλις πρὸς τούτου ἢ πρὸς ἀλλήλους διχοστατήσῃ. Подъ словами ἡ ἄλλη πόλις надобно разумѣть не весь городъ, или не urbs universa, какъ переводитъ Астъ, a reliqua urbs, или прочіе граждане, кромѣ стражей. Постановленный законъ, по понятію Платона, предотвратитъ нетолько возстаніе прочихъ гражданъ на стражей, но и возмущеніе ихъ однихъ противъ другихъ.

[2] О счастіи олимпійскихъ побѣдителей см. interprett. ad Horat. Carm. I, 1, 3 sq.

предоставляемыя имъ при жизни, по смерти ихъ увѣнчиваются достойнымъ погребеніемъ.—Да, велики награды, сказалъ онъ.—Но помнишь ли, спросилъ я, прежде [1], по случаю какого-то разсужденія, насъ поразила мысль, что сво-
466. ихъ стражей мы дѣлаемъ несчастными, если, владѣя возможностію имѣть все, принадлежащее гражданамъ, сами они не имѣютъ ничего? Мы, кажется, сказали тогда, что разсмотримъ это послѣ, гдѣ придется, теперь же постараемся стражей сдѣлать стражами, а государство, сколько достанетъ силъ, счастливѣйшимъ, имѣя въ виду доставить въ немъ счастіе не одному этому сословію. — Помню, сказалъ онъ.—Что же? жизнь попечителей, представляющаяся намъ теперь уже гораздо высшею и лучшею, чѣмъ жизнь даже олимпійскихъ побѣдителей, идетъ ли, повидимому, въ какое-
B. нибудь сравненіе съ жизнію сапожниковъ, либо иныхъ мастеровыхъ, либо земледѣльцевъ?—Не думаю, сказалъ онъ.—Поэтому, что тогда уже говорили мы, то самое справедливо будетъ сказать и теперь: если, то-есть, стражъ вздумаетъ сдѣлаться такъ счастливымъ, что и не будетъ стражемъ, и не станетъ довольствоваться столь мѣрною, постоянною и, какъ мы говоримъ, наилучшею жизнію, но, водясь безумнымъ и ребяческимъ мнѣніемъ о счастіи, устремится все
C. усвоять себѣ въ государствѣ силою; то да узнаетъ онъ слова Исіода [2],—тотъ былъ истинный мудрецъ, кто сказалъ: половина въ нѣкоторомъ смыслѣ больше цѣлаго.—Если хочетъ онъ слѣдовать моему совѣту, пускай остается въ этой жизни, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, ты допускаешь, заключилъ я, разсмотрѣнную нами общность женъ у мужей, примѣнительно къ воспитанію, къ дѣтямъ и стражамъ прочихъ гражданъ?—допускаешь, что женщины должны имѣть мѣсто въ государствѣ, ходить на войну, раздѣлять съ мужчинами обя-

---

[1] Указывается Lib. IV, p. 419 A.

[2] Указывается на слова Исіода Opp. et DD. v. 40: νήπιοι οὐδ' ἴσασιν, ὅσῳ πλέον ἥμισυ παντός.

занность стражей, участвовать въ ловлѣ, какъ собаки, и по возможности имѣть общеніе во всемъ и всячески?—допуска- D. ешь, что дѣлая это, онѣ будутъ дѣлать наилучшее и непротиворѣчущее природѣ женскаго пола, относительно къ мужескому, на чемъ обыкновенно основывается взаимное общеніе ихъ?—Допускаю, сказалъ онъ. —

Не то ли остается изслѣдовать, спросилъ я, возможно ли и у людей, какъ у прочихъ животныхъ, такое общеніе, и какимъ образомъ оно возможно? — Ты предупредилъ меня своимъ вопросомъ, сказалъ онъ; я самъ хотѣлъ предложить его. —Что касается до участія женщинъ въ войнѣ, началъ я; то явно, думаю, какъ будутъ онѣ воевать. — А какъ? спро- E. силъ онъ.—Онѣ станутъ съобща ходить въ походъ и сверхъ того водить съ собою на войну возрастныхъ дѣтей, чтобы послѣднія, какъ дѣти прочихъ художниковъ, всматривались въ то, что должны будутъ дѣлать, достигнувъ совершеннолѣтія. Кромѣ смотрѣнія, дѣти будутъ служить и приготовлять 467. все, относящееся къ войнѣ, также прислуживать отцамъ и матерямъ. Развѣ не знаешь, какъ бываетъ въ искуствахъ? Дѣти гончаровъ, напримѣръ, сперва долгое время служатъ и смотрятъ, прежде чѣмъ сами начнутъ гончарничать. — И очень.—Такъ неужели гончарамъ надобно старательнѣе воспитывать своихъ дѣтей, заставляя ихъ наблюдать и всматриваться въ то, что къ нимъ относится, чѣмъ стражамъ— своихъ? — Это было бы очень смѣшно, сказалъ онъ. — Да и сражается-то всякое животное съ особенною храбростію въ присутствіи тѣхъ, кого оно родило. — Такъ; но при этомъ, B. Сократъ, настоитъ немалая опасность, какъ бы, — что нерѣдко случается на войнѣ, — кромѣ себя, не потерять и дѣтей, и чрезъ то не сдѣлать невозможнымъ возстановленіе государства. — Ты правду говоришь, сказалъ я; это значитъ, что первымъ дѣломъ почитаешь ты приготовить имъ то, чтобы они не подвергались опасностямъ? — Отнюдь нѣтъ. — Что жъ? Если надобно имъ подвергаться опасностямъ, то не тѣмъ ли, отъ которыхъ они сдѣлаются лучшими въ своихъ

C. подвигахъ?—Явно.—Развѣ, думаешь, мало разницы, смотрятъ ли дѣти, или нѣтъ, что бываетъ на войнѣ, и развѣ это не стоитъ опасности для нихъ, имѣющихъ быть мужами воинственными? — Нѣтъ, въ отношеніи къ тому, о чемъ ты говоришь, это—разница.—Итакъ, надобно стараться дѣлать дѣтей зрителями войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ промышлять имъ безопасность,—и выйдетъ хорошо. Не правда ли? — Да. — Для этого отцы ихъ, продолжалъ я, сколько то возможно людямъ, будутъ не невѣждами, а знатоками того, какіе походы
D. опасны, какіе нѣтъ.—Вѣроятно, сказалъ онъ.—И въ однихъ позволятъ имъ участвовать, а въ другихъ — поостерегутся.—Правильно.—Да и правителей-то, примолвилъ я, поставятъ надъ ними не худыхъ, но, и по опытности и по возрасту, способныхъ быть руководителями и наставниками. — И слѣдуетъ.—Впрочемъ, и то сказать,—многое и со многими-таки бываетъ противъ чаянія.—И очень.—Такъ для этого, другъ мой, дѣтей должно тотчасъ же окрылять, чтобы, когда понадобится, они быстро улетали. — Что ты разумѣешь,
E. спросилъ онъ?—Надобно съ самаго дѣтства сажать ихъ на коней, отвѣчалъ я,—и, когда они научатся ѣздить, возить ихъ на зрѣлище на коняхъ—не горячихъ и не бранныхъ, а на самыхъ быстрыхъ и послушныхъ уздѣ; ибо такимъ образомъ они весьма хорошо будутъ смотрѣть на свое дѣло и, если понадобится, слѣдуя за старѣйшими вождями, спасутся
468. съ совершенною безопасностію. — Мнѣ кажется, правильно говоришь ты, сказалъ онъ. —

Но что сказать о войнѣ-то? спросилъ я. Какъ, по твоему, должны вести себя воины относительно другъ къ другу и къ врагамъ? Правильно ли представляется мнѣ это, или нѣтъ?— Скажи, каково твое представленіе, отвѣчалъ онъ.—Кто изъ нихъ оставитъ строй или броситъ оружіе по трусости, началъ я; того не сдѣлать ли мастеровымъ либо земледѣльцемъ? — Безъ сомнѣнія. — Кто среди непріятелей взятъ живымъ; того не подарить ли желающимъ пользоваться этою добычею, какъ имъ заблагоразсудится? — Вполнѣ справед-

ливо.—А кто отличился и прославился; тотъ,—какъ ты ду- B.
маешь?—не долженъ ли быть увѣнчанъ, сперва на походѣ,
каждымъ изъ мальчиковъ и дѣтей, по силамъ раздѣляв-
шихъ съ нимъ подвиги воинскіе? Или нѣтъ? — Мнѣ кажется,
долженъ. — Что же? они подадутъ ему правую руку? — И
это кажется. — Но вотъ что тебѣ, думаю, уже не кажется,
примолвилъ я.—Что такое?—Чтобы онъ цѣловалъ всѣхъ, и
его цѣловалъ каждый.—Всего болѣе, сказалъ онъ. Даже къ
этому закону прибавляю слѣдующее: во все время, пока они
будутъ находиться въ этомъ походѣ, никто не долженъ от- C.
казываться, кого бы онъ ни захотѣлъ поцѣловать; такъ что,
еслибы даже случилось ему и полюбить кого-нибудь, — бу-
детъ ли то лицо мужескаго, или женскаго пола,—всякій обя-
занъ съ готовностію поднести ему пальму побѣды. — Хоро-
шо, замѣтилъ я: вѣдь и было уже сказано, что для добраго
должно быть готово большее число браковъ, чѣмъ для дру-
гихъ, и что такихъ надобно избирать чаще, нежели про-
чихъ, чтобы отъ такого раждалось сколько можно болѣе дѣ-
тей. — Да, мы говорили это, сказалъ онъ. — Впрочемъ, и по
Омиру [1], всѣхъ юношей, которые добры, справедливо укра- D.
шать такими наградами; вѣдь и Омиръ говоритъ, что про-
славившійся на войнѣ Аяксъ νώτεσσιν διηνεκέεσσι γεραίρεσθαι, такъ
какъ эта честь идетъ къ человѣку юному и мужественному,
который, получая ее, вмѣстѣ и возвышаетъ свою силу. —
Весьма правильно, сказалъ онъ.—Итакъ, въ этомъ-то послу-
шаемся Омира, примолвилъ я: добрыхъ, поколику они являют-
ся добрыми, почтимъ и жертвами, и всѣмъ этимъ, и гимна-
ми, и тѣмъ, о чемъ сейчасъ говорили,—почтимъ сверхъ то-
го и почетными сѣдалищами, и мясами, и полными чашами,
чтобы, вмѣстѣ съ почестію, и упражнять добрыхъ — какъ
мужчинъ, такъ и женщинъ.—Прекрасно говоришь ты, ска- E.
залъ онъ. — Пускай. Но умершій-то въ походѣ, кто умеръ со
славою? Не скажемъ ли, что онъ первый долженъ быть при-

---

[1] *Hom.* Il. VII, 231.

численъ къ золотому племени?—О, всего болѣе.—Или мы не повѣримъ Исіоду, что какъ скоро нѣкоторые изъ этого племени умираютъ,—тотчасъ

469. Одни въ видѣ чистыхъ духовъ надъ нашей землею витаютъ,—

То духи благіе, гонители зла и хранители смертныхъ [1]?—Конечно, повѣримъ.—Такъ вопросивъ бога, какъ должно погребать людей, причисляемыхъ къ духамъ и богамъ, и съ какими преимуществами, не будемъ ли мы погребать ихъ такъ и тѣмъ образомъ, какимъ онъ прикажетъ? — Почему не будемъ?—Да и въ послѣдующее время не будемъ ли чество-
B. вать ихъ, какъ духовъ, и покланяться ихъ гробамъ? Не узаконимъ ли того же самаго и въ отношеніи къ тѣмъ, которые скончались отъ старости, или инымъ образомъ, и оставили память о себѣ, какъ о людяхъ, въ жизни бывшихъ отлично добрыми?—Дѣйствительно справедливо, сказалъ онъ.—

Что же? какъ будутъ поступать у насъ воины съ непріятелями? — Въ какомъ отношеніи? — Во-первыхъ, въ отношеніи къ порабощенію: справедливымъ ли кажется тебѣ, чтобы Эллины порабощали города эллинскія, или пусть они, по возможности, не внушаютъ этого и другимъ, и привыкаютъ ща-
C. дить эллинское племя, опасаясь рабства со стороны варваровъ? — Всѣмъ и каждому полезно щадить, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, Эллиновъ и сами они не должны имѣть рабами, и другимъ Эллинамъ то же совѣтовать?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; это заставитъ ихъ, конечно, болѣе направляться противъ варваровъ и воздерживаться другъ отъ друга. — Что же еще? хорошо ли будетъ, одержавъ побѣду, брать у убитыхъ что другое, кромѣ оружія, или это трусамъ послужитъ предлогомъ—не подходить къ сражающемуся, но, как-
D. бы совершалъ что должное, обыскивать умершаго, отъ каковаго хищенія погибли уже многія войска?—И очень. — Не кажется ли тебѣ низостью и любостяжательностью обдирать

[1] Эти стихи см. Opp. et. DD. v. 121 sq.; въ Кратилѣ, p. 379 E, они приводятся нѣсколько иначе.

мертваго, и не женоподобію ли и малодушію свойственно почитать враждебнымъ тѣло убитаго, когда непріятель ушелъ и бросилъ то, чѣмъ сражался? Думаешь ли, что дѣлающіе это отличаются отъ собакъ, которыя злятся на брошенные кам- E.
ни, не трогая того, кто бросаетъ ихъ? — Нѣтъ ни малѣйшаго различія, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, обдираніе мертвыхъ и препятствованіе уносить ихъ надобно оставить?—Конечно оставить, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—И оружія также не понесемъ мы въ храмы, въ качествѣ посвященій, особенно же оружія эллинскаго, если сколько-нибудь заботимся о расположеніи къ себѣ Эллиновъ: напротивъ, ско- 470.
рѣе будемъ бояться, чтобы внесеніе въ храмъ такихъ вещей, взятыхъ нами у ближнихъ, не было какимъ-нибудь оскверненіемъ, если только не повелитъ иначе богъ.—Весьма правильно, сказалъ онъ.—Что же теперь—объ опустошеніи эллинской земли и сожженіи домовъ? Какъ въ этомъ отношеніи воины у тебя будутъ поступать съ непріятелями? —Объ этомъ я съ удовольствіемъ выслушалъ бы твое мнѣніе, сказалъ онъ.—Мнѣ-то кажется, продолжалъ я, что не надобно дѣлать ничего такого, но должно отнять годовой B.
плодъ; а для чего это,—хочешь ли, скажу?—Конечно.—Мнѣ представляется, что по различію этихъ двухъ именъ—«война и возмущеніе», есть также и два предмета, соотвѣтствующихъ симъ двумъ раздорамъ. Подъ двумя предметами я разумѣю—съ одной стороны, домашнее и родственное, съ другой — чужое и иностранное. Вражда между домашними названа возмущеніемъ, а между чужими — войною. — И въ твоихъ словахъ все-таки нѣтъ ничего необыкновеннаго, сказалъ онъ.—А это-то, смотри-ка, будетъ ли обыкновенное. Я C.
говорю, что племя эллинское само себѣ есть домашнее и родственное, а племени варварскому — иностранное и чужое. —Ну хорошо, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, когда Эллины сражаются съ варварами и варвары съ Эллинами, — мы назовемъ ихъ воюющими и врагами по природѣ, и такую вражду надобно именовать войною: а когда Эллины что-ни-

будь подобное дѣлаютъ съ Эллинами, — мы скажемъ, что по природѣ-то они друзья, только Эллада въ этомъ случаѣ больD. на и возмущается, и такую вражду надобно называть возмущеніемъ.—Я-то принимаю эти названія, сказалъ онъ.— Представь же, продолжалъ я, что при опредѣленномъ теперь возмущеніи, когда бы, то-есть, происходило нѣчто подобное, и городъ волновался,—одни опустошаютъ поля и жгутъ домы другихъ: какъ гибельнымъ кажется такое возмущеніе, и какъ мало любви къ отечеству показываютъ здѣсь обѣ стороны! Иначе вѣдь не дерзнули бы онѣ такимъ образомъ брить
E. свою кормилицу и мать. Конечно, умѣреннѣе будетъ побѣдителямъ отнять плоды у побѣжденныхъ,—въ той мысли, что эта вражда прекратится, и что не всегда будутъ они воевать.—Да, послѣднее мнѣніе гораздо мягче перваго, сказалъ онъ. — Что же теперь? спросилъ я: устрояемое тобою государство не будетъ ли эллинскимъ?—Должно быть такимъ, отвѣчалъ онъ.—И граждане его не будутъ ли добрыми и кроткими?—О, чрезвычайно.—И не будутъ ли они любить Элладу, считать ее своею и участвовать, какъ и всѣ прочіе, въ священныхъ ея обрядахъ? — Даже до чрезвычайности.—По-
471. сему раздоръ съ Эллинами, какъ домашними, почитая возмущеніемъ, назовутъ ли его войною?—Конечно нѣтъ.—Слѣдовательно, будутъ ссориться съ ними въ той мысли, что ссора ихъ прекратится?—Безъ сомнѣнія.—Стало-быть, будутъ вразумлять ихъ благосклонно, наказывая не рабствомъ и не гибелью, и стараясь быть вразумителями ихъ, а не врагами.— Такъ, сказалъ онъ.—Значитъ, Эллины, будучи Эллинами, не станутъ разорять Эллады, жечь домовъ и въ каждомъ городѣ представлять своими врагами всѣхъ жителей—и муж-
B. чинъ, и женщинъ, и дѣтей, но всегда будутъ видѣть враговъ въ немногихъ виновникахъ ссоры; а по всему этому, не захотятъ разорять землю тѣхъ, изъ которыхъ многіе имъ друзья, и разрушить домы, но только до тѣхъ поръ станутъ поддерживать раздоръ, пока невинно страдающіе граждане не заставятъ виновныхъ понести наказаніе.—Я согласенъ,

сказалъ онъ, что дѣйствительно въ такомъ отношеніи надобно быть къ враждебнымъ нашимъ гражданамъ; а отношеніе къ варварамъ пусть будетъ таково, какое нынѣ между Эллинами.—Итакъ, постановимъ ли этотъ законъ: стражамъ и не разорять земли, и не жечь домовъ?—Постановимъ, сказалъ C.
онъ, и заключимъ, что какъ это, такъ и прежнее хорошо.

Но, мнѣ кажется, Сократъ, — позволь только тебѣ объ этомъ говорить,—ты никогда не вспомнишь о томъ, что пропустилъ, желая высказать все послѣднее, то-есть: возможно ли такое государство и какимъ образомъ оно возможно? Вѣдь еслибы въ самомъ дѣлѣ было такъ, — городу, въ которомъ это было бы, все удавалось бы хорошо и — скажу даже то, что̀ ты пропустилъ,—граждане его превосходно сражались D.
бы съ врагами; потому что, зная и называя себя такими именами — братьями, отцами, сыновьями, они никакъ не оставляли бы другъ друга. А еслибы еще въ войскѣ находились и женщины и были расположены либо въ самомъ строѣ, либо позади, чтобы наводить на враговъ страхъ, или, при нуждѣ, подать противъ нихъ помощь, — знаю, что по всему этому они были бы непреодолимы; да вижу и то, что и до̀ма-то у нихъ, что ни оставляется и сколько бы чего ни оставалось, все хорошо. Но если я соглашаюсь, что все это, да и E.
другое безчисленное дѣйствительно было бы тогда, было бы такое государство; то ты больше и не говори о немъ: теперь постараемся увѣрить самихъ себя только въ томъ, что оно возможно и какимъ образомъ возможно, а съ прочимъ раскланяемся.—Ты вдругъ-таки,—будто сдѣлалъ набѣгъ на мою рѣчь, и 472.
не даешь мнѣ увернуться, сказалъ я. Можетъ быть, не знаешь, что едва началъ я избѣгать двухъ волнъ [1],—ты наводишь на меня теперь величайшее и опаснѣйшее триволніе [2], кото-

---

[1] Указывается на стр. 441 C, 463 D и 457 B.

[2] *Триволніе*, — τὴν τρικυμίαν, Римляне называли fluctum decumanum; потому что у Грековъ самымъ большимъ поднятіемъ волны почиталось третье, а у Римлянъ десятое. Объ этомъ, кромѣ Аста, много говоритъ *Блюмфильдъ*, Gloss. ad Aeschyl. Prom. v. 1051. У насъ, какъ извѣстно, страшнѣе всѣхъ девятый валъ.

рое если увидишь и услышишь, конечно простишь мнѣ, что я не безъ причины медлилъ и боялся говорить такую странную рѣчь, не рѣшался на подобное изслѣдованіе. — Чѣмъ
B. больше будешь толковать объ этомъ, возразилъ онъ, тѣмъ менѣе мы позволимъ тебѣ не говорить, какимъ образомъ возможно то государство. Такъ говори-ка, не теряй времени. —

Не нужно ли намъ, началъ я, сперва припомнить то, что мы припасли къ этому вопросу, изслѣдывая, какова справедливость и несправедливость? — Нужно; но что же это такое? спросилъ Главконъ. — Ничего. Если, однакожъ, мы нашли, какова справедливость; то не согласимся ли, что и человѣкъ
C. справедливый ничѣмъ не долженъ отличаться отъ ней, но долженъ во всемъ быть такимъ, какова справедливость? Или для насъ будетъ довольно и того, если онъ весьма близко подойдетъ къ ней и болѣе другихъ отпечатлѣетъ въ себѣ черты ея? — Конечно, сказалъ онъ, мы удовлетворимся и этимъ. — Стало-быть, изслѣдывая, какова справедливость, можно ли сдѣлаться человѣкомъ совершенно справедливымъ и какимъ былъ бы онъ, сдѣлавшись, — тоже опять о несправедливости и несправедливомъ, — мы изслѣдовали это самое для образца, примолвилъ я, чтобы, смотря на то, какими они представляются намъ въ отношеніи къ счастію и противному счастливой жизни, быть принужденными заключать и
D. о самихъ себѣ, что кто изъ насъ особенно походилъ бы на нихъ, тотъ имѣлъ бы и особенно подобную имъ участь, — а не для того, чтобы доказать возможность этого. — Правду говоришь ты, сказалъ онъ. — Думаешь ли, что хорошій живописецъ былъ бы менѣе хорошъ, еслибы, написавъ образецъ того, каковъ былъ бы самый красивый человѣкъ, и въ своей картинѣ достаточно выразивъ все это, не могъ доказать, что такой человѣкъ возможенъ? — Не думаю, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ. — Что же? и мы своимъ разсужденіемъ не составляли ли, скажемъ, образецъ хорошаго государства? —
E. Конечно. — Такъ менѣе ли хорошо поэтому, думаешь, говорили мы, если не въ состояніи доказать, что такое государство,

о какомъ было говорено, устроить можно? — Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, истинное-то въ этомъ. Но если уже, въ угодность тебѣ, и надобно постараться доказать, какимъ образомъ и до какой степени возможно государство описанное; то для такого доказательства ты опять допусти мнѣ 473.
то же самое. — Что именно? — Можно ли сдѣлать что-нибудь такъ, какъ говорится, — или дѣло, по природѣ, менѣе касается истины, чѣмъ слово [1]? Пусть это иному и не кажется; но ты соглашаешься, или нѣтъ? — Соглашаюсь, сказалъ онъ. — Такъ не принуждай же меня доказывать, что изложенное нами словесно непремѣнно явится осуществимымъ и на дѣлѣ. Но когда мы въ состояніи были найти, какъ могло бы устроиться государство приблизительно къ словесному изложенію, — согласись, что мы нашли, какимъ образомъ возможно то, что приказываешь. Или ты не удовлетворяешься такимъ осуще- B.
ствленіемъ? а я удовлетворился бы. — Да и я, сказалъ онъ. — Послѣ сего, какъ видно, мы постараемся изслѣдовать и показать именно это: чтò нынѣ въ городахъ дѣлается худо, отчего они не такъ устрояются и, при какой самомалѣйшей перемѣнѣ извѣстный городъ могъ бы дойти до этого способа управленія, — при перемѣнѣ особенно одного, если же нѣтъ, то — двухъ, а если опять нѣтъ, то самаго немногаго по числу и малѣйшаго по силѣ. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — C.
Итакъ, перемѣнись одно, продолжалъ я, — мнѣ кажется, можно доказать, что городъ приметъ другой видъ, — и это одно дѣйствительно не мало-таки и не легко, хотя возможно. — Что же оно? спросилъ Главконъ. — Я иду къ тому, былъ мой отвѣтъ, чтò уподобили мы величайшей волнѣ. Это будетъ высказано,

[1] Платонъ хочетъ выразить ту мысль, что слово иногда бываетъ не выраженіемъ обыкновеннаго понятія, которое можетъ быть осуществлено самымъ дѣломъ, а истолкованіемъ идеи, которая, по своей природѣ, выше дѣла, и которая, если и осуществляется, то лишь легкими оттѣнками и подобіями. Итакъ, кто имѣлъ столько силы, что высказалъ идею словомъ, тотъ уже возвысился надъ дѣломъ и этимъ самымъ доказываетъ возможность его, потому что этимъ самымъ начерталъ образецъ, по которому идея должна быть по крайней мѣрѣ приблизительно переводима въ дѣло.

хотя, точно какъ волна, разольется смѣхомъ и поглотитъ насъ безславіемъ. Смотри, что̀ начну я говорить.—Говори, сказалъ онъ.—Пока въ городахъ, продолжалъ я, не будутъ или
D. философы царствовать, или нынѣшніе цари и властители—искренно и удовлетворительно философствовать [1], пока государственная сила и философія не совпадутъ въ одно, и многія природы, направляющіяся нынѣ отдѣльно къ той и другой, будутъ взаимно исключаться; дотолѣ ни города, ни даже, думаю, человѣческій родъ не жди конца злу, любезный Главконъ,—и описанное въ нашихъ разсужденіяхъ государство прежде этого не родится, какъ могло бы, и не увидитъ
E. солнечнаго свѣта. Вотъ именно то, чѣмъ я давно удерживаюсь въ словѣ, видя, что многое придется говорить противъ господствующаго мнѣнія: вѣдь трудно повѣрить, что и частное и общественное благополучіе не иначе возможно.—Да, Сократъ, сказалъ онъ: выпустивъ изъ устъ эту выраженную словомъ мысль, ты можешь быть увѣренъ, что весьма многіе и немаловажные нынѣ люди сбросятъ съ себя верхнюю
474. одежду и, обнаженные [2], схвативъ, какое кому попадется,

---

[1] Объ этомъ парадоксѣ толковали многіе древніе писатели. Чит. *Morgenstern*. Commentatt. de Rep. Plat. p. 203 — 213. Подъ именемъ философовъ Платонъ разумѣлъ, конечно, не тѣхъ мудрецовъ-теоретиковъ, которые живутъ въ мірѣ отвлеченныхъ понятій и, хорошо зная область идей, нисколько не знаютъ человѣческой природы, какъ въ родовомъ ея значеніи, такъ и въ многоразличныхъ ограниченіяхъ, коими характеризуется она по временамъ, мѣстамъ и другимъ условіямъ ея развитія. Правитель-философъ, по разумѣнію Платона, былъ бы тотъ, кто все государственное цѣлое устроилъ бы какъ одно, и притомъ однородное цѣлое, держащееся на одномъ, непоколебимомъ основаніи, огражденное однимъ, гармонически развитымъ кодексомъ законовъ, такъ чтобы государственныя скрижали внутреннею своею стороною были въ неразрывной связи съ основными началами общества, а внѣшнею—съ мѣстными, временными и племенными его особенностями, — кто нить всего этого сгармонированнаго цѣлаго держа въ единствѣ своего сознанія, чувствовалъ бы каждый произшедшій въ какой-нибудь его части диссонансъ, какъ паукъ чувствуетъ и самое легкое прикосновеніе инороднаго тѣла къ какому-нибудь протянутому имъ волокну, и обладая силою мудрости, все разногласящее приводилъ бы къ согласію. Въ этомъ должна состоять правительственная философія или философское управленіе государства.

[2] *Обнаженные*,—*γυμνοί*, называются тѣ, которые, для большаго удобства, при

оружіе, быстро устремятся на тебя,—въ той мысли, что совершатъ дивное дѣло. И если ты не побѣдишь ихъ словомъ и убѣжишь; то въ самомъ дѣлѣ будешь поруганъ и подвергнешься наказанію.—А не ты ли у меня виновникъ этого? примолвилъ я.—Да и хорошо сдѣлано, сказалъ онъ. Впрочемъ, я не выдамъ тебя, но защищу, чѣмъ могу,—а могу благорасположенностію и увѣщаніемъ, или, можетъ быть, и тѣмъ, что буду ревностнѣе отвѣчать на твои вопросы. Такъ имѣя B.
такого помощника, постарайся доказать невѣрующимъ, что дѣло таково, какъ ты говоришь.—Надобно постараться, сказалъ я, когда и ты предлагаешь мнѣ столь великую помощь. Для этого, намѣреваясь какъ-нибудь избавиться отъ тѣхъ, о комъ ты говоришь, мнѣ кажется, необходимо опредѣлить имъ тѣхъ философовъ, которымъ мы дерзаемъ усвоять право начальствованія, чтобы, по объясненіи этого, можно было защититься, показывая, что однимъ по самой природѣ надлежитъ браться за философію и начальствовать въ обществѣ, C.
а другимъ и не браться за нее, но слѣдовать правителю. —Время бы опредѣлить это, сказалъ онъ. — Хорошо же; иди за мною сюда; не объяснимъ ли мы этого сколько-нибудь удовлетворительно.—Веди, сказалъ онъ.—Не нужно ли будетъ напомнить тебѣ, спросилъ я, или помнишь, что тотъ, кого мы называемъ любящимъ что-нибудь,—чтобы правильно называться ему любящимъ, не долженъ одно въ томъ любить, а другое—нѣтъ, но обязанъ любить все?—Надобно напомнить, какъ видно, сказалъ онъ; потому что не очень по- D.
нимаю это.—Иному прилично было бы говорить, что̀ ты говоришь, Главконъ, примолвилъ я; а человѣку любящему неприлично забывать, что любителя дѣтства и служителя Эросова нѣкоторымъ образомъ кусаютъ и возбуждаютъ всѣ цвѣтущіе красотою, поколику кажутся достойными его заботливости и ласки. Развѣ не такъ поступаете вы съ красавцами?

совершеніи какого-нибудь дѣла, снимаютъ съ себя верхнюю одежду, или плащи— *τὰ ἱμάτια*. См. *Cuper*. Observatt. I, c. 7, p. 39.

Одного хвалите, находя его пріятно плосконосымъ, у друга-
го орлиный носъ называете царскимъ, а среднiй между тѣмъ
E. и другимъ величаете правильнымъ; темные на вашъ взглядъ
мужественны, а бѣлокурые—дѣти боговъ; медокожіе же [1]....
Да и самое это имя, изобрѣтено, думаешь, инымъ кѣмъ, а
не любителемъ, когда желтоватость кожи въ красавцѣ онъ
хотѣлъ назвать льстивымъ и сладкимъ словцомъ? Коротко
475. сказать:—вы пользуетесь всѣми предлогами и употребляете
всѣ выраженія, чтобы не отвергнуть ни одного лица, цвѣту-
щаго красотою.—Если, говоря о поклонникахъ Эроса, тебѣ
угодно указывать на меня, сказалъ онъ; то я, ради настоя-
щаго разсужденія, уступаю.—Что же? продолжалъ я, не то ли
самое, какъ видишь, дѣлаютъ и любители вина, одобряя вся-
кое вино, подъ всякими предлогами?—И очень.—Да и често-
любивые, думаю, — не видишь ли? когда не могутъ командо-
вать всею арміею, командуютъ третьею ея частію [2], и если
не замѣчаютъ уваженія отъ высшихъ и почетнѣйшихъ, то
B. довольствуются уваженіемъ отъ низшихъ и худшихъ, поко-
лику вообще охотники до почестей.—Совершенно справедли-
во.—Утверди же или отринь вотъ что: кому мы приписыва-
емъ желаніе чего-нибудь; тотъ всего ли этого рода, скажемъ,
желаетъ, или одного въ немъ желаетъ, другаго нѣтъ?—Все-
го, сказалъ онъ.—Не припишемъ ли и философу желаніе му-
C. дрости—не этой или той, а всей?—Правда.—Слѣдовательно,
отвращающагося отъ наукъ, особенно человѣка молодаго и
еще неимѣющаго понятія о томъ, что полезно, что нѣтъ, не
назовемъ ни любознательнымъ, ни философомъ, равно какъ
отвращающагося отъ пищи — ни алчущимъ ни желающимъ

---

[1] *Медокожіе*, или имѣющіе цвѣтъ меду, — μελίχλωροι, у Стефана μελίχροιο. Однакожъ первое чтеніе удерживается нетолько схоліастомъ, но и многими списками. Сократъ въ этомъ словѣ видитъ выраженіе лести: вмѣсто того, чтобы назвать кого-нибудь желтокожимъ, называли медокожимъ, какъ и у насъ красные волосы называютъ золотистыми.

[2] Схоліастъ говоритъ: въ Аѳинахъ было десять филъ: каждая изъ нихъ раздѣлялась на три части; а каждая третья часть, ἡ τριττύα, — на артели (εἰς ἔθνη), или фратріи. Вожди каждой третьей части назывались τριττύαρχοι.

ѣсть, а потому — не пищелюбцемъ, а пищененавидцемъ? — И правильно не назовемъ. — Напротивъ, кто готовъ наслаждаться всякимъ знаніемъ, кто съ удовольствіемъ идетъ учиться и бываетъ ненасытенъ въ этомъ отношеніи, того по праву признаемъ философомъ. Не такъ ли? — Но между таками найдется у тебя много и безтолковыхъ, возразилъ Главконъ; вѣдь такими кажутся мнѣ и всѣ охотники смотрѣть, поколику они съ радостію стремятся къ познаніямъ. Да и нѣкоторые охотники слушать слишкомъ безтолковы, чтобы причислять ихъ къ философамъ; такъ какъ, по своей волѣ, они не захотѣли бы принять участіе въ разсужденіяхъ и проводить время въ подобныхъ занятіяхъ; а между тѣмъ, будто въ наемъ отдавъ свои уши, чтобы выслушивать всѣ хоры, бѣгаютъ по Діонисовымъ праздникамъ [1] и не пропускаютъ ни городскихъ, ни деревенскихъ. Такъ неужели всѣмъ этимъ и другимъ любителямъ такихъ вещей, гоняющимся за низкими штукарями, дадимъ мы имя философовъ? — Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ я, но имя людей, подобныхъ философамъ [2]. — D. E.

Кого же называешь ты истинными-то? спросилъ онъ. — Любящихъ созерцать истину [3], отвѣчалъ я. — Да и правильно-

---

[1] Въ Аѳинахъ и въ провинціяхъ аѳинской республики совершалось множество Діонисовыхъ праздниковъ, или такъ называемыхъ вакханалій. Scholiastes: Διονύσια ἑορτὴ Ἀθήνησι Διονύσῳ ἤγετο, τὰ μὲν κατ' ἀγροὺς μηνὸς Ποσειδεῶνος, τὰ δὲ Λήναια μηνὸς Μεμακτηριῶνος, τὰ δὲ ἐν ἄστει Ἐλαφηβολιῶνος. О всѣхъ этихъ праздникахъ см. *Boeckh*. Comment. de Lenaeis in d. Abhandlungen der Akad. d. Wissensch., in Berlin a. 1817, et *Buttmann*. Excurs. I. ad Demosth. Midian. p. 118.

[2] Платонъ не говоритъ почему люди, рыскающіе по городу для посѣщенія Діонисовыхъ праздниковъ и зѣвающіе на фигляровъ, называются у него подобными философами. Если въ Аѳинахъ такіе праздники и зрѣлища были не лучше нашихъ, то они нетолько не питали, а напротивъ, должны были убивать всякую философскую мысль, потому что услаждали только чувства и разнуздывали страсти.

[3] Съ этого мѣста Платонъ начинаетъ начертывать образъ истиннаго философа, который могъ бы быть достойнымъ правителемъ общества. Сравн. p. 475 E, Lib. VI, p. 487 A, 500 B — 501 E. Кто найдетъ, что начертыватель этого образа слишкомъ далеко заходитъ въ область идеи и какъ будто пренебрегаетъ дѣлами человѣческими; тотъ пусть помнитъ, что хорошее и мудрое управленіе государствомъ, по ученію Платона, возможно только при познаніи истины; а познаніе истины пріобрѣтается не иначе, какъ чрезъ созерцаніе вещей самихъ въ себѣ.

таки, сказалъ онъ; но какъ ты понимаешь это?—Другому-то, замѣтилъ я, объяснить нелегко: но ты, думаю, согласишься со мною въ слѣдующемъ.—Въ чемъ?—Такъ какъ прекрасное и безобразное противны между собою, то ихъ—два.—Какъ
476. же не два?—А когда ихъ—два, то каждое не есть ли одно [1]?—И это правильно. — То же можно сказать и о справедливомъ и несправедливомъ, о добромъ и зломъ, и о всѣхъ идеяхъ; ибо каждое изъ этого само по себѣ есть одно, а представляемое во взаимномъ общеніи дѣйствій и тѣлъ, всегда является многимъ [2].—Правильно говоришь, сказалъ онъ.—Такъ вотъ каково мое различеніе, продолжалъ я: особый родъ составляютъ у меня тѣ охотники смотрѣть, тѣ любители диковинокъ
B. и практики, о которыхъ ты сейчасъ говорилъ; и особый опять — тѣ, которые служатъ предметомъ настоящей рѣчи, — и только эти послѣдніе могутъ быть правильно названы философами.—Какъ ты понимаешь? спросилъ онъ.—Первые, продолжалъ я, то-есть охотники слушать и смотрѣть, любятъ прекрасные звуки, цвѣта, образы и все, что создано изъ этого; а любить и видѣть природу самого прекраснаго умъ ихъ безсиленъ.—Въ самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ онъ.—Но тѣ-то, которые могутъ идти къ самому прекрасному и видѣть его
C. само по себѣ, не рѣдки ли, должно быть?—Конечно.—Значитъ, кто о прекрасныхъ вещахъ мыслитъ, а самого прекраснаго

Онъ не обѣщалъ человѣку никакого счастія, если оно не соединяется съ мудростію и добродѣтелію; а мудрость и добродѣтель развиваются въ душѣ тогда, когда она занята изслѣдованіемъ вѣчной природы вещей.

[1] Прекрасное, то-есть *αὐτὸ τὸ καλὸν*, и безобразное, *αὐτὸ τὸ αἰσχρὸν*, что видно изъ дальнѣйшихъ словъ: *καὶ πάντων τῶν εἰδῶν πέρι*. Поэтому и въ слѣдующемъ тотчасъ выраженіи: каждое не есть ли одно? прекрасное и безобразное принимаются, какъ вещи сами въ себѣ, или въ значеніи идеи.

[2] Самыя идеи просты и недвижимы, — субстанціи вѣчныя и неподлежащія никакой измѣняемости. См. Sympos. p. 196 sq Поэтому *καὶ τὸ δίκαιον, καὶ τὸ ἄδικον, καὶ τὸ ἀγαθὸν, καὶ τὸ κακὸν*, разсматриваемыя сами по себѣ (*αὐτό*), всегда — одно, и каждое объемлется одною мыслію ума. Но такъ какъ вещи прекрасныя и безобразныя, добрыя и злыя, справедливыя и несправедливыя—всѣ эти вещи, подлежащія чувствамъ, образовались по подобію идей; то обыкновенно бываетъ, что сила идей чрезъ нихъ какбы разсѣявается. Отсюда *ἕκαστον τῇ τῶν πράξεων καὶ σωμάτων κοινωνίᾳ πανταχοῦ πολλὰ φαίνεται*.

и не мыслитъ, и, еслибы кто руководилъ къ познанію его, не можетъ за нимъ слѣдовать; тотъ во снѣ ли, думаешь, живетъ, или наяву? Разсмотри: не то ли называется видѣть сонъ, когда кто, во снѣ ли то, или наяву, подобное чему-нибудь почитаетъ не подобнымъ, а тѣмъ самымъ, чему оно подобно? — Я-то сказалъ бы, что такой человѣкъ, дѣйствительно, видитъ сонъ, отвѣчалъ онъ. — Что же? въ противность этому, почитающій нѣчто самымъ прекраснымъ и могущій созерцать какъ самое прекрасное, такъ и причастное ему, D.
и ни причастнаго непринимающій за самое, ни самаго—за причастное, во снѣ ли живетъ, или наяву, опять кажется тебѣ? —Конечно наяву, сказалъ онъ.—Поэтому, мысль послѣдняго, какъ знающаго, не правильно ли назвали бы мы знаніемъ (γνώμην), а перваго, какъ мнящаго,—мнѣніемъ?—Безъ сомнѣнія. — Но что, еслибы тотъ, кому мы приписываемъ мнѣніе, а не знаніе, разсердился на насъ и усомнился въ истинѣ нашихъ словъ,—могли ли бы мы успокоить его и понемногу убѣдить, скрывая то, что онъ нездоровъ? — Да, надобно бы- E.
таки, сказалъ онъ. — Хорошо же; смотри, что сказать ему. Не хочешь ли, спросимъ его, говоря такъ: Если онъ что знаетъ, то мы не завидуемъ ему, напротивъ, съ удовольствіемъ желали бы узнать, что онъ знаетъ нѣчто. Скажи намъ вотъ на это: знающій знаетъ ли что-нибудь, или ничего? Отвѣчай мнѣ за него ты.—Отвѣчаю, что знаетъ что-нибудь, сказалъ онъ.—Существующее, или несуществующее? — Существую- 477.
щее; потому что несуществующее-то что-нибудь какъ бы и знать?—Такъ мы примемъ за вѣрное, сколь бы часто ни разсматривалось это дѣло, что непремѣнно существующее есть непремѣнно познаваемое, а несущесствующее вовсе никакъ не познается. — Весьма за вѣрное. — Пускай. Но если нѣчто таково, что оно и есть и не есть; то его мѣсто не въ срединѣ ли между истинно существующимъ и тѣмъ, что никакъ не существуетъ? — Въ срединѣ. — А такъ какъ о существующемъ было у насъ знаніе, незнаніе же, по необходимости,—о несуществующемъ; то объ этомъ среднемъ не надобно ли

B. искать также средняго между незнаніемъ и знаніемъ, если чему-нибудь такому случается существовать [1]?—Конечно.—Что же? называемъ ли мы нѣчто мнѣніемъ? — Какъ не называть?—Отличную ли отъ знанія приписываемъ ему силу, или ту же самую?—Отличную.—Слѣдовательно, въ иномъ состоитъ мнѣніе и въ иномъ знаніе, — то и другое — по самой своей силѣ.—Такъ.—Знанію не прирождено ли, въ самомъ дѣлѣ, знать, что существующее есть? Особенно же это, мнѣ
C. кажется, прежде надобно изслѣдовать.—Что?—Мы скажемъ, что силы суть нѣкоторый родъ вещей существующихъ, что ими-то и мы можемъ, что̀ можемъ, и все другое, что ни могло бы: такъ, напримѣръ, зрѣніе и слухъ принадлежатъ, говорю, къ числу силъ, если только ты понимаешь, что̀ хочу я назвать этимъ родомъ.—Да, я понимаю, сказалъ онъ.—Послушай же, что представляется мнѣ касательно ихъ. Въ силѣ не вижу я ни цвѣта, ни образа, ничего такого, что вижу во многомъ другомъ, и на что смотря, во мнѣ самомъ опредѣляю, что
D. это—иное, а то опять иное. Въ силѣ я смотрю только на то, къ чему она направляется и что дѣлаетъ, и по этому даю имя отдѣльной силѣ; такъ что къ тому же направляющуюся и то же производящую называю тою же, а направленную къ иному и дѣлающую иное—иною. А ты что? какъ поступаешь?—Такъ же, сказалъ онъ.—Ну такъ сюда опять, почтеннѣйшій, продолжалъ я. Знаніе — называешь ли ты его нѣкоторою си-
E. лою, или къ какому относишь роду?—Къ роду, крѣпчайшему всѣхъ именно силъ.—Что же? мнѣніе къ силѣ ли отнесемъ мы, или къ иному виду?—Отнюдь нѣтъ; ибо то, чѣмъ мы можемъ мнить, есть не иное что, какъ мнѣніе. — Впрочемъ, немного прежде ты вѣдь согласился, что знаніе и мнѣніе — не то же самое. — Кто имѣетъ умъ, сказалъ онъ, тотъ какъ могъ бы

---

[1] Знаніе—ἐπιστήμην—Платонъ относитъ къ τὰ ὄντως ὄντα, или къ τὰς ἰδέας, а мнѣніе — δόξαν — къ вещамъ, усматриваемымъ чувствами. См. Sympos. p. 202 A sqq. Такъ какъ вещи чувствопостигаемыя не входятъ въ кругъ вещей ни τῶν ὄντως ὄντων, ни τῶν πάντως οὐκ ὄντων; то δόξα, очевидно, должна находиться между знаніемъ и незнаніемъ.

положить, что непогрѣшимое тожественно съ погрѣши-
мымъ?—Хорошо, примолвилъ я. И явно, что мнѣніе, по на- 478.
шему соглашенію, отлично отъ знанія. — Отлично. — Слѣдо-
вательно, каждое изъ нихъ по природѣ можетъ[1] нѣчто отлич-
ное для отличнаго.—Необходимо. — Знаніе-то, должно быть,
собственно говоря, можетъ знать существующее, каково
оно?—Да.—А мнѣніе, говоримъ, — мнить?—Да. — То же ли
это, что̀ знаніе знаетъ? то же ли будетъ познаваемое и мни-
мое? или это невозможно? — По допущенному прежде, невоз-
можно, сказалъ онъ; поколику, то-есть, отличная сила, по при-
родѣ, бываетъ для отличнаго, а обѣ силы — мнѣніе и знаніе, B.
сказали мы, отличны одна отъ другой. Изъ этого-то не вы-
текаетъ, что познаваемое и мнимое суть то же.—Если же су-
ществующее познаваемо; то мнимое не есть ли нѣчто отлич-
ное отъ существующаго?—Отличное.—Не о томъ ли мнится,
что̀ не существуетъ? или о несуществующемъ-то и мнить не-
возможно? Размысли. Мнящій не направляетъ ли къ чему-
нибудь своего мнѣнія? или опять—возможно-таки мнить, но
мнить ни о чемъ?—Невозможно.—Напротивъ, мнящій мнитъ,
конечно, о чемъ-нибудь одномъ?—Да.—Между тѣмъ несуще-
ствующее-то не есть нѣчто одно, и вовсе неправильно было бы C.
такъ названо.—Конечно.—Несуществующему вѣдь мы по не-
обходимости придали незнаніе, а существующему—знаніе.—
Правильно, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, предметъ мнѣнія не
есть ни существующее, ни несуществующее.—Конечно нѣтъ.
—Поэтому мнѣніе не есть ни незнаніе, ни знаніе.—Какъ вид-
но, не есть.—Такъ не внѣ ли этихъ оно, превосходя знаніе
ясностію, или незнаніе—темнотою?—Ни то, ни другое.—Не
представляется ли тебѣ мнѣніе, продолжалъ я, чѣмъ-то тем-
нѣе знанія и яснѣе незнанія?—И очень, сказалъ онъ.—Лежа-

[1] Надѣюсь, что читатели не станутъ укорять меня за употребленіе глагола *можетъ* безъ неокончательнаго наклоненія. Я позволяю себѣ такое употребленіе его во-первыхъ потому, что близко слѣдую за греческою фразою: *ἐφ᾽ ἑτέρῳ ἄρα ἕτερόν τε δυναμένη ἑκατέρα αὐτῶν πέφυκεν*, — во-вторыхъ потому, что глаголъ *мочь* въ русской рѣчи нерѣдко такъ употребляется.

D. щимъ внутри обоихъ?—Да.—Слѣдовательно, мнѣніе находится среди этихъ двухъ.—Совершенно такъ.—Не говорили ли мы прежде, что если что-нибудь представляется и существующимъ и вмѣстѣ несуществующимъ, то это что-нибудь лежитъ между истинно существующимъ и вовсе несуществующимъ, и что о немъ не будетъ ни знанія ни незнанія, но откроется опять нѣчто среднее между незнаніемъ и знаніемъ?—Правильно.—Теперь же вотъ между ними открылось то, что мы называемъ
E. мнѣніемъ.—Открылось.—Значитъ, намъ остается найти, повидимому, участвующее въ томъ и другомъ,—чтò есть и чтò не есть, и до точности правильно неназываемое нѣкоторымъ, чтобы, если откроется, что таково само мнимое, мы справедливо давали вещамъ названія, къ крайнимъ прилагая крайнія, а къ среднимъ среднія. Или не такъ?—Такъ.—Но предположивъ это, пусть, скажу, говоритъ мнѣ и отвѣчаетъ тотъ добрый человѣкъ, который не признаетъ самого прекраснаго
479. и никакой идеи самой красоты, всегда себѣ равной и тожественной, а мыслитъ многіе прекрасные предметы,—тотъ любитель смотрѣть, никакъ не соглашающійся, когда ему говорятъ о бытіи одного прекраснаго и справедливаго, и о прочемъ такимъ же образомъ: въ этихъ именно прекрасныхъ предметахъ, скажемъ мы, почтеннѣйшій, не проявляется, думаешь, ничего безобразнаго? въ этихъ справедливыхъ—ничего несправедливаго? въ этихъ благочестивыхъ — ничего нечестиваго?—Нѣтъ, сказалъ онъ, они по необходимости являются какъ-то и прекрасными и безобразными. Таково и все
B. другое, о чемъ ты спрашиваешь. — Что же? величины двойныя являются менѣе ли половинными, чѣмъ двойными?—Не менѣе. — И большими также, и малыми, и легкими, и тяжелыми не болѣе будутъ называться тѣ, которыя мы называемъ, чѣмъ противныя имъ?—Нѣтъ, сказалъ онъ, каждая величина будетъ имѣть то и другое значеніе. — Такъ изъ многихъ величинъ та отдѣльная, о которой кто сказалъ бы, что она есть, — лучше ли есть, чѣмъ не есть? — Это, отвѣчалъ онъ, походитъ на обоюдности, произносимыя во время пировъ,

и на дѣтскую загадку объ убитой эвнухомъ летучей мыши[1], C.
когда спрашивается, чѣмъ и на чемъ онъ убилъ ее; ибо въ
ней—обоюдность, такъ что ни въ одномъ словѣ нельзя опредѣ-
ленно понимать ни бытія, ни небытія, ни того, ни другаго,
ни никотораго. — Такъ можешь ли, спросилъ я, сдѣлать съ
ними что-нибудь лучше, какъ положить ихъ между сущно-
стію и небытіемъ, если они и не темнѣе несуществующа-
го, чтобы явиться болѣе несуществующими, и не яснѣе су- D.
ществующаго, чтобы стать выше сущаго?—Весьма справед-
ливо, сказалъ онъ.—Слѣдовательно мы, повидимому, нашли,
что тò многое, въ простонародьи относительно къ прекрас-
ному и прочему законное, колеблется между несуществую-
щимъ и истинно существующимъ.—Нашли.—Но у насъ еще
прежде положено, что представляющееся такимъ должно на-
зываться мнимымъ, а не познаваемымъ, такъ какъ, блуждая въ
срединѣ, оно уловляется силою среднею.—Положено.—Слѣдо- E.
вательно, тѣ, которые усматриваютъ многое прекрасное, а са-
мого прекраснаго не видятъ и не слѣдуютъ за ведущимъ къ не-
му другимъ, которые усматриваютъ многое справедливое, а
самого справедливаго не видятъ, и все такимъ же образомъ,—
тѣ, скажемъ, обо всемъ мнятъ, не зная того, о чемъ имѣютъ
мнѣніе.—Необходимо, сказалъ.—Но что опять тѣ, которые со-
зерцаютъ самое недѣлимое, всегда тожественное и себѣ рав-
ное? Не правда ли, что они знаютъ, а не мнятъ?—И это необ-
ходимо.—Стало-быть, мы согласимся, что послѣдніе лелѣютъ
и любятъ то, что знаютъ, а первые,—о чемъ имѣютъ мнѣ-
ніе? Развѣ не помнимъ, что такіе-то, говорили мы, любятъ и 480.
имѣютъ въ виду прекрасные звуки, цвѣта и тому подобное, а

---

[1] Scholiast. ad h. l. Κλεάρχου γρῖφος. Αἶνός τις ἐστιν, ὡς ἀνήρ τε κοὐκ ἀνήρ, ὄρνιθα κοὐκ ὄρνιθα, ἰδών τε κοὐκ ἰδών, ἐπὶ ξύλου τε κοὐ ξύλου καθημένην, λίθῳ τε κοὐ λίθῳ, βάλοι τε κοὐ βάλοι. — Ἄλλως ἄνθρωπος οὐκ ἄνθρωπος, ἄνθρωπος δ' ὅμως; ὄρνιθα κοὐκ ὄρνιθα, ὄρνιθα δ' ὅμως и т. д. Изъясняя эту схолію Буддей, Commentar. Lingu. Gr. p. 749, говоритъ: Etenim hæc ambigi, hoc est ambigua esse et controversa, in utramque partem magis vergant, ut νυκτερίς nec avis est nec non avis, sed ambigua inter avem esse et non esse; et eunuchus nec est vir plane nec non est vir. Haec enim et similia μεταξύ που κυλινδεῖται τοῦ τε ὄντος καὶ μὴ ὄντος.

что касается до самого прекраснаго , то даже не допускаютъ его существованія?—Помнимъ.—Поэтому, мы не погрѣшимъ, если назовемъ ихъ скорѣе любителями мнѣній , чѣмъ любителями мудрости (философами)? Только не очень ли прогнѣваются они на насъ, если такъ назовемъ ихъ?—Нѣтъ, лишь бы повѣрили мнѣ , сказалъ онъ ; потому что за правду гнѣваться не слѣдуетъ.—Напротивъ, лелѣющихъ самое недѣлимо существующее надобно именовать любителями мудрости, а не любителями мнѣній?—Безъ сомнѣнія.—

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Начертавъ образъ философа, способнаго управлять государствомъ, Платонъ продолжаетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: Если философами, говоритъ, надобно почитать тѣхъ, которые стараются созерцать вѣчныя формы вещей, а обращающіеся съ вещами многоразличными, текучими и перемѣнчивыми—не философы; то легко понять, кому слѣдуетъ ввѣрять кормило государственнаго правленія. Вѣдь философы-то, имѣя познаніе истины, ясно будутъ усматривать, что̀ справедливо въ обществѣ, что̀ несправедливо. Поэтому въ стражей общества должны быть избираемы люди, знающіе силу и природу каждой вещи, особенно когда не лишены они и тѣхъ добродѣтелей, которыми отличаются другіе. Пламенѣя любовію къ предметамъ истинно сущимъ, они будутъ также любить искуства и науки, открывающія имъ силу какбы вѣчной сущности, а оттого станутъ заботливо избѣгать лжи и держаться одной истины; ибо съ мудростію, къ которой они стремятся, ничто столько не сродно, какъ истина. Находя же удовольствіе преимущественно въ любви къ наукѣ и мудрости, они, конечно, не будутъ думать объ удовольствіяхъ тѣлесныхъ, слѣдовательно станутъ украшаться разсудительностію и умѣренностію. А когда человѣка, своимъ умомъ старающагося обнять весь кругъ вещей человѣческихъ и божественныхъ и своею душою созерцающаго силу и природу всего времени и всей сущности, не будетъ занимать ничто мелочное; тогда онъ не подумаетъ высоко цѣнить жизнь настоящую; слѣдовательно будетъ презирать смерть и не обнаружитъ ни трусливости, ни малодушія, но, болѣе чѣмъ кто дру-

гой, явится великодушнымъ и мужественнымъ; потому что природы—трусливая и низкая съ философіею не имѣютъ ничего общаго. Но кто воздерженъ, благороденъ и мужественъ; тотъ никогда не позволитъ себѣ поступить съ кѣмъ-нибудь несправедливо. Поэтому истинный философъ необходимо будетъ справедливъ и прямодушенъ. Кромѣ того, нельзя не быть ему и ученымъ; потому что онъ будетъ одаренъ хорошею памятью, безъ которой не могъ бы питать свою душу науками или познаніями. Притомъ извѣстно, что истина весьма сродна съ симметріею и гармоніею: посему не можетъ быть, чтобы человѣкъ, во всю жизнь ревнующій объ истинѣ, обнаруживалъ суровость и непривѣтливость. Если же для познанія истины все это необходимо, то каждый согласится, что управленіе государствомъ должно быть ввѣряемо людямъ ученымъ и совершеннымъ. Р. 484—487 А.

Выслушавъ означенныя разсужденія Сократа, Адимантъ возражаетъ: остроумно и искусно изслѣдываешь ты, Сократъ, настоящій предметъ, однако не такъ, чтобы въ душѣ не оставалось никакого сомнѣнія. Могутъ сказать, что философы, проведшіе весь вѣкъ въ изученіи мудрости, часто бываютъ чудаками, непонимающими пользы вещей; да и самые-то лучшіе изъ нихъ вовсе неспособны управлять обществомъ. Если же это справедливо, то какъ настаивать, что общество тогда только будетъ счастливо, когда его правителями явятся философы! Сократъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: люди, такъ разсуждающіе, говорятъ сущую правду, только не знаютъ причинъ открывающагося здѣсь недостатка. Какъ грубые и глупые мореплаватели хвалили бы того капитана, который пусть и не знаетъ своего дѣла, лишь бы поблажалъ ихъ прихотямъ, а мудраго, который для спасенія всѣхъ употребляетъ мѣры строгости, бранили бы и отвергали: такъ и народная толпа, измѣряющая все удовольствіемъ и частною пользою, обыкновенно обвиняетъ тѣхъ правителей, которые, не поблажая ея страстямъ, имѣютъ въ виду пользу и благо только цѣлаго государства. Явно, что въ этомъ случаѣ надобно винить не философовъ, а людей, непользующихся философами. Если же послѣдніе къ управленію государствомъ не приступаютъ сами

собою, то дѣлаютъ это какъ мудрецы. Вѣдь и врачь не ходитъ по домамъ съ вопросомъ, не нужно ли кого лечить: такъ-то и способные управлять обществомъ не станутъ упрашивать толпу, чтобы она ввѣрила имъ власть. Вотъ причина, по которой философы считаются большею частію неспособными къ должностямъ правительственнымъ. P. 487 B—489 D.

Но гораздо больше ненависти навлекается на философію тѣми, которые, не имѣя нисколько мудрости, усвояютъ себѣ имя философовъ. Какъ свойства души, въ истинномъ философѣ необходимыя, бываютъ рѣдки, и какъ нечасто раждаются люди, вполнѣ способные любить мудрость: такъ, напротивъ, весьма многочисленны причины и поводы къ развращенію и ложному направленію понятій. Во-первыхъ, на души юношей производятъ важное вліяніе тѣ порицанія и похвалы, которыми осыпаются въ общественныхъ собраніяхъ правители государства; такъ что, слыша ихъ, юноши часто безъ совѣсти заботятся только о томъ, какъ бы вкрасться въ расположеніе народа. Потомъ, еще могущественнѣе дѣйствуютъ на нихъ награды и наказанія, назначаемыя выдающимся въ обществѣ лицамъ. Это имѣетъ такую силу, что изъ юношей никто не можетъ сдѣлаться добрымъ, развѣ по какому-нибудь божественному жребію. Надобно еще прибавить, что и софисты портятъ души юношей, потому что преподаютъ искуство льстить безумной толпѣ народа, будто дикому звѣрю; а народъ никакъ не можетъ судить о томъ, что прекрасно и честно само по себѣ, чтобы понять дурную сторону того искуства. P. 489 D—493 E.

При такомъ множествѣ опасностей, которымъ подвергаются души, едва ли возможно, чтобы люди, влекущіеся любовію къ философіи, могли достигнуть предположенной ими цѣли. Представимъ себѣ юношу, отличающагося добродѣтелями и сверхъ того красотою тѣла. Что станется съ нимъ? Родственники, домашніе и прочіе граждане будутъ всячески расточать ему ласки, чтобы, то-есть, въ будущемъ времени воспользоваться его авторитетомъ и вліяніемъ на ходъ собственныхъ своихъ дѣлъ. А отсюда произойдетъ то, что юноша, какъ ни благороденъ онъ по природѣ, сдѣлается надменнымъ, невыносимо гор-

дымъ, и станетъ отвергать внушенія самыхъ благоразумныхъ наставниковъ. Если же случилось бы, что какой-нибудь юноша, по добротѣ своей природы, тѣмъ не менѣе предался философіи; то заинтересованные его благоволеніемъ будутъ всячески стараться отвлечь его отъ любимаго имъ занятія, а не то,—отвлекутъ отъ него наставниковъ. Р. 494 А — 495 А. Этими причинами и способами повреждается и самая благородная природа: тогда какъ отъ ней надлежало бы ожидать много пользы какъ частнымъ лицамъ, такъ и цѣлому обществу,—въ состояніи поврежденія она становится гибельною и распространяетъ заразу. Отсюда происходитъ то, что природа особенно счастливая проводитъ жизнь нисколько себя не достойную; а философія, лишившись способныхъ своихъ адептовъ, переходитъ въ руки людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ, которые безславятъ ее и дѣлаютъ для многихъ предметомъ поношенія и ненависти. Эти люди, обольщаясь славою мудрости, въ области философіи ищутъ сусты и пищи тщеславію, а потому, облекшись въ одежду рабскаго служенія, не чувствуютъ и не предпринимаютъ ничего великаго, благороднаго, возвышеннаго. Р. 495 А—496 А. Изъ этого видно, что число истинныхъ друзей мудрости не можетъ быть значительно; да и тѣ, сохраненные отъ общей заразы, преисполняются любовію къ философіи по большей части подъ вліяніемъ какой-то счастливой судьбы, или, что рѣдко бываетъ, какого-то божественнаго опредѣленія. Эти немногіе, усмотрѣвъ жалкое состояніе обществъ, никакъ не рѣшаются принимать участіе въ дѣлахъ общественныхъ, а напротивъ, убѣгаютъ отъ нихъ, будто отъ бури, и обращаются къ поприщу частному, какъ къ тихой пристани, въ которой можно было бы имъ наслаждаться плодами мирныхъ занятій и, вдали отъ развратныхъ гражданъ, готовиться—свято, съ невинностію и надеждою выдти изъ этой жизни. Р. 496 А—497.

Хотя такая жизнь кажется и хорошею, однакожъ она далеко ниже той, какую проводили бы эти люди, еслибы дѣйствовали въ обществѣ благоустроенномъ. Теперь нѣтъ общества, которое способствовало бы къ укрѣпленію и развитію способностей философской души: напротивъ, во всѣхъ портятся и самые лучшіе таланты, будто пересаженныя на чу-

жую почву иноземныя растенія. Итакъ, теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ въ предначертанномъ государствѣ воспитывать и поддерживать любовь къ философіи, чтобы она мало по малу не ослабѣла и не повредилась? Съ философіею надобно обращаться совсѣмъ не такъ, какъ съ нею обращаются. Нынѣ юноши приступаютъ къ философіи рано и занимаются ею слегка, возмужавъ же, спѣшатъ къ другимъ дѣламъ, а философію оставляютъ. Стражи государства должны идти другимъ путемъ. Начало своихъ занятій поведутъ они отъ тѣхъ наукъ, которыя приличны нѣжному ихъ возрасту; потомъ, когда укрѣпятся силы ихъ духа и тѣла, они будутъ заниматься тѣмъ, что соотвѣтственно мужескому ихъ развитію; а какъ скоро наступитъ возрастъ преклонный и тѣлесная крѣпость начнетъ упадать, они, оставивъ общественныя дѣла, совершенно предадутся философіи и будутъ стараться только о томъ, чтобы и жизнь окончить благополучно, и послѣ смерти получить достойный своей добродѣтели жребій. P. 497 A.— 498 C.

Этотъ способъ, конечно, не понравится многимъ, но противники должны всячески дознать его пользу. Что они отвергнутъ его,—это неудивительно; потому что никогда не видѣли ни устроеннаго такимъ образомъ, ни столь ясно описаннаго государства, а еще менѣе могли видѣть когда-нибудь въ столь совершенномъ обществѣ столь совершеннаго по добродѣтелямъ его правителя. Къ этому надобно присовокупить, что многіе, мало заботясь объ изслѣдованіи истины, услаждаются болѣе хитросплетеніемъ, блескомъ и пышностію рѣчи. Хотя мы и предвидѣли, что все это не будетъ ладить съ ходячею мыслію; однакожъ, возбуждаясь любовію къ истинѣ, осмѣлились свободно произнесть, что общество не прежде будетъ наслаждаться счастіемъ, какъ тогда, когда въ немъ или философы будутъ царствовать, или цари философствовать. И наше убѣжденіе таково, что это возможно. Нѣтъ сомнѣнія, что даже и народная толпа, если, отвергнувъ предразсудки, пойметъ она достоинство и превосходство философіи, — одобритъ наши мысли. Вѣдь виновники ея ненависти и вражды противъ философствованія не другой кто, какъ тѣ, которые, по своему про-

фанизму, не имѣя права вступать въ храмъ мудрости, врываются въ него силою и, неспособные постигать высшую мудрость, останавливаются только на дѣлахъ человѣческихъ, высшихъ же созерцателей преслѣдуютъ злословіемъ. Между тѣмъ истинные философы, вперившіе свой умъ въ вѣчную истину, нетолько не носятся душою среди дѣлъ человѣческихъ, безразсудно наполняя свое сердце горечью и ненавистію, но и тогда, какъ обращаются къ дѣламъ, необходимо ихъ сопровождающимъ и незаключающимъ въ себѣ ничего несвойственнаго,—и тогда стараются въ этомъ отношеніи примѣняться къ божественной гармоніи. Такой человѣкъ, если побуждается необходимостію сообразовать и упорядочивать извѣстное общество по вѣчной идеѣ сущности,—явится превосходнѣйшимъ вождемъ и наставникомъ въ разсудительности, справедливости и во всякой гражданской добродѣтели; и народъ уже не будетъ укорять насъ, видя нашу увѣренность, что общество тогда только хорошо устроится, когда его форма мужами мудрыми будетъ начертана по образцу божественному. Философы, вопреки ходу обыкновеннаго нашего законодательства, поступятъ такъ, что прежде съ корнемъ исторгнутъ изъ общества застарѣлые пороки, а потомъ начертаютъ новую форму государства по образцу вѣчной правды, красоты, разсудительности и всякой добродѣтели, чтобы, принимая въ расчетъ условія здѣшней жизни, довести гражданъ и общество до такого совершенства, какое требуется и природою человѣческихъ дѣлъ, и подобіемъ божественнаго образца. Р. 498 С—501 Е. Если же это вѣрно, то философы будутъ такими правителями обществъ, отъ которыхъ нечего больше желать, въ дѣятельности которыхъ не найдется ничего, достойнаго порицанія. Поэтому нельзя не согласиться, что они сдѣлаются дѣтьми царей. Такія явленія будутъ, конечно, рѣдки, однакожъ не невозможны. И если явится по крайней мѣрѣ такой одинъ; то и онъ будетъ въ состояніи сдѣлать то, что желаемое нами общество въ человѣческой жизни осуществится. Итакъ, теперь разрѣшено еще одно наше сомнѣніе: возможно ли предначертанное нами государство среди людей и изъ этихъ самыхъ людей? Препятствій къ этому болѣе не представляется. Р. 501 Е—502 С.

Показавъ, каковы должны быть правители государства, Сократъ возвращается къ тому, что прежде обѣщалъ сказать объ ихъ образованіи, и продолжаетъ учить, *какъ и чѣмъ должны заниматься граждане*, чтобы могли непрестанно охранять благосостояніе общества. Мы сказали, говоритъ онъ, что правители государства должны сильно любить свое отечество; такъ чтобы любовь ихъ не ослаблялась никакими превратностями и за свое постоянство была награждаема. А теперь прибавляемъ, что стражи общества должны быть самыми строгими философами. Правда, немного найдется такихъ, которые бы и украшались требуемыми добродѣтелями стражей, и имѣли свойства философа; потому что обладающіе хорошею памятью, образованностію ума, живостію души, и другими подобными достоинствами, рѣдко съ великодушіемъ и отважностію соединяютъ надлежащее постоянство и твердость, составляющія мужество. И наоборотъ—люди серьезные и постоянные нерѣдко бываютъ безпечны относительно къ занятію науками и холодны. Поэтому, какъ прежде говорили мы, что наши стражи должны быть разсматриваемы въ трудахъ, опасностяхъ и удовольствіяхъ: такъ теперь говоримъ, что они должны получить образованіе во многихъ отрасляхъ наукъ, чтобы заблаговременно видно было, могутъ ли души ихъ принять силу науки, относящейся къ познанію справедливости, разсудительности, мужества и мудрости. Эту науку должны они знать не слегка, а изучить обстоятельно. Р. 502 С—504 Е.

Къ этимъ наукамъ надобно присоединить еще важнѣйшую и превосходнѣйшую, о которой доселѣ не было упомянуто, а слѣдуетъ упомянуть. Для нашихъ правителей, или что то же—для философовъ мало—имѣть понятіе о добродѣтели, какъ мы объяснили ее: они должны стремиться къ основательнѣйшему ея уразумѣнію. Имъ нужно созерцать самую *идею блага*, по которой одной все справедливое и похвальное становится полезнымъ и спасительнымъ. Хотя яснаго и опредѣленнаго понятія объ идеѣ его получить намъ нельзя; однакожъ безъ нея, и при самой обширной мудрости, мы будемъ шатки. *Высочайшее благо* многіе поставляютъ въ удовольствіи, а иные ищутъ его въ разумности (φρονήσει): но ни тѣ, ни другіе не достигаютъ истины; потому что держащіеся послѣдняго мнѣнія должны, конечно, при-

знаться, что разумность относится не къ чему иному, какъ къ благу, такъ что тѣ впадаютъ въ смѣшное заблужденіе, которые, полагая, что высочайшее благо состоитъ въ разумности, это самое—разумность снова относятъ къ благу, а что такое оно само въ себѣ, опредѣлить не могутъ. Не менѣе ошибаются и тѣ, которые высочайшее благо поставляютъ въ удовольствіи: ибо ни немогутъ не согласиться, что бываютъ удовольствія и худыя; а отсюда само собою слѣдуетъ, что въ удовольствіи блага искать нельзя. Весьма многіе останавливаются еще на томъ, что высочайшее благо представляютъ себѣ какбы нѣкоторый видъ добродѣтели: но когда дѣло идетъ о пріобрѣтеніи блага, всѣ, оставивъ видъ, ищутъ самой истины; такъ что всѣ явно влекутся сильнѣйшимъ желаніемъ блага, и познаніе его какъ вообще людямъ, такъ особенно нашимъ стражамъ, совершенно необходимо. Вѣдь нельзя имѣть полнаго и совершеннаго знанія даже о честномъ и справедливомъ, если не видно, почему это благо. Если же весьма трудно представить себѣ самую идею блага и ясно высказать, что такое оно; то въ настоящемъ случаѣ довольно будетъ начертать *его образъ*. Но прежде чѣмъ это сдѣлаемъ, припомнимъ нѣчто изъ того, въ чемъ прежде согласились. Р. 505 А.—507 А. Есть два рода вещей: одинъ, къ которому относятся вещи многоразличныя и разнообразныя, напримѣръ, хорошія, красивыя, честныя; другой заключаетъ въ себѣ тѣ, которыя всегда одинаковы и не измѣняются, каковы —доброе, честное, прекрасное, разсматриваемое само въ себѣ. Тотъ родъ мы постигаемъ чувствами, а этотъ созерцаемъ умомъ. Изъ тѣлесныхъ чувствъ самое благородное, безъ сомнѣнія, есть зрѣніе: потому что прочія чувства, какъ, напримѣръ, осязаніе и слухъ, для ощущенія вещей, не требуютъ никакого посредства; а когда хочешь что-нибудь усмотрѣть зрѣніемъ, — кромѣ способности зрѣнія и предмета, требуется еще нѣчто третье, безъ чего предметъ усмотрѣнъ быть не можетъ. Это третье есть не иное что, какъ свѣтъ, получаемый отъ солнца. Солнце изливаетъ свѣтъ для нашихъ очей и производитъ то, что мы можемъ усматривать подлежащіе чувствамъ предметы. Вотъ обѣщанный мною образъ высочайшаго блага: ибо какъ солнце помогаетъ тѣлеснымъ очамъ усматривать окружающіе насъ пред-

меты; такъ идея блага помогаетъ уму познавать вышечувственныя вещи. Итакъ, высочайшее благо есть то, которое и познаваемымъ нами вещамъ доставляетъ истинность, и нашему уму, относительно вещей божественныхъ, темному, сообщаетъ познаніе истины. Поэтому, познаніе и истина—сколь ни прекрасныя вещи, однакожъ то благо своимъ достоинствомъ далеко превышаетъ ихъ, ибо служитъ имъ причиною. И какъ свѣтъ и зрѣніе, хотя и сродны съ солнцемъ, однакожъ не должны быть съ нимъ смѣшиваемы: такъ истина и познаніе, хотя и подобны нѣсколько тому благу, однакожъ не суть то самое благо. И въ этихъ, конечно, ясно познается превосходство блага; но къ тому прибавляется еще нѣчто, чѣмъ оно возбуждаетъ въ насъ величайшее изумленіе, и по чему весьма походитъ на солнце. Вѣдь какъ солнце вещамъ чувствопостигаемымъ доставляетъ не то одно, что онѣ бываютъ усматриваемы, но вмѣстѣ даетъ имъ и пищу, чтобы онѣ раждались и росли: такъ и благо, о которомъ говоримъ, даруетъ всѣмъ вещамъ не то одно, что онѣ познаются, но и то, что онѣ существуютъ; потому что само оно своею силою—выше всего и въ нихъ числѣ не заключается. Р. 507 А—509 В. Теперь мы видимъ, что это благо точно такъ же господствуетъ въ родѣ вещей вѣчныхъ и постоянныхъ, какъ солнце владычествуетъ надъ вещами чувство-постигаемыми. Но вещей есть два рода, и какъ тотъ, такъ и другой подраздѣляются на два равныхъ вида, изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ себѣ самыя вещи, а другой — образы вещей. Именно, что подлежитъ чувствамъ, то—или самыя вещи, какъ, напримѣръ, животныя, растенія, произведенія искуства, — или образы тѣхъ вещей, каковы — тѣни и фигуры, видимыя въ водѣ или зеркалѣ. Такимъ же образомъ и познаваемое умомъ по справедливости можно подраздѣлить на два вида: къ одному изъ нихъ относятся чистыя идеи, чрезъ созерцаніе которыхъ происходитъ то, что мы, начавъ отъ подположеній, восходимъ въ началу безусловному, — а другой заключаетъ въ себѣ формы смѣшанныя, подлежащія чувствамъ, пользуясь которыми, мы по необходимости дѣлаемъ выводы изъ подположеній и идемъ уже не къ началу, а къ концу. Такъ поступаютъ и геометры, которые, простираясь отъ подположеній, на-

чертываютъ треугольникъ и другія фигуры, не для того, чтобы показать самую природу этихъ фигуръ, но чтобы чрезъ начертаніе ихъ легче доказать, что̀ требуетъ доказательства. Но какъ четыре имѣется рода вещей, такъ четыре же соотвѣтствуютъ имъ и дѣятельности души: именно,—чистыя, отрѣшенныя отъ всякой чувственной примѣси идеи мы созерцаемъ νοήσει; подлежащія чувствамъ образы ихъ познаемъ διάνοιᾳ; чувствопостигаемые предметы усматриваемъ πίστει; а образы этихъ послѣднихъ примѣчаемъ догадкою или εἰκασίᾳ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Итакъ, каковы тѣ и другіе, — философы и нефилософы, 484.
продолжалъ я, довольно долго тянувшеюся бесѣдою, Главконъ, едва кое-какъ обозначилось. — Для бесѣды короткой это было бы, можетъ быть, и нелегко, примолвилъ онъ. — Кажется, нѣтъ, сказалъ я; что̀, думаю, даже еще лучше показалось бы тому, кому надлежало бы говорить объ этомъ
одномъ, не обозрѣвая своимъ изслѣдованіемъ и многаго дру- B.
гаго, чѣмъ жизнь справедливая отличается отъ несправедливой.—Что же послѣ сего предстоитъ намъ? спросилъ онъ.— Что иное, какъ не дальнѣйшее, отвѣчалъ я. Такъ какъ философы суть тѣ, которые могутъ хвататься за тожественное и всегда себѣ равное; а блуждающіе во многомъ и измѣнчивомъ—не философы: то кому изъ нихъ надлежитъ быть вождями общества?—Какимъ же образомъ, говоря объ этомъ, мы могли бы сказать дѣльно? спросилъ онъ.—Стражами должны мы поставить тѣхъ, отвѣчалъ я, которые оказываются спо-
собными для охраненія законовъ и потребностей общества.— C.
Справедливо, примолвилъ онъ.—А развѣ не явно, сказалъ я, слѣпаго ли надобно избирать въ стражи, или того, кто имѣетъ острое зрѣніе?—Какъ не явно? отвѣчалъ онъ. — Но отъ слѣпаго отличаются ли, думаешь, тѣ, которые, не имѣя истиннаго знанія о существѣ недѣлимаго и не нося въ душѣ никакого живаго образца, не могутъ, подобно живописцамъ, смотрѣть на оригиналъ самой истины, созерцать его и со все-

возможною точностію снимать съ него копію, а потому не мо-
D. гутъ въ семъ случаѣ ни постановлять законовъ относитель-
но прекраснаго, справедливаго и добраго, когда нужно бы-
ваетъ постановлять ихъ, ни постановленные охранять такъ,
чтобы соблюсти ихъ?—Да, клянусь Зевсомъ, немного отли-
чаются, сказалъ онъ. — Такъ этихъ ли лучше поставимъ мы
стражами, или знающихъ существо каждой вещи, а между
тѣмъ нисколько не уступающихъ этимъ въ опытности и не-
чуждыхъ никакой другой части добродѣтели? — Но вѣдь не-
лѣпо было бы избирать другихъ, если въ прочихъ-то каче-
ствахъ они не ниже, сказалъ онъ; потому что это самое, по-
истинѣ, какъ весьма великое, служило бы имъ преимуще-
485. ствомъ. — Итакъ, не поговорить ли намъ, какимъ образомъ
они будутъ въ состояніи имѣть и то, и это?—Конечно, погово-
римъ, сказалъ онъ.—У насъ въ началѣ бесѣды положено, что
сперва надобно уразумѣть природу ихъ; и я думаю, что если
мы достаточно согласимся въ ней, то согласимся и въ томъ,
что они могутъ имѣть это, и что вождями обществъ надобно
быть не инымъ людямъ, а имъ.—Какъ?—Вѣдь касательно при-
B. роды философовъ мы согласились, что они неизмѣнно любятъ
ту науку, которая открывала бы имъ бытіе всегда сущее, а
не блуждающее между рожденіемъ и разрушеніемъ.—Согла-
сились.—И что при этомъ они любятъ ее всю [1], прибавилъ я,
и добровольно не оставляютъ ни малой ея части, ни великой,
ни важной, ни неважной, какъ это найдено прежними нашими
изслѣдованіями о честолюбцахъ и любовникахъ. — Ты прав-
ду говоришь, сказалъ онъ. — Разсмотри же послѣ сего, — въ
природѣ тѣхъ, которые должны быть такими, какими мы гово-
C. римъ, не необходима ли къ этому....—Что такое?—Нелжи-

---

[1] *Любятъ ее всю* — ὅτι πάσης αὐτῆς, по точному сочетанію словъ, надлежало бы читать — παντὸς αὐτοῦ; потому что подразумѣваемое здѣсь и стоящее выше имя — μάθημα: но въ мысль философа, вмѣсто μάθημα, при этомъ видимо втѣснилось ἐπιστήμη. Нѣкоторые филологи πάσης αὐτῆς относили къ τῆς οὐσίας: но этимъ изгоняется изъ рѣчи всякое понятіе; прежде не было говорено, что философы должны πάσης οὐσίας ἐρᾶν.

вость и расположеніе по доброй волѣ отнюдь не принимать лжи, а ненавидѣть ее, и любить истину?—Да, сообразно, сказалъ онъ.—Нетолько сообразно, другъ мой, но и необходимо, чтобы любящій по природѣ любилъ все, предмету любимому сродное и свойственное.—Правда, сказалъ онъ.—Но мудрости нашелъ ли бы ты что-нибудь свойственнѣе истины?—Какъ найти? сказалъ онъ.—Одной и той же природѣ возможно ли быть и любомудрою и люболживою?—Никакъ нельзя.—Поэто- D.
му, кто существенно любитъ науку, тотъ долженъ тотчасъ—съ самыхъ юныхъ лѣтъ, усильно стремиться ко всякой истинѣ.—Непремѣнно.—Но мы знаемъ, что пожеланія чѣмъ сильнѣе влекутся къ чему-нибудь одному, тѣмъ слабѣе бываютъ въ отношеніи къ прочему, подобно вытекающему откуда-нибудь потоку.—Конечно.—Такъ, у кого они направляются къ наукѣ и ко всему такому; тотъ, думаю, будетъ имѣть въ виду удовольствіе души самой по себѣ, а удовольствія тѣла оставитъ, если онъ—философъ не притворно, а по-истинѣ.—Весь- E.
ма необходимо.—Такой-то именно есть человѣкъ разсудительный, а не любостяжательный; ибо о томъ, для чего съ великими пожертвованіями соблюдаются деньги, гораздо сообразнѣе заботиться кому-либо другому, чѣмъ ему.—Такъ.—При этомъ, когда хочешь различать природу философскую и нефилософскую, надобно замѣтить еще и то...—Что такое?—Не 486.
таится ли въ ней низость [1]; ибо малодушіе весьма враждебно душѣ, всегда желающей въ цѣлости и общности стремиться къ божественному и человѣческому.—Совершенная истина, сказалъ онъ.—А кто имѣетъ высокіе помыслы и созерцаетъ все время и всѣ существа; тому человѣческая жизнь можетъ ли, думаешь, казаться чѣмъ-то великимъ?—Невоз- B.
можно, сказалъ онъ.—Такой будетъ ли почитать и смерть чѣмъ-то страшнымъ?—Всего менѣе.—Такъ слабой и низкой

---

[1] *Низость* — *ἀνελευθερία*, по схоліасту, есть синонимическое *τῇ σμικρολογίᾳ*, которая *ὑπὸ ἀπαιδευσίας οὐ δύναται εἰς τὸ πᾶν ἀεὶ βλέπειν*; а по Фаворину, *ὁ φιλοκερδὴς εἰς ταὐτὸν ἥκει τῷ ἀνελευθέρῳ, εἰκὸς γὰρ τῷ φιλοκερδεῖ καὶ σμικρολόγον εἶναι, εἶτ' οὖν ἀνελεύθερον.*

природѣ истинная философія, какъ видно, недоступна. — Мнѣ кажется, нѣтъ. — Что же? человѣкъ благонравный, не любостяжательный, не низкій, не безстыдный можетъ ли быть задорчивымъ или несправедливымъ? — Нѣтъ. — Поэтому, разсматривая душу — философскую и нефилософскую — ты тотчасъ же, съ юныхъ ея лѣтъ начнешь наблюдать, справедлива ли она и кротка, или необщительна и дика. — Конечно. — Да и
C. того, я думаю, не оставишь безъ вниманія. — Чего? — Способна ли она къ ученію, или неспособна. Развѣ ты надѣешься, что кто-нибудь иногда можетъ достаточно полюбить то, что дѣлая, дѣлаетъ съ ропотомъ и съ едва замѣтнымъ успѣхомъ? — Не можетъ быть. — Что же? если онъ такъ забывчивъ, что не въ состояніи удержать то, чему учится, — возможно ли ему не быть безъ познаній? — Какъ возможно? — А трудясь безъ успѣха, — какъ ты думаешь? — не будетъ ли онъ, наконецъ, принужденъ ненавидѣть и себя самого, и такую работу? —
D. Какъ не будетъ? — Итакъ, душу забывчивую мы не отнесемъ къ числу душъ достаточно философскихъ, и потребуемъ, чтобы она была памятлива. — Безъ сомнѣнія. — Но существо-то съ природою негармоническою и необразованною къ иному ли чему, скажемъ, будетъ влечься, какъ не къ немѣрности? — Къ чему же еще? — А истину немѣрности ли почитаешь ты сродною, или мѣрности [1]? — Мѣрности. — Слѣдовательно, мы будемъ искать, между прочимъ, разсудка по природѣ мѣрнаго и пріятнаго, который къ идеѣ каждаго сущаго
E. легко ведется естественнымъ своимъ расположеніемъ. — Какъ не будемъ? — Такъ что же? не показалось ли, можетъ быть, тебѣ, что въ душѣ, имѣющей быть достаточно и совершенно причастною сущему, мы разсмотрѣли свойства не необходи-

---

[1] Значеніе мѣрности Платонъ яснѣе описываетъ въ Филебѣ: *τὸ περὶ μέτρον καὶ τὸ μέτριον καὶ καίριον καὶ πάνθ᾽ ὁπόσα τοιαῦτα χρὴ νομίζειν τὴν ἀΐδιον ᾑρῆσθαι φύσιν.* Этими словами выражаетъ онъ идею безусловнаго блага, сколько можетъ постигать ее человѣческій умъ и прилагать къ упорядоченію человѣческой жизни. Отсюда *ἐμμέτρως ζῆν* — значитъ сообразовать свою жизнь съ идеею высочайшаго блага.

мыя и невытекающія одно изъ другаго? — Весьма необходимыя, сказалъ онъ. —Сталъ ли бы ты порицать что-нибудь въ 487.
такомъ занятіи, какимъ никто не могъ бы удовлетворительно заниматься, не будучи по природѣ памятливымъ, способнымъ къ ученію, великодушнымъ, пріятнымъ, другомъ и сродникомъ истины, справедливости, мужества, разсудительности? —Такого-то занятія не могъ бы порицать и Момосъ [1], сказалъ онъ.—Напротивъ, не этимъ ли однимъ, чрезъ образованіе и развитіе доведеннымъ до совершенства, ввѣрилъ бы ты городъ?—

Сократъ! сказалъ Адимантъ; въ этомъ тебѣ никто не могъ B.
бы противорѣчить. Слушатели твои, внимая тому, что ты говоришь, всякій разъ испытываютъ нѣчто такое: Бывъ увлекаемы каждымъ незначительнымъ вопросомъ, они, по непривычкѣ къ вопросамъ и отвѣтамъ, идутъ вслѣдъ за рѣчью. А потомъ, когда въ концѣ эти незначительныя положенія сносятся, — вдругъ открывается важная ошибка и противорѣчіе прежнимъ положеніямъ. И какъ неопытные въ шашечной игрѣ искусниками въ ней бываютъ до того запирае- C.
мы, что не знаютъ, куда что двинуть: такъ неопытные и въ этой, другаго рода игрѣ — не шашками, а словами, допускаютъ запирать себя и не знаютъ, что сказать, хотя по-истинѣ дѣло-то вовсе не таково, — говорю это, имѣя въ виду настоящую твою рѣчь. Теперь на каждый твой вопросъ, кажется, никто не могъ бы словесно отвѣчать противорѣчіемъ; а если посмотрѣть на дѣло, что тѣ, которые, посвятивъ себя

---

[1] Эту пословицу объясняютъ—*Эразмъ* (Chiliad. I, 5, 75) и толкователи *Аристенета* (ad epist. I, 1, p. 239, ed. Boisson). Извѣстно миѳологическое сказаніе, что Момосъ родился отъ матери—ночи и отъ отца—сна (*Hesiod.* in Theog.). Самъ онъ ничего не дѣлаетъ, а только смотритъ, чтó дѣлаютъ другіе боги, и подшучиваетъ надъ ними, когда кто упустилъ изъ виду свое дѣло, или сдѣлалъ что-нибудь не такъ. Отъ этого и получилъ онъ имя Момоса, которымъ по-гречески означается порицаніе. Въ дѣлѣ сотворенія человѣка Момосъ смѣялся надъ Зевсомъ за то, что онъ не устроилъ окна въ грудь, чтобы можно было видѣть происходящее въ сердцѣ. *Витрувій* (præf. I, 3) видѣлъ Момоса въ Сократѣ. *Hofmann.* Lexic.

D. философіи, не оставляютъ ея, подобно юношамъ, имѣющимъ въ виду образованіе себя, но занимаются ею чрезъ долгое время, —выходятъ большею частію людьми странными, чтобы не сказать, негоднѣйшими. Иные изъ нихъ, кажется, и очень скромны, но занявшись тѣмъ, что ты хвалишь, принимаютъ точно тѣ же черты и дѣлаются безполезными для общества [1].—Выслушавъ это, я сказалъ: итакъ, ты думаешь, что говорящіе такимъ образомъ лгутъ?—Не знаю, отвѣчалъ онъ, но охот-
E. но желалъ бы слышать твое мнѣніе.—Можешь слышать, что мнѣ слова ихъ кажутся справедливыми.—Но какъ же хорошо будетъ сказать, спросилъ онъ, что города не прежде избавятся отъ бѣдствій, какъ тогда, когда начальствовать надъ ними будутъ философы, которыхъ мы признаемъ безполезными для обществъ?—Ты предлагаешь вопросъ, требующій отвѣта въ формѣ подобія, сказалъ я.—А ты-то, думаю, не имѣешь обычая говорить подобіями, примолвилъ онъ.—

Пускай, сказалъ я. Завлекши меня въ такое неудобораз-
488. рѣшимое изслѣдованіе, ты смѣешься? Выслушай же подобіе, чтобы еще болѣе узнать, съ какимъ трудомъ я уподобляю. Вѣдь состояніе людей самыхъ скромныхъ—въ отношеніи къ городамъ столь тяжело, что въ такомъ состояніи не найдешь ни одного; и кто уподобляетъ и защищаетъ ихъ, тотъ долженъ избирать черты изъ многаго, какъ рисуютъ живописцы, смѣшивая козла съ оленемъ. Итакъ, представь себѣ, что будетъ вотъ какой начальникъ одного или многихъ кораблей.
B. По росту и силѣ, онъ больше всѣхъ на кораблѣ, но глуховатъ, недалеко видитъ и мало знаетъ корабельное дѣло въ другихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ матросы спорятъ между собою за должность рулеваго: каждый думаетъ, что кораблемъ управлять долженъ онъ, хотя никогда не изучалъ этого искуства и не можетъ указать ни на своего учителя, ни на время, когда учился, даже утверждаетъ, что ему и не учатся, а

---

[1] Объ этомъ порицаніи философіи см. Theaet. p. 133 C sqq. Gorg. p. 483 — 486 C, гдѣ Калликлъ порицаетъ тѣхъ, которые занимаются ею во всю жизнь, въ той мысли, что познакомиться съ нею хорошо только для шутки.

кто говоритъ, что учатся, того готовъ изрубить въ куски. Такъ вотъ они, непрестанно бѣгая около начальника кораб- C.
ля, просятъ и все дѣлаютъ, чтобы имъ ввѣренъ былъ руль. Иногда одни изъ нихъ не убѣждаютъ его, но другіе убѣждаютъ, и тогда прочихъ или убиваютъ, или сбрасываютъ съ корабля, благороднаго же начальника связавъ или мандрагорою [1], или виномъ, или чѣмъ другимъ, овладѣваютъ кораблемъ, захватываютъ, что въ немъ есть, потомъ пьютъ, пируютъ и плаваютъ такъ, какъ свойственно подобнымъ людямъ. Въ это время, кто въ состояніи былъ помочь имъ—убѣжденіемъ или силою получить власть надъ начальникомъ корабля, того они хвалятъ, называя его морякомъ, кораблеводителемъ, че- D.
ловѣкомъ знающимъ дѣло корабельное; а кто не таковъ, того порицаютъ, какъ человѣка безполезнаго, вовсе не понимая, что истинному кораблеводителю необходимо наблюдать времена года и дня, небо, звѣзды, вѣтры и все, относящееся къ этому искуству, если онъ намѣренъ въ самомъ дѣлѣ управлять кораблемъ, и думая, что для управленія имъ, независимо отъ того, хочетъ ли кто этого или не хочетъ, не нужно E.
ни искуства, ни опытности, вмѣстѣ съ наукою кораблевожденія. Тогда какъ это бываетъ съ кораблями, не думаешь ли, что плаватели на устроенныхъ такъ корабляхъ кораблеводителя истиннаго будутъ въ самомъ дѣлѣ называть верхоглядомъ [2], человѣкомъ пустымъ и безполезнымъ?—И очень, 489.
сказалъ Адимантъ. — Мнѣ кажется, примолвилъ я, что для тебя нѣтъ надобности видѣть это подобіе въ его раскрытіи, что, то-есть, имъ выражается извѣстное расположеніе городовъ къ истиннымъ философамъ; ты понимаешь, что̀ я говорю. — Конечно, отвѣчалъ онъ.—Итакъ, кто удивляется, что философы не пользуются въ городѣ честію, тому ты пред-

---

[1] Мандрагора — растеніе, по схоліасту, имѣющее силу усыплять. Interpr. ad Lucian. Tim. § 2.

[2] Въ Греціи философовъ называли обыкновенно верхоглядами — *μετεωροσκόπους*, чаще же всего прилагали это имя къ Сократу. Apolog. Socr. p. 18 B, cnес. Schol. ad *Aristoph.* Nubb. v. 97.

ставь сперва это подобіе и постарайся убѣдить его, что гораздо удивительнѣе было бы, еслибы они пользовались. —
B. Представлю, сказалъ онъ. — Тотъ человѣкъ говоритъ въ самомъ дѣлѣ правду, что скромнѣйшіе въ философіи безполезны для общества: но причиною безполезности ихъ вели ему почитать тѣхъ, которые не пользуются ими, а не самихъ скромныхъ; ибо какъ караблеводителю неестественно просить матросовъ, чтобы они подчинялись ему, такъ и мудрецу не-
C. естественно идти къ дверямъ богачей [1], и кто хвастливо высказалъ эту мысль, тотъ ошибся. Но правдѣ-то бываетъ такъ, что богатъ ли больной или бѣденъ,—ему необходимо идти къ дверямъ врача; а всякому, имѣющему нужду быть подъ управленіемъ,—къ дверямъ человѣка, способнаго управлять. Не правителю, отъ котораго дѣйствительно ожидали бы пользы, слѣдуетъ просить, чтобы управляемые подчинились ему. Итакъ, тотъ удивляющійся не погрѣшитъ, если нынѣшнихъ властительствующихъ политиковъ уподобитъ недавно упомянутымъ нами матросамъ, а тѣхъ, которыхъ они называютъ людьми безполезными и верхоглядами,—истиннымъ караблеводителямъ.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Такъ вотъ и въ этихъ видахъ наилучшему занятію нелегко благоденствовать подъ управленіемъ тѣхъ, которые занимаются про-
D тивнымъ. Но гораздо большее и опаснѣйшее искушеніе для философіи бываетъ со стороны людей, приписывающихъ себѣ это самое дѣло; объ нихъ-то ты, обвиняя философію, говоришь, что многіе, обращающіеся къ ней, являются людьми

[1] Здѣсь Сократъ, повидимому, указываетъ на ходившую въ его время въ народѣ мысль, что не богатые толкаются у дверей философовъ, а наоборотъ — философъ у дверей богатаго. Схоліастъ, по поводу этой мысли, приводитъ разговоръ Сократа съ Эввуломъ. Хваставшагося Эввула, говоритъ онъ, Сократъ спросилъ: чѣмъ хочешь ты быть, Эввулъ,—мудрымъ, или богатымъ? Тотъ отвѣчалъ: богатымъ; потому что мудрецы, какъ видимъ, нерѣдко спятъ у дверей богатаго. Сократъ же на это очень остроумно замѣтилъ: мудрецы-то, сказалъ нъ, знаютъ, что̀ имъ нужно изъ того, что для удовлетворенія необходимымъ ихъ потребностямъ раздаютъ, если хотятъ, богатые; а эти, — богатые-то, не знаютъ, (что̀ для удовлетворенія ихъ нуждамъ раздаютъ мудрецы). Вѣдь человѣческая добродѣтель всякому желающему дается чрезъ уроки мудрецовъ.

негоднѣйшими. А что самые скромные—безполезны, это, и по моему мнѣнію, ты говоришь справедливо. Не такъ ли?—Да.—Итакъ, мы разсмотрѣли причину безполезности людей скромныхъ.—Конечно разсмотрѣли.—Не хочешь ли, разсмотримъ теперь необходимость негодности многихъ и, если возможно, Е.
постараемся доказать, что причина и этого заключается не въ философіи?—И очень.—Послушай же, начнемъ рѣчь припоминаніемъ того, изъ чего мы вышли: какую, то-есть, природу необходимо имѣть человѣку, чтобы онъ сдѣлался честнымъ и добрымъ? Его, если помнишь, прежде всего должна руководить истина, которую онъ обязанъ былъ преслѣдовать 490.
всегда и вездѣ; или иначе:—мошенникъ къ истинѣ философіи никакъ не способенъ.—Да, такъ было говорено.—А это одно не сильно ли противорѣчитъ нынѣшнимъ мнѣніямъ о томъ же предметѣ?—Конечно, сказалъ онъ.—Такъ не достаточно ли защитимъ мы то положеніе, что человѣкъ, по природѣ дѣйствительно любящій науку, стремится къ сущему и не останавливается на кажущейся сторонѣ множества недѣлимыхъ, но идетъ, не ослабѣвая и не оставляя своей любви—дотолѣ, B.
пока природы того самаго, что̀ есть, не коснется тою частію души, которою свойственно касаться ея? а свойственно — частію ей сродною, которою сближаясь и соедяняясь съ истинно сущимъ, она раждаетъ умъ и истину, познаетъ, живетъ истинною жизнію, питается, и такимъ образомъ освобождается отъ болѣзни рожденія; прежде же этого нѣтъ. — Весьма достаточно, сколько есть возможности, сказалъ онъ.—Такъ что же? такому человѣку естественно будетъ—любить ли какую-нибудь ложь, или, совершенно напротивъ,—ненавидѣть ее?—Ненавидѣть, сказалъ онъ.—А когда руководитель- C.
ницею бываетъистина,—мы не скажемъ, думаю, что ее сопровождаетъ вереница золъ.—Какъ можно?—Но здравый и правый нравъ;—а за тѣмъ слѣдуетъ и разсудительность.—Правда, сказалъ онъ.—Впрочемъ, какая надобность снова возвращаться къ началу и устанавливать весь рядъ качествъ философской природы? Ты, вѣроятно, помнишь, что къ этому при-

соединялись—мужество, великодушіе, способность къ ученію, память. Потомъ ты ввязался, что каждый принужденъ будетъ
D. согласиться съ тѣмъ, что̀ мы говоримъ, и оставивъ разсужденіе о предметѣ, обратилъ вниманіе на тѣхъ, о комъ шла рѣчь, и прибавилъ: каждый скажетъ, что однихъ между этими людьми находитъ безполезными, а многихъ зараженными всякаго рода зломъ. Наконецъ, мы стали искать причины этого соблазна и пришли къ настоящему разсужденію, отчего многіе изъ нихъ злы, а для сего снова ухватились за природу истинныхъ философовъ и по необходимости опре-
E. дѣлили ее.—Такъ, сказалъ онъ.—Теперь, продолжалъ я, надобно разсмотрѣть порчу этой именно природы, какъ она у многихъ повредилась,—не коснувшись только немногаго—тѣхъ, которыхъ называютъ хотя и незлыми, однакожъ без-
491. полезными; потомъ порчу, подражающую ей и принимающую на себя ея дѣло, и то, каковы бываютъ природы душъ, которыя, направляясь къ этому занятію недостойно и не по силамъ, и многократно погрѣшая, вездѣ и отъ всѣхъ навлекли на философію то мнѣніе, о какомъ ты говоришь. — Какія же порчи разумѣешь ты? спросилъ онъ. — Это, если будетъ для меня возможно, постараюсь раскрыть тебѣ, отвѣчалъ я. Въ томъ-то всякій, думаю, согласится, что природа, имѣющая все, сейчасъ же ей приписанное нами, чтобы быть при-
B. родою совершенно философскою, рѣдко раждается и рѣдка бываетъ между людьми. Или не думаешь?—И очень.—А когда она рѣдка,—смотри, какъ многочисленно и велико все гибельное. — Что же именно?—До крайности удивительно слышать, что душу губитъ и отвлекаетъ отъ философіи каждое изъ тѣхъ свойствъ, которыя мы хвалили въ ея природѣ, — разумѣю мужество, разсудительность и все, что разсмотрѣ-
C. ли.—Странно слышать, сказалъ онъ. — Да еще сверхъ того, продолжалъ я, развращаютъ и отвлекаютъ ее всѣ такъ называемыя блага, — красота, богатство, крѣпость тѣла, сильное родство въ обществѣ и все тому подобное. Вообще—ты, конечно, понимаешь, что̀ я говорю.—Понимаю, сказалъ онъ,

однакожъ охотно выслушалъ бы эти слова въ большей подробности.—Такъ обойми вѣрно все это, примолвилъ я, — и мое положеніе покажется тебѣ яснымъ, и ты не будешь почитать страннымъ то, что мною предположено. — Какъ же прикажешь? спросилъ онъ.—Относительно всякаго сѣме- D.
ни или естественнаго произведенія,—растеніе ли то будетъ, или животное,—намъ извѣстно, отвѣчалъ я, что каждое изъ нихъ, не получивъ ни пищи, какая ему свойственна, ни воздуха, ни мѣста, — чѣмъ бываетъ крѣпче, тѣмъ въ бо́льшихъ нуждается потребностяхъ; ибо зло противуположнѣе добру, чѣмъ недобру.—Какже—Итакъ, естественно, думаю, что наилучшая природа, воспитанная болѣе чуждою пищею, выходитъ хуже плохой. — Естественно. — Не скажемъ ли же, Адимантъ, продолжалъ я, что и самыя даровитыя души, по- E.
лучивъ худое воспитаніе, становятся особенно худыми? Развѣ ты думаешь, что великія неправды и чистая злокачественность происходятъ отъ плохой, а не отъ превосходной природы, когда она испорчена пищею, и что природа слабая будетъ когда-нибудь причиною великихъ либо благъ, либо золъ?—
Нѣтъ, я согласенъ съ тобою, сказалъ онъ.—Итакъ, если по- 492.
ложимъ, думаю, что природа философа получила надлежащее образованіе, то она необходимо возрастетъ во всякой добродѣтели; а когда, бывъ засѣяна и возращаема, питалась ненадлежащею пищею, — проявитъ всѣ противныя тому свойства, развѣ, можетъ быть, не поможетъ ли ей кто-нибудь изъ боговъ. Или и ты думаешь, какъ толпа, что нѣкоторые юноши бываютъ развращаемы софистами, и что софисты-развратители въ чемъ-либо, достойномъ вниманія, суть люди част-
ные, а не тѣ, которые, говоря это, сами выдаютъ себя за B.
великихъ софистовъ, и берутся — какъ юношей, такъ и стариковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, воспитывать въ совершенствѣ и дѣлать ихъ такими, какими хотятъ [1]? — Когда

[1] Здѣсь Сократъ раскрываетъ ту мысль, что юноши развращаются главнымъ образомъ не софистами, какъ наставниками частными, а народною толпою,

же это? спросилъ онъ.—Тогда, отвѣчалъ я, когда, густыми массами засѣдая либо въ народныхъ сходкахъ, либо въ судилищахъ, либо въ театрахъ, либо въ лагеряхъ, либо въ какомъ иномъ многочисленномъ собраніи, они съ великимъ шу-
C. момъ однѣ изъ рѣчей или дѣлъ бранятъ, а другія хвалятъ, и какъ то, такъ и это сопровождаютъ слишкомъ сильными иногда криками, иногда рукоплесканіями. Къ тому же и стѣны и мѣсто, гдѣ они сходятся, усугубляютъ шумъ какъ порицаній ихъ, такъ и похвалъ. Въ такомъ сборищѣ юноша, просто сказать, какое, думаешь, получитъ расположеніе? или какое, частное его воспитаніе будетъ столь твердо, что, заливаемое такимъ порицаніемъ или похвалою, не увлечется потокомъ ихъ туда, куда они направляютъ его? Не станетъ
D. ли питомецъ называть похвальнымъ и постыднымъ то же, что они, заниматься тѣмъ же, чѣмъ они, и не сдѣлается ли самъ такимъ же?—По всей необходимости, Сократъ, сказалъ онъ.—Однакожъ мы еще не упомянули о самой великой необходимости, замѣтилъ я.—О какой? спросилъ онъ.—О той, которую эти воспитатели и софисты, не употребляя убѣжденія, прилагаютъ къ слову самымъ дѣломъ. Развѣ ты не знаешь, что неубѣждающагося они наказываютъ безчестіемъ, деньгами и смертію? — И очень знаю, сказалъ онъ.—Итакъ,
E. какой другой софистъ, или какія частныя рѣчи, противорѣча имъ, будутъ, думаешь, имѣть силу?—Думаю, никакой, отвѣчалъ онъ.—Конечно никакой, примолвилъ я. Да безумно

когда она собирается или въ судебныхъ мѣстахъ, или на площадяхъ, или въ театрахъ, или въ притонахъ общественныхъ игръ и увеселеній. Во всѣхъ подобныхъ собраніяхъ одинъ какой-нибудь ораторъ, или просто смѣлый говорунъ, отчаянными парадоксами возбуждаетъ вниманіе толпы и исторгаетъ у ней рукоплесканія. При выраженіи такихъ восторговъ хулы или похвалы, что дѣлать неопытному юношѣ? Куда обратиться? Гдѣ взять начало для своихъ убѣжденій? Естественно увлекается онъ большинствомъ и, какъ овца, идетъ за толпою, а толпа — за своимъ ораторомъ-говоруномъ, котораго побужденія вовсе не въ истинѣ, а въ самолюбіи, въ личныхъ своихъ расчетахъ на толпу. Его цѣль не та, чтобы народное мнѣніе направить къ пользѣ общества, а чтобы приковать его къ своей личности, заставить говорить о себѣ. Бѣда, гдѣ заведутся такіе оффиціальные ораторы, и гдѣ толпа такъ слѣпа!

было бы и рѣшаться на это; ибо нѣтъ, не было, и вовсе не будетъ [1] иного человѣческаго образа мыслей, относительно добродѣтели, кромѣ того, который внушается ихъ воспитаніемъ, другъ мой: божественнаго же, по пословицѣ, мы не коснемся [2]; ибо надобно твердо знать, что кто въ такомъ состояніи отъ общественныхъ формъ спасся, и остался какимъ должно, того—говоря такъ, ты нехудо скажешь—того спасло Божіе 493.

---

[1] *И вовсе не будетъ* — οὐδὲ οὖν μὴ γένηται. Сугубое употребленіе отрицанія у Платона весьма обыкновенно. Libr. X, p. 597 C: οὔτε ἐφυτεύθησαν ὑπὸ τοῦ θεοῦ οὔτε μὴ φυῶσιν. Libr. V, p. 473 D: οὐδὲ αὕτη ἡ πολιτεία μήποτε πρότερον φυῇ τε καὶ φῶς ἡλίου ἴδῃ. Phaedr. p. 260 E: οὔτε ἔστιν οὔτε μή ποτε ὕστερος γένηται. Phileb. p. 15 E: ἀλλ᾽ οὔτε μὴ παύηταί ποτε οὔτε ἤρξατο νῦν, al. Но почему такое двойное отрицаніе не дѣлаетъ смысла положительнымъ, а напротивъ, увеличиваетъ, повидимому, силу отрицанія? Тотъ признакъ, что μὴ въ подобной конструкціи поставляется съ сослагательнымъ наклоненіемъ, даетъ поводъ думать, что Греки въ этомъ случаѣ подразумѣвали какой-нибудь глаголъ, отъ котораго бы зависѣло μὴ, какъ, напримѣръ: δεινόν ἐστι, φόβος ἐστί, φοβητέον, ὀκνητέον, ἐνθυμητέον ἐστί. Притомъ, такъ какъ аористъ сослагательнаго наклоненія послѣ μὴ выражаетъ самостоятельность всякаго времени; то подъ аористомъ сослагательнаго наклоненія можно разумѣть и время будущее, какъ, напримѣръ, Омиръ (Odyss. XVI, 437) разумѣлъ его въ словахъ: οὐκ ἔσθ᾽ οὗτος ἀνὴρ οὐδ᾽ ἔσσεται οὐδὲ γένηται. Гораздо труднѣе объяснить, почему οὐ μὴ иногда поставляется съ будущимъ временемъ изъявительнаго наклоненія. Мнѣ кажется, что если это случается не въ рѣчи вопросительной, то должно происходить тоже отъ опущенія какого-нибудь слова. Напримѣръ, въ стихѣ Аристофана (Ran. v. 508), μὰ τὸν Ἀπόλλω, οὐ μή σε περιόψομαι ἀπελθόντα, надобно, повидимому, послѣ μὴ разумѣть глаголъ ἀμφισβητεῖν, или другой подобный; такъ что этотъ стихъ по-русски со всею точностію слѣдовало бы выразить такъ: клянусь Аполлономъ, я увѣренъ, что не буду равнодушенъ, смотря на твой уходъ. Такимъ образомъ, къ будущему времени относится собственно οὐ, а μὴ — къ глаголу подразумѣваемому. Впрочемъ впослѣдствіи, отъ частаго употребленія такой конструкціи, у Грековъ эллипсъ въ этомъ случаѣ вышелъ изъ сознанія. Оттѣнокъ разницы можно опредѣлить только замѣчаніемъ, что кто говоритъ: οὐ γενήσεται ταῦτα, тотъ просто отрицаетъ предполагаемое въ будущемъ событіе; а кто полагаетъ: οὐ μὴ γένηται ταῦτα, или οὐ μὴ γενήσεται ταῦτα, тотъ отрицаетъ будущее такъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ и собственное чувство или убѣжденіе въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, послѣднее отрицаніе обнаруживаетъ бóльшую силу, какъ нѣмецкое: nein, wohl nicht.

[2] Κατὰ τὴν παροιμίαν ἐξαιρῶμεν λόγον. См. Sympos .p. 176 C. Платонъ разумѣетъ, вѣроятно, пословицу: τὸ θεῖον ἐξαιρῶ λόγου. Она, повидимому, служила оговоркою въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь собесѣдниковъ склонялась къ кощунству надъ предметами, имѣвшими связь съ религіею или ея обрядами. По-русски можно бы перевесть ее: божественное въ сторону.

заступленіе[1]. — И мнѣ не иначе кажется, примолвилъ онъ. — Итакъ, кромѣ этого, пусть кажется тебѣ еще вотъ что, продолжалъ я. — Что такое? — Каждое изъ частныхъ наемныхъ лицъ, которыхъ сами же они называютъ софистами и почитаютъ своими соревнователями, преподаетъ не иное что, какъ ученіе толпы, произносимое въ ея собраніяхъ, и называетъ ея мудростію. Это такъ, какъ еслибы кто изучалъ наклонности и пожеланія огромнаго и сильнаго, откормленнаго звѣ-
B. ря, какимъ образомъ подходить къ нему и касаться его, когда дѣлается онъ раздражительнымъ или кроткимъ, и отъ чего, какіе, при каждомъ случаѣ, обыкновенно издаетъ онъ звуки, и отъ какихъ, произносимыхъ другими звуковъ, укрощается и свирѣпѣетъ; изучивъ же все это чрезъ обхожденіе съ нимъ и чрезъ долговременный опытъ, назвалъ бы свое знаніе мудростію и, составивъ его въ видѣ искуства, обратился бы къ школьному преподаванію его; на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не зналъ бы, что̀ въ этихъ ученіяхъ и пожеланіяхъ похвально или постыдно, хорошо или худо, справедливо или несправедливо, но все сіе опредѣлялъ бы мнѣніями
C. огромнаго животнаго, называя добромъ, что̀ ему пріятно, а зломъ—на что оно досадуетъ, другаго же понятія не имѣлъ бы объ этомъ, и необходимое почиталъ бы справедливымъ и похвальнымъ, а какъ много на самомъ дѣлѣ различія между природою необходимаго и природою добраго, того и самъ не видѣлъ бы, и другому бы показать не могъ. Ради Зевса! будучи такимъ-то, не показался ли бы онъ тебѣ страшнымъ учителемъ?—Показался бы, сказалъ онъ.—Отличается ли отъ него, по твоему мнѣнію, тотъ, кто мудрость поставляетъ
D. въ наблюденіи надъ наклонностію и удовольствіями многихъ

---

[1] У Сократа было всегдашнее убѣжденіе, что если политики и поэты говорятъ и дѣлаютъ что-нибудь хорошо, то говорятъ и дѣлаютъ это, основываясь не на какихъ-нибудь раціональныхъ началахъ, или при свѣтѣ яснаго сознанія, а такъ просто—θεία μοίρα. Такой взглядъ на политиковъ достаточно высказывается въ Менонѣ (p. 97 B. 100 B), а на поэтовъ—въ Апологіи (p. 22 B) и Іонѣ (p. 534 A).

и разнохарактерныхъ людей въ собраніи — относительно ли
то живописи, или музыки, или самыхъ рѣчей политическихъ?
ибо кто вступаетъ съ ними въ сношеніе, показывая имъ или
поэму, или иное произведеніе, либо оказывая услугу обще-
ству, и отдается на судъ этой толпы, того нудитъ крайняя,
или такъ называемая діомидовская [1] необходимость — дѣлать
именно то, что̀ они похвалили бы. А что это по-истинѣ и хо-
рошее и похвальное дѣло,—ты когда-нибудь слышалъ уже отъ
кого-либо причину на то не смѣшную.—Нѣтъ, я думаю, что и
не услышу, сказалъ онъ.—Такъ понявъ все это, вспомни о E.
слѣдующемъ. Само ли прекрасное, а не многія прекрасныя
вещи, или, само ли отдѣльное, а не многія отдѣльныя вещи,
толпа допуститъ и признаетъ бытіемъ? — Всего менѣе, ска- 494.
залъ онъ.—Слѣдовательно, толпѣ невозможно быть философ-
скою? сказалъ я.—Невозможно.—И людей философствующихъ,
стало-быть, она необходимо порицаетъ?—Необходимо.—Рав-
но какъ порицаютъ ихъ и тѣ частныя лица, которыя, обра-
щаясь съ народомъ, желаютъ ему нравиться?—Явно.—Въ та-
кихъ обстоятельствахъ какое видишь ты спасеніе философской
природѣ, чтобы, оставаясь при своихъ занятіяхъ, дойти ей до
конца? Понимай это изъ прежняго. Вѣдь мы уже согласились, B.
что этой природѣ свойственны любознательность, память, му-
жество, великолѣпіе.—Да.—Такъ не будетъ ли такой вдругъ
первымъ изъ всѣхъ между дѣтьми [2]: особенно если тѣло его

---

[1] Діомидовская необходимость выставляется здѣсь какъ пословица, для означенія необходимости крайней, величайшей или неизбѣжной. Но о происхожденіи этой пословицы нельзя сказать ничего опредѣленнаго, и критики въ этомъ отношеніи разногласятъ. См. Scholiast. ad h. l., Schol. ad *Aristoph.* Ecclesiaz. v. 1021. *Zenobius* et *Svidas.* Не взята ли эта пословица отъ того случая подъ Троею, которымъ поставленъ былъ Діомидъ въ крайнюю необходимость ранить Венеру, когда эта богиня, желая закрыть отъ стрѣлы любимца своего Энея, стала впереди его?

[2] *Первымъ изъ всѣхъ между дѣтьми*, ἐν πᾶσιν ὁ τοιοῦτος πρῶτος ἔσται ἐν ἅπασιν. Явно, что ἐν πᾶσιν здѣсь ошибка переписчика. *Guil. de Geer.* (Diatrib. in Polit. Platon. Principia p. 58) очень правдоподобно, вмѣсто ἐν πᾶσιν, читаетъ ἐν παισίν. Это оправдывается отчасти и дальнѣйшими словами: ἐπειδὰν πρεσβύτερος κ. τ. λ. Съ этимъ возстановленіемъ чтенія согласенъ и Астъ.

устроится соотвѣтственно душѣ? — Какъ не будетъ? сказалъ онъ. — И когда, я думаю, состарѣется онъ, тогда захотятъ воспользоваться имъ въ своихъ дѣлахъ и ближніе и граждане. —
C. Какъ не воспользоваться? — Стало-быть, будутъ униженно и съ почтеніемъ просить его, предваряя и заискивая будущую его силу. — Такъ обыкновенно бываетъ, сказалъ онъ. — Что же, думаешь, спросилъ я, сдѣлаетъ такой человѣкъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, — особенно если, кромѣ того, случится ему быть гражданиномъ великаго города [1], богатымъ, благороднымъ, да еще благообразнымъ и высокимъ? не исполнится ли онъ чрезвычайной надежды, что, въ качествѣ вождя, будетъ способенъ управлять дѣлами Эллиновъ и варваровъ, и
D. чрезъ то высоко возмечтаетъ о себѣ, безумно надмѣваясь своею фигурою и суетными представленіями? — И очень, сказалъ онъ. — Но если тогда, какъ онъ такимъ образомъ настроенъ, кто-нибудь тихонько подойдетъ къ нему и скажетъ правду, что у него нѣтъ ума, а умъ ему нуженъ, и онъ пріобрѣтается лишь тогда, когда помогаютъ пріобрѣсть его, — легко ли будетъ, думаешь, выслушать ему столь непріятное слово? — Далеко до того, отвѣчалъ онъ. — А еслибы ужъ, продолжалъ я, благодаря хорошей своей природѣ и внимательности къ
E. рѣчамъ, онъ сколько-нибудь и одумался, склонился и направился къ философіи, — какъ, думаемъ мы, поступятъ тѣ, которые пришли теперь къ мысли, что польза отъ него и дружба его — потеряны? Не будутъ ли они все дѣлать и говорить ему, чтобы онъ не вѣрилъ, а когда уже повѣрилъ, — чтобы не въ силахъ былъ осуществить свое желаніе, строя для того замыслы частно и перенося ихъ въ народныя собранія? —

---

[1] Можно догадываться, что Платонъ рисуетъ здѣсь портретъ Алкивіада, которому, дѣйствительно, принадлежали всѣ свойства, какими Сократъ характеризуетъ молодаго честолюбиваго человѣка. Тѣ же самыя свойства приписываются ему и въ Платоновомъ діалогѣ, носящемъ имя Алкивіада 1. Основываясь на близкой связи означеннаго разговора съ этимъ мѣстомъ Государства, Шлейермахеръ полагаетъ, что Алкивіадъ I есть не иное что, какъ развитіе взятой отсюда темы, сдѣланное какимъ-нибудь подражателемъ Платона.

Весьма необходимо, сказалъ онъ.—Итакъ, можно ли ему какъ-
нибудь философствовать?—Не очень.—Вотъ же видишь, при- 495.
молвилъ я, мы нехудо сказали, что и самыя выгоды философской природы, когда она дурно воспитывается, нѣкоторымъ образомъ служатъ причиною того, что ея назначеніе не достигается, какъ и назначеніе такъ называемыхъ благъ —богатства и всѣхъ предметовъ этого рода?—Конечно нехудо; мы сказали вѣрно, отвѣчалъ онъ.—Такова-то гибель, по-
чтеннѣйшій, продолжалъ я; такъ-то велико и обширно по- B.
врежденіе даже лучшей природы для превосходной дѣятельности, хотя эта природа, какъ сказано, и рѣдка. Отъ такихъ-то людей и для городовъ и для частныхъ лицъ проистекаетъ какъ величайшее зло, такъ и добро, если они къ тому стремятся: слабая же природа никогда и никому—ни частному лицу, ни городу, не сдѣлаетъ ничего великаго.—Весьма справедливо, ска-
залъ онъ.—И эти люди, выступивъ изъ той колеи, изъ которой C.
выступать имъ особенно не слѣдовало [1], оставляютъ философію сухою и несовершенною и ведутъ жизнь имъ несвойственную и неистинную; а къ философіи, между тѣмъ, лишившейся родства, приступаютъ другіе, недостойные, и срамятъ ее, подвергаютъ укоризнамъ;—и тогда, какъ и ты сказалъ, порицатели порицаютъ ее за то, что изъ людей, занимающихся ею, одни ничего не стоютъ, а другіе—и такихъ много—заслуживаютъ величайшихъ золъ. — Да, это дѣйствительно говорятъ, отвѣчалъ онъ.—И справедливо говорятъ, примолвилъ я; ибо иные
человѣчишки, видя, что эта область осталась пустою, а между D.
тѣмъ она полна прекрасныхъ именъ и украшеній, съ радостію перескакиваютъ въ нее изъ области искуствъ, ищутъ убѣжища въ ея святилищѣ, вырвавшись будто изъ-подъ замка; и скрываются въ немъ всегда по своему искуству самые хвастли-

[1] *Изъ которой выступать имъ особенно не слѣдовало.* Такъ перевожу я текстъ Платона, слѣдуя чтенію списковъ Vind. Vat. r.: *οἷς μάλιστα οὐ προσήκει*; тогда какъ въ другихъ читается: *οἷς μάλιστα προσήκει.* Первое чтеніе кажется мнѣ болѣе правильнымъ потому, что *οἷς* видимо относится къ *ἐπιτηδεύμασι*, а не къ *ἐπιπτοχόσι.* Это же чтеніе одобряетъ и Штальбомъ.

вые. Не смотря однакожъ на то, что философія подвергается
такой участи, достоинство ея, сравнительно съ другими ис-
куствами, остается возвышеннѣйшимъ, а многіе приступа-
ющіе къ ней, между тѣмъ, при несовершенствѣ своей приро-
ды, съ одной стороны, отъ искуства и мастерства чувству-
E. ютъ поврежденіе въ тѣлѣ, съ другой—отъ рукодѣлья, испы-
тываютъ разслабленіе и оцѣпененіе души [1]. Не необходимо
ли?—И очень, сказалъ онъ. —Итакъ, кажется ли тебѣ, про-
должалъ я, что они, если посмотрѣть, отличаются отъ выпу-
щеннаго недавно изъ тюрьмы лысаго и маленькаго кузнеца,
который, наживъ денегъ, вымылся въ банѣ, надѣлъ новое
платье,—нарядился, какъ женихъ, и, пользуясь бѣдностію и
отсутствіемъ господина, хочетъ жениться на его дочери?—
496. Немного различія, сказалъ онъ. — Подумай, какихъ дѣтей
должны родить подобные люди? не смѣшанной ли и худой
породы?—Весьма необходимо.—Что же? если приступаютъ
къ воспитанію люди, нестоющіе воспитанія, и пользуются
имъ не по достоинству, — какія, скажемъ, родятся отъ нихъ
помыслы и мнѣнія? Не правда ли, что изъ устъ ихъ услы-
шишь только софизмы и ничего искренняго, ничего достой-
но держащагося мысли истинной [2]?—Безъ сомнѣнія, сказалъ
онъ.—Слишкомъ же мало, Адимантъ, остается тѣхъ, продол-
B. жалъ я, которые достойно занимаются философіею. Это —
или благородное, хорошо воспитанное сердце, но попавшееся
въ ссылку, и вдали отъ отравляющихъ его людей, по своей
природѣ, остающееся вѣрнымъ философіи; или великая душа,

---

[1] По замѣчанію схоліаста, претендентами на философію въ Греціи были особенно мастеровые, и притомъ болѣе всего тѣ, которые, по роду своихъ искуствъ, обращались съ огнемъ. На это указываетъ и слѣдующее далѣе подобіе.

[2] *Ничего, достойно держащагося мысли истинной*, οὐδὲ φρονήσεως ἄξιον ἀληθινῆς ἐχόμενον. Здѣсь въ греческомъ текстѣ критики находятъ нѣчто поврежденное, полагая, что либо ἄξιον, либо ἐχόμενον внесено въ текстъ чуждою рукою; потому что зависимость родительнаго φρονήσεως ἀληθινῆς требуетъ только одного изъ этихъ словъ. Но почему ἄξιον не принять въ смыслѣ нарѣчія, ограничивающаго причастіе ἐχόμενον, какъ принимается оно весьма нерѣдко? Напр., *Xenoph.* Memor.: ἄξιόν σοι μέγα φρονεῖν.

родившаяся въ маломъ городѣ и съ презрѣніемъ взирающая на дѣла городскія; или, можетъ быть, еще небольшое число тѣхъ, которые, при хорошихъ дарованіяхъ, справедливо пренебрегши другое искуство, обратились къ философіи. Можетъ также удерживать при ней и узда нашего друга Ѳеага[1]; ибо C.
въ Ѳеагѣ все настроено такъ, чтобы удалиться отъ философіи, и только болѣзненность тѣла удерживаетъ его и отталкиваетъ отъ дѣлъ политическихъ. О нашемъ же божественномъ знаменіи не стоитъ говорить; ибо этого, вѣроятно, ни съ кѣмъ изъ прежнихъ людей не бывало[2]. И изъ тѣхъ немногихъ, кто ощущалъ и ощущаетъ, какъ пріятно и блаженно это занятіе, и достаточно усматриваетъ безуміе толпы, среди которой, можно сказать, ничего не совершишь для дѣлъ городскихъ здраваго, среди которой нельзя даже быть и въ союзѣ съ человѣкомъ, чтобы сохраниться, идя вмѣстѣ съ нимъ на D.
помощь людямъ справедливымъ, среди которой, напротивъ, человѣкъ, будто попавъ въ общество звѣрей, и не хочетъ обижать другихъ вмѣстѣ съ ними, и не можетъ одинъ противустоять неистовству всѣхъ ихъ, и прежде чѣмъ успѣетъ оказать пользу городу или друзьямъ, оказывается безполезнымъ для себя и для другихъ: тотъ, обсуживая все это, сохраняетъ спокойствіе и дѣлаетъ свое дѣло, подобно человѣку, который отъ града и вздымаемаго вѣтромъ бурнаго вихря спрятался подъ стѣною; тотъ, смотря, какъ исполняются беззаконій другіе, радъ, если самъ остается чистымъ отъ неправды E.
и дѣлъ беззаконныхъ, и проводя такимъ образомъ здѣшнюю

---

[1] Это тотъ самый Ѳеагъ, о которомъ упоминается въ Апологіи Сократа (p. 33 E), т.-е. сынъ Демодоха и братъ Парала. Писатель Апологіи называетъ его ревностнымъ Сократовымъ ученикомъ; а Сократъ теперь говоритъ, что только слабость здоровья привязывала его къ философіи. Впрочемъ, по свидѣтельству Плутарха (de sanit. tuend. p. 126 B), *φιλοσοφεῖν ἀῤῥωστίαι πολλοὺς παρέχουσιν.*

[2] Сократъ касательно своего генія, *τὸ δαιμόνιον*, подтверждаетъ здѣсь то же самое, что говоритъ въ своей Апологіи (p. 31 D, p. 40 A. B), что, то-есть, геній его есть внушеніе божественное, какого не получалъ никто изъ прежнихъ философовъ. Слѣдовательно, прежніе философы съ этой стороны и въ сравненіе не идутъ съ Сократомъ.

жизнь, съ прекрасною надеждою, весело и кротко ожидаетъ своего исхода.—Да, конечно, онъ можетъ дождаться исхода,
497. не совершивъ и самомалѣйшаго дѣла, сказалъ онъ. — Не совершивъ и величайшаго, примолвилъ я, если попалъ не въ пригодное себѣ правленіе; ибо только въ пригодномъ особенно возвеличится онъ и, вмѣстѣ съ дѣлами частными, спасетъ общественныя.

Итакъ, о философіи, отчего подвергается она порицанію и что порицаютъ ее несправедливо, сказали мы, кажется, довольно, если ты не скажешь еще чего-нибудь. — Я-то ничего болѣе не скажу объ этомъ, примолвилъ онъ: но которое изъ
B. существующихъ нынѣ правленій называешь ты для философіи пригоднѣйшимъ?—Никотораго, отвѣчалъ я, и докажу, что ни одно изъ нынѣшнихъ учрежденій городской власти не достойно природы философской;—оттого-то они и извращаются, и мѣняются. Какъ чужеземное сѣмя, посѣянное на другой почвѣ, будучи условливаемо ею, обыкновенно перерождается въ туземное: такъ и этотъ родъ не удерживаетъ теперь своей силы, но переходитъ въ чуждый видъ. Ког-
C. да же получитъ онъ правительство наилучшее, такъ какъ и самъ есть предметъ наилучшій; тогда откроется, что онъ былъ чѣмъ-то по-истинѣ божественнымъ, а прочія природы и упражненія — человѣческими. Явно, что послѣ сего ты спросишь: что это за правленіе?—Не узналъ, сказалъ онъ; я хотѣлъ спросить не о томъ, а вотъ о чемъ: то ли это правленіе, которое раскрывали мы, устрояя городъ, или иное?—Что касается до иныхъ,—то, отвѣчалъ я. Это самое
D. сказано было и тогда,—что, то-есть, въ городѣ всегда долженъ сохраняться тотъ же характеръ правленія, который имѣлъ въ виду ты, законодатель, когда излагалъ законы.—Да, было сказано, примолвилъ онъ.—Но въ то время это не было достаточно раскрыто, сказалъ я; такъ какъ вы, предзанятые опасеніемъ, объявили, что изслѣдованіе такого предмета будетъ продолжительно и трудно; а между тѣмъ разсмотрѣть и прочее тоже нелегко. — Что прочее? — Какимъ

образомъ сдѣлать, чтобы городъ, принимаясь за философію, не погибъ; ибо все великое опасно, и прекрасное, по пословицѣ, дѣйствительно трудно.—Однакожъ, если объяснишь E.
это, то закончишь изслѣдованіе, сказалъ онъ.—Въ нехотѣніи препятствія не будетъ, примолвилъ я, а развѣ въ безсиліи. Въ настоящемъ случаѣ ты, по крайней мѣрѣ, испытаешь мое рвеніе. Смотри даже теперь, какъ ревностно и безбоязненно я скажу, что противнымъ, а не нынѣшнимъ способомъ городъ долженъ взяться за это дѣло.—Какимъ?—Нынѣ, сказалъ я, и мальчики, принимающіеся за него съ самаго дѣтства, занимаются имъ между дѣлами экономіи и торговли; приблизившись же къ труднѣйшей его части, они оставля- 498.
ютъ свое занятіе, какбы сдѣлались уже великими философами (говорю о труднѣйшей части въ отношеніи къ слову). А впослѣдствіи, если, по приглашенію другихъ, занимающихся тѣмъ дѣломъ, они и соглашаются быть слушателями, то за великое почитаютъ, когда думаютъ, что надобно упражняться въ этомъ между дѣломъ; къ старости же, исключая немногихъ, угасаютъ гораздо скорѣе Гераклитова солнца, и уже снова не воспламеняются.—Но какъ же должно? спросилъ B.
онъ.—Мальчики и дѣти къ дѣтскому образованію [1] и философіи должны приступать совершенно противнымъ образомъ: имъ нужно сперва приготовить орудіе для философствованія, и потому особенно заботиться о тѣлѣ, пока оно растетъ и развивается. Потомъ, въ дальнѣйшемъ возрастѣ, въ которомъ начинаетъ усовершаться душа, надобно напрягать ее упражненіями. А какъ скоро замѣтенъ будетъ упадокъ силъ, C.
и эти люди станутъ внѣ гражданскихъ и воинскихъ обязанностей,—они должны уже пастись безъ пастуховъ [2] и, если

---

[1] *Къ дѣтскому образованію,* *μειρακιώδη παιδίαν.* Подъ категорію дѣтскаго образованія схоліастъ подводитъ математическія науки; но, кажется, несправедливо: скорѣе можно разумѣть музыку и гимнастику—тѣмъ болѣе, что Платонъ имѣетъ здѣсь въ виду приготовленіе тѣла, *τῶν σωμάτων εὖ μάλα ἐπιμελεῖσθαι.*

[2] *Пастись безъ пастуховъ,* *ἀφέτους νέμεσθαι.* Это самое выраженіе встрѣчали мы въ Протагорѣ (p. 320 A), гдѣ Сократъ прилагаетъ его къ сыновьямъ Перик-

хотятъ жить счастливо, по прожитіи же получить приличный жребій тамъ, то обязаны ничего другаго не совершать, развѣ между дѣломъ.—Ты, кажется, въ самомъ дѣлѣ серьезно говоришь, Сократъ, сказалъ онъ; но я думаю, что многіе изъ слышащихъ это стали бы еще серьезнѣе противорѣчить тебѣ и никакъ не повѣрили бы, начиная съ Тразимаха. — Не
D. ссорь меня съ Тразимахомъ, сказалъ я; мы новые друзья, да и прежде не были врагами. Вѣдь мы не оставимъ ничего безъ испытанія, пока не убѣдимъ и этого и другихъ, и не успѣемъ въ чемъ-нибудь относительно той жизни, въ которую снова родившись, заведемъ тотъ же разговоръ.—Не на долгое же время откладываешь ты [1], сказалъ онъ.—Даже ни на какое, примолвилъ я, если сравнивать его со всѣмъ. Что этимъ словамъ не вѣритъ толпа,—удивляться нечему. Вѣдь она никогда не видала того, о чемъ теперь говорится, и скорѣе дума-
E. етъ, что подобныя слова составляются одно съ другимъ умышленно, а не соединяются сами собою, какъ теперь; она не видывала и человѣка, носящаго въ себѣ образъ и подобіе добродѣтели, и какъ дѣломъ, такъ и словомъ достигшаго до возможнаго совершенства, да еще господствующаго надъ та-
499. кимъ же городомъ,—не видывала никогда, ни одного ни многихъ [2]. Или думаешь? — Нѣтъ. — Она не довольно также вслушивалась, почтеннѣйшій, въ прекрасныя и свободныя

ла, которые питались уроками софистовъ. Оно имѣло значеніе пословицы и означало самостоятельное и свободное занятіе философіею. О такомъ именно занятіи говорится и здѣсь: время послѣ увольненія отъ службы, или послѣдніе годы жизни надобно посвящать философіи, для приготовленія къ жизни будущей. Phædon. p. 64 B — 69 E.

[1] *Не на долгое же время откладываешь ты*, — отвѣтъ, очевидно, ироническій, вызвавшій у Сократа мысль глубоко философскую, что, то-есть, поприще философствованія въ этой жизни, до новаго рожденія въ будущей, въ сравненіи съ вѣчностію ничего не значитъ. Такая же почти мысль встрѣчается въ книгѣ X, p. 608 C.

[2] Сократъ хочетъ сказать то, что греческій народъ дошелъ наконецъ до совершеннаго отрицанія истины безсмертія; потому что ученіе объ этомъ почиталъ *искуственно* составленною сказкою, чрезъ подборъ словъ и выраженій, а не естественнымъ развитіемъ положеній, вытекающихъ изъ природы человѣческаго духа. Сила такого отрицанія поддерживалась у нихъ и тѣмъ, что они ин-

разсужденія, усильно и всячески направляемыя къ познанію истины и издали раскланивающіяся съ разсужденіями хвастливыми и спорными, имѣющими въ виду не болѣе, какъ славу и словопреніе и въ судахъ, и въ частныхъ собраніяхъ. — И это тоже нѣтъ, сказалъ онъ. — Посему-то, продолжалъ я, предвидя тогда это, мы хотя и робко, однакожъ, побуждаемые истиною, говорили, что ни городъ, ни правительство, ни даже человѣкъ—никогда не будутъ совершенными, пока не наступитъ необходимость, хочешь не хочешь, пещись о городѣ и заставитъ его слушаться тѣхъ немногихъ и нехудыхъ философовъ, которые теперь называются людьми безполезными, или пока либо въ дѣтей, принадлежащихъ владычествующимъ нынѣ и царствующимъ лицамъ, либо въ самыя эти лица, по какому-нибудь божественному вдохновенію, не внѣдрится истинная любовь къ истинной философіи. Доказывать неосуществимость того либо другаго положенія, или обоихъ вмѣстѣ, я не приписываю себѣ никакого основанія; ибо чрезъ это мы были бы справедливо осмѣяны, что напрасно говоримъ о дѣлѣ, походящемъ на одно желаніе. Не такъ ли? — Такъ. —Поэтому, если людямъ, въ философіи высокимъ, либо приходилось въ безпредѣльномъ прошедшемъ времени, либо приходится теперь въ какой-нибудь варварской странѣ,—далеко внѣ круга нашего созерцанія, либо придется въ будущемъ по необходимости пещись о городѣ; то мы готовы спорить, что сказанное правительство дѣйствительно было, есть и будетъ, какъ скоро надъ городомъ владычествуетъ сама муза; ибо это не невозможно, и мы говоримъ не невозможное, а только признаемъ это труднымъ. — Да и мнѣ то же кажется, сказалъ онъ. —А толпѣ, спросилъ я, не кажется, говоришь?—Можетъ быть, отвѣчалъ онъ. —Ахъ, почтеннѣйшій! примолвилъ я, не обвиняй такъ слишкомъ толпы; вѣдь она измѣнитъ свое мнѣніе, если ты, не споря съ нею, но

B. C. D. E.

когда не видѣли человѣка, который своими добродѣтелями поднялся бы надъ уровнемъ этихъ жизненныхъ условій и созерцалъ въ себѣ внутреннюю связь времени съ вѣчностію.

кротко защищая любознательность отъ нареканій, покажешь, какихъ разумѣешь философовъ, и опредѣлишь, какъ недавно,
500. природу ихъ и занятіе, чтобы она не думала, будто говорится о тѣхъ, которыхъ сама разумѣетъ. Если же таково будетъ ея созерцаніе; то скажешь ли, что она не приметъ другаго мнѣнія и не дастъ другихъ отвѣтовъ? Или ты думаешь, что кто-нибудь досадуетъ на человѣка недосадливаго, либо ненавидитъ не ненавидящаго — чуждаго ненависти и кроткаго? Я напередъ говорю тебѣ, что такой тяжелый нравъ встрѣчается, повидимому, въ какихъ-нибудь немногихъ людяхъ, а не въ толпѣ.—И я именно то же думаю, примолвилъ
B. онъ.—Не одинаково ли со мною думаешь ты и о томъ, что виновниками враждебнаго расположенія толпы къ философіи бываютъ внѣшніе, которые, вторгаясь въ это, неподходящее къ нимъ дѣло, порицаютъ философовъ, ведутъ себя съ ними презрительно и говорятъ объ этихъ людяхъ, будто они поступаютъ несогласно съ философіею.—Конечно, сказалъ онъ. —А философу между тѣмъ, Адимантъ, если онъ устремилъ
C. мысль на истинно-сущее, вѣдь и некогда смотрѣть внизъ,— на дѣла человѣческія и, борясь съ ними, исполняться ненавистію и огорченіями: обозрѣвая и созерцая чтò бы то ни было стройное, никогда неизмѣняющееся, ненаносящее и нетерпящее вреда, все существующее чинно и основательно, подобные люди подражаютъ этому и, сколько возможно, уподобляются. Или думаешь, что есть какое-нибудь средство не подражать тому, съ чѣмъ охотно обращаешься? — Невоз-
D. можно, сказалъ онъ. — Такъ философъ, обращаясь съ божественнымъ и добропорядочнымъ, дѣлается, сколько это возможно человѣку, добропорядочнымъ и божественнымъ, хотя между всѣми такими людьми велико различіе.—Безъ сомнѣнія.—Поэтому, еслибы философу настояла какая-нибудь необходимость, сказалъ я,—то, чтò онъ тамъ видитъ, постараться частно и публично внести въ нравы людей, а не себя одного образовать, — худымъ ли, думаешь, былъ бы онъ художникомъ разсудительности, справедливости и всякой граж-

данской добродѣтели? — Всего менѣе, отвѣчалъ онъ. — Но
если толпа услышитъ, что мы говоримъ о ней правду, то раз- E.
сердится ли на философовъ и повѣритъ ли, когда мы ска-
жемъ, что городъ не иначе можетъ благоденствовать, какъ
если нарисуютъ его живописцы, пользуясь божественнымъ
оригиналомъ? — Не разсердится, сказалъ онъ, если услы-
шитъ. Но о какомъ способѣ рисованья говоришь ты? —
Взявъ, какбы доску, городъ и нравы людей, отвѣчалъ я, 501.
они сперва пожелаютъ сдѣлать ее чистою; а это не очень
легко, и тутъ, знаешь, они будутъ отличаться отъ другихъ
тѣмъ, что не тронутъ ни частнаго лица, на города, и не бу-
дутъ писать законовъ, прежде чѣмъ или получатъ [1], или са-
ми сдѣлаютъ ту доску чистою.—Да и справедливо, сказалъ
онъ.—Послѣ этого не будутъ ли, думаешь, писать образъ
правительства?—Почему не писать?—Затѣмъ, приступая къ
работѣ, они, думаю, будутъ то и дѣло поглядывать туда и B.
сюда, съ одной стороны—на сущность правды, красоты, раз-
судительности и на все такое, съ другой — на это самое
въ людяхъ, и изъ смѣси, изъ сочетанія ихъ занятій сдѣла-
ютъ подобіе человѣка, примѣняясь къ тому, что́ и Омиръ на
шелъ у людей врожденное и назвалъ боговиднымъ и богоподоб-
нымъ [2]. — Справедливо, сказалъ онъ. — И одно, думаю, станутъ
они смывать, а другое снова наводить, пока человѣческихъ C.
нравовъ не сдѣлаютъ, сколько могутъ, особенно боголюбезны-
ми.—Это была бы прекраснѣйшая живопись, сказалъ онъ.—
Такъ убѣдимъ ли мы сколько-нибудь тѣхъ, спросилъ я, кото-
рые, какъ ты говорилъ, готовы устремиться на насъ за то,
что таковъ хваленый нами тогда живописецъ правительствъ,

---

[1] *Прежде чѣмъ или получатъ, или* и т. д. Здѣсь *прежде чѣмъ* выражается однимъ словомъ πρίν, а не словами πρὶν ἤ; потому что ἤ въ этомъ мѣстѣ есть *либо*, ἢ παραλαβεῖν καθαράν, и соотвѣтствуетъ второй части рѣчи раздѣлительной, ἢ αὐτοὶ ποιῆσαι, то-есть, τὴ πίνακα καθαράν. Поэтому πρὶν относится къ обѣимъ частямъ дѣленія.

[2] Омиръ часто называетъ своихъ героевъ богоподобными, θεοεικέλους: напр. Iliad. I, 131: θεοείκελ' Αχιλλεῦ; а слово ἀνδρείκελος, по Тимееву глоссарію (p. 36), означаетъ χρόα ἐπιτηδεία ὡς πρὸς ἀνδρὸς μίμησιν.

негодуя изъ-за него, что мы ввѣряли ему города? слыша теперешнія наши слова, сдѣлаются ли они болѣе кроткими?— Конечно, сказалъ онъ, если разсудительны.—Да и что воз-
D. разятъ они? неужели то, что философы — не любители сущаго и истины?— Это было бы совершенно нелѣпо, сказалъ онъ. — Или то, что собственная ихъ природа, которую мы разсмотрѣли, не наилучшая?—И этого не возразятъ.—Что же? такая природа, упражняемая надлежащимъ дѣломъ, не будетъ ли совершенно доброю и философскою, больше чѣмъ другая? Или такими назовутъ скорѣе тѣхъ, которыхъ мы
E. отдѣлили?—Невѣроятно.—Будутъ ли они еще злиться на насъ за тѣ слова, что пока городъ не станетъ подъ власть рода философскаго,—не отдохнуть отъ золъ ни городу, ни гражданамъ, и что правительство, которое мы изображаемъ словомъ, не закончится дѣломъ?—Можетъ быть, не много, сказалъ онъ.—А хочешь ли, спросилъ я, мы скажемъ, что они не немного будутъ злы, но совершенно усмирятся и убѣдятся, такъ что, если не отъ чего другаго, то согласятся
502. отъ стыда? — И очень, сказалъ онъ. — Пусть же будутъ они убѣждены въ этомъ, продолжалъ я: но кто усомнится въ томъ, что у царей и властителей могутъ раждаться дѣти съ природою философскою?—Никто, сказалъ онъ.—А скажетъ ли ктонибудь, что родившись, они по крайней необходимости ис-
B. портятся? Что трудно имъ сохраниться,—въ томъ согласны и мы; но что во всѣ времена изъ всѣхъихъ никогда не сохранился ни одинъ, — найдется ли кто, сомнѣвающійся въ этомъ?—Какъ найтись?—А одинъ достаточенъ, продолжалъ я, если городъ будетъ послушенъ ему, чтобы совершить все, нынѣ невѣроятное.—Достаточенъ, сказалъ онъ.—Вѣдь когда правитель, примолвилъ я, даетъ законы и должности, которыя разсмотрѣны нами,—гражданамъ нельзя не хотѣть исполнять ихъ.—Никакимъ образомъ.—Но удивительно ли и не возможно ли, чтобы кажущееся намъ показалось и дру-
C. гимъ?—Я-то не думаю, сказалъ онъ.—А мы прежде, думаю, достаточно разсмотрѣли, что самое-то лучшее есть воз-

можное.—Достаточно.—Итакъ теперь, какъ видно, приходится намъ сказать о законодательствѣ, что то прекрасно, что̀ мы говоримъ, еслибы это сдѣлалось; но сдѣлаться этому трудно, хотя и не невозможно.—Да, приходится, сказалъ онъ.—

Такъ какъ это не безъ труда доведено до конца, то надобно высказать остающееся за тѣмъ,—какимъ образомъ и D.
изъ среды какихъ наукъ или занятій произойдутъ хранители государства и въ какомъ возрастѣ долженъ браться за каждое дѣло каждый изъ нихъ.—Конечно, надобно высказать, примолвилъ онъ.—Моя уловка не послужила мнѣ ни къ чему, сказалъ я, что прежде пропущено мною трудное дѣло избранія женъ, дѣторожденія и поставленія правителей—въ той мысли, что это предметъ щекотливый и съ трудомъ осуществимый, хотя совершенно истинный; ибо теперь тѣмъ не E.
менѣе настала надобность разсмотрѣть его. Впрочемъ, о женахъ и дѣтяхъ кончено; а что касается правителей, то къ этому надобно приступить какбы сначала. Мы же говорили, если помнишь, что, испытываемые удовольствіями и скорбями, они должны являться какъ любители своего горо- 503.
да, и этого убѣжденія не отвергать ни въ трудахъ, ни въ страхѣ, ни въ какой другой превратности: напротивъ, безсильнаго въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отставлять, избирать же вездѣ неукоризненнаго, какъ испытанное огнемъ золото,—и такого ставить правителемъ, такому давать почести и награды въ жизни и по смерти. Такое нѣчто говорили мы, уклоняя слово съ прямаго пути и прикрывая его, изъ опасенія двинуть то, что представляется теперь.—Ты весьма справедливо B.
говоришь, замѣтилъ онъ; я дѣйствительно помню.—Такъ вотъ тогда, другъ мой, примолвилъ я, у меня не было смѣлости сказать, что теперь; теперь я позволяю себѣ смѣлость положить, что точнѣйшими стражами надобно поставлять философовъ.—Положимъ, сказалъ онъ.—Подумай же, какъ, повидимому, мало будетъ ихъ у тебя; ибо, судя по нашему изслѣдованію,—какова должна быть ихъ природа, части ея обыкновенно рѣдко

C. приraждаются вмѣстѣ, но почти всегда бываютъ разсѣяны.—
Какъ ты говоришь? спросилъ онъ.—Ученые, памятливые, жи-
вые, быстрые, и всѣ подобные тому, будучи отважными или,
по образу мыслей, возвышенными, не хотятъ, знаешь, въ тоже
время жить скромно, тихо и постоянно, но увлекаются быст-
ротою, куда случится, и все постоянство ихъ исчезаетъ.—Ты
правду говоришь, сказалъ онъ.—Постоянные же и нелегко
D. мѣняющіеся нравы, къ которымъ можно бы имѣть болѣе до-
вѣрія, и которые на войнѣ не колеблются страхомъ, когда
нужно предпринять подобные труды, такими же опять быва-
ютъ и въ отношеніи къ наукамъ—неподвижными и для позна-
ній невоспріимчивыми, какбы оцѣпенѣлыми,—отягощаются
сномъ и зѣваютъ.—Это такъ, сказалъ онъ.—А мы сказали
вѣдь, что правитель долженъ вполнѣ имѣть то и другое; ина-
че же не слѣдуетъ давать ему ни особенно точнаго воспита-
нія, ни почестей, ни власти.—Правильно, сказалъ онъ.—
Итакъ, не рѣдкое ли это будетъ явленіе?—Какъ не рѣдкое?
E. —Стало-быть, надобно испытать его трудами, страхомъ и
удовольствіями, какъ мы и тогда говорили; а о чемъ тогда
умолчали, скажемъ теперь, что, то-есть, надобно упражнять
его во многихъ наукахъ, наблюдая, въ состояніи ли будетъ [1]
природа его выдержать важнѣйшія изъ нихъ, или она оро-
504. бѣетъ, какъ робѣютъ люди и въ другихъ случаяхъ.—Да и
слѣдуетъ-таки такъ наблюдать, сказалъ онъ. Но какія науки
называешь ты важнѣйшими?—Вѣроятно, помнишь, отвѣчалъ
я, что, различивъ три вида души [2], мы согласились касатель-
но справедливости, разсудительности, мужества и мудрости,
что такое каждая изъ этихъ добродѣтелей.—Еслибы не пом-

---

[1] *Въ состояніи ли будетъ природа его выдержать*, εἰ καὶ τὰ — δυνατὴ ἔστιν — ἐνεγκεῖν. Здѣсь δυνατὴ стоитъ безъ существительнаго, и въ контекстѣ не видно имени, которое требовало бы этого прилагательнаго въ женскомъ родѣ. Поэтому нѣкоторые критики, наперекоръ всѣмъ спискамъ, читаютъ δυνατός. Но вмѣсто этой произвольной перемѣны, кажется, лучше допустить, что писатель, начертывая показанное выраженіе, имѣлъ въ мысли слово φύσις, такъ какбы оно стояло впереди, хотя на самомъ дѣлѣ его нѣтъ.

[2] О трехъ частяхъ души см. кн. IV, p. 439 sqq.

нилъ, сказалъ онъ, то не въ правѣ былъ бы слушать и дальнѣйшее.—А помнишь ли, что̀ сказано было предъ тѣмъ?—Что именно?—Мы говорили, кажется, что для возможно лучшаго разсмотрѣнія ихъ есть другой путь, дальнѣйшій, который еслибы пройти,—онѣ сдѣлались бы явными. Впрочемъ, доказательства на то, что̀ сказано прежде, довольно приложимы, чтобы имъ слѣдовать. Вы положили, что сказанное тогда было достаточно, и хотя тогдашнимъ словамъ, какъ мнѣ казалось, недоставало точности, однакожъ рѣшить, нравятся ли они вамъ, могли только вы.—Но мнѣ-то представлялись они сообразными, сказалъ онъ; такъ я думалъ, что — и другимъ.—Между тѣмъ, мѣра подобныхъ вещей, другъ мой, продолжалъ я, если хоть немного не соотвѣтствуетъ сущности, бываетъ не очень сообразною, ибо ничто несовершенное ничему не можетъ быть мѣрою, хотя инымъ что-нибудь такое иногда кажется и достаточнымъ, такъ что своихъ изслѣдованій они далѣе уже не простираютъ.—Конечно, сказалъ онъ; предавшись нерадѣнію, многіе страдаютъ этимъ.—А такая-то страсть, замѣтилъ я, всего менѣе должна находиться въ стражѣ города и законовъ.—Справедливо, сказалъ онъ. —Стало-быть, ему, другъ мой, примолвилъ я, надобно идти путемъ длиннѣйшимъ и труды свои направлять не менѣе къ ученію, какъ и къ гимнастикѣ; а иначе, какъ я сейчасъ сказалъ, важнѣйшей и особенно нужной науки никогда не доведетъ онъ до конца.—Такъ развѣ не это, спросилъ онъ,—самое важное? развѣ есть еще нѣчто больше справедливости и того, о чемъ мы разсуждали?—Да, больше, отвѣчалъ я: и эти самыя добродѣтели надобно созерцать не какъ теперь, въ очертаніи, а въ совершеннѣйшей отдѣлкѣ; иначе не смѣшно ли усиливаться все дѣлать для другихъ, маловажныхъ вещей, чтобы онѣ были самыми обработанными и чистыми, а о важнѣйшихъ думать, что онѣ недостойны величайшей тщательности? — Чрезвычайно достойная мысль [1], сказалъ онъ. Ду-

B.
C.
D.
E.

[1] *Чрезвычайно достойная мысль*, καὶ μάλα ἄξιον τὸ διανόημα. Явно, что это ἄξιον

маешь ли однако, что тебя отпустятъ, не спросивши: что такое—важнѣйшая наука, и о чемъ она, по твоему мнѣнію?— Не думаю, отвѣчалъ я; спрашивай,—хотя ты, конечно, нерѣдко слыхалъ объ этомъ, только теперь либо не помнишь, либо
505. умышляешь своимъ возраженіемъ затруднить меня: я предполагаю больше это послѣднее; ибо что важнѣйшая-то наука есть идея добра [1], отъ участія которой бываетъ и правда, и все полезное и выгодное,—ты слыхалъ многократно, да и теперь почти понимаешь, что объ этомъ намѣренъ я говорить, равно какъ о томъ, что мы достаточно не знаемъ ея; а если не знаемъ, то безъ нея, сколь бы ни хорошо знали прочее, будь

въ контекстѣ вовсе не укладывается. Поэтому Фицинъ замѣняетъ его словомъ γέλιον; Фицину потомъ слѣдовалъ и Астъ. А Штальбомъ полагаетъ, что вмѣсто ἄξιον, вопреки авторитету всѣхъ списковъ, надобно читать ἀνάξιον. Но, по моему мнѣнію, здѣсь не нужны никакія предположенія и перемѣны. Кажется, всего вѣрнѣе, что Главконъ произнесъ свое замѣчаніе иронически, и иронически ἄξιον принаровилъ къ только что произнесенному Сократомъ ἀξιοῦν, хотя въ этомъ случаѣ, вмѣсто καὶ μάλα, хотѣлось бы читать ἀλλ' ὑπερφυῶς.

[1] Важнѣйшею наукою (μάθημα) Сократъ называетъ τὴν τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέαν, и эту науку далѣе излагаетъ такъ, что имѣетъ въ виду вопросъ о высочайшемъ благѣ, который въ то время, повидимому, особенно озабочивалъ философовъ. Рѣшеніемъ этого вопроса Платонъ нарочито занимается въ Филебѣ, гдѣ учитъ, что жизнь не дѣлаетъ счастливою ни одно удовольствіе безъ знанія, ни одно знаніе безъ удовольствія, но что первое должно быть соединено съ послѣднимъ, чтобы, взаимно соединенныя, они взаимно умѣрялись въ идеѣ высочайшаго блага. Впрочемъ, въ Филебѣ философъ разсматриваетъ высочайшее благо относительно къ жизни человѣка; а здѣсь имѣетъ въ виду безусловную или абсолютную его сторону, то-есть самую идею высочайшаго блага, которой тамъ касается только слегка—въ концѣ діалога. Изъ этого можно заключать, что Платоново Государство вышло въ свѣтъ позднѣе Филеба. Идея высочайшаго блага, по Платону, есть не иное что, какъ взглядъ на абсолютное добро и совершенство, въ которомъ все существующее должно воспринимать въ себя истину и порядокъ и быть понимаемо умомъ. Поэтому высочайшее благо полагается ἐπέκεινα τῆς οὐσίας и описывается такими возвышенными выраженіями, что все, ему усвояемое, какъ будто должно принадлежать только Богу. Послѣ сего неудивительно мнѣніе многихъ, что подъ раскрываемою здѣсь идеею блага Платонъ разумѣлъ самого Бога. См. *Tiedemann*. Argumenta Dialogg. p. 210. *Morgenstern*. Commentt. de Plat. Republ. p. 154. *Richter*. de ideis Plat. p. 78 sqq. Есть однакожъ основаніе думать, что ἰδέα τἀγαθοῦ, или, какъ въ книгѣ VII, p. 517 B: ἡ τελευταία τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα, которую философъ въ другихъ мѣстахъ называетъ τὸ θεόν, τὸ πατέρα, τὸ ἀρχήν, была отличаема имъ отъ самого высочайшаго блага въ смыслѣ объективномъ. См. ниже p. 509 A.

увѣренъ, не получимъ никакой пользы, — все равно, какъ
еслибы пріобрѣли что-нибудь безъ добра. Думаешь ли, что B.
много значитъ—пріобрѣсть всякое стяжаніе безъ стяжанія добраго, или, все другое разумѣть, а что такое—красота и добро, не разумѣть?—Я-то, клянусь Зевсомъ, не думаю, сказалъ онъ. —Тебѣ извѣстно даже и то, что черни добромъ кажется удовольствіе, а людямъ изящнымъ разумѣніе[1]. — Какъ не казаться?—И признающіе это, другъ мой, не могутъ сказать, какое разумѣніе, но принуждены бываютъ наконецъ назвать его разумѣніемъ добра.—Довольно смѣшно, сказалъ онъ.—
Да какъ не смѣшно, примолвилъ я, если, упрекая насъ, что мы C.
не знаемъ добра, говорятъ намъ опять, какъ знающимъ его? Они называютъ самое добро разумѣніемъ добра[2], какъ будто мы понимаемъ, что высказывается ими, когда произносится добро только по имени.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.— Что же? тѣ-то, которые добро опредѣляютъ удовольствіемъ, въ меньшемъ ли, думаешь, находятся заблужденіи, чѣмъ другіе? Не принуждены ли и эти признаться, что удовольствія у нихъ—зло[3]?—Да и очень.—Такъ имъ слѣдуетъ, думаю, со
гласиться, что добро и зло — тожественны. Не правда ли? — D.

---

[1] См. Phileb. p. II, A sqq. На людей изящныхъ, *κομψοτέρους*, здѣсь указывается, повидимому, не безъ насмѣшки, и подъ ними Сократъ разумѣетъ, кажется, Мегарцевъ, особенно Евклида, который, по свидѣтельству *Діог. Лаерція* (II, 106), *τὸ ἀγαθὸν πολλοῖς ἀπεφαίνετο ὀνόμασι καλούμενον· ὁτὲ μὲν γὰρ φρόνησιν, ὁτὲ δὲ θεόν, καὶ ἄλλοτε νοῦν, καὶ τὰ λοιπά.* Что касается до слова *κομψός*, то оно собственно значитъ — роскошный, изысканный, относительно одежды, поступи, устной рѣчи и проч. Платонъ часто употребляетъ его въ смыслѣ ироническомъ, особенно когда говоритъ о вычурности или чопорности человѣка въ какомъ-нибудь отношеніи. Напр., Euthyphr. p. 52 B. Phileb. p. 89 E. Lys. p. 111 B, et al. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій *κομψὸν* значитъ то же, что *πανοῦργόν, ἀπατητικόν.*

[2] Тѣ *κομψότεροι*, бывъ принуждены согласиться, что разумѣніе само по себѣ не есть высочайшее благо, а должно только относиться къ благу, потому что разумѣнію необходимо быть разумѣніемъ чего-нибудь, впадаютъ въ смѣшное заблужденіе: отказывая намъ въ разумѣніи блага, они однакожъ смотрятъ на насъ такъ, какъ будто благо намъ совершенно извѣстно; потому что оно состоитъ, говорятъ, въ разумѣніи блага. Итакъ, въ греческомъ текстѣ *αὐτὸ* надобно относить къ предшествующему *τὸ ἀγαθόν*, какбы стояло: *φασὶ γὰρ αὐτὸ εἶναι φρόνησιν ἀγαθοῦ.*

[3] Анализъ этой истины особенно тонокъ и подробенъ въ Филебѣ p. 12 C sqq.

D. Что же болѣе?—Стало-быть, не явно ли, что недоумѣнія каса-
тельно добра велики и многочисленны?—Какже.—Но что? не
явно ли опять и то, что справедливое и прекрасное, хотя и не
сущее, а кажущееся, избирается однакожъ многими, многими
дѣлается, пріобрѣтается и преслѣдуется[1]; а пріобрѣтеніе ка-
жущагося добра ни для кого не бываетъ еще достаточно: всѣ
ищутъ блага сущаго, мнѣніемъ же здѣсь всякій пренебрегаетъ.
E. —И очень, сказалъ онъ.—Такъ касательно блага, которое
преслѣдуетъ всякая душа и для котораго все дѣлаетъ, гадая
о какомъ-то его бытіи, но недоумѣвая и не имѣя силъ доста-
точно понять, что такое оно, ни обнять его твердою вѣрою,
какъ другіе предметы, отчего не достигаетъ и прочихъ благъ,
еслибы что было полезно ей, — касательно такого-то и столь
506. великаго блага должны, скажемъ такъ, слѣпотствовать даже
тѣ наилучшіе люди въ городѣ, которымъ мы намѣрены ввѣ-
рить все.—Всего менѣе, сказалъ онъ.—Поэтому думаю, про-
должалъ я, что справедливость и красота, если не будетъ из-
вѣстно, почему онѣ добры, не найдутъ себѣ значительно до-
стойнаго стража въ томъ, кто не знаетъ добра; даже предска-
зываю, что никто напередъ и не узнаетъ ихъ достаточно.—Да
B. и хорошо предсказываешь, сказалъ онъ.—Не тогда ли госу-
дарство будетъ у насъ совершенно устроено, когда станетъ
смотрѣть за нимъ такой стражъ, который знатокъ въ этомъ?
—Необходимо, сказалъ онъ. Но ты-то, Сократъ, знаніемъ
ли называешь добро, или удовольствіемъ, или чѣмъ другимъ
кромѣ этого?—Охъ ты прекрасный человѣкъ! воскликнулъ я;
знаю и давно извѣстно, что тебя не удовлетворитъ нравя-
щееся въ этомъ отношеніи другимъ.—Да вѣдь и несправед-
ливо, мнѣ кажется, Сократъ, примолвилъ онъ, мочь выска-
зывать сомнѣнія другихъ, а своего не высказывать, когда я
C. столько времени занимался этимъ.—Что же? спросилъ я: спра-

---

[1] *Преслѣдуется*, въ греческомъ подлинникѣ δοκεῖν: но догадка Аста, что здѣсь надобно читать διώκειν, мнѣ кажется правдоподобною; а поправка Штальбома—τοιοῦτοι δοκεῖν—не объясняетъ мысли.

ведливымъ ли кажется тебѣ, чтобы кто-нибудь говорилъ, какъ знающій, о томъ, чего не знаетъ?—Конечно несправедливо, какъ знающій, сказалъ онъ, но какъ думающій то, чтò думаю, я хочу говорить.—Что же? спросилъ я, не сознаешь ли ты, что всѣ мнѣнія безъ знанія постыдны, и что даже самыя лучшія изъ нихъ слѣпы[1]? Кажется ли тебѣ, что тѣ отличаются отъ слѣпцовъ, идущихъ прямо по дорогѣ, которые думаютъ что-нибудь истинное безъ ума?—Никакъ, сказалъ онъ.—Такъ ты хочешь созерцать постыдное, слѣпое и кривое, тогда какъ D.
отъ другихъ можно слышать свѣтлое и прекрасное? — Нѣтъ, ради Зевса, Сократъ, сказалъ Главконъ, не останавливайся, какъ будто бы уже конецъ; ты удовлетворишь намъ, если разсмотришь и добро, какъ разсмотрѣлъ справедливость, разсудительность и другія добродѣтели.—А меня-то, другъ, примолвилъ я, это тѣмъ болѣе удовлетворитъ; только бы не оказаться несостоятельнымъ и, ревнуя безъ толку, не возбудить смѣха. Впрочемъ теперь, почтеннѣйшіе, самое благо, E.
чтò такое оно, мы оставимъ; ибо то, что представляется мнѣ въ эту минуту, повидимому, потребуетъ бóльшаго разсужденія, чѣмъ какое соотвѣтствуетъ настоящему стремленію. Но о томъ, чтò явно есть плодъ блага и уподобляется ему, я готовъ говорить, если вамъ угодно; а когда неугодно, оставимъ. —Нѣтъ, говори, сказалъ онъ; разсказъ же объ отцѣ представишь въ другой разъ. — Желалось бы мнѣ, сказалъ я, имѣть 507.
силу представить его и принесть вамъ, но — только не какъ нынѣшніе росты. Этотъ плодъ и ростъ блага[2] вы получите;

---

[1] О различіи между знаніемъ и мнѣніемъ, по ученію Платона, см. Theaet. p. 190 A sqq. Sophist. p. 263 sqq. Sympos. p. 200 A. Menon. p. 97 B sqq. de Republ. V, p. 477 A.

[2] Здѣсь—игра словомъ *τόκος*, которое, во-первыхъ, есть то же, что *ἔκγονος*, во-вторыхъ, — ростъ или проценты. См. *Aristot.* Polit. I, 10. *Pollux.* III, 85. Поэтому, представленіе самаго блага Платонъ называетъ *отцомъ* (капиталомъ), а то, что происходитъ изъ самаго блага, какбы *плодомъ* его (ростомъ). Отсюда въ греческомъ текстѣ слова — *ἀποδοῦναι*, *ἀποτίσεις*, которыя, чтобы не потерять изъ виду аллегорію, я перевожу словомъ *представить*. Эту же аллегорію встрѣчаемъ Politic. p. 267 A. Выраженіе: *фальшивый счетъ роста* указываетъ на тѣ философскіе выводы, которые далеко не соотвѣтствуютъ основанію (капиталу),

однакожъ берегитесь, чтобы я не-хотя не обманулъ васъ, подсовывая вамъ фальшивый счетъ роста.—Будемъ беречься, по возможности; только продолжай.—Согласившись съ вами, началъ я, и припомнивъ сказанное вамъ прежде и многократно говоренное уже въ другихъ случаяхъ...—Что говоренное?
B. спросилъ онъ. — Многоразличное прекрасное и многоразличное доброе, отвѣчалъ я, что̀ все порознь называемъ и опредѣляемъ словомъ.—Конечно называемъ.—Само прекрасное, само доброе, и такъ все, что тогда полагали, какъ многое, мы называемъ опять по единой идеѣ каждаго и утверждаемъ, что она одна въ каждомъ.—Такъ.—И говоримъ, что тѣ многія недѣлимости видятся, но не мыслятся; а идеи опять, мыслят-
C. ся, но не видятся.—Безъ сомнѣнія.—Чѣмъ же въ насъ самихъ видимъ мы видимое?—Зрѣніемъ, сказалъ онъ.—Тоже не слухомъ ли,—слышимое, и не другими ли чувствами—все чувствуемое? спросилъ я.—Какже?—Такъ понялъ ли ты, спросилъ я, какую драгоцѣнную силу видѣть и быть видимымъ создалъ зиждитель чувствъ?—Не очень, сказалъ онъ.—Но смотри сюда. Нуждаются ли слухъ и звукъ въ иномъ родѣ, чтобы первый слышалъ, а послѣдній былъ слышимымъ,
D. такъ что, если не привзойдетъ это третіе,—слухъ не будетъ слышать, а звукъ не будетъ слышимъ?—Ни въ какомъ [1], сказалъ онъ.—А вѣдь думаю, продолжалъ я, что и многія другія чувства, чтобъ не сказать—никоторое, не нуждаются ни въ чемъ подобномъ. Или ты можешь указать на которое-нибудь?—Я-то не могу, сказалъ онъ.—Но не замѣчаешь ли,

---

изъ чего выводятся. Иногда мысли о высочайшемъ благѣ выводятъ не изъ высочайшаго блага, котораго не знаютъ; а наоборотъ — само высочайшее благо опредѣляютъ характеромъ своихъ мыслей, которыя созрѣли на домашней почвѣ. Иногда судятъ не о копіи по оригиналу, а напротивъ—объ оригиналѣ по копіи, забывая, что эта копія, отъ худаго обращенія съ нею, пріобрѣла много своеобразнаго, запятнана, загрязнена, обезображена. Въ такомъ случаѣ она будетъ, конечно, плодомъ, непохожимъ на отца, или фальшивымъ счетомъ роста на капиталъ.

[1] Мы, конечно, извинимъ Платона за отрицаніе посредствъ между слухомъ и звукомъ: въ его время законы акустики еще не были достаточно раскрыты; тогда не знали истины, извѣстной нынѣ всякому, что въ безвоздушномъ пространствѣ никакой слухъ не услышитъ никакого звука.

что зрѣніе и зримое нуждаются? — Какъ? — Пусть въ очахъ будетъ зрѣніе, и имѣющій его желалъ бы воспользоваться имъ: но хотя бы очамъ и присущи были цвѣта̀,—если не привзойдетъ третій, особенно къ тому назначенный родъ,—зрѣ- E.
ніе, знаешь, ничего не увидитъ, и цвѣта̀ останутся незримыми.—О чемъ же это говоришь ты? спросилъ онъ.—О томъ именно, что̀ ты называешь свѣтомъ, отвѣчалъ я.—Справедливо, сказалъ онъ.—Стало-быть, немаловажна идея—чувство зрѣнія и сила быть зримымъ: онѣ сочетались[1] такимъ сою- 508.
зомъ, который цѣннѣе другихъ союзовъ, если только свѣтъ можетъ быть оцѣняемъ.—Конечно, далеко не можетъ, сказалъ онъ.—Такъ кого же изъ небесныхъ боговъ признаешь ты господствующею причиною, по которой свѣтъ дѣлаетъ то, что зрѣніе у насъ прекрасно видитъ, а зримое видится?—Того же, кого и ты, и другіе, сказалъ онъ: явно, что спрашиваешь о солнцѣ.—Не прирождено ли[2] наше зрѣніе къ этому богу?—Какъ?—Солнце не есть ни зрѣніе само по себѣ, ни то, въ чемъ оно находится, и что мы называемъ глазомъ.—Конечно нѣтъ.—Глазъ есть только солнцеобразнѣйшее, думаю, B.
изъ чувственныхъ орудій.—И очень.—Такъ и сила, которую имѣетъ это орудіе, не получается ли какбы хранящаяся въ немъ, въ видѣ истеченія?—Безъ сомнѣнія.—Слѣдовательно, и солнце, хотя оно не зрѣніе, не есть ли причина зрѣнія, которымъ само усматривается?—Такъ, сказалъ онъ.—Полагай же, примолвилъ я, что это-то называется у меня порожденіемъ блага, поколику оно родило подобное себѣ благо. Что значитъ са- C.
мое благо въ мѣстѣ мыслимомъ по отношенію къ уму и къ умосозерцаемому: то же значитъ и солнце въ мѣстѣ видимомъ по отношенію къ зрѣнію и къ зримому.—Какъ? спросилъ онъ; раскрой мнѣ это.—Глаза, продолжалъ я, когда направляютъ ихъ

---

[1] *Они сочетались*, разумѣется: сочетались *τὸ ἀκούειν καὶ τὸ ἀκούεσθαι, τὸ ὁρᾶν καὶ τὸ ὁρᾶσθαι*, а не зрѣніе и свѣтъ. Поэтому и выше *ἡ τοῦ ὁρᾶσθαι δύναμις* относится не къ свѣту, а къ предмету, имѣющему способность быть видимымъ.

[2] *Не прирождено ли*, *ἆρ' οὖν πέφυκεν*, — то-есть не условливается ли наше зрѣніе этимъ богомъ?

не къ тому, чего цвѣтность озаряется дневнымъ свѣтомъ, а къ тому, что освѣщается ночнымъ сіяніемъ,—знаешь ли, тупѣютъ и почти слѣпнутъ, какъ будто бы въ нихъ не было чи-
D. стаго зрѣнія?—И очень, сказалъ онъ.—А когда, напротивъ, они, думаю, ясно видятъ то, что озаряется солнцемъ, тогда открывается, что въ тѣхъ же самыхъ глазахъ есть зрѣніе.—Конечно.—Такъ вотъ такъ помышляй здѣсь и о душѣ: когда направляется она къ тому, что озаряется истиною и сущимъ, тогда уразумѣваетъ это и познаетъ, и явно имѣетъ умъ; а если она вращается въ томъ, что̀ покрыто мракомъ, что̀ раждается и погибаетъ, то водится мнѣніемъ и тупѣетъ, переворачивая свои мнѣнія такъ и сякъ, и походитъ на то, что не
E. имѣетъ ума.—Конечно походитъ.—Такъ это, доставляющее истинность познаваемому и дающее силу познающему, называй идеею блага, причиною знанія и истины, поколику она познается умомъ. Вѣдь сколь ни прекрасны оба эти предметы — знаніе и истина, ты, предполагая другое еще прекраснѣе ихъ, будешь предполагать справедливо. Какъ тамъ—
509. свѣтъ и зрѣніе почитать солнцеобразными — справедливо, а солнцемъ — несправедливо: такъ и здѣсь оба эти предметы,—знаніе и истину, признавать благовидными—справедливо, а благомъ которое-нибудь изъ нихъ — несправедливо; но природу блага надобно ставить еще выше.—О чрезвычайной красотѣ говоришь ты, сказалъ онъ, если она доставляетъ знаніе и истину, а сама красотою выше ихъ: вѣдь не удовольствіе же, вѣроятно, разумѣешь ты подъ нею? — Говори лучше, примолвилъ я, и скорѣе вотъ еще какъ созерцай ея
B. образъ.—Какъ?—Солнце, скажешь ты, доставляетъ видимымъ предметамъ нетолько, думаю, способность быть видимыми, но и рожденіе, и возрастаніе; и пищу, а само оно не раждается.—Да какже!—Такъ и благо, надобно сказать, доставляетъ познаваемымъ предметамъ нетолько способность быть познаваемыми, но и существовать [1] и получать отъ него

[1] То благо, говоритъ Платонъ, сообщаетъ познаваемымъ вещамъ нетолько

сущность, тогда какъ благо не есть сущность, но по достоинству и силѣ стоитъ выше предѣловъ сущности.—Тутъ Глав- C.
конъ съ громкимъ смѣхомъ воскликнулъ: о Аполлонъ! какая гигантская иперболa?—Ты же виноватъ, примолвилъ я, заставивъ меня говорить о благѣ то, что мнѣ кажется.—Да и не переставай, сказалъ онъ, и если что, то продолжай раскрывать подобіе съ солнцемъ,—когда что-нибудь остается.—И многое-таки остается, сказалъ я.—Такъ не оставляй ни малѣйшаго обстоятельства, примолвилъ онъ.—Думалъ бы пропустить многое, сказалъ я; но сколько будетъ возможно въ настоящее время, добровольно не пропущу.—Да, не надо, примолвилъ онъ. D.
—Итакъ помысли, продолжалъ я: мы говоримъ, что есть два предмета, и одинъ изъ нихъ царствуетъ надъ родомъ и мѣстомъ мыслимымъ, а другой опять надъ видимымъ, — не говорю — надъ небомъ, чтобы не показалось тебѣ, будто я хитрю, пользуюсь двузнаменательностію слова[1]. Такъ держишь ли ты эти два вида—видимый и мыслимый?—Держу.—Возьми же для

способность быть познаваемыми, но и силу существовать, тогда какъ само оно, по внутренней своей природѣ, изъято изъ ряда сущностей и своимъ достоинствомъ, силою и могуществомъ далеко выше ихъ. Этому мѣсту весьма много свѣта придаетъ разговоръ, озаглавленный именемъ Парменида. Тамъ философъ между прочимъ говоритъ, что τὸ ἓν, то-есть одно само по себѣ и безконечное, поколику не имѣетъ оно никакого свойства и формы, есть ничто P. 137 C. — 142 B), и потому чуждо истины и не можетъ быть предметомъ познанія для человѣческаго ума. Напротивъ, τὸ ἓν ὄν, то-есть, εἴ ἐστι, одно конечное, имѣющее форму, образъ, способъ, есть все, поколику принимаетъ въ себя разнообразіе извѣстныхъ формъ, и потому можетъ быть предметомъ мнѣнія, ощущенія, знанія (P. 142 B — 155 E). Положимъ, Платонъ постановилъ, что та безконечная сущность міра мыслимаго, — есть ли это нѣчто, только соединенное съ Богомъ, или самъ Богъ, — по извѣстнымъ законамъ распредѣлена на образы и формы: затрудненіе и темнота этой мысли, при такомъ представленіи, исчезаетъ. Въ этомъ случаѣ благо условливаетъ существованіе всѣхъ вещей, такъ какъ вещи отъ него приняли свои формы. Изъ этого уже понятно, почему благо само въ себѣ посылается ἐπέκεινα τῆς οὐσίας πρεσβείᾳ καὶ δυνάμει ὑπερέχειν.

[1] *Надъ видимымъ, — не говорю: надъ небомъ, чтобы не показалось тебѣ, что я хитрю, пользуюсь двузнаменательностію слова.* Слова: видимое и небо у насъ — понятія отдѣльныя и никакой двузнаменательности не представляютъ. Но по-гречески это — τὸ δ' αὖ ὁρατοῦ, ἵνα μὴ οὐρανοῦ εἰπὼν δόξω κ. τ. λ.; а въ словахъ ὁρατός и οὐρανός Платонъ находилъ двузнаменательность, или возможность замѣнять ихъ одно другимъ. Въ Кратилѣ слово: οὐρανός, производитъ онъ отъ ὄψις ὁρῶσα τὰ ἄνω. Отсюда — οὐρανός ἐστι ὁρατόν.

сравненія линію, раздѣленную на двѣ равныя части, и каждую
часть опять раздѣли такимъ же образомъ,—одну рода видима-
го, другую—мыслимаго, и у тебя въ видимомъ, по относитель-
ной ясности и неясности, одна часть будетъ состоять изъ обра-
E. зовъ[1]. А образами я называю, во-первыхъ, тѣни, потомъ изоб-
раженія въ водѣ и въ томъ, что сложилось какъ густое, глад-
кое, прозрачное, и все такое, если понимаешь.—Понимаю.—
Теперь положи другое, къ чему оно подходитъ, то-есть: окру-
510. жающихъ насъ животныхъ, всякую растительность и весь
родъ рукодѣлья.—Полагаю, сказалъ онъ.—А хотѣлъ ли бы
ты, спросилъ я, чтобы въ это дѣленіе вошли — истина и не-
истина, чтобы, то-есть, удерживаемое мнѣніемъ такъ относи-
лось къ знаемому, какъ уподобляемое относится къ тому, че-
му уподобляется?—Я-то и очень хочу, сказалъ онъ.—Раз-
B. сматривай же опять и часть мыслимаго: надобно ли разсѣчь
ее? — Какъ? — Душа принуждена искать одну свою часть на
основаніи предположеній, пользуясь раздѣленными тогда ча-
стями, какъ образами, и идя не къ началу, а къ концу: на-
противъ, другую ищетъ она, выходя изъ предположенія и про-
стираясь къ началу непредполагаемому, безъ тѣхъ прежнихъ
образовъ, то-есть совершаетъ путь подъ руководствомъ однихъ
C. идей самихъ по себѣ[2].—Эти слова твои, сказалъ онъ, я не-

[1] То-есть, по ясности и темнотѣ, предметы, подлежащіе чувствамъ, различаются между собою такъ, что одинъ классъ ихъ состоитъ изъ вещей, а другой — изъ образовъ вещей, и послѣдніе естественно должны быть темнѣе первыхъ.

[2] Это важнѣйшее, классическое мѣсто Платоновой философіи. Здѣсь философъ указываетъ начало всякой возможной методологіи и полагаетъ различіе между методомъ синтетическимъ и аналитическимъ. Взглядъ его на методологію тѣмъ важнѣе, что имѣетъ характеръ психологическій и годенъ для правильной оцѣнки того и другаго метода. Душа, основавшись на предположеніяхъ, то-есть на созерцаніи вещей, подлежащихъ чувствамъ, ищетъ умомъ (идеально) второй, то-есть конечной, неразумной своей части, и такъ какъ въ содержаніи большей ея посылки — конечность, матерія, то она приходитъ къ конечному. Это—синтезъ. Напротивъ, если она, основавшись также на предположеніяхъ, старается опредѣлить другую свою часть — разумную и идеальную, слѣдовательно, за содержаніе своей посылки принимаетъ безконечное, то конца въ этомъ направленіи достигнуть ей невозможно, и она идетъ къ непредполагаемому, существую-

довольно понялъ. — А вотъ сейчасъ поймешь, примолвилъ я; ибо выслушавъ напередъ это, легче уразумѣешь дальнѣйшее. Ты знаешь, думаю, что люди, занимающіеся геометріею, счисленіемъ и подобными тому предметами, предполагаютъ четъ и нечетъ, фигуры, три вида треугольниковъ, и другое съ этимъ сродное, смотря по ходу работы. Дѣлая эти предположенія, какъ уже извѣстныя, они не считаютъ нужнымъ давать въ нихъ отчетъ ни себѣ, ни другимъ, какъ въ дѣлѣ, для всякаго очевидномъ. Выходя изъ такихъ предположеній и из- D.
слѣдывая уже прочее, они оканчиваютъ разрѣшеніемъ того, что имѣли въ виду разсмотрѣть. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; это-то я знаю. — Такъ ты знаешь и то, что когда занимаются видимыми формами и разсуждаютъ объ нихъ; тогда мыслятъ не объ этихъ, а о тѣхъ, которымъ эти уподобляются: тутъ дѣло идетъ о четвероугольникѣ и его діагонали самихъ въ себѣ, а не о тѣхъ, которые написаны; такимъ же образомъ и прочее. То же самое дѣлается, когда ваяютъ или E.
рисуютъ: все это — тѣни и образы въ водѣ; пользуясь ими, какъ образами, люди стараются усмотрѣть тѣ, которые можно видѣть не иначе, какъ мыслію. — Ты справедливо говоришь, сказалъ онъ. — Такъ этотъ-то видъ называлъ я мысли- 511
мымъ и сказалъ, что душа, для исканія его, принуждена основываться на предположеніяхъ и не достигаетъ до начала, потому что не можетъ взойти выше предположеній, но пользуется самыми образами, отпечатлѣвающимися на земныхъ предметахъ, смотря по тому, которые изъ нихъ находитъ и почитаетъ изображающими его сравнительно выразительнѣе [1].

щему за предѣлами условій всякаго познанія. Это — анализъ. Отсюда Платону легко было бы найти источникъ антиномій человѣческаго мышленія и разрѣшить многіе вопросы, возмущающіе умъ сомнѣніями.

[1] Критики очень затруднялись значеніемъ этого мѣста, — какое Платонъ разумѣетъ здѣсь познаніе, и что собственно называетъ онъ образами. Такъ какъ другой части мыслимаго, стремящейся отъ предположеній къ непредполагаемому, по словамъ Платона, касается діалектика; то на поприщѣ первой части познанія, идущей отъ вещей чувствопостигаемыхъ къ мыслимымъ ихъ формамъ, должна подвизаться логика. Діалектика восходитъ все болѣе и болѣе къ реаль-

B. —Понимаю, сказалъ онъ, что ты говоришь это о геометріи и прочихъ, сродныхъ съ нею искуствахъ.—Узнай же теперь и другую часть мыслимаго, о которой я говорю, что ея касается умъ силою діалектики, дѣлая предположенія, — не начала, а дѣйствительно предположенія, какбы ступени и усилія, пока не дойдетъ до непредполагаемаго, до начала всяческихъ; коснувшись же его и держась того, что съ нимъ соприкасается, онъ такимъ образомъ опять нисходитъ къ кон-
C. цу и уже не трогаетъ ничего чувственнаго, но имѣетъ дѣло съ видами чрезъ виды, для видовъ, и оканчиваетъ на видахъ [1]. —Недовольно понимаю, сказалъ онъ (мнѣ кажется, ты излагаешь дѣло трудное); однакожъ вижу, хочешь опредѣлить то сущее и мыслимое, которое яснѣе созерцается чрезъ знаніе діалектики, нежели чрезъ такъ называемыя искуства въ которыхъ начала суть предположенія, такъ что созерцатели на этомъ основаніи принуждены созерцать мыслимое и су-
D. щее разсудкомъ, а не чувствами, и потому въ изслѣдованіи не восходя къ началу и оставаясь въ предѣлахъ предположеній, по твоему мнѣнію, не постигаютъ ихъ умомъ, хотя изслѣдованія ихъ по началу бываютъ умными. Разсудкомъ же называешь ты, мнѣ кажется, не умъ, а способность геомет-

---

ной истинѣ; а логика вдается все далѣе и далѣе въ область отвлеченія: та на пути возвратнаго движенія нисходитъ отъ высшаго рода къ низшимъ видамъ; а эта, начиная съ обыкновеннаго усмотрѣнія, обыкновенно расширяетъ свой взглядъ то чрезъ привнесеніе символовъ и схемъ, то чрезъ посредство аналогіи и индукціи. Такимъ образомъ, Платонъ въ этомъ мѣстѣ явно различаетъ двѣ методы познанія: логическую и діалектическую. Первая стремится все приводить къ единству рода, а послѣдняя хочетъ все созерцать въ единствѣ сущности.

[1] Достигнуть непредполагаемаго нельзя; но восходить къ нему и приближаться можно. Итакъ какъ это восхожденіе совершается на основаніи предположеній, слѣдовательно, на основаніи разнообразнаго множества чувствопостигаемыхъ вещей, соединяемыхъ идеею; то и на самой высшей инстанціи восхожденія умъ придетъ не къ чистому реальному единству истины, а къ роду ея. Отъ этого рода онъ можетъ начать обратный путь, — анализъ замѣнить синтезомъ: но, начавъ отъ высшаго рода, онъ будетъ нисходить уже путемъ видотворенія и разсѣется своимъ вниманіемъ во множествѣ видовъ; такъ что видами и закончитъ свое нисхожденіе, поколику изъ предѣловъ дѣятельности разсудочной выступить не можетъ и отрѣшиться отъ формъ его мышленія не въ состояніи. Подробнѣе объ этомъ Платонъ говоритъ въ Филебѣ—p. 16 C sqq.

ровъ и подобныхъ имъ; такъ что разсудокъ дѣйствуетъ между мнѣніемъ и умомъ [1]. — Весьма удовлетворительно объяснилъ ты, сказалъ я.—Соотвѣтственно этимъ четыремъ частямъ, допусти мнѣ въ душѣ и четыре принадлежности: на высшей степени—разумность (νόησιν), на второй—разсудокъ, E. третью дай вѣрѣ, а послѣдней—подобіе, и поставь ихъ пропорціонально, такъ чтобы, отъ чего можно быть причастнымъ истинѣ, отъ того же получилъ ты и больше ясности.—Понимаю, сказалъ онъ, соглашаюсь и поставляю.

---

[1] Называя разсудокъ, διάνοιαν, способностію геометровъ, Платонъ явно видитъ въ немъ силу души, занимающуюся только формами мышленія, и потому отличаетъ его отъ ума и мнѣнія; ибо мнѣніемъ душа обращается къ вещамъ чувствопостигаемымъ, или къ міру явленій, а умомъ — къ вещамъ самимъ въ себѣ, или къ міру идеальному.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

Разсмотрѣвъ въ предъидущей книгѣ знаніе высочайшаго блага и степени разныхъ познаній, Сократъ теперь, съ намѣреніемъ объяснить *причину человѣческаго знанія и незнанія*, излагаетъ многозначущій и весьма замѣчательный образъ подземной пещеры. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, подземное жилище— обширнѣйшую пещеру, которая однакожъ сверху, во всю свою длину, открыта для принятія въ себя свѣта. Положимъ, что люди съ самаго дѣтства живутъ въ этой пещерѣ, и притомъ такъ, что входа въ нее не видятъ, что связанные по ногамъ и по шеѣ, они могутъ усматривать только находящееся предъ глазами, а поворачивать голову, отъ стѣсняющихъ ее оковъ, не въ состояніи. Тогда какъ люди такъ заперты и закованы въ своей пещерѣ, пусть сзади ихъ, сверху, льется къ нимъ свѣтъ огня и озаряетъ мракъ пещеры. Притомъ, между тѣмъ огнемъ и отверстіемъ пещеры пусть идетъ дорога, закрытая отъ ней стѣною. За этою стѣной вообразимъ другихъ людей, которые сами, какъ закрытые, невидимы; но они то молча, то разговаривая, проходятъ своею дорогою, неся разную рухлядь, изображенія людей и животныхъ, статуи и прочее,—и тѣни всего этого падаютъ на противуположную часть пещеры. Тѣ узники, продолжаетъ Сократъ, хотя кромѣ тѣней ничего не видятъ, однакожъ будутъ увѣрены, будто видятъ самыя вещи, и въ бесѣдѣ другъ съ другомъ станутъ тѣни называть тѣми же именами, какія обыкновенно даются самымъ вещамъ, даже къ этимъ тѣнямъ отнесутъ и звуки, которые издаются проходящими вверху и отражаются внутри пещеры. Еслибы теперь кто-нибудь изъ нихъ былъ освобожденъ отъ оковъ и вдругъ всталъ, —началъ

поворачивать шею, ходить и смотрѣть на свѣтъ, то конечно почувствовалъ бы боль въ глазахъ и, привыкши видѣть однѣ тѣни, не могъ бы постоянно созерцать самыя вещи. А еслибы стали его увѣрять, что прежде жилъ онъ среди пустыхъ тѣней, и что теперь только приблизился къ самымъ вещамъ,—онъ усомнился бы и прежнія представленія считалъ бы болѣе правдоподобными, чѣмъ послѣднія. Поэтому, чтобы мало-помалу научиться ему переносить впечатлѣнія истинныхъ тѣлъ и истиннаго свѣта,—нужна нѣкоторая привычка. Именно,—сперва будетъ онъ легко созерцать тѣни, потомъ отразившіеся въ водѣ образы людей и животныхъ, затѣмъ легче предметы на небѣ и самое небо ночью, нежели солнце и его блескъ днемъ, а наконецъ, послѣ долговременнаго упражненія, уже не образъ солнца въ водѣ или въ другихъ вещахъ, но самое солнце. Созерцая же его долгое время, онъ пойметъ, какимъ образомъ въ немъ заключена причина суточныхъ и годовыхъ перемѣнъ, согрѣвающей землю теплоты, плодородія въ царствѣ растеній и животныхъ, цвѣтучести, красоты и зрѣлости во всѣхъ вещахъ По этимъ степенямъ достигнувъ познанія истины, онъ неслишкомъ будетъ удивляться красотѣ тѣхъ вещей и сочтетъ себя счастливымъ, что, освободившись изъ области мрака и отъ обманчивыхъ тѣней, перешелъ въ область истины; а на жалкое состояніе оставшихся въ пещерѣ будетъ смотрѣть такъ, что охотнѣе согласится все перенести, чѣмъ возвратиться туда. Да еслибы такому человѣку и пришло на мысль пойти въ прежнее мѣсто и объяснить бывшимъ своимъ товарищамъ, что̀ онъ видѣлъ и какъ жалка жизнь ихъ,—изъ этого, безъ сомнѣнія, вышло бы то, что всѣ стали бы надъ нимъ смѣяться и сочли бы его глупцомъ, котораго глаза, отъ созерцанія предметовъ выспреннихъ, несчастнымъ образомъ повредились; даже, можетъ быть, постановили бы впередъ никому не восходить къ высшимъ мѣстамъ, и тому назначили бы тяжкое наказаніе, кто захотѣлъ бы кого-нибудь избавить отъ оковъ и вывесть изъ его жилища. P. 514—517 B. Таковъ образъ человѣческой жизни! говоритъ Сократъ. Та пещера, въ которой люди связаны и видятъ только тѣни вещей, есть міръ, подлежащій чувствамъ; падающій въ пещеру блескъ огня есть солнце, котораго лучи

озаряютъ вселенную; восхожденіе къ предметамъ выспреннимъ есть тревожный порывъ нашей души—оставивъ вещи земныя, возлетать къ предметамъ, доступнымъ только уму, и въ созерцаніи ихъ находить свое удовольствіе. Изъ этого вытекаютъ слѣдующія заключенія. Въ мірѣ мыслимомъ образъ блага всего превосходнѣе: онъ познается, конечно, не безъ великаго труда; но когда бываетъ познанъ,—является источникомъ и началомъ всякой доброты и красоты и, подобно солнцу, озаряющему свѣтомъ вещи чувствопостигаемыя, доставляетъ истину и знаніе всему тому, что мыслится умомъ; поэтому, кто хочетъ правильно распоряжаться дѣлами домашними или общественными, тотъ долженъ всячески стараться получить по возможности полное понятіе о самомъ благѣ. Но достигнувъ того знанія, человѣкъ,—удивительно ли,—если презритъ предметы земные и захочетъ направляться духомъ къ созерцанію вещей божественныхъ, а созерцая вещи божественныя, не будетъ участвовать въ несеніи обязанностей человѣческихъ? И за это не слѣдуетъ укорять его; потому что философы слѣпотствуютъ, вступивъ не изъ мрака въ свѣтъ этой жизни, а наоборотъ,—изъ свѣта вещей божественныхъ низпавъ во мракъ явленій человѣческихъ. Притомъ, если сказанное о причинѣ знанія и незнанія справедливо, то, очевидно, ложно мнѣніе тѣхъ, которые приписываютъ себѣ возможность,—посредствомъ науки и наставленія, это самое знаніе сообщить душамъ людей невѣжествующихъ, какъ будто бы брались острое зрѣніе даровать слѣпотствующему уму. Вѣдь расположеніе знать истину прирождено природѣ всякой души, и способъ пріобрѣтенія всякаго знанія состоитъ только въ томъ, чтобы умъ, отвратившись отъ разсматриванія вещей измѣняемыхъ и непостоянныхъ, направился къ созерцанію того неизмѣняемаго высочайшаго блага. Силу для познанія истины произвесть или родить нельзя; можно только дать ей направленіе, къ чему она должна быть направлена. Тогда какъ прочія силы души, имѣя нѣкоторое сходство съ свойствами тѣлесными, могутъ быть пріобрѣтаемы упражненіемъ, — способность мышленія есть нѣчто болѣе божественное, никогда не увеличивающееся и неуменьшающееся. Поэтому обыкновенно бываетъ такъ, что она является или хранительницею, или губительницею человѣ-

ка. Стало-быть, если люди, отличными талантами превосходящіе другихъ, тотчасъ съ дѣтства отвергнутъ дурныя пожеланія и привыкнутъ направлять свой умъ къ познанію истины; то, безъ сомнѣнія, произойдетъ то, что съ какою быстротою хватаются они теперь за дѣла человѣческія, столь же быстро пріобрѣтутъ понятіе о вещахъ божественныхъ. Р. 517 В—519 В.

Но такъ какъ и съ природою дѣла сообразно, и изъ предшествующаго изслѣдованія естественно вытекаетъ, что ни невѣжды, незнающіе истины, ни тѣ, которые занимаются только созерцаніемъ вещей выспреннихъ и божественныхъ, не годятся быть правителями и начальниками обществъ; то людей, по добротѣ души, вознесшихся къ познанію высочайшаго блага, должны мы убѣждать и побуждать, чтобы, оставивъ высшую область вещей божественныхъ, они снова спустились въ дольнюю страну человѣческую. Хотя это представляется и несправедливымъ,—потому что такимъ образомъ мы отнимаемъ у нихъ плодъ высочайшаго блаженства, пріобрѣтенный ими чрезъ размышленіе о предметахъ выспреннихъ; но законодатель долженъ заботиться не о томъ, чтобы благоденствовало которое-нибудь одно сословіе гражданъ, а о томъ, чтобы возрастало и укрѣплялось благоденствіе всего общества. Поэтому мы имѣемъ право убѣждать философовъ, чтобы они не нерадѣли о дѣлѣ общественномъ, тѣмъ болѣе, что обязаны обществу своимъ воспитаніемъ, о которомъ заботилось оно съ нѣжностію матери. Притомъ, такъ какъ они знаютъ самую сущность красоты, справедливости и доброты, то лучше всего могутъ судить, что̀ въ дѣлахъ человѣческихъ по-истинѣ справедливо и честно, и потому будутъ доставлять обществу безопасность и спокойствіе. Да они, какъ люди мудрые и правдивые, конечно, и не отвергнутъ такого прошенія, но управленіе обществомъ примутъ на себя какъ бремя, помня, что надобно жить не для себя только, но и для отечества. Р. 519 В — 521 В.

Послѣ сего спрашивается: въ какихъ наукахъ и искуствахъ души стражей должны быть столь свѣдущи, чтобы могли вознестись къ понятію о высочайшемъ благѣ? Разсматривая этотъ вопросъ, надобно имѣть въ виду то, что сказано было въ предъидущемъ разсужденіи, что, то-есть, для сохраненія безопасно-

сти домашней и общественной, стражи должны быть мужественны. Итакъ, надобно изслѣдовать ту сторону науки, которою она приготовила бы душу и для высокой области философіи, и для воинскаго поприща. Этой пользы не можетъ доставить ни гимнастика, заботящаяся только о тѣлѣ, ни музыка, занимающаяся только внушеніемъ благопристойности и честности, но ничего неприносящая для тонкости знанія. Еще менѣе способствуютъ къ этому работы сидячія; потому что онѣ требуютъ только ревности и труда рукъ. Поэтому остается искать искуство, отличное отъ всѣхъ сказанныхъ. Такое искуство есть *ариѳметика*, безъ которой не можетъ обойтись ни наука воинская, ни какая-нибудь иная часть знанія и образованія. Да она и не такъ мало имѣетъ вліянія на развитіе души, чтобы не могла возносить ее къ созерцанію вещей божественныхъ, хотя такою ея силою въ обыкновенномъ быту удивительно какъ пренебрегаютъ. Если вещи чувствопостигаемыя таковы, что либо чувствуются сами по себѣ и, однажды почувствованныя, не возбуждаютъ ума къ высшему изслѣдованію истины, либо производятъ въ насъ различныя ощущенія и разнообразіемъ ихъ вызываютъ умъ къ сужденію, а душу къ дѣятельности; то ариѳметика должна быть относима ко второму роду вещей; потому что имѣетъ дѣло съ многоразличнымъ соединеніемъ чиселъ. Особенность каждаго числа состоитъ въ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ нѣчто противное: въ немъ съ одной стороны мыслится одно, съ другой множество. Посему эту часть науки стражи наши обязаны изучать со всею тщательностію, тѣмъ болѣе, что она весьма приложима къ нуждамъ войны. Однакожъ они не должны останавливаться на той ариѳметикѣ народной, которая имѣетъ въ виду только матеріальную выгоду, но въ силѣ и природѣ чиселъ пусть идутъ далѣе и размышляютъ о числахъ такъ называемыхъ отвлеченныхъ и идеальныхъ; ибо такимъ образомъ нетолько сдѣлаются сообразительными во всѣхъ другихъ дѣлахъ, но еще пріучатся возносить душу къ созерцанію истинной ея природы. P. 521 C — 526 C.

Съ ариѳметикою тѣснѣйшимъ образомъ связана и *геометрія,* которая, съ одной стороны, особенно приложима къ наукѣ воинской, съ другой—чрезвычайно способствуетъ къ тонкому обра-

зованію души. Посему будущіе начальники общества должны быть упражняемы и въ этой наукѣ. Но она должна быть изучаема не такъ, какъ обыкновенно изучаютъ ее геометры, которые, останавливаясь только на фигурахъ, подлежащихъ чувствамъ, о фигурахъ, свободныхъ отъ всякой матеріальной примѣси, не хотятъ и думать. Кто желаетъ получить отъ нея истинную пользу, тотъ долженъ отвлекать свой умъ отъ вещей видимыхъ, созерцать безтѣлесное и смотрѣть на самую величину, на всѣ ея отношенія внѣ матеріи. Чрезъ это душа нетолько сдѣлается способною къ дѣламъ человѣческимъ, но еще привыкнетъ возбуждаться къ созерцанію самой истины вещей и сущности ихъ. P. 526 C — 527 C.

За геометріею слѣдуетъ *астрономія*, которая, и сказать нельзя, какъ возвышаетъ душу къ созерцанію предметовъ небесныхъ и божественныхъ. Столь дивный порядокъ звѣздъ, столь правильное и строго подчиненное законамъ движеніе неба не можетъ не отрывать души отъ грязныхъ впечатлѣній тѣлесности и, когда она разсматриваетъ причины и условія небесныхъ явленій, не можетъ не восторгать ее къ созерцанію истины. Такъ какъ эта наука нетолько весьма полезна для земледѣлія, для мореплаванія, для веденія войнъ, но и дѣлаетъ то, что душа, оставивъ вещи земныя, старается восходить къ истинно-сущему; то само собою слѣдуетъ, что будущимъ стражамъ общества знать ее совершенно необходимо. P. 527 D—530 C.

Не надобно презирать и *музыки,* принимаемой въ смыслѣ тѣснѣйшемъ и имѣющей нѣкоторое сродство съ астрономіею. Но и эта наука должна быть уважаема и изучаема не такъ, чтобы вся состояла только въ ловкомъ владѣніи музыкальнымъ инструментомъ и въ тонкомъ судѣ слуха, каковымъ заблужденіемъ увлекаются многіе, — а такъ, чтобы разныя сочетанія звуковъ изслѣдываемы и познаваемы были умомъ. Только чрезъ это души учащихся привыкнутъ съ удовольствіемъ останавливаться на созерцаніи вещей возвышенныхъ. Притомъ надобно бываетъ изслѣдовать отношеніе и связь отдѣльныхъ наукъ; а это значитъ опредѣлять гармонію ихъ. P. 530 C — 531 C.

Всѣ эти науки, однакожъ, должны служить какбы только введеніемъ въ *діалектику*, которая изъ всѣхъ ихъ—самая важ-

ная и превосходная. Она исключительно занимается изслѣдованіемъ и знаніемъ тѣхъ вещей, которыя не подлежатъ чувствамъ и могутъ быть постигаемы однимъ умомъ и мышленіемъ. Поэтому между діалектикою и прочими науками — такое же отношеніе, какое показано было между свѣтомъ солнца и сіяніемъ огня, освѣщающаго описанную пещеру; такъ что душѣ, чтобы понять силу и превосходство діалектики, надобно пройти столько же степеней, сколько надлежало пройти ихъ тому, кто, съ дѣтства привыкши къ пустымъ тѣнямъ, сперва не могъ сносить и огня, а потомъ мало-по-малу достигъ до того, что могъ съ величайшимъ изумленіемъ и удовольствіемъ созерцать даже свѣтъ солнечный. Діалектика состоитъ въ одномъ мышленіи ума; потому что единственная цѣль ея — изслѣдовать силу и природу каждой вещи и никогда не пользоваться предположеніями, какъ пользуются ими другія науки. Такимъ образомъ, діалектикѣ слово *наука* принадлежитъ по преимуществу; такъ какъ она одна имѣетъ своимъ предметомъ бытіе истинное. Если же таково превосходство этой науки, то вводить въ нее надобно только тѣхъ, которые отличаются величіемъ души, тонкостію сужденія, воспріимчивостію памяти, крѣпостію и постоянствомъ силъ; ибо всѣ порицанія философіи,—а ихъ множество,—происходятъ отъ того, что люди, способные къ другимъ занятіямъ, приступаютъ и къ философіи, и превратностію своихъ мыслей дѣлаютъ то, что прекраснѣйшая наука у невѣжественнаго народа подвергается презрѣнію. P. 531 B — 536 C.

Обозрѣвъ кругъ наукъ, которыми должны заниматься стражи общества, теперь остается показать способъ и возрастъ, въ которомъ надобно имъ приступать къ этимъ занятіямъ. Души юношей нужно съ самаго дѣтства питать науками, и прежде всего такъ называемыми приготовительными, именно музыкою, гимнастикою и другими, предшествующими діалектикѣ. Преподавая науки, надобно остерегаться, чтобы никто не занимался ими противъ воли; ибо что внушается душѣ по-неволѣ, то не удерживается ею крѣпко. Преподаваніе должно быть какбы игрою, причемъ легче будетъ замѣтить и то, къ чему особенно склоненъ умъ учащагося. Когда же совершится юношамъ двадцать лѣтъ,—тѣ изъ нихъ, которые признаны будутъ отличными, не

только должны быть украшены наградами, но должны получать и дальнѣйшее образованіе. А это будетъ такъ, что преподанное имъ прежде по частямъ должно быть приведено въ одну форму науки, чтобы тѣмъ яснѣе видна была взаимная связь тѣхъ частей. Изъ этого-то уже будетъ совершенно понятно, кто изъ нихъ способенъ изучать діалектику. Занимая ихъ этою наукою до тридцати-лѣтняго возраста, потомъ должно снова испытать, которые изъ нихъ особенно отличаются тонкостію сужденія и остроуміемъ. Послѣ чего, признанные остроумнѣйшими должны быть отдѣлены и въ продолженіе пяти лѣтъ упражняемы въ діалектикѣ, чтобы узнать, кто изъ нихъ, презрѣвъ обманчивость чувствъ, способенъ къ созерцанію истиннаго и добраго. При этой части наставленій надобно внимательно смотрѣть, чтобы душами юношей не овладѣла страсть къ спорамъ, и чтобы, при равной силѣ спорющихъ сторонъ о всякомъ предметѣ, не сложилось нелѣпаго убѣжденія, что люди не могутъ знать ничего опредѣленнаго, и не погасла любовь къ изслѣдованію истины. По окончаніи срочнаго времени для этихъ занятій, т.-е. отъ тридцати-пяти лѣтъ до пятидесяти, учившіеся несутъ общественныя должности. Тѣ, которые своею службою оправдали возлагавшуюся на нихъ надежду, возводятся на самую высоту наставленій, то-есть къ созерцанію *самаго блага*, отъ котораго души ихъ должны получить образъ высочайшей добродѣтели и совершенства, по подобію котораго будутъ какъ настроять собственные свои нравы, такъ и управлять — каждый на своемъ мѣстѣ—обществомъ, пока, оторванные отъ земныхъ дѣлъ, не перейдутъ на острова блаженныхъ. Что сказано здѣсь о мужчинахъ, то же должно сказать и о женщинахъ; потому что и онѣ, какъ положено выше, должны нести должности общественныя. Р. 536 С — 541 В. Въ концѣ—немногое объ основаніяхъ совершеннѣйшаго государства.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

514. Послѣ этого-то, сказалъ я, нашу природу, со стороны образованія и необразованности, уподобь вотъ какому состоянію. Вообрази людей какбы въ подземномъ пещерномъ жилищѣ [1], которое имѣетъ открытый сверху и длинный во всю пещеру входъ для свѣта. Пусть люди живутъ въ ней съ дѣтства, скованные по ногамъ и по шеѣ, такъ чтобы пребывая здѣсь,
B. могли видѣть только то, что находится предъ ними, а поворачивать голову вокругъ, отъ узъ, не могли. Пусть свѣтъ доходитъ до нихъ отъ огня, горящаго далеко вверху и позади ихъ, а между огнемъ и узниками на высотѣ пусть идетъ дорога, противъ которой вообрази стѣну, построенную на подобіе ширмъ, какія ставятъ фокусники предъ зрителями, когда изъза нихъ показываютъ свои фокусы.—Воображаю, сказалъ онъ. —Смотри же,—мимо этой стѣны люди несутъ выставляющіе-
515. ся надъ стѣною разные сосуды, статуи и фигуры — то человѣческія, то животныя, то каменныя, то деревянныя, сдѣланныя различнымъ образомъ, и что будто бы одни изъ проносящихъ издаютъ звуки, а другіе молчатъ. — Странный начертываешь ты образъ и странныхъ узниковъ, сказалъ онъ. —

---

[1] *Porphyr.* de antr. Nymph. c. 8: *οἱ Πυθαγόρειοι καὶ μετὰ τούτους Πλάτων ἄντρον καὶ σπήλαιον τὸν κόσμον ἀπεφήναντο. Παρὰ γὰρ Ἐμπεδοκλεῖ αἱ ψυχοπομποὶ δυνάμεις λέγουσιν· ἠλύθομεν τόδ' ὑπ' ἄντρον ὑπόστεγον.* См. *Sturdsium* p. 454 sq. Такой же разсказъ у *Плотина*, Ennead. IV, 8, I, p. 469 B. *Procl.* p. 7.

Похожихъ на насъ, примолвилъ я. Развѣ ты думаешь, что эти узники на первый разъ какъ въ себѣ, такъ и одинъ въ другомъ видѣли что-нибудь иное, а не тѣни, падавшія отъ огня на находящуюся предъ ними пещеру? — Какъ же иначе, сказалъ онъ, если они принуждены во всю жизнь оставаться B. съ неподвижными-то головами? — А предметы проносимые— не то же ли самое? — Что же иное? — Итакъ, если они въ состояніи будутъ разговаривать другъ съ другомъ,—не думаешь ли, что имъ будетъ представляться, будто, называя видимое ими, они называютъ проносимое? — Необходимо. — Но что, еслибы въ этой темницѣ прямо противъ нихъ откликалось и эхо, какъ скоро кто изъ проходящихъ издавалъ бы звуки,— къ иному ли чему, думаешь, относили бы они эти звуки, а не къ проходящей тѣни?—Клянусь Зевсомъ, не къ иному, сказалъ онъ.—Да и истиною-то, примолвилъ я, эти люди бу- C. дутъ почитать безъ сомнѣнія не иное что, какъ тѣни.—Весьма необходимо, сказалъ онъ.—Наблюдай же, продолжалъ я: —пусть бы, при такой ихъ природѣ, приходилось имъ быть разрѣшенными отъ узъ и получить исцѣленіе отъ безсмысленности, какова бы она ни была; пусть бы кого-нибудь изъ нихъ развязали, вдругъ принудили встать, поворачивать шею, ходить и смотрѣть вверхъ на свѣтъ: дѣлая все это, не почувствовалъ ли бы онъ боли, и отъ блеска не ощутилъ ли бы D. безсилія взирать на то, чего прежде видѣлъ тѣни? И что̀, думаешь, сказалъ бы онъ, еслибы кто сталъ ему говорить, что тогда онъ видѣлъ пустяки, а теперь, повернувшись ближе къ сущему и болѣе дѣйствительному, созерцаетъ правильнѣе, и еслибы даже, указывая на каждый проходящій предметъ, принудили его отвѣчать на вопросъ, что такое онъ,—пришелъ ли бы онъ, думаешь, въ затрудненіе и не подумалъ ли бы, что видѣнное имъ тогда истиннѣе, чѣмъ указываемое теперь? —Конечно, сказалъ онъ.—Да хотя бы и принудили его смот- E. рѣть на свѣтъ, не страдалъ ли бы онъ глазами, не бѣжалъ ли бы, повернувшись къ тому, что могъ видѣть, и не думалъ ли бы, что это дѣйствительно яснѣе указываемаго? — Такъ,

сказалъ онъ.—Если же кто, продолжалъ я, сталъ бы влечь его насильно по утесистому и крутому всходу, и не оставилъ бы, пока не вытащилъ на солнечный свѣтъ, то не болѣзновалъ ли бы онъ и не досадовалъ ли бы на влекущаго и, когда вышелъ
516. бы на свѣтъ,—ослѣпляемые блескомъ глаза могли ли бы даже видѣть предметы, называемые теперь истинными?—Вдругъ-то, конечно, не могли бы, сказалъ онъ.—Понадобилась бы, думаю, привычка, кто захотѣлъ бы созерцать горнее: сперва легко смотрѣлъ бы онъ только на тѣни, потомъ на отражающіяся въ водѣ фигуры людей и другихъ предметовъ, а наконецъ и на самые предметы; и изъ этихъ находящіеся на небѣ и самое
B. небо легче видѣлъ бы ночью, взирая на сіяніе звѣздъ и луны, чѣмъ днемъ—солнце и свойства солнца.—Какъ не легче!—И только наконецъ уже, думаю, былъ бы въ состояніи усмотрѣть и созерцать солнце, — не изображеніе его въ водѣ и въ чуждомъ мѣстѣ, а солнце само въ себѣ, въ собственной его области.—Необходимо, сказалъ онъ.—И послѣ этого-то лишь заключилъбы о немъ, что оно означаетъ времена и лѣта и, въ
C. видимомъ мѣстѣ всѣмъ управляя, есть нѣкоторымъ образомъ причина всего, что усматривали его товарищи.—Явно, сказалъ, что отъ того перешелъ бы онъ къ этому.—Что же? вспоминая о первомъ житьѣ, о тамошней мудрости и о тогдашнихъ узникахъ, не думаешь ли, что свою перемѣну будетъ онъ ублажать, а о другихъ жалѣть?—И очень.—Вспоминая также о почестяхъ и похвалахъ, какія тогда воздаваемы были имъ другъ отъ друга, и о наградахъ тому, кто съ проницательностію смотрѣлъ на проходящее и внимательно замѣчалъ, что̀
D. обыкновенно бываетъ прежде, что̀ потомъ, что̀ идетъ вмѣстѣ, и изъ этого-то могущественно угадывалъ, что̀ имѣетъ быть,—пристрастенъ ли онъ будетъ, думаешь, къ этимъ вещамъ и станетъ ли завидовать людямъ между ними почетнымъ и правительственнымъ, или скорѣе придетъ къ мысли Омира[1] и

---

[1] Приводятся слова Ахиллеса у Омира, Odyss. X, 428; снес. Libr. III, p. 286 C.

сильно захочетъ лучше идти въ деревню работать на другаго человѣка бѣднаго, и терпѣть чтобы то ни было, чѣмъ водиться такими мнѣніями и такъ жить?—Такъ и я думаю, сказалъ E.
онъ; лучше принять всякія мученія, чѣмъ жить по-тамощнему. — Замѣть и то, продолжалъ я, что еслибы такой сошелъ опять въ ту же сидѣльницу и сѣлъ, то, послѣ солнечнаго свѣта, глаза его не были ли бы вдругъ объяты мракомъ?—Ужъ конечно, сказалъ онъ.—Но указывая опять, если нужно, на прежнія тѣни и споря съ тѣми всегдашними узниками, пока 517.
не отупѣлъ бы, установивъ снова свое зрѣніе,—для чего требуется некратковременная привычка,—не возбудилъ ли бы онъ въ нихъ смѣха, и не сказали ли бы они, что, побывавъ вверху, онъ возвратился съ поврежденными глазами, и что поэтому не слѣдуетъ даже пытаться восходить вверхъ? А кто взялся бы разрѣшить ихъ и возвесть, того они, лишь бы могли взять въ руки и убить, убили бы.—Непремѣнно, сказалъ онъ.— Такъ этотъ-то образъ, любезный Главконъ, продолжалъ я, надобно весь прибавить къ тому, что сказано прежде, видимую B.
область зрѣнія уподобляя житью въ узилищѣ, а свѣтъ огня въ немъ—силѣ солнца. Если притомъ положишь, что восхожденіе вверхъ и созерцаніе горняго есть восторженіе души въ мѣсто мыслимое, то не обманешь моей надежды [1], о которой желаешь слышать. Богъ знаетъ, вѣрно ли это; но представляющееся мнѣ, представляется такъ: на предѣлахъ вѣденія идея блага едва созерцается; но будучи предметомъ созерцанія, даетъ право умозаключать, что она во всемъ есть при- C.
чина всего праваго и прекраснаго, въ видимомъ родившая свѣтъ и его господина, а въ мыслимомъ сама госпожа, дающая истину и умъ, и что желающій быть мудрымъ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ долженъ видѣть ее. — Тѣхъ же мыслей и я, сказалъ онъ, только бы мочь какъ-нибудь. — Ну такъ прими и ту мысль, примолвилъ я, и не удивляйся, что

---

[1] *Не обманешь моей надежды*, то-есть не отступишь отъ моего мнѣнія, въ истинность котораго я вѣрую, или на истинность котораго надѣюсь.

D. здѣшніе пришлецы не хотятъ жить по-человѣчески, но душами своими возносятся вверхъ, чтобы обитать тамъ; ибо это естественно, если только, по начертанному образу, справедливо.—Конечно естественно, сказалъ онъ.—Что же? находишь ли ты что-нибудь удивительнаго, спросилъ я, если кто, отъ божественныхъ созерцаній перешедши къ дѣламъ человѣческимъ, гнушается злымъ и представляется очень смѣшнымъ[1], а вмѣстѣ тупѣетъ и, пока не привыкнетъ достаточно къ настоящему мраку, принужденъ бываетъ бороться въ судилищахъ и въ другихъ мѣстахъ относительно тѣней справедливости и образовъ, отъ которыхъ произошли эти тѣни, и спо-
E. рить о томъ, какъ понимаютъ справедливость люди, никогда ее невидывавшіе?—Нисколько неудивительно, сказалъ онъ.
518. —Но кто уменъ, примолвилъ я, тотъ припомнитъ, что пораженіе глазъ бываетъ двоякое и отъ двухъ причинъ: когда они изъ свѣта переносятся во тьму, и когда изъ тьмы—въ свѣтъ. Полагаю, что то же самое бываетъ и съ душою: человѣкъ умный, какъ скоро видитъ, что кто-нибудь возмущенъ и не можетъ чего-либо усматривать, не станетъ безразсудно смѣяться, но будетъ наблюдать, пришедши ли изъ свѣтлѣйшей жизни, душа его помрачилась отъ непривычки, или перешедши отъ
B. великаго невѣжества въ свѣтлѣйшее состояніе, поражена она сильнѣйшимъ блескомъ, и потому послѣднюю за ея состояніе и жизнь будетъ ублажать, а о первой сожалѣть, и еслибы надъ тою захотѣлъ посмѣяться, то смѣхъ его былъ бы менѣе смѣшонъ, чѣмъ смѣхъ надъ этою, пришедшею свыше—изъ свѣта.—И весьма мѣтко говоришь ты, сказалъ онъ.—Если же это справедливо, замѣтилъ я, то мы должны полагать, что наставленіе бываетъ не таково, о какомъ иные говорятъ въ своихъ объявленіяхъ. А говорятъ они, кажется такъ, что если
C. въ душѣ и нѣтъ знанія,—они вложатъ его, какъ будто бы со-

[1] Указывается на понятіе народа о философахъ, какъ о людяхъ странныхъ и смѣшныхъ, о чемъ слегка сказано libr. VI, p. 487, а нѣсколько обстоятельнѣе говорится въ Gorg. p. 484 C sq.

бирались вложить зрѣніе въ слѣпые глаза[1]. — Да, говорятъ, сказалъ онъ. — Но теперешнее-то разсужденіе, продолжалъ я, указываетъ вотъ на какую, находящуюся въ душѣ каждаго силу и орудіе, посредствомъ чего учится всякій. Какъ глазу нельзя было повернуться отъ темнаго къ свѣтлому, не повертываясь всѣмъ тѣломъ: такъ и душѣ невозможно перейти всей отъ бывающаго, пока она не сдѣлается способною вознестись созерцаніемъ къ сущему и къ сіянію сущаго. А это D.
мы называемъ благомъ. Не такъ ли? — Да. — Искуство же, руководствующее къ этому самому, сказалъ я, показываетъ, какимъ образомъ легче и успѣшнѣе распорядиться — не то чтобы глазамъ дать зрѣніе, но чтобы, когда зрѣніе-то и есть, да оно неправильно направлено и смотритъ не туда, куда должно, ухитриться направить его понадлежащему и заставить смотрѣть на то, на что слѣдуетъ[2]. — Вѣроятно, сказалъ онъ. — Прочія такъ называемыя добродѣтели души, должно быть, дѣйствуютъ ближе къ тѣлу, ибо въ самомъ дѣлѣ предварительно находятся не въ душѣ, но пріобрѣтаются послѣ — привычкою и упражненіемъ: напротивъ, разумность есть что-то, E.
какъ видно, болѣе всего божественное; она никогда не теряетъ силы, а только, подъ вліяніемъ руководства, бываетъ либо хорошею и полезною, либо нехорошею и вредною. Развѣ ты еще 519.
не замѣчалъ, какъ проницательно смотритъ душонка людей такъ называемыхъ злыхъ, но мудрыхъ, и какъ остро прози-

---

[1] Сократъ произноситъ ту самую мысль, которую высказалъ Тезей у *Эврипида*, Hippolyt. v. 917: *ὦ πόλλ' ἁμαρτάνοντες ἄνθρωποι μάτην, τί δὴ τέχνας μὲν μυρίας διδάσκετε, καὶ πάντα μηχανᾶσθε κἀξευρίσκετε, ἓν δ' οὐκ ἐπίστασθ' οὐδ' ἐθηράσασθέ πω, φρονεῖν διδάσκειν, οἷσιν οὐκ ἔνεστι νοῦς*; «какъ много попусту погрѣшаете вы, люди! зачѣмъ преподаете такую тьму искуствъ? все ухищряетесь и изыскиваете; одного только не умѣете и какъ-то не понимаете, — научить разуму того, у кого нѣтъ ума.»

[2] Въ греческомъ текстѣ эта мысль выражена весьма сжато; слова: *τίνα τρόπον μεταστραφήσεται*; по-русски надобно перевесть: какимъ образомъ перевернуться, то-есть распорядиться? Отъ этого глагола *μεταστρέφεσθαι* зависитъ глаголъ *διαμηχανήσασθαι ὥστε ὀρθῶς τρέπεσθαι καὶ βλέπειν οἷ δεῖ*; такъ что полное выраженіе могло бы быть таково: *τίνα τρόπον ὡς ῥᾷστά τε καὶ ἀνυσιμώτατα μεταστραφήσεται, οὐ τοῦ ἐμποιῆσαι αὐτῷ τὸ ὁρᾶν, ἀλλ' ὡς ἔχοντι μὲν αὐτὸ (τὸ ὁρᾶν), οὐκ ὀρθῶς δὲ τετραμμένῳ οὐδὲ βλέποντι οἷ ἔδει, διαμηχανήσασθαι ὥστε ὀρθῶς τρέπεσθαι καὶ βλέπειν οἷ δεῖ.*

раетъ въ то, къ чему обращается? Недурное имѣя зрѣніе и однакожъ понуждаясь служить злу, она чѣмъ глубже видитъ, тѣмъ больше дѣлаетъ зла.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.— Если въ такой природѣ, продолжалъ я, это самое, тотчасъ
B. съ дѣтства обсѣкаемое, будетъ обсѣчено, какбы отъ свинцовой тяжести, отъ прирожденныхъ наклонностей, которыя, находя пищу въ яствахъ, въ ощущаемыхъ отъ нихъ удовольствіяхъ и лакомствѣ, направляютъ зрѣніе души книзу; то, освободившись отъ нихъ, эта самая природа способныхъ людей обратится къ истинѣ и столь же остро будетъ видѣть ее, сколь остро видитъ теперь то, къ чему направляется.— Вѣроятно, сказалъ онъ. — Что же далѣе? а то не невѣроятно, спросилъ я, и не необходимо слѣдуетъ изъ сказаннаго,
C. что не будутъ удовлетворительно управлять городомъ ни тѣ, которые невыучены и незнакомы съ истиною, ни тѣ, которымъ позволяется до конца заниматься наукою: послѣдніе потому, что не имѣютъ въ жизни опредѣленной цѣли, сообразуясь съ которой должны дѣлать все, что ни дѣлали бы частно и публично; а первые потому, что не имѣютъ собственной охоты къ дѣятельности и думаютъ, будто мѣсто ихъ жительства—просто острова блаженныхъ [1].—Правда, сказалъ онъ. — Значитъ, наше дѣло, продолжалъ я,—

---

[1] Миѳъ объ островахъ блаженныхъ встрѣчается въ миѳологіи почти всѣхъ языческихъ народовъ древности, и вездѣ означалъ мѣсто загробнаго блаженства душъ, или рай. Язычники представляли, что души людей, жившихъ здѣсь благочестиво, будутъ взяты Зевсомъ и отведены въ его городъ — на острова блаженныхъ (*Pindari* Olimp. II, 126). Описаніями блаженной жизни на этихъ островахъ наполнены и корабельныя сказки Финикіянъ, которые полагали свои острова гдѣ-то на западѣ. На западѣ же представляли мѣсто блаженныхъ и Египтяне, вѣрившіе, что послѣ смерти души ихъ будутъ поселены на ливійскихъ оазисахъ, съ которыми граничитъ царство Кроноса, избравшаго себѣ въ жительство самую отдаленную небесную планету. *Creuz.* Symb. u. Mythol. III, 170. По Иродоту (III, 26), острова блаженныхъ находились въ ливійской пустынѣ, на семь дней пути отъ Ѳивъ, и лежали у западнаго берега Нила, гдѣ впослѣдствіи отыскано множество царскихъ гробницъ. Было также мѣсто блаженства и у Ѳракіянъ, которые вѣрили, что души умершихъ отходятъ къ ихъ герою или богу, Замолксису,—куда-то на западъ, и тамъ населяютъ острова блаженныхъ. *Creuz.* Symb. u. Mythol. II, 12.

мы, основатели, должны побуждать наилучшія природы направляться къ той наукѣ, которую назвали прежде величайшею, чтобы, созерцая благо, онѣ восходили на ту высоту, D.
когда же взойдутъ и будутъ достаточно видѣть, не ввѣрять имъ того, что теперь ввѣряется.—Что такое?—Онѣ должны оставаться при своемъ, отвѣчалъ я, не нисходить снова къ тѣмъ узникамъ [1] и не принимать участія въ ихъ трудахъ и почестяхъ, худы ли будутъ эти почести, или хороши.—Но такъ-то, сказалъ онъ, мы обидимъ наилучшія природы и сдѣлаемъ то, что онѣ будутъ жить хуже, когда могли бы луч- E.
ше.—Ты опять забылъ, другъ мой, замѣтилъ я, что законодатель заботится не о томъ, какъ бы сдѣлать счастливымъ въ городѣ особенно одинъ какой-нибудь родъ, но старается устроить счастіе цѣлаго города, приводя гражданъ въ согласіе убѣжденіемъ и необходимостію,—въ той мысли, что они будутъ вообще приносить другъ другу пользу, какую кто мо- 520.
жетъ, и самъ поставляетъ въ городѣ такихъ людей, не пуская ихъ обращаться [2], куда кто хочетъ, но располагая ими приспособительно къ связности города.—Правда, сказалъ; я въ самомъ дѣлѣ забылъ.—Притомъ разсуди, Главконъ, продолжалъ я, вѣдь мы не обидимъ людей, сдѣлавшихся у насъ философами, когда будемъ говорить имъ правду, заставляя ихъ заботиться о другихъ и быть имъ охранителями. Мы ска- B.
жемъ, что въ другихъ городахъ такіе люди въ правѣ незаниматься городскими трудами; потому что тамъ учились они сами по себѣ, независимо отъ своего правительства; самоучки же, никому необязанные воспитаніемъ, имѣютъ право не выражать признательности за воспитаніе: напротивъ, васъ родили мы,—родили будто въ пчелиномъ ульѣ, чтобы вы

[1] Подъ узниками философъ разумѣетъ здѣсь прочія низшія сословія гражданъ, занимающихся ремеслами и земледѣліемъ, представляя, что они не вынесутъ свѣта, къ которому стали бы обращать ихъ взоры.

[2] *Не пуская ихъ*, οὐχ ἵνα ἀφιῇ. Этимъ словомъ Сократъ намекаетъ на состояніе и жизнь τῶν ἀφέτων, о которыхъ говорилъ, напримѣръ, въ Протагорѣ, p. 320 A.

были вождями и царями какъ для васъ самихъ, такъ и для
C. всего города; вамъ дали мы лучшее и совершеннѣйшее, чѣмъ
тѣмъ, воспитаніе, и сдѣлали васъ способнѣйшими для того
и другаго [1]. Поэтому вы должны по-очереди нисходить въ
жилище другихъ и привыкать видѣть во мракѣ, ибо привы-
кая къ этому, будете усматривать безконечно лучше тамош-
нихъ, и узнаете всякіе призраки, каковы они и отъ чего,
потому что созерцали истинную природу прекраснаго, спра-
ведливаго и добраго. Такимъ образомъ городъ у васъ и у
насъ будетъ управляться на-яву, а не во-снѣ, какъ управля-
ются теперь многіе города тѣми, которые борятся между со-
D. бою попустому и возмущаются ради начальствованія, буд-
то за какое-нибудь великое благо. Истина здѣсь, вѣроятно,
въ слѣдующемъ: городъ, въ которомъ желающіе начальство-
вать наименѣе домогаются начальствованія, по необходимо-
сти управляется невозмутимо и наилучшимъ образомъ; а гдѣ
правители противуположны, тамъ и правленіе противупо-
ложно.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Итакъ, думаешь ли,
что наши питомцы, слыша это, откажутся у насъ и не захо-
тятъ, каждый по-очереди, трудиться въ городѣ, но будутъ
долго жить другъ съ другомъ въ мірѣ чисто духовномъ [2]? —
E. Невозможно, отвѣчалъ онъ; потому что мы будемъ приказы-
вать и справедливымъ и справедливое; и каждый изъ нихъ
возьмется за начальствованіе скорѣе всего, какъ за дѣло
необходимое, въ противуположность нынѣшнимъ начальни-
камъ во всякомъ городѣ.—Точно такъ, другъ мой, примол-
вилъ я. Если въ пользу имѣющихъ начальствовать ты изо-
521. брѣтешь жизнь наилучшую для начальствованія, то хорошо
управляемый городъ для тебя сдѣлается возможнымъ; такъ

---

[1] *Для того и другаго*, то-есть, и для философіи и для отправленія должностей общественныхъ.

[2] *Въ мірѣ чисто духовномъ;* такъ понимаю я значеніе Платонова выраженія ἐν καθαρῷ, которое собственно то же, что in aperto, sub divo, in loco vacuo. *Hom.* Il. VIII, 491. X, 199. Phaedr. p. 239 C: ἐν ἡλίῳ καθαρῷ. Здѣсь ἐν καθαρῷ явно противуполагается τῷ καταβαίνειν εἰς τὴν τῶν ἄλλων ξυνοίκησιν, то-есть въ міръ чувственныхъ образовъ.

какъ въ немъ будутъ начальствовать люди по-истинѣ богатые—не деньгами, а тѣмъ, чѣмъ долженъ быть богатъ человѣкъ счастливый,—доброю и разумною жизнію: напротивъ, когда начальствованіе перейдетъ въ руки бѣдняковъ, которые, жаждая личныхъ своихъ благъ, бѣгутъ къ общественнымъ должностямъ — въ намѣреніи похитить оттуда собственное благо; тогда не быть хорошо управляемому городу; ибо борьба за начальствованіе есть такая домашняя и внутренняя война, которая губитъ и самихъ правителей, и весь городъ.— Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Такъ имѣешь ли ты въ
виду, спросилъ я, иную жизнь, которая презирала бы граж- B.
данское начальствованіе, кромѣ жизни истинно философской? —Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ.—Вѣдь конечно, не любители же начальствованія должны идти къ начальствованію; а иначе противная партія любителей вступитъ въ состязаніе съ ними.—Какъ не вступитъ?—Кого же другаго заставишь ты идти охранять городъ, какъ не тѣхъ, которые въ этомъ самые разумные, которые могутъ наилучшимъ образомъ управлять городомъ и имѣютъ въ виду другія почести и другую жизнь, лучше правительственной?—Не иного кого, сказалъ онъ.—

Хочешь ли, разсмотримъ теперь, какимъ образомъ эти C.
люди будутъ возраждаться [1], и какъ можно возводить ихъ на

---

[1] *Будутъ возраждаться.* Признаюсь,—глаголомъ ἐγγενήσονται выражается не тотъ оттѣнокъ мысли, какой заключается въ словѣ *возраждаться.* Этому слову ближайшимъ образомъ соотвѣтствуетъ греческое ἀναγεννᾶσθαι; а ἐγγεννᾶσθαι значитъ, принимать въ себя стихіи знанія или правила жизни, долженствующія произвести актъ перерожденія. Это педагогическій способъ преобразованія человѣка, о которомъ Платонъ хочетъ теперь разсуждать, чтобы видно было, по какимъ степенямъ и посредствомъ какихъ наукъ души стражей должны мало по малу взойти къ созерцанію идеи высочайшаго блага. Смотря на педагогію относительно къ идеальной ея цѣли, этотъ философъ предѣлы энциклопедіи очертываетъ гораздо шире, чѣмъ какъ очертывалъ ихъ Сократъ. Энциклопедія Сократова обнимала только грамматику, музыку и гимнастику. (Protag. 312 A); а у Платона съ строгою постепенностію входятъ въ нее — ариѳметика, геометрія, астрономія, музыка и діалектика. Явно, что Сократовъ курсъ образованія становится теперь общимъ, а Платоновъ — приготовительнымъ къ дѣятельности собственно философской.

свѣтъ, подобно тѣмъ, которые и изъ ада, говорятъ, возвысились до состоянія боговъ?—Какъ не хотѣть? сказалъ онъ.—Это-то былъ бы, видно, не переворотъ марки [1], а ходъ души, возносящейся изъ какого-то ночнаго дня на истинный путь сущаго,—на тотъ путь, который мы справедливо назовемъ философіею. — Безъ сомнѣнія. — Такъ не нужно ли изслѣдо-
D. вать, которая изъ наукъ имѣетъ такую силу?—Какъ не нужно?—Что это была бы за наука, Главконъ, влекущая душу отъ бывающаго къ сущему? Подъ своими словами я разумѣю вотъ что: не говорили ли мы, что подвижники на войнѣ необходимо должны быть молодыми?—Говорили.—Слѣдовательно, наука, которой мы ищемъ, должна, сверхъ того, имѣть и это.—Что то-есть?—Чтобы она не была безполезною для людей военныхъ.—Конечно должна, если возможно, сказалъ онъ.—
E. Гимнастикѣ-то и музыкѣ они учились у насъ прежде.—Это было, сказалъ онъ.—Гимнастика корпитъ [2], вѣроятно, надъ бывающимъ и погибающимъ, потому что располагаетъ ростомъ и сухостію тѣла.—Явно.—Стало-быть, это—не та на-
522. ука, которой мы ищемъ.—Не та.—Такъ не музыка ли, можетъ быть, которая нами разсматриваема была прежде?—Но музыка-то, сказалъ онъ, если помнишь, соотвѣтствовала у

[1] Указывается на игру, называвшуюся ἡ ὀστρακίνδα, въ которой все зависѣло отъ случая, или отъ случайнаго паденія марки, какъ бываетъ въ нѣкоторыхъ, и теперь употребительныхъ играхъ. Подобіе состоитъ въ томъ, что научное образованіе должно совершаться не безъ плана, что изучать надобно не тѣ предметы, какіе въ извѣстное время указаны будутъ какбы случайно упавшею маркою, а тѣ, которые пригодны для постепеннаго возвышенія души къ созерцанію высочайшаго блага.

[2] *Корпитъ*, τετεύτακε. Глаголъ τευτάζω есть одно изъ тѣхъ словъ, которыя ввелъ въ употребленіе первый Платонъ. Поэтому критика долго не могла установить его значеніе, и одни отожествляли его съ τετευχότι, другіе—съ τετυκότι. Оно значитъ то же, что наше русское *корпѣть*. Καὶ μάλα εὖ λέγεις οὐ σμυκρὰν διαφορὰν τῶν περὶ ἀριθμῶν τευτανιζόντων. Phileb. p. 91 A. *Ямблихъ* (Protr. p. 30), вмѣсто τετευτακότι, полагаетъ ἐσπουδακότι. Древній грамматикъ у *Фотія* (Lex. Ms.) и у *Свиды* говоритъ: τευτάζειν, πραγματεύεσθαι, ἢ σκευωρεῖσθαι, ἢ στραγγέυεσθαι καὶ πολὺ διατριβεῖν ἐν τῷ αὐτῷ. *Оригенъ* contr. Cels. VII, p. 349: οὐ χρὴ ἡμᾶς τευτάζειν περὶ τὰ μὴ ἀναγκαῖα. Но τευτάζειν не должно быть смѣшиваемо съ ταυτάζειν — дѣлать одно и то же.

насъ гимнастикѣ [1]: она образуетъ нравы стражей, то-есть, чрезъ гармонію сообщаетъ имъ—не то-что знаніе, а какую-то благонастроенность, чрезъ ривмъ пріучаетъ къ такту, да и рѣчамъ даетъ подобныя, какія имѣетъ, свойства, будутъ ли эти рѣчи вымышлены, или истинны. А науки для такого блага, какого ты теперь ищешь, въ ней не было.—Ты весьма B.
точно напоминаешь мнѣ, сказалъ я; въ ней дѣйствительно нѣтъ ничего такого. Но, почтеннѣйшій Главконъ! какая же это наука? Вѣдь всѣ искуства казались намъ ремеслами.—Какъ не ремеслами? Такъ какая же еще остается наука, по отдѣленіи музыки, гимнастики и искуствъ?—Пускай мы ничего не можемъ взять внѣ ихъ, отвѣчалъ я; но возьмемъ что-нибудь, относящееся ко всѣмъ имъ.—Что именно?—Напри- C.
мѣръ, это общее, чѣмъ пользуются всѣ искуства, всякое размышленіе и знаніе, и что всякому необходимо знать напередъ.—Что же это? спросилъ онъ.—Бездѣлица, отвѣчалъ я,—умѣть различать одно, два, три: называю это вообще числомъ и счетомъ. Развѣ они не таковы, что всякое искуство и знаніе принуждено принимать ихъ въ участіе?—И очень, сказалъ онъ.—Стало-быть, и искуство воинское? спросилъ я.—Весьма необходимо, отвѣчалъ онъ.—А между тѣмъ весьма смѣшно, сказалъ я, какъ Паламидъ въ трагедіи всякій разъ вы- D.
ставляетъ вождя Агамемнона. Замѣтилъ ли ты, что Агамемнонъ, по словамъ Паламида, изобрѣтатель числа, расположилъ лагерь подъ Троею, исчислилъ корабли и все прочее, какъ будто прежде это не считалось, и Агамемнонъ, видно, не зналъ даже, сколько у него ногъ, если не умѣлъ считать [2]?

---

[1] О музыкѣ, какъ искуствѣ, умѣряющемъ жосткость силъ, развиваемыхъ гимнастическими упражненіями, Сократъ разсуждалъ выше, въ книгѣ третьей. Тамъ музыка разсматриваема была со стороны ея вліянія на образованіе нрава, поколику смягчаемый ею нравъ долженъ обуздывать физическую силу тѣла: напротивъ, теперь она должна быть разсмотрѣна какъ искуство, восторгающее душу въ міръ идеальный. Поэтому въ первомъ случаѣ она была ἀντίστροφον τῆς γυμναστικῆς, а въ послѣднемъ Сократъ хочетъ разумѣть ее, какъ приготовительницу къ философіи.

[2] Эту басню приводитъ *Theo Smyrn.* p. 7, ed. Celder., a *Bullialdus*, объясняя

Какимъ же образомъ могъ онъ, думаешь, быть вождемъ? —
E. Странно, если это правда, сказалъ онъ.—Такъ не положить ли, спросилъ я, что для военнаго человѣка особенно необходима наука исчислять и расчитывать?—Да, всего болѣе, отвѣчалъ онъ, если хочетъ онъ хоть немного знать распорядокъ войска, а и того болѣе, если хочетъ быть человѣкомъ. —Но думаешь ли ты, говорю, объ этой наукѣ то же, что я?
523. —Что такое?—Что она, должно быть, по природѣ, относится къ числу наукъ, располагающихъ мыслить о томъ, чего мы ищемъ; только никто не пользуется ею правильно, какъ наукою, влекущею непремѣнно къ сущности.—Какъ ты говоришь? спросилъ онъ.—Постараюсь объяснить тебѣ, что мнѣ-то кажется, отвѣчалъ я; а ты наблюдай вмѣстѣ со мною, что̀ буду я различать въ себѣ, возводитъ ли это къ тому, о чемъ говоримъ [1], или не возводитъ, и либо подтверждай, либо отрицай, чтобы яснѣе увидѣть, справедлива ли моя догадка.—Показывай, сказалъ онъ.—Да вотъ и показываю, продолжалъ я:
B. усматриваешь ли, что одно въ чувствахъ не вызываетъ размышленія къ изслѣдованію, поколику достаточно оцѣнивается самымъ чувствомъ, а другое непремѣнно требуетъ изслѣдованія со стороны размышленія, поколику чувство здѣсь не дѣлаетъ ничего здраваго [2]?—Явно, что ты разумѣешь кажущееся вдали и рисующееся тѣнями, сказалъ онъ.—Не со-

---

ее, говоритъ, что она взята изъ «Паламида», составляющаго заглавіе одной басни Софокла. Но эта шутка надъ Агамемнономъ встрѣчается и у другихъ трагиковъ; посему можно думать, что Паламида понималъ здѣсь Платонъ, какъ лицо родовое или нарицательное — въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы собственное имя иногда употребляемъ въ множественномъ числѣ. Такою насмѣшкою трагики хотѣли выразить, что Агамемнонъ не зналъ ариѳметики.

[1] То-есть, о сущности: есть ли въ ариѳметикѣ нѣчто ἀγωγὸν πρὸς τὴν οὐσίαν, или нѣтъ ничего такого?

[2] Всю эту мысль коротко и ясно излагаетъ *Theo Smyrn*, p. 8, «Что̀ просто движетъ чувствомъ, то не возбуждаетъ и не вызываетъ мышленія, какъ напримѣръ, взглядъ на палецъ, — толстъ ли онъ или тонокъ, великъ или малъ: а что производитъ въ чувствѣ движеніе противное, тѣмъ возбуждается и вызывается мышленіе, когда, напримѣръ, одно и то же кажется великимъ и малымъ, легкимъ и тяжелымъ, однимъ и многимъ. Такимъ образомъ искуство считать, или ариѳметика, влечетъ и руководствуетъ къ истинѣ.»

всѣмъ угадалъ, что говорю, возразилъ я.—Что же говоришь
ты? спросилъ онъ.—Предметъ, невызывающій размышленія,
отвѣчалъ я, есть тотъ, который въ то же время не входитъ C.
въ чувство противное: а который входитъ, тотъ я признаю
вызывающимъ размышленіе; потому что чувство не болѣе
проявляетъ это, какъ и противное этому, вблизи ли что по-
ражаетъ его, или издалека. Впрочемъ вотъ изъ чего яснѣе
поймешь мои слова: это, говоримъ мы,—три пальца: меньшій,
второй и средній.—Конечно, сказалъ онъ.—Представляй же,
что я говорю о нихъ, какъ о предметахъ, видимыхъ вблизи, и
разсматривай въ нихъ слѣдующее.—Что?—Каждый палецъ
между ними является подобнымъ и, какъ палецъ-то, ничѣмъ
не отличается,—въ срединѣ ли видишь его или съ краю, бѣлъ D.
ли онъ или черенъ, толстъ или тонокъ, и все такое. Во всѣхъ
подобныхъ случаяхъ душа не нудится вопрошать размышле-
ніе, что̀ такое палецъ между многими; ибо зрѣніе никогда не
показываетъ ей пальца противнаго чему-нибудь, а палецъ [1].—
Безъ сомнѣнія не показываетъ, сказалъ онъ. — Посему это,
продолжалъ я, естественно не можетъ вызывать и возбуж-
дать мышленіе.—Естественно.—Что же теперь? великость E.
ихъ и малость достаточно ли усматриваются зрѣніемъ, и
не все ли равно для него, въ срединѣ который изъ нихъ ле-
житъ или съ краю? То же и касательно толстоты и тонко-
сти, мягкости и грубости осязанія. Не столь же ли недоста-
точно проявляютъ это и другія чувства? Не такъ ли дѣйству-

---

[1] Эти слова многими филологами переводятся и объясняются неправильно. Греческій текстъ таковъ: *ἐν πᾶσι τούτοις οὐκ ἀναγκάζεται τῶν πολλῶν ἡ ψυχὴ τὴν νόησιν ἐπερέσθαι τί ποτ' ἔστι δάκτυλος*. Нѣкоторые, и между прочими Шлейермахеръ, слово *τῶν πολλῶν* поставляютъ въ зависимость отъ *ἡ ψυχή*: но въ этомъ-то и ошибка. По намѣренію философа, предъ родительнымъ *τῶν πολλῶν* надобно разумѣть *περὶ* и относить его къ *ἐπερέσθαι*, какбы читалось такъ: *οὐκ ἀναγκάζεται ἡ ψυχὴ τὴν νόησιν ἐπερέσθαι περὶ τῶν πολλῶν, ὅταν ἐπέρεται, τί ποτ' κ. τ. λ.* Мысль Сократа состоитъ въ томъ, что чувству свойственно смотрѣть на предметъ одинъ самъ по себѣ, а поставлять его въ отношеніе къ другимъ предметамъ, или сравнивать съ другими предметами ему вовсе несвойственно. Поэтому никакой предметъ, пока онъ является чувству одинъ, самъ по себѣ, естественно не возбуждаетъ размышленія.

етъ и каждое изъ нихъ? Напротивъ, когда чувство, постав-
524. ленное сперва въ отношеніе къ жосткому, нудится стать въ отношеніе къ мягкому, и докладываетъ душѣ, что то же самое чувствуетъ оно и жосткимъ и мягкимъ [1].—Такъ, сказалъ онъ. — Тогда не необходимо ли, спросилъ я, недоумѣвать душѣ, что такое свидѣтельствуетъ ей чувство о жосткомъ, если то же самое называетъ оно мягкимъ, и не необходимо ли то же самое касательно легкаго и тяжелаго, что такое легкое и тяжелое, если о тяжеломъ свидѣтельствуетъ оно какъ о легкомъ, а о легкомъ какъ о тяжеломъ?—Да, эти-
B. то доклады должны показаться душѣ, конечно, странными и требующими изслѣдованія, сказалъ онъ.—Стало-быть, естественно, примолвилъ я, что въ этомъ случаѣ душа сперва попытается вызвать смыслъ и размышленіе и разсмотрѣть, одинъ ли тутъ, или два предмета, о которыхъ доноситъ ей чувство.—Какъ же иначе?—Если окажется два, то не представится ли тотъ и другой инымъ и однимъ?— Да. — А когда тотъ и другой—одинъ, оба же вмѣстѣ—два,—два не будутъ ли мыслимы не отдѣльными, а однимъ?—Справедливо.—Вѣдь
C. и зрѣніе видитъ великое и малое, говоримъ мы, но видитъ не отдѣльнымъ, а чѣмъ-то слитнымъ [2]. Не такъ ли?—Да.—

---

[1] *Но когда чувство* и проч., πρῶτον μὲν ἡ ἐπὶ τῷ σκληρῷ — — αἰσθανομένη; связь этой греческой фразы съ предъидущими и послѣдующими мыслями для меня непонятна. Во-первыхъ, конструкція ея такова, что никакъ не позволяетъ ей быть вопросительною; во-вторыхъ, заключающаяся въ ней мысль очевидно противуположна предъидущимъ, а между тѣмъ слова πρῶτον μὲν не выражаютъ такого поворота; въ-третьихъ дальнѣйшая рѣчь—ἀναγκαῖον ἐν τοῖς τοιούτοις κ. τ. λ. есть конечно, ἀπότασις предъидущей. Поэтому хотѣлось бы читать: πρῶτον μέντοι ἡ ἐπὶ τῷ σκληρῷ,—на томъ основаніи, что μέντοι въ подобной конструкціи значитъ—напротивъ. См. Apol. p. 17 C. Потомъ послѣ αἰσθανομένη, по моему мнѣнію, требуется, вмѣсто знака вопросительнаго, colon. Этимъ оканчивается протазисъ и отдѣляется отъ апотазиса подтвержденіемъ Главкона — Οὕτως, каковые перерывы періода у Платона встрѣчаются нерѣдко.

[2] Зрѣнію подлежитъ тотъ самый предметъ, который, бывъ поставленъ въ извѣстныя отношенія, сознается бо́льшимъ и меньшимъ; но такимъ представляется онъ не зрѣнію, а разсудку: для зрѣнія же всѣ качества предмета, находимыя разсудкомъ посредствомъ отношенія предметовъ, сливаются въ одно и составляютъ то, что на языкѣ нынѣшней логики есть конкретъ, означаемый какимъ-нибудь именемъ.

Чрезъ объясненіе же этого, мышленіе принуждено бываетъ видѣть великое и малое, вопреки зрѣнію, не слитнымъ, а отдѣльнымъ. — Справедливо. — Такъ не отсюда ли прежде приходитъ намъ въ голову спрашивать: что такое великое, и что опять малое? — Безъ сомнѣнія. — И потому-то одно назвали мы мыслимымъ, а другое — видимымъ. — Весьма справедливо, ска- D.
залъ онъ. — Вотъ же это и хотѣлъ я недавно выразить, говоря, что однимъ вызывается размышленіе, а другимъ нѣтъ: чтò дѣйствуетъ на чувство вмѣстѣ съ свойствами противными себѣ, то вызываетъ размышленіе; а чтò нѣтъ, то не возбуждаетъ его. — Теперь понимаю, сказалъ онъ, и мнѣ кажется, что это такъ. — Что же? число и единица къ которому роду, думаешь, относятся? — Этого не соображу, сказалъ онъ. — Но заключай изъ того, чтò прежде сказано, примолвилъ я. Вѣдь E.
если одно достаточно усматривается, либо берется какимъ-нибудь инымъ чувствомъ, само по себѣ, то не можетъ вести къ сущности, подобно тому, какъ мы говорили о пальцѣ: а когда въ немъ видимъ вмѣстѣ нѣчто ему противное, такъ что оно представляется нисколько не болѣе однимъ, какъ и противнымъ; тогда, конечно, требуется уже судья, — въ этомъ случаѣ душа принуждена бываетъ недоумѣвать и, возбуждая въ себѣ мысль, изслѣдовать и спрашивать, что такое одно само
въ себѣ, и такимъ образомъ ученіе объ одномъ становится 525.
возводителемъ души и направителемъ къ созерцанію сущаго. — Разумѣется, сказалъ онъ, на это-то особенно смотритъ она; ибо вмѣстѣ съ тѣмъ тожественное видимъ мы какъ одно, а неопредѣленное — какъ множество. — А если одно, примолвилъ я, то и все число не будетъ ли этимъ тожествомъ? — Какъ не будетъ? — Но наука вычислять и считать не вся ли занимается числомъ? — И очень. — Поэтому она, явно, возво-
дитъ къ истинѣ. — Да, чрезвычайно. — Стало-быть, она, какъ B.
видно, принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, какихъ мы ищемъ; ибо военному человѣку необходимо знать это для распорядка войскъ, а философу, выникающему изъ міра вещей чувственныхъ, — для достиженія сущности; иначе онъ никогда

не будетъ счетчикомъ.—Такъ, сказалъ онъ.—Вѣдь нашъ-то стражъ есть и человѣкъ военный, и философъ.—Что же иное? —Посему эту науку, Главконъ, надобно утвердить закономъ и убѣдить тѣхъ, которые намѣреваются занять въ городѣ
C. высокія должности, чтобы они упражнялись въ наукѣ счисленія, не какъ люди простые, но входили своею мыслію въ созерцаніе природы чиселъ — не для купли и продажи, какъ занимаются этимъ купцы и барышники, а для войны и самой души—съ цѣлію облегчить ей обращеніе отъ вещей бытныхъ къ истинѣ и сущности.—Прекрасно говоришь ты, сказалъ онъ. — Такъ вотъ такъ и теперь думаю, продолжалъ я,
D. что когда говорится о наукѣ счисленія,—она будетъ дѣломъ отличнымъ и многополезнымъ для насъ въ отношеніи къ тому, чего хотимъ, если станутъ заниматься ею для знанія, а не для барышей.—Какъ же это? спросилъ онъ.—Вотъ какъ: То самое, что теперь сказали мы, сильно возвышающее душу и нудящее ее разсуждать о числахъ самихъ въ себѣ, никакъ не принимается въ смыслѣ тѣхъ чиселъ, о которыхъ говорятъ, предлагая ихъ душѣ видимыми и осязаемыми тѣлесно [1]. Вѣ-
E. роятно, ты знаешь, какъ люди, въ этомъ родѣ сильные, если кто возьмется своимъ словомъ разсѣкать одно само въ себѣ,—смѣются и не соглашаются; но тогда какъ ты дѣлишь его, они увеличиваютъ численность, опасаясь, чтобы одно не явилось наконецъ не однимъ, а многими частями [2].—Весьма
526. справедливо говоришь, сказалъ онъ. — Что, Главконъ, если

---

[1] Числами самими въ себѣ здѣсь называются числа чистыя, извѣстныя въ математикѣ подъ именемъ отвлеченныхъ или идеальныхъ, свободныхъ отъ всего конкретнаго. Этимъ числамъ противуполагаются ἀριθμοὶ σώματα ἔχοντες, или числа конкретныя, овеществляемыя самими вещами. Тѣ могутъ быть названы какбы формами счисленія — μόνας, δυάς; а эти считаются въ вещахъ — τὸ ἕν, δύο, и т. д., и потому называются ариѳметическими. Впрочемъ см. *Trendelenburg*. Platonis de ideis et numeris doctrina ex Aristotele illustrata p. 71 sqq.

[2] Отвлеченная, или формальная единица — μόνας, какъ единица, не можетъ быть дѣлима на части. Если же ты станешь дѣлить ее, — люди, знакомые съ идеальною стороною числа, будутъ увеличивать только число единицъ, а не части одной единицы, чтобы во множествѣ частей единицы не уничтожалась самая единица.

кто спроситъ ихъ: почтеннѣйшіе! о какихъ числахъ разсуждаете вы? о тѣхъ ли, въ которыхъ полагаете одно, всецѣло равное всему, ничѣмъ неотличающееся и неимѣющее въ себѣ никакой части? Что, думаешь, будутъ они отвѣчать?—Скажутъ, думаю, что о тѣхъ, о которыхъ можно только мыслить; иначе никакъ нельзя отвѣчать на это. — Такъ видишь ли, другъ мой, примолвилъ я, что эта наука, должно быть, дѣйствительно необходима намъ, когда она явно нудитъ душу B.
пользоваться самымъ мышленіемъ для истины.—Даже сильно дѣлаетъ это, сказалъ онъ.—Что же далѣе? наблюдалъ ли ты уже, что люди, по природѣ счетчики, являются, можно сказать, острыми во всѣхъ наукахъ,—да и тупые, если они учились и упражнялись въ ней, хотя бы и не получили никакой другой пользы, въ остротѣ всѣ превосходятъ самихъ себя? — Это такъ, сказалъ онъ. — Впрочемъ, я думаю, ты нелегко и не- C.
много найдешь такихъ наукъ, которыя учащемуся и занимающемуся представляли бы больше труда, чѣмъ эта. — Конечно.—По всему такому-то, не надобно оставлять этой науки; люди отличные по природѣ должны учиться ей. — Согласенъ, сказалъ онъ. —

Итакъ это, примолвилъ я, пусть у насъ будетъ положено какъ первое, за которымъ поставимъ находящееся съ нимъ въ связи второе, и разсмотримъ, идетъ ли оно сколько-нибудь къ намъ. — Что? не геометрію ли разумѣешь ты? спросилъ онъ.—Это самое, отвѣчалъ я.—Судя по тому, въ какой степени приложима она[1] къ войнѣ, сказалъ онъ, — явно, что идетъ; ибо и при расположеніи лагерей, и при занятіи мѣстъ, и D.
при стягиваніи либо растягиваніи войскъ, и при всѣхъ военныхъ построеніяхъ какъ во время самыхъ сраженій, такъ и во время походовъ, геометръ много отличается отъ не-геомет-

---

[1] Въ какой степени приложима она... *ὅσον μὲν — αὐτοῦ τείνει.* Здѣсь *αὐτοῦ* зависитъ отъ *ὅσον* и, не смотря на то, что стоитъ въ среднемъ родѣ, относится *πρὸς τὴν γεωμετρίαν.* Такая конструкція относительныхъ и указательныхъ мѣстоименій у Платона чаще всего. См. Charm. 154 E. Почти такъ мѣстоименія указательныя иногда сочиняются и у насъ. Это—человѣкъ добрый; это—вещи полезныя.

ра.—Но для такихъ вещей, примолвилъ я, достаточна малая часть геометрическихъ и ариѳметическихъ выкладокъ, часть же ихъ большая, простирающаяся далѣе, должна смотрѣть, чтò здѣсь направляется способствовать легчайшему усмот-
E. рѣнію идеи блага. А направляется къ этому, говоримъ, все, понуждающее душу обращаться къ тому мѣсту, гдѣ обитаетъ блаженство сущаго, которое она всячески должна видѣть. — Ты правду говоришь, сказалъ онъ. — Но какъ скоро геометрія нудитъ созерцать сущее, то она принадлежитъ намъ, а если бытное [1], то — не принадлежитъ. — Да, мы го-
527. воримъ такъ. — Въ томъ-то, сказалъ я, не будетъ у насъ сомнѣваться никто, хоть немного опытный въ геометріи, что берущіеся за это знаніе дѣлаютъ совершенно противное употребляемымъ ими словамъ [2]. — Какъ? спросилъ онъ. — Вѣдь они говорятъ очень смѣшно, и подчиняются необходимости; ибо, какъ будто дѣлая что-нибудь и для дѣла повторяя всѣ свои термины, построимъ, говорятъ, четвероугольникъ, проведемъ или приложимъ линію, и издаютъ всѣ подобные звуки, между тѣмъ какъ цѣлая эта наука назначается для знанія. — Безъ
B. сомнѣнія. — Не должно ли согласиться еще и въ томъ? — Въ чемъ? — Что назначается она всегда для знанія существеннаго, а не для того, чтò бываетъ и погибаетъ. — На это легко согласиться, сказалъ онъ; потому что геометрія всегда есть знаніе сущаго. — Слѣдовательно, почтеннѣйшій, она можетъ влечь душу къ истинѣ и развивать философское мышленіе, чтобы держимое нами теперь внизу, чего не должно быть, она дер-

---

[1] *Если бытное*, *εἰ δὲ γένεσιν*: разумѣется міръ явленій — вещи, непрестанно раждающіяся и исчезающія, а все такое называется бытнымъ, *τὸ γενόμενον*, и противуполагается *τῷ εἶναι*. См. p. 525 B sqq.

[2] Если, то-есть, геометрія есть такая наука, какою мы хотѣли бы ее видѣть, то геометры дѣлаютъ не то, что говорятъ: они прилагаютъ геометрію только къ опыту, а не къ познанію сущности вещей, къ чему предназначена она самою своею природою. Кстати надобно замѣтить, что употребленный здѣсь глаголъ *φθέγγεσθαι* значитъ не то, что *ὀνομάζειν* или *λέγειν*, а издавать звуки, и скрываетъ въ себѣ тонкую насмѣшку, подобно тому, какъ говорится libr. VI, p. 505 C. Theaet. p. 157 B, al. Нельзя оставить безъ замѣчанія и того, что внося въ текстъ слово *καὶ ἀναγκαίως*, Платонъ разумѣлъ, кажется, такъ называемую *γεωμετρικὴν ἀνάγκην*.

жала вверху.—Сколько возможно болѣе, сказалъ онъ.—Ста- C.
ло-быть, надобно, примолвилъ я, сколько возможно строже приказать, чтобы въ прекрасномъ твоемъ городѣ граждане никакимъ образомъ не оставляли геометріи; ибо и боковое въ ней немаловажно.—Что такое боковое? спросилъ онъ.—То, о чемъ ты говорилъ, отвѣчалъ я,—приложеніе геометріи къ дѣламъ воинскимъ. Да и для всѣхъ наукъ, чтобы лучше изучить ихъ, знаемъ,—всесторонняя разница, занимался ли кто геометріею, или нѣтъ.—Въ самомъ дѣлѣ, всесторонняя, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—Такъ предложимъ ли это юношамъ, какъ вторую науку?—Предложимъ, сказалъ онъ.—

Что же еще? третьею не поставить ли астрономіи? Или D.
тебѣ не кажется?—Мнѣ-то кажется, сказалъ онъ; потому что астрономія осязательно представляетъ чувству и годовыя времена, и мѣсяцы, и годы, что̀ нужно нетолько для земледѣлія и кораблеплаванія, но не меньше и для военачальствованія. —Любезенъ ты [1], замѣтилъ я; кажется, боишься, какъ бы не показалось народу, что предписываешь науки безполезныя. Тогда какъ не слишкомъ худо, а трудно повѣрить, чтобы
сими науками очищался и оживлялся какой-то органъ души E.
каждаго человѣка, разстроенный и ослѣпленный иными дѣлами,—беречь этотъ превосходнѣйшій было бы важнѣе, чѣмъ тысячи глазъ; потому что имъ однимъ созерцается истина. Итакъ, кто будетъ согласенъ съ тобою въ мысляхъ, тому слова твои чрезвычайно какъ понравятся: а которые нисколько не сочувствуютъ этому, тѣ естественно подумаютъ, что ты ничего не говоришь; потому что не замѣтятъ въ нихъ другой уважительной пользы. Смотри же отсюда, изъ этихъ ли съ кѣмъ-нибудь
бесѣдуешь ты, или ни съ кѣмъ изъ нихъ, но ведешь рѣчь 528.

---

[1] *Любезенъ ты*, ἡδὺς εἶ—форма вѣжливой насмѣшки. Греки, чтобы избѣжать грубыхъ и оскорбительныхъ выраженій, ввели въ употребленіе такія формулы, которыя обличали худое дѣло или слово, не трогая самолюбія. И это всегда приправлялось аттическою солью. Такъ, напримѣръ, чтобы не назвать кого-нибудь глупымъ или хитрымъ, они употребляли слова ἡδύς, γλυκύς, εὐήθης, χρηστός. *Plat.* Euthyd. p. 226 D: σὺ δὲ ἴσως οὐκ οἴει ὁρᾶν αὐτά· οὕτως ἡδὺς εἶ. Gorg. p. 200 E: ὡς ἡδὺς εἶ, τοὺς ἠλιθίους λέγεις τοὺς σώφρονας.

большею частію для самого себя, хотя не позавидовалъ бы, еслибы и другой кто могъ сколько-нибудь воспользоваться ею. — Дѣйствительно, сказалъ онъ, я хочу большею частію для себя самого и говорить, и спрашивать, и отвѣчать. Такъ повороти назадъ [1], примолвилъ я; ибо теперь вѣдь мы невѣрно взяли то, что слѣдуетъ за геометріею. — Какъ же взяли? спросилъ онъ. — Послѣ поверхности, отвѣчалъ я, ухватились уже за твердое въ движеніи, не взявши напередъ твердаго самого
B. въ себѣ [2]. А правильная послѣдовательность будетъ, если, послѣ втораго развитія, мы возьмемъ третье, что, вѣроятно, есть развитіе кубовъ, имѣющее глубину. — Конечно такъ, сказалъ онъ; но это-то, Сократъ, кажется, еще не найдено. — На то есть двѣ причины, продолжалъ я: ни одинъ городъ не уважаетъ кубическаго развитія, — во-первыхъ потому, что трудное изслѣдывается слабо, — во-вторыхъ потому, что изслѣдователи нуждаются въ наставникѣ, безъ котораго найти это нельзя, и которому сперва трудно родиться, да когда бы онъ,
C. какъ теперь, и родился, высокоумные изслѣдователи не повѣрили бы ему. Но еслибы весь городъ единодушно положилъ уважать это, а наставники слушались его и свои изслѣдованія непрерывно и настоятельно объявляли, — каковы они [3]; то неудивительно, что искомое открылось бы. Вѣдь и теперь,

---

[1] Повороти назадъ, ἄναγε—εἰς τοὐπίσω—метафора, взятая отъ кораблеводителей, когда они даютъ кораблю задній ходъ, inhibent navem.

[2] Платонъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь стереометрію, которую геометры въ его время еще не развили, какъ особую часть науки, но, по разсмотрѣніи разныхъ пріемовъ для опредѣленія поверхностей, переходили прямо къ астрономіи. Имъ не приходило на мысль, что, не изучивъ законовъ построенія и измѣренія твердаго тѣла самого по себѣ, нельзя опредѣлить законовъ движенія его въ небесныхъ пространствахъ. Такимъ образомъ, къ необходимости развить стереометрію Платонъ пришелъ, такъ сказать, à priori, и послѣдующимъ геометрамъ указалъ еще нетронутую сторону ихъ науки. Притомъ надобно замѣтить, что слово кубъ, котораго понятіе установлено было еще Пиѳагоромъ, у Платона берется въ значеніи тѣла вообще, поколику оно имѣетъ высоту, широту и глубину.

[3] Замѣчательно, что и у древнихъ Грековъ общество боялось реформъ и нововведеній въ наукахъ; наукамъ во всѣ времена суждено было идти за явленіями въ мірѣ опыта, и формами теоріи связывать отдѣльные, разнородные, выработанные жизнію факты. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такихъ частныхъ фактахъ яв-

не смотря на то, что народъ презираетъ и стѣсняетъ это занятіе, а изслѣдователи не могутъ доказать, почему оно полезно,—не смотря на все такое уродованіе дѣла, оно, по своей заманчивости, возрастаетъ. — Да, въ самомъ дѣлѣ, оно осо- D.
бенно заманчиво, сказалъ онъ. Но раскрой мнѣ яснѣе теперешнія свои слова. Вѣдь геометрію почитаешь ты, кажется, разсматриваніемъ поверхностей.—Да, отвѣчалъ я.—Потомъ, сказалъ онъ, ты положилъ-было послѣ нея астрономію, но затѣмъ отступилъ назадъ. — Потому что, спѣша скорѣе все разсмотрѣть, примолвилъ я, становлюсь тѣмъ медленнѣе. Слѣдовало по порядку развитіе въ глубину: но такъ какъ для изслѣдованія представляютъ это предметомъ смѣшнымъ, то миновавъ его, я, послѣ геометріи, заговорилъ объ астрономіи, которая разсматриваетъ движеніе глубины.—Правильно E.
говоришь, сказалъ онъ.—Итакъ, астрономію, продолжалъ я, примемъ мы за четвертую науку, полагая, что пропущенная теперь была бы, еслибы допустилъ ее городъ. — Вѣроятно, сказалъ онъ. Ну вотъ, Сократъ, меня-то ты укорилъ за астрономію, что я опрометчиво похвалилъ ее: за то теперь буду хвалить уже то, къ чему самъ приступаешь; ибо всякому, кажется, видно, что это понуждаетъ душу смотрѣть вверхъ,— 529.
отсюда ведетъ ее туда.—Можетъ быть; всякому видно, кромѣ меня, примолвилъ я; ибо мнѣ представляется не такъ. — А какъ же? спросилъ онъ. — Хватающіеся за нее теперь и возводящіе ее на степень философіи сильно располагаютъ человѣка смотрѣть внизъ.—Что ты разумѣешь? спросилъ онъ.— Ты, кажется, питаешь въ себѣ не низкое понятіе о наукѣ высокаго [1], что такое она, замѣтилъ я. Тебѣ, должно быть,

---

лялись по временамъ матеріалы и стереометріи: не было только науки; ибо, по врожденной человѣку осторожности, смѣлое наведеніе всегда пугало его, или по крайней мѣрѣ возбуждало къ себѣ недовѣрчивость. Замѣчательно равнымъ образомъ, что и Платонъ уже въ области знанія чувствовалъ потребность гласности, или обнародованія мыслей, пораждаемыхъ изслѣдованіями наставниковъ юношества. На это можно смотрѣть, какъ на первое пробужденіе идеи академіи наукъ.

[1] *Ты, кажется, питаешь въ себѣ не низкое понятіе о наукѣ*, οὐκ ἀγεννῶς μοι

B. думается, что кто видитъ украшенія на потолкѣ и, присмотрѣвшись, узнаетъ что-нибудь, тотъ видитъ это мыслію, а не глазами. Можетъ быть, ты думаешь хорошо, а я глупо; но подъ именемъ науки, повторяю, которая заставляетъ душу смотрѣть вверхъ, я не могу разумѣть чего иного, кромѣ того, что разсуждаетъ о сущемъ и невидимомъ, по верхамъ ли зазѣвавшись, или зарывшись внизу, пріобрѣтаетъ кто извѣстное знаніе. Если же хотятъ пріобрѣсть знаніе, зазѣвавшись вверху на что-либо чувственное, то утверждаю, что и не узнаютъ ничего—ибо такія вещи не даютъ знанія,—и ду-
C. ша будетъ смотрѣть не вверхъ, а внизъ, хотя бы кто хотѣлъ узнавать вещи, плавая на морѣ, или лежа на землѣ лицомъ навзничь.—Стóю наказанія, сказалъ онъ; потому что ты справедливо укорилъ меня. Но какимъ же образомъ надобно, говоришь, учиться астрономіи, отлично отъ того, какъ теперь учатся ей, если хотимъ заниматься этимъ съ пользою въ отношеніи къ тому, что разумѣемъ?—Вотъ какимъ, отвѣчалъ я. Все это разнообразіе на небѣ, если оно рисуется для зрѣнія,
D. надобно почитать образцомъ великой красоты и точности; но истинности этому далеко не достаетъ: какое движеніе во взаимномъ отношеніи истиннаго числа и всѣхъ истинныхъ образовъ производится существенною скоростію и существенною медленностію, и какъ движется то, что въ тѣхъ предметахъ есть,—это доступно только слову мысли, а зрѣнію недоступно[1]. Или ты думаешь?—Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ.—Сталобыть, небеснымъ разнообразіемъ, продолжалъ я, надобно поль-

---

δοκεῖς.... говорится, очевидно, иронически, и тонкость этой ироніи возвышается антитезою, что тогда какъ популярная астрономія заставляетъ поднимать глаза кверху, цѣль ея довольно низка.

[1] Въ этомъ мѣстѣ отличительною чертою популярной астрономіи Платонъ почитаетъ начертательное изображеніе звѣзднаго неба съ показаніемъ симметрическаго и точнаго расположенія небесныхъ свѣтилъ: напротивъ, астрономія умственная, или та, которая можетъ возвышать душу къ истинѣ, должна изучать пропорціональное и относительно согласное движеніе звѣздъ, такъ чтобы оно опредѣлялось числами и приводило къ идеѣ абсолютной скорости и абсолютной медленности, чего зрѣніемъ видѣть уже нельзя, что доступно только мышленію.

зоваться въ значенiи образца для изученiя предмета невидимаго, подобно тому, какъ еслибы кто случайно попалъ на отлично E.
написанные и отдѣланные чертежи Дедала, или иного художника, либо живописца. Вѣдь какой нибудь знатокъ геометрiи, видя такiе чертежи, конечно, подумалъ бы, что хотя и весьма хорошо имѣть ихъ при работѣ, однакожъ смѣшнымъ показался бы тотъ, кто сталъ бы смотрѣть на нихъ серьезно, будто на истинность равной, двойной, или иной пропорцiи.—Какъ не 530.
смѣшнымъ, сказалъ онъ.—Такъ не думаешь ли, продолжалъ я, что истинный-то астрономъ, смотря на движенiе звѣздъ, будетъ убѣжденъ въ томъ же самомъ? Онъ, конечно, станетъ мыслить, что какъ устроены тѣ предметы наивозможно лучшимъ образомъ, такъ устроено Творцомъ неба и самое небо, и все, что въ небѣ. Разсматривая отношенiе ночи къ дню, дней къ мѣсяцу, мѣсяца къ году, и отношенiе другихъ звѣздъ къ тому же и взаимно къ звѣздамъ, не страненъ ли, думаешь, B.
будетъ онъ, несмотря на свою тѣлесность и видимость, когда положитъ, что и это всегда бываетъ подобнымъ образомъ, не подлежитъ никакой измѣняемости, и будетъ стараться всячески постигнуть истинность такихъ предметовъ?—Слушая теперь тебя, и я думаю не иначе, сказалъ онъ.—Стало-быть, мы и къ астрономiи, какъ прежде къ геометрiи, замѣтилъ я, приступаемъ, пользуясь высшими вопросами, а находящееся C.
въ небѣ оставимъ, если хотимъ, занявшись истинно астрономiею, разумную по природѣ сторону души изъ безполезной сдѣлать полезною.—Какъ много дѣла предписываешь ты ей, сравнительно съ дѣломъ нынѣшнихъ астрономовъ! сказалъ онъ.—Но вѣдь мнѣ представляется, примолвилъ я, что мы и въ другихъ отношенiяхъ будемъ давать такiя же предписанiя, если отъ насъ, законодателей, должна быть какая-нибудь польза.

Не можешь ли ты указать еще на какую-нибудь, подходящую къ намъ науку?—Теперь-то вдругъ не могу, сказалъ онъ.—Движенiе представляетъ, думаю, не одинъ, а больше видовъ, примолвилъ я. Но о всѣхъ ихъ можетъ сказать раз- D.

вѣ какой мудрецъ; а намъ открывается ихъ только два [1]. —
Какіе именно? — Кромѣ этого, отвѣчалъ я, соотвѣтствующій
ему. — Какой? — Какбы пригвоздивъ глаза къ астрономіи, ска-
залъ я, ты, должно быть, какбы пригвождаешь также уши къ
гармоническому движенію, — и эти знанія, повидимому, сход-
ны одно съ другимъ, о чемъ говорятъ Пиѳагорейцы и въ чемъ
мы, Главконъ, согласимся съ ними. Или какъ сдѣлаемъ? —
E. Такъ, сказалъ онъ. — Но поколику это дѣло большое, примол-
вилъ я, то спросимъ ихъ, какъ говорятъ они объ этомъ и,
сверхъ сего, объ иномъ; а сами, кромѣ всего такого, сохра-
нимъ собственное правило [2]. — Какое? — Чтобы тѣ, кото-
рыхъ будемъ воспитывать, не взялись у насъ учиться чему-
нибудь, въ этихъ познаніяхъ несовершенному, что̀ всегда на-
правляется не къ тому, къ чему, какъ мы недавно говорили
объ астрономіи, должно направляться все. Развѣ не знаешь,
531. что Пиѳагорейцы и въ отношеніи къ гармоніи берутъ подоб-
ное этому худшее [3]? Взаимно соразмѣряя созвучія и звуки,

---

[1] Двумя видами движенія Сократъ называетъ двоякость впечатлѣній, производимыхъ на два чувства — зрѣніе и слухъ. Впечатлѣнія, производимыя на слухъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя дѣйствуютъ на зрѣніе, и потому называются ἀντίστροφα αὐτῶν. Видъ движенія, относящійся къ зрѣнію, есть орудіе астрономіи, которая чрезъ его посредство усматриваетъ пути, совершаемыя небесными тѣлами. *Кромѣ этого*, то-есть, астрономическаго, другой, относящійся къ слуху, служитъ проводникомъ гармоніи, которую производятъ своимъ движеніемъ небесныя тѣла, и полагаютъ начало музыки. Такимъ образомъ астрономія и музыка являются какъ науки взаимно сродныя, какими онѣ казались Пиѳагору и его послѣдователямъ, которые учили, что музыка земная есть подражаніе музыкѣ небесной. *Censorin.* De die natal. c. 13.

[2] Сократъ учитъ, что истинное достоинство музыки состоитъ не просто въ слышимомъ нами сочетаніи звуковъ, такъ какъ это относится къ одному чувству, и не въ томъ возбуждаемомъ звуками удовольствіи, котораго ищетъ въ нихъ невѣжественный народъ, но въ созерцаніи безусловныхъ основаній всякой гармоніи, и въ самомъ ихъ знаніи или теоріи, чрезъ которую душа возбуждается къ изслѣдованію и разсматриванію вещей, существующихъ въ себѣ и не подлежащихъ чувствамъ.

[3] *Берутъ подобное этому худшее*, ἕτερον τοιοῦτον ποιοῦσι, ἕτερον здѣсь имѣетъ то же значеніе, какое въ Эвтидемѣ, p. 280 E, мы замѣтили въ словѣ θάτερον: если оно употребляется при сравненіяхъ вещей, то въ моментахъ сравниваемыхъ означаетъ худшее. Подъ худшимъ Платонъ разумѣетъ то, что въ небесной музыкѣ Пиѳагорейцы слышали только музыку чувственную.

они, какъ и астрономы, трудятся безразсудно [1]. — Да, кля-
нусь богами, сказалъ онъ, дѣло-то смѣшное: толкуя о ка-
комъ-то сгущеніи тоновъ [2] и прикладывая уши, они извлека-
ютъ звукъ какбы изъ ближайшихъ звуковъ. Одни изъ нихъ
говорятъ, будто слышатъ какой-то еще отголосокъ въ сре-
динѣ, такъ что разстояніе, которымъ надобно измѣрять зву-
ки, у нихъ самое малое; а другіе спорятъ, что такое звучаніе
въ подобіи доходитъ уже до тожества, но какъ первые, такъ
и послѣдніе ставятъ уши выше ума. — Ты говоришь, примол- B.
вилъ я, о тѣхъ добрыхъ музыкантахъ, которые, вертя колки
ключами, испытываютъ звуки и не даютъ покоя струнамъ [3].
Но чтобы не распространяться о томъ, какъ, ударяя также
смычкомъ, они заставляютъ струны изображать то жалобу, то
отказъ, то страсть [4], — я оставляю подобныя изображенія и
не буду говорить о тѣхъ музыкантахъ, а скажу о другихъ,
которые, какъ сейчасъ замѣчено, имѣютъ въ виду гармонію;
ибо дѣлаютъ то же, что дѣлается въ астрономіи: они въ та-
кихъ слышимыхъ созвучіяхъ ищутъ чиселъ, а къ высшимъ C.

---

[1] *Трудятся безразсудно*, ἀνήνυτα — πονοῦσι, т.-е. предпринимаютъ такую работу, которая, при всѣхъ усиліяхъ, не можетъ быть доведена до конца, и потому не приноситъ никакой пользы. Такъ, Legg. V, p. 737 B: μάθεος — πόνος καὶ ἀνήνυτος. Но ἀνήνυτα πονεῖσθαι — не то же, что ἀνόνητα πονεῖν: послѣднее значитъ дѣлать что-нибудь попусту, не давая мысли объ усильномъ и тяжеломъ трудѣ. Libr. VI, p. 488 C: ἀνόνητα δὴ πονῶν οὐκ οἴει κ. τ. λ.

[2] *Толкуя о какомъ-то сгущеніи тоновъ*, πυκνώματα ἄττα ὀνομάζοντες. Подъ словомъ πυκνώματα разумѣется не быстрая смѣна звуковъ, а до крайности уменьшаемое разстояніе между тонами, или чрезвычайныя дробности въ пониженіи и повышеніи струны. Пиѳагорейцы, то-есть, во всякомъ ѳоническомъ интервалѣ, сколь бы малъ онъ ни былъ, старались уловить и опредѣлить всегда новый, средній звукъ. См. *Theon*. Arithm. p. 21. Music. p. 73. *Bœckh*. de Metris Pindar. p, 208. *Moeres* p. 175 Ἠχή ἀττικῶς, ἦχος ἑλληνικῶς.

[3] Весьма остроумная шутка надъ тѣми артистами, которыхъ знаніе въ музыкѣ не простирается далѣе строя струнъ, или которые стоятъ не выше настройщиковъ, при посредствѣ своего ключа, только обезпокоивающихъ струны, какъ у Aristaen. Epist. XIV, libr. 1: τί πράγματα παρέχετε χορδαῖς. Объ ироническомъ значеніи слова χρηστός въ выраженіи: *добрые музыканты*, сказали мы выше, по поводу объясненія прилагательнаго ἡδύς. См. p. 527 D.

[4] Это мѣсто по-гречески читается такъ: ἵνα δὲ μὴ μακροτέρα ἡ εἰκὼν γίγνηται πλήκτρῳ τε πληγῶν γιγνομένων καὶ κατηγορίας πέρι καὶ ἐξαρνήσεως καὶ ἀλαζονίας, χορδῶν, παύομαι κ. τ. λ. Нѣкоторые критики понимаютъ смыслъ этого текста, по мо-

вопросамъ [1] не восходятъ, чтобы наблюдать, какія числа созвучны, и какія нѣтъ, и отчего бываетъ то и другое.—Геніальное дѣло высказываешь ты, примолвилъ онъ.—По крайней мѣрѣ полезное для изслѣдованія прекраснаго и добраго; а иначе разсматриваемое, оно не будетъ полезно. — Вѣроятно, сказалъ онъ.—

Думаю даже, продолжалъ я, что и послѣдовательность D. всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя мы разсмотрѣли, если обращаемо будетъ вниманіе на взаимную близость и сродство ихъ и привзойдетъ соображеніе, находятся ли онѣ во взаимномъ отношеніи,—и такая послѣдовательность ихъ поможетъ намъ

моему мнѣнію, вовсе не такъ. Вотъ, напримѣръ, переводъ Штальбома: «чтобы это описаніе и изображеніе не сдѣлалось слишкомъ длиннымъ отъ ударовъ смычка и шума струнъ, когда онѣ являются или упрямыми, или хвастливыми (когда, т.-е., или не издаютъ никакого звука, или издаютъ звукъ то непомѣрно тихій, то слишкомъ громкій),—я полагаю ему конецъ.» Ученый критикъ, во-первыхъ, не замѣтилъ, что частица τε связываетъ выраженіе: πλήκτρῳ πληγῶν γιγνομένων, съ предъидущимъ: ἐπὶ τῶν κολλόπων στρεβλοῦντας, а не съ шумомъ струнъ (convicio chordarum), котораго въ греческомъ текстѣ вовсе нѣтъ. Во-вторыхъ, онъ не обратилъ вниманія на предлогъ περὶ, который, стоя послѣ своего имени, обыкновенно значитъ: *относительно, касательно, для;* такъ что слова: πλήκτρῳ πληγῶν γιγνομένων, выражаютъ средство, а словами: καὶ κατηγορίας πέρι καὶ ἐξαρνήσεως, καὶ ἀλαζονίας χορδῶν, означается цѣль. Въ-третьихъ, выраженіе πλήκτρῳ τε πληγῶν γιγνομένων онъ, повидимому, представлялъ въ зависимости отъ εἰκών, тогда какъ это, явно,—родительный самостоятельный. Притомъ κατηγορία отнюдь не convicium, которымъ Штальбомъ переводитъ это слово, а обвиненіе, или жалоба, равно какъ ἐξάρνησις—не pervicatia, а отрицаніе чего-нибудь, или отказъ, да и ἀλαζονία здѣсь — не jactatio, а безстыдное домогательство. Кстати надобно замѣтить, что древніе гармонисты, или Пиѳагорейцы, подражая своему корифею, въ дѣлѣ музыки отвергали все вліяніе чувствъ и всякій судъ слуха, но опредѣляли это дѣло только пропорціональностію чиселъ. См. *Aristoxen.* Elem. Harm. libr. 1. *Plut.* de Music. c. 37, p. 1144 F. Слѣдовавшіе за этими древнѣйшими музыкантами повѣряли гармонію болѣе свидѣтельствомъ чувствъ, чѣмъ умомъ. *Ptolem.* Harm. Libr. 1, c. 2. Третья школа музыкантовъ занималась преимущественно музыкальными инструментами и славилась особенно подъ именемъ органистовъ: довѣряя въ музыкѣ слуху и музыкальному орудію, они начала музыки раціональной совершенно презрѣли. *Plut.* de Music. c. 39, p. 1145 C. D. *Lucret.* de Rer. Nat. Libr. II, v. 410.

[1] *Къ высшимъ вопросамъ не восходятъ*, по-гречески читается просто: οὐκ εἰς προβλήματα ἀνίασιν. Πρόβλημα, или больше отвлеченное изслѣдованіе основаній музыки Платонъ употребляетъ здѣсь для параллели съ проблемами геометріи и астрономіи, p. 530 B.

нѣсколько дать имъ направленіе къ тому, къ чему хотимъ,
и мы будемъ трудиться ненапрасно; а въ противномъ слу-
чаѣ—напрасно.—И я то же предсказываю, примолвилъ онъ:
но ты, Сократъ, говоришь о дѣлѣ очень трудномъ.—На на-
чало, или на что указываешь? спросилъ я. Развѣ не знаемъ,
что всѣ эти начала суть начала того закона, который на-
добно изучить? Вѣдь такіе люди не кажутся тебѣ, конечно,
сильными діалектиками[1]. — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ E.
онъ; развѣ ужъ очень немногихъ встрѣчалъ я между ними.—
А неимѣющіе силы-то ни дать, ни принять основаніе[2], при-
молвилъ я, вѣроятно, не будутъ знать того, что̀, говоримъ,
нужно знать.—Да, и тутъ опять—нѣтъ, сказалъ онъ.—Такъ
не это ли тотъ законъ, спросилъ я, которымъ ограничивается 532.
діалектика, Главконъ? И этому закону, какъ мыслимому, мо-
жетъ подражать сила зрѣнія[3], которая, говорили мы, берет-
ся смотрѣть на самыхъ уже животныхъ, на самыя звѣзды и
наконецъ на самое солнце. Такимъ образомъ, кто присту-
паетъ къ діалектикѣ безъ всякихъ чувствъ, кто стремится къ
сущему самому въ себѣ умственно, и не отступаетъ отъ діа-
лектики, пока не постигнетъ своею мыслію благо существен-
ное; тотъ становится у самой цѣли мыслимаго, какъ первый B.

---

[1] Всѣ науки, о которыхъ Сократъ доселѣ разсуждалъ, почитаются только началами—*προοίμια*, или вступленіемъ въ самое дѣло, то-есть въ область діалектики, которая должна показать законъ развитія всѣхъ познаній, пріобрѣтаемыхъ тѣми науками. Поэтому далѣе Сократъ говоритъ, что люди, остановившіеся на разсмотрѣнныхъ выше предварительныхъ наукахъ, не бываютъ сильными діалектиками.

[2] Въ этихъ словахъ: *дать и принять основаніе*, заключается сжатое, но полное опредѣленіе діалектики. Phileb. p. 10 E. Theaet. p. 161 B.

[3] Этотъ законъ діалектики, учитъ Сократъ, можетъ быть созерцаемъ только умомъ; посему усматриваніе вещей, подлежащихъ чувствамъ, есть не иное что, какъ образъ или подражаніе дѣятельности діалектической, посредствомъ которой душа, отрѣшившись отъ тѣлесныхъ чувствъ, возносится къ созерцанію самой природы вещей и не прежде отступаетъ отъ изслѣдованія истины, какъ постигнувъ однимъ мышленіемъ самую идею блага — *αὐτὸ ὁ ἔστιν ἀγαθόν*, и такимъ образомъ восходитъ до послѣднихъ предѣловъ міра мыслимаго. Слѣдовательно, человѣкъ, вооруженный двоякимъ органомъ зрѣнія, въ одно и то же время одинъ и тотъ же предметъ видитъ въ условіяхъ бытія, свойственныхъ двумъ мірамъ— ноуменальному и феноменальному.

въ то же время—у цѣли видимаго.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Что же? не діалектическимъ ли называешь этотъ ходъ? —Какъ не діалектическимъ? — Но освобожденіе-то отъ узъ, направленіе отъ тѣней къ образамъ и свѣту, обратное восхожденіе изъ той пещеры на солнце и, тогда какъ тамъ не было силы смотрѣть на животныхъ, на растенія и на свѣтъ
C. солнечный, а только на отраженія въ водѣ, — здѣсь — явленіе возможности видѣть отраженія божественнаго и тѣни сущаго, но не тѣни образовъ, составляющіяся чрезъ подобный свѣтъ, въ зависимости отъ солнца, — весь этотъ трудъ искуствъ, какъ мы видѣли, имѣетъ силу возводить наилучшую часть души къ созерцанію превосходнѣйшаго въ существенномъ, подобно тому, какъ тогда свѣтлѣйшая часть тѣла направляема была къ усматриванію яснѣйшаго въ тѣлесномъ
D. и видимомъ мірѣ [1].—Я принимаю это, сказалъ онъ: принять твои слова кажется мнѣ дѣломъ, конечно, весьма труднымъ; однако, съ другой стороны, трудно опять и не принять ихъ. Впрочемъ — вѣдь не въ теперешнее только время я слушаю тебя; придется нерѣдко встрѣчаться и опять: допустивши то, что говорится теперь, мы перейдемъ и къ самому закону и разсмотримъ его такъ, какъ разсмотрѣли начало. Гово-

---

[1] Сказавъ о созерцаніи одного и того же предмета очами чувствъ и окомъ ума, Сократъ это послѣднее созерцаніе поставляетъ теперь въ параллель съ первымъ, — относительно постепеннаго его развитія или движенія къ цѣли — къ истинно-сущему. Какъ тамъ,—въ пещерѣ, человѣкъ видѣлъ тѣни проносимыхъ тѣлесныхъ изображеній, отражавшихся въ водѣ: такъ и здѣсь онъ созерцаетъ тѣни же — но только сущаго, отражающагося въ наилучшей части его души, въ формѣ идей. Какъ тамъ ему нельзя было смотрѣть прямо на свѣтъ солнца, не подвергаясь опасности ослѣпнуть тѣлесно: такъ и здѣсь онъ не въ силахъ созерцать свѣтъ сущаго самого въ себѣ, не осуждая себя на слѣпоту духовную. Какъ тамъ восхожденіе изъ пещеры подъ открытое небо совершалось чрезъ отрѣшеніе яснѣйшаго изъ органовъ тѣлесной природы человѣка, чрезъ чувство зрѣнія: такъ и здѣсь восхожденіе къ истинѣ сущаго возможно не иначе, какъ чрезъ очищеніе превосходнѣйшаго органа духовной его природы, — ума. Наконецъ, какъ тамъ переходъ изъ области тѣней міра видимаго требовалъ постепенной и долговременной привычки: такъ и здѣсь приближеніе къ истинѣ самой въ себѣ, или къ высочайшему благу міра мыслимаго, должно совершаться долговременными усиліями и постояннымъ навыкомъ.

ри же, въ чемъ состоитъ способъ силы діалектической, на E.
какіе виды дѣлится онъ и каковы его пути; ибо они-то уже,
какъ видно, приведутъ туда [1], гдѣ путешественникъ найдетъ
какбы отдохновеніе и конецъ своего странствованія. — Но
ты, любезный Главконъ, примолвилъ я, еще не можешь слѣ-
довать, хотя съ моей-то стороны и не было бы недостатка въ 533.
усердіи. Тогда-то вѣдь ты увидѣлъ бы уже не образъ того,
о чемъ теперь говоримъ, а какъ мнѣ-то кажется,—самую ис-
тину. Она ли дѣйствительно представляется мнѣ, или не она,
утверждать еще не смѣемъ; а что она въ самомъ дѣлѣ—что-
то такое, утвердить надобно. Не такъ ли?—Какъ же иначе?
—Не утвердить ли также, что сила діалектики одна можетъ
открыть ее опытному въ томъ, что разсмотрѣли мы теперь,
а другой наукѣ никакой открытіе ея невозможно? — И это
стоитъ утвержденія, сказалъ онъ.—Вѣдь въ тѣхъ-то нашихъ B.
словахъ никто не будетъ сомнѣваться, продолжалъ я, что
ни одна метода, имѣя въ виду предметы недѣлимые, какъ
недѣлимые, не возмется вести ихъ къ общему: всѣ другія
искуства направляются либо къ человѣческимъ мнѣніямъ
и пожеланіямъ, либо къ происхожденію и составу, либо
наконецъ, къ обработкѣ того, что происходитъ и состав-
ляется; прочія же, которыя, сказали мы, воспринимаютъ
нѣчто сущее, напримѣръ, геометрія и слѣдующія за нею, C.
видимъ, какъ будто грезятъ о сущемъ, а наяву не въ со-
стояніи усматривать его, пока, пользуясь предположеніями,
оставляютъ ихъ въ неподвижности и не могутъ дать для нихъ
основанія. Вѣдь если и началомъ бываетъ то, чего кто не
знаетъ, да и конецъ и средина сплетаются изъ того, чего кто
не знаетъ; то какимъ образомъ можно согласиться съ такимъ
знаніемъ? — Никакъ нельзя, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, діалек-
тическая метода, сказалъ я, одна идетъ этимъ путемъ, воз-
водя предположенія къ самому началу, чтобы утвердить ихъ,
и око души, зарытое дѣйствительно въ какую-то варварскую D.

---

[1] *Приведутъ туда, πρὸς αὐτὸ ἄγουσαι εἶεν,* то-есть къ высочайшему благу.

грязь [1], понемногу извлекаетъ изъ ней, чтобы, пользуясь содѣйствіемъ и возбужденіемъ разсмотрѣнныхъ нами наукъ, направлять его выспрь. Эти науки мы, по обыкновенію, часто называемъ знаніями (ἐπιστήμας); но онѣ имѣютъ нужду въ иномъ названіи, которое было бы яснѣе, чѣмъ мнѣніе, и темнѣе, чѣмъ знаніе. Самое же размышленіе мы опредѣлили уже прежде. Впрочемъ, я думаю, что чье изслѣдованіе направлено къ та-
E. кимъ предметамъ, какіе предлежатъ намъ, тому — не до сомнѣній въ названіи. — Конечно не до того, сказалъ онъ. — Намъ нравится, какъ и прежде, продолжалъ я, первую часть
534. называть знаніемъ, вторую — размышленіемъ, третью—вѣрою, четвертую—уподобленіемъ, и двѣ послѣднія—мнѣніемъ, а двѣ первыя—разумѣніемъ. Мнѣніе имѣетъ дѣло съ бытнымъ, а разумѣніе съ сущностію. И какъ сущность относится къ бытному, такъ разумѣніе — къ мнѣнію, знаніе — къ вѣрѣ [2], размышленіе—къ уподобленію. Впрочемъ, соотвѣтственность между этими вещами и раздѣленіе ихъ по двѣ—на мнимое и разумѣваемое, мы оставимъ, Главконъ, чтобы не запутаться
B. намъ въ разсужденія длиннѣе прежнихъ. — Да мнѣ-то, сказалъ онъ, нравится все, что тебѣ, сколько я могу слѣдовать. —Не называешь ли ты діалектикомъ того, кто беретъ основаніе сущности каждаго предмета? и не скажешь ли, что человѣкъ, неимѣющій основанія, такъ какъ не можетъ представить его ни себѣ, ни другому, въ томъ же отношеніи и не имѣетъ ума?—Какъ же не сказать-то, отвѣчалъ онъ.—Но не то же ли самое и о благѣ? Кто, идею блага отдѣливъ отъ все-
C. го другаго, не хотѣлъ бы опредѣлять ее словомъ, но шагалъ

---

[1] Разумѣетъ око души, направленное къ предметамъ обыденной жизни и развлекаемое пожеланіями вещей, недостойныхъ разумной дѣятельности человѣка. Зарывшись въ эту житейскую грязь, умъ можетъ до того привыкнуть къ ней, что совершенно теряетъ сознаніе своего назначенія и забываетъ о цѣли естественныхъ или прирожденныхъ своихъ стремленій.

[2] Относя вѣру къ области мнѣній, Сократъ разумѣетъ подъ нею, очевидно, принятіе какого-нибудь положенія безъ основаній. Поэтому вѣра поставляется у него въ соотношеніе съ знаніемъ, которое принимаетъ это значеніе не иначе, какъ опираясь на извѣстномъ основаніи.

бы, будто въ сраженіи, чрезъ всѣ препятствія, старался бы открыть его не путемъ мнѣній, а прямо войти въ самую его сущность, и во всемъ этомъ шелъ бы умомъ твердымъ: тотъ, съ подобнымъ настроеніемъ, не скажешь ли, не знаетъ нетолько блага самого въ себѣ, но и никакого иного блага, а хватается какбы за какой-то призракъ, и притомъ хватается мнѣніемъ, а не знаніемъ, и настоящую жизнь проводитъ будто среди грезъ, воснѣ, чтобы, отправившись въ преисподнюю, совершенно заснуть [1], если не пробудится здѣсь D.
же?—Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ; рѣшительно даже скажу все это. — И своимъ дѣтямъ-то, которыхъ теперь воспитываешь и учишь только словомъ, когда будешь воспитывать ихъ на самомъ дѣлѣ, ты не позволишь, думаю, пока они безсловесны, какъ буквы [2], быть въ городѣ правителями и распорядителями величайшихъ дѣлъ.—Конечно нѣтъ, сказалъ онъ. — И не предпишешь ли имъ закономъ получать особенно такое воспитаніе, чрезъ которое они сдѣлались бы лучшими знатоками въ предложеніи вопросовъ и отвѣтовъ?—Предпишу закономъ вмѣстѣ съ тобою, сказалъ онъ.— E.
Такъ не кажется ли тебѣ, спросилъ я, что діалектика, какбы оглавленіе наукъ, стоитъ у насъ наверху, и что никакая дру-

---

[1] Сократъ говоритъ о томъ, что до идеи блага можно доходить неиначе, какъ рядомъ оснований, выводя заключенія отъ одного низшаго къ другому высшему, а не такъ, какъ бываетъ на войнѣ, гдѣ воинъ шагаетъ чрезъ трупы убитыхъ, почитая ихъ ненужными для того, чтобы добраться до живыхъ. Идея блага не есть что-нибудь такое, къ чему можно приблизиться непосредственно, не перешедши безконечныхъ степеней бытія, постепенно раскрывающихъ и объясняющихъ истину сущаго. Это мѣсто, между множествомъ другихъ, ясно показываетъ, что идея высочайшаго блага у Платона была не отвлеченнымъ понятіемъ, а реальнымъ органомъ познанія существа дѣйствительнаго, самобытнаго, что созерцая высочайшее благо идеально, человѣкъ не грезитъ и готовится не ко сну за гробомъ.

[2] *Какъ буквы*, ὥςπερ γραμμάς. Употребленный здѣсь греческій терминъ возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе. Γραμμαί,—конечно, буквы, см. Prot. 326 D: но употребленіе этого слова въ настоящемъ его приложеніи, кажется, несовсѣмъ умѣстно. Штальбомъ, вопреки всѣмъ спискамъ, догадывается, не должно ли здѣсь читать γραφάς, и въ основаніе приводитъ слѣдующія слова изъ *Плутарха*, vit. Lycurg. c. X: ὥςτε δὴ τοῦτο τὸ θρυλλούμενον, ἐν μόνῃ — τῇ Σπάρτῃ σώζεσθαι τυφλὸν ὄντα τὸν Πλοῦτον καὶ κείμενον ὥςπερ γραφὴν ἄψυχον καὶ ἀκίνητον.

гая наука, по справедливости, не можетъ стоять выше ея; —
535. ею должны заканчиваться всѣ науки. —Мнѣ кажется, сказалъ онъ. —

Теперь остается распредѣлить, продолжалъ я, кому должны мы преподавать эти науки и какимъ образомъ. —Явно, сказалъ онъ.—А помнишь ли первый выборъ правителей, какихъ мы избрали?—Какъ не помнить? отвѣчалъ онъ.— Такъ вотъ такія вообще природы, почитай, должны быть избираемы, примолвилъ я: ибо при этомъ надобно предпочитать твердѣйшихъ, мужественнѣйшихъ и по возможности бла-
B. гообразнѣйшихъ; сверхъ того, искать нетолько благородныхъ и по характеру строгихъ, но и такихъ, которые для подобнаго воспитанія имѣли бы все нужное. —Что именно полагаешь ты?—Они, почтеннѣйшій, должны имѣть воспріимчивость для наукъ, отвѣчалъ я, чтобы ученіе для нихъ было нетяжело: вѣдь предъ трудными науками души больше робѣютъ, чѣмъ предъ гимнастическими упражненіями; потому что тамъ свойственъ имъ трудъ частный, а не общій вмѣстѣ съ тѣломъ.—Правда, сказалъ онъ. —Надобно искать также памятливаго, усидчиваго и весьма трудолюбиваго, а ина-
C. че—какимъ образомъ, думаешь, захочетъ онъ исполнять нѣкоторыя работы тѣлесныя и предаваться такому ученію и размышленію? — Невозможно, сказалъ онъ, если не будетъ способенъ вполнѣ.—Нынѣ вѣдь въ томъ и ошибка, примолвилъ я, тѣмъ и наносится безчестіе философіи, какъ мы и прежде говорили, что берутся за нее люди того нестоющіе: вѣдь не подкидышамъ надобно приступать къ ней, а законно-
D. рожденнымъ.—Какъ? сказалъ онъ.—Приступающій къ ней, отвѣчалъ я, по трудолюбію, во-первыхъ, не долженъ хромать, то-есть, быть отчасти трудолюбивымъ, отчасти празднолюбивымъ. Это бываетъ, когда кто любитъ гимнастическія занятія, охоту и всякіе тѣлесные труды, но ни учиться, ни слушать, ни изслѣдывать не любитъ, и всѣ такіе труды ненавидитъ. Равнымъ образомъ хромъ и тотъ, кто имѣетъ про-

тивное тому трудолюбіе [1].—Весьма справедливо говоришь,
сказалъ онъ.—Не такъ ли точно и въ отношеніи къ истинѣ?
спросилъ я: душу назовемъ мы уродливою, если произволь- E.
ную ложь она и въ самой себѣ ненавидитъ, и терпитъ съ не-
удовольствіемъ, и негодуетъ, когда видитъ, что лгутъ другіе,
а невольную легко допускаетъ и, пойманная въ невѣжествѣ,
не досадуетъ, но, какъ свинья, спокойно грязнитъ себя невѣ-
жествомъ.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Да и въ отноше- 536.
ніи къ разсудительности, къ мужеству, къ благопристойно-
сти, и ко всѣмъ частямъ добродѣтели, продолжалъ я, не менѣе
надобно наблюдать,—подкидышъ ли кто, или законнорожден-
ный; ибо неумѣющіе усматривать всего этого,—частный ли
то человѣкъ, или городъ,—при всякомъ случаѣ, сами не замѣ-
чая, будутъ пользоваться хромыми да подкидышами,—пер-
вый при выборѣ друзей, второй при выборѣ правителей.—И
дѣйствительно такъ бываетъ, сказалъ онъ.—Такъ намъ на- B.
добно остерегаться всего этого, примолвилъ я. Если въ та-
кую науку и въ такой подвигъ мы введемъ и будемъ воспи-
тывать человѣка съ здравыми членами и здравымъ разумомъ;
то и самъ судъ не укоритъ насъ, и мы сохранимъ какъ го-
родъ, такъ и правительство: а когда приведемъ не такихъ,—
во всемъ будетъ у насъ противное, и мы подвергнемъ филосо-
фію еще большему осмѣянію.—Стыдно было бы, сказалъ онъ.
—Конечно, примолвилъ я; но походитъ, что со мною и въ на-
стоящее время приключилось нѣчто смѣшное. — Что такое? C.
спросилъ онъ.—У меня вышло изъ памяти, отвѣчалъ я, что
мы шутили, и что я говорилъ больше съ увлеченіемъ. Въ про-
долженіе разговора я смотрѣлъ на философію и, такъ какъ
мнѣ казалось, что ее недостойно оскорбляютъ, то сердился на
оскорбителей, и оттого,—чтò ни говорилъ, говорилъ съ боль-
шимъ рвеніемъ.—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; по
крайней мѣрѣ мнѣ, какъ слушателю, не представлялось этого.

---

[1] *Χωλὸς δὲ καὶ ὁ τἀναντία τούτου μεταβεβληκὼς τὴν φιλοπονίαν.* Хромъ и тотъ, кто своему трудолюбію сообщилъ противуположное направленіе, т.-е. занимается однѣми науками, нисколько не упражняя тѣла.

—Такъ представлялось мнѣ—ритору, примолвилъ я. Не забудемъ же, что при первомъ избираніи мы избирали стариковъ,
D. а при настоящемъ это не идетъ. Вѣдь не надобно вѣрить Солону, будто «старикъ можетъ много учиться» [1]; едва ли не меньше, чѣмъ бѣгать: всѣ великіе и обширные труды свойственны юношамъ.—Необходимо, сказалъ онъ.—Итакъ, науку счисленія, геометрію и всѣ науки предварительныя, которыя должны приготовлять къ діалектикѣ, надобно преподавать дѣтямъ, не налагая на нихъ необходимости изучать самую форму препо-
E. даванія.—Почему же?—Потому, отвѣчалъ я, что свободный человѣкъ никакой наукѣ не долженъ учиться рабски: вѣдь труды тѣлесные, будучи налагаемы силою, тѣла нисколько не дѣлаютъ хуже; для души же никакая насильственная наука не-
537. прочна. —Правда, сказалъ онъ. —Поэтому, почтеннѣйшій, примолвилъ я, воспитывай дѣтей науками не насильно, а играючи, чтобы ты тѣмъ лучше могъ усмотрѣть, къ чему которое изъ нихъ способно отъ природы.—Ты имѣешь основаніе такъ говорить, сказалъ онъ.—Помнишь ли, мы говорили, спросилъ я, что дѣтей надобно выводить и на войну, какъ зрителей, на коняхъ, и если безопасно, подводить ихъ ближе, чтобы они попробовали крови, какъ щенки?—Помню, сказалъ онъ.—Такъ кто во всемъ этомъ, продолжалъ я,—и въ трудахъ, и въ ученіи, и въ страхѣ, всегда является быстрѣйшимъ, того надобно замѣчать [2].—Въ какомъ возрастѣ? спросилъ онъ.—
B. Когда онъ приступитъ, отвѣчалъ я, къ необходимымъ гимнастическимъ упражненіямъ. Въ это время,—два ли года будетъ продолжаться оно, или три, нельзя сдѣлать ничего дру-

---

[1] Указывается на извѣстную сентенцію Солона: *γηράσκω δ' ἀεὶ πολλὰ διδασκόμενος*. Это мнѣніе Сократъ почитаетъ несправедливымъ въ томъ отношеніи, что изучать науку методически, преслѣдовать ея развитіе шагъ за шагомъ—легче для юноши, чѣмъ для старика. Впрочемъ, Солонъ въ своей сентенціи *πολλα διδασκόμενος* понималъ, конечно, практически—какъ непрестанное обогащеніе опытами жизни.

[2] *Того надобно замѣчать*, *εἰς ἀριθμόν τινα ἐγκριτέον*; надлежало бы перевесть: того надобно брать въ ращетъ. Но у насъ эта формула прилагается только къ вещамъ и дѣйствіямъ, а не къ лицамъ.

гаго: утомленіе и сонъ враждебны наукамъ. Впрочемъ, и эта одна проба немаловажна, какимъ всякій обнаруживаетъ себя въ гимнастическихъ упражненіяхъ.—Какъ не немаловажна? сказалъ онъ.—Послѣ этого времени, продолжалъ я, вышедшіе изъ двадцати-лѣтняго возраста получатъ большія предъ прочими отличія,—и тѣ науки, которыя дѣтямъ въ ихъ дѣтствѣ преподаны порознь, для этихъ юношей должны быть C.
подведены подъ одинъ обзоръ, показывающій взаимное сродство учебныхъ предметовъ и отношеніе ихъ къ природѣ сущаго.—И такое-то лишь ученіе, сказалъ онъ, будетъ твердо въ тѣхъ, которые примутъ его. — Да вмѣстѣ оно будетъ и важнѣйшею пробою, діалектическая ли у кого природа, или нѣтъ, примолвилъ я; потому что сводитель подъ одинъ обзоръ есть діалектикъ, а не сводитель—не діалектикъ.—Я то же думаю, сказалъ онъ.—Итакъ, наблюдая, которые изъ нихъ осо- D.
бенно отличаются твердостью и въ ученіи, твердостью и на войнѣ, и во всемъ, что предписано закономъ, тебѣ понадобится, продолжалъ я, изъ этихъ избранныхъ, когда они выдутъ изъ тридцати-лѣтняго возраста, сдѣлать новый выборъ, возвесть избранныхъ къ высшимъ почестямъ и, испытывая ихъ силою діалектики, смотрѣть, кто между ними способенъ,—оставивъ глаза и прочія чувства, дѣйствительно идти къ сущему, и здѣсь-то—дѣло великой осторожности, другъ мой.—Почему же особенно здѣсь? спросилъ онъ.—Не замѣчаешь ли, отвѣчалъ я, какое великое зло происходитъ нынѣ отъ діалектики?—Ка- E.
кое зло? спросилъ онъ.—Люди, занимающіеся діалектикою, едва ли не исполнены беззаконія, отвѣчалъ я.—И очень, сказалъ онъ.—Думаешьли, что они терпятъ нѣчто удивительное, и не извиняешь ихъ?—Какъ же можно? спросилъ онъ.—Да вотъ напримѣръ, продолжалъ я: пусть какой-нибудь подкидышъ воспитывался бы на большія деньги, въ многолюдномъ и важномъ семействѣ, среди многочисленныхъ ласкателей; достигнувъ же мужескаго возраста, пусть онъ узналъ бы, что произошелъ 538.
не отъ этихъ, носящихъ на себѣ имя его родителей, а родившихъ себя на самомъ дѣлѣ не нашелъ бы:—можешь ли пред-

сказать, какъ и къ ласкателямъ, и къ людямъ, подкинувшимъ
его, будетъ онъ расположенъ въ то время, когда узнаетъ, и
когда не зналъ о подлогѣ? Хочешь ли услышать мое пред-
сказаніе?—Хочу, сказалъ онъ.—Такъ предсказываю, продол-
жалъ я, что онъ будетъ больше уважать отца, мать и дру-
B. гихъ мнимыхъ родственниковъ, чѣмъ ласкателей, и меньше
нерадѣть о нихъ въ случаѣ какихъ-нибудь ихъ нуждъ, мень-
ше дѣлать и говорить въ отношеніи къ нимъ что-нибудь пре-
ступное, меньше не вѣрить имъ въ важныхъ обстоятель-
ствахъ, чѣмъ ласкателямъ, пока не узнаетъ истины. — Вѣ-
роятно, сказалъ онъ.—А какъ скоро узналъ ее,—предсказы-
ваю опять, что уваженіе къ нимъ и внимательность въ немъ
C. ослабѣютъ; онъ обратится къ ласкателямъ, будетъ вѣрить
имъ гораздо больше, чѣмъ прежде, и обращаясь съ ними от-
крыто, начнетъ жить уже по ихъ правиламъ, а объ отцѣ и
другихъ подставныхъ родственникахъ, если не будетъ добръ
по природѣ, вовсе перестанетъ заботиться. — Ты говоришь
все такое, примолвилъ онъ, что̀ можетъ быть. Но какъ этотъ
примѣръ относится къ разсматриваемому предмету? — Вотъ
какъ: есть въ насъ съ дѣтства начала справедливаго и пре-
краснаго; подъ ихъ вліяніемъ мы воспитались, какбы подъ
D. вліяніемъ родителей, повинуясь имъ и уважая ихъ. — Да,
есть. — Есть и другія, противныя имъ требованія удоволь-
ствія, льстящія нашей душѣ и влекущія ее къ себѣ, но не-
убѣждающія людей, сколько-нибудь благонамѣренныхъ, ко-
торые уважаютъ отеческое и этому повинуются. — Такъ.—
Что же? продолжалъ я: положимъ, къ настроенному такимъ об-
разомъ человѣку приходитъ вопросъ и спрашиваетъ [1], что̀

---

[1] *Приходитъ вопросъ и спрашиваетъ.* Платонъ вообще любилъ обороты рѣчи, называемыя просопопеею: но эта просопопея, по своей необыкновенности, особенно замѣчательна. Отвѣчая на вопросъ вопроса о прекрасномъ, человѣкъ, находящійся подъ двумя противуположными вліяніями законности и ласкательства, естественно долженъ затрудняться, и потому, желая угодить той и другой сторонѣ, полагаетъ, что извѣстный предметъ столь же прекрасенъ, какъ и безобразенъ. Это колебаніе сознанія на сторону истины и лжи, добра и зла, это умственное и нравственное равнодушіе есть первая инстанція разрушенія са-

есть прекрасное? Отвѣтчика, слышавшаго объ этомъ отъ законодателя, умъ долженъ обличать и, многократно всячески обличая, приводить къ мнѣнію, что это не больше прекрасно, какъ и постыдно: то же самое и о справедливомъ, и о добромъ,—о всемъ, что особенно уважалъ онъ. Послѣ сего, что̀, думаешь, сдѣлаетъ онъ съ этимъ относительно уваженія и послушанія?—Необходимо, сказалъ онъ, что не будетъ уже ни столько уважать, ни слушаться.—А если не признаетъ достоуважаемымъ и сроднымъ этого, какъ прежде—того, и не найдетъ здѣсь истины, примолвилъ я; то, естественно, къ какой иной жизни обратится, какъ не къ жизни ласкателей? — Не иначе, сказалъ онъ. — Стало-быть, вмѣсто человѣка, преданнаго закону, онъ покажется, думаю, беззаконникомъ. — Необходимо. —Если же таково будетъ свойство тѣхъ разсужденій, о которыхъ я недавно говорилъ, то не стоитъ ли оно извиненія? спросилъ я. —Даже сожалѣнія, примолвилъ онъ. — А чтобы не было тебѣ причины сожалѣть о тѣхъ тридцатилѣтнихъ воспитанникахъ, не нужно ли со всякою осторожностію приступать къ упомянутымъ разсужденіямъ?—И очень, сказалъ онъ. — И не въ томъ ли должна состоять вся эта осторожность, чтобы въ людяхъ молодыхъ не пробуждать къ нимъ вкуса? Вѣдь ты, думаю, замѣчалъ, что ребятишки, какъ скоро получили они вкусъ къ спорамъ, шутя злоупотребляютъ ими,—всегда расположены противорѣчить и, подражая обличителямъ, сами обличаютъ другихъ и радуются, какъ щенки, что словомъ тянутъ и рвутъ приближающихся къ нимъ людей.—Чрезвычайно вѣрно[1], сказалъ онъ.—Но послѣ того,

E.
539.
B.

мыхъ благородныхъ убѣжденій. Но если человѣкъ, колеблющійся въ своихъ убѣжденіяхъ, узнаетъ еще, что онъ подкидышъ, а не родной сынъ, что его природа не родственна съ тою наукою, которой онъ подкинутъ, что въ немъ нѣтъ никакого прирожденнаго основанія для сочувствованія ея внушеніямъ: то этотъ подкидышъ, захвативъ формальные дары воспитанія, преподанные ему воспринявшею его наукою, уходитъ изъ ея святилища и, совершенно предавшись ласкателямъ, преслѣдуетъ свою воспитательницу ненавистію, какъ будто бы въ ненависти находилъ возмездіе за прежнее послушаніе. Это вторая инстанція зла, на которой для истины и добра все потеряно.

[1] А мы сказали бы: чрезвычайно какъ современенъ намъ Платонъ! Діалек-

какъ многихъ обличили и отъ многихъ сами обличены были,
C. они неослабно и скоро приходятъ въ такое состояніе, что ни во что ставятъ все прежнее; а чрезъ это-то и сами бываютъ презираемы, и все, касающееся философіи, у прочихъ людей подвергается презрѣнію. —Весьма справедливо, сказалъ онъ.— Напротивъ, человѣкъ постарше, продолжалъ я, не захочетъ поддаваться такому безумію, но, желая разсуждать и изслѣдовать, скорѣе будетъ подражать истинѣ, чѣмъ тому, кто только
D. шутитъ и противорѣчитъ для забавы: онъ и самъ будетъ мѣренъ, и предметъ изъ неуважаемаго сдѣлаетъ уважаемымъ.— Справедливо, сказалъ онъ.—Не для осторожности ли сказано и то, о чемъ говорено было прежде, что, то-есть, природы, которымъ захотятъ преподавать діалектику, должны быть скромными и твердыми? а иначе, — къ этому приступитъ, какъ и теперь, всякій человѣкъ случайный и вовсе неспособный. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Но достаточно ли для выслушанія діалектики двойное число лѣтъ, сравнительно съ временемъ тѣлесныхъ гимнастическихъ упражненій, если заниматься ею непрерывно и пристально, не дѣлая ничего другаго?
E. —Шесть, или четыре назначаешь? спросилъ онъ.—Смѣло полагай пять, сказалъ я; ибо послѣ этого они снова должны быть препровождены у тебя въ ту пещеру[1] и начальствовать-ка къ на войнѣ, такъ и вездѣ, гдѣ начальствованіе прилично юношамъ, чтобы не быть имъ неопытными и во всемъ другомъ. Надобно испытывать ихъ и въ этомъ, тверды ли они будутъ, развлекаемые всюду, или станутъ нѣсколько уклоняться.—Но сколько
540. времени назначаешь ты для этого? спросилъ онъ. —Пятнадцать лѣтъ, отвѣчалъ я. Когда же, ставъ пятидесяти-годовыми, они

тика, отрѣшившись отъ всякихъ познаній, чтобы легче было ей бѣжать, бѣжитъ быстро и опереживаетъ возрастъ: гулъ страшный—отъ пустоты барабана!

[1] Подъ именемъ пещеры Сократъ здѣсь разумѣетъ общество гражданъ, взаимно связанныхъ должностями. Философъ предполагаетъ, что люди, привыкшіе къ свѣту истины и наслаждающіеся созерцаніемъ высочайшаго блага, охотно не захотѣли бы сойти во мракъ пещеры и тамъ, оставивъ сущность вещей, имѣть дѣло съ тѣнями ихъ. Посему законодатель предначертаннаго государства считаетъ нужнымъ поставить имъ это въ обязанность.

сохранились и всячески отличаются дѣлами и познаніями,—надобно вести ихъ къ концу, то-есть побуждать, чтобы они наклоняли око души къ тому, чтò даетъ возможность всѣмъ видѣть свѣтъ. А какъ скоро имъ дано будетъ созерцать самое благо; то, пользуясь этимъ образцомъ, они станутъ, каждый по своимъ силамъ, въ продолженіе остальной жизни украшать и городъ, и B.
частныхъ людей, и самихъ себя,—станутъ много заниматься философіею, либо, если выпадетъ жребій, трудиться на гражданскомъ поприщѣ и въ свою очередь начальствовать для пользы города[1], дѣлая это не какъ что-нибудь прекрасное, а какъ необходимое, чтобы такимъ образомъ воспитать и другихъ подобныхъ и, оставивъ послѣ себя стражей городу, переселиться для жительства на острова блаженныхъ. Такимъ гражданамъ, какъ геніямъ, а не то,—даже какъ блаженнымъ богамъ, городъ долженъ воздвигать памятники и приносить жертвы, если своимъ C.
отвѣтомъ подтвердитъ это и Пиѳія.—Ты, Сократъ, для города отдѣлалъ прекраснѣйшихъ правителей, будто статуйщикъ[2].
—Да и правительницъ, Главконъ, примолвилъ я. Вѣдь у меня говорилось не больше, почитай, о мужчинахъ, какъ и о женщинахъ, сколько которыя изъ нихъ по природѣ будутъ способны.—Справедливо, сказалъ онъ, если только у нихъ все, что мы разсмотрѣли, будетъ общее, наровнѣ съ мужчинами.
—Что же? продолжалъ я; не согласитесь ли, что касательно D.
города и управленія его мы высказали не то-чтобы одни чистыя желанія? Все это, конечно, трудно, однакожъ какъ-нибудь возможно, и возможно не иначе, какъ сказано,—если, то-есть, властителями будутъ истинные философы—одинъ или многіе, которые, находясь въ городѣ, пренебрегутъ нынѣшнія

---

[1] Такимъ образомъ правительственными лицами въ Платоновомъ государствѣ назначаются старцы-философы, приготовленные къ тому особеннымъ воспитаніемъ и образованіемъ, и перешедшіе чрезъ всѣ степени испытанія. Говорятъ, что Платонъ при этомъ имѣлъ въ виду лакедемонскую республику: но Спартанцы предоставляли право управленія старцамъ, основываясь только на уваженіи къ возрасту, а не къ философіи.

[2] То-есть, ты обтесалъ и выполировалъ своихъ правителей, будто рѣзцомъ прекрасную статую.

почести—въ той мысли, что онѣ неблагородны и ничего не стоятъ, важнѣйшимъ же дѣломъ поставятъ правое и происходящую отъ того честь, равно какъ дѣломъ величайшимъ и
E. необходимымъ — правосудіе, чтобы, служа ему и возвышая его, благоустроять свой городъ.—Какимъ же образомъ? спросилъ онъ. — Всѣхъ тѣхъ въ городѣ, отвѣчалъ я, которымъ будетъ отъ роду больше десяти лѣтъ, они вышлютъ въ де-
541. ревни и, выведши этихъ дѣтей изъ подъ вліянія того нрава, какой имѣютъ ихъ родители, будутъ воспитывать ихъ своимъ образомъ и по тѣмъ законамъ, которые мы разсмотрѣли прежде. Чрезъ это весьма скоро и легко составится городъ и такое правительство, о какомъ мы говорили; и этотъ городъ какъ самъ станетъ благоденствовать, такъ и народъ, среди котораго онъ будетъ находиться, получитъ весьма большую
B. пользу.—Конечно большую, примолвилъ онъ; и какъ осуществится тотъ городъ, если только осуществится, ты, Сократъ, кажется, раскрылъ хорошо.—Не довольно ли уже было у насъ рѣчи объ этомъ городѣ и о подобномъ ему человѣкѣ? спросилъ я: вѣдь явно, кажется, что и послѣдній долженъ быть такимъ, какимъ описанъ нами первый.—Явно, сказалъ онъ, и твой вопросъ представляется мнѣ оконченнымъ.—

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИГИ.

Изложивъ то, что казалось необходимымъ для разрѣшенія недоумѣній, которыя представлялись собесѣдникамъ, Сократъ, по убѣжденію Главкона, возвращается къ вопросу, предложенному еще въ началѣ пятой книги. Начертавъ образъ наилучшаго государства, чтобы узнать совершеннѣйшую природу человѣка, онъ рѣшается описать также *четыре худыя формы государственнаго правленія* и показать, что тѣ же самые виды порчи проявляются въ душахъ и нравахъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей. Поэтому полагаетъ онъ разсматривать предметъ такъ, чтобы, объяснивъ происхожденіе, природу и свойства каждой формы правленія, предлагать потомъ всякій разъ и образъ человѣка, замѣчая въ немъ тѣ же недостатки, какіе замѣчены были въ соотвѣтствующемъ ему правленіи. Это разсужденіе Сократъ начинаетъ вопросомъ: какимъ образомъ предначертанное имъ наилучшее государство, которое по всей справедливости должно быть названо *аристократическимъ*, можетъ мало-по-малу измѣниться въ худшее, и дать начало четыремъ худымъ формамъ правленія: *тимократіи*, *олигархіи*, *димократіи* и *тиранніи*. Та аристократія, или совершенное правленіе, хотя и не легко, при своемъ устройствѣ, можетъ возмущаться: такъ какъ все раждающееся подлежитъ законамъ измѣняемости, то и она не въ состояніи сохраняться постоянно и безъ измѣненій. Такимъ образомъ, по неизбѣжному закону судьбы, правители города, при выборѣ юношей и дѣтей для приготовленія ихъ къ рожденію новаго поколѣнія, когда-нибудь погрѣшатъ,—и отъ отцовъ послѣ того естественно произойдутъ худшія дѣти; а изъ этого мало-по-малу выйдетъ то, что души и нравы гражданъ, пренебрег-

ши древнія постановленія государства, испортятся и частію отъ своекорыстія, частію отъ честолюбія, сдѣлаются развратными. Сократъ говоритъ, что аристократія прежде всего должна измѣниться въ *тимократію*, какая дѣйствуетъ въ Критѣ и Лакедемонѣ; потомъ описываетъ ея причину, происхожденіе и природу; и наконецъ изображаетъ властолюбца — его воспитаніе, умственныя и нравственныя его свойства. P. 545 B — 550 B. Изложивъ свои понятія о тимократіи, философъ далѣе учитъ, какимъ образомъ эта форма правленія, подъ вліяніемъ вкравшагося въ общество своекорыстія и любостяжанія, перераждается въ *олигархію*; обстоятельно указываетъ на причины появленія олигархіи и говоритъ, что въ такомъ обществѣ правительственныя должности раздаются примѣнительно къ богатству лицъ, а бѣдность не принимаетъ участія въ правленіи; потомъ съ этою формою сравниваетъ душу человѣка скупаго, разсматриваетъ обстоятельства, предрасполагающія ее къ скупости, и черты, которыми она характеризуется. P. 550 C—555 A. Изъ олигархіи, въ которой открытъ путь къ почестямъ не добродѣтели, а богатству, по ученію Сократа, образуется *димократія;* ибо невозможно, чтобы многіе граждане, доведенные до нищеты скупостію и притязательностію немногихъ, не вдавались въ воровство, въ разбои, въ святотатство и въ другіе пороки. Но страшась ожидающей ихъ за это участи, они по необходимости уже явно раздуваютъ бунты, убиваютъ или отправляютъ въ ссылку правителей государства и власть въ обществѣ раздѣляютъ между собою такъ, что всякому открывается путь къ полученію той или другой правительственной должности. Этой формѣ правленія свойственны особенно—требованіе со всѣхъ сторонъ безусловной свободы, совершенная разнузданность страстей, наглость, дерзость, готовность на всякія преступленія и безнаказанность; а соотвѣтствующій ей человѣкъ обыкновенно страдаетъ невоздержаніемъ и, пренебрегши всѣми правилами честности, предается разврату. P. 555 B—561 E. Описавъ димократію и соотвѣтствующаго ей человѣка, Сократъ переходитъ къ разсмотрѣнію *тиранніи* и видитъ въ ней самое далекое отступленіе отъ достоинствъ общества совершеннаго. Тираннію производитъ онъ изъ излишней свободы: ибо какъ всякое излише-

ство перераждается въ противуположное излишество; такъ и за излишнею свободою обыкновенно слѣдуетъ рабство. Чтобы обуздать тѣхъ, которые, привыкши къ разнузданности своихъ дѣйствій, злоупотребляютъ свободою другихъ, народъ поручаетъ кому-нибудь защищать себя, и избраннаго украшаетъ богатствомъ и достоинствами. Замѣтивъ благоволеніе къ себѣ народа и въ то же время видя другихъ, соперничествующихъ его власти, этотъ демагогъ, на основаніи разныхъ вымышляемыхъ имъ причинъ, истребляетъ всѣхъ, на кого имѣетъ подозрѣніе, и чтобы обезопасить себя, требуетъ у народа стражи. Истребовавъ ее, онъ, по соображеніямъ хитрости, сперва ведетъ себя кротко и, съ цѣлію привязать къ себѣ народъ, дѣйствуетъ благосклонно; а потомъ, ощутивъ свою силу, начинаетъ проявлять дѣйствія тиранскія: старается съ дурными умыслами воспламенять войны, чтобы, то-есть, граждане сильнѣе почувствовали нужду въ его помощи, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ получить случай противупоставить непріятелямъ и погубить людей, склонныхъ стремиться къ свободѣ и порицающихъ его тираннію. Тиранну всего нужнѣе смотрѣть и стараться, чтобы въ обществѣ не осталось ни одного добраго и благоразумнаго человѣка, котораго добродѣтелей онъ долженъ бояться; потому что иначе власть его будетъ слишкомъ нетверда и недолговременна. Увеличивъ наконецъ численность своей стражи, тираннъ начинаетъ грабить священное и мірское, и безконечными налогами исчерпываетъ силы народа. И народъ, оплакивая бѣдственную свою участь, теперь только начинаетъ понимать, какое жестокое животное согрѣлъ онъ въ своемъ нѣдрѣ, и хотя бы желалъ прогнать его,—все не могъ бы однакожъ сдѣлать это безъ вреда самому себѣ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

543. Пусть такъ; въ этомъ мы согласились, Главконъ: въ имѣющемъ превосходно устроиться городѣ будутъ общія жены, общія дѣти и все воспитаніе ихъ, равно какъ общія занятія во время войны и мира; а царями всѣхъ будутъ мужи, оказав-
B. шіеся отличными въ философіи и въ дѣлахъ военныхъ.—Согласились, сказалъ онъ.—Да сошлись мы и въ томъ, что когда правители уже поставлены, они поведутъ воиновъ и вселятъ ихъ въ домы, какіе нами описаны; потому что у нихъ нѣтъ ничего собственнаго, но все общее. Кромѣ такихъ домовъ,— помнишь ли?—мы согласились, кажется, какое будетъ у нихъ имущество.—Да, помню, сказалъ онъ. Мы полагали, что никто изъ нихъ не долженъ ничего пріобрѣтать, подобно инымъ теперь; но, какъ подвижники на войнѣ и стражи, получая
C. въ вознагражденіе за караулъ ежегодную пищу отъ другихъ, сами они должны заботиться о всемъ городѣ.—Правильно говоришь, сказалъ я. Но далѣе, кончивъ это, припомнимъ, къ чему обратились мы отсюда, чтобы идти намъ теперь тѣмъ же путемъ. — Нетрудно, сказалъ онъ. Тогда, почти какъ и теперь, поразсудивши о городѣ, ты прибавилъ, что такой городъ, какой въ тотъ разъ описанъ тобою, почитаешь хоро-
D. шимъ, равно какъ и подобнаго ему человѣка; хотя, повидимому, могъ говорить еще о лучшемъ—и городѣ и человѣкѣ [1]:

---

[1] Здѣсь указывается на начало пятой книги, гдѣ, однакожъ, не высказано той мысли, что Сократъ могъ бы говорить еще о лучшемъ городѣ и человѣкѣ: эти слова прибавлены такъ, какъ будто бы Главконъ сказалъ ихъ отъ себя.

а другіе-то, если этотъ правиленъ, называлъ ты недостаточ- 544.
ными, и формы правленія ихъ, сколько помню, дѣлилъ на четыре вида, о которыхъ стоитъ поговорить, чтобы видѣть ихъ недостатки, — равно какъ опять и о подобныхъ имъ людяхъ, чтобы, зная все это и согласившись между собою въ томъ, кто—человѣкъ самый хорошій и кто самый дурной, мы могли изслѣдовать, правда ли, что самый хорошій есть самый счастливый, а самый дурной — самый несчастный, или это неправда. Послѣ того я спросилъ: какіе разумѣешь ты четыре
вида правленія? но тутъ вступили въ разговоръ Полемархъ и B.
Адимантъ, и ты, начавъ съ ними рѣчь, велъ ее до этой минуты[1].—Весьма вѣрно припомянуто, сказалъ я.—Итакъ, подобно борцу, повтори прежнюю схватку[2] и на тотъ же самый вопросъ попытайся сказать, что̀ хотѣлъ говорить тогда.— Если буду въ состояніи, примолвилъ я. — По крайней мѣрѣ желательно слышать, сказалъ онъ, какія разумѣешь ты четы-
ре государственныя правленія.—Нетрудно, примолвилъ я; C.
услышишь. Правленія, о которыхъ я говорю, пріобрѣли извѣстность[3]. Первое изъ нихъ, восхваляемое многими, есть

---

[1] Въ началѣ пятой книги, когда Сократъ хотѣлъ было приступить къ разсмотрѣнію различныхъ формъ правленія, Полемархъ и Адимантъ замѣтили важный пропускъ въ его изслѣдованіяхъ и потребовали отъ него рѣшенія вопроса касательно значенія женщинъ въ государствѣ, также касательно рожденія и воспитанія дѣтей. Направленный этимъ вопросомъ къ другимъ предметамъ, Сократъ съ того времени долженъ былъ разсуждать объ отношеніи женскаго пола къ обществу, объ образѣ и способахъ образованія дѣтства и юношества, о философствующихъ правителяхъ и наконецъ о наукахъ, которыми юноши должны быть приготовляемы къ правительственнымъ должностямъ. Послѣ столь длиннаго отступленія отъ предположеннаго хода бесѣды, Главконъ напоминаетъ ему о тогдашнемъ своемъ вопросѣ и такимъ образомъ переводитъ его къ разсужденію о формахъ правленія.

[2] *Повтори прежнюю схватку*, τὴν αὐτὴν λαβὴν πάρεχε,—метафора, взятая отъ борцовъ и часто употребляемая Платономъ. Phaedr. p. 236 C: Εἰς τὰς ὁμοίας λαβὰς ἐλήλυθας. Legg. III, p. 682 E: ὁ λόγος ἡμῖν οἷον λαβὴν ἀποδίδωσιν. Scholiast.: «Говорится метафорически, приспособительно къ выраженію борцовъ, у которыхъ въ обычаѣ, когда оба упадутъ такъ, что никоторый не бываетъ наверху, снова подниматься и схватываться прежнимъ образомъ, что и означаетъ ту же схватку.

[3] Ὄνομα ἔχειν, пріобрѣсть извѣстность, знаменитость. Въ такомъ значеніи употребляется этотъ идіотизмъ. Apol. p. 20 D: τοῦτο τὸ ὄνομα ἔσχηκα.

критское и лакедемонское; второе и, судя по похвалѣ, стоящее
на второмъ мѣстѣ, называется олигархіею—правленіе, наполненное множествомъ золъ; отъ него отличается и за нимъ слѣдуетъ димократія; превосходнѣе же всѣхъ ихъ—благородная
D. какая-то тираннія: это четвертая и послѣдняя болѣзнь города.
Или ты имѣешь иную идею правленія, проявляющуюся въ какой-нибудь замѣчательной формѣ? Вѣдь власти и царствованія наемныя, равно какъ и другія подобныя правленія, составляютъ средину между тѣми и могутъ быть находимы не меньше у варваровъ, какъ и у Эллиновъ.—Да, разсказываютъ о многихъ и странныхъ, примолвилъ онъ.—А знаешь ли, спросилъ я, что и виды людей, необходимо,—въ такомъ же количествѣ, въ какомъ формы правленія[1]? Или думаешь, что правленія произошли изъ дуба, либо изъ камня какого-нибудь[2], а
E. не изъ нравовъ города, которые куда сами будто ползутъ, туда и все увлекаютъ?—Не откуда болѣе, какъ отсюда, сказалъ онъ.—Поэтому, еслибы правленій въ городахъ было пять, то пять было бы и душевныхъ расположеній въ частныхъ лицахъ.—Какже.—Но того-то человѣка, который подобенъ аристократіи, мы уже разсмотрѣли, и правильно назва-
545. ли его добрымъ и справедливымъ.—Разсмотрѣли.—Послѣ этого не описать ли намъ худшихъ—спорщика и честолюбца, живущаго подъ правленіемъ гражданскимъ, а потомъ опять—гражданина олигархитскаго, димократическаго и тиранническаго, чтобы несправедливѣйшаго сознательно противуположить справедливѣйшему, и вполнѣ изслѣдовать, какое от-

[1] *И виды людей, необходимо,—въ такомъ же количествѣ, въ какомъ формы правленія.* Соотвѣтствующій этимъ словамъ греческій текстъ можетъ представить поводъ къ недоразумѣніямъ: чтобы вѣрно понять его, фраза должна быть расположена такъ: *ὅτι ἀνάγκη (ἐστὶν) εἶναι τοσαῦτα εἴδη τρόπων ἀνθρώπων, ὅσαπερ καὶ εἴδη ἐστὶ πολιτειῶν.* По ученію Платона, всякой формѣ государственнаго правленія соотвѣтствуетъ частное настроеніе отдѣльныхъ его гражданъ: съ тимократіею сравниваетъ онъ человѣка властолюбиваго, съ олигархіею—скупаго, съ димократіею—развратнаго, съ тиранніею—служащаго какой-нибудь одной страсти.

[2] Объ этихъ словахъ, взятыхъ изъ Омировой Одиссеи v. 163 см. Apolog. Socr. p. 34 D.

ношеніе между чистою справедливостію и чистою несправедливостію, примѣнительно къ счастію или несчастію человѣка, имѣющаго то или другое,—съ цѣлію, либо, повѣривъ Тразимаху, совершать несправедливое, либо, согласно съ предложенною теперь рѣчью,—справедливое?—Безъ сомнѣнія, B.
такъ надобно сдѣлать, сказалъ онъ.—Стало-быть, не поступить ли намъ, какъ мы начали, то-есть, не разсмотрѣть ли нравы прежде въ правленіяхъ, чѣмъ въ частныхъ людяхъ, такъ какъ это предметъ болѣе ясный? Изслѣдуемъ-ка теперь сперва правленіе честолюбивое (не могу дать ему другаго имени, какъ развѣ назвать его тимократіею или тимархіею), за которымъ разсмотримъ и такого же человѣка; потомъ возьмемъ олигархію и человѣка олигархическаго; далѣе взглянемъ на димократію и на гражданина димократическаго; и C.
наконецъ, перешедши къ четвертому городу—тиранническому, и изучивъ его, обратимъ опять взоръ на душу тиранническую и постараемся сдѣлаться достаточными судьями предположенныхъ предметовъ[1].—Такое-то созерцаніе шло бы въ порядкѣ, сказалъ онъ.—

Пусть такъ, началъ я; постараемся же разсмотрѣть, какимъ образомъ изъ аристократіи можетъ произойти тимократія. То-то не просто ли, что всякое правленіе измѣняется отъ D.
самого правительства, какъ скоро въ немъ возникаютъ возмущенія? А если послѣднее единодушно, то хотя бы оно было и очень невелико,—движеніе въ немъ невозможно.—Точно такъ.—Какимъ же образомъ, Главконъ, спросилъ я, городъ придетъ у насъ въ движеніе, и чѣмъ попечители и правители обнаружатъ возмущеніе противъ другихъ и противъ самихъ себя? Хочешь ли, мы, подобно Омиру, будемъ молить музъ, чтобы онѣ сказали намъ, какимъ это образомъ въ первый разъ появляется возмущеніе, и заставимъ ихъ говорить свы- E.
сока, трагически, такъ чтобы казалось, будто онѣ говорятъ серьёзно, а на самомъ дѣлѣ шутили съ нами, какъ съ дѣтьми,

[1] Стараясь о ясности мысли, я долженъ былъ здѣсь вопросительную рѣчь подлинника превратить въ положительную.

546. и забавляли насъ?—Какъ же это?—Вотъ какъ [1]. Трудно, конечно, возмутиться такъ устроенному городу; однакожъ, поколику все происшедшее разрушимо, то и это устройство остается твердымъ не на все время, но разрушится. Разрушеніе его будетъ слѣдующее: нетолько растенія въ землѣ, но и животныя на землѣ бываютъ плодоносны и неплодоносны, какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, когда круговращенія съ каждымъ изъ круговъ соединяютъ извѣстные періоды — съ недолговѣчными краткіе, а съ противными противные [2]. Вашъ

---

[1] Отсюда начинается ученіе музъ о томъ, что Платоново государство, сколь ни хорошо оно устроено, чрезъ нѣсколько времени не можетъ не разрушиться. Это мѣсто, иначе называемое *Платоновымъ числомъ*, представляло всѣмъ новоевропейскимъ критикамъ непреодолимыя затрудненія: поэтому одни изъ нихъ пропускали его въ своихъ переводахъ, какъ незаключающее въ себѣ никакой мысли; другіе говорили даже, будто Платонъ съ намѣреніемъ влагаетъ въ уста музамъ такую высокопарную и ничего неозначающую рѣчь, какая у насъ называется галиматьею; всѣ же вообще прозвали этотъ урокъ музъ *fatalem Platonis numerum*. О Платоновомъ числѣ писали *Boeckh*. in Studiis a Creuzero et Daubio evulgatis T. III, p. 44 sqq., *Schneider*, in Commentatt. de numero Platonis, Wratisl. 1821. 4, *Fries* въ брошюрѣ: Platons Zahl. Eine Vermuthung von J. Fr. Fries. Heidelberg, 1823. 4, *Schleiermacher* Opp. Plat. T. III, p. 1. 588 sqq *Göttlingius* ad Aristotel. Politic. V. 10, p. 411 sqq., *Cousin*, Oeuvres completes de Plat. Tom. X, p. 322 sqq. Замѣчательно, что тогда какъ новые критики не могутъ найти и опредѣлить смыслъ этого текста въ Платоновой Политикѣ, древніе философы и комментаторы послѣ временъ Платона, цитуя и приводя его, нисколько не даютъ замѣтить, что содержащееся въ немъ ученіе для нихъ было непонятно. Схоліастъ, вѣроятно имѣвшій подъ руками большой комментарій Прокла, не предлагаетъ намъ, конечно, удовлетворительнаго объясненія на это мѣсто, по крайней мѣрѣ отсылаетъ насъ къ разумной причинѣ, знающей періодическое движеніе неба. А Аристотель нетолько понималъ разсматриваемое ученіе музъ, но еще доказывалъ, что музы въ этомъ случаѣ учили невѣрно.

[2] *Когда круговращенія съ каждымъ изъ круговъ соединяютъ извѣстные періоды*, ὅταν περιτροπαὶ ἑκάστοις κύκλων περιφορὰς συνάπτωσι. Подъ словомъ περιτροπαὶ надобно разумѣть, конечно, міровое, періодически и всегда кругообразно повторяющееся движеніе, или, какъ понимали древніе,—всецѣлое круговращеніе неба. Это круговращеніе, какбы механически соприкасается съ циклами населяющихъ землю родовъ и, чрезъ прикосновеніе къ ихъ орбитамъ, сообщаетъ имъ также круговое движеніе — περιφορὰς. Явно, что циклъ чѣмъ менѣе, тѣмъ круговращеніе его будетъ короче, быстрѣе и учащательнѣе. Но человѣкъ, какъ существо разумно-свободное, не подлежитъ этому необходимому закону природы и долженъ бы раждать дѣтей не по ея расчетамъ, а по расчетамъ ума въ соединеніи съ чувствомъ, только онъ, къ сожалѣнію, нерѣдко поступаетъ вопреки имъ и раждаетъ, когда не слѣдовало бы.

же родъ, хотя вы—мудрецы и воспитали правителей города, B.
свое благочадіе и безчадіе будетъ получать не по расчету ума
въ соединеніи съ чувствомъ, но мимо этого; — будетъ иной
разъ раждать дѣтей, когда бы не слѣдовало. Для божествен-
наго рожденія есть періодъ, опредѣляемый совершеннымъ чис-
ломъ, а для человѣческаго, въ которомъ первыми условіями
умноженія становятся возможность и владычественное пред-
писаніе, есть между четырьмя предѣлами ихъ три промежут-
ка, принимающихъ въ себя числа подобныя и неподобныя,
увеличивающіяся и уменьшающіяся, и дѣлающихъ все взаим-
но соизмѣримымъ и выразимымъ [1]. Полчетвертной корень ихъ, C.
сложенный съ пятерицею, если будетъ умноженъ на три, то
представляетъ двѣ гармоніи: одну—равно-равную, сто, взя-
тое столько же разъ; другую, хотя равно-протяженную, одна-
кожъ равную продолговатостью. Сто принадлежитъ къ чис-

---

[1] Съ этими словами Платона, по моему мнѣнію, надобно соединять слѣдующій смыслъ: Раждаемое Богомъ, въ которомъ нѣтъ никакой сложности, въ которомъ могущество (τὸ δυνάμενον) и владычество (τὸ δυναστευόμενον) — одно и то же, раждается нераздѣльно могуществомъ и владычествомъ, и по этой нераздѣльности ихъ, раждается въ совершенной полнотѣ, безъ количественнаго недостатка и безъ количественнаго излишества (количественная опредѣленность недѣлимыхъ во всѣхъ родахъ твореній, составляющихъ міръ видимый или феноменальный, была неизмѣнною догмою Платоновой философіи); и эта полнота богорожденнаго называется здѣсь числомъ совершеннымъ (ἀριθμὸς τέλειος). Напротивъ, въ человѣкѣ, относительно рожденія дѣтей, равно и во всякомъ другомъ отношеніи, возможность умножаться (αὐξήσεις δυνάμεναι) и предписаніе владычествующаго начала, опредѣляющее мѣру умноженія (αὐξήσεις δυναστευόμεναι)— не одно и то же, но суть два различные акта его природы, изъ которыхъ каждый опредѣляется двумя предѣлами: потому что возможность съ внѣшней своей стороны граничитъ съ безпредѣльностью, а съ внутренней — съ предѣломъ; владычествующее же начало съ внѣшней стороны ограничивается полнотою власти, а съ внутренней — полнотою ея примѣнительно къ лицу и состоянію лица. Отсюда — четыре предѣла (ὅροι) и между ними — три промежутка, наполняющіеся числами — подобными и неподобными, уменьшающимися и увеличивающимися; и только тотъ—мудрецъ относительно рожденія дѣтей, кто во всѣхъ этихъ промежуткахъ поставилъ числа въ правильной пропорціи, выражающей гармоническое отношеніе своей возможности къ господствующему своему началу, и обратно, и такимъ образомъ расчеты ума (λογισμὸν) вѣрно соединилъ съ чувствомъ (μετ᾽ αἰσθήσεως). Въ слѣдующихъ далѣе словахъ музы, повидимому, хотятъ открыть Сократу и его слушателямъ самую эту пропорцію, и тутъ-то, кажется, говоря будто серьёзно, шутятъ съ ними, какъ съ дѣтьми.

ламъ, называемымъ по діаметрамъ пятерицы, безъ единицы каждаго изъ нихъ, но невыразимымъ двумя; сто относится къ кубамъ троичности. Всецѣлое же это геометрическое чис-
D. ло заключаетъ въ себѣ силу лучшихъ и худшихъ рожденій [1], которыхъ если стражи у васъ не будутъ знать,—какъ скоро невѣсты станутъ соединяться съ женихами неблаговременно,—

---

[1] Надъ изъясненіемъ этихъ математическихъ формулъ и приложеніемъ ихъ къ разрѣшаемому вопросу болѣе всѣхъ трудились Шнейдеръ и Фрисъ. Самъ я не берусь судить объ относительномъ достоинствѣ ихъ изслѣдованій, а ссылаюсь на Шлейермахера, который столь долго старался проникнуть въ истинный смыслъ такъ называемаго Платонова числа, что доведши переводъ Платона до этого мѣста, прекратилъ его для этой цѣли на двѣнадцать лѣтъ. Шлейермахеръ не соглашается съ изслѣдованіями Фриса, но Шнейдера во многомъ одобряетъ и между прочимъ хвалитъ слѣдующую его мысль: «Шнейдеръ полагаетъ справедливо, говоритъ онъ, что тѣ неясно поймутъ предметъ, которые захотятъ стихіи упоминаемой здѣсь гармоніи разсматривать въ нихъ самихъ. Платонъ изъ математическихъ своихъ формулъ, вѣроятно, не имѣлъ намѣренія сдѣлать что-нибудь. Посему, еслибы и не удалось намъ удовлетворительно разобрать этотъ послѣдній отдѣлъ въ рѣчи музъ,—цѣлая ихъ рѣчь все не была бы для насъ потеряна; потому что существенное заключается въ первой ея части, а эта часть объяснена удовлетворительно.» Этою самою мыслію утѣшаюсь и я, и подражая способу Шнейдера, объясняю формулы Платонова числа такъ: *полчетвертной корень* — $3^1/_2$ есть число, заключающее въ себѣ основаніе всѣхъ четырехъ предѣловъ и трехъ промежутковъ, раздѣленныхъ на 2, то-есть $^7/_2$. Въ этомъ ἐπιτρίτῳ πυθμένι числитель есть величина постоянная, потому что постоянны условія человѣческаго рожденія; а знаменатель, какъ нѣчто существенно непринадлежащее къ тѣмъ постояннымъ условіямъ, всегда заключаетъ въ себѣ возможность измѣненія и, слѣдуя за числителемъ, будетъ измѣнять и всю пропорцію предѣловъ. Поэтому означенный полчетвертной корень предполагаемаго музами числа мы можемъ представить въ видѣ показанной дроби, только съ знаменателемъ неопредѣленнымъ, то-есть, какъ $\frac{7}{x}$, или раздѣльно: $\frac{4+3}{x}$. Этотъ полчетвертной корень, по словамъ музъ, *слагается съ пятерицею, помноженною на 3, и даетъ двѣ гармоніи.* Чрезъ сложеніе корня съ 5, величина численная, по объясненію Шнейдера, переходитъ въ геометрическую и становится треугольною плоскостью, а чрезъ помноженіе ея на 3,—тѣломъ или кубомъ. Почти такъ объясняетъ это и Аристотель (Polit. lib. V, c. 10). Какія же происходятъ отсюда гармоніи? — *Одна—равно-равная: сто, взятое столько же разъ,* когда, то-есть, тѣло уравнивается самому себѣ, подобно тому, какъ $^1/_{100}$, по объясненію Фриса, берется сто разъ; *другая, хотя равно протяженная, однакожъ равная продолговатостью*, когда, то-есть, сравнивается одно тѣло съ другимъ. *Сто принадлежитъ къ числамъ, называемымъ по діаметрамъ пятерицы, безъ единицы каждаго изъ нихъ.* Діаметры тѣлъ можно увеличивать, какъ увеличивается $^1/_{100}$ до 100, начиная съ первыхъ корней, кромѣ единицы; потому что единица, помножаемая сама на себя, не теряетъ своего единства: однакожъ діаметръ тѣла

дѣти отъ нихъ произойдутъ и безталантныя, и несчастныя. Первые изберутъ изъ нихъ и поставятъ, конечно, наилучшихъ: но эти, какъ недостойные, получивъ въ свою очередь силу быть отцами, сперва начнутъ, въ качествѣ стражей, нерадѣть о насъ, менѣе надлежащаго уважая музыку; потомъ вознерадятъ о гимнастикѣ, и такимъ образомъ юноши у васъ выдутъ необразованными. А отсюда правители явятся недовольно способными стражами для испытанія исіодовскихъ и вашихъ родовъ—золотаго, серебрянаго, мѣднаго и желѣзнаго. 547.
Когда же желѣзо примѣшается къ серебру, а мѣдь къ золоту,—въ общество проникнетъ неподобіе и негармоничность; а гдѣ есть эти порожденія, тамъ возбуждается война и вражда. Отъ такого-то рода, надобно полагать, происходитъ возмущеніе, когда оно происходитъ.—Да и справедливъ судъ ихъ, скажемъ мы, примолвилъ Главконъ.—Но вѣдь когда онѣ—музы, прибавилъ я; такъ это и необходимо. — Что же послѣ того говорятъ музы? спросилъ онъ.—Когда возмущеніе произошло, отвѣчалъ я,—два рода, желѣзный и мѣдный, поволокли людей къ обогащенію и пріобрѣтенію земли, домовъ, золота и серебра; а роды золотой и серебряный, какъ небѣдные, но по природѣ богатые, повели душу къ добродѣтели и къ древнему состоянію. Дѣлая насилія и противодѣйствуя одни другимъ, они наконецъ согласились отдѣленныя имъ земли и домы обратить въ свою собственность, а прежнихъ своихъ охранителей, людей свободныхъ, друзей и кормильцевъ, поработить, засадить въ домахъ и занять ихъ домашними дѣлами, объ охраненіи же и о войнѣ стали заботиться сами. —Отсюда, кажется мнѣ, произошла эта перемѣна, сказалъ

не выражается и двумя, потому что первый коренной знакъ его предѣловъ = 4. *Сто относится къ кубамъ троичности.* Кубическое основаніе 100 положено въ корнѣ 3. Итакъ, взявъ за основаніе число предѣловъ = 4, примѣнимое къ діаметрамъ тѣлъ, и число промежутковъ между предѣлами = 3, которымъ должно опредѣляться кубическое значеніе тѣлъ, раздѣливъ то и другое на X ирраціональное и возвысивъ въ кубъ, законодатели государства получатъ двѣ гармоніи и найдутъ *всецѣлое геометрическое число, заключающее въ себѣ силу лучшихъ и худшихъ рожденій.*

онъ.—Такое правленіе не будетъ ли среднимъ между аристо-
кратіею и олигархіею? спросилъ я.—Конечно.—

Перемѣна-то произошла такъ; но измѣнившееся — какъ
D. будетъ устрояться? не явно ли, что по подражанію отчасти
прежнему правленію, отчасти олигархіи, такъ какъ стоитъ
въ срединѣ между обоими и оттого будетъ имѣть нѣчто свое
собственное?—Конечно, сказалъ онъ.—Не станетъ ли оно по-
читать правителей, устранять войско отъ земледѣлія, отъ ре-
меслъ и другихъ прибыльныхъ работъ, учреждать общественные
ные столы, заботиться о гимнастическихъ и воинскихъ подви-
гахъ, и во всемъ этомъ подражать правленію прежнему?—Да.
E. —Но только на правительственныя мѣста побоится оно воз-
водить мудрецовъ, такъ какъ еще не привязало къ себѣ этихъ
простыхъ и твердыхъ стражей, а будетъ любить смѣшанныхъ,
наклоняться на сторону людей горячихъ и суровыхъ [1], способ-
548. ныхъ больше къ войнѣ, чѣмъ къ миру, и потому уважать об-
манъ и уловки, и все время проводить въ войнѣ. Изъ множества
такихъ особенностей не сложатся ли собственныя его свойства?
—Да.—А пристрастные-то къ деньгамъ, спросилъ я, не бу-
дутъ ли такими, каковы бываютъ въ олигархіяхъ? Они станутъ
неистово чтить во мракѣ свое золото и серебро, строить хра-
нилища и особыя сокровищницы, чтобы складывать и прятать
въ нихъ свое богатство, и постараются воздвигнуть себѣ стѣ-
B. ны домовъ, точно гнѣзда, чтобы тамъ расточать огромное свое
имущество на женъ и на другихъ, на кого захотятъ.—Весь-
ма справедливо, сказалъ онъ.—Поэтому они будутъ трястись
надъ деньгами, такъ какъ чтутъ ихъ и собираютъ не открыто,
чужія же, изъ угожденія страсти, тратить имъ понравится. Тай-
но предаваясь удовольствіямъ, они станутъ бѣгать отъ закона,

---

[1] *Суровыхъ*, ἁπλουστέρους. Этимъ словомъ, повидимому, означается здѣсь прямой, безцеремонный и строгій характеръ воина: отъ такого человѣка отличается ἁπλοῦς — человѣкъ простой, нелюбящій искуственности въ отношеніяхъ и изысканности въ формахъ жизни. Астъ хотѣлъ бы вмѣсто ἁπλουστέρους читать ποικιλωτέρους; но списки не представляютъ такого чтенія, да оно и не соотвѣтствуетъ, кажется, намѣренію философа.

какъ дѣти отъ отца, когда воспитало ихъ не убѣжденіе, а насиліе, когда истинную музу, т.-е. слово и философію, они пренебрегли, и гимнастику поставили выше музыки.—Ты говоришь, C.
въ самомъ дѣлѣ, о правленіи, смѣшанномъ изъ зла и добра, замѣтилъ онъ.—Да, оно смѣшано, примолвилъ я. Изъ правленія раздражительнаго очевиднѣйшая черта въ немъ только одна—спорливость и честолюбіе.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. —Такъ не таково ли это правленіе по своему происхожденію и свойствамъ? спросилъ я. Впрочемъ, начертавъ образъ его словомъ, мы не со всею точностію отдѣлали это очертаніе, а D.
такъ, чтобы изъ него можно было намъ только видѣть, кто—человѣкъ самый справедливый и несправедливый. Вѣдь чрезвычайно продолжительно было бы разсматривать всѣ правленія и всѣ нравы, ничего не оставляя.—Правда, сказалъ онъ.—

Каковъ же подъ этимъ правленіемъ человѣкъ? Какъ онъ выходитъ и какимъ бываетъ?—Я думаю, сказалъ Адимантъ, что, по спорливости-то, онъ близко подходитъ къ Главкону.—Это-то можетъ быть, примолвилъ я; но мнѣ кажется, что E.
другое не таково, какъ у Главкона [1].—Что же другое?—Тотъ долженъ быть своенравнѣе, отвѣчалъ я, не подчиняется музамъ, хотя и любитъ ихъ, и охотникъ слушать—только никакъ не риторику. Да такой и съ слугами жестокъ, хотя и 549.
не презираетъ ихъ, такъ какъ достаточно воспитанъ; съ людьми же свободными онъ кротокъ, правителямъ очень послушенъ, хотя властолюбивъ и честолюбивъ, и домогается власти не краснорѣчіемъ и не чѣмъ-нибудь тому подобнымъ, а дѣлами, какъ воинскими, такъ и относящимися къ воинскимъ; поэтому любитъ гимнастику и звѣриную охоту.—Это, въ самомъ дѣлѣ, характеръ того правленія, сказалъ онъ.—Но такой, пока молодъ, не презираетъ ли денегъ, а сдѣлавшись старше, не тѣмъ ли болѣе всегда любитъ ихъ, и вышедши изъ подъ B.

---

[1] Слегка затрогивается самомнѣніе Главкона. По свидѣтельству Ксенофонта (Memor. III,6), этотъ молодой человѣкъ, достигнувъ двадцати-лѣтняго возраста, хотѣлъ уже вступить въ отправленіе дѣлъ общественныхъ; но Сократъ отвлекъ его отъ такого намѣренія.

вліянія наилучшаго стража, не обнаруживаетъ ли природы сребролюбивой и неискренности къ добродѣтели? — Какого стража? спросилъ Адимантъ. — Музыкально настроеннаго слова, отвѣчалъ я. Оно одно во всю жизнь бываетъ внутреннимъ хранителемъ добродѣтели въ томъ, кто имѣетъ ее. — Ты хорошо говоришь, сказалъ онъ. — И этотъ-то юноша-тимократъ, примолвилъ я, конечно, походитъ на тотъ городъ. — Безъ сомнѣнія. — А характеръ-то его, сказалъ я, образуется слѣдую-
C. щимъ образомъ: онъ иногда бываетъ сыномъ добраго отца, который, живя въ худо управляемомъ городѣ, убѣгаетъ и отъ почестей, и отъ властей, и отъ судебныхъ мѣстъ, и отъ всякой подобной дѣятельности, а старается жить въ неизвѣстности, чтобы не имѣть хлопотъ. — Да какъ же образуется его характеръ? спросилъ Адимантъ. — Онъ выслушиваетъ, про-
D. должалъ я, досаду своей матери, что, во-первыхъ, мужъ ея — не въ числѣ правителей, и что чрезъ это она между прочими женщинами унижена; потомъ, что она видитъ, какъ мало отецъ его заботится о деньгахъ, и когда злословятъ его, не отбивается ни частно — въ судахъ, ни публично, но переноситъ все такое съ безпечностью; наконецъ, что она замѣчаетъ, какъ онъ внимателенъ только къ самому себѣ, а ее и не слишкомъ уважаетъ, и не безчеститъ. Досадуя на все это, она говоритъ сыну, что отецъ у него — человѣкъ слабый, крайне
E. вялый, и все прочее, что̀ жены обыкновенно поютъ о такихъ мужьяхъ. — И очень, сказалъ Адимантъ; онѣ говорятъ много имъ свойственнаго. — Ты знаешь также, прибавилъ я, что подобныя вещи сыновьямъ такихъ господъ иногда потихоньку сообщаютъ и самые слуги, думая тѣмъ выразить имъ свою преданность, и если видятъ, что на комъ-нибудь есть долгъ, а отецъ не нападаетъ на него судомъ за деньги, или за иную обиду, то сыну его дѣлаютъ такія внушенія: ты, когда будешь большой, — наказывай всѣхъ подобныхъ людей, и явишь-
550. ся больше мужемъ, чѣмъ твой отецъ. Вступивъ же въ общество, сынъ слышитъ другія такія же рѣчи, и видитъ, что люди, занимающіеся своимъ дѣломъ, въ городѣ называются глу-

пыми и мало уважаются; напротивъ, недѣлающіе своего, пользуются честію и бываютъ превозносимы похвалами. Слыша и видя все такое, а потомъ опять внимая словамъ отца и входя ближе въ его занятія, отличныя отъ занятій, усвояемыхъ другими, онъ развлекается тогда обѣими сторонами — и стороною своего отца, которая питаетъ и возращаетъ[1] разумность его души, и стороною другихъ, которая B.
дѣйствуетъ на пожелательную и раздражительную его силу, и будучи нехудымъ человѣкомъ по природѣ, пользуясь однакожъ худыми рѣчами другихъ, влечется дорогою среднею между обѣими этими крайностями, и власть надъ собою ввѣряя силѣ средней—спорливости и раздражительности, такимъ образомъ становится человѣкомъ заносчивымъ и честолюбивымъ.—Ты раскрылъ его свойства, мнѣ кажется, весьма хорошо, сказалъ онъ.—Примемся же теперь, примолвилъ я, за C.
второе правленіе и за другаго человѣка.—Примемся, сказалъ онъ.—

Послѣ этого, не вспомнить ли намъ словъ Эсхила:

Иной надъ инымъ поставленъ и градомъ[2],

по крайней мѣрѣ по прежнему нашему предположенію.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—А за такимъ правленіемъ слѣдовать-то должна, думаю, олигархія.—Какую же форму называешь ты олигархіей? спросилъ онъ.—Олигархія, отвѣчалъ я, есть правленіе, основывающееся на переписи и оцѣнкѣ имѣнія, такъ что въ немъ управляютъ богатые, а бѣдные не имѣютъ участія въ правленіи.—Понимаю, примолвилъ онъ.—Такъ не сказать D.
ли сперва, какъ совершается переходъ изъ тимархіи въ олигархію?—Да.—Хотя этотъ переходъ виденъ даже и для слѣпа-

---

[1] *Возращаетъ разумность его души*, αὐτοῦ τὸ λογιστικὸν ἐν τῇ ψυχῇ ἄρδοντος. Ἄρδειν часто употребляется въ смыслѣ метафорическомъ; такъ что орошеніе растеній по подобію переносится на душу и говорится, напримѣръ, Libr. X, p. 606 D: τρέφει γὰρ ταῦτα ἄρδουσα κ. τ. λ. Подобнымъ образомъ и о винѣ: οἶνος ἄρδει τὰς ψυχάς. *Xenoph.* Sympos. II, 24. *Aristoph.* Equit. v. 98.

[2] Этотъ стихъ читается у Эсхила (Sept. adv. Theb. v. 567): ὁμολωΐσιν δὲ πρὸς πύλαις τεταγμένος. Здѣсь философъ, примѣнительно къ своей цѣли, нѣсколько измѣнилъ его.

го, примолвилъ я.—Какой же онъ?—Та кладовая, отвѣчалъ
я, у каждаго полная золота, губитъ это правленіе; потому
что богатые сперва изобрѣтаютъ себѣ расходы и для того
измѣняютъ законамъ, которымъ не повинуются ни сами они,
ни жены ихъ.—Вѣроятно, сказалъ онъ.—Потомъ, по наклон-
ности смотрѣть другъ на друга и подражать, такимъ же, какъ
E. всѣ они, дѣлается и простой народъ.—Вѣроятно.—А отсю-
да, продолжалъ я, простираясь далѣе въ любостяжаніи, граж-
дане чѣмъ выше ставятъ деньги, тѣмъ ниже — добродѣтель.
Развѣ не такое отношеніе между богатствомъ и добродѣтелью,
что если оба эти предмета положить на двухъ тарелкахъ вѣ-
совъ, то они пойдутъ по противуположнымъ направленіямъ [1]?
551. —И очень, сказалъ онъ.—Итакъ, когда въ городѣ уважают-
ся богатство и богатые, тогда добродѣтель и люди добродѣ-
тельные находятся въ униженіи.—Явно.—А что уважается,
то бываетъ предметомъ подвиговъ; напротивъ неуважаемое
остается въ пренебреженіи [2].—Такъ.—Стало-быть, на мѣстѣ
людей спорливыхъ и честолюбивыхъ теперь являются любо-
стяжатели и любители денегъ; теперь въ городѣ начинаютъ
расточать похвалы, удивляться и ввѣрять власть богатому,
а бѣднаго унижаютъ.—И очень.—Не тогда-то ли постанов-
B. ляютъ законъ олигархическаго правленія, опредѣляя форму
его множествомъ денегъ? такъ что чѣмъ больше ихъ у кого,
тѣмъ выше его олигархія, а чѣмъ меньше, тѣмъ ниже; у ко-
го же богатства, требуемаго ценсомъ, не имѣется, тѣ, какъ

---

[1] Въ этомъ мѣстѣ я слѣдую чтенію Штальбома, согласному съ списками Flor. β' и Monac., въ которыхъ читается: *ὥσπερ — ἑκατέρου — ἐπὶ τοὐναντίον ῥέποτα*. Здѣсь *ἑκατέρου* относится къ *πλοῦτος* и *ἀρετή*, равно какъ и среднее *ῥέποντα*. Въ другихъ спискахъ читается *ῥέποντος*.

[2] Истина общая, подтверждаемая повсюдными опытами и неподлежащая никакому сомнѣнію. Если правительство хочетъ поднять какой-нибудь видъ государственной жизни, или какую-нибудь отрасль науки, то къ тому, что хочетъ поднять, должно выражать свое уваженіе — не офиціальнымъ словомъ, а дѣятельнымъ сочувствіемъ. Эту мысль хорошо высказалъ *Цицеронъ* (Tuscul. 1, 2): honos alit artes, omnesque incenduntur ad studia gloria, jacentque ea semper, quae apud quosque improbantur. *Themist.* Orat. IV, p. 54. XV, p. 195 D. XVI, p. 201 A. XXXI, p. 353 A. *Synes.* de providentia p. 103.

уже сказано, и не допускаются къ власти. Такое правленіе
или осуществляется силою оружія, или еще прежде, устанав-
ливается страхомъ. Не такъ ли? — Конечно такъ.—Установ-
леніе-то, можно сказать, таково. — Да, примолвилъ онъ. Но
каковъ образъ-то этого правленія? и какія, какъ было выше
замѣчено, имѣетъ онъ недостатки?—Во-первыхъ, вотъ каково C.
можетъ быть его опредѣленіе, сказалъ я: соображай-ка. Если-
бы управленіе кораблями кто-нибудь подчинилъ цензу, а бѣд-
ному, хотя бы онъ былъ и очень искусенъ въ кораблевожденіи,
не ввѣрилъ этого дѣла. — Худое было бы кораблеплаваніе,
примолвилъ онъ. — Но не то же ли нужно сказать и о всякой
другой власти? — Я думаю.—Кромѣ власти въ городѣ, при-
молвилъ я: или то же и о городской?—Даже тѣмъ болѣе, ска-
залъ онъ, чѣмъ труднѣе и выше эта власть.—Вѣдь и одно D.
это было бы величайшимъ недостаткомъ олигархіи.—Види-
мо.—Что же? а другой недостатокъ меньше этого? — Какой?
—Тотъ, что въ подобномъ городѣ былъ бы по необходимости
не одинъ городъ, а два: одинъ изъ людей бѣдныхъ, другой—
изъ богатыхъ, и оба они, живя въ томъ же самомъ мѣстѣ,
злоумышляли ли бы другъ противъ друга. — Да и не мало,
клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—Но, можетъ быть, хорошо то,
что они не въ состояніи будутъ вести войну; ибо принужден-
ные пользоваться вооруженною чернью, будутъ бояться ея E.
больше, чѣмъ непріятелей, либо, не пользуясь ею, сами въ
военное время окажутся по-истинѣ олигархами и, будучи
сребролюбивы, не захотятъ вносить деньги.—Нехорошо.—
А помнишь ли, мы прежде порицали, что въ такомъ правле-
ніи одни и тѣ же лица занимаются многими дѣлами — и воз-
дѣлываютъ землю, и собираютъ деньги, и воюютъ: правильно 552.
ли это, по твоему мнѣнію?—Отнюдь нѣтъ.—Смотри же,—изъ
всѣхъ этихъ золъ, разбираемое правленіе не приметъ ли пер-
вое слѣдующаго, величайшаго?—Какого?—Всякому въ немъ
позволено свое продать, либо пріобрѣсть, чтò продаетъ дру-
гой; и продавшій живетъ въ городѣ, не будучи никакимъ его
членомъ: ни промышленникъ онъ, ни мастеръ, ни всадникъ,

ни тяжело-вооруженный воинъ, но называется бѣднякомъ и
B. бобылемъ.—Первое зло, сказалъ онъ.—Вѣдь въ олигархическихъ-то правленіяхъ это не возбраняется; а иначе въ нихъ не было бы того, что когда одни преизобилуютъ богатствомъ, другіе впадаютъ въ крайнюю бѣдность. — Правильно. — Сообрази же слѣдующее: вотъ, бывъ богачемъ, такой-то прожился: велика ли отъ этого была тогда польза городу въ отношеніи къ тому, о чемъ мы сейчасъ говорили? или онъ только казался правителемъ, а на самомъ дѣлѣ былъ и не правитель, и не подчиненный, но расточалъ готовое богатство? — Только казался, отвѣчалъ онъ, а былъ не инымъ кѣмъ,
C. какъ расточителемъ.—Хочешь ли, мы скажемъ, спросилъ я, что какъ въ сотѣ трутень составляетъ болѣзнь пчелинаго роя, такъ и этотъ въ жизни, подобно трутню, есть болѣзнь города?—И очень, Сократъ, сказалъ онъ.—Не правда ли, Адимантъ, что всѣхъ пернатыхъ трутней Богъ сотворилъ безъ жала, а между пѣшими — однихъ тоже безъ жала, иныхъ же съ сильными жалами? И не правда ли, что тѣ,—безъ жала, до-
D. живаютъ до старости бѣдняками, а изъ снабженныхъ жаломъ всѣ, какіе есть, называются злыми? — Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Стало-быть, явно, продолжалъ я, что бѣдные, какихъ видишь въ городѣ, суть не что иное, какъ спрятавшіеся въ этомъ мѣстѣ воры, отрѣзыватели кошельковъ, святотатцы и мастера на всякое подобное зло [1].—Явно, сказалъ

[1] Первыя черты этой прекрасной аллегоріи встрѣчаются у *Исіода* (Opp. et DD. v. 300), и заботливо собраны *Рункеніемъ* (ad Tim. p. 157 sqq.). Подъ нею разумѣются люди, нетолько неприносящіе государству никакой пользы, но еще полагающіе въ немъ сѣмя разрушенія. Трутнями Платонъ называетъ бывшихъ олигарховъ, или промотавшихся богачей. Проматывая свое имѣніе, они для государства не дѣлаютъ ничего хорошаго, потому что живутъ только для себя, удовлетворяютъ своимъ страстямъ: когда же промотали свое,—привычка къ извѣстному роду жизни понуждаетъ ихъ изыскивать способы безъ труда пользоваться чужимъ достояніемъ. Имѣя въ виду такое направленіе ихъ, Платонъ различаетъ между ними трутней съ жаломъ и безъ жала: трутни безъ жала — это бѣдняки по душѣ и по тѣлу,—люди, сохранившіе только способность ѣсть и пить чужое, когда даютъ; напротивъ, трутни съ жаломъ—это люди, отъ природы получившіе хорошія способности, но роскошью и баловствомъ отученные отъ всякой полезной дѣятельности, требующей нѣкоторыхъ усилій.

онъ.—Такъ что же? въ городахъ олигархическихъ ты не ви-
дишь бѣдняковъ?—Да почти всѣ, кромѣ правителей, сказалъ
онъ. — А не думаемъ ли мы [1], спросилъ я, что между ними
много и такихъ, которые снабжены жалами злодѣевъ, и ко- E.
торыхъ старательно, не безъ насилія, обуздываютъ прави-
тельства?—Конечно думаемъ, отвѣчалъ онъ.—И не скажемъ
ли, что такіе люди заводятся тамъ отъ необразованности и
дурнаго воспитанія? — Скажемъ.—Такъ вотъ такимъ-то бы-
ваетъ олигархическій городъ, и такіе, а можетъ быть еще боль-
шіе, заключаетъ онъ въ себѣ недостатки!—Близко къ тому,
сказалъ онъ.—Значитъ, разсмотрѣно у насъ, примолвилъ я, 553.
и то правленіе, которое мы называемъ олигархіею, избираю-
щею правителей по ценсу.

После сего не разсмотрѣть ли и подобнаго ему человѣка,
какъ онъ является и, явившись, можетъ существовать?—Ко-
нечно, сказалъ онъ.—Не такъ ли особенно изъ тимократиче-
скаго перемѣняется онъ въ олигархическаго?—Какъ?—Раж-
дается отъ него сынъ и сперва подражаетъ отцу, — идетъ по
его слѣдамъ; но потомъ видитъ, что отецъ вдругъ палъ, набѣ-
жавши на городъ, будто на песчаную мель, и растративъ какъ B.
свое, такъ и себя, либо чрезъ воеводство, либо чрезъ отправ-
леніе какой-нибудь другой важной правительственной долж-
ности, а затѣмъ подпалъ подъ судъ, гдѣ повредили ему до-
посчики, гдѣ онъ подвергся или смерти, или изгнанію, или
безчестію, и погубилъ все свое состояніе.—И вѣроятно-таки,
сказалъ онъ.—Видя же это-то, другъ мой, и страдая, что поте-
рялъ имѣніе, да боясь, думаю, и за самую голову, сынъ въ душѣ
своей свергаетъ съ престола честолюбіе и ту раздражитель- C.

---

[1] *А не думаемъ ли мы*, μὴ οὖν οἰόμεθα. Можно бы подумать, что послѣ μὴ должно читать οἰώμεθα: но это была бы важная ошибка, совершенно измѣняющая смыслъ рѣчи. Μὴ стоитъ здѣсь вмѣсто οὐκοῦν; а въ такомъ случаѣ оно полагается съ наклоненіемъ изъявительнымъ и на вопросъ предполагаетъ отвѣтъ положительный. Если же послѣ μὴ мысль была бы невопросительная, то эта частица предъ настоящимъ изъявительнымъ была бы простымъ отрицаніемъ и стояла бы вмѣсто οὐ. *Epict.* Enchir. c. 31: Τίς δὲ δοῦναι δύναται ἑτέρῳ, ἃ μὴ ἔχει αὐτός. *Hoogv.* Doctr. part. P. 1, p. 715.

ность и, униженный бѣдностію, обращается къ любостяжанію, скряжнически и понемногу сберегаетъ деньги и накопляетъ ихъ трудами. Не думаешь ли, что этотъ человѣкъ пожелательности и любостяжательности своей не посадитъ тогда на тотъ престолъ и не будетъ представлять въ своемъ лицѣ великаго царя [1], не будетъ украшать себя тіарою и бармами и не препояшется мечемъ?—Думаю, сказалъ онъ.—А ра-
D. зумность-то и раздражительность, мнѣ кажется, будетъ онъ бросать наземь, куда попало, порабощая ихъ пожелательности, и не позволитъ себѣ никакого другаго умствованія или изслѣдованія, кромѣ того, какимъ бы образомъ изъ небольшихъ денегъ составить большія, равно какъ не станетъ ничему другому удивляться и ничего другаго уважать, кромѣ богатства и богатыхъ, не станетъ ничѣмъ инымъ гордиться, какъ пріобрѣтеніемъ денегъ и тѣмъ, что способствуетъ къ этому.— Никакой другой переходъ, сказалъ онъ, не будетъ столь быстръ и силенъ, какъ переходъ юноши отъ честолюбія къ сребролю-
E. бію.—Такъ этотъ, спросилъ я, есть ли олигархъ?—По крайней мѣрѣ онъ выродился изъ человѣка, подобнаго тому прав-
554. ленію, отъ котораго произошла олигархія. — Посмотримъ, подобенъ ли онъ ему?—Посмотримъ.—Во-первыхъ, не подобенъ ли въ томъ отношеніи, что весьма высоко цѣнитъ деньги? — Какже. — И еще въ томъ, что скупъ и дѣятельно-суетливъ, удовлетворяетъ только необходимымъ своимъ желаніямъ, а другихъ издержекъ не дѣлаетъ, и надъ другими желаніями господствуетъ, какъ надъ пустыми.—Безъ сомнѣнія. —Это—человѣкъ какой-то грязный, продолжалъ я, изъ всего выжимаетъ прибыль, выковываетъ сокровище; а такихъ-то и хвалитъ чернь [2]. Такъ не походитъ ли онъ на олигархи-

---

[1] Особенностями великаго царя, то-есть персидскаго, Греки почитали громадное его богатство и безусловное, какбы неземное владычество его надъ подданными. Обѣ эти особенности довольно рельефно изображаются, между прочимъ, въ Алкивіадѣ 1-мъ, p. 121 sqq.

[2] *А такихъ-то и хвалитъ чернь.* Οὓς δὴ стоитъ здѣсь вмѣсто οἵους. Притомъ это множественное относится къ предшествующему единственному, каковая кон-

ческое правленіе?—Мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, отвѣчалъ B.
онъ: то-есть, въ городѣ великою честію пользуются деньги,—
и у него тоже. — Потому, думаю, примолвилъ я, что онъ не
заботился объ образованіи.—Вѣроятно, сказалъ онъ; иначе
надъ хоромъ своихъ пожеланій не поставилъ бы слѣпаго вож-
дя [1].—И конечно, сказалъ я. Но смотри вотъ на что: не гово-
римъ ли мы, что въ немъ, отъ необразованности, есть пожеланія
трутня,—одни нищенскія, а другія злодѣйскія, обуздываемыя C.
силою, со стороны одной заботливости?—И очень, сказалъ онъ.
—А знаешь ли, спросилъ я, на что смотря, ты увидишь ихъ зло-
дѣйство?—На что? сказалъ онъ.—На попеченіе ихъ о сиро-
тахъ и на что-нибудь, если случится, подобное, при чемъ они
будутъ имѣть власть дѣлать обиды.—Правда.—Не явно ли
и то, что такой человѣкъ въ иныхъ обстоятельствахъ, ког-
да ему надобно казаться справедливымъ, сдерживаетъ прочія
дурныя свои пожеланія какимъ-то одобрительнымъ насиліемъ, D.
—не въ томъ убѣжденіи, что они нехороши, и подчиняясь не
уму, а необходимости и страху, такъ какъ дрожитъ за свое
имущество.—И очень-таки, сказалъ онъ.—Клянусь Зевсомъ,
другъ мой, продолжалъ я, что вѣдь во многихъ изъ нихъ, ког-
да надобно истратить чужое, ты найдешь пожеланія, срод-
ныя трутню.—И очень во многихъ, сказалъ онъ.—Слѣдова-
тельно, этотъ человѣкъ—не безъ тревогъ въ самомъ себѣ; онъ
—не одинъ, а какой-то двойной, онъ—съ пожеланіями, кото- E.
рыми обуздываются большею частію другія пожеланія, какбы
худшія—лучшими.—Такъ.—Посему то онъ будетъ, думаю,

струкція какъ въ греческомъ языкѣ, такъ и въ русскомъ, весьма обыкновенна. Напр. *Euripid.* Suppl. v. 878: φίλοις τ' ἀληθὴς ἦν φίλος, παροῦσί τε καὶ μὴ παροῦσιν· ὧν ἀριθμὸς οὐ πολύς· онъ былъ истиннымъ другомъ друзей—присутствующихъ и отсутствующихъ; каковыхъ людей число невелико. *Demosth.* pro Corona p. 328, ed. Reisk.: ἀνδρὶ καλῷ τε κἀγαθῷ, ἐν οἷς οὐδαμοῦ σὺ φανήσῃ γεγονώς· человѣку прекрасному и доброму, между каковыми ты никогда не являлся.

[1] Подъ именемъ слѣпаго вождя Адимантъ разумѣетъ здѣсь Плутона (богатство), о слѣпотѣ котораго см. *Aristoph.* и *Erasm.* Adagg. p. 200; а подъ словомъ τοῦ χοροῦ — всѣ желанія человѣческой природы, надъ которыми господствуетъ любовь къ деньгамъ.

имѣть наружность благовиднѣе, чѣмъ у многихъ, тогда какъ истинная добродѣтель согласной съ собою и благонастроенной души будетъ далеко бѣгать отъ него.—Мнѣ кажется.—Кромѣ того, скупецъ—худой товарищъ и въ случаѣ состязанія въ городѣ для какой-нибудь побѣды, либо для другаго, требуемаго честолюбіемъ похвальнаго дѣла. Онъ ради славы, и иныхъ подобныхъ подвиговъ, не хочетъ издерживать денегъ, боясь пробудить въ себѣ страсть расточительности и вы-
555. звать ее на помощь и состязаніе, а потому, выставляя на видъ немногія свои пожертвованія въ борьбѣ олигархической, съ одной стороны большею частію испытываетъ пораженіе, а съ другой—богатѣетъ.—И очень, сказалъ онъ.—Такъ будемъ ли еще не вѣрить, спросилъ я, что скупецъ и любостяжатель получаетъ эти свойства по подобію города олигархическаго?
B. —Никакъ не будемъ, сказалъ онъ.—

После этого, какъ видно, надобно разсмотрѣть уже димократію, какимъ образомъ она происходитъ, и происшедши, какого заключаетъ въ себѣ гражданина, чтобы, узнавъ его свойства, и о немъ также произнесть намъ свое сужденіе.—Этотъ ходъ, сказалъ онъ, по крайней мѣрѣ былъ бы у насъ подобенъ прежнему.—Не такимъ ли образомъ, спросилъ я, совершится перемѣна правленія изъ олигархическаго въ димократическое, если будетъ посредствовать ненасытность представляющимся благомъ—быть сколько можно богаче?—
C. Какимъ это?—Думаю, что дѣйствующіе въ городѣ правители, съ цѣлію больше пріобрѣсти, не хотятъ юношей, живущихъ распутно, обуздывать закономъ, и не запрещаютъ имъ расточать и губить свое состояніе, имѣя намѣреніе забирать въ залогъ ихъ фонды и потомъ подъ проценты покупать ихъ, чтобы сдѣлаться еще богаче и почтеннѣе[1].—Конечно, всего бо-

[1] Сократъ ведетъ свои мысли такъ, что если въ гражданахъ олигархическаго общества усиливается страсть накоплять деньги, то накопленіе ихъ совершается большею частію на счетъ мотающаго юношества, — по системѣ ростовщиковъ, которые, обольщая его блескомъ золота и приманками удовольствій, постепенно овладѣваютъ частными имѣніями чрезъ злонамѣренный кредитъ подъ

лѣе.—А отсюда не явно ли уже, что въ такомъ городѣ граждане не могутъ вмѣстѣ и уважать богатство, и достаточно прiобрѣтать разсудительность, но по необходимости будутъ не- D.
радѣть о томъ либо другомъ?—Конечно явно, сказалъ онъ.—Отъ нерадѣнія же объ этомъ и отъ поблажки распутству въ олигархіяхъ иногда принуждены бываютъ подвергаться бѣдности люди и не неблагородные.—Да и часто. — Такъ вотъ, думаю, и сидятъ они въ городѣ, вооруженные жалами [1],— одни, какъ обремененные долгами, другіе, какъ лишенные чести, а иные, угнетаемые обоими видами зла, и, питая ненависть и замыслы противъ людей, завладѣвшихъ имѣніемъ ихъ, да и противъ всѣхъ, задумываютъ возстаніе. — Прав- E.
да.—Между тѣмъ ростовщики-то, погрузившись въ свои расчеты, повидимому, и не замѣчаютъ этого, но, всегдашнею ссудою нанося раны тому, кто приходитъ просить денегъ, и обременяя должниковъ увеличенными процентами, будто порожденіемъ капитала-отца [2], разводятъ въ городѣ множество 556.
трутней и нищихъ.—Какъ не множество? сказалъ онъ.—Да и тутъ-то, примолвилъ я, не хотятъ они угасить такое жгучее зло,—не запрещаютъ всякому употреблять свое имѣніе, на что онъ хочетъ; и это опять-таки не рѣшается особымъ закономъ.—Какимъ же закономъ?—Тѣмъ, который послѣ перваго второй, именно закономъ, принуждающимъ гражданъ заботиться о добродѣтели. Вѣдь еслибы тому, кто соверша- B.
етъ съ кѣмъ-нибудь сдѣлки произвольно, предписывалось со-

залогъ собственности, чтобы несостоятельный должникъ, обременяемый накопленіемъ процентовъ, наконецъ отказался отъ заложеннаго имущества въ пользу ростовщика.

[1] *Κεκεντρωμένοι τε καὶ ἐξωπλισμένοι*,—указывается на трутней, о которыхъ говорено было выше.

[2] Каждую ссуду денегъ, какую дѣлаетъ ростовщикъ своему должнику, Сократъ называетъ новою, наносимою ему раною; причемъ на проценты,—*τόκος*, смотритъ онъ, какъ на отродье отца, называемаго капиталомъ; потому что *τόκος* есть плодъ, приносимый и чрезъ обыкновенное органическое рожденіе и чрезъ обращеніе денегъ. Отъ такого способа сосредоточенія капиталовъ въ сундукахъ ростовщика распространяется въ государствѣ пролетаріатъ и служитъ началомъ возмущеній.

вершать ихъ на свой страхъ; то въ городѣ барышничанье происходило бы съ меньшимъ безстыдствомъ, и меньше было бы въ немъ такихъ золъ, о какихъ мы сейчасъ говорили. —И очень-таки, сказалъ онъ.—А теперь-то, продолжалъ я, городскіе правители, чрезъ все подобное, не такъ ли настроили и управляемыхъ, и самихъ себя съ своими дѣтьми, что юноши у нихъ ведутъ разгульную жизнь и не трудятся ни
C. для тѣла, ни для души,—стали слабы и лѣнивы для выдержанія и удовольствій и скорбей?—Какже.—Сами же они, занимаясь только барышничествомъ, вовсе нерадятъ о другихъ и не больше заботятся о добродѣтели, какъ и бѣдняки.—Конечно не больше. — Если такъ настроенные правители и управляемые сходятся между собою или во время путешествій, или при другихъ случаяхъ общенія, напримѣръ, по случаю народныхъ игръ, либо военныхъ походовъ, или въ совмѣст-
D. номъ плаваньѣ, или въ сотовариществѣ на войнѣ, или въ наблюденіи другъ за другомъ среди опасностей,—ни въ какомъ подобномъ случаѣ бѣдные не презираются бѣдными: напротивъ, когда изможденный и загорѣлый нищій, нерѣдко стоя въ сраженіи подлѣ богача, вскормленнаго подъ тѣнью и носящаго много чужой плоти [1], видитъ, какъ этотъ богачь задыхается и чувствуетъ затруднительность своего положенія; тогда не приходитъ ли, думаешь, на мысль ему, что эти люди богатѣютъ только дурными своими качествами и, находясь глазъ на глазъ съ другимъ, не говоритъ ли о немъ: наши господа
E. ничего не стоятъ [2]?—Я-то хорошо знаю, сказалъ Адимантъ,

---

[1] *Вскормленнаго подъ тѣнью*, ἐσκιατροφηκότι, то-есть въ нѣгѣ, противуположно *загорѣлому*, ἡλιωμένῳ, который выросъ подъ палящимъ солнцемъ. Такимъ же образомъ юношѣ изнѣженному приписывается много чужой плоти, σάρκας ἀλλοτρίας,—не въ томъ смыслѣ, какъ объясняетъ Штальбомъ, будто эта плоть не относится къ здоровью тѣла и есть въ немъ излишнее ожиреніе, а въ томъ, что она пріобрѣтена на счетъ истощанія и исхуданія чужихъ, работавшихъ на него тѣлъ; такъ что ἔχων σάρκας ἀλλοτρίας здѣсь противуполагается τῷ ἰσχνῷ, ἀνδρὶ πένητι.

[2] *Наши господа,* въ греческомъ подлинникѣ: ἄνδρες ἡμέτεροι, по моему мнѣнію,—не тѣ, которые не заслуживаютъ имени мужчинъ, какъ объясняетъ это

что они такъ дѣлаютъ.—Но, какъ болѣзненное тѣло,—нужно только слегка дотронуться до него, тотчасъ страдаетъ, а иногда возмущается и безъ внѣшнихъ причинъ: не такъ ли болѣетъ и борется самъ съ собою подобный ему въ этомъ отношеніи городъ, когда, по малѣйшему поводу, являются извнѣ союзники—одни изъ олигархическаго, другіе изъ димократическаго города, и не возмущается ли онъ нерѣдко даже безъ внѣшнихъ побужденій [1]?—Да и сильно.—Итакъ, димократія 557.
происходитъ, думаю, какъ скоро бѣдные, одержавъ побѣду, однихъ убиваютъ, другихъ изгоняютъ, а прочимъ ввѣряютъ власть и правленіе поровну. Притомъ начальствованіе въ ней раздается большею частію по жребіямъ.—Да, это и есть постановленіе димократіи, сказалъ онъ,—устанавливается ли она силою оружія, или чрезъ удаленіе другой партіи, гонимой страхомъ.—

Какимъ же образомъ живутъ эти города? спросилъ я. И въ чемъ опять состоитъ такое правленіе? Вѣдь явно, что по- B.
добный человѣкъ окажется димократическимъ.—Явно, сказалъ онъ.—Не правда ли, что во-первыхъ-таки они свободны, что городъ ихъ пользуется полною свободою и дерзновеніемъ, и всякій въ немъ имѣетъ волю дѣлать, что хочетъ.—Говорятъ, что такъ, сказалъ онъ.—А гдѣ воля-то, тамъ, очевидно, каждый можетъ обстанавливать свою жизнь по своему, какъ ему нравится.—Очевидно.—Такъ въ этомъ правленіи люди, думаю, будутъ очень различны. — Какъ не различны? — Оно, C.
должно быть,—прекраснѣйшее изъ правленій, примолвилъ я. Какъ пестрое платье, испещренное всѣми цвѣтами, такъ и

Штальбомъ, а тѣ, которые не стоютъ чести быть господами τῶν κηνητῶν, которыхъ Сократъ называетъ также τοὺς ἄνδρας.

[1] Эта мысль Платона весьма хорошо объясняется тожественною мыслію Димосѳена (Olynth. II, p. 24, ed. Reisk.): какъ въ нашихъ тѣлахъ, пока кто здоровъ, не чувствуется никакой слабости въ отдѣльныхъ членахъ,—а случись какая-нибудь болѣзнь, все приходитъ въ движеніе,—рана ли то будетъ, или вывихъ, или другое какое разстройство; такъ и въ городѣ подъ тиранніею,—пока граждане ведутъ войну внѣшнюю, зло для народа бываетъ незамѣтно; а какъ скоро вспыхиваетъ борьба домашняя, —всѣ чувствуютъ ее.

оно, оразноображенное всѣми нравами, будетъ казаться прекраснѣйшимъ.—Почему не такъ? сказалъ онъ.—Можетъ быть, и толпа тоже, продолжалъ я, равно какъ дѣти и женщины, засматривающіяся на пестроту, будетъ находить его прекраснѣйшимъ. — Конечно, сказалъ онъ. — И въ немъ-то, почтен-
D. нѣйшій, замѣтилъ я, можно искать пригоднаго правленія.— Почему такъ?—Потому, что оно, благодаря произволу, заключаетъ въ себѣ всѣ роды правленій, и кто желаетъ устроить городъ, что теперь дѣлали мы, тому, должно быть, необходимо, пришедши въ городъ димократическій, будто въ торговый магазинъ правленій, выбрать форму, какая ему нравится, и выбравши, ввести ее у себя.—Въ самомъ дѣлѣ можетъ быть, сказалъ онъ; въ примѣрахъ недостатка не будетъ. — Въ та-
E. комъ городѣ, продолжалъ я, нѣтъ тебѣ никакой надобности управлять, хотя бы ты былъ и способенъ къ тому, равно какъ и быть управляемымъ, если не хочешь: нѣтъ тебѣ надобности ни воевать, когда другіе воюютъ, ни хранить миръ, когда другіе хранятъ, какъ скоро самъ не желаешь мира; и еслибы опять какой-нибудь законъ препятствовалъ тебѣ управлять или засѣдать въ судѣ, ты тѣмъ не менѣе можешь управ-
558. лять и судить, когда это пришло тебѣ въ голову. Такой образъ жизни на первый разъ не есть ли образъ жизни богоподобной и пріятной?—Можетъ быть, на первый-то, сказалъ онъ. —Что еще? Не удивительна ли въ немъ и кротость съ нѣкоторыми осужденными [1]? Не видывалъ ли ты, какъ подъ такимъ правленіемъ люди, приговоренные къ смерти или къ изгнанію, тѣмъ не менѣе остаются и ходятъ открыто, и никто не заботится объ этомъ, никто и не смотритъ, какими выступаютъ
B. они героями?—Да и многихъ видалъ, сказалъ онъ.—И это сниз-

[1] Здѣсь Сократъ очень мѣтко описываетъ такъ называемую филантропію людей съ димократическими стремленіями, то-есть людей, непризнающихъ никакого закона, нетерпящихъ никакого ограниченія, никѣмъ неуправляемыхъ и ничѣмъ неуправляющихъ, пока сами того не пожелаютъ; а пожелаютъ они управлять и ограничивать другихъ, вѣроятно, тогда, когда субъекты теоретической ихъ филантропіи практически ограбятъ ихъ, обезчестятъ или подвергнутъ побоямъ.

хожденіе есть никакъ не мелочность такого правленія, а презрѣніе къ тому, что̀ мы, какъ было у насъ говорено при устроеніи города, считали за важное: кто, то-есть, по нашему, не имѣетъ необыкновенно высокой природы, тотъ не можетъ быть добрымъ человѣкомъ, если еще въ дѣтствѣ не игралъ съ прекраснымъ и не занимался всѣмъ такимъ. Какъ величественно попираетъ оно подобныя правила и нисколько не заботится, отъ какихъ занятій такой-то перешелъ къ дѣламъ политическимъ, но удостоиваетъ его чести, лишь бы только доказалъ онъ, что пользуется благосклонностью народа.—Оно, въ самомъ дѣлѣ, весьма благородно, сказалъ онъ.— C.
Такія-то и другія подобныя этимъ преимущества, примолвилъ я, можетъ имѣть димократія,—правленіе, какъ видно, пріятное, безправительственное и пестрое, сообщающее равенство людямъ равнымъ и неравнымъ.—И конечно, сказалъ онъ; дѣло извѣстное.—

Сообрази же, продолжалъ я, каковъ этотъ характеръ въ частности. Не разсмотрѣть ли намъ его сперва, какъ разсматривали мы правленіе, то-есть какимъ образомъ онъ происходитъ?—Да, сказалъ онъ.—А не такъ ли, думаю, происходитъ? Онъ могъ быть сыномъ того скупца и олигарха, воспи- D.
таннымъ согласно съ нравомъ своего отца.—Почему не такъ? —Стало-быть, и этотъ насильствомъ господствовалъ надъ всѣми своими удовольствіями, которыя расточаютъ, а не собираютъ, и называются также не необходимыми.—Явно, сказалъ онъ.—А хочешь ли, спросилъ я, чтобы не разговаривать впотьмахъ, мы сперва опредѣлимъ пожеланія необходимыя и не необходимыя?—Хочу, отвѣчалъ онъ.—Не тѣ ли по справедливости называются необходимыми, которыхъ мы отвратить не въ состояніи, и потомъ — которыхъ удовлетворе- E.
ніе полезно для насъ? ибо первыя и послѣднія внушаются нашей природѣ необходимостью. Не такъ ли?—Конечно.—Стало-быть, мы въ отношеніи къ нимъ скажемъ правду, что это 559.
необходимо.—Правду.—Что же? тѣ-то, которыя кто-нибудь, одумавшись съ молодыхъ лѣтъ, могъ бы оставить, тѣмъ бо-

лѣе, что они не дѣлаютъ ничего добраго [1], а иныя дѣлаютъ даже противное: всѣ эти если мы назовемъ не необходимыми, не хорошее ли дадимъ имъ названіе?—Конечно хорошее.—Такъ возьмемъ какой-нибудь примѣръ тѣхъ и другихъ, чтобы сказать о нихъ вообще [2], каковы они [3].—Да, надобно.—Желаніе ѣсть, сколько требуютъ того здоровье и ростъ,—желаніе
B. хлѣба и варива не необходимо ли?—Я думаю.—И первое-то необходимо по тому и другому: оно и полезно, и можетъ прекратить жизнь [4].—Да.—Послѣднее же по крайней мѣрѣ доставляетъ нѣкоторую пользу для роста.—Безъ сомнѣнія.—Но что, если желаніе простирается далѣе этихъ кушаньевъ—къ другимъ, разнообразнѣйшимъ, если, бывъ съ дѣтства очищаемо и образуемо, оно у многихъ можетъ проходить, а не то,—бываетъ вредно какъ для тѣла, такъ и для души, относительно ея разумности и разсудительности?—не правильно ли бу-
C. детъ назвать его не необходимымъ?—Весьма правильно.—Такъ не назовемъ ли желаній этого рода расточительными, а

---

[1] *Тѣмъ болѣе, что они не дѣлаютъ ничего добраго*, καὶ πρὸς οὐδὲν ἀγαθὸν ἐνοῦσαι δρῶσιν. Шлейермахеръ переводитъ: und zu nichts Guten mitwirken. Переводъ этотъ невѣренъ. Глаголъ δρᾷν сочиняется обыкновенно съ винительнымъ, а отрѣшенно не употребляется. Чтобы въ приведенномъ выраженіи видно было правильное его сочиненіе, надобно замѣтить, что οὐδὲν зависитъ отъ δρῶσιν, а не отъ предлога πρός, и есть винительный своего глагола. Предлогъ же πρὸς стоитъ здѣсь отрѣшенно и имѣетъ такое же значеніе, какое προςέτι. Такъ употребляется онъ *Aristoph*. Plut. v. 1002: καὶ πρὸς ἐπὶ τούτοις εἶπεν. *Eurip*. Phoeniss. v. 884: καὶ πρὸς ἠτιμασμένος. У Платона πρὸς въ такомъ значеніи употребляется чаще съ частицею γέ. Respubl. V, p. 466 E: καὶ πρός γε—ἄξουσιν εἰς πόλεμον. Sophist. p. 234 A: καὶ πρός γε θαλάττης. Впрочемъ на такое именно значеніе πρὸς указываетъ и слѣдующій за этимъ винительный: αἱ δὲ καὶ τοὐναντίον, т. е. δρῶσιν.

[2] *Чтобы сказать о нихъ вообще*, ἵνα τύπῳ λάβωμεν αὐτάς, т.-е. чтобы все ихъ разнообразіе заключить въ какомъ-нибудь символѣ, образѣ, очертаніи, ut summatim dicamus. Τύπος, означающее собственно образецъ, часто берется какъ представленіе рода вещей, и въ такомъ случаѣ выраженію ἐν τύπῳ εἰρῆσθαι противуполагается δι' ἀκριβείας εἰρῆσθαι. De Rep. 414 A. 491 C. 501 D. Prot. p. 344 B.

[3] *Каковы онѣ*, αἵ εἰσιν; αἵ вмѣсто οἷαι (см. выше p. 554 A), но отнюдь не вмѣсто τίνες, какъ полагаетъ Астъ; потому что αἵ указываетъ на предметы опредѣленные и неизвѣстные только со стороны ихъ свойствъ, а τίνες относится къ такимъ, которыхъ ищется самое бытіе.

[4] *Оно* (желаніе) *и полезно, и можетъ прекратить жизнь*, если, то-есть, не будетъ удовлетворяемо.

тѣхъ, поколику они полезны для дѣлъ, сберегательными?—Почему не назвать?—Не то же ли скажемъ о желаніяхъ любовныхъ и о другихъ?—То же.—Стало-быть, и о томъ, кого недавно назвали трутнемъ? Вѣдь мы говорили, что онъ водится такими именно удовольствіями и находится подъ властію пожеланій не необходимыхъ, тогда какъ человѣкъ бережливый и олигархическій удовлетворяетъ необходимымъ. — Да какже. D.

Теперь скажемъ опять, продолжалъ я, какъ изъ олигархика происходитъ человѣкъ димократическій. Происхожденіе его большею-то частію совершается, повидимому, слѣдующимъ образомъ. — Какимъ? — Когда юноша, вскормленный, какъ мы недавно говорили, безъ воспитанія и въ правилахъ скупости, попробуетъ трутневаго меду и сроднится съ звѣрскими и дикими нравами, способными возбуждать въ немъ разнообразныя, разнородныя и всячески проявляющіяся удовольствія; тогда-то, почитай, бываетъ въ немъ начало перемѣны олигархическаго его расположенія въ димократическое.—Весьма необходимо, сказалъ онъ.—Какъ городъ измѣняется въ своемъ правленіи, когда приходитъ къ нему помощь съ другой, внѣшней стороны,—помощь подобная подобному: не такъ ли измѣняется и юноша, если помогаютъ ему извѣстнаго рода пожеланія, привзошедшія извнѣ — отъ другаго, но сродныя и подобныя пожеланіямъ его собственнымъ?—Безъ сомнѣнія.—А какъ скоро этой помощи-то, думаю, противупоставляется другая — со стороны его олигархической, напримѣръ, со стороны его отца или иныхъ родственниковъ, и обнаруживается внушеніями и выговорами; 560. то, конечно, является въ немъ возстаніе и противувозстаніе—борьба съ самимъ собою.—Какже.—И димократическое расположеніе иногда, думаю, отступаетъ отъ олигархическаго; такъ что изъ пожеланій одни разстроиваются, а другія, по возбужденіи стыда въ душѣ юноши, изгоняются.—Да, иногда бываетъ, сказалъ онъ.—Потомъ однакожъ, изъ изгнанныхъ пожеланій, иныя, сродныя съ невѣжественнымъ воспитаніемъ отца, будучи подкармливаемы, снова, думаю, B.

растутъ и становятся сильными.—Въ самомъ дѣлѣ, обыкно-
венно такъ бываетъ, сказалъ онъ.—Тогда они увлекаютъ
юношу къ прежнему сообществу и, лелѣемыя тайно, размно-
жаются.—Какже.—А наконецъ, почуявъ, что въ акрополисѣ
юношеской души [1] нѣтъ ни наукъ, ни похвальныхъ занятій,
ни истинныхъ разсужденій, которыя бываютъ наилучшими
стражами и хранителями лишь въ разсудкѣ людей боголюбез-
ныхъ, овладѣваютъ имъ.—Да и конечно такъ бываетъ, ска-
C. залъ онъ.—И мѣсто всего этого занимаютъ, думаю, сбѣжав-
шіяся туда лживыя и надменныя рѣчи да мнѣнія.—Непре-
мѣнно, сказалъ онъ.—Поэтому, не пойдетъ ли онъ снова къ
тѣмъ Лотофагамъ [2] и не будетъ ли жить между ними откры-
то? А если къ бережливой сторонѣ души его придетъ помощь
отъ родныхъ, то надменныя тѣ рѣчи, заперши въ немъ воро-
та царской стѣны, даже не допустятъ этой союзной силы и не
D. примутъ посланническихъ словъ, произносимыхъ старѣйши-
ми частными людьми [3], но, вспомоществуемыя многими безпо-
лезными пожеланіями, сами одержатъ верхъ въ борьбѣ и, стыдъ
называя глупостью, съ безчестіемъ вытолкаютъ его вонъ и
обратятъ въ бѣгство, а разсудительность, именуя слабостью

---

[1] *Въ акрополисѣ юношеской души.* Разумѣются высшія умственныя и нравственныя силы человѣческаго духа, отличныя отъ силъ раздражительной и пожелательной природы—даже по органу, въ которомъ онѣ проявляются; такъ какъ обыкновенное мѣсто ихъ проявленія, по ученію Платона, есть голова, которую въ своемъ Тимеѣ называетъ онъ столицею или акрополисомъ ума, ὃ θειότατόν τ' ἐστὶ καὶ τῶν ἐν ἡμῖν πάντων δεσποτοῦν. Tim. p. 44 D.

[2] Лотофаги — африканское племя, получившее это имя отъ употребленія въ пищу плодовъ дерева лотоса. Эта пища была такъ пріятна, что иностранцы, вкушая ее, забывали о своемъ отечествѣ. Поэтому товарищи Улисса, занесенные въ Африку, покушавъ тамъ лотоса, едва могли быть уведены оттуда. *Hom.* Odyss. IX, v. 94 sqq. *Ovid.* Eleg. X, v. 18. Nec degustanti lotos amara fuit. Sil. Ital. Punic. bell. l. 3, v. 311. Et dulci pascit lotos nimis hospita bacca. У Платона развратные юноши называются Лотофагами потому, что вкушая сладкую отраву удовольствій, они забываютъ о правилахъ жизни и пользахъ, на которыя указываютъ имъ родственники.

[3] Прекрасная аллегорія (ἀμφιβολία), въ которой увѣщанія родственниковъ представляются какбы посланниками старѣйшинъ домашняго общества; царскою же стѣною, ограждающею самостоятельное бытіе человѣка, называется, повидимому, сознаніе или совѣсть.

и закидывая грязью, изгонятъ, равно какъ умѣренность и благоприличную трату удалятъ, будто деревенщину и низость. —Непремѣнно.—Отрѣшивъ же и очистивъ отъ этого плѣненную ими и посвящаемую въ великія таинства [1] душу, послѣ E.
сего они уже торжественно, съ большимъ хоромъ вводятъ въ нее наглость, своеволіе, распутство и безстыдство, и все это у нихъ увѣнчано, все это выхваляютъ они и называютъ прекрасными именами—наглость образованностью, своеволіе свободою, распутство великолѣпіемъ, безстыдство мужествомъ. Не такъ ли какъ-то, спросилъ я, юноша, изъ вскормленнаго 561.
въ необходимыхъ пожеланіяхъ, перемѣняется въ освобожденнаго и отпущеннаго подъ власть удовольствій не необходимыхъ и безполезныхъ?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; это очевидно.—Послѣ сего, онъ въ своей жизни истрачиваетъ и деньги, и труды, и занятія, уже не столько для удовольствій, думаю, необходимыхъ, сколько не необходимыхъ. Но если, къ счастію, разгулъ его не дошелъ до крайности, если, доживъ до лѣтъ болѣе зрѣлыхъ, когда неугомонный шумъ умолка- B.
етъ, онъ принимаетъ сторону желаній изгнанныхъ и не всецѣло предался тѣмъ, которыя вошли въ него; то жизнь его будетъ проходить среди удовольствій, поставленныхъ именно въ какой-то уровень: онъ, какбы по жребію, то отдастъ надъ собою власть удовольствію отчужденному, пока не насытится, то опять другому, и не будетъ пренебрегать никоторымъ, но постарается питать всѣ одинаково.—Конечно.—Когда же сказали бы, продолжалъ я, что одни удовольствія проистекаютъ изъ желаній похвальныхъ и добрыхъ, а C.
другія — изъ дурныхъ, и что первыя надобно принимать и уважать, а другія—очищать и обуздывать,—этого истиннаго слова онъ не принялъ бы и не пустилъ бы въ свою крѣпость, но при такихъ разсужденіяхъ, отрицательно покачивая голо-

---

[1] Это аллегорическое выраженіе взято отъ мистерій. Астъ пишетъ такъ: in sacris Eleusiniis post lustrationes privataque sacrificia primum minora mysteria (μικρὰ τέλη) tradebantur mystis, et post sex menses majora (τὰ μεγάλα) contemplanda præbebantur epoptis. V. *Bulliald.* ad. Theon. Mathem. p. 215—222 sq.

вою, говорилъ бы, что удовольствія всѣ равны и должны быть
равно уважаемы.—Непремѣнно, сказалъ онъ; кто такъ на-
строенъ, тотъ такъ и дѣлаетъ.—Не такъ ли онъ и живетъ,
продолжалъ я, что каждый день удовлетворяетъ случайному
пожеланію? То пьянствуетъ и услаждается игрою на флейтѣ,
D. а потомъ опять довольствуется одною водою и измождаетъ
себя; то упражняется, а въ другое время предается лѣности
и ни о чемъ не радѣетъ; то будто занимается философіею, но
чаще вдается въ политику, и, вдругъ вскакивая, говоритъ и
дѣлаетъ, что случится. Когда завидуетъ людямъ военнымъ,—
онъ пошелъ туда; а какъ скоро заглядѣлся на ростовщиковъ,—
онъ является между ними. Въ его жизни нѣтъ ни порядка, ни
закона [1]: называя ее пріятною, свободною и блаженною, онъ
E. пользуется ею всячески.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; ты
описалъ жизнь какого-то человѣка равнозаконнаго (индиффе-
рентиста). —Думаю-то такъ, продолжалъ я, что этотъ чело-
вѣкъ разнообразенъ и исполненъ чертами весьма многихъ
характеровъ; онъ прекрасенъ и пестръ, какъ тотъ городъ [2]:
иные мужчины и женщины позавидовали бы его жизни, пред-
ставляющей въ себѣ многочисленные образцы правленій и
562. нравовъ. —Такъ, сказалъ онъ.—Что же? положимъ ли, что та
койчеловѣкъ, описанный нами по образцу димократіи, можетъ
быть правильно названъ димократическимъ?—Положимъ, ска-
залъ онъ.—

Теперь остается намъ изслѣдовать, сказалъ я, превосходнѣйшее правленіе и превосходнѣйшаго человѣка: это—тираннія и тираннъ.—Точно, сказалъ онъ.—Хорошо; такъ какимъ же образомъ, любезный другъ, бываетъ форма тиранническая [3]?

---

[1] ***Ни закона***, греч. ἀνάγκη, т.-е. необходимости, налагаемой другими подъ формою предписаній или законныхъ ограниченій.

[2] Указывается ad p. 557 C. D.

[3] Греческій текстъ—τίς τρόπος τυραννίδος γίγνεται—выражаетъ, повидимому, не то; но Шлейермахеръ не безъ основанія догадывается, что въ этомъ текстѣ что-нибудь испорчено,—ибо далѣе идетъ разсужденіе не о формѣ тиранніи, а о ея происхожденіи,—и потому думаетъ, что приведенное выраженіе надобно измѣнить такъ: τίνα τρόπον τυραννίς—γίγνεται. Находя эту догадку Шлейермахера правдоподобною, я перевожу: ***такъ какимъ же образомъ бываетъ форма тиранническая?***

Что она выраждается изъ димократической,—это почти очевидно.—Очевидно.—Не такъ же ли какъ-то тираннія происходитъ изъ димократіи, какъ димократія изъ олигархіи?—Какъ, B.
то-есть?—Тамъ предполагалось нѣкоторое благо, сказалъ я, и благомъ, на которомъ основалась олигархія, было чрезвычайное богатство. Не такъ ли?—Такъ.—И вотъ ненасытимая жажда богатства и нерадѣніе о прочемъ чрезъ барышничество погубили олигархію.—Правда, сказалъ онъ.—Не опредѣляетъ ли блага и димократія, и не ненасытимое ли также жажданіе его разрушаетъ эту форму правленія?—Какое же, говоришь, опредѣляетъ она благо?—Свободу, отвѣчалъ я; ибо въ димократическомъ-то городѣ ты услышишь, что она—дѣло C.
превосходнѣйшее, и что только въ этомъ одномъ городѣ стóитъ жить тому, кто по природѣ свободенъ.—Да, дѣйствительно говорятъ, сказалъ онъ; и это повторяется часто.—Такъ не справедливо ли, прибавилъ я, что ненасытимая жажда сего блага и нерадѣніе о прочемъ, какъ я сейчасъ же сказалъ, измѣняютъ это правленіе и готовятъ ему потребность въ тиранніи?—Какимъ образомъ? спросилъ онъ.—Когда димократическій городъ, горя жаждою свободы, попадается въ руки дурныхъ виночерпіевъ и, наливаемый свободою, безъ мѣры, упивается ею слишкомъ очищенною, безъ надлежащей D.
примѣси; тогда онъ наказываетъ, думаю, этихъ правителей, —(кромѣ тѣхъ только, которые были не очень кротки и не давали большой свободы), обвиняя ихъ, какъ преступниковъ и олигарховъ [1].—Да, это бываетъ, сказалъ онъ.—А тѣхъ-то, примолвилъ я, которые были послушны правителямъ, онъ преслѣ-

[1] Цицеронъ (de Republ. I, c. 43, p. 108, ed. Mai. Stuttg.) переводитъ это такъ: Cum enim inexplebiles populi fauces exaruerunt libertatis siti, malisque usus ille ministris, non modice temperatam, sed nimis meracem libertatem sitiens hauserit, tum magistratus et principes, nisi valde lenes et remissi sint et largo sibi libertatem ministrent, insequitur, insimulat, arguit; præpotentes, reges, tyrannos vocat. Съ этимъ мѣстомъ Астъ кстати сравниваетъ слова Ливія (XXXIX, c. 26): ex diutina siti nimis avide meram haurientes libertatem. Разсматриваемую мысль Платона отчасти приводитъ и Атеней (XI, c. 112 extr.) и порицаетъ философа, что аѳинскихъ правителей сравнилъ онъ съ плохими виночерпіями.

дуетъ оскорбленіями, какъ произвольныхъ рабовъ [1] и людей, ничегонестоющихъ: напротивъ правителей, подобныхъ управляемымъ, а управляемыхъ—правителямъ, хвалитъ и удостоиваетъ почестей частно и всенародно. Въ такомъ городѣ сво-
E. бода не необходимо ли входитъ во все?—Какъ не входить?—Она проникаетъ, другъ мой, даже въ частные домы, примолвилъ я, и такое безначаліе достигаетъ наконецъ до самыхъ животныхъ.—Какъ это говоримъ мы? спросилъ онъ.—Такъ, отвѣчалъ я, что отецъ привыкаетъ уподобляться дитяти и бояться сыновей, а сынъ дѣлается подобнымъ отцу, и чтобы быть свободнымъ, не имѣетъ ни уваженія, ни страха къ родителямъ. Переселенецъ у него все равно что туземецъ, а
563. туземецъ все равно что переселенецъ; то же самое и касательно иностранца.—Да, такъ бываетъ, сказалъ онъ.—Это-то, продолжалъ я, ты увидишь тамъ, и подобныя этому подробности. Учитель въ такомъ городѣ боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики унижаютъ учителя и воспитателей. Вообще—юноши принимаютъ роль стариковъ и состязаются съ ними словомъ и дѣломъ, а старики, снисходя къ юношамъ
B. и подражая имъ, отличаются вѣжливостію и ласковостію, чтобы, то-есть, не показаться людьми непріятными и деспотами [2].—Конечно.—Послѣднее же дѣло свободы у этого народа, сколько бы ни было ея въ такомъ городѣ, другъ мой, состоитъ въ томъ, продолжалъ я, что купленные мужчины и женщины нисколько не меньше свободны, какъ и купившіе ихъ. А какое бываетъ равенство и какая свобода женъ въ отношеніи къ мужьямъ и мужей въ отношеніи къ женамъ,—о томъ мы почти и забыли сказать.—Не выразиться ли намъ

---

[1] Цицеронъ (l. c.): eos, qui pareant principibus, agitari ab eo populo, et servos voluntarios appellari.

[2] Цицеронъ (l. c.): ut necesse sit in ejusmodi republica plena libertatis esse omnia, ut et privata domus omnis vacet dominatione, et hoc malum usque ad bestias perveniat; denique ut pater filium metuat, filius patrem negligat; absit omnis pudor, ut plane liberi sint; nihil intersit civis sit an peregrinus; magister ut discipulos metuat et iis blandiatur, spernantque discipuli magistros; adolescentes ut senum sibi pondus assumant, senes autem ad ludum adolescentium descendunt, ne sint ita graves et odiosi.

словами Эсхила, примолвилъ онъ, и говорить, чтò попадетъ C.
на языкъ [1]? — Конечно, вѣдь и у меня тоже говорится, чтò есть на языкѣ, сказалъ я. Даже и животныя, находящіяся подъ властію людей, въ томъ городѣ гораздо свободнѣе, нежели гдѣ-нибудь: этому никто не повѣритъ, не дознавши собственнымъ опытомъ; ибо просто — и собаки, по пословицѣ, тамъ бываютъ таковы, каковы ихъ госпожи [2], и лошади и ослы привыкаютъ ходить весьма свободно и важно, и по дорогамъ всегда напираютъ на встрѣчнаго, если онъ не посторонится [3], D.
да и все другое такимъ же образомъ переполнено свободою. — Ты пересказываешь мнѣ точь-вточь мой собственный сонъ [4], примолвилъ онъ; я испытываю именно то самое, когда ѣзжу въ деревню. — Сообразивши же все это, сказалъ я, не уразумѣешь ли ты и главнаго-то, — какою мягкою становится душа тѣхъ гражданъ: какъ скоро кто-нибудь обнаруживаетъ хоть крошечку услужливости, — она досадуетъ и не можетъ терпѣть этого [5], ибо, въ заключеніе, тѣ граждане, знаешь, не обращаютъ нисколько вниманія и на законы — какъ писанные, такъ и неписанные [1], чтобы никто не былъ надъ ними дес-

---

[1] Стихъ Эсхила (*Plutarch.* Amat. p. 763 B): *ἐπὶ γ' οὖν ἦλθεν ἐπὶ τὸ στόμα κατ' Αἰσχύλον·* (*Themist.* Orat. IV, p. 52 B) *ἐπειδὴ κατ' Αἰσχύλον νῦν ἦλθεν ἐπὶ τὸ στόμα, ὃ πάλαι ἐχρῆν*. Но изъ какого Эсхилова сочиненія взятъ этотъ стихъ и вошелъ въ пословицу, — неизвѣстно.

[2] Цицеронъ (l. c.): quin tanta libertate canes etiam et equi, aselli denique, liberi sint, sic incurrant, ut iis de via decedendum sit.

[3] Формула этой пословицы у Грековъ была такова: *οἵαπερ ἡ δέσποινα, τοία καὶ κύων*. Схоліастъ говоритъ, что ею означалось сходство подчиненныхъ съ господиномъ или начальникомъ.

[4] То-есть, ты говоришь именно то, о чемъ я нерѣдко размышляю самъ съ собою. *Iacobs.* ad Anthol. Gr. T. I, p. 11, p. 272.

[5] Это—черта весьма поучительная: димократическое расположеніе гражданъ постепенно огрубляетъ ихъ души, дѣлаетъ ихъ жосткими, дерзкими, смотрящими на все съ презрѣніемъ, нетерпящими никакого благороднаго чувства или поступка, невѣрующими ни во что прекрасное, замкнутыми въ самихъ себѣ, будто въ гробѣ, полномъ костей и смрада, и требующими, чтобы ни одинъ мертвецъ не осмѣливался выйти изъ своего гроба, въ той мысли, что истинная свобода только здѣсь—въ этомъ ничтожествѣ, въ отчужденіи отъ жизни, отъ всякаго порядка и закона.

[6] Подъ неписаннымъ закономъ Сократъ разумѣетъ, конечно, общія истины,

E. потомъ.—И очень знаю, сказалъ онъ.—Такъ вотъ какова, другъ мой, та прекрасная и бойкая власть, примолвилъ я, изъ которой, по моему мнѣнію, раждается тираннія.—Да, бойка! сказалъ онъ; но что послѣ этого?—Та же болѣзнь, отвѣчалъ я, которая заразила и погубила олигархію, отъ своеволія еще болѣе и сильнѣе заражаетъ и порабощаетъ димократію. И дѣйствительно, что дѣлается слишкомъ, то вознаграждается великою перемѣною въ противуположную сто-
564. рону [1]: такъ бываетъ и во временахъ года, и въ растеніяхъ, и въ тѣлахъ, — такъ, нисколько не менѣе, и въ правленіяхъ.—Вѣроятно, сказалъ онъ.—Вѣдь излишняя свобода естественно должна переводить какъ частнаго человѣка, такъ и городъ, не къ чему другому, какъ къ рабству.—Вѣроятно.—Поэтому естественно, продолжалъ я, чтобы тираннія происходила не изъ другаго правленія, а именно изъ димократіи, то-есть изъ высочайшей свободы, думаю, — сильнѣйшее и жесточайшее рабство.—Основательно, сказалъ онъ.—Но не объ этомъ, полагаю, спрашивалъ ты, замѣтилъ я, а о томъ, ка-
B. кая это болѣзнь, зародившись въ олигархіи, порабощаетъ городъ и въ димократіи.—Ты справедливо замѣчаешь, сказалъ онъ.—Такою болѣзнію, продолжалъ я, называется у меня классъ праздныхъ и расточительныхъ людей, изъ которыхъ одни, мужественные, идутъ впереди, а другіе, слабые, слѣдуютъ за ними. Мы уподобляемъ ихъ трутнямъ, первыхъ —вооруженнымъ жалами, а послѣднихъ—тѣмъ, которые не имѣютъ жалъ.—И справедливо-таки, сказалъ онъ.—Эти два рода людей, продолжалъ я, распространяясь по всему государству, возмущаютъ его, какъ отъ жара и желчи возму-
C. щается тѣло. И для нихъ-то нуженъ добрый врачь и законо-

или тѣ положенія, которыя принимаетъ, держитъ и по возможности выполняетъ все человѣчество, не изучая ихъ ни въ какой школѣ: онѣ — просто отголоски разумной природы человѣка, сливающіеся въ ту или другую гармонію жизни домашней и общественной, смотря по тому, какой дается строй силамъ души, или какой принимаетъ она основной аккордъ. *Artemidor.* IV, 2. *Dion. Chrysost.* Or. LXXVI, p. 648 A.

[1] Цицеронъ (de Rep. I, c. 44): Nam ut ex nimia potentia principum oritur inte-

датель города, не менѣе чѣмъ мудрый пчеловодъ, чтобы онъ издали принималъ мѣры осторожности, и особенно смотрѣлъ, какъ бы они не отроились,—если же отроятся, какъ бы поскорѣе вырѣзать ихъ вмѣстѣ съ матками.—Да, клянусь Зевсомъ, непремѣнно, сказалъ онъ.—Итакъ, чтобы раздѣльнѣе усмотрѣть, что̀ хотимъ, примолвилъ я, вотъ какимъ образомъ примемся за дѣло.—Какимъ?—Димократическій городъ, какъ онъ есть, раздѣлимъ словомъ на три части. Вѣдь въ немъ, равно какъ и въ олигархическомъ, зародился одинъ такой родъ D.
чрезъ своеволіе.—Такъ.—И въ этомъ онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ томъ.—Какъ?—Тамъ онъ, не пользуясь честію, но убѣгая отъ правительства, бываетъ недѣятеленъ и безсиленъ: напротивъ въ димократіи ему, за немногими исключеніями, предоставлено предсѣдательство. Здѣсь сильнѣйшая его часть говоритъ и дѣйствуетъ, а другая, сидя возлѣ трибуны, шу- E.
митъ и не позволяетъ, чтобы кто-нибудь говорилъ иначе; такъ что въ подобномъ правленіи всѣмъ распоряжается только эта сторона, и исключеній немного.—Конечно, сказалъ онъ.—Но изъ народа всегда выдѣляется слѣдующее.—Что такое?—Изъ всѣхъ промышленниковъ благонравнѣйшіе по природѣ бываютъ большею частію самыми богатыми.—Вѣроятно.—Поэтому трутни болѣе-то меду и съ большимъ удобствомъ подрѣзываютъ, думаю, у нихъ.—Да у тѣхъ-то какъ подрѣжешь, у которыхъ его мало? примолвилъ онъ.—Такъ богатые-то эти называются, думаю, пасбищемъ трутней.—Почти такъ, сказалъ онъ.—Наконецъ, третій родъ—чернь, люди рабочіе, ни 565
въ какія сдѣлки невдающіеся и мало пріобрѣтающіе. Но они многочисленны и, когда соберутся,—въ димократіи составляютъ сторону могущественную. — Такъ, сказалъ онъ; впрочемъ, нечасто дѣлаетъ это чернь, если не попробуетъ немного меду.—А не тогда ли она всякій разъ пробуетъ его, спросилъ

---

ritus principum, sic hunc nimis liberum populum libertas ipsa servitute adficit. Sic omnia nimia, cum vel in tempestate vel in agris vel in corporibus laetiora fuerunt, in contraria fere convertunt, maximeque id in rebus publicis evenit: nimiaque illa libertas et populis et privatis in nimiam servitutem cedit.

я, когда вожди народа, отнявъ имущество у владѣльцевъ, и раздавая его черни, могутъ бо́льшую его часть брать себѣ?
B. —Да, именно такъ и пробуютъ они, сказалъ онъ.—Поэтому ограбленные принуждены бываютъ защищаться, говоря въ слухъ черни и дѣлая, что можно. — Какъ же иначе?—Между тѣмъ другіе подали доносъ, будто тѣ злоумышляютъ противъ черни и намѣрены быть олигархами, тогда какъ нововведеній имъ вовсе не хотѣлось.—Что же далѣе?—Наконецъ, видя, что чернь рѣшается обидѣть ихъ не по своей волѣ, а по незнанію, поколику вводится въ обманъ навѣтами клеветниковъ,
C. ограбленные, уже въ самомъ дѣлѣ, хотя-не-хотя, становятся олигархами, и тутъ движутся не собственною волею, но подстрѣкаются къ этому злу жаломъ того трутня.—Точно такъ. —Въ этомъ случаѣ дѣлаются доносы, слѣдствія, состязанія другъ съ другомъ.—Конечно.—Тогда чернь не ставитъ ли впереди себя съ особеннымъ значеніемъ, по обычаю, кого-нибудь одного, питая его и сильно выращая [1]?—Да, это въ обы-
D. чаѣ.—Слѣдовательно, явно, примолвилъ я, что если раждается тираннъ, то вырастаетъ онъ не изъ чего болѣе, какъ изъ корня, называемаго предстоятельствомъ [2]. — Очень ясно. —Но каково начало перехода отъ предстоятельства къ тиранству? Не явно ли, впрочемъ, что этотъ переходъ открывается, какъ скоро предстоятель начнетъ дѣлать то же, что въ миѳѣ говорится объ аркадскомъ храмѣ ликейскаго Зевса [3]? — А что

---

[1] *Καὶ αὔξειν μέγαν*, то-есть облекая его постепенно большимъ и большимъ могуществомъ. Libr. IX, p. 591 D: *τὸν ὄγκον τοῦ πλήθους — οὐκ ἄπειρον αὐξήσει*. ***Demosthen.*** Olynth. I, § 5, ed. Bremi: *μέγας ηὐξήθη καὶ πρὸς αὐτὴν ἥχει τὴν τελευτὴν τὰ πράγματ᾽ αὐτῷ.*

[2] То-есть, тираннъ сначала бываетъ опекуномъ или покровителемъ, защитникомъ, представителемъ народа.

[3] Объ обычаѣ ликейскому Зевсу въ Аркадіи приносить человѣческія жертвы см. *Böttiger.* in Curtii Sprengelii Beiträg. zum Gesch. d. Medicin. T. I, p. 11, n. 1. *Creuzer.* Symb. T. II, p. 467 sqq., ed. 2. Самый миѳъ, на который указывается, сохранилъ потомству *Pausan.* VIII, 2. «Ликаонъ принесъ младенца и положилъ его на жертвенникъ ликейскаго Зевса. Младенецъ былъ заколотъ и своею кровію оросилъ жертвенникъ; а принесшій его, тотчасъ по совершеніи жертвоприношенія, превратился, говорятъ, изъ человѣка въ волка.

тамъ говорится? спросилъ онъ. — То, что попробовавши человѣческой внутренности, изсѣченной съ внутренностями прочихъ жертвъ, необходимо ему сдѣлаться волкомъ. Или ты E.
не слыхивалъ этого сказанія?—Слыхалъ. — Такимъ же образомъ и предстоятель черни, пользуясь совершеннымъ повиновеніемъ народа, не будетъ воздерживаться отъ единоплеменной крови, но по ложнымъ доносамъ, какъ это вообще бываетъ, приводя обвиняемаго предъ судъ, станетъ оскверняться убійствомъ, отнимать у человѣка жизнь, языкомъ и нечестивыми устами пробовать родственной жертвы, изгонять въ ссылку, убивать, подписывать снятіе чужихъ долговъ 566.
и раздѣлъ земли. Послѣ сего, этому человѣку не предписываетъ ли необходимость и самая судьба — либо погибнуть отъ враговъ, либо тиранствовать, и изъ человѣка сдѣлаться волкомъ? — Крайне необходимо, сказалъ онъ. — И этотъ-то, прибавилъ я, не будетъ ли возставать на всѣхъ, у кого есть имѣніе?—Такъ.—А лишенный власти и возвратившій ее независимо отъ враговъ, не сдѣлается ли на своемъ поприщѣ тиранномъ?—Очевидно.—И если враги безсильны будутъ низ- B.
вергнуть его, или, обнося предъ городомъ, умертвить; то не задумаютъ ли они приготовить ему смерть тайно, насильственную?—Это и въ самомъ дѣлѣ часто бываетъ, сказалъ онъ.—Посему, достигшіе этой степени повторяютъ извѣстнѣйшее тиранское требованіе,—требуютъ отъ черни нѣсколькихъ тѣлохранителей, чтобы помощникъ ея оставался невредимымъ. —Конечно, сказалъ онъ.—И народъ-то даетъ, боясь, думаю, за него, и нисколько не опасаясь за себя.—Конечно.—Видя C.
же это, другъ мой, человѣкъ, имѣющій деньги, а вмѣстѣ съ деньгами пріобрѣтающій причину быть ненавистникомъ народа, по оракулу [1], который данъ былъ Крезу, «бѣжитъ къ каменистому Эрмосу, не остается въ отечествѣ и не стыдится прослыть малодушнымъ».—Потому что иначе стыдиться въ другой разъ ему не пришлось бы, сказалъ онъ.—А

[1] Этотъ оракулъ сохраненъ *Иродотомъ* (1, 55).

если, думаю, схватятъ его, примолвилъ я, то предадутъ смер-
ти. — Необходимо. — Между тѣмъ тотъ самый предстоятель
становится столь великимъ, что въ своемъ величіи не лежитъ
D. на землѣ, но, низвергнувъ многихъ другихъ, стоитъ на коз-
лахъ города [1] и, вмѣсто предстоятеля, является тиранномъ.—
Почему же и не быть этому? сказалъ онъ.—

Такъ разсматривать ли намъ, спросилъ я, счастіе и этого
человѣка, и города, въ которомъ находится такой смертный?
—Конечно разсмотримъ, отвѣчалъ онъ.—Не правда ли, ска-
залъ я, что въ первые дни и въ первое время онъ улыбается
и обнимаетъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчается, не называетъ се-
E. бя тиранномъ, обѣщаетъ многое въ частномъ и общемъ, ос-
вобождаетъ отъ долговъ, народу и близкимъ къ себѣ разда-
етъ земли и притворяется милостивымъ и кроткимъ въ от-
ношеніи ко всѣмъ?—Необходимо, сказалъ онъ.—Если, изъ
внѣшнихъ-то непріятелей, съ одними, думаю, онъ примирился,
а другихъ разорилъ, и съ этой стороны у него покойно; то
ему на первый разъ все-таки хочется возбуждать войны, что-
567. бы простой народъ чувствовалъ нужду въ вождѣ.—И есте-
ственно.—Внося деньги, граждане не терпятъ ли бѣдности? и
каждый день занятые пропитаніемъ себя, не тѣмъ ли меньше
злоумышляютъ противъ него?—Очевидно. — А если только
начинаетъ онъ, думаю, подозрѣвать, что кто-нибудь имѣетъ
вольныя мысли и не попускаетъ ему властвовать; то, по ка-
кому-нибудь поводу, не губитъ ли такихъ среди непріятелей?
И для всего этого не необходимо ли тиранну непрестанно воз-
двигать войну?—Необходимо.—Дѣлая же это, не тѣмъ ли
B. болѣе подвергается онъ ненависти гражданъ?—Какъ же не
подвергаться?—Тогда граждане, способствовавшіе къ его воз-
вышенію и имѣющіе силу, не будутъ ли смѣло говорить и съ
нимъ и между собою, и, если случатся особенно мужествен-

---

[1] *Столь великимъ, что въ своемъ величіи не лежитъ на землѣ*, μέγας μεγαλωστὶ οὐ κεῖται: омировскій характеръ выраженія. Il. XVI, v. 776. Odyss. XXIV, v. 39. Такимъ же поэтическимъ тономъ отзывается и выраженіе: ἕστηκεν ἐν τῷ δίφρῳ τῆς πόλεως. Iliad. XXIII, v. 435. *Xenoph.* Anab. 1, 8, 10.

ные, не рѣшатся ли охуждать текущія событія?—Вѣроятно-таки.—Поэтому тираннъ, если хочетъ удержать власть, долженъ незамѣтно уничтожать всѣхъ этихъ, пока не останется у него ни друзей, ни враговъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать какой-нибудь пользы. — Явно. — Стало-быть, ему надобно насквозь видѣть, кто мужественъ, кто великодушенъ, кто уменъ, кто богатъ; и онъ такъ счастливъ, что — хочетъ-не хочетъ, долженъ ко всѣмъ этимъ находиться во враждебномъ отношеніи и злоумышлять противъ нихъ, пока не очиститъ города. — Прекрасное же очищеніе! сказалъ онъ. Да, противуположное тому, какое предписываютъ врачи относительно тѣла, примолвилъ я: послѣдніе изгоняютъ самое худое и оставляютъ самое хорошее; а онъ—наоборотъ.— Впрочемъ это, какъ видно, ему необходимо, если хочетъ властвовать, сказалъ онъ.—Стало-быть, тою блаженною связанъ онъ необходимостію, продолжалъ я, которая повелѣваетъ ему или жить съ толпою негодныхъ да еще и ненавидящихъ его людей, или вовсе не жить. — Именно тою, сказалъ онъ. — А не правда ли, что, дѣйствуя подобнымъ образомъ, чѣмъ бóльшую будетъ онъ навлекать ненависть со стороны гражданъ, тѣмъ бóльшая и разнообразнѣйшая понадобится ему стража? — Какъ не понадобиться? — Кто же эти вѣрные? Откуда созвать ихъ?—Сами летомъ сбѣгутся во множествѣ, сказалъ онъ, если дастъ требуемое жалованье [1].—Мнѣ кажется, ты, клянусь собакой, говоришь опять о трутняхъ, примолвилъ я,—о какихъ-нибудь разнородныхъ иностранцахъ.—И справедливо кажется тебѣ, сказалъ онъ.—А туземцевъ развѣ не захочетъ?—Какихъ?—Отниметъ у гражданъ рабовъ и, сдѣлавъ ихъ вольными, образуетъ изъ нихъ себѣ стражу. — Непремѣнно, сказалъ онъ, если только они будутъ ему самыми вѣрными.—И какимъ блаженнымъ существомъ назовешь ты тиранна, примолвилъ я, если, погубивъ тѣхъ преж-

C. D. E.

[1] Ἐὰν τὸν μισθὸν διδῷ,—перевожу: требуемое (извѣстное) жалованье, потому что выражаю значеніе члена, который иначе былъ бы не нуженъ.

нихъ, онъ будетъ пользоваться этими друзьями и вѣрными
568. людьми! — Что дѣлать? пользуется хоть такими, сказалъ онъ. — И удивляются ему эти друзья, продолжалъ я, и обращаются съ нимъ новые граждане, а добрые ненавидятъ его и убѣгаютъ. — Какъ не убѣгать? — Такъ недаромъ вполнѣ мудрою кажется трагедія, въ которой отличился Эврипидъ. — Что такое? — Въ которой, между прочимъ, онъ произнесъ и ту крѣпкую мысль [1], что мудрые тиранны обращаются съ мудреца-
B. ми [2]. Подъ этимъ, очевидно, разумѣлъ онъ, что тѣ мудры, съ которыми тираннъ коротокъ. — Да онъ, равно какъ и другіе поэты, тираннію-то превозноситъ, будто нѣчто богоподобное [3], и во многихъ иныхъ отношеніяхъ. — Потому-то, какъ ни мудры творцы трагедій, примолвилъ я, пусть они извинятъ и насъ, и всѣхъ тѣхъ, которые о правительствѣ судятъ подобно намъ, что мы не принимаемъ ихъ въ свое государство, именно за похвалы тиранніи. — Думаю, что отважнѣй-
C. шіе-то изъ нихъ извинятъ, сказалъ онъ. — А прочіе-то, думаю, ходятъ по городамъ, собираютъ народъ и, получивъ извѣстную плату, прекрасными, громкими и трогательными возгласами привлекаютъ правительства къ тиранніи и димократіи. — Конечно. — Сверхъ того, они получаютъ награды и почести — во-первыхъ, какъ и слѣдуетъ, отъ тиранновъ [4], а во-вторыхъ, отъ димократіи. Но чѣмъ выше восходятъ они по кру-

---

[1] *Крѣпкую мысль*, τοῦτο πυκνῆς διανοίας ἐχόμενον. Это не иронія, какъ говоритъ Штальбомъ, а скорѣе ἀμφιβολία; потому что πυκνὴ διάνοια можетъ быть понимаема и какъ глубокая, и какъ непереваримая мысль. Сократъ, кажется, разумѣлъ ее въ послѣднемъ значеніи. Желая, по возможности, удержать оба смысла этой амфиболіи, я πυκνὴν διανοίαν называю крѣпкою мыслію.

[2] Этотъ стихъ Эврипиду же приписывается и въ Ѳеагѣ, p. 125 B. Но другіе утверждаютъ, что онъ взятъ изъ Софоклова Аякса локрскаго. *Aristid.* Orat. Platon. II, p. 228. *Gell.* Noct. Att. XIII, 18. *Eurip.* Fragm. T. II, p. 483; ed. Beck. *Boeckh.* de Graec. Trag. Princip. p. 247.

[3] Указывается на *Eurip.* Troad. v. 1177: γάμων τε καὶ τῆς ἰσοθέου τυραννίδος.

[4] Говоря о почестяхъ, какими эти лицемѣры пользуются отъ тиранновъ, Сократъ едва ли не подразумѣвалъ Эврипида, который, какъ извѣстно, уже въ старости приглашенъ былъ въ Македонію Архелаемъ и тамъ чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ, въ третьемъ году девяносто-третьей олимпіады.

тизнамъ правленій, тѣмъ слабѣе становится ихъ честь; такъ D.
что, какбы запыхавшись, она не можетъ идти далѣе [1].—Конечно.—Такъ вотъ куда мы вышли, примолвилъ я. Поговоримъ теперь о томъ войскѣ тиранна, какъ оно прекрасно, многочисленно, разнообразно и никогда не принадлежитъ той странѣ, которая питаетъ его.—Явно, сказалъ онъ, что если въ городѣ есть храмовыя деньги, то тираннъ будетъ издерживать ихъ [2], и когда выдаваемыхъ всякій разъ окажется достаточно,—будетъ принуждать чернь къ меньшему взносу.—А что если не будетъ доставать ихъ?—Явно, сказалъ, что и самъ онъ, и одно- E.
чашники его, и друзья, и подруги, будутъ кормиться на счетъ отечества.—Понимаю, примолвилъ я: значитъ, чернь, создавшая себѣ тиранна, будетъ и кормить его съ друзьями?—Крайне необходимо, сказалъ онъ.—Что ты говоришь? спросилъ я: да если чернь разсердится и скажетъ, что взрослому сыну несправедливо получать пищу отъ отца, а напротивъ,
отцу—отъ сына, что отецъ родилъ его и поставилъ на но- 569.
ги—не для того, чтобы, когда онъ будетъ большой,—поработившись его рабамъ, кормить и его самого, и рабовъ его съ наплывомъ другихъ, но чтобы, подъ его предстоятельствомъ, освободиться ему отъ находящихся въ городѣ богачей и отъ людей такъ называемыхъ благородныхъ [3] (καλῶν κἀγαθῶν)? Вѣдь тогда она прикажетъ ему выдти изъ города, вмѣстѣ съ друзьями, какъ отецъ выгоняетъ изъ дому сына, вмѣстѣ

---

[1] Сократъ хочетъ сказать, что возвышеніе по степенямъ почестей несообразно съ характеромъ тѣхъ самыхъ формъ правленія (тиранніи и димократіи), въ пользу которыхъ они подвизаются; потому что тираннія не терпитъ аристократизма, чтобы не воспиталъ онъ соперниковъ, а димократія боится олигархіи, чтобы она не породила тиранна. Такимъ образомъ трагическіе поэты,—льстецы тиранна и народа, восходя по степенямъ почестей, должны наконецъ ослабѣть и пасть.

[2] Не разумѣлъ ли при этомъ Сократъ Діонисія, сиракузскаго тиранна, который, для нуждъ распутной своей жизни, снялъ золото и серебро съ бывшихъ въ храмѣ истукановъ?

[3] *Отъ людей благородныхъ*, καλῶν κἀγαθῶν. Καλοὶ κἀγαθοί, когда говорится объ относительномъ значеніи сословій въ государствѣ, суть люди образованные, которымъ въ такомъ случаѣ противуполагается ὁ δῆμος. *Plut.* Pericl. p. 158 B: οὐ γὰρ εἴασε τοὺς καλοὺς κἀγαθοὺς καλουμένους — συμμεμῖχθαι πρὸς τὸν δῆμον.

B. съ буйными его собутыльниками.—Узнаетъ же тогда чернь, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ, какое животное породила она, взлелѣяла и возрастила, и слабѣйшая, изгонитъ ли сильнѣйшихъ.—Что ты говоришь? спросилъ я: тираинъ осмѣлится дѣлать насиліе отцу и, если послѣдній не послушается, будетъ бить его?—Да, обезоруживъ-то отца, сказалъ Адимантъ.—Такъ тиранна, примолвилъ я, ты назовешь отцебійцею, жестокимъ кормильцемъ старости, и это-то, какъ видно, по общему мнѣнію, будетъ тираннія, выраженная пословицею: чернь,
C. убѣгая отъ дыма рабства, налагаемаго людьми свободными, попадаетъ въ огонь рабовъ, служащихъ деспотизму [1], и вмѣсто той излишней и необузданной свободы, подчиняется тягчайшему и самому горькому рабству.—И дѣйствительно такъ бываетъ, сказалъ онъ. — Что же? спросилъ я; не справедливо ли будетъ наше заключеніе, если свое изслѣдованіе, что тираннія происходитъ изъ димократіи, и что, происшедши, она бываетъ такова, мы признàемъ достаточнымъ?—И очень достаточнымъ, сказалъ онъ.—

[1] Здѣсь видъ или наружность рабства—*καπνὸς δουλείας*—противуполагается дѣйствительному рабству подъ игомъ тиранніи—*τῷ πυρὶ δεσποτείας*. Отсюда произошла у Грековъ пословица: *καπνὸν γε φεύγων εἰς τὸ πῦρ περιέπεσεν*. Русск.: бѣжалъ отъ огня, попалъ въ полымя.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

Въ концѣ восьмой книги Сократъ разсуждалъ о тиранніи, ея происхожденіи и природѣ; а теперь описываетъ *подобнаго тиранніи человѣка*, который находится подъ такимъ сильнымъ владычествомъ какой-нибудь страсти, что бываетъ рабски подчиненъ ей. Онъ спрашиваетъ: какимъ образомъ человѣкъ тиранническій происходитъ изъ димократическаго? Какія имѣетъ онъ свойства и какую ведетъ жизнь,—несчастную, или счастливую? Эти вопросы разсматриваются слѣдующимъ образомъ. Чтобы правильнѣе судить о такихъ вещахъ, говоритъ Сократъ, надобно къ природѣ удовольствій и пожеланій прибавить нѣчто такое, о чемъ прежде упоминаемо не было. Между пожеланіями и удовольствіями не необходимыми есть много постыдныхъ и непозволительныхъ. Если они заранѣе исправляются и поставляются подъ управленіе пожеланій лучшихъ и разумныхъ; то могутъ быть или совершенно искоренены, или значительно ослаблены: а когда этого не бываетъ,—они, возрастая съ каждымъ днемъ, наконецъ получаютъ такую силу, что имъ уже нельзя противустоять. Сюда относятся сладострастіе и невоздержаніе. P. 571—572 B.

Съ этой точки зрѣнія на человѣка тиранническаго, изслѣдывается сперва его *происхожденіе*. Рожденный и воспитанный такимъ отцомъ, который особенное вниманіе обращаетъ на домашнюю экономію, который, кромѣ богатства, не знаетъ ничего цѣннаго и все, относящееся къ образованію, ставитъ ни во что,—сынъ, попавъ въ общество юношей, воспитанныхъ свободнѣе и знакомыхъ съ непозволительными удовольствіями, такъ привязывается къ свободной ихъ жизни, что получаетъ сильное

отвращеніе къ скупости своего отца. Принявъ, однакожъ, хорошее воспитаніе, онъ находитъ въ его внушеніяхъ еще столько силы, что не рѣшается предаться всѣмъ удовольствіямъ; а отсюда происходитъ то, что онъ равно избѣгаетъ какъ распутной и разсѣянной жизни товарищей, такъ и грязной скупости своего отца. Но таковъ-то и есть человѣкъ димократическій. Положимъ же теперь, что у этого, уже состарѣвшагося человѣка, есть сынъ, воспитанный и образованный совершенно по примѣру отца. Ставъ юношею, и онъ тоже вступаетъ въ общество разсѣянныхъ людей, увлекающихъ его къ какимъ-нибудь удовольствіямъ. И напрасны будутъ просьбы отца, напрасны увѣщанія друзей, старающихся расторгнуть его связь съ дурными товарищами. Эти развратные рабы удовольствій, если не сдѣлаютъ ничего другаго, то непремѣнно разовьютъ въ немъ какую-нибудь страсть, напримѣръ, любовь. Когда же она будетъ воспламенена,—послѣдуютъ за нею и прочія похоти, которыми обыкновенно увлекаются любовники; а чрезъ это, ради безумной любви, онъ заглушаетъ въ себѣ всѣ благородныя чувствованія и всецѣло предается ея власти. Таково же зарожденіе и другихъ пороковъ, напримѣръ, пьянства, наглости, дерзости. Если душа бываетъ до того занята ими, что не владѣетъ сама собою; то въ человѣкѣ томъ является настоящая тираннія, которая какбы насильственно нудитъ ее къ дѣламъ постыдной страсти. Таково происхожденіе человѣка тиранническаго. 572 C—573 C.

Потомъ разсматривается, какова его *жизнь*. Не вовсе неизвѣстно, что онъ преданъ будетъ всѣмъ удовольствіямъ, соприкосновеннымъ съ его страстью; ради ея станетъ проводить праздники въ попойкахъ товарищей, затѣвать блестящіе пиры, преслѣдовать любовницъ и, наконецъ, не отворотится ни отъ одного, хотя бы самаго грубаго удовольствія. Но все это потребуетъ большихъ издержекъ, и онъ вскорѣ промотаетъ отцовское наслѣдство, а потомъ будетъ наживать и долги, пока люди, поколебавшись въ довѣріи къ нему, не лишатъ его кредита. Тогда, возбуждаемый страстью, онъ покусится на злодѣянія, чтобы этимъ способомъ найти какія-нибудь средства для удовлетворенія своимъ пожеланіямъ. Посему, оставивъ всякій стыдъ, онъ будетъ дѣлать насиліе, не щадя даже и родителей, хищнически проникать чрезъ

стѣны, разбойничать по дорогамъ, грабить храмы, и не откажется ни отъ какого преступленія. Если такихъ людей въ обществѣ окажется много; то они нетолько не будутъ врагами тиранніи, къ которой склонны по природѣ, но еще постараются, проявлять ее самымъ жестокимъ образомъ. Человѣкъ съ такимъ настроеніемъ души ни съ кѣмъ не можетъ находиться въ дружескихъ отношеніяхъ, равно какъ не будетъ любить и защищать свободу гражданъ; потому что онъ не привыкъ ни къ кому имѣть довѣренность, не уважаетъ справедливости, не отвращается ни отъ какихъ дурныхъ поступковъ. Если же такова жизнь этого человѣка; то видно уже, какъ должно судить о его счастіи. Чѣмъ сильнѣе обуревается онъ страстями, тѣмъ больше его несчастіе; такъ что человѣкъ тиранническій есть существо самое жалкое. Это будетъ еще понятнѣе, если мы сравнимъ разныя формы правленія, о которыхъ говорено было выше; человѣкъ тиранническій всего подобнѣе тиранніи, димократическій—димократіи, олигархическій—олигархіи, всякій—своей. И какъ то общество совершенное, или аристократическое, должно быть почитаемо, безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ, а то, терзаемое тиранномъ,—самымъ несчастнымъ; то естественно слѣдуетъ, что человѣкъ, подобный тиранніи, находящійся, то-есть, подъ жестокимъ владычествомъ страстей, есть человѣкъ самый жалкій, а покорный внушеніямъ ума, питающій уваженіе къ справедливости и добродѣтели,—самый счастливый. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществѣ тиранническомъ нѣтъ свободы: нѣтъ ея также и въ подобномъ этому обществу человѣкѣ; потому что душа его порабощена страстями, и потому всегда бываетъ возмущенною и терзается ощущеніями скорбными. Потомъ, общество, повинующееся тиранну, мучится бѣдностію и недостатками: то же надобно сказать и о человѣкѣ, непрестанно мучимомъ ненасытимою жаждою удовольствій. Кромѣ того, общество тиранническое исполнено страданій, и ни въ какомъ другомъ не проливается столько слезъ: то же бываетъ и съ подобнымъ ему человѣкомъ, котораго душа непрестанно потрясается силою страстей и нерѣдко доходитъ даже до безумія, а покойною и мирною никогда не бываетъ. Такова участь его въ жизни нетолько частной, но и общественной, когда онъ бываетъ тиранномъ государства; ибо и тутъ мучатъ его—

то страхъ, то подозрѣніе, то нечистая совѣсть, то буйство страстей, то неистовство злобы,—и онъ, не вѣря никому, живетъ въ своемъ домѣ, будто въ тюрьмѣ, становится человѣкомъ самымъ несчастнымъ и несетъ бремя самаго горькаго рабства. Къ тому жъ, это зло не исцѣляется и временемъ: напротивъ, подозрѣніе, жостксть сердца, несправедливость и гнусность поведенія все болѣе и болѣе развиваются. Если же такъ, то чѣмъ далѣе кто-нибудь отступаетъ отъ сходства съ описаннымъ прежде наилучшимъ обществомъ, тѣмъ жалче и несчастнѣе становится жизнь его. Посему самымъ счастливымъ надобно почитать того царственнаго мужа, который держится аристократіи. А за аристократіею по порядку слѣдуютъ уже человѣкъ тимократическій, олигархическій, и димократическій; послѣднее же мѣсто принадлежитъ тиранническому, который, скрытно ли то будетъ отъ боговъ, или явно, бываетъ несчастнѣе всѣхъ. P. 573 D—580 C.

Хотя такимъ образомъ достаточно доказано, что жизнь тиранна самая несчастная; однакожъ Сократъ находитъ нужнымъ раскрыть то же самое и съ другой стороны. Какъ въ обществѣ, говоритъ онъ, различили мы три сословія гражданъ, такъ и въ человѣкѣ замѣтили τρία εἴδη τῆς ψυχῆς, именно: τὸ λογιστικόν, τὸ θυμικόν и τὸ ἐπιθυμητικόν. Соотвѣтственно же этимъ видамъ, или сторонамъ души, смотря по тому, которая изъ нихъ бываетъ господствующею, въ человѣчествѣ являются и *три рода людей*: родъ философовъ, въ которомъ надъ прочими частями души владычествуетъ τὸ λογιστικόν, или умъ; родъ честолюбцевъ, или спорщиковъ, въ которомъ начало управляющее есть τὸ θυμικόν; и родъ скупцовъ, который находится подъ владычествомъ—τοῦ ἐπιθυμητικοῦ. Отсюда, по различію людей, есть и три рода пожеланій или страстей; такъ что, еслибы эти люди, взятые по родамъ, должны были отвѣчать на вопросъ: какая жизнь самая счастливая? то каждый счастливѣйшею призналъ бы ту, которая сродни ему самому. Скупой сталъ бы хвалить обладаніе богатствомъ, честолюбецъ превозносилъ бы обаяніе славы, а философъ всему предпочелъ бы познаніе истины и мудрость. Такой споръ не иначе можетъ быть прекращенъ, какъ опытностію, разсудкомъ и словомъ, безъ которыхъ предложеннаго вопроса никто не разрѣшитъ сужденіемъ вѣрнымъ. Итакъ, въ массѣ троякаго рода людей о

счастіи только тотъ будетъ судить справедливо, кто, съ одной стороны, знаетъ употребленіе вещей, съ другой—пользуется разсудкомъ и словомъ. Философу, конечно, лучше знакома природа удовольствія, чѣмъ скупому; потому что первый, по требованію необходимости, въ молодыхъ лѣтахъ испытавъ, что такое значатъ удовольствія низшія, наслаждается потомъ и удовольствіемъ чистѣйшимъ, происходящимъ отъ познанія истины, тогда какъ скупой вкушалъ только грубыя, а благороднѣйшихъ не испытывалъ. Отъ этого сужденіе философа будетъ вѣрнѣе, чѣмъ сужденіе скупаго. То же и въ отношеніи къ честолюбивому. Пріятно, безъ сомнѣнія, пріобрѣсть извѣстность и прославиться; и это удовольствіе не меньше извѣстно философу, какъ и честолюбцу: но наоборотъ — удовольствіе, происходящее отъ созерцанія истины, испытываетъ исключительно философъ; а изъ этого видно, что философъ опытностію и употребленіемъ вещей превосходитъ всѣхъ прочихъ. Что же касается до разсудка и слова, то уже само собою явствуетъ, что послѣдній стоитъ далеко выше людей и скупыхъ и честолюбивыхъ. Итакъ, если о всякой вещи надобно судить при помощи опыта, разсудка и слова; то необходимо слѣдуетъ, что о счастливой жизни лучше всѣхъ будетъ судить философъ. А когда это справедливо,—то изъ тѣхъ трехъ родовъ удовольствія превосходнѣйшимъ будетъ удовольствіе, получаемое отъ познанія истины, и относящееся къ той сторонѣ нашей души, которою обыкновенно созерцается истина. Слѣдовательно, блаженнѣйшею и превосходнѣйшею жизнію будетъ жизнь мудреца, въ которомъ господствующее начало есть τὸ λογιστικόν. P. 580 D—583 A.

Но не это только справедливо; вѣрно и то, что, *кромѣ мудреца, никто не можетъ ощущать истиннаго и чистаго удовольствія*. Объ этомъ надобно думать такъ. Удовольствію противуполагается скорбь; средину же между тѣмъ и другимъ занимаетъ состояніе людей, нечувствующихъ ни удовольствія, ни скорби. Такое состояніе какъ послѣ скорби знакомитъ насъ съ удовольствіемъ, такъ послѣ удовольствія сближается съ скорбію. Изъ этого видно, что нечувствованіе скорби само по себѣ ни пріятно, ни непріятно, а только кажется такимъ, когда соединяется съ скорбію или удовольствіемъ; потому что состояніе, ему предше-

ствующее, бываетъ или непріятное, или пріятное. Поэтому ложно мнѣніе тѣхъ, кому удовольствіе представляется концомъ страданія, а страданіе — концомъ удовольствія; что, впрочемъ, видно и изъ того, что пріятнѣйшій запахъ ощущается безъ всякой предшествующей скорби, да не оставляетъ ея и послѣ себя. Итакъ, въ отсутствіи скорби нѣтъ никакого удовольствія, и тѣ удивительно какъ ошибаются, которые, будучи свободны отъ скорбей, думаютъ, будто чрезъ это самое они уже наслаждаются непрерывнымъ удовольствіемъ. Эта ошибка походитъ на то, какъ еслибы кто, съ самаго низкаго мѣста восходя на самое высокое, дошелъ до средины и, вообразивъ, что онъ дошелъ уже до конца, началъ снова идти книзу. Если же въ отсутствіи скорби еще не видно истиннаго удовольствія, и многія тѣлесныя удовольствія раждаются отъ какой-нибудь предшествующей скорби, какъ напримѣръ, непріятное чувство голода или жажды прогоняется пищею и питьемъ; то наслаждающіеся такими удовольствіями не ощущаютъ удовольствій истинныхъ и чистыхъ, а гоняются только за ихъ тѣнями. Отъ такого заблужденія свободенъ одинъ мудрецъ. Кромѣ того, надобно замѣтить еще слѣдующее. Между удовольствіями тѣла и души—то различіе, что первыми удаляются какія-нибудь непріятныя тѣлесныя ощущенія, а послѣдними удовлетворяется стремленіе къ истинѣ, проявляющееся въ душѣ каждаго лучшаго человѣка. Но всякій согласится, что вѣрное мнѣніе, знаніе, разумѣніе и добродѣтель содержатъ въ себѣ больше истины, чѣмъ пища, питье и другія чувствопостигаемыя вещи; потому что душа правильнѣе можетъ назваться истинно-сущимъ, чѣмъ тѣло, которое есть не иное что, какъ ея отраженіе. А насколько истиннѣе ощущаемое и ощущающее, настолько истиннѣе и самыя получаемыя при этомъ удовольствія. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что жизнь философа, относительно къ счастію, должна быть поставляема далеко выше всякой другой. Люди, гоняющіеся за площадными удовольствіями, не могутъ даже и мыслію постигать этого счастія; потому что они ослѣплены страстями. И жизнь ихъ тѣмъ хуже и несчастнѣе, чѣмъ далѣе отступаетъ отъ порядка, закона и ума. Всего далѣе отступаетъ отъ этого жизнь тиранна; а всего ближе къ этому жизнь мужа царственнаго. Поэтому и сказать нельзя, какъ послѣдній стоитъ

выше перваго нетолько счастіемъ, но и честностью, и благообразностью, и добродѣтелью. P. 583 B—588 A.

Въ заключеніе Сократъ говоритъ, что для достиженія истиннаго счастія философской жизни, надобно *всѣ стороны души поставлять въ гармоническое отношеніе, согласно съ закономъ справедливости*, такъ чтобы разумная господствовала надъ раздражительною и пожелательною,—и объясняетъ это подобіемъ. Представимъ себѣ разновидное чудовище, окруженное со всѣхъ сторонъ головами животныхъ то кроткихъ, то дикихъ; и эти головы можетъ оно по произволу производить изъ себя и замѣнять ихъ другими. Это чудовище огромной величины вообразимъ сросшимся съ природами льва и человѣка. Всѣмъ этимъ тремъ животнымъ дадимъ общую фигуру человѣка; такъ чтобы, кто смотритъ на нихъ, представлялъ, что смотритъ на образъ человѣческій. Въ этой картинѣ разновидное чудовище есть подобіе τοῦ ἐπιθυμητικοῦ, левъ—подобіе τοῦ θυμικοῦ, а человѣкъ—подобіе τοῦ λογιστικοῦ. Нарисовавъ такой образъ, Сократъ далѣе разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Кто говоритъ, что несправедливость полезна, а справедливость не приноситъ пользы; тотъ этимъ самымъ полагаетъ, что то огромное чудовище и льва надобно питать и лелѣять, а человѣка ослаблять и томить голодомъ, чтобы онъ легче подчинялся, куда бы ни вздумали вести его—чудовище или левъ, чтобы онъ даже помогалъ, когда бы эти дикіе звѣри стали удовлетворять своимъ пожеланіямъ, либо враждовать другъ противъ друга, кусать, терзать и пожирать человѣка. Напротивъ, кто увѣренъ, что должно чтить справедливость и въ ней полагать всю цѣну жизни: тотъ будетъ судить совсѣмъ не такъ; тотъ найдетъ законнымъ стараться, чтобы человѣкъ въ человѣческой фигурѣ, внутренно соединенный съ звѣремъ и львомъ, господствовалъ надъ прочими животными, чтобы, при помощи льва, укрощалъ дикаго звѣря, чтобы кроткія его головы питалъ, а жестокія обуздывалъ, и чтобы, уничтоживъ неистовыя пожеланія звѣрей, водворилъ въ себѣ миръ и спокойствіе. Если этотъ образъ таковъ, что соотвѣтствуетъ самой вещи; то совершенно ясно, что хвалитель справедливости судитъ весьма вѣрно, а проповѣдникъ несправедливости измѣняетъ законамъ здраваго сужденія: ибо возьмемъ ли въ расчетъ пользу и славу, будемъ ли

имѣть въ виду счастіе, — послѣдній утверждаетъ ложь и нелѣпость, а первый—истину и согласное съ умомъ понятіе. Имя честности произошло отъ того, что она пожеланія дурныя подчиняетъ лучшей и божественнѣйшей части человѣка: напротивъ, безчестное названо этимъ именемъ потому, что кроткую часть нашей души оно порабощаетъ той дикой. Но какъ никто не согласился бы взять золото, чтобы за него отдать въ рабство сына или дочь: такъ никому не приходится, принявъ несправедливо золото, или совершивъ иное беззаконіе, божественнѣйшую часть души передать въ рабство части худшей и преступнѣйшей. И не за иное вѣдь что-нибудь подвергается порицанію невоздержаніе, дерзость, гордость, изнѣженность, роскошь, лесть, низкое и презрѣнное чувство, а именно за то, что всѣ эти выраженія человѣческой природы божественную часть нашей души, которая должна быть въ насъ господствующею, повергаютъ въ жалкое рабство. Вѣдь насколько лучше находиться подъ властію господина мудраго и добраго; настолько полезнѣе принимать законы отъ того, что въ насъ превосходнѣйшее. Итакъ, несправедливость, хотя бы она и укрывалась отъ преслѣдованія людей и законовъ, нетолько не приноситъ никакой пользы, но еще по тому самому, что ея не замѣчаютъ и не наказываютъ, она становится тѣмъ хуже и гибельнѣе. Зная это, мудрецъ во всю свою жизнь будетъ стараться о пріобрѣтеніи средствъ для умѣренности, справедливости, здравомыслія; а попеченіе о тѣлѣ будетъ позволять себѣ только съ тою цѣлію, чтобы чрезъ согласіе всѣхъ его частей поддержать и возвысить ту совершеннѣйшую гармонію, какая должна быть въ душѣ всякаго наилучшаго человѣка; ибо такимъ только образомъ онъ удостоится имени истиннаго музыканта, слѣдовательно также имени градоначальника и политика. P. 588 B—592 B.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Теперь остается разсмотрѣть, продолжалъ я, самого че- 571.
ловѣка тиранническаго, какъ онъ выходитъ изъ димократиче-
скаго и, вышедши, какимъ бываетъ и какъ живетъ—счастли-
во, или бѣдственно.—Да, остается еще этотъ, сказалъ онъ.—
Знаешь ли, спросилъ я, чего мнѣ хочется? — Чего? — Мы не-
достаточно, кажется, различили пожеланія, каковы они и сколь-
ко ихъ: а такъ какъ этого недостаетъ, то изслѣдованіе того,
что изслѣдываемъ, будетъ неясно. — Да благовременно ли те- B.
перь? спросилъ онъ. — Конечно; и смотри-ка, что хочу я ви-
дѣть въ пожеланіяхъ:—вотъ что. Изъ удовольствій и пожеланій
не необходимыхъ нѣкоторыя кажутся мнѣ противузаконны-
ми: онѣ, хотя, должно быть, внѣдрены во всякаго, однакожъ,
ограничиваемыя закономъ и наилучшими пожеланіями, при
содѣйствіи ума, у однихъ людей либо совершенно исчезаютъ,
либо умаляются въ количествѣ и слабѣютъ, а у другихъ ста-
новятся сильнѣе и многочисленнѣе.—Какія же это разумѣешь C.
ты послѣднія-то? спросилъ онъ.—Тѣ, которыя возбуждаются
во время сна, отвѣчалъ я. Тогда какъ одно начало души—
разумное, кроткое и правительственное, спитъ, а звѣровид-
ное и дикое, исполненное пищи и вина, прыгаетъ и, прогнавъ
сонъ, старается идти и удовлетворять своимъ требованіямъ,
—ты знаешь, въ такомъ состояніи оно, отрѣшенное и отбро-
сившее всякій стыдъ и разумность, отваживается дѣлать все;

D. такъ что если вздумаетъ, не медлитъ рѣшимостью смѣсить-
ся хоть съ матерью, хоть съ кѣмъ другимъ изъ людей, боговъ
и животныхъ, или кого-нибудь убить, и не удерживается ни
отъ какой пищи; однимъ словомъ—не оставляетъ ни безумія,
ни безстыдства.—Ты весьма справедливо говоришь, сказалъ
онъ.—Но кто [1], думаю, ведетъ себя здраво и разсудительно,
и отходитъ ко сну, возбудивши въ себѣ разумную свою при-
роду, напитавъ ее прекрасными мыслями и разсужденіями и
E. надумавшись самъ съ собою, а отъ пожелательной своей сто-
роны устранивъ и недостатки и излишества, чтобы она спала
572. и шумливо не обезпокоивала лучшей части ни весельемъ, ни
печалью, но позволяла ей одной, самой по себѣ [2], въ ея чистотѣ,
стремиться къ созерцанію чувствомъ того, чего она не знаетъ,
—въ прошедшемъ ли то, въ настоящемъ, или будущемъ;—
кто подобнымъ образомъ укрощаетъ и раздражительную при-
роду, чтобы она отходила ко сну невзволнованная и ни на ко-
го не разгнѣванная, и усмиривъ такимъ образомъ эти два
вида, сообщаетъ движеніе третьему, заключающему въ себѣ
разумность, и успокоивается въ немъ: тотъ во снѣ, знаешь
B. ли, близко коснется истины, и не будутъ мечтаться ему тогда
противузаконныя видѣнія.—Я совершенно такъ думаю, ска-
залъ онъ.—Но мы слишкомъ далеко увлеклись, говоря объ
этомъ. То, что намъ хочется знать, состоитъ въ слѣдующемъ·
въ каждомъ изъ насъ, сколь бы кто ни казался умѣреннымъ,
есть нѣкоторый родъ пожеланій жестокихъ, дикихъ и безза-
конныхъ, что обнаруживается во снѣ. Смотри же, дѣло ли я

---

[1] Эти мысли Платона хорошо переводитъ Цицеронъ. At qui salubri et moderato cultu atque victu quieti se tradiderit, ea parte animi, quæ mentis et consilii est, agitata et erecta, saturataque bonarum cogitationum epulis; eaque parte animi, quæ voluptate alitur, nec inopia enecta, nec satietate affluenti, quorum utrumque præstringere aciem mentis solet, sive deest naturæ quidpiam, sive abundat atque affluit; illa etiam tertia parte animi, in qua irarum existit ardor, sedata atque restincta: tum eveniet, duabus animi temerariis partibus compressis, ut tertia pars rationis et mentis eluceat et se vegetam ad somniandum acremque præbeat; tum ei visa quietis occurrent tranquilla atque veracia.

[2] Эту самую мысль, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, см. Phædo. p. 65 C. 79 C.

говорю, и соглашаешься ли ты?—Да, согласенъ.—Ну такъ вспомни теперь человѣка димократическаго [1], какъ мы опи- C.
сали его. Онъ рожденъ и съ дѣтства вскормленъ скупымъ отцомъ, который уважаетъ только пожеланія промышленныя, а не необходимыхъ, проявляющихся ради игрушки и прикрасы [2], не уважаетъ. Не такъ ли?—Да.—Обращаясь съ щеголями, исполненными тѣхъ пожеланій, о которыхъ мы сейчасъ разсуждали, онъ, по ненависти къ скупости своего отца, стремится ко всякой разнузданности и къ тому роду удовольствій, но, благодаря лучшей природѣ, чѣмъ какая у тѣхъ развратниковъ, влекомый въ обѣ стороны, становится въ средину D.
между обоими способами жизни и, пользуясь, какъ говорятъ, довольно умѣренно, тѣмъ и другимъ, живетъ и не скупо, и не противузаконно, и дѣлается изъ олигархическаго димократическимъ.—О подобныхъ людяхъ, дѣйствительно, было и есть такое мнѣніе, сказалъ онъ.—Положи же, продолжалъ я, что у этого человѣка, когда онъ дожилъ уже до старости, есть въ свою очередь сынъ-юноша, вскормленный въ его правилахъ.—Полагаю.—Да положи и то, что съ сыномъ то же случилось, что съ его отцомъ, что онъ увлекается ко всякому E.
беззаконію, которое руководители его называютъ совершенною свободою. Тогда какъ отецъ и другіе ближніе помогаютъ ему идти въ пожеланіяхъ серединою, противуположные помощники, тѣ сильные волшебники и образователи тиранна, надѣются не иначе удержать въ своихъ рукахъ юношу, какъ зародивъ въ немъ коварно какую-нибудь любовь, которая двигала бы пожеланіями праздными, расточающими готовое,— 573.
и вотъ, зараждаютъ въ душѣ его большаго крылатаго трутня.

---

[1] Указываетъ p. 557 D sqq.

[2] Пожеланіями промышленными Сократъ называетъ тѣ, которыя свойственны промышленникамъ, людямъ, вездѣ и во всемъ ищущимъ выгоды и прибыли. Эти пожеланія не необходимы, но подчиняются законамъ и могутъ быть ограничиваемы ими. Кромѣ этихъ, подъ категоріею пожеланій не необходимыхъ есть еще другія, враждебныя промышленнымъ, или расточительныя; и объ нихъ-то здѣсь говорится. Намѣреніе Сократа—доказать, что первыя—voluptates coërcendæ et moderandæ, а послѣднія — voluptates radicitus exstirpandæ.

Или такая любовь [1], думаешь, есть что-нибудь иное?—Не иное,
сказалъ онъ, но именно это.—Итакъ, когда вокругъ него шу-
мятъ разныя пожеланія—раздушенныя, распомаженныя, увѣн-
чанныя, упившіяся, окруженныя толпою растрепанныхъ удо-
вольствій, и когда выростивъ, вскормивъ до послѣдней степени
B. жало похоти, сообщаютъ его трутню; тогда оруженосцемъ его
становится безуміе, тогда неистовствуетъ этотъ настоятель
души и, если находитъ въ себѣ какія-нибудь мнѣнія, или добрыя
расположенія, знакомыя еще съ стыдомъ, то убиваетъ и из-
вергаетъ ихъ изъ себя вонъ, пока не истребится разсудитель-
ность и не удовлетворится привзошедшее безуміе.—Ты опи-
сываешь рожденіе совершенно тираннического человѣка, ска-
залъ онъ.—Не потому ли и въ древности, замѣтилъ я, любовь
называли тиранномъ?—Должно быть, сказалъ онъ.—Да и въ
мысляхъ человѣка опьянѣвшаго—нѣтъ ли тоже чего-то ти-
C. ранническаго, другъ мой? спросилъ я.—Есть.—Но безумный-
то и сумасшедшій чувствуетъ въ себѣ рѣшимость и надежду
управиться нетолько съ людьми, но и съ богами.—Конечно,
сказалъ онъ.—Итакъ, тотъ человѣкъ будетъ подлинно тиран-
ническимъ, заключилъ я, который или по природѣ, или по за-
нятіямъ, или по тому и другому, окажется пьяницею, любов-
никомъ и меланхоликомъ.—Безъ сомнѣнія.—

Происходитъ-то такой человѣкъ, какъ видно, такъ. Но
какъ онъ живетъ?—Отвѣчу тебѣ поговоркою шутниковъ: «это
D. скажешь ты и мнѣ [2]».—Конечно скажу, примолвилъ я. Думаю,
что послѣ этого бываютъ у нихъ праздники, пирушки, уве-
селенія, подруги, и прочее, чѣмъ относительно всѣхъ движе-
ній души распоряжается въ домѣ тиранническая любовь.—
Необходимо, сказалъ онъ.—Не разрастаются ли тамъ каждый

---

[1] *Такая любовь*, *τὸν τοιοῦτον ἔρωτα*, такъ читаю я съ Штальбомомъ, вмѣсто *τὸν τῶν τοιούτων ἔρωτα*; потому что впереди не было указано никакихъ предметовъ, къ которымъ направлялась бы эта любовь. Напротивъ, *ὁ τοιοῦτος ἔρως* здѣсь *προστάτης τῶν ἀργῶν καὶ τὰ ἕτοιμα διανεμομένων ἐπιθυμιῶν*.

[2] Это—поговорка, или, по схоліасту, *παροιμία, ἡνίκα τις ἐρωτηθεὶς τι ὑπὸ γιγνώσκοντος τὸ ἐρωτηθέν, αὐτὸς ἀγνοῶν, οὕτως ἀποκρίνηται: «σὺ καὶ ἐμοὶ ἐρεῖς»*.

день и ночь безчисленныя и сильныя пожеланія, которыя требуютъ многаго?—Конечно безчисленныя.—Слѣдовательно, если есть какіе доходы,—они тотчасъ истрачиваются.—Какъ
же не истрачиваться?—А за этимъ-то займы и уменьшеніе Е.
имѣнія.—Какже.—Но когда ничего не остается,—не необходимо ли гнѣздящимся въ нихъ пожеланіямъ издавать непрестанные и громкіе вопли,—и они, будто преслѣдуемые жалами какъ другихъ пожеланій, такъ особенно самой любви, которая предводительствуетъ ими, въ значеніи свиты, приходятъ въ неистовство и смотрятъ, у кого есть что-нибудь такое, что можно отнять обманомъ или силою?—Непремѣнно,
сказалъ онъ.—Поэтому не необходимо ли имъ отвсюду соби- 574.
рать, либо иначе терпѣть величайшія страданія и скорби?—Необходимо.—Стало-быть, не справедливо ли, что какъ позднѣе привзошедшія въ него удовольствія были болѣе жадны, чѣмъ прежнія, и отнимали все, что тѣмъ принадлежало[1]; такъ и онъ, будучи моложе отца и матери, обнаруживаетъ больше жадности, и какъ скоро растратилъ собственную долю, присвоиваетъ и отнимаетъ достояніе отцовское?—Да какже, ска-
залъ онъ.—А еслибы не позволили ему, то не рѣшился ли В.
бы онъ на первый разъ украсть и обмануть родителей?—Безъ сомнѣнія.—Когда же былъ бы не въ силахъ,—не прибѣгъ ли бы потомъ уже къ грабительству и насилію?—Я думаю, сказалъ онъ.—А еслибы старикъ и старуха стали противиться и вступили съ нимъ въ борьбу, почтеннѣйшій, то поостерегся ли бы онъ и удержался ли бы, чтобъ не сдѣлать чего-нибудь тиранскаго?—Не очень ручаюсь я за родителей такого сына, сказалъ онъ.—Но, ради Зевса, Адимантъ, неужели кажется тебѣ, что за недавно полюбленную и не необходимую подругу онъ подвергъ бы побоямъ издавна любимую
и необходимую мать, или за красиваго, недавно полюблен- С.
наго, не необходимаго друга, рѣшился бы бить некрасива-

---

[5] *Отнимали, что тѣмъ принадлежало*, τὰ ἐκείνων ἀφῃροῦντο. Здѣсь τὰ ἐκείνων надобно относить къ подразумѣваемому πατρὸς καὶ μητρὸς χρήματα.

го, но необходимаго старца-отца, предшествовавшаго по вре-
мени его друзьямъ, и заставилъ бы этимъ рабствовать тѣхъ, въ
чей домъ захотѣлъ бы ввести ихъ?—Да, клянусь Зевсомъ, ска-
залъ онъ.—Такъ большое же, какъ видно, счастье—родить ти-
ранническаго сына, примолвилъ я.—Не очень, сказалъ онъ.—
Но что, когда отъ роя собравшихся въ немъ удовольствій, оте-
D. ческаго-то и материнскаго имущества ему не достанетъ,—не
покусится ли онъ сперва на стѣну какого-нибудь дома, или на
платье идущаго позднею ночью человѣка, а потомъ не очиститъ
ли какого-нибудь священнаго храма? Между тѣмъ мнѣніями о
похвальномъ и постыдномъ, которыя онъ имѣлъ издавна, съ
дѣтства, и почиталъ справедливыми, овладѣютъ недавно осво-
E. бодившіяся изъ рабства и сопровождающія любовь пожеланія.
Прежде, когда онъ состоялъ еще подъ законами и волею отца,
управляясь самъ въ себѣ димократически, эти пожеланія раз-
рѣшались только во снѣ—сновидѣніемъ; подпавъ же подъ
575. власть любви, онъ непрерывно будетъ такимъ на яву, какимъ
изрѣдка бывалъ во снѣ,—не станетъ удерживаться отъ какого
бы то ни было страшнаго убійства, жертвоприношенія и по-
ступка. Тиранствующая въ немъ любовь, живя внѣ всякой вла-
сти и закона, какбы сама была единственнымъ властителемъ,
поведетъ его, будто свой городъ, ко всякой дерзости, лишь
бы напитать себя и сопутствующую себѣ буйную толпу, ко-
торая частію вошла извнѣ, отъ дурнаго знакомства, частію
родилась внутри, отъ тѣхъ самыхъ нравовъ, какъ скоро нашла
себя въ нихъ распущенною и свободною. Развѣ не это жизнь
такого человѣка?—Это самое, сказалъ онъ.—И если такихъ-
B. то въ городѣ немного, продолжалъ я, прочій же народъ мыс-
литъ здраво,—они, въ военное время, выходятъ и становят-
ся охранительнымъ войскомъ какого-нибудь тиранна, или слу-
жатъ за жалованье: а когда вездѣ мирно и спокойно,—они
дѣлаютъ много неважнаго зла въ самомъ своемъ городѣ.—
Что именно разумѣешь ты?—Напримѣръ, воруютъ, подка-
пываются подъ стѣны, отрѣзываютъ кошельки, снимаютъ
платье, святотатствуютъ, порабощаютъ, а иногда дѣлаютъ

ложные доносы, если имѣютъ даръ слова, и берутъ взятки.— Неважное же зло разумѣешь ты, сказалъ онъ, хотя такихъ и немного!—Дѣйствительно неважное, примолвилъ я, потому C.
что въ сравненіи съ великимъ-то оно маловажно: все это, если возьмешь во вниманіе порчу и жалкое состояніе города, къ тиранну, какъ говорится, и близко не подходитъ [1]. Вѣдь когда въ городѣ такихъ будетъ много-то, и когда они, вмѣстѣ съ другими своими послѣдователями, сознаютъ свою числительность; тогда, пользуясь невѣжествомъ черни, сами создадутъ себѣ такого тиранна, который бы, больше всѣхъ ихъ, въ самомъ себѣ—въ своей душѣ,—былъ величайшимъ и сильнѣйшимъ тиранномъ.—Да и естественно, сказалъ онъ, что это D.
будетъ тираннъ въ высшей степени.—И хорошо, если чернь покорится ему добровольно; а какъ городъ не позволитъ? Тогда онъ, какъ прежде наказывалъ мать и отца, такъ теперь, если достанетъ силъ, будетъ наказывать отечество, то-есть введетъ въ него новыхъ друзей и будетъ содержать и питать давно любимую, какъ говорятъ Критяне, *μητρίδα τε καὶ πατρίδα* въ порабощеніи имъ. И это-то цѣль желаній такого человѣка.—Безъ сомнѣнія, это самое, сказалъ онъ.—Но подобные- E.
то люди, спросилъ я, не такими ли бываютъ и въ жизни частной, прежде чѣмъ дѣлаются правителями? Во-первыхъ, съ кѣмъ бы они ни обращались,—обращаются либо со льстецами, которые готовы во всемъ служить имъ, либо съ тѣми, предъ которыми сами падаютъ, имѣя въ нихъ какую-нибудь нужду, и пока имѣютъ, отваживаются принимать всѣ виды свойственниковъ, а какъ скоро дѣло сдѣлано, становятся чужими. — 576.
Непремѣнно.—Слѣдовательно, они во всю свою жизнь никому никогда не бываютъ друзьями, но либо владычествуютъ надъ другимъ, либо рабствуютъ другому. Тираннической природѣ

---

[1] *Τὸ λεγόμενον, οὐδ᾽ ἴκταρ βάλλει.* Пословицу: *οὐδ᾽ ἴκταρ βάλλει*, схоліастъ объясняетъ такъ: *ἴκταρ σημαίνει ταῦτα· τὸ ἐγγύς, ἀπὸ τοῦ ἱκνεῖσθαι, τὸ πρόσφατον, τὸ ἄρτι, τὸ ταχέως, τὸ πυκνῶς, τὸ ἐξαπίνης. Καὶ παροιμία· οὐδ᾽ ἴκταρ ἥκει, ὥσπερ καὶ τὸ,— οὐδ᾽ ἴκταρ βάλλει, τουτέστιν· οὐδ᾽ ἐγγύς ἐστιν.* Объ этой пословицѣ см. также interpp. ad Thom. Magn. p. 471. *Ruhnken.* ad Tim. Gloss. p. 149.

всегда недоступна ни истинная свобода, ни истинная дружба. —Конечно.—Такъ не правильно ли будетъ называть такихъ людей невѣрными?—Какъ же не правильно?—А несправедли-
B. выми-то тѣмъ еще болѣе, если прежде касательно справедливости мы согласились правильно.—Конечно правильно, сказалъ онъ.—Итакъ, этого дурнаго человѣка, заключилъ я, опредѣлимъ вообще: онъ есть то самое на яву, что мы видѣли какбы во снѣ [1].—Конечно.—Не тотъ ли бываетъ и единовластителемъ, кто имѣстъ природу, въ высшей степени тиранническую, и чѣмъ долѣе въ своей жизни тиранствуетъ онъ, тѣмъ болѣе такимъ дѣлается?—Необходимо, сказалъ, прервавши рѣчь, Главконъ.—

Но не явится ли тотъ и самымъ жалкимъ человѣкомъ,
C. спросилъ я, кто является человѣкомъ самымъ дурнымъ? И тотъ не останется ли особенно и на должайшее время по-истинѣ такимъ, кто особенно и должайшее время тиранствуетъ? Вѣдь многимъ многое и нравится [2].—Это необходимо бываетъ такъ, сказалъ онъ.—Притомъ, не правда ли, спросилъ я, что тираннически-то человѣкъ образовался по подобію тиранническаго города, равно какъ димократически—по подобію димократическаго, и другіе такимъ же образомъ?—Какже.—Поэтому, вразсужденіи добродѣтели и счастія, не такъ ли человѣкъ относится къ человѣку, какъ городъ къ городу?—Какъ
D. же иначе?—Слѣдовательно, что же теперь? каково должно

---

[1] Ὄναρ и ὕπαρ у Грековъ въ соединеніи имѣли силу пословицы: οὔτε ὄναρ οὔτε ὕπαρ, ни во снѣ, ни на яву, то-есть никогда. Но въ настоящемъ мѣстѣ эти слова берутся раздѣльно, какъ понятія противуположныя, и подъ словомъ ὄναρ разумѣется представленіе предмета, или отвлеченное размышленіе о немъ, а словомъ ὕπαρ выражается та мысль, что предметъ, о которомъ мы только размышляли или мечтали, теперь осуществился. См. ***Wittenbach***. ad Plutarch. De superstit. p. 166 A.

[2] Τοῖς δὲ πολλοῖς πολλὰ καὶ δοκεῖ. Смыслъ этого выраженія довольно неопредѣлененъ. Схоліастъ опредѣляетъ его такъ: ἀντὶ τοῦ ψευδῆ· τὸ γὰρ ψεῦδος πολύχουν, ἁπλοῦς δ' ὁ μῦθος τῆς ἀληθείας ἔφυ. ***Eurip***. Phœniss. v. 479. То-есть, ложь всегда говорлива, а слову истины свойственна простота. Въ настоящемъ случаѣ Сократъ имѣетъ въ виду ту мысль, что человѣкъ тиранническій, породившій множество пожеланій, требуетъ и множество средствъ, и много времени, чтобы питать ихъ.

быть отношеніе города тиранническаго къ царственному, какой мы прежде описали?—Совершенно противуположное, отвѣчалъ онъ: одинъ самый хорошій, а другой—самый дурной. —Да не въ томъ вопросъ, сказалъ я, который какимъ называешь; это-то явно: но такъ же ли ты судишь о нихъ, или иначе, примѣняясь, по прежнему, къ счастію и несчастію? Насъ не долженъ смущать взглядъ на тиранна, который есть лицо единичное, и на немногихъ, окружающихъ его: вошедши въ свой предметъ, мы должны созерцать цѣлый городъ, присмотрѣться ко всему и, обнявъ его своимъ взглядомъ, произнесть о немъ мнѣніе.—Правильно вызываешь на это, сказалъ онъ: для всякаго очевидно, что городъ тиранническій не самый несчастный, равно какъ и царственный—не самый счастливый.—Но не правильно ли вызвалъ бы я на то же самое и касательно людей, спросилъ я, позволяя судить о нихъ тому, кто можетъ разсматривать человѣка, входя мыслію въ его нравъ, и кто смотритъ на него, не какъ дитя,—снаружи, и поражается великолѣпною обстановкою мужей тиранническихъ[1], которую показываютъ они въ отношеніи къ внѣшнимъ,—но вникаетъ достаточно? Еслибы я положилъ, что всѣ мы должны слушать того, кто въ состояніи судить,—кто живетъ съ тиранномъ подъ одною кровлею, присутствуетъ при домашнихъ его дѣлахъ и видитъ, какъ онъ относится къ каждому изъ близкихъ къ себѣ лицъ, особенно когда является безъ всякой театральной парадности, или опять среди общественныхъ бѣдствій;—еслибы видящему все это я велѣлъ объявить, каково счастіе или несчастіе тиранна сравнительно съ другими....—Ты весьма справедливо вызвалъ бы и на это, сказалъ онъ.—Такъ хочешь ли, спросилъ я, мы прикинемся, будто можемъ судить, и уже столько встрѣчались съ такими людь-

E.
577.
B.

[1] *Великолѣпною обстановкою мужей тиранническихъ*, ὑπὸ τῆς τῶν τυραννικῶν προστάσεως. Πρόστασις, по словамъ *Рункенія* (ad Tim. Gloss. p. 246), est regius apparatus, pompa, quam Polybius et alii προστασίαν vocant. Сн. *Lobeck*. Append. ad Phrynich. p. 529.

ми, что найдемъ отвѣчателей на наши вопросы? — И конечно. —

C. Ну такъ вникай же въ слѣдующее, сказалъ я. Припоминая подобіе города и человѣка и снося ихъ въ отдѣльныхъ чертахъ, выскажи послѣдовательно [1] свойства того и другаго. — Какія? спросилъ онъ. — Во-первыхъ, чтобы сказать о городѣ, отвѣчалъ я, тиранническій свободнымъ ли называешь ты, или рабскимъ? — Сколько возможно болѣе рабскимъ, сказалъ онъ. — Однакожъ видишь, властители-то въ немъ свободны. — Вижу, отвѣчалъ онъ; но это-то — нѣчто незначительное: цѣлое же въ немъ, какъ говорится, и наилучшее
D. безчестно и горько рабствуетъ. — Но если человѣкъ подобенъ городу, примолвилъ я, то и въ человѣкѣ не необходимъ ли тотъ же порядокъ? душа его должна быть переполнена рабствомъ и низостью, и рабствовать должны тѣ ея части, которыя были наилучшими, а маловажное, негоднѣйшее и неистовѣйшее будетъ владычествовать. — Необходимо, сказалъ онъ. — Что же? такую душу рабствующею ли назовешь ты, или свободною? — Ужъ конечно, рабствующею. — Но рабствующій-то опять и тиранническій городъ не меньше ли всего дѣлаетъ то, что хочетъ [2]? — Конечно такъ. — Стало-быть,
E. и тиранническая душа, поколику говорится о цѣлой душѣ, будетъ дѣлать меньше того, что хочетъ, но, всегда увлекаемая насильственно бѣшенствомъ, явится полною возмущенія и раскаянія. — Какъ не явиться? — А что, богатымъ ли необходимо быть тиранническому городу, или бѣднымъ? — Бѣднымъ. —
578. Стало-быть, и тиранической душѣ необходимо всегда терпѣть бѣдность и несытость. — Такъ, сказалъ онъ. — Что же? такому-

---

[1] *Послѣдовательно*, ἐν μέρει, per vices, одни за другими. Такъ употребляется формула ἐν μέρει. См. Libr. V, p. 468 B. VII, p. 520 C. 540 B. IX, p. 581 C. X, p. 617 D. *Herman.* ad Lucian. de Histor. Conscr. p. 7 sqq.

[2] Ἥκιστα ποιεῖ ἃ βούλεται. Здѣсь то же самое значеніе глагола βούλεσθαι, какое замѣчено нами въ Горгіасѣ p. 466 C. D, гдѣ Сократъ учитъ, что софисты хотя и дѣлаютъ то, ὃ ἂν αὐτοῖς δόξῃ βέλτιστον εἶναι, но не дѣлаютъ того, ὧν βούλονται, потому что не знаютъ истины, а водятся только мнѣніемъ. Такая именно дѣятельность приписывается здѣсь и тиранническому городу.

то городу и такому человѣку не необходимо ли быть подъ
гнетомъ страха?—Да, крайне необходимо.—Думаешь ли, что
въ какомъ-нибудь другомъ найдешь больше горя, стенаній,
плача и скорбей?—Никакъ.—А представляется ли тебѣ, что
въ какомъ-нибудь иномъ человѣкѣ этого больше, чѣмъ въ ти-
ранническомъ, который приходитъ въ бѣшенство отъ любви
и пожеланій?—Какъ можно? сказалъ онъ.—Такъ смотря на
все это и на другія подобныя явленія, ты этотъ-то городъ и B.
почиталъ несчастнѣйшимъ изъ городовъ?—Что же? развѣ не-
правильно? спросилъ онъ.—И очень, отвѣчалъ я. А о тиран-
ническомъ человѣкѣ опять что будешь говорить, смотря на
него съ той же стороны?—То, что онъ далеко несчастнѣе
всѣхъ прочихъ людей.—Но это уже неправильно, сказалъ я.
—Какъ? воскликнулъ онъ.—Думаю, примолвилъ я, что этотъ
особенно еще не таковъ [1].—Да какой же иной?—Несчастнѣе
этого покажется тебѣ, можетъ быть, слѣдующій.—Какой?— C.
Тотъ, сказалъ я, который, будучи тиранническимъ, прово-
дитъ несчастную жизнь и бываетъ такъ несчастливъ, что ему
выпадаетъ счастливый жребій [2] сдѣлаться тиранномъ.—Дога-
дываюсь, сказалъ онъ, что, судя по прежнимъ положеніямъ,
ты говоришь справедливо.—Да, примолвилъ я; но тутъ на-
добно не догадываться, а изслѣдовать это дѣло хорошенько;
потому что наше изслѣдованіе касается предмета величай-
шаго—хорошей и дурной жизни.—Весьма правильно, ска-
залъ онъ.—Смотри же, говорю ли я что-нибудь. Вѣдь мнѣ
кажется, что, при изученіи тиранна, надобно понимать его D.
вотъ съ какой стороны.—Съ какой?—Съ той, что онъ есть
одно изъ частныхъ лицъ, которыя, обладая въ городахъ бо-

---

[1] То-есть не такъ жалокъ. Напротивъ, несчастнѣе всѣхъ тотъ, кто, развивъ въ себѣ тиранническія наклонности, занимаетъ въ государствѣ высшую правительственную должность.

[2] *Бываетъ такъ несчастливъ, что ему выпадаетъ* и проч., δυστυχὴς ᾖ, καὶ αὐτῷ κ. τ. λ. Штальбомъ съ союзомъ καὶ соединяетъ здѣсь значеніе *то-есть* — неправильно. Тутъ фраза Сократа состоитъ изъ двухъ частей: изъ положенія и слѣдствія. Положеніе: ἀλλὰ δυστυχὴς ᾖ,—онъ несчастливъ; καὶ αὐτῷ ὑπό τινος συμφορᾶς ἐκπορισθῇ,—и вотъ выпалъ ему счастливый жребій.

гатствомъ, пріобрѣли много рабовъ; ибо этимъ-то они уподобляются тираннамъ, которые управляютъ многими; только численность управляемыхъ ими не та же.—Конечно не та же. —Такъ знаешь ли, что частныя лица чувствуютъ себя безопасными и слугъ не боятся?—Да чего бояться?—Нечего примолвилъ я; а понимаешь ли почему?—Да; потому что каждому
E. изъ частныхъ лицъ помогаетъ весь городъ. — Хорошо говоришь, сказалъ я. Что же? еслибы кто изъ боговъ, взявъ изъ города одного человѣка, у котораго было бы до пятидесяти, или еще болѣе слугъ, переселилъ его, съ женою и дѣтьми, со всѣмъ имуществомъ и слугами, въ пустыню, гдѣ ни одинъ свободный человѣкъ не могъ бы помочь ему; то въ какомъ сильномъ и великомъ страхѣ, думаешь, былъ бы онъ за себя, за дѣтей и за жену, какъ бы слуги не убили ихъ?—Въ величайшемъ,
579. думаю, сказалъ онъ.—Не былъ ли бы онъ принужденъ нѣкоторымъ изъ своихъ рабовъ даже ласкательствовать, многое обѣщать, отпускать ихъ на волю, не ожидая ихъ просьбы, и сдѣлаться льстецомъ собственныхъ служителей [1]?—Крайне необходимо, сказалъ онъ, а иначе погибнетъ.—Что же, спросилъ я, еслибы въ окружности, по сосѣдству съ нимъ, Богъ поселилъ и многихъ другихъ, которые не потерпѣли бы, чтобы у нихъ одинъ надъ другимъ владычествовалъ, но взяли бы такого и подвергли бы величайшему наказанію?—Тогда

---

[1] Платонъ здѣсь раскрываетъ глубокую истину государственнаго управленія, что какъ скоро городъ перестаетъ охранять и защищать безопасность частныхъ лицъ, какъ скоро правительство и законы теряютъ свою силу и практическое вліяніе на отдѣльныя корпораціи народа, — порядокъ отношеній въ государствѣ тотчасъ превращается: наступаетъ система уступокъ со стороны начальниковъ относительно къ подчиненнымъ, происходитъ отожествленіе тиранніи съ законною властію, смѣшеніе должнаго подчиненія съ рабствомъ. Это — эпоха зараждающейся анархіи, начало государственнаго разложенія, игра низкой лести на всѣхъ ступеняхъ правленія и неистовыхъ выраженій дикости въ черныхъ слояхъ общества. Все общество тогда дѣлится на кружки, и каждый кружокъ, живя какбы въ пустынѣ и не находя опоры въ одномъ царственномъ законѣ, представляетъ мрачную картину превратнаго отношенія между начальствующими и подчиненными: потому что съ этой поры наступаетъ владычество физической силы надъ нравственною; а масса народа физически всегда сильнѣе правительства.

онъ, думаю, очутился бы еще въ худшемъ состояніи, потому B.
что находился бы подъ стражею всѣхъ своихъ непріятелей. —А не въ такой ли темницѣ связанъ тираннъ, естественно волнуемый, какъ мы разсмотрѣли, всѣми родами сильнаго страха и любви? Имѣя жадную душу, онъ одинъ изъ всѣхъ въ городѣ не можетъ ни предпринять путешествіе, ни пойти посмотрѣть на то, что могутъ видѣть всѣ люди свободные, по собственному жаланію, но большею частію живетъ, забив-
шись дома, будто женщина, завидуя другимъ гражданамъ, C.
когда кто изъ нихъ отправляется за-городъ видѣть что-нибудь хорошее?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. —

Не такими ли несчастіями богатѣетъ худо управляемый самъ въ себѣ человѣкъ тираннической, котораго ты призналъ теперь несчастнѣйшимъ, когда онъ проводитъ жизнь не какъ частное лицо, а какою-то судьбою неволится къ тиранствованію,—когда, не владѣя собою, рѣшается управлять другими, подобно тому, какъ еслибы кто, страдая собственнымъ тѣломъ и не имѣя силы въ отношеніи къ себѣ, жилъ не част-
но, а принужденъ былъ вести жизнь среди борьбы и под- D.
виговъ съ тѣлами другихъ?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; ты, Сократъ, уподобляешь весьма вѣрно и говоришь сущую правду.—Такъ не вполнѣ ли жалко это состояніе, любезный Главконъ, спросилъ я, и не бѣдственнѣе ли еще живетъ тираннъ, чѣмъ тотъ, чью жизнь призналъ ты бѣдственною? Точно такъ, отвѣчалъ онъ.—Стало-быть, тираннъ, хотя иному это и не кажется, въ существѣ дѣла по-истинѣ есть рабъ, осужденный на величайшее ласкательство и униженіе,—есть льстецъ предъ людьми самыми негодными: онъ нисколько не
можетъ удовлетворять и своимъ пожеланіямъ, напротивъ, во E.
многомъ, повидимому, крайне нуждается и покажется дѣйствительно бѣднымъ, кто съумѣетъ созерцать его душу въ ея цѣлости; онъ всю жизнь проводитъ подъ страхомъ, непрестанно трепещетъ и мучится, если только походитъ на расположеніе города, которымъ управляетъ. А вѣдь походитъ;
не такъ ли?—И очень, сказалъ онъ.—Да и кромѣ сего, мы 580.

припишемъ этому человѣку еще и то, о чемъ говорили прежде, что, то-есть, ему необходимо и быть, а еще необходимѣе прежняго, при управленіи,—бывать, и ненавистникомъ, и вѣроломнымъ, и недружелюбнымъ, и нечестивымъ, — угощателемъ и питателемъ всякаго зла, и отъ всего этого сперва особенно самому быть несчастнымъ, а потомъ сдѣлать такими и своихъ ближнихъ.—Ни одинъ человѣкъ съ умомъ не будетъ противорѣчить тебѣ, сказалъ онъ.—Ну такъ теперь, продол-
B. жалъ я,—какъ произноситъ свой приговоръ на всѣхъ основаніяхъ судья, такъ произнеси и ты, кто, относительно счастія, по твоему мнѣнію, первый, кто—второй, и такимъ образомъ дай свое сужденіе по порядку о всѣхъ пяти видахъ: о человѣкѣ царственномъ, тимократическомъ, олигархическомъ, димократическомъ и тиранническомъ.—Сужденіе объ этомъ дать легко, сказалъ онъ; ибо только что они выступили,—я тотчасъ оцѣниваю ихъ, будто хоръ [1], относительно къ добродѣтели и пороку, къ счастію и состоянію противному.—Такъ наймемъ ли глашатая, спросилъ я, или объявить мнѣ самому, что сынъ Аристона человѣкомъ счастливѣйшимъ призналъ сама-
C. го добраго и самаго справедливаго; а таковъ—человѣкъ царственный, царствующій надъ собою: — человѣкомъ же несчастнѣйшимъ почитаетъ самаго порочнаго и самаго несправедливаго; а такимъ опять бываетъ человѣкъ въ высшей степени тиранническій, тиранствующій преимущественно надъ собою, равно какъ и надъ городомъ.—Объявляй, сказалъ онъ. —Не прибавить ли къ объявленію, спросилъ я: хотя бы укрылись они отъ всѣхъ людей и боговъ, будучи такими, хотя бы нѣтъ?—Прибавь, отвѣчалъ онъ.—

Пусть такъ, сказалъ я; это будетъ у насъ первое доказа-
D. тельство; а вторымъ, если покажется, должно быть слѣдующее.—Какое?—Какъ городъ, продолжалъ я, раздѣленъ по

---

[1] *Только что они выступили,*—выраженіе взято съ языка театральнаго. Правилами сценическаго представленія у Грековъ требовалось, чтобы хоръ или глашатай, какъ скоро новыя лица появлялись на сценѣ, тотчасъ давалъ о нихъ понятіе зрителямъ. Это означалось глаголами *ἀνειπεῖν, ἀνειρηκέναι, ἀναγορεύειν.*

тремъ видамъ, такъ и душа каждаго человѣка трояка [1]; и от-
сюда, думаю, выступимъ мы со вторымъ доказательствомъ.—
Съ какимъ это? Съ слѣдующимъ: если сторонъ души три,
то столькими представляются мнѣ и удовольствія,—то-есть въ
каждой ея сторонѣ свое, —трояками также пожеланія и вла-
сти.—Какъ ты понимаешь это? спросилъ онъ.—Одна сторо-
на души, говоримъ, была [2] та, которою человѣкъ познаетъ,
другая,—которою раздражается; третьей же, по ея разновид- E.
ности, мы не могли назвать однимъ собственнымъ именемъ,
но что главнѣйшее и сильнѣйшее въ ней, то и наименовали:
вѣдь по силѣ ея пожеланій относительно пищи, питья, сладо-
страстія и другихъ подобныхъ тому вещей, да и относитель-
но сребролюбія, такъ какъ этимъ пожеланіямъ удовлетворя-
ютъ особенно посредствомъ денегъ, мы дали ей имя стороны 581.
пожелательной.—Да и правильно, сказалъ онъ.—Такъ еслибы
удовольствіе сей стороны назвали мы любовью къ корысти,
то не утвердились ли бы своимъ словомъ преимущественно
на этомъ одномъ главномъ понятіи и, говоря о той части ду-
ши, не представляли ли бы ее съ большею ясностію, то-есть,
называя ее сребролюбивою или корыстолюбивою, не правиль-
но ли называли бы?—Мнѣ кажется, сказалъ онъ.—Что жъ? а
раздражительная природа не къ преодолѣнію ли именно всег-
да и всецѣло стремится, говорили мы, не къ побѣдѣ ли и сла-
вѣ?—Конечно.—Такъ если мы объявимъ ее спорчивою и че- B.
столюбивою, то стройно ли это будетъ?—Очень стройно.—А
та-то, которою познаемъ, всегда и всецѣло направляется, какъ
всякому извѣстно, къ знанію истины, гдѣ она есть; что же до
денегъ и славы, то объ этомъ она весьма мало заботится.—
Конечно.—Такъ если мы назовемъ ее любознательною и муд-

---

[1] Эта аналогія политической и психической трихотоміи въ ученіи Платона замѣчена многими писателями. *Maxim. Tyr.* XXII, p. 267: Τριῶν δὲ πολιτειῶν τρία τ' αὖ μιμήματα βίων ἴδοις ἂν ἐν ἀνθρώπου ψυχῇ. *Themist.* Orat. II, p. 35: τῷ γὰρ ὄντι κινδυνεύουσι τοσαῦτα εἶναι εἴδη πολιτειῶν, ὅσαπερ καὶ ἀνθρώπου ψυχῆς. Cн. Lib. VIII, p. 515.

[2] Здѣсь прошедшее ἦν указываетъ на прежнее разсужденіе объ этомъ предметѣ. См. Lib. IV, p. 439 sqq.

ролюбивою, то прилично ли будетъ названіе?—Какъ не при-
C. лично?—Но въ душѣ однихъ людей не властвуетъ ли та, спросилъ я, въ душѣ другихъ—другая природа, которая случится?—Такъ, сказалъ онъ.—Посему-то и людей не раздѣлить ли намъ, во-первыхъ, на три рода: на мудролюбивыхъ, на спорчивыхъ и на корыстолюбивыхъ?—Прилично.—И удовольствій тоже—на три вида, предполагая одно въ каждомъ изъ нихъ?—Конечно.—Знаешь ли, примолвилъ я, что еслибы ты захотѣлъ эти три рода людей спросить каждый по порядку, какая изъ тѣхъ трехъ жизней самая пріятная, то всякій изъ нихъ
D. сталъ бы особенно выхвалять свою? Любостяжатель будетъ говорить, что удовольствія чести и знанія, сравнительно съ удовольствіемъ корысти, ничего не значатъ, если не даютъ нисколько денегъ.—Правда, сказалъ онъ.—Что же честолюбивый? спросилъ я: удовольствія отъ денегъ не будетъ ли онъ почитать чѣмъ-то грубымъ, а удовольствіе отъ знанія, если только знаніе не приноситъ чести,—не признаетъ ли дымомъ и болтовнею?—Такъ, сказалъ онъ.—А философъ [1], спросилъ
E. я, не найдетъ ли, думаемъ, что прочія удовольствія, въ сравненіи съ удовольствіемъ знать истину, какова она, и всегда стремиться къ познанію ея, далеко отстоятъ отъ удовольствія истиннаго, и не назоветъ ли ихъ дѣйствительно невольными, такъ что въ нихъ не было бы никакой надобности, еслибы не настояла необходимость?—Это, примолвилъ онъ, нужно хорошо знать.—Посему, когда и удовольствія, и самая жизнь каждаго вида, бываютъ предметомъ недоумѣнія—не въ томъ отношеніи, кто живетъ похвальнѣе, кто постыднѣе, или

---

[1] *Τὸν δὲ φιλόσοφον—εἰ μὴ ἀνάγκη ἦν.* Это мѣсто Платонова текста, безъ сомнѣнія, повреждено. Признакомъ поврежденія служитъ даже слѣдующій далѣе отвѣтъ Главкона, который видимо не вяжется съ вопросами Сократа. Да и средній глаголъ *ποιεῖσθαι*, употребленный здѣсь въ значеніи принятія или положенія, есть необыкновенное явленіе въ характерѣ греческой рѣчи. Поэтому *Graser.*, Specim. Advers. p. 21, вмѣсто *ποιώμεθα*, читаетъ: *τί οἰώμεθα*, но прочихъ затрудненій не касается. Все это мѣсто Штальбомъ возстановляетъ такъ: *Τὸν δὲ φιλόσοφον, ἦν δ' ἐγώ, μὴ οἰώμεθα τὰς ἄλλας ἡδονὰς νομίζειν πρὸς τὴν τοῦ εἰδέναι τἀληθὲς ὅπῃ ἔχει, καὶ ἐν τῷ τοιούτῳ τινὶ ἀεὶ εἶναι μανθάνοντα, τῆς ἡδονῆς οὔσας πάνυ πόῤῥω, καὶ καλεῖν* (т. е. *αὐτὰς*) *τῷ ὄντι ἀναγκαίας, ὡς οὐδὲν τῶν ἄλλων δεόμενον, εἰ μὴ ἀνάγκη ἦν.*

кто лучше, кто хуже въ отношеніи къ самому удовольствію и безпечальности,—какъ могли бы мы узнать, спросилъ я, чьи 582.
слова слѣдуетъ признать самыми вѣрными?—На это не очень могу отвѣчать, сказалъ онъ.—Но смотри вотъ какъ: чѣмъ должно судить то, что имѣетъ быть хорошо обсужено? не опытностью ли, разсудительностью и умомъ. Или возможно средство лучше этихъ?—Чѣмъ же иначе? сказалъ онъ.—Такъ смотри: изъ тѣхъ трехъ человѣкъ, кто самый опытный во всѣхъ удовольствіяхъ, о которыхъ мы говорили? корыстолюбивый ли покажется тебѣ способнѣйшимъ узнать самую истину, какова она, относительно удовольствія, происходяща- B.
го отъ знанія, — или философъ, относительно удовольствія, происходящаго отъ корысти? — Большая разница, сказалъ онъ. — Вѣдь другія-то удовольствія послѣдній необходимо вкушаетъ, начавъ съ дѣтства; а корыстолюбивый, сколь бы онъ ни былъ способенъ знать сущее, никакъ не вкушаетъ этого удовольствія и не испытываетъ, сколь оно сладко, да еслибы и пожелалъ, было бы нелегко. — Стало-быть, относительно опытности въ томъ и другомъ удовольствіи, философъ далеко выше корыстолюбца? сказалъ я. —Конечно далеко. — Что же о честолюбивомъ? больше ли тотъ неопытенъ [1] C.
въ удовольствіи, происходящемъ отъ чести, чѣмъ этотъ—въ удовольствіи, происходящемъ отъ размышленія?—Но что же тутъ? сказалъ онъ: если каждый успѣваетъ въ томъ, къ чему стремился, то честь слѣдуетъ за всѣми; честію отъ многихъ пользуются вѣдь и богатый, и мужественный, и мудрый; такъ что въ удовольствіи, происходящемъ отъ чести-то, всѣ опытны, а вкусить, каково удовольствіе, происходящее отъ

---

[1] *Что же о честолюбивомъ? Больше ли тотъ неопытенъ....* τί δὲ τοῦ φιλοτίμου; ἆρα μᾶλλον ἄπειρός ἐστι. Стефанъ въ этомъ мѣстѣ ἄπειρος замѣняетъ словомъ ἔμπειρος,—но безъ всякой нужды: здѣсь, при выраженіи μᾶλλον ἄπειρος, надобно разумѣть ὁ φιλόσοφος, а не φιλότιμος. Чрезъ эту постановку отношеній, смыслъ рѣчи становится ясенъ; ибо Платонъ спрашиваетъ: кто можетъ лучше судить не о своемъ родѣ удовольствій, а о чужомъ? Стало-быть, его вопросъ превращается въ слѣдующій: ἆρα μᾶλλον ἔμπειρός ἐστι (φιλότιμος) τῆς ἀπὸ τοῦ φρονεῖν ἡδονῆς, ἢ ἐκεῖνος (φιλόσοφος) τῆς ἀπὸ τοῦ τιμᾶσθαι.

созерцанія сущаго, невозможно никому, кромѣ философа. — Слѣдовательно, по опытности, примолвилъ я, философъ меж-
D. ду людьми есть судья прекраснѣйшій.—И очень.—Притомъ, онъ одинъ будетъ опытенъ разсудительно. — Какже. — Да вѣдь и орудіе, посредствомъ котораго надобно судить-то, принадлежитъ не корыстолюбивому и не честолюбивому, а философу.—Какое орудіе?—Мы сказали, что судить должно посредствомъ ума[1]. Не такъ ли?—Да. —Но умъ-то особенно и есть его орудіе.—Какже.—Вѣдь еслибы подлежащее сужденію лучше всего обсуживалось богатствомъ и корыстію, то
E. одобряемое или порицаемое корыстолюбивымъ не было ли бы, по необходимости, самымъ истиннымъ? — Крайне необходимо.—Когда же честію, побѣдою, мужествомъ, то не честолюбивый ли и спорчивый подавали бы самое вѣрное мнѣніе? — Явно. — А какъ скоро требуется опытность, разсу-

[1] Здѣсь не можетъ не затруднять критика множественное διὰ λόγων κρίνεσθαι, и потомъ опять — λόγοι τούτου μάλλιστα ὄργανον. Какимъ образомъ λόγος, которое выше (р. 582 А) означало умъ, теперь превратилось въ слово (ибо λόγος въ множественномъ имѣетъ именно это значеніе)? и какъ эти слова принимаются за орудіе философа, когда даръ слова принадлежитъ и честолюбцу и корыстолюбцу? Чтобы устранить это затрудненіе, надобно замѣтить значеніе всѣхъ тѣхъ терминовъ — ἐμπειρία, φρόνησις и λόγος — въ Платоновой психологіи. Ἐμπειρία есть богатство фактовъ или впечатлѣній, принятыхъ посредствомъ чувствъ и вообще животныхъ орудій. Это область внѣшней дѣятельности человѣка, и ея не минетъ никто, родившійся и живущій подъ условіями органическими. Φρόνησις есть дѣятельность мыслящая или различнымъ образомъ соединяющая факты опыта. Она имѣетъ характеръ теоретическій и практическій и въ первомъ случаѣ тожественна τῇ διανοίᾳ, а въ послѣднемъ усвояется человѣку, поколику онъ разсматривается со стороны своей природы раздражительной, либо нравственной. Но κατ' ἐμπειρίαν καὶ φρόνησιν душа дѣйствуетъ въ предѣлахъ обыденной жизни, утверждаетъ свои цѣли въ мірѣ явленій и водится τῇ δόξα ἄνευ λόγου. Поэтому φρόνησις справедливо переводится словомъ *благоразуміе*, которое умѣетъ такъ соединять факты и явленія, чтобы изъ нихъ вытекала житейская польза. Но λόγος есть дѣятельность начала, въ человѣческой душѣ божественнаго; это — голосъ изъ области сущаго, и цѣль его только въ сущемъ, вѣчномъ, неизмѣняемомъ. Λόγος не можетъ быть предикатомъ благоразумія, но непремѣнно ума, и по его имени, разумная сторона души, въ смыслѣ дѣятельности, называется τὸ λογιστικόν. Какъ дѣятельность, λόγος входитъ въ міръ явленій и, опредѣляя собою многое, принимаетъ разные виды (εἴδη). Отсюда λόγοι — извѣстныя ограниченія, или приведенія многаго въ одно, — все цѣлостное въ познаніи, въ разсужденіяхъ, въ изслѣдованіяхъ предмета самого въ себѣ.

докъ и дѣятельность ума? — Разумѣется, сказалъ онъ, что вполнѣ истиннымъ будетъ одобренное философомъ и любителемъ дѣятельности умственной.—Стало-быть, изъ трехъ видовъ удовольствій, самое пріятное должно принадлежать той 583.
части души, которою мы познаемъ; и въ комъ изъ насъ эта часть господствуетъ, того жизнь будетъ самая пріятная.— Какъ не будетъ? сказалъ онъ: человѣкъ мыслящій, хваля свою жизнь, въ дѣлѣ этой похвалы, конечно, господинъ.— Которую же жизнь и которое удовольствіе поставитъ онъ на второмъ мѣстѣ? спросилъ я.—Очевидно, удовольствіе человѣка военнаго и честолюбиваго; потому что оно ближе къ философу, чѣмъ удовольствіе промышленника.—Такъ послѣднимъ будетъ, какъ видно, удовольствіе человѣка корыстолюбиваго.—Какже, сказалъ онъ.—

Итакъ, вотъ два доказательства одно за другимъ [1], и двѣ по- B.
бѣды справедливаго надъ несправедливымъ. Теперь, по олимпійски,—третье и послѣднее [2], въ честь Зевса олимпійскаго. Соображай: удовольствіе другихъ, кромѣ удовольствія, свойственнаго человѣку мыслящему, и неистинно вовсе, и нечи-

---

[1] Первое доказательство состояло въ томъ, что Сократъ, сравнивъ тиранническаго человѣка съ тиранническимъ обществомъ, въ тираннѣ, преданномъ дикимъ пожеланіямъ, нашелъ существо самое жалкое. Это раскрыто на страницахъ 577 B—580 C. Потомъ онъ доказалъ, что философъ и опытностію, и благоразуміемъ, и дѣятельностію умственною до такой степени превосходитъ прочихъ людей, что лучше всѣхъ можетъ судить о счастіи жизни, и отсюда заключилъ, что тотъ родъ удовольствія, который проистекаетъ изъ познанія истины и свойственъ мудрецу, надобно почитать родомъ удовольствія превосходнѣйшимъ. Это разсматривается на страницахъ 580 D — 583 A. Къ показаннымъ двумъ доказательствамъ Сократъ присоединяетъ теперь третье, въ которомъ говоритъ, что никто, кромѣ мудреца, не наслаждается удовольствіемъ истиннымъ и чистымъ; такъ какъ обыкновенныя удовольствія толпы суть только тѣни удовольствій. Объ удовольствіяхъ истинныхъ и ложныхъ Платонъ очень подробно разсуждаетъ въ Филебѣ, p. 36 sqq.,—гораздо подробнѣе, чѣмъ здѣсь; а это позволяетъ догадываться, что Филебъ написанъ прежде Государства. Такое же заключеніе можно сдѣлать и о раннемъ выходѣ въ свѣтъ Горгіаса, въ которомъ видимъ самый тонкій анализъ удовольствія и честности и живую картину несчастной жизни тиранна.

[2] Τὸ τρίτον τῷ σωτῆρι—пословица, соотвѣтствующая выраженію: *въ третій и послѣдній разъ*. См. наше примѣчаніе къ Хармиду, p. 167 B.

сто, но есть лишь какая-то тѣнь удовольствія, какъ слышалъ я, кажется, отъ кого-то изъ мудрецовъ [1]; и это будетъ величайшимъ и рѣшительнымъ паденіемъ прочихъ удовольствій. —Конечно; однако какъ же будешь ты говорить?—Это до-
C. казательство отыщется, примолвилъ я, если ты будешь отвѣчать на мои вопросы.—Спрашивай, пожалуй, сказалъ онъ. —Такъ говори, началъ я: противуположное удовольствію называется ли у насъ скорбію?—И очень.—А бываетъ ли состояніе и безъ радости, и безъ скорбей?—Конечно.—Въ срединѣ между сими обоими не будетъ ли въ этомъ случаѣ какое-то затишіе души? Или ты не такъ называешь это?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Не помнишь ли тѣхъ словъ, спросилъ я, которыя произносятся больными, когда они хвораютъ?—Какихъ?
D. —Что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть здоровымъ, хотя до болѣзни сами не замѣчали, что это очень пріятно.—Помню, сказалъ онъ.—Не слышишь ли, что и мучимые какою-нибудь болью говорятъ: не было бы ничего пріятнѣе прекращенія этой боли?—Слышу.—Да и въ другихъ многихъ подобныхъ случаяхъ замѣчаешь, думаю, что люди, когда страдаютъ, превозносятъ, какъ величайшее удовольствіе, не радость, а нестраданіе,—затишіе страданія.—Вѣдь это, сказалъ онъ, затишіе тогда бываетъ, можетъ быть, пріятно и вожделѣнно.—
E. А когда кто перестанетъ радоваться, примолвилъ я, — то же самое затишіе удовольствія будетъ непріятно.—Можетъ быть, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, находясь, какъ мы сейчасъ сказали, между обѣими крайностями, это затишіе будетъ тѣмъ и другимъ—и скорбію, и удовольствіемъ.—Выходитъ.—Но возможно ли, чтобы ни то ни другое было тѣмъ и другимъ?—Кажется, нѣтъ.—Однакожъ, пробуждающееся въ душѣ пріятное-то и непріятное есть нѣкоторое движеніе обѣ-

[1] Отъ какого мудреца Платонъ слышалъ это ученіе? Штальбомъ дѣлаетъ не невѣроятную догадку, что такимъ оборотомъ рѣчи философъ могъ указывать на своего Филеба: по крайней мѣрѣ этотъ прикровенный намекъ на собственное сочиненіе, съ одной стороны, свидѣтельствовалъ о скромности писателя, съ другой—оставлялъ слушателямъ полную свободу самостоятельно судить о достоинствѣ его мыслей.

ихъ крайностей. Развѣ нѣтъ?—Да.—А ни непріятное ни пріятное не есть ли именно затишіе, и не явилось ли оно сейчасъ въ срединѣ ихъ?—Явилось.—Какимъ же образомъ можно правильно не-болѣзненность почитать пріятною, или нерадость—прискорбною? — Никакъ нельзя.—Стало-быть, это есть не бытіе, а явленіе, сказалъ я,—этимъ затишіемъ означается нѣчто пріятное относительно къ болѣзненному, и нѣчто болѣзненное относительно къ пріятному; и въ этихъ представленіяхъ нѣтъ ничего здраваго вразсужденіи истины удовольствія, но скрывается какое-то волшебство.—По крайней мѣрѣ, на это указываетъ рѣчь, примолвилъ онъ.—Итакъ, чтобы тебѣ иногда не подумать, будто удовольствія въ настоящей жизни бываютъ по природѣ таковы, что удовольствіе есть прекращеніе скорби, а скорбь—прекращеніе удовольствія,—смотри на удовольствія, происходящія не отъ скорбей.—Гдѣ же и какія разумѣешь ты? спросилъ онъ.—Ихъ много и другихъ, отвѣчалъ я, но особенно, если хочешь понять, это—удовольствія обонянія; ибо они, и непредваряемыя скорбію, бываютъ вдругъ чрезвычайно сильны, и по прекращеніи, не оставляютъ никакой скорби.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, мы не должны вѣрить, что прекращеніе скорби есть чистое удовольствіе, или прекращеніе удовольствія есть чистая скорбь.—Конечно нѣтъ.—Впрочемъ, примолвилъ я, такъ называемыя удовольствія, переходящія въ душу чрезъ тѣло-то, при своей многочисленности и силѣ, бываютъ такого рода, что должны быть почитаемы прекращеніемъ скорбей.—Дѣйствительно. — Не таковы же ли и предчувствія будущихъ благъ, и предварительныя скорби, происходящія отъ ожиданія?—Таковы.—Знаешь ли, спросилъ я, что такое онѣ, и чему подобны?—Чему? сказалъ онъ.—Признаешь ли ты въ природѣ что-нибудь—одно высокимъ, другое низкимъ, третье среднимъ? спросилъ я.—Признаю.—Думаешь ли, что кто-нибудь, стремясь къ срединѣ, иначе представляетъ себѣ это, чѣмъ стремленіемъ кверху? и что ставъ въ срединѣ и видя, откуда началъ онъ двигаться, но не созерцавши истинной вы-

584.
B.
C.
D.

соты, почитаетъ себя стоящимъ не въ иномъ мѣстѣ, какъ
вверху?—Клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ, я никакъ не думаю,
E. чтобы такой человѣкъ представлялъ себѣ это иначе.—А еслибы
опять стремился онъ внизъ-то, продолжалъ я, то, думая,
что стремится внизъ, не справедливо ли бы думалъ?—Какъ не
справедливо?—И не потому ли онъ представлялъ бы себѣ все
это, что не имѣетъ опытнаго познанія объ истинно высокомъ,
среднемъ и низкомъ?—Очевидно уже.—Такъ удивился ли
бы ты, еслибы неопытные въ истинѣ, имѣя нездравыя мнѣнія
о многихъ другихъ вещахъ, оказались таковыми относительно
удовольствія, скорби и средины между ними,—еслибы,
585. то-есть, стремясь къ скорбному, находили его по-истинѣ такимъ
и дѣйствительно скорбѣли, а переходя отъ скорби къ
срединѣ, упорно полагали бы, что переходятъ къ полному удовольствію,
и, подобно тому, какъ незнающіе бѣлаго цвѣта
бѣлымъ, относительно къ черному, почитаютъ сѣрый, по незнанію
удовольствія, обманчиво судили бы о скорби по нескорбному.—Клянусь
Зевсомъ, не удивился бы, сказалъ онъ;
гораздо удивительнѣе было бы, еслибы оказалось иначе.—
Вдумайся же въ слѣдующее, примолвилъ я: голодъ, жажда и
B. тому подобное не суть ли какія-то лишенія, въ состояніи тѣла?—Какже.—А
невѣжество и неразуміе не есть ли также лишеніе
въ состояніи души?—И очень-таки.—Но это лишеніе не
тотъ ли вознаграждаетъ, кто принимаетъ пищу и имѣетъ умъ?
—Кто же иначе?—А вознагражденіе бываетъ истиннѣе отъ того
ли, что̀ меньше, или отъ того, что̀ больше сущно?—Очевидно,
отъ того что больше сущно.—Которымъ родамъ приписываешь
ты сущность болѣе чистую? напримѣръ, хлѣбу ли, питью, мя-
C. су и всякой вообще пищѣ, или роду истиннаго мнѣнія, познанія,
ума и всякой вообще добродѣтели? Суди слѣдующимъ образомъ:
держащееся всегда того, что себѣ подобно [1], безсмертно
и истинно, что и само такъ существуетъ, и въ томъ бываетъ,—

[1] *Держащееся того, что всегда себѣ подобно,* τὸ τοῦ ἀεὶ ὁμοίου ἐχόμενον. Τὸ ἀεὶ ὅμοιον есть то же самое, что въ другихъ мѣстахъ называется τὸ ἀεὶ ὡσαύτως κατὰ ταὐτὸ ἔχον. Phædon. p. 78 C. D. Притомъ ὅμοιον иногда значитъ то же, что

держащееся этого не больше ли, по твоему мнѣнію, существуетъ [1], чѣмъ то, что никогда не держится себѣ подобнаго, но держится смертнаго, и само бываетъ въ томъ и таково?—Что держится всегда себѣ подобнаго, сказалъ онъ, то гораздо превосходнѣе.—А сущность всегда себѣ подобнаго причастна сущности больше ли, чѣмъ знанія?—Никакъ.—Что же? больше, чѣмъ истины?—И не это.—Если же оно меньше причастно истины, то меньше и сущности[2]?—Необходимо.—И вообще—ро- D.
ды, относящіеся къ служенію тѣлу, не меньше ли причастны истины и сущности, чѣмъ роды, относящіеся къ служенію душѣ? —Да, и гораздо меньше.—И самое тѣло не такъ же ли, думаешь, относится къ душѣ?—Думаю, такъ же.—Но не полнѣе ли бываетъ наполняемое больше существеннымъ и само дѣйствительно больше существенно сущее, чѣмъ то, что наполняется менѣе существеннымъ и что само менѣе существенно?—Какъ же не полнѣе?—Если, стало-быть, пріятно наполняться подходящимъ къ природѣ, то наполняемое существенно и больше существеннымъ—болѣе существенное и истинное доставляетъ намъ на- E.
слажденіе истиннымъ удовольствіемъ: а что принимаетъ меньше существеннаго, то менѣе также истинно и твердо наполняется и вкушаетъ больше невѣрное и менѣе истинное удовольствіе.—Весьма необходимо, сказалъ онъ.—Поэтому неопытные въ благоразуміи и добродѣтели и всегда занимающіеся пирушками и тому подобнымъ несутся, какъ видно, внизъ, а потомъ 586.
опять къ промежутку, и такъ блуждаютъ во всю жизнь. Не переходя за эту черту, они на истинно высокое и не взирали никогда, и не возносились къ нему, не наполнялись существен-

---

ὅμοιον ἑαυτῷ, то-есть, бытіе всегда тожественное, неизмѣняемое, простое. Phædr. p. 271 A: πότερον ἓν καὶ ὅμοιον πέφυκεν.

[1] *Больше ли, по твоему мнѣнію, существуетъ*, μᾶλλον δοκεῖ εἶναι, то-есть, πλέον οὐσίας ἔχειν.

[2] Этими вопросами Сократъ наводитъ собесѣдника на ту мысль, что сущность вещи, или вещь сама въ себѣ,—то же самое, что знаніе и истина въ смыслѣ объективномъ, или на самомъ дѣлѣ. Знать вещь дѣйствительно, значитъ, знать ее въ сущности, а знать вещь въ сущности—то же, что получить знаніе дѣйствительное или истинное.

но сущимъ и не вкушали твердаго и чистаго удовольствія, но, подобно рогатому скоту, всегда смотрятъ внизъ и, наклонившись къ землѣ, пасутся за столами, откармливаются,
B. понимаются и, отъ жиру лягаясь и бодаясь желѣзными рогами и оружіемъ, по ненасытности, убиваютъ другъ друга, такъ какъ дырявая ихъ бочка[1] не наполняется ни существеннымъ, ни въ существенномъ.—Ты, Сократъ, изображаешь жизнь многихъ, будто оракулъ, сказалъ Главконъ.—Но не необходимо ли къ ихъ удовольствіямъ примѣшиваться и скорбямъ, которыя суть образы истиннаго удовольствія и полу-
C. чаютъ такіе оттѣнки отъ взаимопоставленія ихъ цвѣтностей, что являются сильными въ своихъ противуположностяхъ и возбуждаютъ въ безумцахъ неистовую любовь, заставляющую ихъ драться другъ съ другомъ, какъ дрались подъ Троею, говоритъ Стезихоръ, за образъ Елены, не зная, который былъ истинный[2].—Весьма необходимо быть чему-то такому, сказалъ онъ.—

Что же? иное ли что-нибудь необходимо происходитъ и относительно природы раздражительной, когда кто совершаетъ то же самое, движимый то завистію—къ честолюбію, то
D. насиліемъ—къ спорчивости, то гнѣвомъ—къ грубости, и, безъ смысла и ума, стремится удовлетворить жаждѣ чести, побѣды и гнѣва?—Необходимо то же самое бываетъ и въ этомъ отношеніи, сказалъ онъ.—Что же? спросилъ я: не скажемъ ли смѣло, что и пожеланія, относящіяся къ корыстолюбію и спорчивости, если удовольствія за которыми они гоняются, будутъ преслѣдуемы подъ руководствомъ знанія и смысла и при

---

[1] *Οὐδὲ τὸ στέγον ἑαυτῶν πίμπλαντες.* Словомъ *στέγος* или *στέγη*, между прочимъ, называется такой сосудъ, который закупоренъ герметически и нисколько не выпускаетъ заключающейся въ немъ жидкости. Здѣсь *τὸ οὐ στέγον* есть *τὸ ἐπιθυμητικόν*, пожелательная природа, бочка дырявая. Это самое сравненіе приводится въ Горгіасѣ p. 493 A. B, и читается такъ: *τοῦτο τῆς ψυχῆς, οὗ αἱ ἐπιθυμίαι εἰσί, τὸ ἀκόλαστον αὐτοῦ καὶ οὐ στεγανόν, ὡς τετρημένος εἴη πίθος διὰ τὴν ἀπληστίαν ἀπεικάσας.*

[2] Схоліастъ (ad Lycophron. v. 113) передаетъ слѣдующее: Говорятъ, что когда Парисъ проѣзжалъ по Египту, Прометей отнялъ у него Елену и, вмѣсто Еле-

указаніяхъ благоразумія, достигнутъ удовольствій самыхъ истинныхъ, какими только можно наслаждаться имъ, слѣдуя истинѣ,—и свойственныхъ себѣ, какъ скоро самое лучшее для каждой вещи есть самое свойственное ей?—Конечно E.
самое свойственное, сказалъ онъ. — Стало-быть, когда вся душа слѣдуетъ философской своей сторонѣ и не возмущается; тогда каждой ея части бываетъ возможно дѣлать свое дѣло и быть справедливою, тогда-то всякая изъ нихъ наслаждается и свойственными себѣ, наилучшими и, по возможности, истиннѣйшими удовольствіями.—Конечно такъ.—А какъ скоро начнетъ господствовать которая-нибудь изъ другихъ 587.
частей, то и сама не найдетъ свойственнаго себѣ удовольствія, и другія части будетъ принуждать гоняться за чужими и неистинными удовольствіями.—Такъ, сказалъ онъ.— И не тѣмъ ли больше совершитъ она такихъ дѣлъ, чѣмъ далѣе отступитъ отъ философіи и смысла?—Конечно.—А не то ли отступаетъ отъ закона и порядка, что весьма далеко отступаетъ отъ смысла?—Очевидно.—Всего же далѣе оказались отступившими не любовныя ли и тиранническія пожеланія?—Конечно.—А всего менѣе—царственныя и благоприличныя?—Да.—Такъ всего болѣе отступитъ отъ истин- B.
наго и свойственнаго себѣ удовольствія, думаю, тираннъ, а царь—всего менѣе.—Необходимо.—Стало-быть, очень непріятно будетъ жить тираннъ, примолвилъ я, а царь—очень пріятно.—Весьма необходимо.—А знаешь ли, спросилъ я, восколько непріятнѣе жить тиранну, чѣмъ царю?—Если скажешь, отвѣчалъ онъ.—Есть, какъ видно, три удовольствія: одно подлинное и два поддѣльныхъ. Перешедши за предѣлы, къ удовольствіямъ поддѣльнымъ, тираннъ, вдали отъ закона и C.
смысла, окружаетъ себя удовольствіями рабскими и насколько умаляется,—весьма нелегко и выразить,—развѣ, можетъ быть, слѣдующимъ образомъ.—Какимъ? спросилъ онъ.—Отъ че-

---

ны, далъ ему ея образъ. Съ этимъ-то образомъ Парисъ, по словамъ Стезихора, и приплылъ въ Трою. Другіе же полагаютъ, что Елена жила не въ Троѣ, а на Фаросѣ. *Herodot.* II, 112 sqq.

ловѣка олигархическаго онъ—третій; потому что въ срединѣ между ними былъ человѣкъ димократическій.—Да.—Посему, если сказанное прежде справедливо, то, въ отношеніи къ истинѣ, не съ третьимъ ли образомъ удовольствія проводитъ онъ и свою жизнь? — Такъ. — Но и олигархическій-то опять отъ царственнаго находится на третьемъ мѣстѣ, если аристокра-
D. тическаго и царственнаго мы отожествимъ.—На третьемъ.— Слѣдовательно, тираннъ отъ истиннаго удовольствія удалился трижды три раза, заключилъ я. — Видимо. — Стало-быть, по протяженности тиранническаго удовольствія, примолвилъ я, образъ его есть поверхность.—Точно такъ.—А по потенціи третьему умноженію, явно, какъ велико его разстояніе:—Для исчислятеля-то явно, сказалъ онъ.—Поэтому, кто, взявъ про-
E. грессію обратно, будетъ опредѣлять, насколько царь, относительно къ истинѣ удовольствія, отстоитъ отъ тиранна; тотъ, по окончаніи умноженія, найдетъ, что жизнь перваго пріятнѣе въ семьсотъ двадцать девять разъ [1], и что, слѣдовательно,

---

[1] Ариѳметическій способъ опредѣленія удовольствія, какимъ наслаждается царь сравнительно съ тиранномъ, употребленъ Платономъ, безъ сомнѣнія, шуточно: но изъ данныхъ основаній,—выведенной имъ цифры 729, показывающей, насколько удовольствіе царя выше удовольствій тиранна, уже нельзя почитать шуточною. Схоліастъ объясняетъ это такъ: «Положимъ, говоритъ онъ, что счастіе царя $=1$, слѣдовательно счастіе олигарха будетъ $1 \times 3 = 3$; а счастіе тиранна' выдетъ $3 \times 3 = 9$. Но 9 есть число плоскости (ἐπίπεδον), какъ произведеніе изъ долготы 3 на широту 3. Это число 3 Платонъ называетъ потенціею (δύναμις), умножающею единицу. Это число 3, умноженное само на себя, и дающее 9, потомъ умножается на 9, и даетъ 27. 3, какъ потенцію (δύναμις), поколику она умножается на 9 и даетъ 27, Платонъ называетъ третьею потенціею (τρίτην αὔξην). Стало-быть, 27 есть число твердое (число тѣла). Вторая потенція (δευτέρα αὔξη) есть произведеніе 3-хъ на себя, что даетъ 9, или плоскость, какъ первою потенціею была 1, умноженная на 3 и дававшая линію (μῆκος). Теперь, чтобы получить число 729, остается только 27 умножить само на себя.» По моему мнѣнію, это мѣсто можетъ быть объяснено такъ: «Удовольствіе тиранна имѣетъ истинности въ три раза менѣе, сравнительно съ удовольствіемъ олигарха; а удовольствіе послѣдняго въ три раза менѣе истинно, чѣмъ удовольствіе царя. Число 9 есть число поверхности, или квадратъ 3. Если это число поверхности мы снова помножимъ на 3, то получимъ 27,—кубъ 3, или число твердаго тѣла, котораго измѣреніе одинаково въ отношеніи къ царю и тиранну. Но нашедши эту, общую тому и другому величину, мы должны теперь найти отношеніе между удовольствіемъ перваго и послѣдняго. Для этого положимъ, что удовольствіе царя

жизнь послѣдняго востолько же несчастнѣе.—Удивительное сдѣлалъ ты исчисленіе разницы между этими людьми, между 588.
справедливымъ и несправедливымъ, относительно удовольствія и скорби, сказалъ онъ.—Да вѣдь это число дѣйствительно вѣрно и подходитъ къ ихъ жизнямъ, примолвилъ я, если только возьмемъ въ расчетъ ихъ дни, ночи, мѣсяцы и годы.—Конечно возьмемъ.—А когда человѣкъ добрый и справедливый настолько выше злаго и несправедливаго своимъ удовольствіемъ,—не безмѣрно ли выше послѣдняго онъ благообразіемъ своей жизни, красотою и добродѣтелью?—Въ самомъ дѣлѣ, безмѣрно выше, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—

Пусть такъ, продолжалъ я. Но если мы договорились до B.
этого, то повторимъ прежнія наши слова, приведшія къ такому заключенію. Прежде, кажется, было сказано, что полезна несправедливость, когда кто вполнѣ несправедливъ, а почитается справедливымъ. Или не такъ было говорено?—Точно такъ.—Теперь же, согласившись, что значитъ то и другое—быть несправедливымъ и дѣлать справедливое, будемъ разсуждать съ тѣмъ противникомъ.—Какимъ образомъ? спросилъ онъ.—Представимъ словесный образъ души, чтобы тотъ, кто говорилъ это, увидѣлъ, чтó онъ говорилъ [1].—Ка-

---

= 1, въ такомъ случаѣ число 27 не иначе можетъ быть уравнено 1, какъ чрезъ раздѣленіе 27 самого на себя, и на это дѣйствіе указывается выраженіемъ Платона: *ἐὰν τις μεταστρέψας ἀληθεία ἡδονῆς τὸν βασιλέα τοῦ τυράννου ἀφεστηκότα λέγῃ*. Удовольствіе же тиранна противуположно удовольствію царя, слѣдовательно, оно должно быть выражено чрезъ умноженіе 27 самого на себя. А отсюда отношеніе между удовольствіемъ царя и тиранна будетъ 1 : 729.

[1] Здѣсь Сократъ представляетъ превосходнѣйшее аллегорическое изображеніе человѣческой души, для рѣшительнаго и какбы осязательнаго опроверженія положеній Тразимаха, который еще въ первой книгѣ утверждалъ, что несправедливость часто бываетъ полезна, если она возводится къ совершенству и умѣетъ носить маску справедливости. Представленная здѣсь картина человѣка такъ поражала всегда читателей Платона своею вѣрностію и естественностію, что въ разныхъ перифразахъ воспроизводима была многими писателями, напр., *Galen.* de Hipp. et Plat. Dogm. VI, p. 298. Bas. *Themist.* in Gratian. p. 169 C. *Synes.* Dion. p. 39 fin., de Regn. p. 11 A. *Iamblich.* Protrept. p. 30, ed. Kiessl. *Plotin.* Ennead. p. 4 C. *Ioann. Chrysostom.* Homil. III, p. 20, ed. Matthaei. *Photius.* c. Manichaeos, in Wolfii Anecd. Gr. T. II, p. 95. Сравн. *Platon.* de Republ. Lib. IV, p. 439 B и Politic. p. 309 D.

C. кой образъ? спросилъ онъ.—Образъ тѣхъ природъ, отвѣчалъ
я, о бытіи коихъ баснословятъ древніе,—о химерѣ, сциллѣ,
церберѣ и всѣхъ другихъ, въ которыхъ многія идеи срослись
въ одно.—Да, разсказываютъ, примолвилъ онъ.—Итакъ, во-
образи одну идею пестраго и многоглаваго звѣря, который
имѣетъ около себя головы звѣрей кроткихъ и дикихъ, и мо-
жетъ измѣняться, раждать изъ себя всѣ ихъ.—Это требуетъ
D. сильнаго воображенія, сказалъ онъ. Впрочемъ, такъ какъ
слово впечатлительнѣе воска и подобныхъ тому веществъ,—
вообразимъ.—Пусть же будетъ еще одна идея льва и одна—
человѣка, и первая гораздо больше, а на второмъ мѣстѣ вто-
рая.—Это легче, сказалъ онъ; воображаю.—Потомъ эти три
природы соедини въ одно, такъ чтобы онѣ срослись между со-
бою.—Соединены, сказалъ онъ.—Облеки же ихъ извнѣ обра-
зомъ одного существа—образомъ человѣка; такъ чтобы не-
могущему видѣть внутреннее и смотрящему только на внѣш-
E. нюю оболочку, представлялось одно животное—человѣкъ.—
Облечены, сказалъ онъ.—Скажемъ теперь тому, кто гово-
ритъ, что этому человѣку полезно быть несправедливымъ и
неполезно совершать справедливое: иное ли что говоритъ онъ,
какъ—полезно ему, откармливая пестраго звѣря, дѣлать его
сильнымъ, равно и льва, и то, что относится ко льву, человѣ-
589. ка же морить голодомъ и приводить въ безсиліе, чтобы тѣ
влекли его, куда который ни поведетъ, и чтобы онъ не сбли-
жалъ и не сдружалъ ихъ между собою, но предоставлялъ
имъ кусаться и, вступая въ драку, пожирать другъ друга.
—Дѣйствительно такъ говорилъ бы тотъ, примолвилъ онъ,
кто сталъ бы хвалить несправедливость.—Напротивъ, кто
утверждалъ бы, что полезно быть справедливымъ, тотъ не ска-
B. залъ ли бы, что надобно и дѣлать и говорить то, чрезъ что въ
человѣкѣ человѣкъ внутренній [1] становился бы воздержнѣе,

---

[1] Внутренній человѣкъ здѣсь отличается отъ внѣшняго тѣмъ, что послѣдній носитъ только наружность человѣческую, или, какъ выше сказано, облеченъ образомъ человѣка; а первый, заключенный въ природу огромнаго звѣря, характеризуется человѣческимъ умомъ, состоитъ ἐν τῷ λογιστικῷ и этою стороною дол-

и имѣлъ бы попеченіе о многоглавой скотинѣ подобно земледѣльцу, крѣпкія его части питая и дѣлая ручными, а дикимъ препятствуя расти, и для того употребляя въ помощь природу льва,—вообще, заботясь о всѣхъ природахъ и, поставивъ ихъ въ содружество какъ одну къ другой, такъ и къ себѣ, содержалъ бы ихъ пищею? — Конечно такъ будетъ говорить тотъ, кто хвалитъ справедливое.—Да и всячески, восхваляющій справедливость утверждалъ бы истину, а несправедли- C.
вость—лгалъ бы; ибо удовольствіе ли возьмешь въ расчетъ, добрую ли славу, или пользу, — хвалитель справедливаго говоритъ истинну, а порицатель не произноситъ ничего здраваго и, ничего не зная, бранитъ да бранитъ. — Мнѣ кажется, его-то слова ни къ чему, сказалъ онъ.—Вразумимъ же его кротко (ибо онъ ошибается не-хотя) и спросимъ: почтеннѣйшій! похвальное и постыдное не потому ли мы такъ обыкновенно называемъ, что первое звѣрскую часть природы подчи- D.
няетъ части человѣческой, а можетъ быть, и божественной, послѣднее же кроткую порабощаетъ дикой? Подтвердитъ ли онъ это, или какъ?—Если вразумится, сказалъ онъ. — По этому расчету, спросилъ я, можетъ ли быть кому-нибудь польза—несправедливо взять золото, какъ скоро бываетъ напримѣръ то, что принимающій его наилучшую часть себя самого вмѣстѣ съ тѣмъ порабощаетъ части самой дурной? Либо, полезно ли будетъ кому-нибудь, какое бы множество золота ни было полу- E.
чено, когда за то золото отдаютъ въ неволю его сына или дочь, и притомъ въ руки жестокихъ и злыхъ людей? Не крайне ли жалокъ будетъ человѣкъ, и принятое имъ въ даръ золото не принесетъ ли ему гибели гораздо ужаснѣе той, какую принесло Эрифилѣ[1] ожерелье, принятое ею за душу ея мужа, если божественное въ себѣ онъ безъ милосердія поработитъ без- 590.

женъ, по природѣ, господствовать надъ частями пожелательною и раздражительною.

[1] Эрифила, по миѳологическимъ сказаніямъ, была жена Амфіарея. Подкупленная предложеннымъ ей въ подарокъ золотымъ ожерельемъ, она выдала мужа, который спрятался, чтобы не принимать участія въ ѳивской войнѣ. *Hom.* Odyss. λ. v. 325 sq. *Pindar.* Nemes. IX, v. 37 sqq. *Pausan.* X, p. 870.

божнѣйшему и нечестивѣйшему?—Конечно такъ, отвѣчаю я за него, сказалъ Главконъ.—Не за то ли, думаешь, издревлѣ порицаемо было и своеволіе нравовъ, что оно въ такомъ человѣкѣ болѣе надлежащаго развязывало то страшное, большое и многовидное животное?—Явно, сказалъ онъ.—Не тогда ли, равнымъ образомъ, порицается дерзость и упорство, когда усиливаются въ немъ львиныя и зміиныя свойства и напря-
B. гаются выше мѣры?—Конечно.—Не въ этой ли его растрепанности и распущенности подвергаются порицанію роскошь и изнѣженность, отъ которыхъ онъ дѣлается робкимъ?—Какже.—Не тогда ли бранятъ также ласкательство и низость, когда кто это самое,—раздражительную природу, подчиняетъ тому безпокойному звѣрю, и эта природа, закидываемая деньгами и увлекаемая ненасытностью животныхъ вожделѣній, съ юно-
C. сти привыкаетъ, вмѣсто льва, раждать обезьяну? — И очень, сказалъ онъ. — А мастерство и рукодѣлья чѣмъ, думаешь, возбуждаютъ досаду? — Иное ли что укажемъ, кромѣ того, что кто-нибудь имѣетъ отъ природы слабый видъ наилучшей своей части, такъ что не можетъ управлять своими животными, но служитъ имъ и въ состояніи понимать лишь, какъ ласкать ихъ?—Походитъ, сказалъ онъ.—Посему, чтобы такой управлялся началомъ, подобнымъ тому, которымъ управляется человѣкъ наилучшій,—не скажемъ ли, что онъ дол-
D. женъ быть рабомъ того наилучшаго, носящаго въ себѣ власть божественную? И надобно полагать, что это управленіе было бы не ко вреду раба, какъ думалъ объ управляемыхъ Тразимахъ, а къ тому, чтобы подъ божественнымъ и разумнымъ управленіемъ сколько возможно лучше было всякому, особенно кто имѣетъ въ себѣ собственнаго правителя; а когда нѣтъ,—пусть онъ находится подъ внѣшнимъ настоятелемъ, чтобы по возможности всѣ мы, управляемые однимъ и тѣмъ же, были подобны и дружественны между собою.—Да вѣдь и законъ
E. показываетъ, что этого онъ хочетъ, продолжалъ я, поколику въ городѣ помогаетъ всѣмъ; то же показываетъ и власть надъ дѣтьми, которая не даетъ имъ свободы, пока въ нихъ, как-

бы въ городѣ, мы не установимъ управленія и, развивъ наилучшую часть ихъ души, не приготовимъ въ ней подобнаго 591.
нашему стража, и тогда уже отпускаемъ ихъ на свободу.— Конечно показываетъ, сказалъ онъ.—Итакъ, почему, Главконъ, и на какомъ основаніи скажемъ мы, что дѣлать несправедливое, своевольничать, или совершать постыдное полезно, если чрезъ это человѣкъ будетъ хуже, хотя бы пріобрѣлъ множество денегъ и силы другаго рода?—Нипочему, отвѣчалъ онъ.—А почему дѣлающій несправедливое находитъ полезнымъ скрываться и убѣгать отъ наказанія? Развѣ не хуже еще становится тотъ, кто скрывается [1], тогда какъ не- B.
скрывающійся и наказываемый звѣрское въ себѣ укладываетъ и укрощаетъ, а кроткому даетъ свободу, и вся душа, возведенная къ наилучшей природѣ, пріобрѣтши разсудительность, справедливость и благоразуміе, получаетъ состояніе, востолько превосходнѣе чѣмъ тѣло, пріобрѣтшее силу, красоту и здоровье, восколько душа превосходнѣе тѣла. — Безъ сомнѣнія.—Такъ у кого есть умъ, тотъ не будетъ ли жить, направ- C.
ляя все свое къ тому, чтобы, во-первыхъ, уважать науки, которыя дѣлаютъ душу его такою, а прочее презирать?— Явно, сказалъ онъ.—Потомъ, примолвилъ я, состояніе и питаніе тѣла никакъ не ввѣритъ онъ звѣриному удовольствію, чтобы въ немъ провождать жизнь; напротивъ, оставитъ въ сторонѣ и здоровье, не уважитъ и того, какъ бы быть сильнымъ, здоровымъ и красивымъ, если это не сдѣлаетъ его бла- D.
горазумнымъ, но всегда будетъ устроять гармонію въ тѣлѣ для созвучія въ душѣ.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ, если только по-истинѣ хочетъ быть музыкальнымъ.—Не будетъ ли онъ искать сообразности и созвучія въ самомъ стяжаніи денегъ, продолжалъ я, и, не ослѣпляясь мнѣніями толпы о счастіи, станетъ ли до безконечности увеличивать свое бремя множествомъ ихъ, чтобы нажить себѣ безконечное зло?—Не

---

[1] Эта мысль весьма хорошо и обстоятельно раскрыта въ Горгіасѣ р. 509 A sqq.

E. думаю, сказалъ онъ.—Да, смотря на внутреннее свое управ-
леніе, примолвилъ я, онъ будетъ распоряжаться умножені-
емъ и уменьшеніемъ своего имѣнія съ возможною осторож-
ностію, чтобы избытокъ или недостатокъ его не произвелъ
какого-нибудь замѣшательства тамъ—внутри.—Точно такъ,
592. сказалъ онъ.—Смотря съ той же точки зрѣнія и на самыя по-
чести, однѣ изъ нихъ приметъ онъ и будетъ охотно наслаж-
даться ими, если найдетъ, что онѣ сдѣлаютъ его лучшимъ; а
тѣхъ, которыя должны разстроить настоящее его состояніе,
будетъ избѣгать частно и публично. — Стало-быть, заботясь
объ этомъ, онъ не захочетъ заниматься гражданскими дѣла-
ми? спросилъ онъ.—Да, клянусь собакою, отвѣчалъ я, и въ
своемъ городѣ—тѣмъ болѣе, а можетъ быть, даже и въ своемъ
отечествѣ,—если не выпадетъ какой-нибудь божественный
случай.—Понимаю, сказалъ онъ: городъ, о которомъ ты го-
воришь и который мы устрояемъ своими разсужденіями, су-
B. ществуетъ только на словахъ, а на землѣ нѣтъ его, думаю,
нигдѣ.—Но образецъ, если желаешь видѣть его и по этому
видѣнію благоустроять себя, находится, можетъ быть, на не-
бѣ. Впрочемъ, все равно, есть ли онъ гдѣ, или будетъ: вѣдь
только съ нимъ однимъ можно имѣть дѣло, а больше ни съ
какимъ.—Вѣроятно, сказалъ онъ.—

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

Въ началѣ этой книги Сократъ возвращается къ сужденію *о поэтахъ*, о которыхъ говорилъ въ книгахъ второй и третьей, и изслѣдывая этотъ предметъ съ большею точностію, обстоятельно показываетъ, что родъ поэзіи подражательной въ государствѣ терпимъ быть не долженъ. Возвращеніе философа къ разсматриванію этого вопроса никому не покажется страннымъ, кто припомнитъ, что поэты въ вѣкъ Платона имѣли огромный авторитетъ и что, по понятію современниковъ, вся мудрость заключалась въ ихъ изреченіяхъ. Поэтому, желая утвердить и защитить свое ученіе о добродѣтели и нравственности, Платонъ долженъ былъ показать, что истинная мудрость изъ того источника не почерпается. И это, по объясненіи природы души, по раскрытіи различныхъ пожеланій и родовъ удовольствія, ему можно было сдѣлать лучше. Чтобы виднѣе было, почему поэзія подражательная въ наилучшемъ обществѣ нетерпима и неспособна руководить къ истинной мудрости, Сократъ считаетъ нужнымъ взять это дѣло нѣсколько выше. Но, чтобы къ его разсужденію не примѣшать чего-нибудь своего, посмотримъ, какимъ образомъ разсуждаетъ онъ самъ.

Можно различать *три рода предметовъ*, говоритъ онъ: первый родъ заключаетъ въ себѣ вѣчные образцы, или идеи вещей; второй содержитъ вещи чуствопостигаемыя и составленныя по подобію тѣхъ образцовъ; третій объемлетъ изображенія вещей, относящихся къ другому роду, какъ, напримѣръ, статуи, картины и другіе предметы, отдѣланные искуствомъ по подобію вещей чувствопостигаемыхъ. Первый изъ этихъ родовъ содержитъ въ себѣ то, что истинно существуетъ; другой—то, что суще-

ствованія истиннаго не имѣетъ; третій отъ того, что само въ себѣ истинно, весьма далекъ, потому что занимается подражаніемъ вещамъ скоропреходящимъ и измѣняющимся. Если же таково различіе этихъ родовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что различно и происхожденіе ихъ. Именно—творецъ перваго рода есть Богъ, котораго можно назвать φυτουργός; втораго—δημιουργός или художникъ; а третій производится μιμητῇ, или подражателемъ. Такъ, безусловный видъ скамьи, ἰδέα единичная и простая, получилъ бытіе отъ Бога; скамьи отдѣльныя, употребляющіяся у людей, построены мастеромъ, или κλινοποιῷ; а этимъ потомъ уже подражаетъ живописецъ и рисуетъ ихъ на картинѣ. Отсюда видно, что всякое подражаніе отъ истиннаго самого въ себѣ отстоитъ на три степени; а потому и поэтъ, занимающійся подражаніемъ, никакъ не касается и не представляетъ истины; слѣдовательно, поэта-подражателя никакъ нельзя почитать учителемъ ея. P. 595—598 D.

Это самое можетъ быть доказано и *на другихъ основаніяхъ*. Еслибы поэты-подражатели имѣли истинное и обстоятельное знаніе тѣхъ вещей, которыя выражаютъ подражаніемъ, то, конечно, почитали бы большею для себя честію производить тѣ самыя вещи, чѣмъ подражать имъ. Но эти добрые люди, толкуя и о медицинѣ, и о земледѣліи, и о государственномъ управленіи, и о распоряженіяхъ военныхъ, и о другихъ многихъ вещахъ, сами ничего такого не дѣлаютъ. А изъ этого видно, что ихъ искуство имѣетъ характеръ только забавы, придуманной для увеселенія; а наука истины для него—дѣло стороннее. Неприложимость искуства ихъ къ дѣлу открывается изъ самаго свойства ихъ стихотвореній о предметахъ другихъ искуствъ. *Всякое дѣло находится въ отношеніи къ тремъ искуствамъ:* одно пользуется имъ, другое совершаетъ его, третіе подражаетъ ему. Но кто пользуется дѣломъ, тотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ о немъ совершеннѣйшее понятіе, и это понятіе сообщаетъ художнику, какъ долженъ онъ произвесть требуемое дѣло. Такъ, напримѣръ, флейтистъ учитъ мастера, работающаго флейты, какъ долженъ онъ устроить флейту, чтобы тотъ могъ пользоваться ею. Поэтому, мастеру, поколику онъ судитъ о совершенствахъ и недостаткахъ дѣла, слѣдуетъ приписать правую *вѣру;* потому что

его осужденіе основывается на авторитетѣ знатока. *Знаніе* же мы приписываемъ единственно тому, кто благоразумно пользуется тѣмъ орудіемъ и въ совершенствѣ знаетъ его природу. Но что надобно думать о подражателѣ? Скажемъ ли, что онъ чрезъ самое употребленіе вещей пріобрѣтаетъ познаніе о томъ, что выражаетъ подражаніемъ? или, чрезъ обращеніе съ людьми, знающими дѣло, доходитъ, можетъ быть, до вѣрнаго о немъ *мнѣнія*? Но нельзя сказать о немъ ни того, ни другаго, ни третьяго. Свою подражательность онъ направляетъ къ тому, что кажется прекраснымъ безсмысленной народной толпѣ. Итакъ, ясно, что пока его занятія вращаются въ предѣлахъ подражанія, онъ ничего обстоятельно не знаетъ о томъ, чему подражаетъ; а потому его подражаніе относится не къ точной наукѣ, а къ роду занятій шуточныхъ и увеселительныхъ. P. 598 E—602 B.

Поэзія, занимающаяся подражаніемъ, *нисколько не способствуетъ и къ образованію нравовъ.* Чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно внимательно разсмотрѣть, которую часть души упражняетъ она,—худшую, или превосходнѣйшую. Она представляетъ намъ людей, или возбуждаемыхъ къ чему-нибудь насильственно, или дѣйствующихъ по своей волѣ, и притомъ такъ, что тѣ люди либо надѣются чего-нибудь хорошаго, либо боятся чего-нибудь худаго, и потому либо скорбятъ, либо радуются. Но въ такомъ родѣ дѣятельности, душа нисколько не наслаждается спокойствіемъ, а напротивъ, силою различныхъ мнѣній, безпокойныхъ движеній и столкновеній влечется туда и сюда; тогда какъ мудрецъ, волненія души укрощая силою ума, случайности фортуны будетъ переносить ровнѣе и никогда не потеряетъ мужества и постоянства. Равнодушіе и постоянство мудреца не представляютъ пріятнаго разнообразія: напротивъ, такъ называемое τὸ ἀγανακτητικόν никогда не бываетъ постоянно и сильно забавляетъ людей своимъ разнообразіемъ. Поэтому-то большею частію и бываетъ, что поэты-подражатели, чтобы угодить толпѣ, направляютъ свое подражаніе къ выраженію того возмущеннаго и мѣняющагося состоянія нравственности. Итакъ, поэзія, занимающаяся подражаніемъ, благопріятствуетъ особенно худшей части души, и нетолько возбуждаетъ ее, но и питаетъ и укрѣпляетъ, а лучшую и превосходнѣйшую, то-есть разумную, ослабляетъ и унижаетъ;

такъ что иногда люди даже и отличные, разсматривая сильныя душевныя волненія, изображаемыя поэтами, мало-по-малу до того привыкаютъ къ нимъ, что потомъ едва могутъ обуздывать ихъ и въ самихъ себѣ. Если же это справедливо, то слѣдуетъ, что въ общество не должно принимать той похотливой музы, по принятіи которой, будутъ господствовать въ немъ не законъ и умъ, а удовольствія и огорченія. Впрочемъ, чтобы не показаться несправедливыми, поддерживая древнюю вражду между философіею и поэзіею, мы предоставляемъ друзьямъ этого занятія защищать его; сами же считаемъ совершенно доказаннымъ, что надобно быть крайне осторожнымъ, какъ бы поэзія не произвела вреднаго вліянія на внутреннее наше общество. Сдѣлаться человѣкомъ добрымъ и мудрымъ—дѣло великое; и весь успѣхъ этого дѣла зависитъ отъ того, честенъ ли ты или нѣтъ. Поэтому надобно стараться, чтобы ничто не отвлекало насъ отъ справедливости и прочихъ добродѣтелей. P. 602 C—608 B.

Изложивъ это, Сократъ возвращается къ оставленной имъ нити бесѣды и учитъ, что справедливости предназначены величайшія награды нетолько въ настоящей жизни, но и по смерти: потому что жизнь не ограничивается тѣми тѣсными предѣлами, которыми обыкновенно измѣряютъ ее; *человѣческая душа безсмертна и никогда не погибнетъ.* Это положеніе Сократъ доказываетъ тѣмъ, что въ душѣ нѣтъ ничего, что могло бы угрожать ей разрушеніемъ. Сущность этого доказательства состоитъ въ слѣдующемъ. Можно различать два рода вещей, говоритъ Сократъ: однѣ изъ нихъ добрыя, другія—злыя. Добрыя вещи—тѣ, которыя, находясь въ чемъ-нибудь, сохраняютъ то, въ чемъ находятся; а злыя—тѣ, которыя служатъ причиною разрушенія того, чему онѣ присущи. Но все погибающее побѣждается собственнымъ своимъ зломъ; ибо быть не можетъ, чтобы что-нибудь разрушалось отъ зла чужаго. Итакъ, если мы найдемъ какую-нибудь природу, которая отъ собственнаго своего зла становится хотя и худшею, однакожъ совершенно не уничтожается; то можемъ правильно заключить, что она не погибнетъ и будетъ безсмертна. Зло души есть несправедливость, неразсудительность, нерадѣніе, несмысленность. Но никто не докажетъ, чтобы всѣ эти виды зла имѣли силу уничтожить душу: они хо-

тя и дѣлаютъ ее худшею, но не уничтожаютъ. Да и опытъ не показываетъ, что несправедливый, приближаясь къ смерти, находится на высшей степени несправедливости, и что люди, чѣмъ бываютъ несправедливѣе, тѣмъ ближе къ смерти, или, чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ несправедливѣе. Напротивъ, можно замѣчать, что несправедливые часто живутъ очень долго и заботливо предостерегаютъ себя отъ погибели. Если же зло души не таково, чтобы приносило ей смерть; а зло чужое вредить ей не въ состояніи: то естественно слѣдуетъ, что душа не можетъ погибнуть ни отъ внѣшней, ни отъ внутренней причины, и что, стало-быть, она безсмертна. А изъ этого видно уже, что число душъ не увеличивается и не уменьшается; ибо онѣ, какъ видимъ, не погибаютъ, да не могутъ и умножаться, а иначе изъ смертныхъ природъ переводимы были бы въ безсмертныя, что невозможно по самой природѣ вещи. Притомъ, душа, если она безсмертна по природѣ, должна состоять изъ частей не разнородныхъ и различныхъ, а простыхъ; потому что иначе не могла бы не подлежать разрушенію. Впрочемъ, безсмертіе души можно доказывать не на томъ только основаніи, которое изложено, но и на другихъ. P. 608 C—611 B.

Если мы хотимъ узнать истинную природу души, то должны всячески остерегаться, чтобы не созерцать ея такою, какова она теперь, то-есть загрязненною грубымъ тѣломъ: она есть предметъ чистый и должна быть созерцаема окомъ чистаго ума. А это возможно такъ, если мы обратимъ вниманіе особенно на расположеніе ея искать мудрости, и постараемся узнать, въ какомъ сродствѣ находится она съ божественнымъ, безсмертнымъ и вѣчнымъ. Вѣдь этимъ способомъ мы уразумѣемъ, сложна ли она, или проста. Каковы свойства души въ этой жизни, и какимъ подвержена она возмущеніямъ,—это довольно уже раскрыто. Возвратимся теперь къ справедливости и посмотримъ, *какія ожидаютъ ее награды какъ въ этой жизни, такъ и въ будущей.* Мы уже разсматривали справедливость саму въ себѣ, отрѣшенную отъ всѣхъ внѣшнихъ пользъ; видѣли также, что она заслуживаетъ уваженіе сама для себя, замѣчаютъ ли ее боги и люди, или не замѣчаютъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, ей должны принадлежать и внѣшнія награды со стороны какъ боговъ, такъ

и людей. Что награждаютъ ее боги, доказывается слѣдующимъ образомъ. Справедливость не можетъ утаиться отъ Бога: поэтому справедливые будутъ его друзьями, а несправедливые—врагами. Но отсюда слѣдуетъ, что справедливые будутъ одарены отъ него такими благами, болѣе которыхъ и представить нельзя, если только они не будутъ нести наказаніе за какія-нибудь прежнія преступленія. Пусть бы справедливый испытывалъ бѣдность, болѣзни и другія бѣдствія,—надобно вѣрить, что все это не вредитъ истинному его счастію, а напротивъ, тѣмъ больше утверждаетъ и увеличиваетъ его, въ этой ли жизни будетъ онъ награжденъ счастіемъ, или по смерти. Справедливый награждается нетолько богами, но и справедливыми людьми,—и все то, чѣмъ, какъ прежде говорено, пользуется несправедливость, по надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла, должно быть усвоено справедливости. Пусть иной нѣсколько времени хитро скрываетъ свою несправедливость: но когда она откроется,—несправедливый для всѣхъ сдѣлается предметомъ крайняго презрѣнія и ненависти. Несправедливые походятъ на тѣхъ скороходовъ, которые при началѣ поприща сильно скачутъ, а при концѣ его, утомившись, безчестно отстаютъ и чрезъ то лишаются награды. Напротивъ, истинные скороходы добѣгаютъ до конца и украшаются пальмою побѣды. Такъ случается большею частію и съ людьми справедливыми: они и за частные свои поступки, и за цѣль всей своей жизни, превозносятся отъ людей похвалами и осыпаются наградами. Пришедши въ зрѣлый возрастъ, они украшаются общественными почестями, вступаютъ въ прекрасныя брачныя связи, пользуются уваженіемъ сограждянъ и всѣмъ прочимъ того же рода. Напротивъ, несправедливые, какъ часто замѣчается, хотя и долго носятъ маску, однакожъ подъ конецъ проводятъ старость самую несчастную, преслѣдуемы бываютъ ненавистію гражданъ и даже подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ. P. 611 B—613 E.

Таковы награды, которыми боги и люди осыпаютъ справедливаго въ этой жизни:—не говоримъ уже о тѣхъ благахъ, коими наслаждается онъ независимо отъ внѣшнихъ выгодъ. Но все это несравнимо съ тѣмъ, что ожидаетъ справедливаго и несправедливаго по смерти. Объ этомъ стоитъ выслушать *разсказъ нѣкоего Ира*, Армянина. Онъ, убитый въ сраженіи, чрезъ десять

дней, когда тѣла другихъ начали уже гнить, найденъ невредимымъ, а въ двѣнадцатый день, бывъ положенъ на костеръ, ожилъ. Послѣ сего вотъ что разсказывалъ онъ своимъ о загробной жизни. Душа его, разставшись съ тѣломъ, облетѣла много удивительныхъ мѣстъ и наконецъ очутилась у двухъ разсѣлинъ земли, которымъ противуположныя двѣ были и на небѣ. Сквозь эти разсѣлины души восходили и нисходили. Въ срединѣ ихъ сидѣли судьи и, произнося свои приговоры душамъ, клали на нихъ знаки хорошихъ и худыхъ ихъ дѣйствій. Послѣ сего души благочестивыя посылаемы были вправо—на небо, а нечестивыя влѣво—въ преисподнюю. Этотъ путь совершается душами въ теченіе тысячи лѣтъ, и раздѣляется на десять періодовъ, изъ которыхъ каждый продолжается сто лѣтъ. Это установлено съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы наказаніе за каждое преступленіе повторялось десять разъ, равно какъ и награды за добрыя дѣла раздавались десятикратно. При всемъ томъ, многія души до того неисцѣлимы, что наказаніе ихъ не выполняется и въ тысячу лѣтъ, но чрезъ тысячелѣтіе начинается снова. Таковы души отцеубійцъ, святотатцевъ, тиранновъ. По истеченіи же тысячелѣтняго времени, души, подъ предсѣдательствомъ парокъ, допускаются къ выбору жребія новой жизни въ нѣкоемъ высокомъ и великолѣпномъ мѣстѣ. Здѣсь онѣ должны имѣть много благоразумія, чтобы не обмануться наружностью и жизни лучшей не предпочесть худшую. Тутъ желаніе ихъ свободно, и Богъ не виновенъ, если которая изъ нихъ изберетъ худой жребій. Многія души при этомъ водятся любовью къ прежней жизни, и потому избираютъ либо такую же, либо подобную; бываютъ также души, избирающія жизнь не человѣка, а животнаго. Когда выборъ жребіевъ оканчивается,—парки къ каждой душѣ приставляютъ генія и вводятъ ихъ въ тѣла. Но прежде чѣмъ это сдѣлается, души переходятъ чрезъ долину Леты и изъ рѣки Амелисы почерпаютъ долговременное забвеніе; такъ что, чѣмъ долѣе которая душа пила изъ ней, тѣмъ больше забывала прошедшее. Съ долины Леты всѣ души, въ сопровожденіи геніевъ, вступаютъ на поприще новой жизни и составляютъ новое поколѣніе. P. 614 A—621 D.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

595. Впрочемъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, продол-
жалъ я, мы всего правильнѣе, думаю, устрояемъ свой городъ,
такъ и относительно поэзіи мысль моя успокоиваетъ меня.—
Какая мысль? спросилъ онъ.—Та, что поэзія никакъ не допу-
скается у насъ[1] въ части своей подражательной: эта часть,
какъ я думаю, очень живо представляется недопустимою, осо-
B. бенно теперь, когда мы разсмотрѣли порознь виды души.—
Что ты разумѣешь?—Между нами сказать,—вѣдь вы не до-
несете на меня ни трагическимъ, ни всякимъ другимъ по-
этамъ-подражателямъ,—что все подобное, повидимому, есть
гибель для души тѣхъ слушателей, которые не имѣютъ про-
тивоядія, доставляющаго имъ знаніе о томъ, каково это.—
На что же именно указываешь ты своими словами? спросилъ
онъ.—Надобно сказать, отвѣчалъ я, хотя какая-то любовь и
C. съ дѣтства питаемое уваженіе къ Омиру возбраняютъ мнѣ го-
ворить. Вѣдь походитъ, что первымъ учителемъ и вождемъ

---

[1] Когда, основываясь на этомъ мѣстѣ Государства, полагаютъ, что Платонъ изъ своего общества изгналъ поэзію, тогда это положеніе надобно почитать вѣрнымъ только относительно поэзіи подражательной, то-есть драмматической. То же самое замѣчаетъ и Проклъ (Polit. p. 405): *τὸ μὲν οὖν προκείμενον αὐτὸ τοῦτ' ἔστι, τὴν μιμητικὴν μόνον ποίησιν, καὶ ταύτης, ὡς δειχθήσεται, διαφερόντως τὴν φανταστικὴν ἐκβάλλειν κ. τ. λ.* Причиною изгнанія ея было, конечно, то, что театральныя представленія въ Аѳинахъ, во времена Платона, доходили до крайняго безстыдства и страшно парализировали народную нравственность.

всѣхъ этихъ трагическихъ изяществъ былъ онъ[1]. Предъ лицомъ истины-то, правда, это не дѣлаетъ чести тому мужу: но, о чемъ говорю, надобно сказать.—Конечно, примолвилъ онъ.—

Слушай же, а особенно отвѣчай.—Спрашивай.—Можешь ли опредѣлить вообще, что такое—подражаніе? Вѣдь самъ-то я недовольно понимаю, что изъ этого выдетъ. — Такъ я-то, стало-быть, пойму? сказалъ онъ.—Да и нѣтъ ничего страннаго, примолвилъ я; потому что тупое зрѣніе нерѣдко прежде видитъ, чѣмъ острое[2].—Это такъ, сказалъ онъ; но въ тво- 596.
емъ присутствіи я не имѣлъ бы готовности говорить, хотя бы и представлялось мнѣ что-нибудь. Такъ смотри самъ.—Хочешь ли, свое разсмотрѣніе начнемъ выше, слѣдуя обыкновенной своей методѣ? Вѣдь относительно каждаго множества, означаемаго однимъ именемъ, мы обыкновенно беремъ какой-нибудь отдѣльный родъ[3]. Или не знаешь?—Знаю.—По-

---

[1] Платонъ здѣсь почитаетъ Омира первымъ зараждателемъ греческой трагедіи; потому что дѣйствующія лица въ его поэмахъ разговариваютъ между собою и дѣйствуютъ сами, а поэтъ-повѣствователь какбы скрывается за сценою этихъ дѣйствій и рѣчей. Объ Омирѣ то же говоритъ нашъ философъ и въ другихъ мѣстахъ Государства (p. 598 D. 607 A), и въ Теэтетѣ (p. 152 E): *καὶ τῶν ποιητῶν οἱ ἄκροι τῆς ποιήσεως· κωμῳδίας μὲν Ἐπιχάρμος, τραγῳδίας δε Ὅμηρος*. А Аристотель признаетъ Омира отцомъ вообще драмматической поэзіи (Art. Poet. c. 4): *Μόνος γὰρ Ὅμηρος οὐχ ὅτι εὖ, ἀλλὰ ἐπὶ μιμήσεις δραμματικὰς ἐποίησεν. Οὕτω καὶ τὰ τῆς κωμῳδίας σχήματα πρῶτος ὑπέδειξεν, οὐ ψόγον, ἀλλὰ τὸ γελοῖον δραμματοποιήσας. Ὁ γὰρ Μαργίτης ἀνάλογον ἔχει, ὥςπερ Ιλιὰς καὶ Οδυσσεία πρὸς τὰς τραγῳδίας, οὕτω καὶ οὗτος προς τὰς κωμῳδίας*. Трагическіе поэты называются здѣсь *χαλοί*, конечно, съ нѣкоторою насмѣшкою, тогда какъ въ другихъ случаяхъ *χαλός* служило льстивымъ выраженіемъ аттической вѣжливости.

[2] Сократъ здѣсь вѣжливо шутитъ надъ скромностію друга. *Ἀμβλύτερον ὁρῶντες*, въ связи съ словами *πρότεροι εἶδον*, надобно понимать въ смыслѣ ироническомъ.

[3] *Беремъ какой-нибудь отдѣльный родъ*, *εἶδος πού τι ἓν ἕκαστον εἰώθαμεν τίθεσθαι*. Критики въ этомъ мѣстѣ затрудняются опредѣленіемъ значенія *εἶδος*. Однимъ представляется, что Платонъ говоритъ здѣсь о родовомъ понятіи, въ которомъ содержится множество видовъ и недѣлимыхъ; а другіе полагаютъ, что стоящее въ этомъ текстѣ слово *εἶδος* однозначительно съ словомъ *ἰδέα*, или съ именемъ значенія вещи самой въ себѣ, то-есть взятой въ реальной ея сущности. Находя, что у Платона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его сочиненій эти два термина какъ будто смѣшиваются, Діогенъ Лаэрцій (III, 63) утверждаетъ, что *εἶδος* и *ἰδέα* онъ употреблялъ безразлично, въ одномъ и томъ же значеніи. Какъ согла-

ложимъ же и теперь, что хочешь, многое, напримѣръ, если
B. угодно, много скамей и столовъ.—Какъ не угодно?—Но идей-то, относительно этой утвари—двѣ: одна—идея скамьи, и одна—стола.—Да.—И не говоримъ ли мы обыкновенно, что художникъ той и другой утвари дѣлаетъ ее, смотря на идею,—тотъ скамей, этотъ столовъ, которыми мы пользуемся? и прочее такимъ же образомъ. Вѣдь самой идеи-то не производитъ ни одинъ художникъ.—Какъ произвесть?—Такъ смотри теперь и на художника: и его называешь ты кѣмъ-нибудь.—
C. Кѣмъ, то-есть?—Тѣмъ, который все дѣлаетъ, что дѣлаетъ каждый изъ ремесленниковъ.—Ты говоришь о какомъ-то сильномъ и удивительномъ человѣкѣ.—Нѣтъ еще; а вотъ сейчасъ скажешь больше. Тотъ же самый ремесленникъ нетолько въ состояніи сдѣлать всякую утварь,—онъ дѣлаетъ и все, произрастающее изъ земли, онъ производитъ и всѣхъ животныхъ, и все прочее, и себя; кромѣ того, онъ созидаетъ и землю, и небо, и боговъ,—все работаетъ и на небѣ, и въ адѣ,
D. подъ землею.—Чрезвычайно удивительнаго разумѣешь ты софиста, сказалъ онъ.—Не вѣришь? примолвилъ я. Но скажи мнѣ: вовсе ли не такимъ кажется тебѣ художникъ, или въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ творецъ всего этого, а въ нѣкоторомъ—нѣтъ? Развѣ не сознаешь, что и самъ ты, нѣкоторымъ-то способомъ можешь сотворить все это?—Да какой же тутъ способъ? спросилъ онъ.—Нетрудный, но многократно и скоро выполняемый, отвѣчалъ я. Не угодно ли взять

сить эти разногласящія мнѣнія? Мнѣ кажется, что критики, при опредѣленіи значенія этихъ словъ, не обратили вниманія на слѣдующее, весьма важное, обстоятельство. Вездѣ, гдѣ употребляется слово *εἶδος*, непремѣнно предполагается *ἰδέα*, безъ которой *εἶδος* невозможенъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ встрѣчается слово *ἰδέα*, еще не предполагается *εἶδος*, который не необходимъ для того, чтобы была *ἰδέα*. *Εἶδος* есть родовое понятіе, котораго развитіе въ форму общности необходимо условливается *τῇ ἰδέᾳ*. Напротивъ, *ἰδέα*,—реальная и простая сама въ себѣ сущность вещи, не условливается *τῷ εἴδει*, но зависитъ отъ начала высшаго, непредполагаемаго. Однимъ словомъ: *εἶδος* есть формальная сторона предмета, подъ которою всегда мыслится начало реальное, *ἰδέα*; а *ἰδέα* есть единичная реальность вещи, которая можетъ быть мыслима и безъ формы. Впрочемъ, см. Parmenid. p. 128 E.

поскорѣе зеркало, и идти съ нимъ всюду: тотчасъ сотворишь E.
и солнце, и то, что на небѣ, тотчасъ и землю,—себя и про-
чихъ животныхъ, и утварь, и растенія, и все, о чемъ мы те-
перь только говорили.—Да, сказалъ онъ, это-то будутъ яв-
ленія, а не дѣйствительно существующія вещи.—Прекрасно,
примолвилъ я; ты приступаешь къ разсужденію по надлежа-
щему. Къ числу такихъ художниковъ относится, полагаю, и
живописецъ. Не такъ ли?—Какъ же не такъ?—И ты скажешь,
думаю, что онъ не дѣйствительное дѣлаетъ, что дѣлаетъ, хо-
тя, напримѣръ, скамью въ нѣкоторомъ-то смыслѣ дѣлаетъ и
живописецъ. Или нѣтъ?—Да, сказалъ онъ, но только какъ
явленіе.—Что же скамейный мастеръ? не говорилъ ли ты сей 597.
часъ, что онъ дѣлаетъ не родъ, который мы назвали сущ-
ностью скамьи, а какую-нибудь скамью?—Конечно говорилъ.
—Но если дѣлаетъ онъ не сущность, то дѣлаетъ не сущее, а
нѣчто такое, что только кажется сущимъ, въ самомъ же дѣ-
лѣ не существуетъ? Поэтому, кто дѣло скамейнаго мастера,
или какого другаго ремесленника назвалъ бы дѣломъ впол-
нѣ сущимъ, тотъ говорилъ бы, должно быть, неправду?—
Неправду, сказалъ онъ; по крайней мѣрѣ такъ показалось
бы тѣмъ, которые занимаются подобными разсужденіями.—
Стало-быть, мы нисколько не удивимся, если и это, въ срав- B.
неніи съ истиною, будетъ нѣчто сомнительное.—Не удивим-
ся.—Такъ хочешь ли, спросилъ я, и въ подобныхъ дѣлахъ
поищемъ подражателя, кто таковъ онъ?—Если угодно, ска-
залъ онъ.—Не троякая ли какая-то бываетъ скамья: одна—су-
ществующая въ насажденномъ [1]—въ природѣ, которую, можно

[1] *Въ насажденномъ — въ природѣ,* по-гречески одно слово — ἐν τῇ φύσει. Платонъ принималъ это слово въ буквальномъ смыслѣ и производилъ его отъ φύω, которое значитъ и насаждаю, и раждаю. Корень рожденія удержало оно какъ въ русскомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ языкахъ европейскихъ. Но принимая въ расчетъ идею Платоновой космогоніи, какъ она раскрыта въ Тимеѣ, и обращая вниманіе на особый замѣчательный оттѣнокъ русскаго слова *природа*, я прихожу къ убѣжденію, что Платонъ подъ словомъ φύσις понималъ матерію — την ὑποδοχην πάντων τῶν χρημάτων, въ которой *насаждены* идеи божественнаго ума и которой чрезъ это *прирождено* переводить ихъ въ міръ явленій. Вотъ причина,

сказать, думаю, сотворилъ Богъ. Или онъ сотворилъ иную какую?—Думаю, не иную.—Одна опять, которую построилъ плотникъ.—Да, сказалъ онъ.—И наконецъ одна, которую нарисовалъ живописецъ? Не такъ ли?—Пусть такъ.—Стало-быть, живописецъ, скамейный мастеръ, Богъ—три предстоятеля надъ тремя видами скамей.—Да, три.—Богъ-то, либо
C. потому, что не хотѣлъ, либо по какой необходимости, чтобы въ природѣ сотворена была не больше, какъ одна скамья, такъ и сотворилъ—одну и единственную[1] скамью; а двѣ, или болѣе такихъ, насаждены Богомъ не были и не будутъ.—Какъ быть? сказалъ онъ.—И это потому, продолжалъ я, что еслибы онъ сотворилъ ихъ двѣ по одной, то опять явилась бы одна, которой видъ имѣли бы обѣ онѣ, и сущая скамья была бы та одна, а не эти двѣ.—Правильно, сказалъ онъ.—Съ этою-то
D. мыслію, думаю, Богъ, желая по-истинѣ быть творцомъ дѣйствительно сущей, а не какой-нибудь скамьи, и не какимъ-нибудь скамейнымъ мастеромъ, родилъ ее въ природѣ одну.—Вѣроятно.—Такъ хочешь ли, мы назовемъ его насадителемъ этого, или подобнымъ тому именемъ?—Да и справедливо, сказалъ онъ, ибо чрезъ насажденіе-то сотворено имъ и это, и все другое.—Что же? А плотника, стало-быть, не назовемъ художникомъ скамьи?—Да.—Неужели и живописцу не дадимъ имени ея художника и творца?—Никакъ.—Кѣмъ же назовешь ты его въ отношеніи къ скамьѣ?—Мнѣ кажется,
E. самое приличное ему названіе будетъ—подражатель тому, что тѣ производятъ, отвѣчалъ онъ.—Пускай, примолвилъ я;

по которой выраженіе ἐν τῇ φύσει я перевожу словомъ *въ насажденномъ*, а слѣдующее далѣе имя Творца—φυτουργός—словомъ *насадитель*.

[1] *Одну и единственную*, μίαν μόνην. Ἓν καὶ μόνον у Платона нерѣдко употребляются въ непосредственной связи: но это никакъ не тожесловіе. Ἓν означаетъ единство вещи самой въ себѣ, или численную единицу, и поставляется въ отношеніе къ δύο, τρία и т. д.; а μόνον выражаетъ уединеніе вещи, исключительность ея, и противуполагается слову προσῆκον или συγγενές. *Tiersch*. Specim. Critic. p. 47 sq. *Schaefer*. Meletem. p. 19 sq. Такъ употребляли эти слова и латинскіе писатели. *Terent*. Adelph. V, 3, 46: Solum unum hoc vitium affert hominibus. *Cicer*. in Pison. c. 40: Cives Romani—te unum solum suum depeculatorem, vexatorem, prædonem, hostem venisse senserunt.

стало-быть, ты называешь его подражателемъ третьяго рожденія послѣ природы?—Конечно, сказалъ онъ.—Слѣдовательно то же самое будетъ и творецъ трагедіи: это—подражатель, занимающій третью степень послѣ царя истины[1], какъ и всѣ
другіе подражатели.—Должно быть.—Итакъ, вразсужденіи 598.
подражателя мы согласились. Скажи же мнѣ о живописцѣ слѣдующее: кажется ли тебѣ, что для подражанія беретъ онъ отдѣльные предметы въ самой природѣ, или дѣла художниковъ?—Дѣла художниковъ, сказалъ онъ.—Тѣла, какія существуютъ, или какія являются? опредѣли-ка и это.—Что ты разумѣешь? спросилъ онъ.—Слѣдующее: скамья,—смотришь ли на нее сбоку, или прямо, или какъ иначе,—различается ли чѣмъ-нибудь сама отъ себя, или ничѣмъ не различается, а только является иною, равно какъ и все другое? — Такъ, сказалъ
онъ, является; а различія нѣтъ.—Смотри же это самое: къ че- B.
му направляется живопись, изображая отдѣльную вещь? къ тому ли, чтобы подражать сущему, какъ вещь есть, или къ являющемуся, какъ она является? представленію, или истинѣ подражаетъ живопись?—Представленію, сказалъ онъ. — Стало-быть, искуство подражанія далеко отъ истины; и оно, какъ видно, все дѣлаетъ для того, чтобы въ отдѣльномъ предметѣ схватить что-нибудь малое и этотъ образъ. Напримѣръ, живописецъ, говоримъ, изображаетъ намъ сапожника, плотника и
другихъ художниковъ, не будучи нисколько знакомъ съ этими C.
мастерствами: однакожъ, если живопись его хороша, нарисовавъ плотника и показывая его издали дѣтямъ и глупымъ людямъ, онъ обманываетъ ихъ кажимостію, будто это въ самомъ дѣлѣ плотникъ.—Чего не бываетъ?—Такъ же, думаю, другъ мой, надобно мыслить и о всемъ подобномъ, когда кто-нибудь разсказываетъ намъ, что онъ встрѣтился съ человѣкомъ, зна-
ющимъ всѣ художества и все другое, что знаетъ каждый по- D.
одиночкѣ,—знающимъ, что бы то ни было, не съ меньшею

---

[1] *Третью степень послѣ царя истины*, по-гречески: τρίτος τις ἀπὸ βασιλέως καὶ τῆς ἀληθείας. Въ этомъ выраженіи союзъ καὶ мнѣ кажется совершенно неумѣстнымъ, хотя ни одинъ кодексъ не опускаетъ его.

точностію: — таковому разсказчику надобно возразить, что онъ слишкомъ простъ и, какъ видно, встрѣтился съ какимъ-то волшебникомъ, что онъ обманутъ подражателемъ, который показался ему всесвѣтнымъ мудрецомъ лишь оттого, что въ немъ самомъ не было силъ изслѣдовать его знаніе, непознаваемость и подражаніе.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.—

Такъ теперь, продолжалъ я, слѣдуетъ разсмотрѣть тра-
E. гедію и вождя ея Омира, поколику слышимъ отъ нѣкоторыхъ, что люди, занимающіеся этимъ, знаютъ всякое искусство, все человѣческое относительно къ добродѣтели и пороку, и даже божеское; ибо добрый поэтъ, если хочетъ прекрасно дѣлать, что онъ дѣлаетъ, необходимо долженъ знать дѣло, а иначе не въ состояніи будетъ совершить его[1]. Такъ
599. мы обязаны разсмотрѣть, не обманывались ли тѣ люди, встрѣчаясь съ подобными подражателями, и видя ихъ дѣла, не замѣчали ли, что они отъ истины отстоятъ на три степени, поколику имѣютъ дѣло съ представленіями, а не съ сущимъ; или и они также что-то говорятъ и, какъ поэты дѣйствительно добрые, знаютъ то, о чемъ, повидимому, хорошо говорятъ толпѣ?—Конечно надобно разсмотрѣть, сказалъ онъ.—Думаешь ли, что кто можетъ проявлять то и другое—и подражаемое, и образъ, тотъ посвятитъ свои труды производству образовъ и
B. постановитъ это наилучшею цѣлію своей жизни?—Не думаю. —Вѣдь кто, мнѣ кажется, въ самомъ дѣлѣ былъ бы знатокомъ того, чему подражаетъ, тотъ гораздо скорѣе занялся бы самыми дѣлами, чѣмъ подражаніемъ, и постарался бы на память оставить много собственныхъ прекрасныхъ дѣлъ,—тотъ направилъ

[1] Извѣстно, что около временъ Платона на Омира и трагическихъ поэтовъ Греки смотрѣли, какъ на репертуаръ всевозможныхъ знаній, изъ котораго заимствуется все, способствующее къ образованію, облагороженію, смягченію и украшенію души. Поэтому Омировы поэмы и произведенія трагиковъ почитаемы были необходимыми педагогическими руководствами, чтеніемъ которыхъ молодое поколѣніе должно было заниматься съ самаго дѣтства. См. *Plat.* Protag. p. 325 E. *Beck.* Examen causarum, cur studia liberalium artium imprimisque poeseos a philosophis nonnullis aut neglecta aut impugnata fuerint. Lips. 1785, p. 9 sqq.

бы свою ревность къ тому, чтобы болѣе быть прославляемымъ, чѣмъ прославлять.—Думаю, сказалъ онъ; потому что честь и польза неравны между собою.—Итакъ, относительно прочихъ предметовъ мы не потребуемъ отчета ни отъ Омира, ни отъ другихъ какихъ-нибудь поэтовъ,—не спросимъ: былъ C.
ли кто изъ нихъ врачемъ, а не подражателемъ только врачебныхъ словъ? кого какой-нибудь древній или новый поэтъ, по разсказамъ, сдѣлалъ здоровымъ, подобно тому, какъ вылечивалъ Асклепій? или какихъ оставилъ онъ учениковъ врачебной науки, какъ этотъ оставилъ дѣтей [1]? Не будемъ дѣлать имъ вопросовъ и примѣнительно къ другимъ искуствамъ; пройдемъ это молчаніемъ. Но какъ скоро Омиръ рѣшился говорить о дѣлахъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ,—о войнахъ и военачальникахъ, объ устройствѣ городовъ и воспи- D.
таніи людей; то справедливо будетъ спросить и поиспытать его: любезный Омиръ! если ты, относительно добродѣтели, не третій отъ истины художникъ образа,—художникъ, названный у насъ подражателемъ, а второй, и можешь знать, какія занятія дѣлаютъ людей лучшими и худшими, частно и публично; то скажи намъ, который изъ городовъ лучше устроился при твоей помощи, какъ при помощи Ликурга—Лакедемонъ, или какъ при помощи многихъ другихъ—многіе великіе и малые города? Почитаетъ ли тебя какой-нибудь го- E.
родъ добрымъ своимъ законодателемъ, принесшимъ ему пользу? Италія и Сицилія обязаны Харонду, мы—Солону; а тебѣ—кто? Можетъ ли онъ наименовать какую нибудь страну? —Не думаю, сказалъ Главконъ; этого не разсказываютъ даже и о самыхъ омиридахъ.—Притомъ, упоминается ли о какой-нибудь современной Омиру войнѣ, которая счастливо ведена 600.
была подъ его начальствомъ, или по его совѣту?—Ни о какой.—Разсказываютъ ли о многихъ и замысловатыхъ его изобрѣтеніяхъ и о другихъ дѣлахъ въ пользу искуствъ, чтобы въ немъ видѣнъ былъ мудрецъ на самомъ дѣлѣ, какъ разска-

[1] Разумѣются дѣти по наукѣ, или такъ называемая школа Асклепіадовъ.

зываютъ о Ѳалесѣ милетскомъ и Анахарсисѣ скиѳскомъ[1]? — Нѣтъ ничего такого. — Но если не публично, то во время своей жизни не былъ ли Омиръ, по разсказамъ, вождемъ воспитанія частно для извѣстныхъ людей, которые полюбили его за наставленія и передали потомкамъ какой-нибудь омири-
B. ческій образъ жизни, какъ отлично любимъ былъ за это Пиѳагоръ, котораго послѣдователи, и нынѣ еще держась образа жизни, называемаго пиѳагорейскимъ[2], кажутся людьми, въ числѣ прочихъ знаменитыми? — И объ этомъ опять ничего не сообщаютъ, Сократъ, сказалъ онъ. Вѣдь Креофилъ[3], можетъ быть, другъ Омира, смѣшной[4] по имени, кажется, еще смѣшнѣе былъ по воспитанію, если разсказываемое объ Омирѣ справедливо. Говорятъ, что пока тотъ жилъ, этотъ крайне
C. нерадѣлъ о немъ при его жизни. — Да, говорятъ, примолвилъ я. Но подумай, Главконъ, если Омиръ дѣйствительно способенъ былъ учить людей и дѣлать ихъ лучшими, поколику могъ водиться не подражательностію, а знаніемъ; то не пріобрѣлъ ли бы онъ много друзей и не былъ ли бы почитаемъ и любимъ ими? Вотъ Протагоръ Абдеритянинъ, Продикъ косскій и весь-

---

[1] Объ изобрѣтеніяхъ Анахарсиса см. *Menag.* ad Diog. Laert. 1, 105. О Ѳалесѣ милетскомъ сравн. сказанія Иродота 1, 74. 75. 179. *Aristot.* Polit. 1, c. II. *Diog. L.* 1, 24 sqq.

[2] Свидѣтельство Платона о пиѳагорейскомъ образѣ жизни есть важная историческая черта. Оно показываетъ, что и въ то время были люди, проводившіе жизнь по правиламъ Пиѳагора, и отличались строгою нравственностью, воздержаніемъ, умѣренностью и незазорностью поведенія. Сравн. *Ritter.* Histor. Philosoph. Pythagor. p. 37 sq.

[3] О Креофилѣ схоліастъ говоритъ такъ: «Креофилъ Хіосецъ, писатель эпопей. Нѣкоторые разсказываютъ, что онъ былъ зять Омира, женатый на его дочери, и что, принявъ тестя въ свой домъ, получилъ отъ него Иліаду. Разныя сказанія о немъ древнихъ старательно собралъ *Фабрицій.* Biblioth. Gr. 1, 4, и ad sext. Empir. p. 223 sq. Платонъ упоминаетъ о Креофилѣ съ цѣлію доказать, что Омиръ, въ качествѣ поэта, не могъ сдѣлать лучшими и тѣхъ, съ которыми постоянно обращался и на которыхъ долженъ былъ имѣть вліяніе, какъ родственникъ.

[4] Чтобы видно было, отчего Креофилъ по имени кажется смѣшнымъ, надобно замѣтить, что это имя по-гречески пишется Κρεώφυλος, а не κρεώφιλος, какъ стоитъ въ нѣкоторыхъ спискахъ. Но Κρεώφυλος происходитъ отъ Κρεώφων, какъ φείδολος отъ φείδων, Θράσυλος отъ θράσων, Κράτυλος отъ κράτων. Κρέωφων же значитъ «свѣтящееся мясо».

ма многіе другіе могутъ частными уроками внушить своимъ
ученикамъ, что если они не ввѣрятъ имъ воспитаніе себя, то D.
не будутъ въ состояніи управлять ни своимъ домомъ[1], ни городомъ, и за эту мудрость пользуются столь сильною любовью, что друзья едва не носятъ ихъ на своихъ головахъ[2]. Такъ чтобы Омира, какъ скоро онъ въ состояніи былъ увлекать людей къ добродѣтели, или Исіода, когда они ходили и пѣли отрывки своихъ стихотвореній, современники не уважили болѣе,
чѣмъ золото, и не заставили ихъ жить въ своихъ домахъ, а E.
еслибы не убѣдили къ этому, чтобы сами не ходили вслѣдъ за ними, пока не получили бы достаточнаго воспитанія!—Ты говоришь, Сократъ, кажется, совершенную правду.—Итакъ, положимъ ли, что всѣ поэты, начиная съ Омира, суть подражатели образовъ добродѣтели и другихъ, которыя описываются въ ихъ стихотвореніяхъ, а истины они не касаются, подобно тому, какъ мы сейчасъ говорили о живописцѣ, кото-
рый, самъ не зная сапожническаго мастерства, рисуетъ са- 601.
пожника, и рисунокъ его невѣждамъ, видящимъ только краски да образы, кажется дѣйствительнымъ сапожникомъ?—Конечно. — Такъ-то, думаю, и поэтъ, словами да выраженіями отдѣльныхъ искуствъ, наводитъ, скажемъ, какія-то тѣни на предметы и, не зная ихъ, самъ умѣетъ только подражать, такъ что другимъ такимъ же людямъ, смотрящимъ на вещи со стороны словъ, это нравится,—и сапожничества ли касают-
ся его метръ, риѳмъ и гармонія, или военачальства, или чего B.
другаго, имъ представляется, что онъ говоритъ хорошо. Вотъ сколь великое по природѣ въ этомъ самомъ заключается очарованіе! Но обнаженныя-то отъ цвѣтовъ музыки, творенія поэтовъ,—творенія, что называется, сами по себѣ, думаю, из-

---

[1] Подлинныя слова софистовъ объ этомъ см. Protag. p. 318 B. Gorg. p. 520 E.

[2] *Едва не носятъ ихъ на своихъ головахъ*, *μόνον οὐκ ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς περιφέρουσιν αὐτούς*. Выраженіе: *περιφέρειν τινα ἐπὶ τῇ κεφαλῇ*, имѣло силу пословицы, которая заимствована отъ обыкновенія греческихъ матерей и кормилицъ носить дѣтей въ корзинѣ на головѣ. *Erasm.* Chiliad. IV, Cent. 7, n. 98, p. 794. *Themist.* Orat. XXI, p. 254 A: *ὃν ἡμεῖς διὰ ταύτην τὴν φαντασίαν μονον οὐκ ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς περιφέρομεν.*

вѣстно тебѣ, какими кажутся. Вѣроятно, всматривался.—Конечно, сказалъ онъ. — Не похожи ли они, примолвилъ я, на лица, цвѣтущія молодостью, но некрасивыя[1], какими приходится видѣть ихъ, когда цвѣтъ опадаетъ?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Соображай-ка теперь слѣдующее: составляющій образъ по подражанію, говоримъ, нисколько не знаетъ суща-
C. го, а знаетъ только являемое. Не такъ ли?—Да.—Не оставимъ же сказаннаго на половинѣ, но всмотримся въ дѣло достаточно.—Говори, сказалъ онъ.—Скажемъ ли, что живописецъ нарисуетъ узду и удила?—Да.—А сдѣлаетъ-то эти вещи шорникъ и кузнецъ?—Конечно.—Такъ знаетъ ли живописецъ, каковы должны быть узда и удила? или не знаютъ и сдѣлавшіе ихъ—кузнецъ и шорникъ, а только умѣющій пользоваться ими—одинъ всадникъ?—Весьма справедливо.—Не такъ же ли, скажемъ, бываетъ и все?—Какъ?—Относительно каж-
D. дой вещи не берутся ли въ расчетъ три искуства: пользовательное, дѣлательное и подражательное?—Да.—Поэтому сила, красота и правильность каждой утвари, каждаго животнаго и каждаго дѣйствія не для иного чего бываетъ, какъ для употребленія. Не для этой ли цѣли дѣлается, или раждается все? —Такъ.—Стало-быть, пользующемуся каждою вещію крайне необходимо быть самымъ опытнымъ и доносить дѣлателю, что̀ дѣлаетъ онъ хорошо или худо относительно къ употребленію того, чѣмъ пользуется. Напримѣръ, флейтистъ доноситъ
E. дѣлателю флейтъ о флейтахъ, что̀ способствуетъ игрѣ на флейтѣ, и показываетъ, какими надобно дѣлать ихъ.—Какъ же не показывать?—И одинъ—знающій—будетъ доносить о хорошихъ и худыхъ флейтахъ, а другой—вѣрящій—станетъ дѣлать ихъ?—Да.—Стало-быть, относительно одной и той же утвари, дѣлатель, обращающійся съ знатокомъ и принужден-

---

[1] *Лица, цвѣтущія молодостью, но некрасивыя*, τοῖς τῶν ὡραίων προσώποις, καλῶν δὲ μή. Ὡραῖοι—тѣ, которые цвѣтутъ, сильны, полны, дородны,—по русской пословицѣ,—кровь съ молокомъ. Καλοί—тѣ, которыхъ лицо отличается чертами правильными, нѣжными, тонкими и пріятными. Эти двѣ красоты, какъ извѣстно, иногда бываютъ одна безъ другой.

ный слушать его, будетъ имѣть правую вѣру, что именно въ этомъ состоитъ хорошее и худое свойство вещи, а поль- 602. зующійся будетъ имѣть знаніе.—Конечно.—Подражатель же изъ употребленія почерпнетъ знаніе ли о томъ, чтò пишетъ, —прекрасно, то-есть, это и правильно, или нѣтъ,—или правильное мнѣніе, получаемое чрезъ необходимое обращеніе съ тѣмъ, кто знаетъ, и чрезъ выслушиваніе его приказаній, какъ надобно писать?—Ни того ни другаго.—Слѣдовательно, подражатель, относительно хорошаго и худаго свойства вещи, не будетъ ни знать, ни правильно думать о томъ, чему подражаетъ.—Походитъ, что нѣтъ.—Любезенъ же въ своемъ дѣлѣ подражатель—по мудрости относительно къ тому, что онъ дѣлаетъ—Не очень.—Вѣдь онъ будетъ подражать-то, конечно, B. имѣя въ виду не знаніе каждой вещи, почему она дурна, или полезна; его подражаніе направится, какъ видно, къ тому, что кажется прекраснымъ невѣжественной толпѣ.—Къ чему же другому?—Итакъ, въ этомъ, какъ теперь открывается, мы согласились достаточно, что, то-есть, во-первыхъ, подражатель не знаетъ ничего, какъ должно, чему подражаетъ, и подражаніе есть какая-то забава, а не серьёзное упражненіе; во-вторыхъ, всѣ, занимающіеся трагическою поэзіею и пишущіе ямбами и героическими стихами, суть, сколько можно болѣе, подражатели.—Конечно.—

Ради Зевса, сказалъ я, это-то подражаніе—не на третьемъ C. ли мѣстѣ отъ истины? Не такъ ли?—Да.—Къ чему же такому, заключающемуся въ человѣкѣ, имѣетъ оно силу, какую имѣетъ [1]?—О чемъ это говоришь ты?—О слѣдующемъ: одна

[1] Показавъ, что Омиръ и трагики не могли научить людей, ибо не знали того, что воспѣвали, и занимались только подражаніемъ, удовлетворяя вкусу толпы, философъ теперь намѣревается доказать, что подражаніе даже гибельно для нравственности. Поэты, говоритъ онъ, обыкновенно подражаютъ волненіямъ души и чрезъ то ослабляютъ силу и достоинство ума, даже часто портятъ тѣхъ, которые прежде владѣли собою и имѣли характеръ серьезный. Кто читаетъ, напримѣръ, у Омира, или у трагиковъ, какъ герои ихъ заливаются слезами; тотъ нерѣдко и самъ возмущается духомъ, и за такую силу стиховъ превозноситъ поэта похвалами. Между тѣмъ, чрезъ это душа нечувствительно теряетъ энергію, твердость и мужество. Такое же вредное вліяніе на людей производятъ

и та же величина вблизи и вдали, при посредствѣ зрѣнія, является намъ неравною.—Нѣтъ.—Одни и тѣ же предметы, видимые въ водѣ и внѣ воды, кажутся то кривыми, то прямыми, и чрезъ зрѣніе, обманываемое игрою тѣней,—то вог-
D. нутыми, то выпуклыми; и явно, что все это замѣшательство находится въ нашей душѣ. Живопись-наводительница тѣней, вмѣстѣ съ фокусничествомъ и многими подобными хитростями[1], прилагаемая къ такому свойству природы, не оставляетъ ни одного волшебства.—Правда.—Такъ не мѣра ли, число и вѣсъ явились у насъ благопріятнѣйшими помощниками въ томъ отношеніи, чтобы управляло нами не то, что кажется бóльшимъ или меньшимъ, множайшимъ или тяжелѣйшимъ, а то, что исчисляетъ, измѣряетъ и взвѣшиваетъ?—
E. Какъ же не это?—Но это-то въ душѣ есть дѣло разумности.—Конечно разумности.—А когда разумность часто измѣряетъ и означаетъ, что нѣчто или больше или меньше, или равно сравнительно съ другимъ; тогда ей вразсужденіи одного и того же представляется противуположное.—Да.—Но не сказали ли мы, что одному и тому же объ одномъ и томъ же мыслить противное невозможно?—Да и правильно сказали.—
603. Слѣдовательно, часть души, имѣющая мнѣніе, противное мѣрѣ, не одна и та же съ частію ея, мыслящею по мѣрѣ.—Конечно не одна.—Но то, что вѣритъ мѣрѣ и смыслу, должно быть наилучшее въ душѣ.—Какже.—Противное же наилучшему должно быть въ насъ чѣмъ-то худшимъ.—Необходимо.—А это говорилъ я вѣдь съ намѣреніемъ условиться въ томъ, что искуство живописи и всякое искуство подражательное, отстоя далеко отъ истины, совершаетъ собственное свое дѣло, бесѣдуетъ съ частію души, удаленною въ насъ отъ разумно-
B. сти, и становится другомъ, товарищемъ того, что не имѣетъ въ виду ничего здраваго.—Совершенно такъ, сказалъ онъ.—

и поэты комическіе, пріучая ихъ своимъ подражаніемъ къ неумѣстному смѣху и насмѣшливости, которая всегда враждебна добродѣтели.

[1] Эта мысль достаточно раскрывается въ другихъ разговорахъ Платона. См. Theaet. p. 208 E. Parmenid. p. 165 C. Sophist. p. 235 E.

Слѣдовательно, искуство подражательное, худое въ себѣ, съ худымъ обращаясь, худое и раждаетъ.—Походитъ.—Но худо оно только ли въ области зрѣнія, спросилъ я, или и въ области слуха, гдѣ мы называемъ его поэзіею?—Вѣроятно, и здѣсь, отвѣчалъ онъ. — Не повѣримъ же вѣроятному только изъ живописи, но и въ самой душѣ направимся къ тому, съ C.
чѣмъ бесѣдуетъ подражательность поэзіи, и посмотримъ, хорошо это, или худо.—Конечно должно.—Такъ предложимъ дѣло слѣдующимъ образомъ: искуство подражательное, скажемъ, подражаетъ людямъ, совершающимъ дѣла либо свободныя, либо вынужденныя насиліемъ, и по свойству своихъ дѣлъ, эти люди признаются либо счастливыми, либо несчастными, а по всему этому, либо печалятся, либо радуются. Нѣтъ ли еще чего-нибудь, кромѣ этого?—Ничего.—Но во всемъ этомъ человѣкъ согласенъ ли самъ съ собою? Или, какъ со стороны D.
зрѣнія—онъ враждуетъ противъ себя и питаетъ въ себѣ противныя мнѣнія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; такъ и со стороны дѣлъ—враждуетъ и борется съ самимъ собою? Напоминаю, что въ этомъ-то теперь нѣтъ намъ нужды соглашаться; ибо касательно всего этого мы достаточно согласились въ предложенныхъ выше разсужденіяхъ [1], что, то-есть, душа наша переполнена тысячами подобныхъ, сталкивающихся вмѣстѣ противорѣчій.—Правильно, сказалъ онъ.—Конечно пра- E.
вильно, примолвилъ я; но что оставили мы тогда, то необходимо, кажется, раскрыть теперь.—Что такое? спросилъ онъ. —Тогда мы говорили, отвѣчалъ я, что человѣкъ скромный, подвергшись великому несчастію—потерять сына, или что другое, для него драгоцѣнное, перенесетъ это легче всѣхъ.—Конечно.—Теперь же разсмотримъ слѣдующее: точно ли не будетъ онъ скорбѣть, или это-то невозможно,—а только умѣритъ какъ-нибудь свою скорбь?—Справедливѣе-то послѣднее, примолвилъ онъ.—Такъ скажи мнѣ теперь о немъ вотъ что: 604.
больше ли, думаешь, станетъ онъ бороться съ скорбію и про-

[1] Указывается на разсужденіе въ началѣ второй книги.

тиводѣйствовать ей, когда видятъ его подобные ему, или когда будетъ уединенъ, останется одинъ самъ съ собою?—Вѣроятно, больше, когда его видятъ, сказалъ онъ.—Вѣдь наединѣ-то, думаю, онъ осмѣлится многое произнести, отъ чего, еслибы кто слышалъ его, было бы ему стыдно, и многое сдѣлаетъ, на что не рѣшился бы, еслибы кто видѣлъ его дѣло. —Такъ бываетъ, сказалъ онъ.—Но то, что велитъ противо-
B. дѣйствовать, не есть ли умъ и законъ? а то, что увлекаетъ къ скорби, не есть ли самая страсть?—Правда.—Если же въ человѣкѣ, вразсужденіи одного и того же предмета, бываютъ противныя стремленія; то необходимо, скажемъ, быть въ немъ двумъ началамъ.—Какже.—И одно изъ нихъ не будетъ ли готово повиноваться закону во всемъ, что онъ предписываетъ?—Какъ?—Законъ, думаю, говоритъ, что въ несчастіяхъ особенно прекрасное дѣло—сохранять спокойствіе и не досадовать,—во-первыхъ потому, что въ нихъ не видно ни добра, ни зла, во-вторыхъ потому, что огорчающійся ими чрезъ
C. это нисколько не идетъ впередъ, въ-третьихъ потому, что дѣла человѣческія недостойны великой заботливости, когда же что-нибудь изъ нихъ и надобно намъ получить какъ можно скорѣе, скорбь тутъ служитъ помѣхою.—Кому говоришь ты это? спросилъ онъ.—Тому, отвѣчалъ я, кто при извѣстныхъ событіяхъ долженъ совѣтоваться и, будто смотря на паденіе марокъ въ игрѣ, располагать свои дѣла примѣнительно къ расположенію обстоятельствъ,—какъ лучше велитъ умъ, а не падать, подобно дѣтямъ, держась за ушибенное мѣсто, и не терять времени
D. въ крикѣ, но всегда пріучать душу—какъ можно скорѣе обращаться къ врачевству, исправлять падшее и страдающее, и врачеваніемъ прогонять плачь.—Такое отношеніе къ случайностямъ, въ самомъ дѣлѣ, было бы весьма правильно, сказалъ онъ.—Итакъ, мы скажемъ, что наилучшее хочетъ слѣдовать этой разумности.—Явно.—А той части, которая ведетъ насъ къ припоминанію страданій и скорбей и не утоляется этимъ, не назовемъ ли неразумною, разслабленною и робкою?—Конечно назовемъ. — Поэтому начало досадующее обнаружи-

ваетъ много разнообразной подражательности: напротивъ, разумный и покойный нравъ, всегда близкій къ самому себѣ, и нелегко подражаетъ, и становясь самъ предметомъ подражанія, нескоро изучается,—особенно въ торжественныхъ собраніяхъ и различными людьми, сходящимися въ театры; потому что подражать имъ—значитъ отчуждаться страстей[1].—Безъ сомнѣнія.—Такъ явно, что поэтъ-подражатель расположенъ-то не къ этой части души, и его мудрость упорно не хочетъ ей нравиться, если намѣрена угождать толпѣ: напротивъ, онъ наклоненъ къ нраву безпокойному и измѣнчивому, потому что этотъ для подражанія доступнѣе. — Явно. — Посему не справедливо ли уже можемъ мы укорить его и поставить въ соотвѣтственность живописцу? Вѣдь у него дѣланіе дурнаго идетъ за истину; онъ съ такою же частію обращается и въ душѣ, а не съ наилучшею, и ей подражаетъ. Такъ вотъ мы и въ правѣ не принимать его въ имѣющій благоустроиться городъ; ибо онъ возбуждаетъ и питаетъ ту часть души, которая, укрѣпившись, губитъ разумность, подобно тому, какъ и въ городѣ,—кто людей негодныхъ дѣлаетъ сильными, тотъ—предатель города и губитель довѣрчивыхъ гражданъ. То же скажемъ мы и о поэтѣ-подражателѣ: поблажая несмысленной части души, онъ каждой порознь внушаетъ худой образъ жизни и не различаетъ ни бо̀льшаго ни меньшаго, но то же самое почитаетъ иногда великимъ, иногда малымъ, и составляетъ только образы, а отъ истины стоитъ очень далеко.—Конечно.—

Margin: E. (line 1); 605. (line 6); B. (line 14); C. (line 22)

[1] Кто хочетъ подражать умному и въ умномъ, тотъ развиваетъ свою подражательность уже не въ области жизни чувственной или внѣшней; слѣдовательно, такая подражательность осуществима не на театральной сценѣ, а развѣ въ философской школѣ, и вообще бываетъ очень нелегка, потому что здѣсь надобно имѣть дѣло съ предметомъ самимъ въ себѣ. Правда, съ высшей, идеальной точки зрѣнія, къ этой же, повидимому, цѣли ведетъ и сценическое искуство, такъ какъ оно своими представленіями какбы говоритъ: «смотри, какъ это худо, жестоко, отвратительно, страшно» и проч., или, «какъ это забавно, смѣшно, глупо, невѣжественно, дерзко: удаляйся же отъ этого. «Но такіе уроки на самомъ дѣлѣ не лучше того зеркала, въ которое смотрѣлась Крылова мартышка. Эгоизмъ и самомнѣніе туманными своими представленіями совершенно закрываютъ ту идеальную цѣль и располагаютъ каждаго видѣть дурное и достойное смѣха не въ себѣ, а только въ другихъ.

Впрочемъ, самаго важнаго-то въ поэзіи мы еще не осудили: вѣдь ужаснѣйшее въ ней то, что она способна вредить и людямъ порядочнымъ, за исключеніемъ весьма немногихъ.—Чего не будетъ, если это-то дѣлаетъ она?—Слушай и наблюдай. Вѣдь лучшіе изъ насъ, внимая Омиру, или и другому
D. какому трагическому поэту, который, изъ подражанія извѣстному герою въ плачѣ, тянетъ длинные монологи его горестей, либо поетъ и поражаетъ себя въ грудь,—лучшіе изъ насъ, знаешь, радуются и, входя въ его положеніе, слѣдуютъ за нимъ съ сочувствіемъ, и мы отъ души хвалимъ добраго поэта, что онъ возбудилъ въ насъ такое расположеніе.—Знаю; какъ не знать?—А когда надъ кѣмъ изъ насъ тяготѣетъ собственное горе, понимаешь опять, что мы хвастаемся противнымъ тому, что, то-есть, сохраняемъ спокойствіе и терпѣніе,
E. такъ какъ это прилично мужчинѣ, а то, что хвалили тогда,—женщинѣ. — Понимаю, сказалъ онъ. — Такъ хороша ли эта похвала, спросилъ я, если кто, видя такого человѣка, какимъ не хотѣлъ бы и стыдился бы быть самъ, не порицаетъ его, а радуется и хвалитъ?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, она не походитъ на благоразумную.—Да, примолвилъ я, какъ скоро разсмотришь ее тѣмъ-то способомъ.—Какимъ?—Размысли, что
606. если часть души, ограничиваемая силою собственныхъ своихъ несчастій, и тогда жаждущая слезъ, достаточнаго гореванія и насыщенія, — ибо этого желаетъ она по природѣ,—если эта самая часть души питается поэтами и исполняется радостію; то наилучшее въ насъ по природѣ, недостаточно еще наученное умомъ и опытомъ, ослабляетъ стражу надъ этою плаксою, такъ какъ, смотря на чужія страданія, она не
B. находитъ для себя постыднымъ,—когда другой, выдаваемый за человѣка добраго, безвременно скорбитъ, хвалить его и жалѣть, напротивъ видитъ въ этомъ собственную корысть—удовольствіе, и не хочетъ лишиться ея чрезъ пренебреженіе всего стихотворенія. Размыслить же способны, думаю, немногіе, что наслаждаться чужимъ необходимо въ своемъ: между тѣмъ какъ выкормившій сильную жалость въ отношеніи

къ чужому, нелегко можетъ удерживать ее въ собственныхъ
своихъ страданіяхъ.—Весьма справедливо, молвилъ онъ.—
Не то же ли самое надобно сказать и о смѣшномъ? То, что C.
для возбужденія смѣха постыдился бы ты сдѣлать самъ, это
именно, доходя до твоихъ ушей частно [1], въ подражаніи ко-
мическомъ, сильно радуетъ тебя и не кажется ненавистнымъ,
какъ дурное, стало-быть, производитъ то же, что бываетъ и
при сожалѣніи; ибо что въ тебѣ, хотѣвшее возбудить смѣхъ,
ты удерживалъ умомъ, боясь прослыть площаднымъ шутомъ,
то теперь попускаешь и, сдѣлавъ это сильнымъ тамъ, часто
забываешь, что перенесенное въ собственныя твои условія,
оно разыгрываетъ комедію и въ тебѣ самомъ [2]. — И очень,
сказалъ онъ. — То же производится въ насъ поэтическимъ D.
подражаніемъ относительно къ сладострастію, гнѣву и всѣмъ
въ душѣ пожеланіямъ, скорбямъ и удовольствіямъ, которыя,
говоримъ, слѣдуютъ за всякимъ нашимъ дѣломъ; ибо оно пи-
таетъ и поливаетъ то, что должно бы засыхать, дѣлаетъ пра-
вительственнымъ въ насъ то, что должно бы подчиняться,
чтобы, вмѣсто худшихъ и жалкихъ, мы были лучшими и счаст-
ливѣйшими. — Неиначе могу говорить и я, сказалъ онъ. —
Итакъ, если ты, Главконъ, примолвилъ я, встрѣтишься съ E.
хвалителями Омира, которые говорятъ, что этотъ поэтъ вос-
питалъ Элладу и, въ видахъ благоустроенія и развитія чело-
вѣческихъ дѣлъ, стóитъ того, чтобы, перечитывая его стихо-
творенія, изучать ихъ на память и по тѣмъ правиламъ стро-
ить всю свою жизнь; то ты люби ихъ и привѣтствуй какъ лю- 607.

---

[1] *Доходя до твоихъ ушей частно* (ἰδίᾳ), *въ подражаніи комическомъ.* Здѣсь ἰδίᾳ должно быть относимо не къ ἐν μιμήσει κωμῳδικῇ, а къ глаголу ἀκούειν; ибо рѣчь идетъ о слушаніи комическихъ басень, которыя ἰδίᾳ ἀκούοντες χαίρουσι, то-есть внутренно сами въ себѣ чувствуютъ удовольствіе. Поэтому ἰδίᾳ здѣсь противуполагается предъидущему αὐτὸς γελωτοποιῶν, въ чемъ заключается понятіе о дѣйствіи публичномъ: *то, чтò для возбужденія смѣха* (т.-е. въ другихъ, въ публикѣ) *постыдился бы ты сдѣлать самъ;* это именно находишь пріятнымъ, когда принимаешь и лелѣешь внутренно, въ собственномъ своемъ сердцѣ.

[2] *Сдѣлавъ это сильнымъ тамъ,* т.-е. усиливъ низшую часть своей души, расположенную къ смѣху, ты часто безъ сознанія и самъ, въ дѣлахъ собственныхъ, порываешься сдѣлаться комикомъ.

дей наилучшихъ, какими только они могутъ быть, и соглашайся, что Омиръ — поэтъ величайшій и первый изъ трагиковъ; однакожъ знай, что онъ долженъ быть принимаемъ въ городъ, насколько лишь берутся въ расчетъ его гимны богамъ и похвалы добрымъ людямъ. А какъ скоро примешь ты его музу, подслащенную лирическими и эпическими стихотвореніями,—въ городѣ, вмѣсто закона и того, что по общему мнѣнію признается наилучшимъ, будутъ царствовать удовольствіе и скорбь.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.—

B. Такъ пусть это припоминаніе оправдаетъ насъ предъ поэзіею, что ее такую мы тогда изгнали изъ города справедливо; къ этому увлекъ насъ умъ. Пусть она не обвиняетъ насъ въ жестокости и грубости; скажемъ ей, что философія и поэзія издавна въ какомъ-то разладѣ [1]. Вотъ поговорки [2]: та ворк- ливая собака лаетъ и на господина; по болтовнѣ безумцевъ,
C. онъ великъ; толпа сильнѣе Зевсовыхъ мудрецовъ; они тонки (въ своихъ помыслахъ), потому что бѣдны. Есть множество и другихъ признаковъ старинной ихъ ссоры. Впрочемъ, да будетъ сказано, что и мы, если подражательная поэзія для удовольствія представитъ намъ основаніе, по которому въ благоустроенномъ городѣ она должна быть,—и мы охотно примемъ ее; потому что сами сознаемъ себя въ восторгѣ отъ ней: но быть предателемъ того, что кажется истиннымъ, нечестиво.
D. Не восхищаешься ли ею, другъ мой, и ты, особенно когда созерцаешь ее въ стихѣ Омировомъ?—И очень.—Поэтому не справедливо ли будетъ снизойти къ ней и позволить ей оправдаться или лирически, или какимъ другимъ метромъ?—Конечно.—Позволимъ также, вѣроятно, и покровителямъ ея,—всѣмъ не поэтамъ, а любителямъ поэтовъ, защищать ее безъ метра,

---

[1] О древнемъ разладѣ между философіею и поэзіею см. Legg. XII, p. 967 C. D. Apol. Socr. p. 19 A, p. 26 E. *Morgenstern*. Commentt. p. 263 sq.

[2] Этихъ поговорокъ, сколько намъ извѣстно, у древнихъ писателей не встрѣчается. Вѣроятно, онѣ ходили въ народѣ и взяты съ комической сцены, которая выражала ими свою ненависть къ философіи. Впрочемъ, Шлейермахеръ подозрѣваетъ, что поговорка: «по болтовнѣ безумцевъ, онъ великъ,» отзывается тономъ Гераклита.

и доказывать, что она для гражданскаго общества и человѣческой жизни нетолько пріятна, но и полезна, и благосклонно выслушаемъ ихъ, потому что сами получимъ выгоду, если E.
она окажется нетолько пріятною, но и полезною.—Какъ не получить выгоды? сказалъ онъ.—А если нѣтъ, любезный другъ, то какъ любящіе что-нибудь, находя любовь свою неполезною, хотя черезъ силу, однакожъ удерживаются: такъ и мы, благодаря тому, что воспитаніе подъ прекраснымъ правленіемъ внушило намъ любовь къ такой поэзіи, будемъ казаться бла- 608.
госклонными къ ней, какъ къ наилучшей и самой истинной; но когда она не въ состояніи будетъ оправдаться,—станемъ слушать ее подъ обаяніемъ ума и заговора, о которомъ упоминали, остерегаясь, какъ бы снова не поддаться ребячьей и площадной любви. Будемъ знать, что не слѣдуетъ заниматься этою поэзіею, какбы она имѣла въ виду истинное и серьёзное: напротивъ, внимающій ей долженъ быть остороженъ, боясь за внутреннее свое правленіе, и помнить то, что̀ мы говорили о ней.—Совершенно согласенъ, сказалъ онъ.—Вѣдь B.
это—великій подвигъ, любезный Главконъ, примолвилъ я,—великій не въ той лишь степени, въ какой кажется, быть ли, то-есть, добрымъ, или злымъ; это такой подвигъ, что ни честь, ни богатство, ни всякая власть, ни самая поэзія не стоютъ того, чтобы для нихъ мы нерадѣли о справедливости и прочихъ добродѣтеляхъ.—Основываясь на томъ, что разсмотрѣно, я соглашаюсь съ тобою, сказалъ онъ; да полагаю, что согласится и всякій.—

Однакожъ, мы не разсмотрѣли еще, замѣтилъ я, величай- C.
шаго воздаянія за добродѣтель и предполагаемыхъ наградъ.—Это будетъ великость изумительная, сказалъ онъ, если есть награды другія, больше тѣхъ, о которыхъ было говорено.—Но въ короткомъ времени чему быть великому! примолвилъ я. Вѣдь все это-то время—отъ дѣтства до старости,—сравнительно съ цѣлымъ временемъ, должно быть какое-то короткое [1].—Даже

---

[1] Эту мысль весьма хорошо и съ разныхъ сторонъ раскрываетъ Сенека

ничтожное, сказалъ онъ.—Что же? думаешь ли, что существо безсмертное должно простирать свои заботы на столь крат-
D. кое время, а не на все?—Думаю, отвѣчалъ онъ; но что хочешь ты сказать?—Не чувствуешь ли, спросилъ я, что душа наша безсмертна и никогда не погибаетъ?—При этомъ Главконъ, взглянувъ на меня съ удивленіемъ, примолвилъ: клянусь Зевсомъ, не чувствую; а ты можешь сказать это?—Если только не буду несправедливъ, отвѣчалъ я: впрочемъ, скажешь, думаю, и ты; ибо нѣтъ ничего труднаго.—А какъ скоро для меня нетрудно, примолвилъ онъ, готовъ слушать тебя съ удовольствіемъ.—Потрудись послушать [1], сказалъ я.—Только говори.—

E. Называешь ли ты что-нибудь добромъ и зломъ? спросилъ я. —Называю.—А такъ же ли мыслишь объ этомъ, какъ я?—Какъ, то-есть?—Все губящее и разрушающее есть зло, а все сохраняющее и приносящее пользу—добро.—Такъ мыслю и я, сказалъ онъ.—Что же? зломъ и добромъ не признаешь ли ты для
609. каждой вещи чего-нибудь,—напримѣръ, для глазъ—слѣпоты, для всего тѣла—болѣзни, для хлѣбныхъ зеренъ—медвенной росы [2], для деревъ—гніенія, для мѣди и желѣза—ржавчины? не допускаешь ли ты, говорю, вообще, что каждой вещи свой-

---

(Epist. 77). Nulla vita est non brevis. Nam si ad naturam rerum respexeris, etiam Nestoris et Statiliae brevis est, quae inscribi monumento suo jussit annos se nonaginta novem vixisse. (Epist. 90). Omnes, quantum ad brevitatem aevi, si universo compares, et senes et juvenes in aequo sumus. Minus enim ad nos ex omni aetate venit, quam quod minimum esse quis dixerit, quoniam quidem minimum aliqua pars est, hoc, quod vivimus, proximum nihilo est. — Propone profundi temporis vastitatem et universum complectere; deinde hoc, quod aetatem vocamus humanam, compara immenso: videbis quam exiguum sit quod optamus, quod extendimus.

[1] *Потрудись послушать*, *ἀκούοις ἄν*,—формула вѣжливости, въ которой повелительное наклоненіе замѣняется желательнымъ. У насъ она чаще предлагается вопросительно: не угодно ли послушать? а у Германцевъ—положительно: Du würdest или dürftest es anhören. Подобнымъ образомъ Tim. p. 19 B: *ἀκούοιτ' ἂν ἤδη τὰ μετὰ ταῦτα περὶ τῆς πολιτείας.*

[2] Греческое *ἐρυσίβη* мы принимаемъ въ значеніи медвенной росы; а схоліастъ объясняетъ это слово такъ: *Θηρίδιόν τι ἐν τῷ σίτῳ γιγνόμενον, ὃ λυμαίνεται τὸν καρπόν. Τινὲς δὲ νόσον ἐκ τοῦ περιέχοντος ἐπιγιγνομένην τοῖς σπέρμασιν.* Cн. *Ruhnken.* ad Tim. Gloss. p. 123.

ственны—извѣстное зло или извѣстная болѣзнь?—Допускаю, сказалъ онъ. — Стало-быть, какъ скоро что-либо изъ этого прираждается чему-нибудь, природившееся не дѣлаетъ ли зла тому, чему природилось, и наконецъ не разрушаетъ ли, не губитъ ли это цѣлостно? — Какъ не губить? — Слѣдовательно, зло и порча, свойственныя недѣлимому, губятъ недѣлимое; если же не губитъ его это, то другое-то ничто не можетъ погубить; ибо добро вѣдь никогда ничего не губитъ, равно B.
какъ и то, что не есть ни добро ни зло.—Какъ губить ему? сказалъ онъ. — Стало-быть, если между существами мы найдемъ такое, у котораго хотя и есть свое зло, и оно дѣлаетъ его худымъ, но не въ состояніи разрушить, чтобы погубить; то не будемъ ли уже знать, что это существо, по самой природѣ, не подвержено гибели? — Да, вѣроятно, сказалъ онъ.— Что же? спросилъ я, въ душѣ нѣтъ ли чего-нибудь, что дѣлаетъ ее злою?—И очень, отвѣчалъ онъ;—все, что мы доселѣ C.
разсмотрѣли, то-есть, несправедливость, невоздержаніе, трусость, невѣжество.—Такъ разрушаетъ ли и губитъ ли ее что-нибудь такое? Размысли, чтобы намъ не обмануться, думая, будто человѣкъ несправедливый и безумный, будучи обличенъ въ несправедливости, погибаетъ отъ ней, какъ отъ существенной порчи. Но дѣлай это слѣдующимъ образомъ: какъ порча тѣла, то-есть болѣзнь, измождаетъ и разрушаетъ тѣло и приводитъ его къ тому, что оно даже перестанетъ быть тѣломъ, равно какъ и все, о чемъ мы недавно говорили, разрушаясь отъ свойственнаго себѣ зла,—все, къ чему оно приразилось и приви- D.
лось, возвращается къ небытію—не правда ли?— Да.—Такимъ же точно способомъ разсматривай и душу. Дѣйствительно ли привившаяся къ ней несправедливость и другая язва, своимъ привитіемъ и приреженіемъ разрушаетъ ее и изсушаетъ, пока, доведши до смерти, не отдѣлитъ ея отъ тѣла? — Этого-то никакъ не бываетъ, сказалъ онъ.—Однакожъ и несообразно, примолвилъ я, что чужое зло губитъ что-нибудь, а свое не губитъ. — Несообразно. — Размысли-ка Главконъ, продол- E.
жалъ я: вѣдь мы не думаемъ, что тѣло должно погибнуть отъ

порчи кушаньевъ, какова бы ни была ихъ давность, протухлость, или что другое; но если порча кушаньевъ зародитъ въ тѣлѣ порчу тѣлесную, мы скажемъ, что тѣло, при посредствѣ ихъ, погибло отъ собственнаго зла — отъ болѣзни; а отъ порчи кушаньевъ, которыя—не то, что тѣло, какъ отъ зла чу-
610. жаго, пока оно не зараждаетъ зла, свойственнаго тѣлу, тѣло, будемъ утверждать, никогда не разрушится. — Очень правильно говоришь, сказалъ онъ. — По этой же самой причинѣ, продолжалъ я, порча тѣла, какъ зло другое для другаго, не можетъ сообщать душѣ порчи душевной; и мы никогда не согласимся, что душа погибаетъ отъ зла чужаго, безъ порчи собственной. — Основательно, сказалъ онъ. — Итакъ, либо обли-
B. чимъ себя, что говоримъ нехорошо, либо, пока не будемъ обличены, никакъ не скажемъ, что душа или отъ горячки, или отъ другой болѣзни, или отъ меча, — на какія бы малыя части кто ни изрѣзалъ цѣлое тѣло, — по этимъ причинамъ когда-нибудь погибаетъ; развѣ пусть докажутъ намъ, что чрезъ эти тѣлесныя страданія она дѣлается несправедливѣе и нечестивѣе. Пока въ чемъ-нибудь есть зло чужое, а свойственнаго отдѣльной вещи нѣтъ; дотолѣ мы никому не позволимъ
C. утверждать, что душа, или что другое подвержено гибели. — Но того-то, конечно, никто не докажетъ, сказалъ онъ, что души умирающихъ, отъ смерти дѣлаются несправедливѣе. — А кто, не желая поставить себя въ необходимость признавать душу безсмертною, осмѣлится туда же идти съ своимъ словомъ и говорить, что умирающій бываетъ злѣе и несправедливѣе; тому мы, конечно, скажемъ, что, какъ скоро говорящій это говоритъ правду, — несправедливость для того, кто ее имѣетъ,
D. смертоносна, какъ болѣзнь, и что, такъ какъ она убиваетъ своею природою, принимающіе ее умираютъ — одни, больше причастные ей, — скорѣе, другіе, меньше, — медленнѣе, между тѣмъ какъ теперь не то — несправедливые умираютъ отъ казни за несправедливость, предписываемой другими. — Но ради Зевса, сказалъ онъ; несправедливость, стало-быть, является не очень страшною, если для принимающаго ее она смер-

тоносна; потому чрезъ нее люди избавлялись бы отъ бѣдъ. Откроется, думаю, скорѣе совершенно противное: она убиваетъ, сколько можетъ, другихъ, а кто имѣетъ ее, того дѣлаетъ очень Е.
живущимъ, да и кромѣ живучести, еще бодрствующимъ. Такъ-то далека она, какъ видно, отъ того, чтобы вселяться ей въ шатеръ смертоносности.—Ты прекрасно говоришь, примолвилъ я. Если же собственная-то порча и собственное зло для убіенія и погубленія души недостаточны; то зло, назначенное на погибель иной вещи, едва ли погубитъ душу, или что другое, кромѣ того, для чего оно назначено.—Едва ли-таки, по всей вѣроятности, сказалъ онъ.—Если же душа никогда не погибаетъ ни отъ одного зла—ни отъ собственнаго, ни отъ чужаго; то явно, что ей необходимо быть всегда: а если душа 611.
существуетъ всегда, то она безсмертна. — Необходимо, сказалъ онъ.—

Пусть же это будетъ такъ, примолвилъ я. Но когда такъ, —ты поймешь, что души всегда тѣ же [1]; ибо какъ скоро ни одна изъ нихъ не погибаетъ, то ихъ не можетъ быть ни меньше, ни больше; потому что, еслибы безсмертныхъ душъ стало нѣсколько больше, онѣ сдѣлались бы, знаешь, изъ смертныхъ, такъ что наконецъ были бы всѣ безсмертны. — Правду говоришь.—А думать такъ тоже нельзя, сказалъ я, ибо разумъ В.
не позволяетъ; да и опять-таки,—по истиннѣйшей своей природѣ, душа не можетъ быть такою, чтобы сама въ себѣ имѣла великое разнообразіе, несходство и различіе.—Какъ ты говоришь? спросилъ онъ.—Нелегко быть вѣчнымъ тому, отвѣчалъ я, что сложно изъ многихъ частей и пользуется сложностію непрекрасною, каковымъ существомъ показалась намъ теперь душа. — Это, въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно. — Между тѣмъ, безсмертіе души необходимо требуется и приведеннымъ

---

[1] Изложивъ первое доказательство безсмертія души, состоящее въ томъ, что душа не можетъ погибнуть ни отъ чужаго, ни отъ своего зла, философъ приступаетъ теперь къ другому и говоритъ, что въ душѣ нѣтъ никакой измѣняемости и непостоянства.

сейчасъ доказательствомъ, и другими [1]; только какова душа C. по истинѣ—для этого надобно созерцать ее не въ поврежденномъ состояніи, происходящемъ отъ общенія ея съ тѣломъ и съ другими началами зла, какъ созерцаемъ мы ее теперь, а въ состояніи чистомъ, которое достаточно созерцается умомъ: тогда-то ты найдешь ее гораздо прекраснѣе и разглядишь яснѣе справедливыя и несправедливыя ея дѣйствія, и все, что доселѣ было разсматриваемо. Теперь мы говорили о ней правду относительно лишь къ тому, какою является она въ настоя- D. щемъ,—именно, созерцали ее расположенною такъ, какъ еслибы смотрѣли на Главкона [2], живущаго въ морѣ, и нелегко узнавали прежнюю его природу—оттого, что изъ прежнихъ частей его тѣла однѣ переломались, другія стерлись и совершенно испорчены волнами, иныя же приросли вновь, образовавшись изъ раковинъ, морскихъ мховъ и кремней, до того, что его природа стала походить гораздо скорѣе на звѣриную, чѣмъ на прежнюю. Такъ созерцаемъ мы и душу, исполненную множествомъ золъ. Напротивъ, вотъ на что надобно смотрѣть, E. Главконъ.—На что? спросилъ онъ.—На философію души [3], и наблюдать, къ чему она привязывается, въ какія вдается бесѣды, какъ сродная съ божественнымъ, безсмертнымъ и всегда сущимъ, и какою сдѣлалась бы, слѣдуя этому вся, съ такимъ усиліемъ вынырнувши изъ моря, въ которомъ она те-

---

[1] Подъ другими доказательствами безсмертія души философъ разумѣетъ, вѣроятно, тѣ, которыя изложены въ Федрѣ и Федонѣ.

[2] Главконъ, живущій въ морѣ, не есть ὑποτύπωσις того Главкона, съ которымъ бесѣдуетъ Сократъ; это есть лицо миѳологическое, о которомъ схоліастъ говоритъ такъ: «Главконъ былъ сынъ Сизифа и Меропы, — морской геній. Очутившись предъ источникомъ безсмертія и сошедши въ него, онъ сталъ безсмертнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему нельзя было никому показать своего безсмертія, и онъ бросился въ море, гдѣ вмѣстѣ съ морскими чудовищами ежегодно обтекаетъ всѣ прибрежья и острова, предсказывая одни несчастія» и т. д. Сравн. *Athenaei* VII, 12. *Schleiermach.* p. 617 sq.

[3] На философію души, то-есть на существенное дѣло самопознанія, на практическое изученіе психологіи по той жизненной методѣ, какую Сократъ преподаетъ своимъ ученикамъ въ Федонѣ p. 79 A sqq., гдѣ доказывается, что душа должна быть относима къ природамъ простымъ и божественнымъ.

перь, и стряхнувъ съ себя кремни и раковины, которыми обложена въ настоящее время, такъ какъ питается землею, и отъ столовъ, называемыхъ столами счастія, обрасла земными, 612. каменными и дикими принадлежностями. Тогда-то можно было бы увидѣть истинную ея природу,—многовидна ли она, или одновидна, вообще, какова въ себѣ и какъ устроена. Теперь же состоянія и виды человѣческой жизни, мы, какъ я думаю, порядочно раскрыли.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—

Итакъ, своимъ разсужденіемъ, продолжалъ я, не оправдались ли мы между прочимъ и въ томъ отношеніи, что справед- B. ливости не присвоили ни наградъ, ни славы, какъ присвояютъ ей это, говорили вы [1], Исіодъ и Омиръ, и не нашли ли, что справедливость въ душѣ сама по себѣ есть величайшее благо, и что совершать справедливое надобно ей, обладаетъ ли она кольцомъ Гигеса, и кромѣ этого кольца,—шлемомъ Аида [2], или не обладаетъ?—Совершенная правда, сказалъ онъ. —Не возбудимъ ли мы теперь зависти, Главконъ, спросилъ я, полагая кромѣ того, что справедливости и всякой добродѣте- C. ли воздаются еще награды, какія, по роду и великости ихъ, могутъ быть воздаваемы душѣ и отъ людей и отъ боговъ, и при жизни человѣка, и когда онъ скончается?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Такъ отдадите ли вы мнѣ то слово, которое взяли взаймы?—Какое слово?—Я далъ вамъ положеніе, что справедливый кажется несправедливымъ, а несправедливый—справедливымъ; ибо вы думали, что хотя это и не можетъ укрыться ни отъ боговъ ни отъ людей, однакожъ для поддержанія своего доказательства, требовали уступки, чтобы, то-есть, спра-

[1] Сократъ приводитъ теперь на память то, чего требовалъ Главконъ Libr II, p. 361 B. C: *ἀφαιρετέον δὴ τὸ δοκεῖν κ. τ. λ. γυμνωτέος δὴ πάντων (ὁ δίκαιος), πλὴν δικαιοσύνης κ. τ. λ.*, и чего домогался также Адимантъ p. 367 B—D: *τὰς δὲ δόξας ἀφαίρει, ὥσπερ Γλαύκων διεκελεύσατο· εἰ γὰρ μὴ ἀφαιρήσεις κ. τ. λ.—μισθοὺς δὲ καὶ δόξας πάρες ἄλλοις ἐπαινεῖν κ. τ. λ.*

[2] О кольцѣ Гигеса см. Libr. II, p. 359 D. Шлемъ Аида, или Ада (преисподней), говорятъ, имѣлъ силу дѣлать невидимымъ того изъ боговъ, кто возлагалъ его на свою голову. См. Hom. Il. V, 845, гдѣ Минерва, надѣвъ на себя шлемъ Плутона, отвела глаза Марса.

ведливость была судима сама въ себѣ по несправедливости
D. самой въ себѣ. Или не помнишь?—Я былъ бы несправедливъ,
еслибы сказалъ: не помню, примолвилъ онъ. — Но такъ какъ справедливость и несправедливость теперь обсужены, то я снова требую, въ пользу справедливости, чтобы славу, какую она имѣетъ у боговъ и людей, и вы своимъ согласіемъ признали справедливою. Пусть несетъ справедливость побѣдные трофеи и, поддерживаемая самыми мнѣніями, передаетъ ихъ тѣмъ, которые пріобрѣли ее, если открылось уже, что и по своему существу, она даритъ блага и не обманываетъ людей, существенно принимающихъ ее.—Справедливо требуешь, сказалъ
E. онъ. — Итакъ, прежде отдайте то, продолжалъ я, что отъ боговъ-то не укрывается, кто каковъ изъ двоякаго рода людей. —Отдаемъ, сказалъ онъ.—Если же они не укрываются, то справедливый будетъ боголюбезенъ, а несправедливый богоненавистенъ, въ чемъ мы согласились при самомъ началѣ.—Такъ. —Но не согласимся ли, что для боголюбезнаго все, что про-
613. исходитъ отъ боговъ, происходитъ какъ самое лучшее благо, если не прилучится ему какого-нибудь необходимаго зла отъ перваго грѣха?—Конечно.—Слѣдовательно, человѣкъ справедливый живетъ ли въ бѣдности, страдаетъ ли отъ болѣзней, или отъ другихъ кажущихся золъ, о немъ надобно судить такъ, что это окончится для него добромъ, или при жизни, или по смерти; вѣдь боги-то никогда не оставляютъ того, кто усердно хочетъ сдѣлаться справедливымъ и, упражняясь въ добродѣтели, сколько возможно человѣку, старается уподобляться
B. Богу.—Вѣроятно, сказалъ онъ, что такого не оставитъ тотъ, кому онъ подобенъ.—А о несправедливомъ не должно ли мыслить напротивъ?—Непремѣнно.—Такъ у боговъ для справедливаго, должно быть, есть такія какія-то трофеи побѣды.— Да и по моему мнѣнію, сказалъ онъ.—Что же у людей? спросилъ я:—если сказать правду,—не слѣдующее ли бываетъ? Люди хитрые и несправедливые не то же ли дѣлаютъ, что бѣгуны, которые снизу бѣгутъ хорошо, а сверху нѣтъ? Въ пер-
C. вомъ случаѣ они сильно скачутъ, а при концѣ дѣлаются смѣш-

ными, кладутъ уши на плечи и уходятъ неувѣнчанные. Между тѣмъ истинные скороходы, добѣжавъ до конца, получаютъ награды и увѣнчиваются. Не то же ли самое случается большею частію и съ справедливыми? Не при концѣ ли каждаго дѣла, каждой связи и жизни прославляются они и получаютъ отъ людей награды?—И очень.—Слѣдовательно, ты позволишь мнѣ о справедливыхъ сказать то, что самъ говорилъ о несправедливыхъ. Вѣдь я скажу, что справедливые, ставъ постарше, D.
несутъ въ городѣ правительственныя должности, какія хотятъ, берутъ себѣ жену, откуда хотятъ, выдаютъ дочерей, за кого хотятъ,—и все, что ты говорилъ о тѣхъ, я говорю теперь объ этихъ. Скажу опять и о несправедливыхъ, что многіе изъ нихъ если въ молодости и таятся, то пришедши къ концу поприща, дѣлаются смѣшными и, доживъ до старости, бѣдные, бываютъ предметомъ поношенія у иностранцевъ и горожанъ, подвергаются побоямъ и, что̀, говоря справедливо, почелъ бы ты нака- E.
заніемъ самымъ жестокимъ, колесуются и ослѣпляются раскаленнымъ желѣзомъ. Все это объ ихъ страданіяхъ ты, почитай, слышалъ отъ меня. Но что̀ я говорю, смотри, допустишь ли?—И очень, сказалъ онъ; потому что ты говоришь справедливо.—

Итакъ, кромѣ благъ, которыя даетъ справедливость, разсматриваемая сама въ себѣ, продолжалъ я, вотъ какія награ- 614.
ды, воздаянія и дары человѣкъ справедливый получаетъ отъ боговъ и людей еще при жизни.—Конечно, сказалъ онъ,—прекрасные и прочные.—Но эти, примолвилъ я, ни по качеству, ни по количеству, ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми воздаяніями, которыя какъ справедливыхъ такъ и несправедливыхъ ожидаютъ по смерти. Надобно слышать о нихъ, чтобы тотъ и другой совершенно понялъ, что̀ полезнаго долженъ онъ получить отъ нашей бесѣды. — Говори, сдѣлай милость, сказалъ онъ, и вѣрь, что немного предметовъ, о которыхъ я слушаю съ такимъ удовольствіемъ.—Впрочемъ, приведу разсказъ- B.
то вѣдь не Алкиноя [1], примолвилъ я, а мужественнаго человѣка.

---

[1] Разсказъ или апологъ Алкиноя у Грековъ вошелъ въ пословицу, которою

Жилъ Иръ[1], сынъ Арменія, родомъ изъ Памфиліи. Онъ былъ убитъ на войнѣ. Когда чрезъ десять дней стали собирать тѣла убитыхъ, которыя уже испортились, тѣло Ира найдено неповредившимся и принесено домой для погребенія. Но здѣсь, пролежавъ на кострѣ двѣнадцать дней, Иръ ожилъ и, оживши, разсказывалъ, что тамъ видѣлъ. Какъ скоро душа его вышла
C. изъ тѣла, говорилъ онъ, тотчасъ пошла со многими другими, и прибыли онѣ въ какое-то дивное мѣсто, гдѣ земля имѣетъ двѣ, взаимно соединенныя разсѣлины[2], а противъ нихъ—вверху, двѣ разсѣлины неба. Между ними сидѣли судьи, которые, окончивъ судъ, справедливымъ приказывали идти направо — вверхъ, чрезъ небо, и судимымъ напечатлѣвали знаки на челѣ, а несправедливыхъ посылали налѣво — внизъ, тоже съ
D. знаками назади, которые показывали все, что они дѣлали. Потомъ, подошедши къ Иру, они сказали: этого надобно послать вѣстникомъ къ живущимъ тамъ людямъ, и приказали ему выслушать въ томъ мѣстѣ и осмотрѣть все. Итакъ, вотъ онъ видитъ души, отшедшія въ обѣ разсѣлины неба и земли, когда оконченъ былъ надъ ними судъ; между тѣмъ съ другой стороны

означаемо было длинное и баснословное повѣствованіе. Svidas: Ἀπόλογος Ἀλκίνου· ἐπὶ τῶν φλυαρούντων καὶ μακρὸν ἀποτεινόντων λόγον. Полагаютъ, что эта пословица взята изъ Омировой Одиссеи (ι, κ', λ', μ'), гдѣ Улиссъ, на пиру ѳеакскаго царя Алкиноя, разсказываетъ басни о преисподней и чудовищныя выдумки о лотоѳагахъ, лестригонахъ и другихъ подобнаго рода предметахъ. См. Schol. ad h. l. и *Erasm.* Adag. Chil. II. Cent. IV, 32, p. 388.

[1] Разсказъ объ Ирѣ приводится весьма многими писателями, напримѣръ: *Plutarch.* Sympos. IX, 5, p. 740. *Justin.* Cohort. ad gent. p. 101. *Clement. Alex.* Strom. V, p. 598. *Origen.* c. Cels. II, 16. T. I, p. 402, ed. Paris. *Cyrill.* c. Julian. VII, p. 250. *Theodoret.* Serm. XI, p. 653. *Valer. Maxim.* I, 8, 1. *Augustin.* de Civit. Dei XXII, 28. *Macrob.* in Somnis Scip. I, 1, 2 et 5. Но откуда взятъ этотъ разсказъ,—неизвѣстно. Всѣ указываютъ на сочиненія Платона, какъ на первый его источникъ. А по Клименту, Иръ былъ не кто другой, какъ Зороастръ: къ этой мысли привели его начальныя слова приписываемой Зороастру книги; но эта книга родилась едва ли не въ александрійской школѣ.

[2] «Duo ostia: alterum, per quod animae descendunt in corpora; alterum, per quod e vita redeunt. *Plutarch.* Gen. Socr. p. 591 C: unum χάσμα ponit, per quod animae adscendant ac descendant. Vid. *Wittenb.* ad Plut. De S. N. V, p. 114, et ad Phaedon. p. XLII. Astius.» См. что своимъ образомъ говоритъ объ этомъ *Порфирій* De antro Nymph. p. 364, 268 sq.

восходили изъ земли другія, до крайности грязныя и запыленныя, а со стороны противуположной,—съ неба, нисходили чистыя. И всѣ прибывшія, казалось, совершили очень дальній E.
путь и, весело вышедши на лугъ, образовали какбы праздничное собраніе: знакомыя привѣтствовали другъ-дружку; небесныя распрашивали пришедшихъ изъ земли — о томъ, что тамъ, а земныя—пришедшихъ съ неба—о томъ, что у нихъ. Съ слезами и стонами разсказывали онѣ одна другой свои воспоминанія, сколько сами испытали и какія видѣли страданія 615.
въ своемъ путешествіи подъ землею,—а это путешествіе продолжалось тысячу лѣтъ; тѣ же, что съ неба, описывали свои наслажденія и, по красотѣ, чрезвычайныя зрѣлища. Но о многомъ, Главконъ, разсказывать долго; главное въ его разсказѣ было слѣдующее: Сколько бы неправдъ ни сдѣлалъ кто и кому бы ни сдѣлалъ,—за все и за всѣхъ воздавалось ему пропорціонально—въ десять разъ, и это по столѣтіямъ—ибо такимъ именно временемъ опредѣлялась человѣческая жизнь, — B.
чтобы наказаніе за неправду было дѣйствительно десятикратное. Поэтому, кто былъ виновникомъ многихъ смертей, предателемъ городовъ или войскъ, поработителемъ ихъ и причастникомъ другихъ злодѣяній; тотъ за все это порознь переносилъ десятикратныя страданія: и опять,—кто расточалъ благодѣянія, былъ справедливъ и благочестивъ; тотъ въ такой же пропорціи получалъ награду. Что̀ говорилъ онъ о тѣхъ, которые умирали, только что родившись, и жили недолго, о томъ C.
не стоитъ упоминать. Но говоря о благочестіи и нечестіи въ отношеніи къ богамъ и родителямъ, и о сознательномъ человѣкоубійствѣ, онъ приводилъ себѣ на память еще бо́льшія воздаянія. При мнѣ, говоритъ, одинъ спрашивалъ у другаго: гдѣ теперь великій Аридей? А этотъ Аридей былъ тираннъ одного памфилійскаго города, жившій за тысячу лѣтъ D.
до того времени, убившій, какъ разсказываютъ, своего отца-старика и старшаго брата, и совершившій много другихъ нечестивыхъ дѣлъ. Тотъ, котораго спросили объ Аридеѣ, отвѣчалъ, говоритъ, такъ: онъ не пришелъ, да полагаютъ, что и

не можетъ придти сюда [1]. Вѣдь вотъ какое страшное видѣли
мы зрѣлище: когда, вытерпѣвши уже прочія свои страданія,
мы находились близъ устья разсѣлины и готовы были выдти,
—вдругъ видимъ его и другихъ весьма многихъ, почти та-
кихъ же тиранновъ; были съ ними и нѣкоторые частные лю-
E. ди—совершители великихъ грѣховъ. Когда они думали уже
взойти,—устье не принимало ихъ и, лишь только который-
нибудь изъ этихъ неисцѣлимыхъ, или не довольно еще нака-
занныхъ злодѣевъ хотѣлъ выступить, издавало ревъ. Тутъ-
то, почтеннѣйшіе, говорилъ онъ, являлись существа дикія,
на видъ огненныя, и повинуясь реву устья, брали ихъ пооди-
616. начкѣ и уводили, а Аридея и другихъ, связавъ по ногамъ, ру-
камъ и головѣ, бросили наземь и, содравши съ нихъ кожу,
волокли ихъ у окраины дороги по колючему кустарнику, при-
чемъ прохожимъ давали знать, за что терпятъ они такія муче-
нія, прибавляя, что волокутъ ихъ, съ намѣреніемъ бросить въ
тартаръ, гдѣ, говоритъ, выше другихъ многихъ и различныхъ
внушенныхъ имъ страховъ, будетъ страхъ, какъ бы каждо-
му, когда онъ станетъ восходить, не пробудить того рева, что-
бы всякій, при молчаніи устья, восходилъ съ удовольствіемъ.
Таковы-то тамъ суды и казни! Соотвѣтственны имъ также и
B. награды. Проведшіе на лугу семь дней—на восьмой должны
были подняться оттуда, идти, и въ четыре дня прибыть на то
мѣсто, съ высоты котораго увидятъ они простирающійся чрезъ
все небо и землю прямой свѣтъ, въ видѣ столпа [2], подобный
особенно Ирисѣ, только блистательнѣе и чище ея. Къ тому

[1] *И не можетъ придти сюда*, *ουδ' ἂν ἥξει δεῦρο*. Частица *ἄν*, поставляемая большею частію предъ сослагательнымъ и желательнымъ наклоненіями, весьма рѣдко встрѣчается предъ будущимъ наклоненія изъявительнаго; и это бываетъ не безъ особеннаго оттѣнка рѣчи. Apolog. p. 29 C: *ὡς, εἰ διαφευξοίμην, ἤδη ἂν ὑμῶν οἱ ὑιεῖς — διαφθαρήσονται*. Phaedon. p. 61 C: *οὐδ' ὁπωστιοῦν ἄν σοι ἑκὼν εἶναι πείσεται*. Примѣры такого словосочиненія представляетъ Schaeferus ad Gregor. Corinth. p. 66, и другіе. Но почему *ἂν* соединяется съ будущимъ, старался объяснить *Reisigius* de *ἄν* particula p. 99 sqq. Conf. *Rost*. Gramm. § 120 C p. 459, ed. 3. Иначе полагаетъ *Hermannus*, который со всею тонкостію критика прослѣдилъ употребленіе этой частицы. Lib. I, cap. VIII.

[2] Этотъ прямой свѣтъ, или опредѣляющаяся полюсами колонна свѣта, по

свѣту достигаютъ они въ одинъ день пути и тамъ, среди свѣта, видятъ висящіе концы небесныхъ связей; потому что этотъ свѣтъ есть союзъ неба, связующій всю его окружность, подобно обвязкѣ, скрѣпляющей корабли [1]. На тѣхъ концахъ виситъ веретено необходимости [2], дающее вращательное движеніе всѣмъ окружностямъ. Стрѣлка и крючокъ веретена сдѣланы изъ стали, а пятка составлена изъ этого и другихъ родовъ. Природа веретенной пятки—такова: по виду она не отличается отъ здѣшней; но судя по описанію Ира, надобно полагать въ ней нѣчто похожее на то, что въ одну большую, пустую и выдолбленную пятку веретена, во всю ея величину, вложена другая такая же, относительно къ ней меньшая, подобно тому, какъ вкладываются одинъ въ другой сосуды. Потомъ во второй помѣщена такимъ же образомъ третья, въ C. D.

изъясненію Бэкка (de Platon. Systemate Cœlest. Globor. p. VI), есть не что иное, какъ млечный путь. Это мнѣніе нравится и Шлейермахеру.

[1] По мнѣнію Аста, Платонъ здѣсь слѣдовалъ воззрѣніямъ какихъ-нибудь древнѣйшихъ философовъ, особенно Пиѳагорейцевъ; ибо подобное Платонову ученіе мы встрѣчаемъ еще у Парменида, который крайнее кольцо, опоясывающее весь эѳиръ, называлъ коронадою. См. *Cicer.* De Natur. D. I, 11. Да и то, что говорится о соотвѣтственности послѣдовательныхъ круговращеній, идетъ также къ Парменидовымъ *στεφάνας περιπεπλεγμένας ἐπαλλήλους*. См. *Stob.* Eclogg. Phys. I, p. 482, ed. Heer. У Парменида вводятся также понятія *Ἀνάγκη* и *Δίκη*, какъ правительницы неба. Parmen. Fragmentt. p. 42, ed. Fülleborn. Были и такіе, которымъ настоящее ученіе Платона казалось близкимъ къ Филолаеву *περὶ ἑστίας τοῦ παντός*; такъ какъ это *ἑστία* было у него *Διὸς οἶκος, βωμός τε καὶ συνοχὴ καὶ μέτρον φύσεως* и называлось *Διὸς φυλακή*. *Plut.* Placit. Philos. III, 11. *Aristot.* de coelo II, 13. *Chalcid.* ad Tim. p. 219.

[2] Веретено необходимости есть эмблема системы звѣзднаго міра. Чтобы понять эту эмблему, надобно мысленно стать внѣ плоскости нашего экватора и протянуть міровую ось такъ, чтобы діаметръ этого круга, коего центръ—земля, относился къ оси, какъ малая ось веретена относится къ оси большой. Потомъ, надобно представить себѣ веретено, подъ формою, очень отличною отъ той, какую даютъ ему въ наше время: это не есть, какъ напримѣръ въ Германіи, форма, похожая на 8, или, какъ во Франціи, форма пораболическая, на двухъ оконечностяхъ заостренная; это скорѣе есть стрѣла однообразной величины, къ срединѣ которой, по направленію къ нижнему ея концу, прикрѣпленъ отвѣсъ, или пятка веретена, въ видѣ пустой сферы. Такая сфера, содержащая въ себѣ семь другихъ концентрическихъ сферъ, представляетъ различныя сферы планетъ, или различные этажи неба, вращающагося около земли, утвержденной на самой оси веретена.

третьей—четвертая, и наконецъ еще четыре; такъ что всѣхъ веретенныхъ пятокъ восемь, и всѣ онѣ, вложенныя одна въ другую, сверху являются въ видѣ сферъ, а сзади имѣютъ нераз-
E. дѣльный видъ одной веретенной пятки, обхватывающей стрѣлку, которая проходитъ насквозь въ центрѣ чрезъ восьмую изъ нихъ. Первая и внѣшняя пятка образуетъ на поверхности сферу самую большую [1], шестая — вторую ея часть, четвертая—третью, восьмая—четвертую, седьмая—пятую, пятая—шестую, третья—седьмую, вторая—восьмую. Притомъ, сфера пятки наибольшей отличается разноцвѣтностію [2], сфера седь-

---

[1] Это отношеніе небесныхъ сферъ, вразсужденіи ихъ величины и движенія, по нашему мнѣнію, хорошо объясняетъ Фоксъ. Высшее, или внѣшнее (крайнее) небо, говоритъ онъ (Платонъ и Аристотель допускали восемь небесныхъ тѣлъ),—изъ всѣхъ самое обширное, потому что далѣе всѣхъ отстоитъ отъ центра, и въ своемъ объемѣ заключаетъ всѣ прочія. Величина же прочихъ небесныхъ тѣлъ опредѣляется уже сравнительно съ осьмымъ, такъ какъ составляетъ извѣстную его часть. Поэтому и говорится, что шестое небесное тѣло, по величинѣ, составляетъ вторую часть того высшаго, четвертое — третью, восьмое — четвертую, седьмое — пятую, пятое — шестую, третье — седьмую, второе — восьмую. Такимъ образомъ въ восьми тѣлахъ Платонъ находитъ восемь взаимно пропорціональныхъ интерваловъ: и такъ какъ всѣ тѣла совершаютъ соотвѣтственное своимъ величинамъ и разстояніямъ движеніе; то отсюда должна была происходить такъ называемая пиѳагорейская музыка небесныхъ сферъ. Такъ объясняетъ это мѣсто Фоксъ, и высшую сферу называетъ восьмымъ небомъ. Но Платонъ не соединялъ съ нею этого числа, а понималъ ее какъ *τὸν πρῶτον τε καὶ ἐξωτάτω σφόνδυλον*: восьмымъ же тѣломъ почиталъ, кажется, землю, помѣщенную у самой оси вселенной. Сравн. *Schleiermach.* p. 622. *Boeckh.* De Platon. System. Coelest. Globor. p. VI.

[2] Изъ восьми концентрическихъ сферъ, первая, внѣшняя, есть сфера неподвижныхъ звѣздъ; вторая—Сатурнъ, третья—Юпитеръ, четвертая—Марсъ, пятая—Меркурій, шестая—Венера (См. Tim. p. 38, гдѣ Платонъ допускаетъ такую же погрѣшность въ порядкѣ планетъ, ставя Меркурія выше Венеры), седьмая—солнце, восьмая—луна; а земля находится на самой оси системы. Чтобы замѣтить предѣлы этихъ планетъ, или ограничивающіе ихъ поясы, которые должны находиться непремѣнно на экваторѣ каждой сферы, надобно смотрѣть на нихъ сверху. Эти свѣтлые и разноцвѣтные предѣлы, по Шлейермахеру, суть не иное что, какъ различные отблески планетъ (принимая въ расчетъ особенно зодіакъ), которыхъ круговое движеніе столь быстро, что можетъ образовать непрерывную ленту, какъ образуетъ ее описывающій одну и ту же орбиту раскаленный уголь. Что же касается до различной широты этихъ лентъ, то она зависитъ отъ того, что планеты и зодіакъ, не пробѣгая самаго экватора своей сферы, различнымъ образомъ наклоняются къ этому экватору. Отсюда цвѣта тѣхъ лентъ становятся соотвѣтствующими цвѣтамъ самыхъ звѣздъ. Зодіакъ представ-

мой—блистательностію, сфера восьмой сіяетъ цвѣтомъ отъ седьмой, сферы второй и пятой, похожія одна на другую, золо- 617.
тистѣе первыхъ, третья цвѣта самаго бѣлаго, четвертая нѣсколько краснаго, а вторая по бѣлизнѣ выше шестой. Пущенное веретено совершаетъ движеніе по тому же направленію всецѣло: но въ цѣломъ его составѣ, при круговращеніи, внутреннія семь сферъ тихо движутся въ противную сторону[1], и изъ этихъ самыхъ скорѣе идетъ восьмая, а слѣдующая за тѣмъ, вмѣстѣ со взаимными, то-есть седьмая, шестая и пя- B.
тая,—медленнѣе; третья же, по движенію, какъ имъ кажется, вращается назадъ равномѣрно съ четвертою, четвертая — съ третьею, пятая—со второю. Веретено вертится между колѣнами Ананки. На каждомъ кругѣ его сверху сидитъ сирена[2] и, вращаясь вмѣстѣ съ кругомъ, издаетъ одинъ голосъ, одинъ тонъ. Изъ восьми же тоновъ составляется одна гармонія. Между тѣмъ вокругъ, въ равномъ разстояніи, сидятъ, каждая на C.
престолѣ, другія три дочери Необходимости—парки, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, — Лахеса, Клото и Атропа, и подъ гармонію сиренъ воспѣваютъ — Лахеса про-

---

ляетъ различную цвѣтность, по различію звѣздныхъ оттѣнковъ, изъ которыхъ онъ слагается. Седьмая сфера, — солнце, очень блистательна, восьмая, — луна и земля, отсвѣчивается ея блескомъ. Желтоватый оттѣнокъ второй и пятой сферы есть оттѣнокъ Сатурна и Меркурія. Бѣлизна третьей и красноватость четвертой сферы совершенно характеризуютъ видъ Юпитера и Марса.

[1] О двоякомъ движеніи неба см. Tim. p. 36 B sq. Веретено въ цѣломъ своемъ составѣ, или крайнее небо,—система неподвижныхъ звѣздъ, круговращается всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, въ одномъ и томъ же пространствѣ, съ одною и тою же скоростію: но прочія семь, внутри его находящіяся тѣла, совершаютъ движеніе противуположное и движутся медленнѣе, хотя не всѣ равномѣрно. Изъ этихъ семи тѣлъ Платонъ самое быстрое движеніе приписываетъ землѣ; затѣмъ Меркурій, Венера и солнце движутся медленнѣе; еще же медленнѣе вращаются Сатурнъ, Юпитеръ и Марсъ.

[2] Платонъ на каждой сферѣ сажаетъ особую сирену, которая всѣ отдѣльные, производимые сферою звуки сливаетъ въ одинъ. Такимъ образомъ все небо круговращеніемъ своихъ шаровъ образуетъ восемь тоновъ—октахордъ. Изъ этого можно заключать, что Пиѳагорейцы составили музыкальный свой октахордъ, примѣняясь къ идеѣ гармоніи, какую должны производить восемь небесныхъ сферъ. *Aristot.* de Coelo II, 9. *Cicer.* Somnium Scipion. 5. *Macrob.* in Somn. Scip. II, 2, 3. *Nicomach.* Harmon. I, 3; al.

шедшее, Клото настоящее, Атропа будущее [1]. Клото, въ известные промежутки времени дотрогиваясь правою рукою до веретена, чтобы принять участіе въ его вертеніи, сообщаетъ ему движеніе внѣшнее; Атропа, то же дѣлая рукою лѣвою, способствуетъ движенію его внутреннему; а Лахеса въ пользу
D. того и другаго движенія дѣйствуетъ преемственно обѣими руками. Итакъ, тѣ души, пришедши сюда, тотчасъ должны были подойти къ Лахесѣ. Здѣсь какой-то прорицатель сперва поставилъ ихъ въ порядокъ, потомъ, взявъ съ колѣнъ Лахесы жребіи и образцы жизней, возшелъ на высокія подмостки и началъ говорить: Слово дѣвы Лахесы, дочери Необходимости. Души привременныя! вы вступаете въ новый періодъ смертнаго, смерть носящаго рода. Не геній будетъ избирать васъ,
E. а вы изберете генія. Первый, кто получитъ жребій, первый избери жизнь, и къ ней будетъ онъ привязанъ необходимостью. Добродѣтель не знаетъ владычества: каждый будетъ имѣть ее больше или меньше, смотря по тому, чтитъ ли ее, или уничижаетъ. Вина на избирающемъ; Богъ не виновенъ. Сказавъ это, онъ бросилъ на всѣхъ жребіи, и каждая душа, кромѣ Ировой, взяла тотъ, который упалъ подлѣ нея; Иру не
618. было это позволено. Когда же жребіи были подняты, тотчасъ открылось, кто что получилъ. Послѣ того опять положилъ онъ предъ ними наземь образцы жизней, которыхъ было гораздо больше, сравнительно съ числомъ присутствовавшихъ душъ, и они были многоразличны: потому что тутъ предла-

[1] Шлейермахеръ замѣчаетъ: Клото,—парка настоящаго, сообщаетъ зодіаку и прочимъ неподвижнымъ звѣздамъ круговое движеніе. Атропа, воспѣвающая будущее, распоряжается планетными кругами, такъ чтобы между ними происходили извѣстныя сочетанія и противуположности, которыя, какъ говорится въ Тимеѣ, людямъ умнымъ предзнаменуютъ будущія событія. На Лахесѣ, паркѣ прошедшаго, лежитъ обязанность раздавать жребіи конечно потому, что всякая родившаяся душа принадлежитъ прошедшему, такъ какъ она уже жила: ибо, чрезъ рожденіе новыхъ душъ, нетолько не увеличивается число ихъ, но должны постоянно оставаться тѣми же самыми и различныя формы человѣческой жизни, и возвращаться періодически на поприще исторіи, вмѣстѣ съ періодическимъ круговращеніемъ небесныхъ тѣлъ. При этомъ всякой душѣ предоставлена лишь свобода избирать себѣ поприще, по времени избираемой жизни, либо должайшее, либо кратчайшее.

гались жизни нетолько всѣхъ людей, но и всѣхъ животныхъ[1]; тутъ находились даже тиранніи—иныя пожизненныя, другія —на срединѣ поприща прерываемыя, и оканчивающіяся то бѣдностію, то изгнаніемъ, то нищетою; тутъ были и жизни людей знаменитыхъ, изъ которыхъ одни должны прославиться видомъ, красотою, силою и подвигами, а другіе—происхож- B. деніемъ и добродѣтелями предковъ; тутъ же—и жизни людей незнатныхъ, равно какъ и женщинъ. Но тутъ не былъ принимаемъ въ расчетъ рангъ души; потому что, избравъ иную жизнь, она необходимо должна измѣниться. Въ другихъ отношеніяхъ души были перемѣшаны — богатыя съ бѣдными, больныя съ здоровыми, а нѣкоторыя занимали средину между этими состояніями. —

Такъ вотъ здѣсь-то, какъ видно, все испытаніе человѣка, любезный Главконъ; и потому надобно особенно стараться о томъ, чтобы каждый изъ насъ, не заботясь о другихъ на- C. укахъ, былъ изслѣдователемъ и ученикомъ этой науки, лишь бы только освѣдомиться и открыть, кто въ состояніи доставить намъ способность и знаніе, какъ, чрезъ различеніе въ жизни добраго и дурнаго, всегда и вездѣ избирать жизнь изъ возможныхъ наилучшую, расчитывая все, какъ теперь сказано, и расчитываемое примѣняя къ добродѣтельной жизни, какова она бываетъ; какъ узнать, что такое красота, сопровождаемая богатствомъ или бѣдностію, въ какомъ состояніи D. душа дѣлаетъ зло и добро, что такое—благородство и неблагородство, частная и правительственная дѣятельность, сила и

[1] Замѣчаютъ, что у Платона состоянія жизни мужеской и женской, человѣческой и скотской предлагаются на выборъ всѣмъ душамъ безъ различія, что души самою своею природою не распредѣляются ни по пóламъ, ни по разумности, и что различіе пóловъ, равно какъ отличіе существа разумнаго отъ неразумнаго, зависитъ не отъ души, а отъ того, какое тѣло избрала себѣ извѣстная душа. Но должно сказать, что вопросъ о причинѣ и происхожденіи половаго различія между людьми у Платона нигдѣ опредѣленно не рѣшается; а относительно втораго пункта мысль его такова, что души животныхъ тоже безсмертны и даже разумны; только въ настоящемъ своемъ тѣлѣ не могутъ обнаруживать разумности.

слабость, образованіе и необразованность, и все подобное, по природѣ, имѣющее отношеніе къ душѣ и пріобрѣтаемое; — какъ узнать, что такое происходитъ отъ взаимнаго сочетанія сихъ свойствъ, чтобы изъ всего этого можно было раціонально избрать относящееся къ природѣ души — худшую и лучшую
E. жизнь, худшую такъ называемую, которая поведетъ душу такъ, что она станетъ несправедливѣе, а лучшую ту, которая сдѣлаетъ ее справедливѣе, все же прочее оставить. Вѣдь мы видѣли, что это избраніе есть важнѣйшее дѣло и для жи-
619. вущаго и для умершаго. Надобно идти въ преисподнюю, сообщивъ въ себѣ этому мнѣнію твердость адамантовую, чтобы и тамъ не ослѣпиться ни богатствомъ, ни другимъ подобнымъ зломъ, и, позволивъ себѣ тираннію или иныя такія же дѣлане совершить множества невыносимыхъ преступленій и не пострадать еще больше самому, но умѣть всегда избирать жизнь среднюю между этими крайностями, избѣгая излишества на той и другой сторонѣ,—и въ этой жизни, по возможности, и во всей послѣдующей. Такимъ-то образомъ чело-
B. вѣкъ дѣлается счастливѣйшимъ!

Наконецъ, возвратившійся въ то время оттуда вѣстникъ объявилъ и слѣдующія слова прорицателя: кто приступитъ къ выбору и послѣ другихъ, лишь бы онъ сдѣлалъ выборъ благоразумно и жилъ строго; тому, все равно, предлежитъ жизнь пріятнѣйшая, а не худая. И начинающій избраніе пусть не будетъ безпеченъ, и заключающій его пусть не теряетъ бодрости. Какъ скоро сказалъ онъ это, — первый, кому выпалъ жребій, тотчасъ вышелъ и сказалъ, что онъ избираетъ величайшую тираннію. Безуміе и ненасытность не позволили ему
C. при выборѣ разсмотрѣть все достаточно; отъ него утаилась связанная съ этимъ избраніемъ судьба, что онъ пожретъ собственныхъ дѣтей и совершитъ другія беззаконія. Поэтому, размысливши на досугѣ, началъ онъ убиваться и горевать отъ своего избранія, и не хотѣлъ довольствоваться предсказаніемъ прорицателя, ибо не себя обвинялъ въ этихъ злодѣяніяхъ, а случай, геніевъ, и скорѣе все, чѣмъ себя. Между

тѣмъ онъ былъ изъ пришедшихъ съ неба, и первую жизнь
провелъ подъ благоустроеннымъ правленіемъ, только упраж-
нялся въ добродѣтели по одной привычкѣ, безъ философіи.
Потому-то и говорили, что изъ числа приходящихъ съ неба D.
немало такихъ, которые попадаются, такъ какъ не упраж-
нялись въ трудахъ: напротивъ, многіе прибывающіе изъ зем-
ли, такъ какъ и сами они трудились, и другихъ видѣли тру-
дящимися, дѣлаютъ выборъ не съ набѣгу. Оттого-то въ от-
ношеніи ко многимъ душамъ переиначеніе добрыхъ и худыхъ
событій бываетъ также и ради случайностей ихъ жребія. Вѣдь
кто всякій разъ, приходя въ здѣшнюю жизнь, здраво фило-
софствовалъ бы, и жребій избранія выпалъ бы ему не въ чис- E.
лѣ послѣднихъ; тотъ, по тамошнимъ опредѣленіямъ, должно
быть, наслаждался бы счастіемъ нетолько здѣсь, но и путе-
шествуя отсюда туда и обратно, совершалъ бы путь не зем-
ной и трудный, а гладкій и небесный. Стоило посмотрѣть, го-
ворилъ онъ, на то зрѣлище, какъ всякая душа избирала себѣ
жизнь. Это было зрѣлище жалкое, смѣшное и удивительное. 620.
Выборъ совершался большею частію примѣнительно къ при-
вычкамъ прежней жизни. Я видѣлъ, говоритъ, какъ душа,
принадлежавшая когда-то Орфею, теперь избирала жизнь ле-
бедя, по ненависти къ женскому полу, поколику принявъ
смерть отъ женщинъ, не хотѣла, чтобы родила ее женщина;
видѣлъ я и душу Тамира [1], избравшую жизнь соловья; видѣлъ
и лебедя, обратившагося къ выбору жизни человѣческой; ви-
дѣлъ и другихъ музыкальныхъ животныхъ, сдѣлавшихъ, вѣ-
роятно, такое же избраніе. Выпало тамъ одной душѣ избрать B.
жизнь льва [2]. Это была душа Аякса, сына Теламонова, кото-
рая, помня о судѣ касательно Ахиллесова вооруженія, не хо-
тѣла сдѣлаться человѣкомъ. Сюда относится и душа Агамем-

---

[1] Миѳическое сказаніе объ Орфеѣ и о путешествіи его въ преисподнюю см. *Ovid.* Metamorph. XI in. Извѣстенъ также разсказъ о Тамирѣ, какъ онъ рѣшился состязаться съ музами и, побѣжденный ими, лишенъ былъ зрѣнія. *Homer.* Iliad. II, 595.

[2] Объ этомъ см. *Homer.* Odyss. X, 540 sqq.

нона, которая тоже, за претерпенныя страданія, была враждебна человѣческому роду и измѣнила свою жизнь въ орлиную. Получившая же жребій въ срединѣ душа Аталанта[1], засмот-
C. рѣвшись на великія почести, воздаваемыя борцу, не могла обойтись, чтобъ не пожелать и самой быть борцомъ. Послѣ этого видѣлъ я, говоритъ, душу Эпіаса, сына Панопеева[2], шедшую въ природу женщины-художницы. Далеко между послѣдними видѣлъ я также душу шута Терсита, облекшуюся въ обезьяну. Но послѣ всѣхъ, получившихъ жребій, случай представился выбирать жизнь душѣ Одессея. Помня прежнія безпокойства, она, безъ всякаго честолюбія, въ продолженіе немалаго времени искала себѣ жизни человѣка частнаго, беззабот-
D. наго, и съ трудомъ нашла ее, лежавшую гдѣ-то тамъ и презираемую другими; увидѣвъ же ее, сказала, что она тоже бы сдѣлала, еслибы и первая вынула жребій, и охотно избрала ее. Такимъ же образомъ и изъ всѣхъ звѣрей души переселялись то въ людей, то однѣ въ другихъ, и притомъ несправедливыя измѣнялись въ дикихъ, а справедливыя въ кроткихъ, и смѣшивались всякимъ смѣшеніемъ. Наконецъ, избравъ себѣ жизни по жребію, всѣ души въ порядкѣ предстали предъ
E. Лахесою. Она для каждой души, котораго какая избрала себѣ генія, того же самаго посылаетъ и стражемъ ея жизни и исполнителемъ ея намѣреній. Геній свою душу ведетъ сперва къ Клото, которая своею рукою и круговоротомъ вертящагося веретена утверждаетъ избранную по жребію судьбу. Прикоснувшись къ веретену, душа, подъ руководствомъ своего генія, идетъ къ прялкѣ Атропы, которая то, что порвалось, дѣлаетъ невозвратнымъ. Наконецъ отсюда уже, не оглядываясь на-
621. задъ, отправляется она къ престолу Необходимости и переходитъ чрезъ него. Когда же перешли и другія,—всѣ онѣ предпринимаютъ путь въ долину Леты, палимыя жаромъ и

---

[1] Объ Аталантѣ чит. *Ovid.* Metam. X, v. 560 sqq.

[2] Эпіаса почитали строителемъ того деревяннаго коня, котораго Греки ввели въ Трою. *Hom.* Odyss. VIII, 493. XI, 522. *Virgil.* Aeneid. II, 264.

сильнымъ зноемъ; потому что тамъ нѣтъ ни деревъ, ни другой земной растительности. По наступленіи вечера, онѣ остановились на ночь у рѣки Амелиса, которой вода не удерживается ни въ какомъ сосудѣ. Поэтому мѣрою той воды, по необходимости, становится самое питье, и кто не соблюдаетъ B.
благоразумія, тотъ пьетъ ее свыше мѣры; всегда же пьющіе эту воду все забываютъ. Когда, напившись, онѣ заснули,— среди полуночи загремѣлъ громъ, произошло землетрясеніе, и онѣ вдругъ разсыпались, которая куда—по мѣстамъ своего рожденія, какъ падающія звѣзды. Но мнѣ, сказалъ онъ, не было позволено пить воду. Какимъ образомъ и гдѣ вошелъ я въ тѣло, не знаю; но рано поутру открывъ глаза, я вдругъ увидѣлъ, что лежу уже на кострѣ.—

Вотъ какой разсказъ сохраненъ и не погибъ для насъ, C.
Главконъ. Онъ и насъ сохранитъ, если мы повѣримъ ему и осторожно перейдемъ чрезъ рѣку Лету, не заразивъ своей души. Повѣривъ мнѣ и убѣдившись, что душа безсмертна и можетъ переносить всякое зло и всякое добро, мы всегда будемъ идти вверхъ и всячески упражняться въ справедливой и разумной дѣятельности, чтобы быть угодными и самимъ себѣ, и богамъ, пока живемъ здѣсь и готовимъ себѣ награды за D.
эту жизнь, какъ побѣдители, съ торжествомъ идущіе туда, гдѣ, какъ мы говорили, совершая тысячелѣтнее путешествіе, будемъ наслаждаться счастіемъ.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ 3-й части соч. Платона.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.				
59	Напечатано:	retiunisset.	Читай:	retinuisset.
71	»	δὴ	»	σύ
145	»	питая, въ себѣ,	»	питая въ себѣ
149	»	сей часъ	»	сейчасъ
260	»	ἀμφύεσθαι	»	ἀμφίεσθαι
318	»	θεία μὺρα	»	θείᾳ μοίρᾳ
344	»	Поробнѣе	»	Подробнѣе
393	»	наровнѣ	»	наравнѣ